

С. Ю. Солодовников
Т. В. Сергиевич
Ю. В. Мелешко

МОДЕРНИЗАЦИЯ БЕЛОРУССКОЙ
ЭКОНОМИКИ И ЭКОНОМИКА РИСКОВ:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Минск
БНТУ
2019

УДК 338-048.35 (476)

Солодовников, С. Ю. Модернизация белорусской экономики и экономика рисков: актуальные проблемы и перспективы / С. Ю. Солодовников, Т. В. Сергиевич, Ю. В. Мелешко; под науч. ред. С. Ю. Солодовникова. – Минск: БНТУ, 2019. – 491 с. – ISBN 978-985-583-485-5.

Монография представляет собой результат научных исследований в области модернизации экономики. В работе предложен политэкономический концепт «экономика рисков», отражающий онтологическую и феноменологическую сущность современного общества. Изложены теоретико-методологические основы модернизации белорусской экономики и разработаны направления ее совершенствования в современных условиях. Отражены особенности трансформации экономики Республики Беларусь и факторы, ее детерминирующие. Выявлены возможности, которые можно использовать в целях повышения продукционного эффекта отечественной экономики.

Издание представляет интерес для научных работников, преподавателей, докторантов и аспирантов вузов и институтов экономического профиля, работников реального сектора экономики.

Табл. 1. Рис. 6. Библиогр. 506 назв.

Рекомендовано научно-техническим советом
Белорусского национального технического университета
(протокол № 9 от 27.09.2019 г.)

Рецензенты:

доктор экономических наук, профессор *В. Ф. Байнёв*;
доктор экономических наук, профессор *А. И. Лученок*;
доктор экономических наук, доцент *Г. А. Примачёнок*

ISBN 978-985-583-485-5

© Солодовников С. Ю., Сергиевич Т. В.,
Мелешко Ю. В., 2019

© Белорусский национальный
технический университет, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. ЭКОНОМИКА РИСКОВ КАК НОВАЯ СТАДИЯ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА	9
1.1 Экономическая наука как идеологическая доктрина	9
1.2 Рынок как политико-экономический феномен	26
1.3 Онтологические и феноменологические характеристики современного общества	34
1.4 Современная экономика – экономика рисков	49
ГЛАВА 2. СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ И ЭКОНОМИКА ДОВЕРИЯ ..	64
2.1 Общее представление о теории социального капитала	64
2.2 Теоретико-методологические основы исследования социального капитала в условиях экономики рисков	73
2.3 Социально-экономические факторы, определяющие существование, эволюцию и капитализацию социального потенциала	97
2.4 Формирование и функционирование социального капитала в Республике Беларусь и становление экономики доверия	105
ГЛАВА 3. ГОРИЗОНТАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ	115
3.1 Теоретико-методологические основы исследования развития сложных систем	115
3.2 Феноменологические особенности субординационного и ординационного управления в экономических системах	131
3.3 Сетевые механизмы экономического управления как новые формы общественно-функциональных технологий	139
3.4 Сущность понятия «сетевые механизмы инновационного развития»	145
3.5 Переход к сетевым механизмам инновационного развития в Республике Беларусь	152
ГЛАВА 4. ИНДУСТРИЯ 4.0 И МОДЕРНИЗАЦИЯ БЕЛОРУССКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ	163
4.1 Генезис понятия «Индустрия 4.0»	163
4.2 Содержание Индустрии 4.0 как хозяйственного уклада	168
4.3 Концепция Германии «Индустрия 4.0»	186
4.4 Беларусь и Индустрия 4.0	196
ГЛАВА 5. МОДА И ЗНАКОВОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ	210
5.1 Теоретико-методологические основы знакового потребления и изменение природы меновой стоимости	210
5.2 Мода как социально-экономический феномен	220

5.3	Мода как общественно-функциональная инновация	233
5.4	Индустрия моды в контексте устойчивого развития	238
ГЛАВА 6. СТРУКТУРНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА И МОДЕРНИЗАЦИЯ РЕАЛЬНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ.....		249
6.1	Цели и инструменты реализации современной экономической политики.....	249
6.2	Структурная политика в контексте технологической модернизации экономики	255
6.3	Особенности реализации структурной политики государства в условиях региональной экономической интеграции	270
6.4	Развитие реального сектора национальной экономики и согласование структурных политик стран-участниц ЕАЭС: на примере Беларуси и Армении	278
ГЛАВА 7. МОДЕРНИЗАЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ОТРАСЛЕЙ ЭКОНОМИКИ: НА ПРИМЕРЕ БЕЛОРУССКОЙ ЛЕГКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.....		290
7.1	Модернизация отечественной легкой промышленности как этап становления сверхиндустриального промышленного уклада	290
7.2	Трансформации бизнес-моделей в легкой промышленности в современных условиях	311
7.3	Особенности развития легкой промышленности в Республике Беларусь	340
7.4	Стимулирование развития легкой промышленности Республики Беларусь	354
ГЛАВА 8. РАЗВИТИЕ УСЛУГ ПРОМЫШЛЕННОГО ХАРАКТЕРА И МОДЕРНИЗАЦИЯ БЕЛОРУССКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ		366
8.1	Понятие и сущность услуг промышленного характера и организационно-экономического механизма их оказания	366
8.2	Значение услуг промышленного характера в повышении конкурентоспособности промышленных предприятий (в контексте четвертой промышленной революции)	383
8.3	Состояние и структура сектора услуг промышленного характера в Республике Беларусь	396
8.4	Тенденции развития услуг промышленного характера	414
8.5	Совершенствование организационно-экономического механизма оказания услуг промышленного характера в Республике Беларусь	425
ЗАКЛЮЧЕНИЕ		439
Список использованных источников		449

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня правомерно говорить о становлении в Республике Беларусь экономики сверхиндустриального типа – экономики, основанной на сильном высокотехнологичном индустриальном секторе. Стратегия опережающего развития национального промышленного комплекса, реализуемая посредством перманентной модернизации и наращивания человеческого и социального капиталов, вкупе с укреплением социальной составляющей внутренней экономической политики, неизбежно повышают производственный эффект отечественной экономики. Стабильный экономический рост, укрепление промышленного потенциала, невысокий уровень инфляции и безработицы, социальная и экологическая стабильность стали достижениями белорусского правительства и народа за последние десятилетия.

Сохранение и преумножение достигнутых результатов в условиях глобальной нестабильности – задача, которая сегодня стоит не только перед государственными управленцами и руководителями-практиками, отечественными учеными-экономистами, но и перед всем белорусским народом. В глобальных условиях постоянно меняющихся тенденций технико-технологического развития, сложного информационного пространства, нестабильности внешней среды, постоянных экономических, социальных и информационных шоков все сложнее становится обеспечивать устойчивую конкурентоспособность предприятий национального промышленного комплекса. «Информационный парадокс», при котором на хозяйственные процессы одновременно влияют переизбыток и дефицит информации, непредсказуемость траекторий развития социально-экономических систем затрудняет принятие и эффективную реализацию управленческих решений. Для ученых-экономистов это означает возникновение новых вызовов: становится все сложнее разрабатывать действенные практические рекомендации, в частности, по поводу модернизации национального промышленного комплекса. В то же время реальный сектор сегодня как никогда нуждается в таких рекомендациях – теоретически обоснованных и профессионально выверенных.

Задача научного сопровождения модернизации белорусской экономики затрудняется парадигмальным кризисом мировой экономической науки. Не обошла стороной эта проблема и отечественную белорусскую науку. После распада СССР экономическая наука во всех бывших советских республиках оказалась в глубоком упадке. Причиной этого явилось: во-первых, длительное монопольное господство марксистской аксиоматики, что привело к упрощенному делению всех имеющихся зарубежных научных школ и теорий на марксистские и антимарксистские; во-вторых, на смену марксистско-ленинским идеологическим догмам пришел

огульный отказ от теоретических разработок советских обществоведов и экономистов; в-третьих, незнание отечественными учеными-экономистами многообразия теорий и направлений современных экономических наук, и, как результат, неумение ориентироваться в современных экономических понятиях и категориях; в-четвертых, отказ от политической экономики и, как следствие этого, игнорирование экономической идеологии. Все это в совокупности представляет потенциальную угрозу для национальной безопасности Республики Беларусь, поскольку не только значительно снижает критический и прагматический потенциал экспертного сообщества и порождает огромное количество самопровозглашенных «специалистов» в области модернизации национальной экономики, многие из которых пытаются навязать чуждую нашему народу либерально-рыночную идеологию и тем самым создать условия для возникновения и эскалации социальных конфликтов, но и затрудняет принятие решений по определению стратегических направлений социально-экономического и технико-технологического развития нашей страны.

На функционирование экономической системы общества значительное влияние оказывает господствующая в конкретном социуме идеология. Идеология влияет на выбор модели хозяйствования, направлений ее трансформации, а также механизмов модернизации национальной экономики. Вместе с тем продуктивное использование экономической идеологии сегодня по существу затруднено гносеологической катастрофой экономической науки, которая оказалась неспособной содержательно ответить на два главных фундаментальных вопроса политической экономики: в какой экономической системе человечество сегодня живет и какие интересы ее детерминируют? Только после ответа на эти вопросы по существу можно объективно (политически не ангажировано) отвечать на такие частные вопросы, как, например: Выживет ли человечество в XXI веке? Можно ли в условиях постоянного роста населения реализовать концепцию устойчивого развития? Насколько близка Объединенная Европа к социальной катастрофе? Не правда ли, нам, современным экономистам, странно читать такое, ведь намного привычнее исследовать макроэкономическую динамику, хеджирование валютных рисков, венчурное финансирование и т. д. Безусловно, все это можно и надо делать и это приносит (или может принести) сегодня вполне ощутимую пользу. Но прежде всего экономистам необходимо ответить на важнейшие фундаментальные вопросы политической экономики. Предлагаемая монография содержит ответы на поставленные вопросы в теоретико-методологических разделах, посвященных исследованию онтологической и феноменологической природы современной экономики.

Для описания новой социальной парадигмы, формирующейся в условиях критического нарастания финансовых, технико-технологических,

политико-экономических, геоэкономических, экологических и других неопределенностей, в монографии предлагается политико-экономический концепт «экономика рисков». Сквозь призму онтологической природы и феноменологической специфики экономики рисков в монографии раскрыты актуальные проблемы современного этапа развития белорусского общества и даны, среди прочего, ответы на следующие вопросы: Какие производственные эффекты принесет наращивание социального капитала и становление экономики доверия в белорусском социуме? Как соотносятся субординационный и ординационный типы управления в современных социально-экономических системах и какой из них должен преобладать при переходе к инновационному развитию? Как отечественная индустрия может использовать опыт Федеративной Республики Германии в построении Индустрии 4.0 – нового интеллектуального производства, основанного на интернете вещей и услуг и цифровых бизнес-моделей? Почему сегодня правомерно заявлять об изменении природы меновой стоимости и каким образом знаковое потребление влияет на экономику? На чем должна основываться структурная политика Республики Беларусь в условиях региональной интеграции? Почему при построении сверхиндустриальной экономики критически важно проводить модернизацию традиционных отраслей? Каким образом взаимосвязаны сфера услуг и промышленный сектор в Республике Беларусь?

В монографии выявлены факторы, сдерживающие эффективную модернизацию отечественной экономики, последовательно раскрыты механизмы и направления ее трансформации. Инновационное развитие экономики и становление сверхиндустриального уклада рассматриваются авторами монографии как приоритеты в экономической политике нашей страны и детерминируют ее реализацию. В целях повышения эффективности модернизации белорусской экономики в современных условиях – условиях экономики рисков – авторами разработаны практические рекомендации, которые могут представлять интерес как для управленцев, так и для ученых, осмысляющих ход современных экономических процессов.

Представленная вниманию читателя монография подготовлена коллективом авторов (д.э.н. С. Ю. Солодовников, к.э.н. Т. В. Сергиевич, к.э.н. Ю. В. Мелешко), принадлежащих к научной школе в области исследования модернизации экономики¹, функционирующей сегодня на базе кафедры «Экономика и право» Белорусского национального технического университета (г. Минск, Республика Беларусь) под руководством доктора

¹ Васюченко, Л. П. Методологические проблемы модернизации в Республике Беларусь (к 50-летию научной школы в области исследования модернизации экономики) / Л. П. Васюченко // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2018. – Вып. 8. – С. 5–15.

экономических наук, профессора С. Ю. Солодовникова. Авторский вклад представлен следующим образом: введение, глава 1 «Экономика рисков как новая стадия развития общества», глава 2 «Социальный капитал и экономика доверия», глава 3 «Горизонтальная интеграция и инновационное развитие», глава 6 «Структурная политика государства и модернизация реального сектора экономики», заключение – С. Ю. Солодовников; введение, глава 5 «Мода и знаковое потребление», глава 7 «Модернизация традиционных отраслей экономики: на примере белорусской легкой промышленности», заключение – Т. В. Сергиевич; введение, глава 4 «Индустрия 4.0 и модернизация белорусской промышленности», глава 8 «Развитие услуг промышленного характера и модернизация белорусской промышленности», заключение – Ю. В. Мелешко.

Монография представляет интерес для специалистов, исследующих проблемы модернизации экономики, представителей реального сектора экономики, а также ученых различного профиля.

ГЛАВА 1. ЭКОНОМИКА РИСКОВ КАК НОВАЯ СТАДИЯ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

1.1 Экономическая наука как идеологическая доктрина

Экономическая наука традиционно на протяжении многих десятилетий, даже столетий, была и продолжает оставаться идеологической доктриной. Выбор модели хозяйствования, направлений и способов ее трансформации всегда предопределяются сложившимся в обществе балансом политико-экономических интересов, расстановкой сил социальных классов и социально-классовых группировок, а также организованностью и сплоченностью последних.

Общественное сознание, его базовые ценности всегда идеологически оформляются и защищаются государством. Без государственной идеологии, патриотизма не может быть социальной стабильности и эффективной экономики. Идеология (как разновидность общественно-функциональных технологий), как известно, – это совокупность системных упорядоченных взглядов, выражающая интересы различных социальных классов, на основе которой осознаются и оцениваются отношения людей и их общностей к социальной действительности в целом и друг к другу и либо признаются установленные формы господства и власти (консервативные идеологии), либо обосновывается необходимость их преобразования и преодоления (радикальные и революционные идеологии). Если государственная идеология не разделяется большинством населения, то такое государство и политическое устройство теряют свою гражданскую легитимность и быстро уходят с исторической арены. Достаточно, например, вспомнить бескровное изгнание британских колонизаторов из Индии (политика ненасилия «Махатма» Ганди – сатьяграха) и распад Советского Союза. Если в первом случае сформировавшийся в начале XX века патриотизм индусов привел к созданию независимой Индии, то во втором случае на фоне резкого снижения патриотизма советского народа и формирования устойчивого дефицита предложения в горбачевскую эпоху произошла величайшая геополитическая катастрофа – распад СССР, – приведшая к потере миллионов человеческих жизней и десяткам миллионов искалеченных судеб.

Распад СССР, не соответствовавший экономическим интересам большинства населения Советского Союза (поскольку это неизбежно вызвало разрушение устоявшейся системы внутрисоюзного разделения и кооперации), тем не менее был воспринят достаточно большим количеством советских граждан как позитивное событие. Главная субъектная причина этого – резкое снижение социального капитала на уровне общества, разрушении господствующей государственной идеологии и снижение патриотизма населения. Во многом повторилась ситуация 1917–1922 гг., ко-

нечно же, не в столь кровавых формах, как после Октябрьской революции, но сопровождаемая все той же сменой собственников. Произошло резкое усиление классовой, национальной борьбы и быстрый (часто криминальный) передел собственности, когда эгоистическое стремление увеличить свое, частное материальное богатство со стороны правящей элиты значительно снизило продукционную отдачу экономической системы общества.

В начале 90-х гг. прошлого века в постсоветских странах, включая Беларусь, начался экономический кризис, который сопровождался значительным абсолютным снижением ВВП на душу населения, отставанием по этому показателю даже от таких стран третьего мира как Венесуэла, Аргентина и т. д., а также увеличением технологического разрыва с индустриально развитыми государствами. Резко ухудшились социальные и материальные условия жизни людей, у большинства из которых пропала вера в завтрашний день. Естественно, что это не могло не привести к сокращению продолжительности жизни и снижению ее качества.

В Республике Беларусь этот период характеризуется практически полным самоустранением государства от управления экономикой и отсутствием государственной идеологии. Усиливающаяся в стране классовая борьба, сопровождаемая массовыми выступлениями рабочего класса, на фоне перманентной деградации экономической системы и «грубыми» (неумельными) попытками принесения в страну рыночных институтов в формах, не соответствующих основным направлениям развития современной цивилизации, белорусской культуре и базовым институтам, привела к разочарованию большинства населения в рыночных реформах.

Сформировавшееся к 1994 году неприятие либерально-рыночного пути социально-экономического и политического развития, по которому пошла страна в начале 90-х гг., обеспечило избрание Первого Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко, что предопределило изменение социального и экономического курса страны. Новая экономическая стратегия в Республике Беларусь, начатая с приходом к власти А. Г. Лукашенко, заключалась в создании социального государства, обеспечивающего всем своим гражданам базовые социальные и экономические гарантии. Этот путь развития соответствовал сложившейся социально-экономической ситуации, чаяниям белорусского народа, белорусской культуре и базовым институтам, обеспечил устойчивый рост белорусской экономики, улучшение ее структуры, повышение уровня жизни большинства населения.

Сегодня у белорусов развивается чувство патриотизма, формируется государственная идеология, национальная модель хозяйствования доказывает свою эффективность и устойчивость. «Сильная социальная политика выступает важнейшей составляющей белорусской модели развития, предусматривающей заботу о здоровье граждан, непрерывные инвестиции в их

профессиональное и духовное развитие, соблюдение принципа социальной справедливости для всех групп населения, каждого гражданина страны»².

В этих условиях внешние дестабилизирующие силы начинают все более активно применять против Республики Беларусь информационное оружие. «Оно обеспечивает идентификацию и поражение противника с помощью информационных концентраторов различных конструкций (традиционные СМИ, сетевые гипертекстовые концентраторы и т. п.); позволяет оказать влияние на социальный субъект, приводящее к блокированию его социальных действий (социальной активности); дает возможность эффективно перераспределять (переделить) материальные ресурсы (изменить отношения собственности) без нанесения повреждений самой собственности»³. Сегодня информационное оружие направлено главным образом на снижение политико-экономической «конкурентоспособности» нашей страны за счет неудачных (но повторяющихся) попыток разрушения единства нации, государственной идеологии, чувства патриотизма путем навязывания чуждой нам либерально-рыночной идеологии.

В Беларуси по-прежнему сохраняется в некотором роде парадоксальная ситуация, когда большинство населения выступает за социальное и экономически сильное государство, за преемственность проводимой социально-экономической политики, а социально-научное сообщество так до сих пор и не сумело внутри себя выработать единые методологические подходы к пониманию белорусской философии хозяйствования. Следует подчеркнуть, что «единые методологические подходы не означают унификации мышления. Единообразие во взглядах пагубно сказывается на развитии любой науки. Вместе с тем без соблюдения общепринятых общенаучных принципов наука перестает быть наукой, а превращается в набор умозрительных суждений»⁴.

Некоторые ученые-экономисты, а вслед за ними ряд представителей СМИ и некоторые политики предлагают на веру принимать утверждения о необходимости автоматически принимать постулаты западных «экономиксов» и надеяться, что свободная конкуренция автоматически решит наши непростые проблемы. Как результат, «в экономической теории

² Морова, А. П. Переход к новой модели социальной политики в Республике Беларусь: итоги и перспективы / А. П. Морова // Проблемы управления (Минск). – 2010. – № 4 (37). – С. 35–42. – С. 41.

³ Солодовников, С. Ю. Феноменологическая природа взаимообусловленности экономической конкурентоспособности и социального капитала Беларуси и Украины / С. Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2015. – Вып. 3. – С. 23–34. – С. 24.

⁴ Солодовников, С. Ю. Культ карго или Новый объект экономической науки / С. Ю. Солодовников // Белорусская думка. – 2016. – № 1. – С. 56–62. – С. 56.

начали появляться работы, исследующие не реальные, а виртуальные социально-экономические отношения»⁵. Стали популярными модели экономического роста, ориентированные на рост потребления и вещного накопления без учета необходимости поддержания экологического равновесия, социальной справедливости и устойчивости инновационного развития в целом.

Разделение всех существующих сегодня экономических научных школ и направлений необходимо проводить не по критерию «план или рынок», а по тому, какие они исследуют объекты – реальные социально-экономические процессы или виртуальные (идеальные) модели. Последние, зачастую используемые как идеологическое оружие, продвигаются и усиливаются за счет применения манипулятором сетевых механизмов экономического управления поведением больших групп индивидов как новых форм общественно-функциональных технологий. В этой связи следует обратиться к проблеме гносеологических трудностей научной интерпретации экономических текстов.

Экономический текст всегда представляет собой кодированный информационный продукт. Ум. Эко писал: «Текст – это ленивый механизм, который требует, чтобы читатель выполнил часть работы за него. Иными словами, текст есть приспособление, созданное, чтобы спровоцировать как можно большее количество толкований»⁶. Восприятие, а, соответственно, и интерпретация любого текста напрямую зависят от характеристик самого текста и от подготовленности (компетенции) читателя. Это свойство распространяется на любые тексты. Если же речь идет о тексте экономическом – научном, публицистическом или аналитическом, – то в нем обязательно будет несколько уровней кодирования. Казалось бы, это достаточно очевидно: если интеллектуальный и культурный уровень читателя значительно ниже, чем уровень текста, то он его поймет по-своему. Упоминаемый выше Ум. Эко отмечал по этому поводу, что «двойное кодирование – не аристократическая придура, а способ проявить движение к доброй воле и умственным способностям читателя»⁷. В отличие от большинства других, в том числе и научных, текстов в научных и научно-популярных экономических текстах достаточно часто присутствует тройное кодирование. Последнее обстоятельство многократно усложняет определение границ допустимых интерпретаций этих текстов. Остановимся на этом подробнее.

⁵ Солодовников, С. Ю. Экономический романтизм, или есть ли в Беларуси экономические убийцы / С. Ю. Солодовников // Беларуская думка. – 2012. – № 9. – С. 52–63. – С. 53–54.

⁶ Эко, Ум. Откровения молодого романиста / Ум. Эко. – М. : АСТ ; Corpus. – 2013. – 320 с. – С. 51.

⁷ Там же. – С. 57.

Двойное кодирование присутствует в любом хорошем тексте, в том числе и в художественной литературе. Например, в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» есть две системы кодов. Поверхностный (событийный) уровень описывает последовательность тех или иных действий литературных персонажей, а также те события, при которых они присутствуют. Читая этот роман, подавляющее большинство школьников обращает внимание только на эти события, причем не на все. Несмотря на все старания учителей по русской литературе, безусловно, людей творческих, очень эрудированных и добросовестных, большинство школьников по-своему в принципе не могут (да и не хотят) понять второй уровень кодирования этого романа – философию жизни Л. Н. Толстого. Им, девушкам и юношам, не достает не только энциклопедических исторических знаний (эпоха конца XVIII – начала XIX века в школе кажется очень простой и однозначной), но прежде всего жизненного опыта, опыта борьбы и горьких, невозможных потерь.

В качестве примера двойного кодирования можно также рассмотреть механику Ис. Ньютона, которая на первом уровне кодирования, раскрывая известные нам всем со школы законы физики, значительно облегчила создание многих машин, механизмов и зданий. На втором уровне кодирования просматривается лапласовский детерминизм, уподобляющий социальные процессы процессам механическим и тем самым упрощающий до невероятия, выхолащивая сущность общественных отношений.

Тройное кодирование экономических текстов возникает по множеству причин, перечислять которые в рамках этого текста нет необходимости. Отметим только, что в качестве примера одной такой причины можно привести существование большого количества частных экономических наук, которые отличаются абстрагированием от огромного количества факторов, что является результатом чрезмерного увлечения экономико-математическими моделями. Для того чтобы переложить живой хозяйственный процесс на язык математики, приходится игнорировать неполную рациональность экономического поведения индивидов, неравномерное распределение информации между участниками рынка, изменчивость их субъективных оценок, что серьезно влияет на неустойчивость рыночных цен. П. Б. Струве писал по этому поводу: «Поскольку математическое направление политической экономии ударило в математическую обработку психологических основ экономических явлений, оно применило к многообразному и разнородному миру душевных переживаний совершенно противоречащий его природе прием обезличения»⁸.

⁸ Струве, П. Б. Первичность и своеобразие обмена и проблема «равновесия». Ответ А. Д. Билимовичу / П. Б. Струве // Экономический Вестник. – 1924. – Кн. 3 (1). – С. 33–50. – С. 45.

Выделение частных экономических наук теоретически и практически оправдано, поскольку этот процесс отражает усиление разделения и кооперации научного труда в экономической науке. Но это разделение остается правомерным и приносит очевидную выгоду лишь до тех пор, пока выводы частных экономических наук не пытаются расширить за пределы их предмета и объекта. Вопрос заключается не в том, являются ли эти выводы логически возможными, а в том, до какой степени они соответствуют сущности экономических явлений.

Рассмотрим тройное кодирование экономических текстов на примере книги Дж. Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег» и порожденной ею науки – макроэкономики. Сегодня существует фантастическое обилие «мифологизированных экономических явлений, каждое из которых заслуживает если не отдельной книги, то статьи уж точно»⁹. Например: рынок и демократия (наиболее близкое по смыслу сочетание – слон и трепетная лань), международный трансферт новейших технологий (ну а это сродни веры в деда мороза) и т. д. Список этих экономических мифов невозможно закончить, поскольку в современной эпохе – эпохе «вселенского обмана» (Ж. Бодрийяр¹⁰ и Ч. С. Кирвель¹¹) – эти мифы будут плодиться до бесконечности. Итак, мифологизированных экономических явлений и текстов множество. Но нами рассматривается работа Дж. Кейнса. Почему? Да потому, что, во-первых, эта книга являет собой начало нового периода в экономической науке, во-вторых, практически любой экономист о ней слышал, в-третьих, на Дж. Кейнса часто ссылаются для подтверждения своих умозаключений и, в-четвертых, очень немногие читали книгу целиком, и еще меньшее количество прочитавших данную работу соотносили ее с историческим контекстом, ей предшествующим, и идеологией ее автора. А последнее архиважно для ее понимания.

Сегодня любой студент вне зависимости от того, какую специальность он получает, сталкивается в процессе обучения с макроэкономикой. Если у него экономическая специальность, то минимум дважды – сначала при изучении экономической теории, а затем, осваивая собственно курс макроэкономики. Студенты неэкономических специальностей изучают основы макроэкономики в рамках курса экономической теории. Существующая система получения высшего образования порождает дидактиче-

⁹ Солодовников, С. Ю. Код Джона Кейнса. О допустимых интерпретациях экономических текстов / С. Ю. Солодовников // Беларуская думка. – 2018. – № 4. – С. 79–85. – С. 80.

¹⁰ Бодрийяр, Ж. Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр ; Пер. с фр. Л. Любарской, Е. Марковской. – 5-е изд. – М.: «Добросвет», «Издательство "КДУ"», 2014. – 260 с.

¹¹ Современные глобальные трансформации и проблема исторического самоопределения восточнославянских народов / Ч. С. Кирвель [и др.]; под науч. ред. Ч. С. Кирвеля. – 2-е изд., перераб. и доп. – Гродно: ГрГУ, 2009. – 547 с.

скую необходимость упрощения макроэкономики в вузе. В результате чтение такого упрощенного курса, особенно если читающий его преподаватель является жрецом «культы саморегулирующегося рынка», где государство являет себя в облике «ночного сторожа», приводит к фактическому противоречию тех представлений, которые получает студент о макроэкономике, и экономической позиции самого Дж. Кейнса. Прежде чем развивать эту мысль, приведем слова Ум. Эко, полностью соответствующие этому случаю: «Блаженный Августин в труде *De Doctrina Cristiana* ("О христианской доктрине") пишет: любое толкование части текста является верным, если подтверждается остальной частью того же текста, и ложным, если вступает с нею в противоречие. В этом смысле внутренняя согласованность текста самостоятельно контролирует без того неуправляемую интерпретационную энергию читателя»¹². А значит, правильность или ложность любой трактовки взглядов Дж. Кейнса надо проверять на соответствие всему его вышеназванному тексту.

В уже упомянутой выше работе Дж. Кейнс пишет: «Рикардо (*теория саморегулирующейся рыночной экономики – примечание авторов*) покорила Англию столь же полно, как святая инквизиция покорила Испанию. Не только его теория была принята Сити, государственными деятелями и Академическим миром, но даже самый спор прекратился. Альтернативная точка зрения совершенно исчезла, и ее просто перестали обсуждать»¹³. Итак, альтернативные саморегулирующемуся рынку точки зрения вообще не рассматривались. Уже интересно. А как же свобода мысли, свобода слова в Великобритании первой трети XX века? Да никак. Кого из сильных мира сего Туманного Альбиона это может волновать, когда речь идет об их экономических интересах? Наблюдательный читатель по-видимому уже и сам догадался, каков будет ответ... Никого! Или почти никого!

Последуем дальше за Дж. Кейнсом, который пишет: «Полнота победы рикарданской теории – явление весьма любопытное и даже загадочное. Связано это с тем, что теория Рикардо (*теория саморегулирующейся рыночной экономики – примечание авторов*) во многих отношениях весьма подошла той среде, к которой она была обращена»¹⁴. От себя добавим, что, действительно, концепция саморегулирующегося рынка очень близка

¹² Эко, Ум. Откровения молодого романиста / Ум. Эко. – М.: АСТ; Corpus. – 2013. – 320 с. – С. 62–63.

¹³ Кейнс, Дж. Общая теория занятости, процента и денег [Электронный ресурс] / Дж. Кейнс // Учебники, монографии по социологии. – Режим доступа: <http://socioline.ru/files/5/316/keyns.pdf>. – Дата доступа: 23.08.2018.

¹⁴ Кейнс, Дж. Общая теория занятости, процента и денег [Электронный ресурс] / Дж. Кейнс // Учебники, монографии по социологии. – Режим доступа: <http://socioline.ru/files/5/316/keyns.pdf>. – Дата доступа: 23.08.2018.

к обычаям и традициям древних фризов, англов и саксов. Именно потомки этих племен, проживающие на территории Голландии и Англии, первыми создали рыночную экономику, идеальным воплощением которой и стала модель саморегулирующегося рынка. Это не нами первыми замечено и написано. Да и в данном случае неважно, кто первый. Важно, что каким-то непостижимым образом идеология нескольких народов, модель хозяйствования, основанная на их национальных особенностях, стала навязываться всему человечеству как единственно верная. Можно представить, как бы удивились сами фризы (пираты, работоторговцы и земледельцы в одном лице), если бы узнали, что они породили «общечеловеческую ценность» в виде рынка, где все подчинено росту прибыли...

Далее Дж. Кейнс едко замечает: «Она (*теория саморегулирующегося рынка – примечание авторов*) приводила к заключениям, совершенно неожиданным для неподготовленного человека, что, как я полагаю, только увеличивало ее интеллектуальный престиж»¹⁵. Дж. Кейнс тут абсолютно прав – ничто так не привлекает людей невежественных и недостаточно образованных, но которые при этом хотят казаться интеллектуально развитыми и сведущими, как очень простые и даже примитивные ответы на очень сложные вопросы. Нами уже писалось про это в статье «Культ карго, или Новый объект экономической науки»¹⁶. При желании ее можно прочесть.

«Рикардианское учение (*теория саморегулирующейся рыночной экономики – примечание авторов*), переложенное на язык практики, – пишет Дж. Кейнс, – вело к суровым и часто неприятным выводам, что придавало ему оттенок добродетели. Способность служить фундаментом для обширной и логически последовательной надстройки придавала ему красоту. Властям импонировало, что это учение объясняло многие проявления социальной несправедливости и очевидной жестокости как неизбежные издержки прогресса, а попытки изменить такое положение выставляло как действия, которые могут в целом принести больше зла, чем пользы. То, что оно оправдывало в определенной мере свободную деятельность индивидуальными капиталистов, обеспечивало ему поддержку господствующей социальной силы, стоящей за власть предрешающими»¹⁷. Подчеркнем, что проявления социальной несправедливости и очевидной жестокости в процессе становления рыночных отношений (первоначального накопления

¹⁵ Там же.

¹⁶ Солодовников, С. Ю. Культ карго, или Новый объект экономической науки / С. Ю. Солодовников // Белорусская думка. – 2016. – № 1. – С. 56–62.

¹⁷ Кейнс, Дж. Общая теория занятости, процента и денег [Электронный ресурс] / Дж. Кейнс // Учебники, монографии по социологии. – Режим доступа: <http://socioline.ru/files/5/316/keyns.pdf>. – Дата доступа: 23.08.2018.

капитала) в Объединенном королевстве наблюдались за несколько столетий до рождения Д. Рикардо, и его учение лишь легализовало «прогрессивность» этого.

Полагаем, что большинство читателей не представляют себе, о чем идет речь, когда говорится о жестокости того периода – издержки сегодняшнего преподавания европейской истории в школе. Поясним это. Голландия была первой в мире, где почти пять веков назад началась промышленная революция. Быстрому росту производства способствовали новые уникальные технологии и практически безграничные рынки сбыта. Нидерланды тогда находились во владении Испанских Габсбургов, которые, оставаясь Испанскими королями, были еще Императорами Священной Римской империи, а также владели другими очень большими территориями в Европе и Америке. В последней Испания награбила столько золота, что в течение XVI века количество этого металла в Европе удвоилось. Наличие платежеспособного спроса и производственных мощностей требовало сырья для текстильной промышленности – шерсти. Ответ, где ее взять, нашелся быстро – в Англии. Однако для этого необходимо было провести огораживание, т. е. согнать фермеров-арендаторов с земель, превратив их поля в пастбища для овец. В результате, как писали в то время английские газеты, «овцы съели людей». Иначе говоря, бывшие фермеры и их семьи превратились в бродяг, поскольку их рабочие руки никому не были нужны. Но если люди не могут найти работу, но хотят есть (т. е. почему-то не хотят законопослушно умереть от голода), то они воруют. А как же «священное право частной собственности»? И власть имущие находят юридическое решение этой проблемы – за любую кражу вешать. И вешали, да еще как вешали. И за украденную буханку хлеба тоже вешали, невзирая на возраст. Тут, правда, возникла техническая проблема – под тяжестью маленьких детей петли не хотели затягиваться. Но английская юридическая машина нашла решение этой проблемы. Был оговорен груз, который привязывался к ногам маленьких англичан, чтобы они могли быть повешенными. По приговорам суда при Елизавете I (это при ней адмирал Дрейк разбил Великую Армаду) в Англии были повешены десятки тысяч людей.

В это же время моряков адмирала Дрейка, спасших Англию от вторжения огромной испанской армии, после победы над Великой Армадой несколько месяцев не отпускали с кораблей на берег. Плохо знающий английскую историю читатель спросит: зачем? Да для того, чтобы половина из них умерли от болезней, порожденных антисанитарией, плохой водой и пищей. Ведь умершим не надо платить жалованье, что позволило значительно сэкономить государственный бюджет. Вот еще один пример рывочной целесообразности и английской рачительности того времени.

Во имя прибыли имущие классы Великобритании делали вещи и пострашнее, и покровавее. Пожалеем читателей, обладающих слишком хорошим воображением, и не будем здесь приводить эти действительно жуткие примеры.

Дж. Кейнс прямо указывает, что «однако, хотя сама доктрина (*теория саморегулирующегося рынка – примечание авторов*) в глазах ортодоксальных экономистов не подвергалась до последнего времени (*до 30-х гг. XX века – примечание авторов*) ни малейшему сомнению, ее явная непригодность для целей научных прогнозов значительно подорвала с течением времени престиж ее адептов. Профессиональные экономисты после Мальтуса оставались явно равнодушными к несоответствию между их теоретическими выводами и наблюдаемыми фактами. Это противоречие не могло ускользнуть от рядового человека; не случайно он стал относиться к экономистам с меньшим уважением, чем к представителям тех научных дисциплин, у которых теоретические выводы согласуются с данными опыта»¹⁸. Написано в первой половине XX века, а читается, как будто сказано вчера о наших доморощенных «независимых» экономических экспертах.

Итак, как нами уже отмечалось, первый уровень кодирования учения Дж. Кейнса – это уровень ученического, дидактически упрощенного и поэтому поверхностного понимания принципов взаимодействия экономических агентов в национальной экономической системе (на макроуровне). Добросовестный студент вынесет из курса макроэкономики, что существует ряд экономических проблем, решение которых возможно только на уровне всей страны, общества в целом. При этом в качестве основных макроэкономических проблем выступают проблемы экономического роста, полной занятости, экономической эффективности, стабильности цен, экономической свободы, справедливости распределения доходов, торгового баланса, охраны окружающей среды и т. д. При этом ученический уровень дает навыки оперирования базовыми макроэкономическими моделями без понимания их абстрактного характера. Поясним это на примере. В кейнсианской макроэкономической модели предполагается, что все субъекты располагают одинаковой информацией, отсутствуют транспортные издержки (все продавцы и покупатели «сидят в одной комнате»), все макроэкономические субъекты (домашние хозяйства, предприятия, государства и заграница) поступают только экономически рационально, отсутствует реклама, нет ограничений и препятствий в доступе на рынки и т. д. и т. п. (здесь следует оговориться, что такой макроэкономический субъект как «заграница» хотя и противоречит политэкономическим пред-

¹⁸ Кейнс, Дж. Общая теория занятости, процента и денег [Электронный ресурс] / Дж. Кейнс // Учебники, монографии по социологии. – Режим доступа: <http://socioline.ru/files/5/316/keyns.pdf>. – Дата доступа: 23.08.2016.

ставлениям об экономическом субъекте, но очень логично вписывается в теорию Дж. Кейнса). Очевидно, что такие ограничения не соответствуют реальной хозяйственной жизни в любой стране мира. Если это именно так, а это так, то возникает вопрос: для чего тогда вообще нужна макроэкономика?

Когда нами читается студентам курс макроэкономики, то обязательно подчеркивается, что не так уж сложно объяснить, почему сегодня теория Дж. Кейнса не работает, но необходимо понять, для чего ее надо учить и что из этой теории может пригодиться в практической работе экономиста. На этот вопрос отвечаем следующим образом: макроэкономическая теория дает представления об определенных зависимостях между различными макроэкономическими показателями, что облегчает принятие тех или иных решений, поскольку делает возможным сразу же отбросить очевидно неправильные, заведомо невозможные варианты. А вот для выбора самого лучшего варианта этого уже недостаточно.

Второй уровень кодирования учения Дж. Кейнса проистекает из определения макроэкономики как науки, изучающей совместную, взаимозависимую и взаимосвязанную деятельность всех хозяйственных субъектов в рамках целостного экономического организма – национальной экономики. Иначе он сам с прозорливостью гения признавал ограниченность применения его теоретических взглядов на практике. Это уже совсем другой подход, позволяющий говорить о втором уровне кодирования текста. Дж. Кейнс, не остановившись на замене социальной парадигмы саморегулирующегося рынка теорией активного государственного регулирования экономики через формирование платежеспособного спроса, попытался пойти дальше – показать, насколько тесно в экономике все связано и взаимобусловлено. В пользу такого прочтения Дж. Кейнса говорят не только приведенные выше цитаты из его книги, но и, главным образом, теоретическое обоснование тех мер, которые, идя не от теории, а от практики, применил президент Фр. Рузвельт для выхода США из кризиса 1929–1933 гг.

Этот экономический кризис был самым страшным в истории США. Огромное количество людей потеряло работу. Вчерашние представители средних классов оказались на грани голодной смерти. Многие умерли от голода. Через некоторое время в крупных городах с трудом удалось организовать для голодающих выдачу бесплатной похлебки один раз в день. В то же время в огромных количествах за ненадобностью уничтожалось зерно и мясо. На первый взгляд, здесь нарушена логика. Однако те, кто знаком с законами рыночной экономики и с теоретическими постулатами макроэкономики, понимают, что в макроэкономике потребности количественно совпадают с совокупным спросом. Совокупный спрос – это то ко-

личество товаров, которое население в данный момент хочет и может купить. Соответственно, если кто-то не может купить себе еду – значит и спроса (потребности) на еду нет. К 1932 г. в США насчитывалось 12,5 млн. полностью безработных, в то время как население этой страны тогда составляло 125 млн. чел. В начале 1933 г. число безработных выросло до 17 млн. чел.¹⁹ «В период наибольшего обострения экономического кризиса, – отмечает Б. Борисов, – каждый третий работающий был лишен занятости. Настоящим бедствием стала частичная безработица. По данным АФТ (Американская Федерация Труда, American Federation of Labor), в 1932 г. полностью занятыми остались всего 10% рабочих»²⁰. При этом страхования по старости и безработице в США в то время не было. В этот период в США начинается голод, унесший, по разным оценкам, около 5 миллионов человеческих жизней²¹. В это время на фоне гибели экономически «излишнего» населения продолжается государственная политика по уничтожению запасов продовольствия: «зерно и просто сжигали, и топили в океане. Так, например, было уничтожено 6,5 млн. голов свиней и запахано 10 млн. га земель с урожаем»²². Это позволило увеличить в США цены на продовольствие более чем в два раза. По времени это совпадает со сгоном с земли за долги банками 5 млн. американских фермеров. При этом фермеры не были обеспечены ни работой, ни социальной помощью, ни пенсиями. Примерно каждый шестой из них умер от голода²³. Данный пример отражает историческую иллюстрацию действия «невидимой руки рынка». Следовательно, без идеологической поддержки, априори заявляющей о том, что только рыночная экономика является наилучшей формой организации хозяйственной жизни, невозможно по существу оправдать такой «рыночный каннибализм» своего же собственного народа, живущего в «демократическом» американском обществе.

Таким образом, при выборе модели хозяйствования приоритетной является господствующая идеологическая доктрина. Выбор между гуманистической идеологией, в основе которой лежит такой критерий общественного прогресса как снижение социального каннибализма, и идеологией рыночного либерализма, в основе которой лежит социальный каннибализм, – именно это формирует принципы хозяйственной жизни любого государства. Конечно же, нельзя этот принцип абсолютизировать

¹⁹ Борисов, Б. Голодомор по-американски / Б. Борисов [Электронный ресурс] // Око планеты. Новости, аналитика, информация. – Режим доступа: <http://oko-planet.su/first/4702-borisov-golodomor-po-amerikanski.html>. – Дата доступа 14.09.2018.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же.

и доводить до логического абсурда. В любой экономической деятельности всегда сосуществуют две стороны: материально-вещественная и собственно-общественная (социальная). Материально-вещественная сторона представляет собой специализированные средства производства, которыми человек осуществляет свое активное воздействие на природу. Социальная сторона представляет собой персонификацию его материально-вещественной стороны (т. е. социально-субъектное отражение процесса соединения со специализированными средствами производства индивида, обладающего соответствующими способностями и интересами, для их производственного потребления). Взаимосвязь и неразрывность этих сторон очевидна, поскольку хозяйственная деятельность всегда имеет какое-то материально-вещественное выражение, и оно, как и любое социальное явление, всегда персонифицировано. Даже на основе идентичной технико-технологической базы производства возможно существование различных моделей хозяйствования. Таким образом, проявляется относительная самостоятельность организации и управления производством по отношению к его технологической основе, так как последняя определяет механизм хозяйствования опосредованно.

Отметим также, что непропорционально в любом обществе с относительно высоким уровнем развития хозяйства представлять эту связь как предельно простую и безвариационную. По нашему мнению, следует согласиться с исследователями, которые, в отличие от К. Маркса и его последователей, не признают «жесткую детерминированную связь между развитием производительных сил и социально-экономическими процессами»²⁴.

Но вернемся к американскому кризису 1929–1933 гг. Итак, при полном развале народного хозяйства США президент Фр. Рузвельт, видимо, не рассчитывал получить от экономической науки практические рекомендации по выходу из этого кризиса. И действительно, далеко не все из того, что позднее стало прописными макроэкономическими истинами, можно было использовать на практике даже при всем желании. Очевидно, что снижение ставок по процентам или налоговые льготы в сложившейся ситуации не принесут ожидаемого эффекта. В условиях очень высокого уровня безработицы и крайне низкого платежеспособного спроса населения отсутствуют стимулы инвестировать в экономику. В этом случае нет принципиальной разницы, сколько стоит ненужный инвестиционный кредит. Отсутствие инвестиций в экономику не позволяет увеличить занятость и обеспечить доходами население. Этот замкнутый круг был разорван Фр. Рузвельтом, принявшим решение производить за счет государ-

²⁴ Чуньков, Ю. И. Взаимодействие объективного и субъективного в социалистической экономике : (Политэкономический аспект исследования) / Ю. И. Чуньков. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1984. – 193 с. – С. 11.

ства то, что не нужно продавать – например, вооружение. Производство оружия в огромных количествах потребовало все новых и новых рабочих рук, оборудования и сырья. Для изготовления станков были нужны заводы. Добыча сырья стимулировала производство нового оборудования. Все это в конечном итоге привело к появлению большого количества рабочих мест, росту занятости и, следовательно, увеличению доходов населения. Люди начали работать, получать зарплату, на которую покупали одежду и еду для себя и членов своей семьи, стимулируя тем самым развитие других отраслей экономики. Экономика начала работать! Почти по теории Дж. Кейнса.

Почему почти? Да потому что в стране по-прежнему оставались миллионы безработных, бродяг и бандитов, с которыми необходимо было что-то делать. Решение было найдено в виде «общественных работ» Фр. Рузвельта «под эгидой Администрации общественных работ (PWA) и администрации гражданских работ Civil Works Administration – CWA (это строительство каналов, дорог, мостов зачастую в необжитых и болотистых малярийных районах), с единовременным числом занятых до 3,3 миллиона»²⁵. Всего через них прошло 8,5 млн. человек²⁶ без учета собственно заключенных. Ряд исследователей с высокой степенью достоверности отмечает схожесть режима на этих работах с режимом ГУЛАГа. Проверить это сегодня нельзя, так как данные об этом до сих пор относятся к государственной тайне США. Но то, что утекает в открытый доступ, способно вызвать ужас. Так, например, возглавляющий Администрацию общественных работ, министр внутренних дел Г. Икес, «с 1932 года заключил в лагеря для безработной молодежи около двух миллионов человек (!), причем из 30\$ номинальной заработной платы обязательные вычеты составляли 25\$. Пять долларов за месяц каторжного труда в малярийном болоте. Достойная плата свободным гражданам свободной страны»²⁷.

Выход из кризиса был найден, но найден не в рамках методологии книги «Общая теория занятости, процента и денег»²⁸, не на основе ее отдельных идей и моделей (некоторые исследователи считают, что Фр. Рузвельт самостоятельно пришел к выводам, созвучным теоретическим взглядам Дж. Кейнса), но исходя из жизни, исходя из совпадения взглядов

²⁵ Борисов, Б. Голодомор по-американски / Б. Борисов [Электронный ресурс] // Око планеты. Новости, аналитика, информация. – Режим доступа: <http://oko-planet.su/first/4702-boris-borisov-golodomor-po-amerikanski.html>. – Дата доступа 14.09.2018.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Кейнс, Дж. Общая теория занятости, процента и денег [Электронный ресурс] / Дж. Кейнс // Учебники, монографии по социологии. – Режим доступа: <http://socioline.ru/files/5/316/keyns.pdf>. – Дата доступа: 23.08.2018.

Фр. Рузвельта и Дж. Кейнса на национальную экономику как на живой организм.

Нам бы не хотелось, чтобы читатель, не очень хорошо знающий историю США, сделал вывод, что после всех этих усилий американская экономика стала быстро развиваться. Экономика США находилась в застое до начала Второй мировой войны. И только после ее начала американский военно-промышленный комплекс дал толчок бурному росту экономики страны.

Прежде чем перейти к третьему уровню кодирования учения Дж. Кейнса, приведем соответствующую этому случаю цитату Ум. Эко: «Когда текст создается не для одного конкретного адресата, а обращен к сообществу читателей, автор наперед знает, что его слова будут истолкованы не согласно его замыслу, но в соответствии со сложной стратегией взаимоотношений в которую вовлечены эти самые читатели, обладающие социальным достоянием в виде языковой компетенции, т.е. знания родного языка. Под "социальным достоянием" я (Ум. Эко – *примечание авторов*) подразумеваю не только некий состоящий из набора грамматических правил язык, но всю энциклопедию, то есть сумму тех знаний, что накоплены в процессе использования этого языка: порожденные им культурные традиции и набор всех существующих и существовавших ранее интерпретаций множества написанных на этом языке текстов, включая текст, читаемый в данный момент»²⁹. Из этой цитаты, по нашему мнению, следует неоднозначность, вариативность взаимоотношений внутри триады: автор – текст – читатель.

Считаем, что в духе Ум. Эко можно рассматривать текст Дж. Кейнса не как застывший (мертвый) объекта, а как живое, постоянно трансформирующееся и до конца не познаваемое явление. Причем эта живость может порождаться и сохраняться только сегодняшним читателем, поскольку Дж. Кейнса уже давно нет, а без него его текст переписывать недопустимо. Приведем в подтверждение правильности нашего умозаключения еще одно высказывание Ум. Эко: «Акт чтения обязан принимать во внимание все упомянутые элементы, пусть даже отдельный конкретный читатель вряд ли способен совместить их в себе. Таким образом, каждый акт чтения представляет собой сложную транзакцию между компетенцией читателя (читательским знанием о мире) и тем типом компетенции, которую данный текст постулирует, чтобы быть истолкованным самым "экономичным" образом – так, чтобы интерпретация строилась на максимальном понимании написанного и поддерживалась контекстом»³⁰. Итак, поскольку за примерно 70 лет после первого опубликования книги

²⁹ Эко, Ум. Откровения молодого романиста / Ум. Эко. – М.: АСТ; Corpus. – 2013. – 320 с. – С. 67–68.

³⁰ Эко, Ум. Откровения молодого романиста / Ум. Эко. – М.: АСТ; Corpus. – 2013. – 320 с. – С. 68–69.

Дж. Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег» мир радикально изменился, а, соответственно, наше (как читателей) знание о мире иное, то опираясь на контекст этой книги, можно позволить себе ее постмодернистскую интерпретацию.

Считаем, что поскольку достаточно пояснили методологию своих интерпретаций, то можно перейти к изложению нашего видения третьего уровня кодирования в тексте Дж. Кейнса. Как нами было написано выше, Дж. Кейнс прямо указывал на то, что рикардианская теория использовалась для оправдания имущими классами проявлений социальной несправедливости и очевидной жестокости сложившейся рыночной системы хозяйствования, т. е. социальная парадигма саморегулирующего рынка направлена на апологетику преимущественной реализации вполне конкретных классовых интересов. Он также рассматривал национальную экономику как живой организм. Казалось бы, надо сложить эти два тезиса, и получится очевидный вывод, что роль государства в экономике не ограничивается макроэкономическими целями и задачами, но и направлена на реализацию интересов определенных классов и иных социальных групп.

Мы не следуем слепо за К. Марксом в его трактовке взаимоотношений классов как непрерывной классовой борьбы. История дает нам множество примеров классового сотрудничества и мира. Речь идет о другом – даже в социальном государстве существует необходимость перераспределения экономических благ от одних групп к другим, но это перераспределение направлено на усиление социальной справедливости (а не на рост социального каннибализма) и накопление социального капитала на уровне общества в целом и в отдельных локальных сообществах, а значит, способствует усилению жизнеспособности общества в целом, а также увеличивает внутренний спрос за счет роста потребления домашних хозяйств.

Дж. Кейнс с прозорливостью гения подошел к данной проблеме, почти обозначил ее и даже дал часть инструментария для ее решения. Это и есть третий уровень кодирования текстов Дж. Кейнса. Но дальше он пойти не смог, не смог последовательно развить эту свою идею. Помешала та культурная среда, в которой он рос и жил, классовая принадлежность и, возможно, то, что в тот период на Западе нельзя было писать о социально-классовой дифференциации общества и не быть при этом обвиненным в марксизме. А это обвинение еще длительное время до и после смерти Дж. Кейнса приводило к превращению в изгоя в западной академической и университетской среде. Например, ведущий французский социолог П. Ансар в книге «Современная социология» так описывает взаимоотношения западной обществоведческой мысли и марксизма: «В целом с 1945 г. до 70-х г. во Франции, Италии, как и в ФРГ и США, многие исследователи в области общественных наук, не связывая себя догматиче-

ски с отдельными деталями марксовых положений, извлекли из них самое существенное с намерением преодолеть границы узкого экономизма (Ж.-П. Сартр, 1960) либо в целях подорвать авторитет функционалистских консервативных моделей (Ч. Миллс, 1959; Ю. Хабермас, 1968)»³¹. Далее П. Ансар отмечает, что «1970–1980-е гг. отмечены отходом от этой содержательной стороны марксизма в общественных науках, что было связано с различными причинами, в которых исторические события сыграли не последнюю роль»³². Таким образом, и Дж. Кейнс не смог полностью преодолеть рыночную идеологию, хотя и подверг очень убедительной критике в своих работах, что существенно повлияло на его теоретические воззрения.

Сегодня макроэкономика может рассматриваться как одно из теоретических оснований политической экономии – науки, изучающей «отношения между социальными субъектами, включенными в единый, относительно устойчивый, организационно оформленный материально- общественный комплекс, в пределах которого осуществляется внутренне взаимосвязанное производство, присвоение и социально значимое потребление материальных средств и благ для обеспечения физической жизни общества, а также для создания материальной базы всех сфер общественной жизни»³³. Политэкономия исследует законы, управляющие развитием социально-экономических систем, рассматривает их в различные исторические периоды и эпохи через призму субъектных (межклассовых) отношений. Только на базе современной политической экономии можно преодолеть культивируемый сегодня частью научного сообщества и бизнеса «рыночный империализм». Под последним неоклассическая экономическая концепция подразумевает некую модель «идеального рынка», в которой обмен осуществляется автоматически, а социальные отношения выступают факторами, мешающими этому процессу. Причем правила этой абстрактной, то есть выдуманной модели, по-прежнему пытаются распространить на все сферы человеческой жизни. Таков код Дж. Кейнса³⁴.

А экономическая наука сегодня по-прежнему остается преимущественно идеологической доктриной, выражая политико-экономические интересы определенных общественных групп и социальных классов.

³¹ Ансар, П. Современная социология / П. Ансар // Социологические исследования. – 1996. – № 1. – С. 134–150. – С. 136.

³² Там же. – С. 136.

³³ Солодовников, С. Ю. Классы и классовая борьба в постиндустриальном обществе: методологические основы политико-экономического исследования / С. Ю. Солодовников. – Минск: БНТУ, 2014. – 378 с. – С. 7.

³⁴ Солодовников, С. Ю. Код Джона Кейнса. О допустимых интерпретациях экономических текстов / С. Ю. Солодовников // Беларуская думка. – 2018. – № 4. – С. 79–85.

1.2 Рынок как политико-экономический феномен

Сегодня все хозяйственные, социально-экономические и социальные феномены в той или иной мере функционируют в рыночном сегменте общественной жизни. Поэтому их нельзя системно изучать, не определив предварительно то, что такое рынок.

Несмотря на многовековую историю исследования рыночных отношений и постоянное оперирование учеными-экономистами категорией «рынок», на сегодняшний день общественные науки в целом и экономическая теория в частности так и не смогли выработать единого понимания рынка. «Подходы к его определению сильно различаются, – отмечает В. В. Радаев, – и в результате практически каждому из нас в зависимости от контекста случается называть "рынком" принципиально разные явления»³⁵. Сегодня «наряду с трактовкой рынка как "*территории обмена*", – поясняет названный автор, – используется его понятие как *формы хозяйства*, уже не столь привязанное к определенному месту. А рядом с ними располагается неоклассическая экономическая концепция "идеального рынка", в которой обмен осуществляется автоматически, без каких-либо сил трения. В последнем случае рынок предстает как механизм спроса и предложения, который действует в любых территориальных или отраслевых контурах. Причем речь идет не просто об агрегированной совокупности индивидуальных актов обмена, но об относительно автономной от остальной части общества и самодостаточной системе со встроенным механизмом саморегуляции»³⁶. За счет такого методологического приема происходит превращение рынка «из эмпирического объекта в аналитическую модель с достаточно абстрактными основаниями»³⁷. Причем в этой модели «социальным условиям отводится незавидная роль внешних факторов или, того хуже, тех самых сил трения, которые снижают эффективность саморегулирования»³⁸. Таким образом, живые люди, индивиды выбрасываются из предмета экономической теории. Им на смену приходит некий абстрактный «экономический человек» с достаточно примитивными потребностями и мотивами, которые легко могут быть переложены на математический язык.

Было бы несправедливым утверждать, что ученым-экономистам удалось рассмотреть методологическую ограниченность парадигмы «саморегулирующегося рынка», а значит и ее теоретическую, историческую (до-

³⁵ Радаев, В. В. Социология рынков: к формированию нового направления / В. В. Радаев. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 328 с. – С. 19.

³⁶ Там же. – С. 20–21.

³⁷ Радаев, В. В. Социология рынков: к формированию нового направления / В. В. Радаев. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 328 с. – С. 19.

³⁸ Там же. – С. 21.

статочно вспомнить хотя бы, как в эпоху колониальных империй экономические проблемы метрополий решались за счет колоний, когда «невидимая рука рынка» приобретала форму дредноутов и кавалерийских полков) и практическую несостоятельность лишь в начале XXI века. Уже в начале прошлого века набирающее силу институциональное направление (тогда еще достаточно синкретичное в своих теоретико-методологических подходах) по существу явилось гносеологической рефлексией на господствовавшее тогда на Западе направление «чистой экономики» в форме маржинализма. Оппозицию маржинализму с его чрезмерно абстрактным, рационалистским, количественным подходом к анализу экономических систем на Западе в это время составили так называемые «периферийные» школы в экономической науке – германские новейшая («юная») историческая и социальная школы и ранний институционализм (заметим, не только американский, ибо сюда также можно отнести и англичанина Дж. Гобсона, и француза Ф. Симианда с его учениками Г. Пиру и Б. Ногаро)³⁹. Данные направления экономической мысли объединяются сегодня «понятием "институциональное направление в экономической науке" (или институционализм в широком смысле, дабы не путать его с собственно институционализмом, или институционализмом в узком смысле, родоначальником которого был Т. Веблен)»⁴⁰.

В России идеи и принципы институционального направления были представлены в трудах бывших «критических марксистов» С. Н. Булгакова («Философия хозяйства», 1912), М. И. Туган-Барановского («Социальная теория распределения», 1913) и П. Б. Струве («Хозяйство и цена», 1913–1916). Развитие в России параллельно с институционализмом маржиналистского направления «сдерживалось, – подмечает Л. Ипполитов, – как в силу объективных причин (недостаточная степень развития товарного хозяйства и капитализма, засилье феодальных пережитков, обострение комплекса социально-экономических, политических и культурных противоречий накануне революции), так и особенностями психологии русского образованного общества, большей части которого были чужды принципы индивидуализма, эгоизма, тедонизма и т. д.»⁴¹. А. Г. Худоркомов прямо заявляет по этому поводу, что «в сложившейся ситуации удивительно не то, что маржинализм в России не превратился

³⁹ Ипполитов, Л. Зарождение институционалистской экономической теории в России (об одной методологической дискуссии 1920-х годов / Л. Ипполитов // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2008. – № 4. – С. 43–57. – С. 44.

⁴⁰ Там же. – С. 44.

⁴¹ Ипполитов, Л. Зарождение институционалистской экономической теории в России (об одной методологической дискуссии 1920-х годов / Л. Ипполитов // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2008. – № 4. – С. 43–57. – С. 44.

в доминирующее направление, а то, что он вообще сформировался как отдельное течение, сопряженное с самого начала с передовыми экономико-математическими исследованиями»⁴².

На основании проведенного анализа П. Б. Струве сумел показать, что концепция равновесия и анализ равновесных состояний в экономике (один из главных принципов маржиналистской теории) была порождена философией XVII–XVIII вв. (Бэкон, Декарт, Гоббс, Ньютон) и утвердившимся в экономической науке механистическим мышлением и учением о «естественном законе»⁴³. По П. Б. Струве, идея равновесия может быть представлена в экономическом мышлении двояким образом: «Во-первых, как идея онтологическая, идея о присущем с необходимостью экономическому процессу свойстве, которое господствует над его феноменами и ими управляет. И, во-вторых, как идея чисто феноменологическая, как идея особого явления, равноправного со всеми другими экономическими феноменами, явления, представляющего не общий закон экономической жизни, а некое возможное и вероятное ее "состояние"»⁴⁴. Таким образом, маржинализм и классическая политическая экономия приписывают равновесию значение некой сущности, стоящей над экономическими явлениями и управляющими ими. Отрицая механистический подход к анализу экономических феноменов, П. Б. Струве подчеркивал, что «хозяйственная жизнь складывается из множества отдельных действий хозяйствующих субъектов, которые, будучи в общем и формально мотивами так называемого хозяйственного расчета, в своей индивидуальности, "микроскопической" конкретности случайны в точном смысле этого слова. "Микроскопически" действия продавцов и покупателей определяются расчетом, ориентированным с разной, бесконечно дифференцированной осведомленностью о положении рынка, столь же дифференцированной разумностью; и с неопределенной подвижностью во времени субъективных оценок (просектов, или заявок цен) и их окончательных денежных выражений, или значений, каковыми являются реализованные, "сделанные" цены. Эти неопределенно многообразные цены имеют тенденцию к единству, или "равновесию", это единство и эти состояния "равновесия" неустойчивы, подвержены постоянным и непрерывным колебаниям»⁴⁵.

⁴² Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. В 5 т. – Т. III. Эпоха социальных переломов / Отв. ред. А. Г. Худокормов. – М., 2005. – 893 с. – С. 840.

⁴³ Ипполитов, Л. Зарождение институционалистской экономической теории в России (об одной методологической дискуссии 1920-х годов / Л. Ипполитов // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2008. – № 4. – С. 43–57. – С. 47–55.

⁴⁴ Струве, П. Б. Научная картина экономического мира и понятие «равновесия» / П. Б. Струве // Экономический Вестник. – 1923. – Кн. 1. – С. 5–26. – С. 6.

⁴⁵ Струве, П. Б. Научная картина экономического мира и понятие «равновесия» / П. Б. Струве // Экономический Вестник. – 1923. – Кн. 1. – С. 5–26. – С. 12–13.

П. Б. Струве выделил те черты, которые игнорировались маржиналистской теорией экономического равновесия – «...неполная рациональность экономического поведения, асимметричное распределение информации среди участников рынка, изменчивость их субъективных оценок и, как следствие, рыночных цен»⁴⁶. В результате проведенного анализа П. Б. Струве сумел доказать теоретико-методологическую несостоятельность маржинализма как механистической и статической концепции, устраняющей факторы времени и изменения из экономического анализа⁴⁷.

П. Б. Струве также сумел убедительно показать ограниченность экономико-математических методов. «Поскольку математическое направление политической экономии, – указывает этот автор, – ударило в математическую обработку психологических основ экономических явлений, оно применило к многообразному и разнородному миру душевных переживаний совершенно противоречащий его природе прием обезличения»⁴⁸. Высказываясь по данному вопросу, Л. Ипполитов, в частности, подчеркивает, что «вопрос заключается не в том, является ли "механический" (включая сюда и "математическое рассуждение") подход к экономическим процессам логически возможным, а в том, соответствует ли он существу экономических явлений, текучей и прерывистой природе "экономической материи"? На этот вопрос Струве отвечает решительно отрицательно»⁴⁹.

П. Б. Струве пишет: «В экономике какие-то подлежащие определению в каждом отдельном случае "индивиды" должны быть сосчитаны, сведены в разряды и категории, т. е. именно трактуемы как индивидуально весьма различные единицы, объединяемые лишь по "признакам" в некие статистически обозримые совокупности»⁵⁰. Это может быть осуществлено только с помощью статистических методов. «Эта всесторонняя взаимозависимость непреодолима для "механического" или "динамического", в противоположность статистическому рассмотрению. Если мы к этому прибавим, что экономические "индивиды", с точки зрения экономического познания, не являются абсолютно детерминированными какими-нибудь известными нам силами, а «"контингенты" <...> "самочинны" или "бесчинны", то эти два условия необходимы и достаточны для

⁴⁶ Ипполитов, Л. Зарождение институционалистской экономической теории в России (об одной методологической дискуссии 1920-х годов / Л. Ипполитов // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2008. – № 4. – С. 43–57. – С. 49.

⁴⁷ Там же. – С. 49–50.

⁴⁸ Струве, П. Б. Первичность и своеобразие обмена и проблема «равновесия». Ответ А. Д. Билимовичу / П. Б. Струве // Экономический Вестник. – 1924. – Кн. 3 (1). – С. 33–50. – С. 45.

⁴⁹ Струве, П. Б. Научная картина экономического мира и понятие «равновесия» / П. Б. Струве // Экономический Вестник. – 1923. – Кн. 1. – С. 5–26. – С. 16.

⁵⁰ Там же. – С. 16.

выставления методического постулата о том, что точное познание в экономике возможно только либо в форме статистической разработки, либо в форме фактического описания неисчислимых статистически феноменов и сторон»⁵¹. Порок маржиналистской теории, по справедливому замечанию П. Г. Струве, коренится в том, что в ней, как и во всех концепциях механически-математической политической экономии, не усматривается логическая природа эмпирического знания, к области которого относится и политэкономия. Они рассуждают *more geometrico* в области, где плодотворна либо чистая индукция, либо статистический подход⁵².

Далее названный автор поясняет, что несоответствие метода исследования у маржиналистов (добавим, как сегодня у неолибералов и прочих «чистых экономистов»), связано «со смешением наук о реальном бытии во времени, или знания апостериорного, к которому относится и политическая экономия, с науками об идеальном и безвременном бытии, каковыми являются математика и логика, представляющие знание априорное»⁵³. П. Г. Струве также подчеркивает: «Эмпирическая наука может строить общие понятия, но она не может вовсе отвлекаться от "действительности", в отличие от математики. Самая природа предмета ставит поэтому и "абстракции", и "дедукции" во всякой эмпирической науке <...> совершенно другие границы, чем в математике»⁵⁴.

Если исходить из критериев логичности и аргументированности участников дискуссии о коренных методологических пороках маржинализма, неоклассики и т. д., то доказательств этому предостаточно. Вместе с тем, неправомерно сводить все дискуссии о природе рыночных отношений лишь к поиску научной истины. Ученые-экономисты тоже люди. Они родились и воспитывались в определенной социально-культурной среде, обладают мотивацией, различными потребностями и интересами, наконец, их исследования финансируются из различных источников (а у субъектов, которые их контролируют, есть вполне реальные экономические потребности и интересы) и т. д. Все это также позволяет говорить о том, что экономическая теория не может не быть идеологической доктриной. При этом главный вопрос заключается не в том, в какой степени то или иное экономическое учение пропитано идеологией (от последней все равно никуда не денешься),

⁵¹ Там же. – С. 16.

⁵² Струве, П. Б. Первичность и своеобразие обмена и проблема «равновесия». Ответ А. Д. Билимовичу / П. Б. Струве // Экономический Вестник. – 1924. – Кн. 3 (1) – С. 33–50. – С. 49.

⁵³ Ипполитов, Л. Зарождение институционалистской экономической теории в России (об одной методологической дискуссии 1920-х годов / Л. Ипполитов // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2008. – № 4. – С. 43–57. – С. 56.

⁵⁴ Струве, П. Б. Первичность и своеобразие обмена и проблема «равновесия». Ответ А. Д. Билимовичу / П. Б. Струве // Экономический Вестник. – 1924. – Кн. 3 (1). – С. 36.

а в том, чья это идеология и насколько она соответствует объективности методов и результатов исследования хозяйственной жизнедеятельности. Таким образом, по нашему мнению, научное сообщество фаталистически обречено не только на постоянный поиск объективных закономерностей развития общества и его экономической системы, но и на выделение «ложных» концепций и преднамеренных концептуальных упрощений, обслуживающих глобальные экономические интересы вполне конкретных государств, классов, социально-экономических групп, а иногда и конкретных индивидов.

С точки зрения объективности экономической науки (а это по существу синонимично тому, насколько эффективно она может выполнять такие свои функции как критическая и прагматическая) не важно, случайно или целенаправленно возникли и развиваются социальные парадигмы, относимые сегодня к «экономическому империализму»⁵⁵. Для нас важнее то, что эти теоретико-методологические подходы, например, сводящие экономические функции государства к роли «ночного сторожа», деформируют сознание части научного и научно-педагогического сообщества, понижают доверие к белорусской модели развития, снижают социальный потенциал белорусского общества, т. е. понижают продукционный эффект от социального капитала, накопленного на уровне социума, а значит, угрожают экономической безопасности страны.

В 1960–1970-е гг. идеальной рыночной модели, очищенной от каких-либо социальных факторов, был придан фактически универсальный характер. «С ее помощью, – отмечает В. В. Радаев, – стали объяснять самые разные типы существующих рынков вне зависимости от исторической и культурной специфики хозяйства и общества»⁵⁶. Г. Беккер и его последователи в рамках «экономического империализма» начинают активно использовать данную модель за пределами анализа собственно экономических отношений в их былом понимании⁵⁷. Так, например, Г. Беккер, заявляет: «Когда мужчины и женщины решают вступить в брак, завести детей или развестись, они пытаются повысить свое благосостояние путем

⁵⁵ Радаев, В. В. К обоснованию модели поведения человека в социологии (основы «экономического империализма») / В. В. Радаев // Социологические чтения. Вып. 2. – М.: Институт «Открытое общество»: Институт социологии РАН, 1997. – С. 177–189.

⁵⁶ Радаев, В. В. Рынок как объект социологического исследования / В. В. Радаев // Социологические исследования. – 1999. – № 3. – С. 28–37.

⁵⁷ Радаев, В. В. К обоснованию модели поведения человека в социологии (основы «экономического империализма») / В. В. Радаев // Социологические чтения. Вып. 2. – М.: Институт «Открытое общество»: Институт социологии РАН, 1997. – С. 177–189; Becker, G. Nobel Lecture: The Economic Way of Looking at Behavior / G. Becker // Journal of Political Economy. – 1993. – Vol. 101, No. 3 – P. 385–409. – Pp. 395–396; Беккер, Г. Выбор партнера на брачных рынках / Г. Беккер // THESIS. – 1994. – Вып. 6. – С. 12–36; Шульц, Т. Ценность детей / Т. Шульц // THESIS. – 1994. – Вып. 6. – С. 37–49.

взвешивания сравнительных выгод и издержек. Таким образом, они заключают брачный союз, если ожидают, что это повысит степень их благополучия по сравнению с тем, если бы они оставались в одиночестве, и разводятся, если это должно привести к росту их благосостояния»⁵⁸. Теоретиками общественного выбора начинает трактоваться политика как рыночный обмен⁵⁹. Принципы, используемые при анализе рыночного обмена, распространяются на все сферы общественной жизни. Это формирование своего рода рыночной идеологии, как справедливо замечает В. В. Радаев, «...подпитываемой духом экономического либерализма. Жизнь начала уподобляться рынку, представленному в виде достаточно абстрактной конструкции»⁶⁰. Как результат – возникновение серьезной методологической альтернативы, разделившей по существу всех современных обществоведов на два типа. Суть данного разграничения заключается в следующем: «рассматриваем ли мы рынок, прежде всего, как универсальную аналитическую модель с весьма ограниченным числом переменных, предназначенную для объяснения неких существенных экономических связей, или нашим объектом выступают "реальные" рынки... для описания которых мы используем разные аналитические модели с большим общим числом переменных»⁶¹.

Поскольку принцип универсализма не отвечает ни принципам современных системных исследований социальных объектов, ни историческим реалиям, то мы в своих дальнейших исследованиях будем исходить из взгляда на системы хозяйствования как на многоукладные, сочетающие в себе универсальные и национальные особенности. «История свидетельствует, – отмечает А. Л. Подгайский, – что ни одна хозяйственная система, в том числе, и всемирное индустриально-капиталистическое хозяйство, никогда не охватывала не только все страны, но и отрасли экономики отдельной страны. Любое доминирование той или иной хозяйственной системы воплощается в действительности в асимметричном образовании "центр-периферия" с наличием множества метапозиций между крайними точками»⁶². Современное рыночное хозяйство характе-

⁵⁸ Becker, G. Nobel Lecture: The Economic Way of Looking at Behavior / G. Becker // Journal of Political Economy. – 1993. – Vol. 101, No. 3 – P. 385–409. – P. 395–396.

⁵⁹ Бьюкенен, Дж. М. Сочинения / Дж. М. Бьюкенен. – Т. 1. – М.: Таурус-Альфа, 1997. – 556 с. – С. 22.

⁶⁰ Радаев, В. В. Социология рынков: к формированию нового направления / В. В. Радаев. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 328 с. – С. 22.

⁶¹ Радаев, В. В. Социология рынков: к формированию нового направления / В. В. Радаев. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 328 с. – С. 22.

⁶² Подгайский, А. Л. Взаимодействие доминирующих и периферийных укладов как составляющая социально-экономической динамики // Гуманітарна-економічний вісник, 2008. – № 3 (42). – С. 8–13. – С. 9.

ризуется сверхиндустриальным (Индустрия 4.0⁶³) или постиндустриальным технологическим укладом, множеством форм (в том числе и смешанной) собственности, экономической обоснованностью, декларируемой свободой предпринимательства и обязательным вмешательством государства в экономику. Названная форма хозяйствования выступает как результат государственного и социального регулирования, порождающего огромное разнообразие исторических форм рыночных институтов. Современный рыночный механизм функционирует в условиях установления относительных равновесия и стабильности посредством экономических средств государственного регулирования, связанных как с особенностями функционирования экономики на макроуровне (циклические колебания, экономический рост и др.), так и несовершенством рыночного механизма.

Рынок представляет собой специфический уклад хозяйствования, существующий наряду с другими его формами. Государство же выступает как конфигуратор рынка. Степень его воздействия вариативна, но в любом случае речь идет не просто о весомом, но о конституирующем влиянии государства на совокупность рынков – посредством установления формальных правил и способов их поддержания, осуществления перераспределительных функций и прямого участия в хозяйственных процессах⁶⁴. Государство не просто вмешивается в рыночные отношения. Оно создает условия для возникновения и развития рынков, являясь во многом внутренним элементом процесса их формирования и трансформации, действуя на началах встроеной автономии (*embedded autonomy*)⁶⁵. Современное рыночное хозяйство, а точнее современное преимущественно рыночное многоукладное хозяйство, представляет собой сложную систему социально-экономических, политических и иных институтов, персонифицированных в социально-экономических субъектах (индивидах, группах, классах). Хозяйственная эффективность взаимодействия названных субъектов во многом предопределяется накопленным в обществе социальным потенциалом и институциональными формами его капитализации. Социальный капитал, спо-

⁶³ Мелешко, Ю. В. Индустрия 4.0 – новая промышленная политика Германии: теоретическая основа и практические результаты / Ю. В. Мелешко // *Экономическая наука сегодня* : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2018. – Вып. 8. – С. 166–179.

⁶⁴ Block, F. The Role of the State in the Economy / F. Block // *The Handbook of Economic Sociology* / N. Smelser, R. Swedberg (eds.). – P. 23.

⁶⁵ Evans, P. B. *Embedded Autonomy* / P. B. Evans. – Berkeley: University of California Press, 1995; Frye, T. The Invisible Hand and the Grabbing Hand / T. Frye, A. Schleifer // *American Economic Review. Papers and Proceedings*. – 1997. – Vol. 87. – № 2. – P. 354–358; Shleifer, A. *The Grabbing Hand: Government Pathologies and Their Cures* / A. Schleifer, R. Vishny. – Cambridge: Harvard University Press, 1998. – 278 p.; Радаев, В. В. Рынок как объект социологического исследования / В. В. Радаев // *Социологические исследования*. – 1999. – № 3. – С. 28–37. – С. 39.

собы и формы его присвоения, оптимальность распределения и прочее выступают основой для сокращения (или увеличения) транзакционных издержек в народном хозяйстве, в том числе при проведении модернизации.

1.3 Онтологические и феноменологические характеристики современного общества

Прежде чем перейти к описанию проблем и перспектив модернизации белорусской экономики в контексте становления экономики рисков, необходимо выявить онтологические и феноменологические характеристики современного общества. Для обозначения контуров качественно нового состояния современного общества наиболее используемой на сегодняшний день является социальная парадигма «постиндустриального общества». Остановимся на этой теории подробно.

В научной литературе отмечается, что методологические принципы концепции постиндустриализма были заложены К. Кларком и Ж. Фурастье в конце 1930-х – середине 1940-х годов. Согласно их взглядам, «...в общественном производстве выделяется триада секторов (*первичный* – сельское хозяйство, *вторичный* – промышленность и *третичный* – сфера услуг). Переход от одного сектора к другому, по мнению названных ученых, осуществим благодаря: во-первых, экономическому развитию, приводящему к относительным изменениям в спросе на продукцию секторов; во-вторых, росту производительности, отражающемуся на относительном изменении спроса на трудовой ресурс в разных секторах. Со временем доминантным становится третичный сектор – как с точки зрения доли занятых в совокупной занятости, так и с позиции удельного веса продукции данного сектора в ВВП»⁶⁶.

Согласно взглядам родоначальника постиндустриального подхода Д. Белла⁶⁷, переход к постиндустриальной экономике не означает исчезновения аграрного и индустриального укладов, а сохранение последних, но уже не как доминирующих, а как периферийных. При этом постиндустриальный уклад становится доминирующим. В итоге усиливается сложность социально-экономических процессов.

В работах авторов более поздних периодов акцент делается на качественных характеристиках постиндустриального общества, что привело к возникновению таких понятий, как «информационное общество»

⁶⁶ Вередюк, О. В. Детерминанты занятости в концепции постиндустриального общества / О. В. Вередюк // Вестник СПбГУ. Сер 5. – 2010. – Вып. 4. – С. 35–41. – С. 36.

⁶⁷ Bell, D. The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting / D. Bell. – New York: Basic Books, 1973. – 507 p.

(Ф. Махлуп)⁶⁸; «общество знаний» (Н. Штер)⁶⁹; «технотронное общество» (З. Бжезинский)⁷⁰; «сетевое общество» (М. Кастелльс)⁷¹; «экологический постиндустриализм» (Т. Росзак)⁷² и др. Поскольку концепция постиндустриального общества отличается глобальностью методологических принципов и масштабом охватываемых проблем, то она не может быть однозначно отнесена ни к экономической, ни к социологической, ни к политической науке⁷³. При этом «все ученые, изучающие закономерности возникновения и развития постиндустриального общества, едины в том, что названный процесс сопровождается, во-первых, изменением характера промышленного производства от массового изготовления до гибкого специализированного в ответ на технологические инновации, во-вторых, переходом роли локомотива развития экономики от промышленности к сектору услуг и, в-третьих, значительным увеличением значения знаний для развития экономики»⁷⁴.

Большое внимание современными учеными – сторонниками постиндустриального направления – начинает уделяться механизмам перехода общества в постиндустриальную стадию. Как отмечает по этому поводу О. В. Вередюк, «в исследованиях постиндустриальных тенденций в целом можно обнаружить вектор на дробление и детализацию постиндустриальной проблематики. К ведущим отечественным (*российским* – *примечание авторов*) научным экспертам постиндустриализма можно отнести В. Л. Иноземцева, А. В. Бузгалина, А. И. Колганова, В. А. Медведева, Р. М. Нуреева. В их работах не только рассматриваются методология исследования постиндустриального общества, проблемы адаптации экономики России к новым условиям в целом, но и уделяется внимание проблематике отношений занятости. Среди отечественных (*российских* – *примечание авторов*) ученых, чьи исследования непосредственно касаются

⁶⁸ Machlup, F. The Production and Distribution of Knowledge in the United States / F. Machlup. – Princeton University Press, 1962. – 523 p.

⁶⁹ The Knowledge Society / Ed. by G. Bohme & N. Stehr. D. Reidel Publishing Company, Holland, 1984.

⁷⁰ Brzezinski, Z. Between Two Ages / Z. Brzezinski. – New York, 1970.

⁷¹ Castells, M. The Information Age: Economy, Society and Culture / M. Castells // The Rise of the Network Society. – London and Oxford: Blackwell Publisher, 1996. – Vol. I. – Pp. 151–200.

⁷² Roszak, T. Where the Wasteland Ends: Politics and Transcendence in Postindustrial Society / T. Roszak. – Garden City; New York: Doubleday & Company, 1972. – 492 p.

⁷³ Иноземцев, В. Л. За пределами экономического общества / В. Л. Иноземцев. – М.: Academia. – Наука, 1998. – 640 с.; Вередюк, О. В. Детерминанты занятости в концепции постиндустриального общества / О. В. Вередюк // Вестник СПбГУ. Сер 5. – 2010. – Вып. 4. – С. 35–41.

⁷⁴ Солодовников, С. Ю. Гносеологические трудности при изучении классов в постиндустриальном обществе / С. Ю. Солодовников // Социологический альманах. – 2012. – № 3. – С. 74–91. – С. 88.

вопросов занятости и рынка труда, – Р. Л. Агабекян, В. Е. Гимпельсон, Р. И. Капелюшников»⁷⁵. Изменение технологической основы экономики и повсеместное распространение наукоемких технологий ведет к изменениям структурных отношений. «В постиндустриальном обществе меняется не только структура занятости, но и характер труда, а также требования, предъявляемые к работнику»⁷⁶. По этому поводу В. Л. Иноземцев пишет: «Если прототип нового общества не может быть найден в определенном типе труда, центральным пунктом становится характер новых отношений, проявляющихся во взаимодействии или общении, в диалоге личностей... Тот факт, что люди [в общественном производстве] сегодня общаются с другими людьми, а не взаимодействуют с машинами, является фундаментальной характеристикой труда в постиндустриальном обществе»⁷⁷.

В противовес доиндустриальному миру, где труд был невозможен без непосредственного взаимодействия с природой, индустриальному обществу, в котором труд представлял собой взаимодействие человека с преобразованной природой (средствами производства), в постиндустриальном мире труд реализуется во взаимодействии между людьми. Новый характер труда оказывает огромное влияние на другие сферы жизнедеятельности, новые требования, предъявляемые к работнику постиндустриального общества, трансформируют систему мотивации труда. Как отмечает В. Л. Иноземцев, «сегодня можно лишь уверенно утверждать, что основой для перехода к обществам постиндустриального типа являются не столько новые технологии или знания (это, выражаясь математическим языком, необходимое условие), сколько изменение самого человека, обретение им качественно новой мотивации (достаточное условие), каковая одна только и позволяет определить деятельность постиндустриального типа по Беллу – как "игру между людьми"»⁷⁸. С развитием науки и расширением влияния знания в экономической и социальной жизни общества можно говорить о приобретении трудом новых признаков, таких как возрастающая интеллектуальная составляющая, творчество, креативность, свобода.

⁷⁵ Вередюк, О. В. Детерминанты занятости в концепции постиндустриального общества / О. В. Вередюк // Вестник СПбГУ. Сер 5. – 2010. – Вып. 4. – С. 35–41. – С. 37.

⁷⁶ Сергиевич, Т. В. Некоторые актуальные аспекты трактовки категории «труд в постиндустриальном обществе» / Т. В. Сергиевич // Развитие экономики, политики, социума: состояние, проблемы, перспективы. – 2015. – № 2. – С. 73–80. – С. 74.

⁷⁷ Иноземцев, В. Л. Постиндустриальный мир Д. Белла / В. Л. Иноземцев // Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М.: Academia, 2004. – 788 с. – С. 222.

⁷⁸ Иноземцев, В. Л. Постиндустриальное хозяйство и «постиндустриальное» общество / В. Л. Иноземцев // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – С. 140–152.

Как известно, причиной постиндустриальных изменений в производстве являются «изменения в технологиях: преобладание наукоемких технологий над трудоемкими и капиталоемкими. Формирование новейших технологических укладов, основанных на преобладании наукоемких технологий над трудоемкими и капиталоемкими, сопровождается бурным развитием информационной экономики»⁷⁹. Активное развитие наукоемких технологий ведет к росту спроса на высококвалифицированных работников и снижению – на работников средней квалификации. Работники низкой квалификации также вытесняются машинами, однако эти процессы экономически менее эффективны, поэтому развиваются не столь быстрыми темпами. При оценке перспектив развития занятости необходимо учитывать, как справедливо отметил М. Кастельс, что распространение информационных технологий не снижает общий уровень занятости⁸⁰, хотя и значительно изменяет структуру занятости (рабочая сила все активнее перемещается в сферу услуг).

Сторонниками постиндустриальной социальной парадигмы, а также «производными» от нее теоретическими построениями («информационное общество», «экономика знаний», «посткапиталистическая экономика» и т. д.), отмечается, что быстрое развитие технологий требует соответствующих изменений специализации профессиональных навыков, т. е. возникает проблема подготовки и переподготовки кадров. Рост уровня специализации навыков в условиях быстрых изменений квалификационных требований приводит к снижению взаимозаменяемости труда. Соответственно, возрастают издержки замены труда: издержки замены интеллектуального труда более высоки по сравнению с издержками замены труда физического. Изменения в производстве, вызванные технологическими новациями, оказывают множественное и не всегда однозначное влияние на занятость, которое проявляется, прежде всего, в изменении структуры спроса на труд, а также в характере производственных отношений⁸¹.

Последователи этой парадигмы отмечают, что при переходе к постиндустриальному обществу повышается роль знаний, что выражается в изменении соотношения факторов производства (ведущее место занимают

⁷⁹ Солодовников, С. Ю. Эволюция занятости и создание социально-научного сообщества в условиях модернизации транзитивной экономики: на примере Республики Беларусь / С. Ю. Солодовников, Т. В. Кузьмицкая // Развитие экономики, политики, социума: состояние, проблемы, перспективы. – 2014. – № 1. – С. 69–75. – С. 72.

⁸⁰ Castells, M. The Rise of the Network Society: 2nd ed. / M. Castells. – Wiley-Blackwell, 2010. – 597 p.

⁸¹ Toffler A., Toffler H. Creating a New Civilization. The Politics of the Third Wave. Turner Publishing, Atlanta, 1993 [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.archipelag.ru/authors/toffler>. – Date of access: 17.10.2018; Вередюк, О. В. Детерминанты занятости в концепции постиндустриального общества / О. В. Вередюк // Вестник СПбГУ. Сер 5. – 2010. – Вып. 4. – С. 35–41. – С. 39.

знания и информация) и имеет место трансформация структуры добавленной стоимости (в ней возрастает доля стоимости, созданная интеллектом).

Разберем последний тезис на предмет его методологической обоснованности. Прежде всего, важнейший посыл Д. Белла о том, что при переходе к постиндустриальному обществу повышается роль знаний представляется безусловно правильным. Но именно в этой безусловной правильности и заключается его методологическая погрешность. Поясним это подробнее. Принцип возрастания роли знаний по мере технического прогресса человеческого общества неизменно действует, начиная с каменного века, порождая при этом все более сложные формы разделения и кооперации труда. Нами уже отмечалось, что «по мере ускорения НТП, приведшего к НТР, смена доминирующих технологических укладов происходит все быстрее»⁸². При этом, как известно, «научно-технические достижения, разделение и кооперация труда, субординация и ординация между индивидами и многие другие социальные феномены и институты тем успешнее способствуют экономному получению человечеством необходимых вещества и энергии из природы, чем выше уровень социального прогресса в обществе. По мере усложнения общества разделенного труда названная зависимость усиливается»⁸³. Повышение роли знаний о природе, человеке и обществе не являются феноменологической особенностью современного (в терминологии Д. Белла – постиндустриального) общества, а напротив, сопровождает Человечество на протяжении всей его истории⁸⁴. Таким образом, в данном случае у Д. Белла обнаруживается методологическая ошибка, а именно общее (возрастание роли знаний) приравнивается к частному (главному феноменологическому признаку современного общества).

Критически рассмотрим тезис последователей Д. Белла о переходе в постиндустриальном (современном) обществе роли локомотива развития экономики от промышленности к сектору услуг. По нашему мнению, все экономически развитые страны в этом контексте сегодня могут быть условно разделены на два типа:

во-первых, это страны, которые исходя из стратегии приоритетного развития промышленности развивают сверхиндустриальную экономику

⁸² Солодовников, С. Ю. Социально-экономические факторы, определяющие изменение системы трудовой мотивации в новых социально-экономических и технологических условиях в Беларуси / С. Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2017. – Вып. 5. – С. 296–308. – С. 302.

⁸³ Солодовников, С. Ю. Социальный капитал как экономический ресурс / С. Ю. Солодовников // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д. Экон. и юрид. науки. – 2015. – № 5. – С. 2–9. – С. 2.

⁸⁴ Солодовников, С. Ю. Цивилизация, культура, институциональные матрицы и экономическая система общества: феноменологическая природа, взаимообусловленность, социальный генезис / С. Ю. Солодовников // Вопросы сервиса и экономики. – 2012. – № 4. – С. 5–22.

(в ФРГ это Индустрия 4.0⁸⁵), при этом опережающими темпами развиваются услуги промышленного характера. «Исходя из понимания экономической природы услуг промышленного характера как хозяйственного блага в форме действия, обеспечивающего создание, развитие и функционирование технологий, связанных с разработкой, производством, реализацией и сервисным обслуживанием промышленной продукции развитие организационно-экономического механизма оказания этих услуг осуществляется в тесной взаимосвязи с национальным промышленным комплексом. Вместе с тем услуги промышленного характера являются межотраслевой деятельностью, поскольку в зависимости от организационной формы их оказания и особенностей статистического учета могут относиться и к промышленному производству, и к сфере услуг»⁸⁶. С помощью этих услуг сегодня «формируются ключевые факторы конкурентоспособности промышленности, в частности, новые производственные и организационно-управленческие технологии (информационные, консалтинговые, инжиниринговые, логистические, маркетинговые и т. д.), направленные на качественное развитие товара и/или сокращение затрат. Эти услуги, присутствуя на каждой стадии создания добавленной стоимости промышленной продукции (разработка и внедрение продукции в производство, её изготовление, сбыт и послепродажное обслуживание), являются неотъемлемой частью промышленного производства»⁸⁷.

В странах, проводящих промышленную политику, направленную на создание и развитие сверхиндустрии, сфера услуг и сфера промышленного производства настолько тесно переплетены, дополняя и развивая друг друга, что статистически они не всегда могут быть разграничены. Авторами монографии ранее подчеркивалось, что «в зависимости от организационной формы оказания услуг промышленного характера один и тот же вид деятельности может быть статистически учтен и в промышленном производстве (в случае оказания этих услуг собственными структурными подразделениями предприятия), и в строительстве или в сфере услуг (в случае инсорсинга и аутсорсинга услуг

⁸⁵ Deutschlands Zukunft als Produktionsstandort sichern. Umsetzungsempfehlungen für das Zukunftsprojekt Industrie 4.0. Abschlussbericht des Arbeitskreises Industrie 4.0 [Elektronische Quelle] / Promotorengruppe Kommunikation der Forschungsunion Wirtschaft – Wissenschaft // Bundesministerium für Bildung und Forschung. – 116 s. – Zugriffsmodus: https://www.bmbf.de/files/Umsetzungsempfehlungen_Industrie4_0.pdf. – Zugriffsdatum: 08.08.2018.

⁸⁶ Мелешко, Ю. В. Системообразующие принципы развития услуг промышленного характера / Ю. В. Мелешко // Устойчивое развитие экономики: состояние, проблемы, перспективы : сборник трудов XI международной научно-практической конференции, УО «Полесский государственный университет», г. Пинск, 21 апреля 2017 г. / Министерство образования Республики Беларусь [и др.]; редкол.: К. К. Шебеко [и др.]. – Пинск : ПолесГУ, 2017. – С. 84–86. – С. 84–85.

⁸⁷ Мелешко, Ю. В. Оценка эффективности развития услуг промышленного характера в контексте модернизации национального промышленного комплекса / Ю. В. Мелешко // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Серия: Теория и практика управления. – 2017. – № 18 (23). – С. 39–47. – С. 39.

промышленного характера)»⁸⁸. Таким образом, на практике наблюдается статистический учет по существу идентичных услуг промышленного характера как в сфере промышленного производства, так и в сфере услуг. Более того «внутренние изменения характера производства, а именно возрастание значения услуг промышленного характера, также приводят к росту сектора услуг, не связанному, однако, с деиндустриализацией экономики. Сегодня рост сферы услуг обеспечивается не столько за счет спроса домашних хозяйств на услуги как конечные потребительские товары, что было характерно для сервисизации экономики, начавшейся в середине XX века, или за счет финансово-спекулятивного сектора, а во многом за счет спроса на услуги промышленного характера, представляющие собой промежуточное потребление промышленного производства»⁸⁹. На сегодняшний день трактовка постиндустриальной социальной парадигмы Д. Белла как создание сервисной экономики вместо экономики индустриальной подвергается справедливой критике многими экономистами, включая авторов монографии: «Наиболее перспективным направлением развития экономики с точки зрения устойчивого развития является возрождение промышленности на новых технологических основах, а именно не отказ от индустрии, а переход к неоиндустриальной парадигме, основанной на внедрении в производство высоких технологий, экологичности»⁹⁰. Нами также отмечалось, что «говоря о новой роли сектора услуг в постиндустриальном обществе, в том числе и о росте создаваемого в этом секторе ВВП, увеличения количества занятых и т. д., необходимо принимать во внимание то, что более половины позиций, связанных с услугами (это инженеры, техники, программисты и прочие, работающие в промышленности), по сути, относятся к вторичному сектору экономики»⁹¹;

во-вторых, это страны, которые исходят из стратегии построения «классической постиндустриальной экономики», сопровождаемой относительной деградацией национального промышленного комплекса (например, Великобритания) и опережающим развитием услуг «не про-

⁸⁸ Мелешко, Ю. В. Эволюция услуг промышленного характера в Республике Беларусь в 1995–2015 гг. / Ю. В. Мелешко // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2017. – Вып. 5. – С. 127–144. – С. 127–128.

⁸⁹ Мелешко, Ю. В. Значение услуг промышленного характера в повышении конкурентоспособности промышленных предприятий (в контексте четвертой промышленной революции) / Ю. В. Мелешко // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2017. – Вып. 6. – С. 64–78. – С. 72.

⁹⁰ Сергиевич, Т. В. Труд в неоиндустриальном обществе / Т. В. Сергиевич // Научно-образовательный центр «Технологии товароведческой, таможенной и криминалистической экспертизы» : Сборник научных работ № 6. Под редакцией Г. Д. Дроздова. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2015. – С. 50–55. – С. 52.

⁹¹ Солодовников, С. Ю. Тенденции и перспективы развития занятости и создания социально-научного сообщества в условиях модернизации транзитивной экономики: на примере Республики Беларусь / С. Ю. Солодовников // Вестн. Полоцк. гос. ун-та. Сер. Д. Экон. и юрид. науки. – 2015. – № 6. – С. 2–9. – С. 6.

мышленного характера»: финансово-спекулятивные, социальные, традиционные и т. д. Критикуя такую модель социально-экономического развития, следует отметить, что «абсолютизация значения сферы услуг в экономическом развитии общества, имевшая место в середине XX века, показала свою несостоятельность, что положило начало тенденции реиндустриализации в экономически развитых странах. При этом наметившаяся реиндустриализация характеризуется не просто увеличением доли промышленного производства в структуре ВВП и занятости, а установлением приоритета в развитии наукоемких и высокотехнологичных производств (таких как ракетно-космическая промышленность), неотъемлемым элементом которых являются услуги, в частности, услуги промышленного характера»⁹². Переход доминирующего положения к третичному сектору экономики наблюдается сегодня в большинстве экономически развитых и развивающихся стран. Вместе с тем мировой опыт показал, что увеличение доли сферы услуг в ВВП и структуре занятости населения автоматически не обеспечивает стабильное социально-экономическое развитие и не является само по себе фактором экономического роста. «В этом контексте представляется более перспективной модель хозяйствования Германии, экономика которой относится на сегодняшний день к сверхиндустриальной, поскольку ее ядром являются высокотехнологичный индустриальный комплекс, а сфера услуг нацелена, прежде всего, на обслуживание потребностей промышленности»⁹³. Немецкие авторы отмечают по этому поводу: «Благодаря Индустрии 4.0 возникают новые формы создания добавленной стоимости и новые бизнес-модели. Стартапы и мелкие предприятия получают здесь шансы, развивать и предлагать смежные услуги»⁹⁴.

Соотнесение вышеприведенной типологии стран и теории постиндустриального общества позволяют сделать вывод, что Д. Белл и его последователи в своих обобщениях игнорировали опыт стран первого типа (со сверхиндустриальной экономикой), возводя особенности развития страны второго типа (с сервисной экономикой) в разряд общего. При этом у апологетов постиндустриальной социальной парадигмы обнаруживаются следующие методологические просчеты: игнорирование исторического опыта, а именно опыта

⁹² Мелешко, Ю. В. Основные формы сотрудничества предприятий реального сектора экономики Республики Беларусь и Российской Федерации в сфере производства космической техники / Ю. В. Мелешко // Право. Экономика. Психология. – 2018. – № 1 (9). – С. 37–42. – С. 38.

⁹³ Мелешко, Ю. В. Методическое обеспечение совершенствования экономического механизма оказания услуг промышленного характера / Ю. В. Мелешко // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д. Экон. и юрид. науки. – 2016. – № 14. – С. 51–60. – С. 51.

⁹⁴ Deutschlands Zukunft als Produktionsstandort sichern. Umsetzungsempfehlungen für das Zukunftsprojekt Industrie 4.0. Abschlussbericht des Arbeitskreises Industrie 4.0 [Elektronische Quelle] / Promotorengruppe Kommunikation der Forschungsunion Wirtschaft – Wissenschaft // Bundesministerium für Bildung und Forschung. – 116 s. – S. 5. – Zugriffsmodus: https://www.bmbf.de/files/Umsetzungsempfehlungen_Industrie4_0.pdf. – Zugriffsdatum: 08.08.2018.

развития стран со сверхиндустриальной экономикой, и отождествление частного и общего, т. е. феноменологические особенности стран с сервисной экономикой возводятся в разряд всеобщих онтологических закономерностей. Последнее, по нашему мнению, стало возможным по причине преобладания в теоретических построениях Д. Белла либерально-рыночной идеологии, перерастающей у некоторых его последователей в беккеровский рыночный фундаментализм. В свое время нами уже писалось по этому поводу: «Постиндустриальное

общество является качественно новым состоянием в развитии человеческого общества, поэтому при исследовании его социально-экономической составляющей возникают дополнительные сложности (по сравнению с индустриальной и доиндустриальной стадиями), обусловленные, во-первых, коротким историческим периодом его существования и, во-вторых, высокой степенью идеологической заданности (в том числе апологетики "протестантского фундаментализма") в работах зарубежных исследователей, описывающих страны золотого миллиарда»⁹⁵.

Названные методологические погрешности достаточно часто встречаются в общественных науках, на что обратил внимание Ум. Эко: «В действительности мы редко даем определение сущности; гораздо чаще мы определяем вещи по их свойствам»⁹⁶. Такая ситуация способствует усилению гносеологического кризиса современной экономической науки. «В результате терминологической путаницы, отсутствия категориальной определенности, в последние десятилетия в мире наблюдается увеличение отрыва экономических практик от их теоретического осмысления»⁹⁷.

Вместе с тем теоретические разработки постиндустриального общества Д. Белла обладают значительным гносеологическим потенциалом при описании и исследовании экономик стран второго типа. В настоящее время рядом ученых и политиков уже применяются понятия «сверхиндустриальная экономика» и «постиндустриальная экономика» как дополняющие друг друга как при описании разных моделей развития (онтологический подход), так и при описании различий национальных экономик (феноменологический подход). По нашему мнению, такое использование этих понятий будет способствовать дальнейшему прогрессу экономической науки.

⁹⁵ Солодовников, С. Ю. Гносеологические трудности при изучении классов в постиндустриальном обществе / С. Ю. Солодовников // Социологический альманах. – 2012 – № 3. – С. 74–91. – С. 86.

⁹⁶ Эко, Ум. Откровения молодого романиста / Ум. Эко. – М.: АСТ; Corpus. – 2013. – 320 с. – С. 254.

⁹⁷ Солодовников, С. Ю. Теоретико-методологические основы исследования взаимосвязи теории трудовой мотивации и динамики трудовых отношений / С. Ю. Солодовников, Т. В. Сергеевич // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д. Экон. и юрид. науки. – 2016. – № 5. – С. 12–16. – С. 14

Обособленно от социальной парадигмы постиндустриального общества и теоретических построений, выросших на ее основе (т. е. теоретических построений, основанных на технико-технологическом детерминизме), стоит политическая экономика знака Ж. Бодрийера. Длительное время серьезной методологической ошибкой экономической науки являлось недостаточное внимание символическому потреблению и символическим потребностям, а это, применительно к теме нашего исследования, понятия ключевые, поэтому остановимся на этом подробно.

Ж. Бодрийер справедливо замечал, что для дальнейшего прогресса современной политэкономии в частности и экономической науки в целом необходимо, чтобы «анализ различающей социальной функции предметов и анализ политической функции идеологии, которая с ней связана»⁹⁸, исходил «из одной абсолютной предпосылки: из отмены само собой разумеющегося рассмотрения предметов в терминах потребностей, отмены гипотезы первичности потребительной стоимости»⁹⁹. Поясняя свою теоретическую позицию, вышеназванный автор подчеркивал, что эмпирическая гипотеза, господствующая сегодня как в экономическом мейнстриме, так и в ортодоксальном марксизме, «поддерживаемая очевидностью обыденной жизни, приписывает предметам функциональный статус, статус утвари, связанный с техническими операциями, относящимися к миру, и даже – тем самым – статус опосредования антропологических "природных" потребностей индивида. В такой перспективе предметы в первую очередь зависят от потребностей, приобретая смысл в экономическом отношении человека к окружающей среде. Эта эмпирическая гипотеза неверна. Дело обстоит совсем не так, словно бы первичным статусом предмета был прагматический статус, на который лишь затем накладывалась бы социальная знаковая стоимость – наоборот, фундаментальным является знаковая меновая стоимость, так что потребительная стоимость подчас оказывается просто ее практическим приложением (или даже простой рационализацией): только в такой парадоксальной форме социологическая гипотеза оказывается верной»¹⁰⁰. В рамках такого подхода важнейшей функцией обмена благ и предметов становится институционализация социальной иерархии.

Еще Т. Веблен показал, что даже если первоначальной функцией подчиненных классов являлось производство, то все равно одновременно они выполняют функцию утверждения *статуса* Хозяина. Более того, в ситуа-

⁹⁸ Бодрийер, Ж. К критике политической экономики знака / Ж. Бодрийер / пер. с фр. Д. Краlechkin. – М. : Академический Проект, 2007. – 335 с. – С. 12.

⁹⁹ Бодрийер, Ж. К критике политической экономики знака / Ж. Бодрийер / пер. с фр. Д. Краlechkin. – М. : Академический Проект, 2007. – 335 с. – С. 12.

¹⁰⁰ Там же. – С. 12–13.

ции, когда подчиненные классы содержатся в праздности, эта функция становится единственной¹⁰¹. В контексте нашего исследования наиболее важным является не сама социально-классовая дифференциация, хотя это тоже важно, а «рассогласование между подразумеваемой мобильностью (стремлениями) и реальной мобильностью (объективными шансами социального продвижения)»¹⁰². Как отмечал по этому поводу Ж. Бодрийяр, «эти стремления (*подразумеваемая мобильность – примечание авторов*) не являются свободными <...> они зависят от социальной наследственности и от уже достигнутого положения. Дойдя до определенного порога мобильности, они вообще исчезают – такова абсолютная покорность. В общем, они относительно нереалистичны: мы надеемся на большее, чем объективно в состоянии достичь, и в то же самое время относительно реалистичны: мы не даем разыграться нашему излишне честолюбивому воображению»¹⁰³.

Рассогласование между подразумеваемой и реальной мобильностями основывается на «неявной интерпретации социальными актантами объективных социологических данных: индустриальные общества предоставляют средним категориям населения определенные шансы на продвижение, но шансы сравнительно небольшие; социальная траектория за исключением отдельных случаев оказывается достаточно короткой, социальная инертность весьма ощутима, всегда остается возможность для регресса»¹⁰⁴. Ж. Бодрийяр писал, что в этом случае «создается впечатление, что: мотивация к восхождению по социальной лестнице выражает интериоризацию общих норм и схем общества постоянного роста; избыток стремлений по отношению к реальным возможностям выдает разбалансировку, глубокое противоречие общества, в котором "демократическая" идеология социального прогресса при случае вмешивается для того, чтобы компенсировать и переопределить относительную инертность социальных механизмов. Скажем иначе: индивиды надеются, потому что "знают", что могут надеяться, – они не надеются слишком, поскольку "знают", что это общество накладывает непроходимые препятствия на свободное восхождение, – и при этом они все-таки надеются чересчур, поскольку сами живут размытой идеологией мобильности и роста. Уровень их стремлений вытекает, следовательно, из компромисса между реализ-

¹⁰¹ Veblen, Th. The Theory of the Leisure Class / Th. Veblen. – 1899, фр. пер.: La Theorie de la classe de loisir; Paris, Gallimard, 1969.

¹⁰² Бодрийяр, Ж. К критике политической экономии знака / Ж. Бодрийяр / пер. с фр. Д. Краlechkin. – М. : Академический Проект, 2007. – 335 с. – С. 28.

¹⁰³ Бодрийяр, Ж. К критике политической экономии знака / Ж. Бодрийяр / пер. с фр. Д. Краlechkin. – М. : Академический Проект, 2007. – 335 с. – С. 28.

¹⁰⁴ Там же. – С. 29.

мом, питаемом фактами, и ирреализмом, поддерживаемым окружающей их идеологией – то есть из компромисса, который, в свою очередь, отражает внутреннее противоречие всего общества»¹⁰⁵. В результате возникает «противоречие между рациональной экономической логикой и культурной классовой логикой»¹⁰⁶. В данном случае Ж. Бодрийяр гениально раскрывает сущность современных развитых экономик, основанных на либерально-рыночной доктрине, подчеркивая, что по сравнению с индустриальными обществами роль идеологии начинает играть все большее и большее значение в хозяйственной жизни, именно экономическая идеология позволяет избегать серьезных социально-экономических конфликтов, делает латентными классовые противоречия, препятствует росту самосознания низших и средних классов, переводит политэкономическое противостояние на основе совпадения и противоречия классовых интересов в симуляцию политики.

Современное общество особенно подвластно иллюзии социальной мобильности. «Индикатором подразумеваемой социальной мобильности является уровень потребления благ»¹⁰⁷. Под влиянием увеличения доли потребления знаковых благ меняется структура. Классической сферой производства знаковых меновых стоимостей является производство товаров интенсивного обновления, где «добавленная стоимость создается за счет управления механизмами социальной демонстрации»¹⁰⁸. Экономика знака проявляется и в том, что в современном обществе «мода используется индивидом в той степени и с той целью, насколько она способна отразить его принадлежность к определенному социальному классу или общественной группе, т. е. подчеркнуть его социальный статус»¹⁰⁹.

Очень откровенное и важное с точки зрения нашего исследования явление по поводу европейских ценностей и проекта «Объединенная Европа» в свое время сделал Ж. Бодрийяр: «главной целью этой схемы ин-

¹⁰⁵ Бодрийяр, Ж. К критике политической экономии знака / Ж. Бодрийяр / пер. с фр. Д. Крачеккин. – М. : Академический Проект, 2007. – 335 с. – С. 29.

¹⁰⁶ Там же. – С. 44.

¹⁰⁷ Сергиевич, Т. В. Мода как объект экономического исследования / Т. В. Сергиевич // Бизнес. Инновации. Экономика : сб. научн. ст. / Институт бизнеса и менеджмента технологий БГУ; редкол.: В. В. Апанасович (председатель). – Минск: Печатный Дом «Вишневка», 2017. – Вып. 1. – С. 170–179. – С. 172.

¹⁰⁸ Сергиевич, Т. В. Совершенствование организационно-экономического механизма производства товаров интенсивного обновления : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Т. В. Сергиевич ; БГУ. – Минск, 2018. – 30 с. – С. 1.

¹⁰⁹ Сергиевич, Т. В. Мода как объект экономического исследования / Т. В. Сергиевич // Бизнес. Инновации. Экономика : сб. научн. ст. / Институт бизнеса и менеджмента технологий БГУ; редкол.: В. В. Апанасович (председатель). – Минск: Печатный Дом «Вишневка», 2017. – Вып. 1. – С. 170–179. – С. 171–172.

тернациональной стратификации, проходящей под символом "Европы", является политическое осуществление национальной интеграции, свойственной каждой из рассматриваемых стран, причем осуществляется она не только со стороны потребления, но и со стороны стратификации»¹¹⁰. При помощи этого проекта, позволяющего снизить степень накопления социального капитала и уровня самосознания низших классов «в статистической дихотомии, – отмечал Ж. Бодрийяр, – снимается старое разнобразие противоборствующих классов: их по-прежнему два, но между ними больше нет конфликта – два термина меняются на два полюса "социальной динамики". Следствием (и целью) такого тактического разделения оказывается нейтрализация крайних элементов и, следовательно, всякого противоречия, которое могло бы возникнуть из них в социальном плане: существует один-единственный модельный уровень (направляющая схема) и – все остальные. Перемешанные статистикой, они представляются в качестве просто населения, огромного среднего класса или тех, кто им может стать, класса, культурно уже подготовленного к роскошествам привилегированных классов. Нет больше никакого радикального неравенства между главой предприятия и служащим низового звена, поскольку последний, смешавшись в статистике со средними классами, видит, что ему уже доверен "средний" *standing* и обещан *standing* высших классов. На всем протяжении социальной лестницы никто не подвергается окончательному исключению»¹¹¹. В Старой Европе, как отмечает Ж. Бодрийяр, «вокруг обладания культурными и материальными благами организуется целая новая концепция классово-стратегии. Ценности и критерии потребления подвергаются мнимой универсализации лишь затем, чтобы еще успешнее привязать "безответственные" классы (то есть не обладающие властью решения) к потреблению и, тем самым, сохранить для руководящих классов исключительность их власти»¹¹². Этот прием создает иллюзию объединения всех слоев «демократической» Европы. «Подмена реальных мотивов псевдомотивами, нерациональность в потреблении, выступающем в качестве системы производства знаков, изменение системы ценностей современного европейского общества приводят к дисфункции системы экономической мотивации и поведения индивидов»¹¹³.

¹¹⁰ Бодрийяр, Ж. К критике политической экономии знака / Ж. Бодрийяр / пер. с фр. Д. Кра-
лечкин. – М. : Академический Проект, 2007. – 335 с. – С. 62.

¹¹¹ Бодрийяр, Ж. К критике политической экономии знака / Ж. Бодрийяр / пер. с фр. Д. Кра-
лечкин. – М. : Академический Проект, 2007. – 335 с. – С. 62.

¹¹² Там же. – С. 64.

¹¹³ Сергиевич, Т. В. Изменение экономической мотивации в странах Старой Европы: попы-
тка гносеологического анализа сквозь призму философских и политикоэкономических
взглядов Ж. Бодрийяра / Т. В. Сергиевич // Европейский Союз и Республика Беларусь: пер-
спективы сотрудничества = The European Union and the Republic of Belarus: Getting Closer for

Для этого нового общества характерно, помимо вышеназванных характеристик (изменение характера промышленного производства от массового изготовления до гибкого специализированного в ответ на технологические инновации; развитие сервисной экономики), формирование принципиально новых глобальных финансов, которые выходят за рамки своей традиционной функциональной роли в экономической системе общества и существуют достаточно изолированно от процессов, происходящих в реальном секторе экономики. Иллюстрируя этот разрыв, Ж. Бодрийяр в свое время писал: «Весьма любопытной чертой, связанной с крахом на Уолл-стрит в 1987 году, является неуверенность в том, имела ли на самом деле место настоящая катастрофа и ожидается ли таковая в будущем. Правильный ответ – нет, реальной катастрофы не будет, поскольку мы живем под знаком катастрофы виртуальной. В этом контексте красноречиво проявляется несоответствие между фиктивной экономикой и экономикой реальной. Именно этот диссонанс и защищает нас от реальной катастрофы производительной экономики»¹¹⁴. Далее он добавляет, что «деньги вращаются в недоступном пространстве, которое оставляет мир таким, какой он есть. В конечном итоге, экономика продолжает производить, в то время как малейшего логического следствия из колебаний фиктивной экономики было бы достаточно, чтобы ее уничтожить (не забудем, что сегодня объем товарооборота в 45 раз уступает объему перелива капитала)»¹¹⁵.

Для современного общества также характерно возрастание роли общественно-функциональных инноваций. С расширением их применения для принуждения акторов к желательному для Манипулятора поведению посредством целенаправленной подачи информации в интернете и традиционных СМИ значительно искажается восприятие субъектами своих потребностей и интересов. «Любая коммуникация (в информационном обществе – примечание авторов), – пишет по этому поводу Ж. Бодрийяр, – по сути есть лишь принудительный сценарий, непрерывная фикция, извлекающая нас от пустоты нашего умственного экрана, на котором мы с не меньшим вождением ждем изображения»¹¹⁶. Кроме этого, для общества, пришедшего на смену индустриальному, характерно изменение роли и функций информации в хозяйственной жизни в увеличении значения знаний для развития экономики. В современную эпоху информация, по-

Better Future : сборник тезисов докладов II Междунар. конф., Минск, 2 июня 2016 г. / редкол.: В. Г. Шадурский [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2017. – С. 170–173. – С. 172.

¹¹⁴ Бодрийяр, Ж. Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр ; Пер. с фр. Л. Любарской, Е. Марковской. – 5-е изд. – М.: «Добросвет», «Издательство "КДУ"», 2014. – 260 с. – С. 40.

¹¹⁵ Там же. – С. 42.

¹¹⁶ Там же. – С. 22.

стоянно воспроизводящаяся и катастрофически разрастающаяся в интернете, приходит в свою противоположность. «Избыток знаний безразлично рассеивается по поверхности во всех направлениях, при этом происходит лишь замена одного слова другим»¹¹⁷. Ж. Бодрийяр подчеркивает, что «написано и распространено столько знаков и сообщений, что они никогда не будут прочитаны. К счастью для нас! Ибо даже с той малой частью, которую мы абсорбируем, с нами происходит нечно, подобно казни на электрическом стуле»¹¹⁸. В последнем случае речь идет по существу об использовании невероятно большого объема информационных сообщений не для получения или трансляции новых знаний, а как важного инструмента современных информационных войн. Причем последние сегодня ведутся не только между государствами и политическими партиями, но и между многочисленными классами и даже отдельными коммерческими организациями. «При этом особую угрозу таит в себе тот факт, что наличие огромных массивов информации, иллюзорная независимость и видимость свободного доступа к ней создают иллюзию субъектов владения информацией, в то время как это становится условием еще больших возможностей для манипулирования индивидуальным и коллективным сознанием»¹¹⁹. Вместе с тем эта лавина интернет-информации слабо пересекается с теми знаниями, технологическими решениями, в которых сегодня как никогда нуждаются реальный сектор экономики и сфера услуг.

Но вернемся к гносеологической сути проблем современной экономики, раскрытых Ж. Бодрийяром. Названный автор писал о существовании трилогии развития ценностей: «начальная стадия, когда существовали повседневные, бытовые ценности; рыночная стадия, когда ценность выступает как средство обмена; структурная стадия, когда появляется ценность-символ. Закон естественного развития – закон рынка – структурный закон ценностей»¹²⁰. «После начальной, рыночной и структурной стадий ценности возникает стадия дробления, – поясняет Ж. Бодрийяр, – начальной стадии соответствует естественное природное состояние мира, и ценность развивалась согласно существовавшим естественным обы-

¹¹⁷ Там же. – С. 21.

¹¹⁸ Там же. – С. 49.

¹¹⁹ Сергиевич, Т. В. Изменение экономической мотивации в странах Старой Европы: попытка гносеологического анализа сквозь призму философских и политикоэкономических взглядов Ж. Бодрийяра / Т. В. Сергиевич // Европейский Союз и Республика Беларусь: перспективы сотрудничества = The European Union and the Republic of Belarus: Getting Closer for Better Future : сборник тезисов докладов II Международной конференции, Минск, 2 июня 2016 г. / редкол. : В. Г. Шадурский [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2017. – С. 170–173. – С. 170–171.

¹²⁰ Бодрийяр, Ж. Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр ; Пер. с фр. Л. Любарской, Е. Марковской. – 5-е изд. – М.: «Добросвет», «Издательство "КДУ"», 2014. – 260 с. – С. 10

чаям. Второй стадии соответствовала эквивалентность ценности, и ценность развивалась согласно логике торговли. На третьей стадии появился некий свод правил, и ценность развивается в соответствии с существующей совокупностью образов. На четвертой же стадии – стадии фрактальной, которую мы могли бы назвать также вирусной или стадией диффузии ценностей, уже не существует соответствия чему бы то ни было. Ценность распространяется во всех направлениях, без какой-либо логики, присутствуя в каждой скважине и щели. На этой стадии не существует более равноценности, присущей другим стадиям, нет больше самого закона ценности; есть лишь нечто, похожее на эпидемию ценности, на разрастание метастазов ценности, на ее распространение и рассеяние, зависящее лишь от воли случая. Строго говоря, здесь уже не следовало бы прибегать к самому понятию ценности, поскольку такое дробление, такая цепная реакция делает невозможным какое-либо исчисление и оценку»¹²¹. После чего Ж. Бодрийяр констатирует: «Экономика, ставшая трансэкономикой, эстетика, ставшая трансэстетикой, сексуальность, ставшая транссексуальностью, – все это сливается в универсальном поперечном процессе, где никакая речь не сможет более быть метафорой другой речи, потому что для существования метафоры необходимо существование дифференцированного поля и различных предметов. Но заражение всех дисциплин кладет конец такой возможности. Полная вирусная метонимия по определению (или, скорее по отсутствию определения)»¹²². Очень гносеологически красивое определение, отражающее суть современного Западного общества, в этих условиях породившего социальную парадигму постиндустриальной экономики. Будь это философский текст, то на этом возможно можно было бы остановиться, но политико-экономическое определение современного общества – общества рисков – требует рассмотреть его экономическую онтологию.

1.4 Современная экономика – экономика рисков

В 60–90-х годах прошлого века в странах золотого миллиарда сформировался новый тип обывателя, обывателя сытого и самодовольного, который в период этих благодатных пятидесяти лет (европейского «золотого века»), когда финансовые и политические элиты капиталистических стран были вынуждены, борясь с социалистической идеей, делиться частью своих сверхприбылей со своими согражданами. В результате новый европейский

¹²¹ Бодрийяр, Ж. Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр ; Пер. с фр. Л. Любарской, Е. Марковской. – 5-е изд. – М.: «Добросвет», «Издательство "КДУ"», 2014. – 260 с. – С. 10–11.

¹²² Там же. – С. 14.

обыватель, вооруженный идеями протестантского фундаментализма и «общечеловеческими» ценностями, не заметил, что социальные лифты в ЕС давно перестали работать, а децильные коэффициенты достигли заоблачных высот, по сравнению с которыми имущественная дифференциация в Римской империи кажется образцом социальной справедливости. Децильный коэффициент в Великобритании сегодня равняется 100! Золотой век в Западной Европе закончился, закончился в ней и период латентных экономических конфликтов. Общественные науки и, в том числе, теоретическая экономика, занятые выполнением социального заказа высших социальных классов (всеми способами поддерживать и совершенствовать либерально-рыночную идеологию, основанную на идеях протестантского фундаментализма), не заметили радикальных политико-экономических изменений – возникновение и быстрое развитие экономики рисков. Повторилась ситуация 1929 г., когда большинство западных ученых экономистов «просмотрели» качественные изменения в капиталистической экономике, приведшие к страшному мировому экономическому кризису. И тогда, и сейчас причиной этому стала их идеологическая зашоренность.

Экономика рисков – это экономика высокотехнических и наукоемких производств, характеризующаяся высочайшей степенью политико-экономических, технологических, финансовых и экологических неопределенностей и рисков. В отличие от традиционных экономических рисков как возможности потерь хозяйствующими субъектами вследствие рыночной неопределенности или вмешательства государства в экономическую деятельность, являющихся атрибутивными признаками рыночной экономики, в современной экономике риски принимают всеобъемлющий характер, многие из них в принципе не предсказуемы – «черные лебеди», «эффект сверхуверенности» и т. д.

Нами уже неоднократно отмечалось, что «современная экономика перестает быть рыночной в понимании рынка первой половины XX века»¹²³. Сегодня происходит радикальное изменение механизмов организации обмена между производителями и потребителями. Рыночный сегмент, длительное время господствующий в экономически развитых странах, становится периферийным. Для пострыночной экономики характерно наличие высокоэффективного промышленного производства, значительный рост доли сектора услуг в ВВП, дальнейшее увеличение значения знаний для развития экономики, развитие интернет-технологий и новые (пострыночные) формы конкурентной борьбы. Последние уже давно стали предметом изучения не только ученых-экономистов, но и других обществоведов

¹²³ Солодовников, С. Ю. Феноменологическая природа взаимообусловленности экономической конкурентоспособности и социального капитала Беларуси и Украины / С. Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2015 – Вып. 3. – С. 23–34. – С. 23.

и гуманитариев. Так, например, Т. В. Солодовникова пишет по этому поводу: «происходящая сегодня радикальная трансформация национальных экономик и мировой экономики в целом, сопровождающаяся формированием посткапиталистического общества, была вызвана технологической и информационной революциями. Активно развиваются принципиально новые формы конкуренции, в том числе направленные на нелетальное разрушение конкурентов (подрыв его имиджа, доверия к нему и т. д.)»¹²⁴.

Собственно говоря, важным отличием рыночной экономики от пострыночной экономики и выступают новые общественно-функциональные технологии, применяемые в конкурентной борьбе. Прежде всего, это общественно-функциональные технологии (информационное оружие), направленные на нелетальное разрушение социальных субъектов и ориентированные на противодействие этому разрушению.

В настоящее время общественно-функциональные технологии, направленные на нелетальное разрушение социальных субъектов, из сферы военно-политического противостояния естественным образом пришли в сферу политико-экономической конкуренции. В литературе все чаще и чаще стали встречаться новые понятия – «информационное оружие» и «информационная война», которые, в сущности, означают революцию не только в военном искусстве, но и в сфере компьютерно-информационных технологий. Часто за этим скрываются принципиально новые формы противоборства, в которых победа, «подавление противника» будет достигаться не с помощью классического (даже ядерного) оружия и традиционных способов ведения войны, а путем массированного использования информационного оружия. Многие аналитики технологически развитых стран считают этот вид оружия «решающим фактором владения современным миром». Национальные информационные ресурсы сегодня составляют все большую долю национального богатства в развитых странах. Сегодня информационное оружие называют «Троянским конем XXI века».

Появление информационного пространства привело к появлению желающих не только поделить это пространство, но и контролировать и управлять процессами, в нем происходящими. Для этого используется так называемое технико-ориентированное информационное оружие, которое подразделяется на то, которое направлено против компьютерных систем, и то, которое способствует всеческой трансформации информации в пользу информационного агрессора. Оно выступает в таком случае в качестве средства уничтожения, искажения или хищения информации; средства преодоления систем защиты; средства ограничения допуска за-

¹²⁴ Солодовникова, Т. В. Инструменты подмены оснований в современном экономическом дискурсе / Т. В. Солодовникова // Право. Экономика. Психология. – 2018. – № 1 (9). – С. 43–48. – С. 44.

конных пользователей; средства дезорганизации работы технических средств, компьютерных систем. В отличие от технико-ориентированного информационного оружия, информационное оружие как общественно-функциональная инновация представляет собой такой вид информационного оружия, который подвергает воздействию определенные группы социальных субъектов с целью навязывания им нужного манипулятору социально-экономического поведения.

Возникновение кибернетического пространства ознаменовало собой начало эпохи информационных войн. Это можно объяснить тем, что с появлением все более и более усовершенствованных компьютерно-информационных технологий ведение информационной войны становится в разы быстрее и является более эффективным воздействием на социум. Так как хозяйствующий субъект уничтожается нелетально, а значит, победа в информационной войне является «алгоритмически неразрешимой проблемой». Самая главная задача применения информационного оружия состоит в том, чтобы заставить противника направить имеющиеся у него средства, в том числе технические, против самого себя. Информационное оружие второго типа направлено против социальных субъектов и включает в себя «не силовые» методы борьбы – такие, например, как сборку, так и разборку социального субъекта.

Для сборки и разборки социального (квазисоциального) субъекта сегодня используется информационное оружие, под которым понимается средство ведения современной нелетальной войны. Оно обеспечивает идентификацию и поражение противника с помощью информационных концентраторов различных конструкций (традиционное СМИ, сетевые гипертекстовые концентраторы и т. п.). Современное информационное оружие позволяет оказать влияние на социальный субъект, приводящее к блокированию его социальных действий (социальной активности) и позволяет эффективно перераспределять (переделить) материальные ресурсы (изменить отношения собственности) без нанесения повреждений самой собственности. В результате этого «современная экономика становится критически зависимой от возможности определенными социально-экономическими субъектами (социальными группами) манипулировать поведением больших масс людей в своих эгоистических (*эгональных – примечание авторов.*) интересах»¹²⁵.

¹²⁵ Солодовникова, Т. В. Ложная аргументация как инструмент экономического дискурса / Т. В. Солодовникова // Экономические исследования и разработки: научно-исследовательский журнал. – Нижний Новгород: НОО «Профессиональная наука». – 2017. – № 2. – С. 125–143. – С. 126.

Если посмотреть на процессы сборки и разборки социального субъекта через призму категории «экономика рисков», то становится очевидным, что в данном случае идет речь не только о нарушении рыночных принципов ценообразования, т. е. о значительном сокращении сферы применения закона спроса и предложения в хозяйственной практике, но и о нарушении законов образования и эволюции социальных классов, когда высшие классы могут навязывать средним и низшим классам свою идеологию, свою мораль, свои интересы. Иначе говоря, «класс в себе» не может стать «классом для себя» (К. Маркс), или в терминологии М. Вебера «класс» не может стать «социальным классом». А это значит, что классовая борьба, а ее никто не отменял, становится латентной и непредсказуемой¹²⁶. В результате серьезно трансформируются социально-трудовые отношения и механизмы согласования экономических интересов, частично они становятся симулякрами, тем самым повышая непредсказуемость хозяйственной деятельности, порождают серьезные политико-экономические и технологические риски. Ж. Бодрийяр писал по этому поводу: «Традиционно инфляция и безработица составляют переменные, входящие в уравнение роста: на этом уровне кризиса нет – есть лишь неупорядоченные процессы, а сама неупорядоченность является тенью органической целостности. Ныне аномалия приобретает весьма тревожный характер. Она – не явный симптом, а странный знак упадка, нарушения правил какой-то тайной игры или, по меньшей мере, чего-либо, нам неизвестного»¹²⁷. Далее он приводит еще один пример: «И безработица тоже изменила смысл. Это уже не стратегия капитала (резервная армия), не критический фактор в игре социальных отношений. Иначе, при том, что напряженность уже превзошла все пределы, безработица привела бы к неслыханным потрясениям»¹²⁸. Отсутствие четких правил игры в социально-классовых отношениях, поскольку у подавляющего большинства социально-классовых образований современного общества отсутствует «классовое» сознание, привело сегодня к росту популистских партий. Эти партии ориентируются не на объективные политико-экономические интересы, а на потребностные ожидания, что само по себе усиливает неопределенность и риски в экономической политике.

Значительный вклад в превращение традиционной капиталистической экономики в экономику рисков принадлежит глобальным спекулятивным

¹²⁶ Солодовников, С. Ю. Классы и классовая борьба в постиндустриальном обществе : методологические основы политико-экономического исследования / С. Ю. Солодовников. – Минск. : БНТУ, 2014. – 378 с.

¹²⁷ Бодрийяр, Ж. Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр ; Пер. с фр. Л. Любарской, Е. Марковской. – 5-е изд. – М.: «Добросвет», «Издательство "КДУ"», 2014. – 260 с. – С. 50.

¹²⁸ Там же. – С. 51.

финансам. То, что в последние двадцать лет значительно повысилась неустойчивость мировой экономики, прежде всего, связано с изменением в ней роли и функций финансов, а также значительным усилением глобальной финансовой неустойчивости. Причем в основе последней лежит «изменение природы и роли финансов: из обеспечивающих и обслуживающих экономику они стали доминирующими над экономикой, – отмечает М. А. Сажина. – Более того, работая преимущественно на себя, они действуют глобально. Оторванные от своего материального носителя, глобальные виртуальные финансы постоянно движутся, причем с очень высокой скоростью: за секунду миллиарды долларов, а за день триллионы долларов могут сменить своих собственников. В результате для виртуальных денег характерна постоянная смена субъекта собственности и размытость диффузия прав собственности. В следствие этого они потеряли такую характерную черту, как управляемость, выключились из процесса рыночного саморегулирования, усилили риски и придали экономике черты нестабильности»¹²⁹. Современные глобальные финансы значительно нарушают действие рыночных законов в планетарном масштабе. Причем это нарушение намного больше, чем то нарушение, которое наблюдалось в период после Второй мировой войны от хозяйственной деятельности всех социалистических стран. Ж. Бодрийяр писал по этому поводу: «есть нечто другое, гораздо более ошеломляющее чем инфляция. Это – оборот денежной массы, охватывающий Землю своей круговой орбитой»¹³⁰. Гносеологическое осмысление новой роли финансов во многом затруднено (помимо того, что современные глобальные финансы – это принципиально новое явление в экономической истории) еще и тем, что на региональном и страновом уровне финансы в ряде случаев продолжают выполнять свои традиционные функции. В результате глобальные финансы в условиях отсутствия действенных межстрановых институционально-финансовых фильтров (барьеров), защищающих национальные экономики от спекулятивных атак глобальной финансовой системы, могут очень быстро разрушить национальный промышленный комплекс, сельское хозяйство и в целом сложившийся в данной стране уклад хозяйственной жизни. При этом «нарушаются не только сложившиеся макроэкономические пропорции, но и возникают новые диспропорции. Среди них: разрыв между инвестициями и сбережениями, появились страны с хроническим дефицитом и хроническим профицитом текущих статей платежного баланса, растет задолженность, учащаются и усиливаются

¹²⁹ Сажина, М. А. Природа современных финансов / М. А. Сажина // Экономические науки. – 2014. – № 9. – С. 25–33. – С. 32.

¹³⁰ Бодрийяр, Ж. Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр ; Пер. с фр. Л. Любарской, Е. Марковской. – 5-е изд. – М.: «Добросвет», «Издательство "КДУ"», 2014. – 260 с. – С. 50.

финансовые кризисы»¹³¹. При этом основой глобальной финансовой неустойчивости является долларизация мировой экономики. В период золотого обеспечения доллара как основной резервной валюты это во многом отражало политико-экономические реалии второй половины сороковых – начала семидесятых годов прошлого века, когда сразу после Второй мировой войны США производили 56% мирового промышленного и сельскохозяйственного производства и обладали примерно 70% мирового запаса золота.

После отказа от золотого обеспечения доллара США получили возможность «проводить фактически ничем не ограниченную эмиссию доллара, стимулировать внутренний спрос в стране, не обеспечивая его реальным ростом экономики. В конечном счете это привело к чрезмерному увеличению денежной массы резервной валюты и к снижению ее эффективности. В результате США сняли с себя и со своих банков всякие обязательства за эмитируемые ими доллары»¹³². Как результат, чтобы уменьшить свои финансовые риски, все страны – владельцы долларовых валютных резервов помещали их на счета американских банков. У последних, в свою очередь, возникла проблема как размещать эти лишние доллары, которые изначально не были востребованы американским рынком. «Банки пустились финансировать "пузыри" на фондовом рынке, раздавать дешевые ипотечные кредиты практически без всякого контроля за заемщиками, осуществлять льготное кредитование диктаторских режимов в мире. Но самое негативное следствие этих действий состоит в том, – справедливо отмечает М. А. Сажина, – что американские финансовые институты стали формировать международные "горячие деньги", которые начали кочевать по фондовым и валютным рынкам разных стран, усиливая их цикличность, ввергая в постоянные подъемы и кризисы»¹³³. Эти «горячие деньги» в основе относятся к фиктивному капиталу, который работает на воспроизводство самого себя, опровергая самим своим существованием и теорию стоимости, и закон спроса и предложения, и многое другое. Ж. Бодрийяр в свое время справедливо утверждал, что «надежда примирить фиктивную экономику с реальной утопична: эта свободно обращающиеся миллиарды долларов невозможно переместить в реальную экономику, что, впрочем, является большой удачей, ибо если бы каким-то чудом они оказались вложены в производство, это стало бы настоящей

¹³¹ Сажина, М. А. Природа современных финансов / М. А. Сажина // Экономические науки. – 2014. – № 9. – С. 25–33. – С. 32.

¹³² Сажина, М. А. Природа современных финансов / М. А. Сажина // Экономические науки. – 2014. – № 9. – С. 25–33. – С. 32.

¹³³ Там же. – С. 32.

катастрофой»¹³⁴. Проблема глобальных финансов сложна и многогранна, ее раскрытие не является нашей задачей. Исходя из цели нашего исследования, в данном случае важно, что эти глобальные спекулятивные финансы вносят свой значительный «вклад» в возникновение и эволюцию экономики рисков.

Еще одной важной причиной возникновения и сохранения экономики рисков выступает очень высокая неопределенность технико-технологических прогнозов. В результате возникает множество дополнительных рисков на уровне государства и коммерческих организаций, вызванных этой неопределенностью. Рассмотрим это подробнее. Современная структурная политика в контексте технологической модернизации экономики должна исходить, как справедливо подчеркивают С. Губанов,¹³⁵ Д. Фролов и И. Польшцев,¹³⁶ из реалистичного системного анализа тенденций развития современных индустрий. «Особенно это касается наиболее динамично развивающихся высокотехнологичных индустрий, обладающих потенциалом утверждения в качестве "ядра" неоиндустриального хозяйства»¹³⁷. Для успешной реализации современной структурной политики «необходимо наличие и оптимальное сочетание таких важнейших экономических ресурсов как: человеческий капитал; социальный капитал; финансовый капитал и материально-вещественный капитал. Все названные формы капитала одинаково важны для проведения новой индустриализации, но в различные периоды может наблюдаться нехватка (дефицит) какого-либо из них»¹³⁸. Соответственно, и экономическая эффективность добавления этого фактора будет возрастать. При этом в ряде случаев несколько из названных видов капитала могут одновременно существовать в рамках одной бытийной формы (одного социально-экономического явления). Например, социально-экономическое сообщество является одновременно формой расширенного воспроизводства человеческого и социального капиталов.

Современная структурная политика формируется в условиях глубокого кризиса наноиндустрии.¹³⁹ Д. Фролов и И. Польшцев подчеркивают, что «осмысление причин и последствий кризиса наноиндустрии позволит

¹³⁴ Бодрийяр, Ж. Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр ; Пер. с фр. Л. Любарской, Е. Марковской. – 5-е изд. – М.: «Добросвет», «Издательство "КДУ"», 2014. – 260 с. – С. 43.

¹³⁵ Губанов, С. Об экономической модели и долгосрочной стратегии новой индустриализации России / С. Губанов // Экономист. – 2016. – № 2. – С. 3–10.

¹³⁶ Фролов, Д. Кризис наноиндустрии и ее будущее / Д. Фролов, И. Польшцев // Экономист. – 2017. – № 5. – С. 27–37. – С. 27.

¹³⁷ Там же. – С. 27.

¹³⁸ Солодовников, С. Ю. Современная структурная политика и кризис наноиндустрии / С. Ю. Солодовников // Право. Экономика. Психология. – 2017. – № 3 (8). – С. 42–48. – С. 45.

¹³⁹ Фролов, Д. Кризис наноиндустрии и ее будущее / Д. Фролов, И. Польшцев // Экономист. – 2017. – № 5. – С. 27–37.

конструктивно скорректировать стратегию ее развития и политику регулирования»¹⁴⁰, что позволит скорректировать структурную политику и оптимизировать использование бюджетных ресурсов, направляемых на НИОКР.

Напомним, что «импульсом глобального развития nanoиндустрии стало утверждение в начале 2000 г. президентом США Б. Клинтонем первой в мире государственной стратегии в области нанотехнологий – национальной нанотехнологической инициативы»¹⁴¹. США направили колоссальные ресурсы на финансирование этой стратегии, которые к 2017 г. составили более 24 млрд. долл. США¹⁴². В национальной нанотехнологической инициативе «был озвучен прогноз объема мирового рынка продукции nanoиндустрии – 1 трлн. долл. к 2015 г. Главным эффектом перспективы "триллионного рынка" для нанотехнологий стала боязнь правительств во всем мире пропустить новую технологическую революцию и дать США возможность глобального доминирования в сфере инноваций. Этого было достаточно, чтобы породить сначала в развитых, а затем и развивающихся странах множество стратегических действий по развитию нанотехнологий»¹⁴³. В результате «в мире начинается научное соревнование за достижение передовых позиций в нанотехнологиях. Остроту ситуации характеризует стремление США не просто лидировать, а доминировать на этом направлении науки»¹⁴⁴. Д. Фролов и И. Полынцев отмечают, что в результате этого «в большинстве стран были приняты стратегии и программы развития нанотехнологий по аналогии с НИИ (*национальной нанотехнологической инициативой – примечание авторов*). В результате совокупный объем государственных и частных инвестиций в связанные с нанотехнологиями и наноматериалами исследования и разработки неуклонно увеличивался. Так, в период 1997–2004 гг. данный показатель вырос в 20 раз – с 0,4 до 8,6 млрд. долл.»¹⁴⁵. Названные авторы для характеристики этой ситуации приводят в своей работе высказывание амери-

¹⁴⁰ Там же. – С. 27.

¹⁴¹ Фролов, Д. Кризис nanoиндустрии и ее будущее / Д. Фролов, И. Полынцев // Экономист. – 2017. – № 5. – С. 27.

¹⁴² The National Nanotechnology Initiative Supplement to the President's 2017 Budget // National Science and Technology Council. 2016. – 104 p. – P. 25

¹⁴³ Фролов, Д. Кризис nanoиндустрии и ее будущее / Д. Фролов, И. Полынцев // Экономист. – 2017. – № 5. – С. 27–37. – С. 27.

¹⁴⁴ Арский, Ю. М. От редакционной коллегии / Ю. М. Арский // Индустрия наносистем и наноматериалов. – 2007. – № 1. – С. 2.

¹⁴⁵ Фролов, Д. Кризис nanoиндустрии и ее будущее / Д. Фролов, И. Полынцев // Экономист. – 2017. – № 5 – С. 27–37. – С. 27.

канских ученых¹⁴⁶ о том, что «к середине 2000-х гг. конкуренцию стран в сфере наноиндустрии с полным основанием можно было охарактеризовать как "наногонку", сравнимую с "лунной гонкой" 1960-х гг. и представляющую собой превращенную форму "гонки вооружений" в мирное время»¹⁴⁷. За десять лет после принятия национальной нанотехнологической инициативы правительства во всем мире инвестировали в нанотехнологии свыше 65 млрд. долл. США¹⁴⁸. «В 2010 г. инвестиции частных компаний впервые превысили вложения со стороны государств: если в 2009 г. корпорации и правительства во всем мире инвестировали в наноиндустрию по 8,4 млрд. долл., то в 2010 г. частный бизнес вложил уже 9 млрд. долл., а государственные расходы составили 8,2 млрд. долл. По состоянию на 2010 г. лидерами корпоративных инвестиций в сферу нанотехнологий выступали США, Япония и Германия, при этом Россия заняла последнее место в данном рейтинге»¹⁴⁹.

На этом фоне возникают сверхоптимистичные прогнозы объемов рынка наноиндустрии «в триллионном измерении, от 1 до 4,4 трлн. долл. (Lux Research, National Scientific Foundation, Cientifica, RNCOS)»¹⁵⁰, умеренно-оптимистичные прогнозы исчисляют объем рассматриваемого рынка в сотнях миллиардов долларов, от 148 до 750 млрд. долл. (European Commission, Wintergreen, MRI, Evolution Capital) и пессимистичные (или реалистичные по определению BCC Research) прогнозы измеряют объем данного рынка десятками миллиардов долларов, от 64,2 до 75,8 млрд. долл. (BCC Research, Research and Markets)»¹⁵¹. Д. Фролов и И. Польшцев объясняют такой широкий разброс оценок тем, что: во-первых, «речь идет о рынке быстро развивающейся технологии широкого применения, потенциал которой фактически еще не раскрыт окончательно даже на уровне фундаментальных исследований»¹⁵², во-вторых, «в оптимистичных прогнозах учитывается совокупная стоимость продукции, произведенной с применением нанотехнологий и наноматериалов, а не стоимость самих нанотехнологий и наноматериалов, что приводит к завышенным оценкам

¹⁴⁶ Hullman, A. Who is winning the global nanorace? / A. Hullman // Nature Nanotechnology. – 2006. – № 1. – P. 81–83; Nanomanufacturing: Emergence and Implications for U.S. Competitiveness, the Environment, and Human Health. Report to Congressional Requesters // United States Government Accountability Office. – 2014. – P. 22.

¹⁴⁷ Фролов, Д. Кризис наноиндустрии и ее будущее / Д. Фролов, И. Польшцев // Экономист. – 2017. – № 5. – С. 27–37. – С. 27.

¹⁴⁸ Там же. – С. 28.

¹⁴⁹ Там же. – С. 28.

¹⁵⁰ Там же. – С. 28.

¹⁵¹ Там же. – С. 28–29.

¹⁵² Там же. – С. 29.

рынка»¹⁵³, в-третьих, увлечением многих ученых «построением описательных моделей будущей экономики, основанной на нанотехнологическом укладе, тяготеющих к утопическим или апокалиптическим сценариям. Например, по мнению некоторых исследователей, развитие VI технологического уклада, базирующегося на нанотехнологиях (по классификации С. Глазьева), приведет к возникновению эффекта экономической сингулярности, вследствие которой нанотехнологии проникнут во все виды технологий и фактически поглотят их, а nanoиндустрия включит в себя все ранее известные индустрии»¹⁵⁴.

М. Кастельс в свое время предупреждал об опасности субъективных завышенных оценок развития новейших комплексных технологий, подчеркивая при этом: «Существенно, таким образом, сохранять дистанцию между оценкой возникновения новых социальных форм и процессов, индуцированных и допускаемых новыми технологиями, и экстраполяцией потенциальных последствий таких событий для общества и людей: только конкретный анализ и эмпирические наблюдения смогут определить исход взаимодействия между новыми технологиями и возникающими социальными формами»¹⁵⁵. Используя эту идею М. Кастельса применительно к развитию nanoиндустрии, Д. Фролов и И. Полынцев отмечают: «Как утопические, так и алармистские сценарии развития nanoиндустрии достаточно быстро оказались опровергнуты объективной реальностью»¹⁵⁶. Сегодня «сверхоптимистичные ожидания инвесторов (*по поводу развития nanoиндустрии – примечание авторов*) по большому счету не оправдались: индексы нанотехнологических компаний отстают от обычных фондовых индексов, ушла в прошлое мода на добавление приставки "nano" в названия стартапов, интерес общества к нанотехнологиям резко упал, а результатами исследований и разработок в области нанонауки и nanoинженерии активно пользуются корпорации, не позиционирующиеся в качестве представителей nanoиндустрии <...> По сути, нанотехнологии как радикальная инновация выразились в многочисленных улучшающих изменениях в уже сложившихся отраслях экономики»¹⁵⁷. «Снижение инвестиционной привлекательности nanoин-

¹⁵³ Там же. – С. 29.

¹⁵⁴ Фролов, Д. Кризис nanoиндустрии и ее будущее / Д. Фролов, И. Полынцев // Экономист. – 2017. – № 5. – С. 27–37. – С. 30.

¹⁵⁵ Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М.: ГУ ВШЭ. – 2000. – 608 с. – С. 78.

¹⁵⁶ Фролов, Д. Кризис nanoиндустрии и ее будущее / Д. Фролов, И. Полынцев // Экономист. – 2017. – № 5. – С. 27–37. – С. 30.

¹⁵⁷ Там же. – С. 30–31.

дустрии, – подчеркивают Д. Фролов и И. Полинцев, – видно по динамике специализированных биржевых индексов»¹⁵⁸. Эти авторы также добавляют, что «многие предприятия nanoиндустрии, вышедшие на фондовый рынок в начале и середине 2000-х гг., снизили свою капитализацию в десятки раз»¹⁵⁹.

Все это требует в структурной политике отказаться от адресной специализированной модели nanoиндустрии и перейти к «зонтичным стратегиям развития nanoиндустрии в составе комплексных технологических направлений, например развивающихся (emerging) технологий или STI (наука, технологии и инновации; от англ. *Science, Technology and Innovation*), а также к секторно и проблемно ориентированным стратегиям развития нанотехнологий в рамках более широких стратегий устойчивого роста или развития промышленности»¹⁶⁰. По нашему мнению, следует согласиться с Д. Фроловым и И. Полинцевым в том, что предположение о вхождении нанотехнологий в ядро нового технологического уклада не оправдалось¹⁶¹. «Вопреки подавляющему большинству прогнозов, нанотехнологии не поглотили все остальные быстро развивающиеся технологии, а, по сути, "растворились" в них. Nanoиндустрия не стала "ядром" нового уклада и де-факто не сложилась как отдельная индустрия. Хотя nanoиндустрия не относится к так называемым быстро развивающимся индустриям (emerging industries), таким как большие данные (big data), биофармацевтика, мобильные технологии и др., анализ показывает, что нанотехнологии тесно связаны с этими индустриями и выступают для них обеспечивающей, инфраструктурной технологией»¹⁶². Таким образом, сущность и особенности современной структурной политики в контексте технологической модернизации экономики заключаются не в создании nanoиндустрии, а в осуществлении «новой индустриализации, в том числе и с использованием нанотехно-

¹⁵⁸ Там же. – С. 31.

¹⁵⁹ Там же. – С. 32.

¹⁶⁰ Фролов, Д. Кризис nanoиндустрии и ее будущее / Д. Фролов, И. Полинцев // Экономист. – 2017. – № 5. – С. 27–37. – С. 33.

¹⁶¹ Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада в экономике / С. Ю. Глазьев [и др.] ; под ред. акад. РАН С. Ю. Глазьева и проф. В. В. Харитонова. – М.: Тривант. 2009; Глазьев, С. Ю. Новый технологический уклад в современной мировой экономике / С. Ю. Глазьев // Международная экономика. – 2010. – № 5. – С. 5–27; Иншаков, О. В. Индустрия как форма утверждения, распространения и господства хозяйственного уклада в экономике / О. В. Иншаков, А. В. Фесюн // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 3: Экономика, экология. – 2014. – № 2. – С. 44–53.

¹⁶² Фролов, Д. Кризис nanoиндустрии и ее будущее / Д. Фролов, И. Полинцев // Экономист. – 2017. – № 5. – С. 27–37. – С. 35–36.

логий, обеспечивающих развитие и повышение конкурентоспособности традиционных и новых индустрий»¹⁶³.

Во многом в результате идеологического влияния социальной парадигмы постиндустриального общества в экономической науке до настоящего времени не сложились четкие фундаментальные теоретические представления о том, что же следует понимать под технологической эволюцией. В российской научной литературе эта гносеологическая проблема описывается так: «Известна идея – представить технологическую эволюцию как смену неких технико-экономических парадигм (К. Перес), в российской более поздней версии – так называемых технологических укладов. Эти вещи ретроспективные, классификационные, это абстрактные схемы, ничего не проясняющие в технологическом развитии, поскольку никто ничего не может сказать о шестом (иногда и о пятом!), не говоря уже о седьмом или восьмом укладе (парадигме). Следовательно, пока точно не установлено, что составляет его основу (уклада), правдоподобно сказать о нем затруднительно, по крайней мере, на коротком отрезке времени. Только обернувшись назад, можно сказать о прошлых этапах, условно подразделяя их на некоторые периоды времени»¹⁶⁴. Иначе говоря, достаточно популярная сегодня концепция смены технологических укладов представляет собой ретроспективную концепт-схему.

Однако этой идее придается вес не только как ретроспективной концепции-схеме¹⁶⁵, а как основе для текущей экономической политики. Так, например, в вышедшей в 2009 г. работе «Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада в экономике»¹⁶⁶ отмечается, что «всплеск и падение цен на энергоносители, мировой финансовый кризис – верные признаки завершающей фазы жизненного цикла доминирующего технологического уклада и начало структурной перестройки экономики на основе следующего уклада»¹⁶⁷. Оставляя в стороне вопрос, почему во время множества других мировых экономических кризисов, регулярно повторяющихся во второй половине XX – начале XXI веков и не редко сопровождаемых всплеском и падением цен

¹⁶³ Солодовников, С. Ю. Новая структурная политика и изменение институциональной динамики наноиндустрии / С. Ю. Солодовников // Ресурсы Европейского Севера. Технологии и экономика освоения. – 2018. – № 1 (11). – С. 5–10. – С. 8.

¹⁶⁴ Сухарев, О. С. Индустриальная политика и развитие промышленных систем: Эволюция, институты и управление / О. С. Сухарев, Е. Н. Стрижакова. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 160 с. – С. 12–13.

¹⁶⁵ Там же. – С. 12–13.

¹⁶⁶ Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада в экономике / С. Ю. Глазьев [и др.] ; под ред. С. Ю. Глазьева, В. В. Харитонов. – М.: Тривант, 2009. – 304 с.

¹⁶⁷ Там же. – С. 17.

на энергоносители (например, мировой кризис 1974–75 гг.), это не свидетельствовало о смене доминирующих технологических укладов, отметим только, что социальная парадигма смены технологических укладов категориально не описана. О. А. Наумович отмечает по этому поводу: «Однако, отсутствие стройных (внутренне непротиворечивых) понятийных рядов негативно сказывается в том плане, что любое, даже самое точное и совершенное определение (если оно не вписано адекватным образом в понятийный ряд, т. е. систему других взаимосвязанных понятий и категорий) не позволяет содержательно решить сложную многоуровневую задачу, не только раскрыть сущность того или иного технологического уклада как социально-экономического феномена, но и как определенной стадии развития человеческого общества, определенного этапа в развитии экономики, определенного этапа в развитии самого общества, жизни людей, политэкономически как феномена, но и одновременно раскрыть те факторы или сущность, почему оно возникло, т. е. его генезис»¹⁶⁸. Сложившаяся в экономической науке постсоветских стран после 1991 г. ситуация, характеризующаяся отказом многих ученых-экономистов, работающих в конкретно-экономических направлениях, от теоретико-методологической проработки принципов своих исследований, создала условия для слепого копирования технологической политики западных стран. Например, если западные страны активно развивают наноиндустрию, то и мы будем поступать так же. Ошибочность такого подхода нами была описана выше.

При этом в структурном и технологическом планировании «нужно учитывать текущее состояние базовых технологий»¹⁶⁹, поскольку в ситуации резкого отставания от сверхиндустриальных стран базисных машиностроительных технологий, инженерной работы и оказания услуг промышленного характера, «никакие рецепты вложений в нанотехнологии не только нельзя назвать обоснованными, но они порождают дополнительные структурные перекосы и не являются отражением той системности действий и развития общих технологий, которые могут потребовать на следующем этапе и нанотехнологий, как неотъемлемого элемента в некотором объеме, который будет задан масштабом и потребностями экономики, ее общей технологичностью»¹⁷⁰. Соглашаясь с этими высказываниями, вместе с тем следует подчеркнуть, что вышена-

¹⁶⁸ Наумович, О. А. Смена технологических укладов как социально-экономический феномен / О. А. Наумович // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – 2016. – Вып. 4. – С. 34–38. – С. 35.

¹⁶⁹ Сухарев, О. С. Индустриальная политика и развитие промышленных систем: Эволюция, институты и управление / О. С. Сухарев, Е. Н. Стрижакова. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 160 с. – С. 13.

¹⁷⁰ Там же. – С. 13.

званные проблемы не могут быть преодолены без теоретического осмысления взаимозависимости экономики рисков и технологической неопределенности.

Экономика рисков – это экономика высокотехнических и наукоемких производств, характеризующаяся высочайшей степенью политико-экономических, технологических, финансовых и экологических неопределенностей и рисков. Эти риски принимают всеобъемлющий характер, многие из них в принципе не предсказуемы и их возможные негативные последствия могут привести Человечество к глобальной катастрофе.

Понять природу экономики рисков – значит научиться им противостоять. Без обновления методологии политической экономии это сделать невозможно.

ГЛАВА 2. СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ И ЭКОНОМИКА ДОВЕРИЯ

2.1 Общее представление о теории социального капитала

В современных условиях – реалиях «экономики рисков»¹⁷¹ – возрастает необходимость наращивания доверия в системе общественных отношений. О росте значения доверия в контексте обеспечения безопасности заявляется на самых высоких уровнях. «Мы помним уроки прошлого, анализируем актуальную международную обстановку. Сегодня она объективно усложняется. Поэтому делаем все, чтобы не оказаться на острие блокового противостояния между Востоком и Западом. И предостеречь мир от нового цивилизационного разлома. В этом состоит главная цель нашей внешней политики, наших мирных инициатив по сближению различных интеграционных форматов, а также повышению доверия и безопасности»¹⁷², – подчеркнул А. Г. Лукашенко в традиционном ежегодном Послании белорусскому народу и Национальному собранию. Годом ранее, в рамках Петербургского международного экономического форума звучали слова В. В. Путина: «Сегодня нам нужны не торговые войны, и даже не временные перемирия, а полноценный торговый мир. Девиз нынешнего Петербургского форума: "Создавая экономику доверия". Убежден, сама жизнь говорит, что роль доверия как фактор развития будет возрастать»¹⁷³. Доверие составляет основу для капитализации социального потенциала общества. Возрастающая актуальность развития экономики доверия обуславливает возникновение гносеологической необходимости

¹⁷¹ Солодовников, С. Ю. Экономика рисков / С. Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2018. – Вып. 8. – С. 16–55; Солодовников, С. Ю. Экономика рисков как новая политико-экономическая реальность: попытка категориального определения / С. Ю. Солодовников // Устойчивое развитие экономики: сборник трудов XIII международной научно-практической конференции, УО «Полесский государственный университет», г. Пинск, 26 апреля 2019 г. / Министерство образования Республики Беларусь [и др.]. – Пинск: ПолесГУ. – С. 110–111; Солодовников, С. Ю. Экономика рисков: попытка категориального определения / С. Ю. Солодовников // Бизнес. Инновации. Экономика : сб. ст. / И-т бизнеса БГУ; редкол.: Г.А. Хацкевич (пред.) [и др.]. – Минск : Институт бизнеса БГУ, 2018. – Вып. 2. – С. 29–33.

¹⁷² Лукашенко, А. Г. Послание белорусскому народу и Национальному собранию 19 апреля 2019 года [Электронный ресурс] / А. Г. Лукашенко // Президент Республики Беларусь : официальный интернет-портал Президента Респ. Беларусь. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/poslanie-belorusskomu-narodu-i-natsionalnomu-sobranij-u-20903/. – Дата доступа: 21.04.2019.

¹⁷³ Путин рассказал, что такое экономика доверия [Электронный ресурс] / Мир24. – Оpubл. 25.05.2018. – Режим доступа: <https://mir24.tv/news/16306820/putin-rasskazal-chto-takoe-ekonomika-doveriya>. – Дата доступа: 21.04.2019.

осмысления такого важного фактора успешной модернизации белорусской экономики как социальный капитал.

В последнее время в обществоведении появилось большое количество новых понятий, при формулировании которых используется экономическая категория «капитал». Этот гносеологически позитивный процесс, свидетельствующий, помимо прочего, о продолжающейся конвергенции социальных наук, заставляет ученых-экономистов не только попытаться еще раз уточнить категорию «капитал», но и включить в предметную область экономической теории исследование таких «пограничных» общественных феноменов как социальный, административный, политический, культурный и символический капитал. Вместе с тем, авторы солидарны с исследователями, которые в своих работах исходят (или исходили) из признания определяющей роли в экономической системе общества экономического капитала по сравнению с другими капиталами или, в терминологии П. Бурдьё, полями. В частности, названный автор отмечал, что хозяйственная жизнь является той областью, в которой «экономическое поле стремится навязать свою структуру другим полям»¹⁷⁴ и что «экономический капитал образует основу всех других форм капитала. И хотя последние полностью к нему не сводятся, они оказывают свое воздействие лишь в той мере, в какой скрывают наличие в своей основе экономического капитала, который желает оставаться неузнанным»¹⁷⁵. Аналогичной точки зрения придерживается и В. В. Радаев, который указывает: «Каждый капитал стремится к доминированию, однако среди всех перечисленных форм экономический капитал по праву занимает центральное место»¹⁷⁶, поскольку «во-первых, логически он наиболее близок своему изначальному политико-экономическому понятию»¹⁷⁷. Во-вторых, хозяйственная жизнь является той областью, в которой экономический капитал (включающий в своем объективированном состоянии денежный капитал или финансовые средства, производственный капитал или средства производства, товарный капитал или готовые продукты) стремится навязать свою форму другим социальным отношениям. «И в-третьих, на эмпирическом уровне параметры экономического капитала, как правило, коррелируют со многими параметрами, обозначающими количество и качество прочих ресурсов»¹⁷⁸. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что авторы пол-

¹⁷⁴ Бурдьё, П. Социология политики / П. Бурдьё ; сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. – М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с. – С. 57.

¹⁷⁵ Bourdieu, P. Forms of Capital / P. Bourdieu // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / Ed. by J.G. Richardson. – N. Y. – 1983. – P. 106.

¹⁷⁶ Радаев, В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация / В. В. Радаев // Экономическая социология. – 2002. – Т 3. – № 4. – С. 20–32. – С. 29.

¹⁷⁷ Там же. – С. 29.

¹⁷⁸ Там же. – С. 29.

ностью согласны с исследователями, считающими, что «при сведении всей совокупности ресурсов к экономическому капиталу понимание хозяйственного процесса становится невозможным»¹⁷⁹.

Научно-корректное раскрытие теоретико-методологических основ исследования социального капитала невозможно без понимания категории «социальное», единое корректное определение которой в экономической и ряде других общественных наук до сих пор не выработано. Как результат этого – калейдоскопичность мнений при рассмотрении, например, такой системы как «социальная рыночная экономика». Так, в частности, по мнению Ф. Хайека, слово «социальный» «стало самым бестолковым выражением во всей нашей моральной и политической лексике... и сейчас все чаще выступает в роли слова "благое" при обозначении всего высоко-нравственного»¹⁸⁰. Как отмечает Л. Бальцерович, мало кто точно знает, что означает термин «социальная рыночная экономика», «но почти каждый блаженно верует, что за ним скрывается некая улучшенная разновидность рыночной экономики»¹⁸¹. Поэтому для того, чтобы избежать в дальнейшем при теоретико-методологическом рассмотрении категории «социальный капитал» морализации (вместо объективного рассмотрения сущности социально-экономических явлений) и декларативности (вместо доказательности), определимся в трактовке категории «социальное» исходя из предмета исследования современной политической экономии.

В русскоязычной литературе, если оставить в стороне фактическое отождествление некоторыми авторами социальных отношений с общественными отношениями в целом¹⁸² можно выделить три основные точки зрения на специфику социальных отношений.

Ряд исследователей разделяют выдвинутое М. Н. Руткевичем понимание социальных отношений как «равенство и неравенство различных групп людей, и, прежде всего, общественных классов, по их положению в обществе»¹⁸³. Автор согласен с А. К. Белых и В. М. Алексеевым, которые считают, что специфика социальных отношений не раскрывается в вышеупомянутой точке зрения. «Эти виды отношений охватывают собой все общественные отношения. Действительно, экономические, политические и духовно-идеологические отношения – это все отношения

¹⁷⁹ Радаев, В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация / В. В. Радаев // Экономическая социология. – 2002. – Т 3. – № 4. – С. 20–32. – С. 29.

¹⁸⁰ Хайек, Ф. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма / Ф. Хайек; Пер. с англ. – М.: Изд-во «Новости» при участии изд-ва «Catalaxu», 1992. – 304 с. – С. 3.

¹⁸¹ Эрхард, Л. Благополучие для всех / Л. Эрхард. – М.: Начала-Пресс, 1991. – 336 с. – С. 3.

¹⁸² Селунская, В. М. Социальная структура советского общества: История и современность / В. М. Селунская. – М.: Политиздат, 1987. – 288 с. – С. 188–189.

¹⁸³ Руткевич, М. Н. Становление социальной однородности / М. Н. Руткевич. – М.: Политиздат, 1982. – 334 с. – С. 13.

между людьми, их общностями в лице наций, классов, социальных групп, трудовых коллективов. И отношения равенства и неравенства функционируют также во всех общественных сферах – равенство и неравенство экономическое, социальное, политическое и духовно-идеологическое»¹⁸⁴. Данные авторы считают, что «методическим критерием вычленения того или иного вида общественных отношений является объект, по поводу которого складываются отношения между людьми»¹⁸⁵. Последнее замечание само по себе также не вызывает возражений.

Как отмечали А. К. Белых и В. М. Алексеева, социальные отношения «представляют собой отношения между людьми, их коллективами как носителями качественно различных видов труда, различных трудовых функций»¹⁸⁶. А социальная структура, по мнению А. К. Белых, – это многообразие социально-трудовых субъектов¹⁸⁷. Аналогичного подхода к проблеме придерживался и Р. И. Косолапов, который писал, что социальная структура основывается на общественном разделении труда. «Социальная структура – это закономерное отражение разделения труда в облике групп людей, принадлежащих к различным специализированным сферам производства и общественной жизни, в отношениях этих групп друг к другу»¹⁸⁸. Г. В. Мокроносков также сделал вывод, что «общественное разделение труда и социальная структура общества по существу совпадают, поскольку речь идет об одном и том же – о месте групп, классов в системе производственных отношений»¹⁸⁹.

При таком подходе допускается фактическое отождествление социальных и трудовых отношений, сведение первых к общественному разделению труда, теряется смысл в выделении самой категории «социальные отношения», поскольку она может быть полностью заменена категорией «общественное разделение труда». Это ведет к тому, что из социальных отношений выпадают семейные, возрастные, религиозные, политические и многие другие отношения и остаются лишь трудовые отношения. Если

¹⁸⁴ Белых, А. К. Социальная система социализма как объект политики / А. К. Белых, В. М. Алексеев // Пути формирования бесклассовой структуры социалистического общества. – Л., 1987. – С. 79.

¹⁸⁵ Там же. – С. 79.

¹⁸⁶ Там же. – С. 79.

¹⁸⁷ Белых, А. К. Социальная организация социалистического общества как объект управления / А. К. Белых // Вестник ЛГУ. Серия Экономика. Философия. Право. – 1967. – № 11. – Вып. 2. – С. 82.

¹⁸⁸ Косолапов, Р. И. Проблемы анализа социальной структуры советского общества / Р. И. Косолапов // Проблемы мира и социализма. – 1973. – № 5. – С. 22.

¹⁸⁹ Мокроносков, Г. В. Общественное разделение труда и структура общества / Г. В. Мокроносков // Изменение социальной структуры социалистического общества. – Свердловск, 1965. – С. 53.

встать на эту точку зрения, то по-прежнему остается не решенным вопрос о том, через какую же категорию определять совокупность общественных отношений и в чем субстанционально-гносеологическая сущность этой категории, т. е. подход А. К. Бельих и В. М. Алексеевой не помогает раскрыть суть социальных отношений, а уводит исследователей в сторону от этого.

Другие авторы придерживаются взглядов В. П. Тугаринова, согласно которым область социальных отношений включает классы, сословия, нации, народности, профессии и категории, отражающие различные взаимоотношения между этими людскими коллективами¹⁹⁰.

Приведенная точка зрения дает достаточно точное представление о специфике социальных отношений. Вместе с тем, при таком подходе из социальных отношений исключаются отношения между индивидами, что ведет к искусственному сужению их сферы деятельности. Дополнив вышеприведенный перечень отношениями между отдельными людьми, мы будем в качестве социальных отношений рассматривать все субъект-субъектные отношения.

Данная точка зрения соответствует взглядам на специфику социальных отношений М. Вебера, который, рассматривая все разнообразие этих отношений, всегда имел в виду «только определенный тип поведения отдельных людей»¹⁹¹. Он также отмечал, что «"социальным" мы называем такое действие, которое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием других людей или ориентируется на него»¹⁹².

Следует отметить, что в обществоведении длительное время сосуществуют два направления в изучении социальных структур. В рамках одного из них в качестве основных компонентов этой структуры рассматри-

¹⁹⁰ Бектурганов, К. Социальные аспекты управления агропромышленным комплексом в свете решений XXVI съезда партии и майского Пленума ЦК КПСС / К. Бектурганов // Научный коммунизм. – 1982. – № 6. – С. 120; Волков, Ю. Е. Методологическое значение материалов XXVI съезда КПСС для понимания природы социальных процессов / Ю. Е. Волков // Научный коммунизм. – 1981. – № 4. – С. 38; Ильин, В. В. Социология как фундаментальная наука / В. В. Ильин // Социологические исследования. – 1994. – № 3. – С. 29–35; Лопата, П. П. Сущность и основные особенности социальной политики КПСС в условиях социализма / П. П. Лопата // Проблемы научного коммунизма. – М., 1979. – Вып. 13. – С. 12; Осипов, Г. В. Ведение. Развитие социологической науки в СССР / Г. В. Осипов // Советская социология: в 2-х т. Отв. ред. Т. В. Рябушкин, Г. В. Осипов. – М., 1982. – Т. 1. – С. 9; Тугаринов, Л. П. Соотношение категорий исторического материализма / Л. П. Тугаринов. – Л., 1958. – С. 52, 98–100.

¹⁹¹ Вебер, М. Основные социологические понятия / М. Вебер // Избранные произведения ; Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайденоко. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с. – С. 614.

¹⁹² Там же. – С. 614.

ваются исключительно социальные страты, что не позволяет исследователю раскрыть реальные социально-экономические, политические, этнические и иные общественные противоречия, а также определить реальные, а не мнимые (абстрактные) тенденции развития социума и факторы, их определяющие. В рамках второго направления основными компонентами социальной структуры принимаются классы, причем внутри самого этого направления существуют принципиально разные подходы:

во-первых, когда приверженцы классовой теории делают акцент на том, что социальная структура связана с дифференциацией между индивидами. В таком случае, прежде всего, рассматривается не род занятий людей, а их профессиональная позиция, не доходы людей, а распределение доходов между субъектами, что позволяет раскрыть социальное неравенство. В качестве теоретической цели при этом провозглашается необходимость раскрытия и объяснения исторических форм и степеней дифференциации, а также влияние последней на социальную эволюцию¹⁹³. Очевидным недостатком этого узкого подхода является сужение, сводящее на нет его методологическое значение, содержания, вкладываемого в понятие «социальная структура общества», лишь к дифференциации между индивидами. На самом деле названная структура также включает в себя демографические, нравственные и многие иные отношения;

во-вторых, когда исследователи расширительно трактуют понятие «классовой структуры», реально ведя речь «о тех же иерархиях социальных групп, что и у представителей собственно стратификационного подхода»¹⁹⁴. При этом, ввиду полной тождественности понятий, категориальное дублирование вносит только гносеологическую сумятицу, поскольку мешает четко определить исходные понятия данных социальных парадигм и гипотез;

в-третьих, когда исследователи признают, что категория «социально-классовая структура» уже понятия «социальная структура» и что первая структура полностью входит во вторую (интеграционный подход). При этом существует реальная возможность как разграничить названные структуры, так и дать им четкие, внутренне не противоречивые определения¹⁹⁵.

После того, как нами было оговорено то, как в дальнейшем будет трактоваться понятие «социальное», можно вернуться к рассмотрению

¹⁹³ Blau, P. M. Parameters of Social Structure / P. M. Blau // American Sociological Review. – 1974. – Vol. 39. – № 5. – Pp. 615–635.

¹⁹⁴ Радаев, В. В. Социальная стратификация : учеб. пособие / В. В. Радаев, О. И. Шкаратан. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 318 с. – С. 41.

¹⁹⁵ Солодовников, С. Ю. Трансформация социально-классовой структуры белорусского общества: методология, теория, практика / С. Ю. Солодовников. – Мн. : ИООО «Право и экономика», 2003. – 274 с.

современных форм капитала. При этом необходимо учитывать, что все существующие формы капитала *«могут (выделено нами – примечание авторов) в той или иной мере конвертироваться в экономический капитал, в том числе в его денежную форму. Социальный капитал приносит информацию об экономических ресурсах. Административный капитал открывает наиболее краткий путь к их источникам. А политический капитал дает возможность побороться за эти источники. Культурный капитал облегчает способы мобилизации экономического капитала. А символический капитал позволяет представить его более значительным в глазах других агентов. Наконец, человеческий и физический капиталы помогают извлекать из использования экономических ресурсов наибольшие доходы»*¹⁹⁶. Экономический капитал, а точнее, обладание им в его объективированных формах, способствует установлению нужных связей, позволяет «покупать должностных лиц и сами должности; экономический капитал делает своего обладателя более весомым в глазах окружающих, открывает доступ к образованию и позволяет поддерживать хорошее физическое состояние. Экономический капитал, обладающий наибольшей ликвидностью, способен к эффективному перетеканию в другие формы»¹⁹⁷.

В классическом политико-экономическом понимании капитал обладает пятью конституирующими свойствами: ограниченный хозяйственный ресурс, накапливаемый хозяйственный ресурс, ликвидный ресурс, воспроизводящаяся стоимость и стоимость, создающая добавочную стоимость¹⁹⁸. При этом подходе представляется научно-корректным определение капитала, данное В. В. Радаевым, как накапливаемого хозяйственного ресурса, «который включен в процессы воспроизводства и возрастания стоимости путем взаимной конвертации своих разнообразных форм»¹⁹⁹.

Оставляя в стороне существующее разнообразие форм капитала, исходя из заявленной цели нашего исследования, остановимся, прежде чем перейти непосредственно к социальному капиталу, лишь на одной из них, имеющей определяющее значение при проведении модернизации белорусской экономики, а именно на человеческом капитале. Эта категория была введена в научный оборот неоклассической экономической тео-

¹⁹⁶ Радаев, В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация / В. В. Радаев // Экономическая социология. – 2002. – Т 3. – № 4. – С. 20–32. – С. 29.

¹⁹⁷ Там же. – С. 29–30.

¹⁹⁸ Маркс К. Капитал. Том 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 23; Радаев, В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация / В. В. Радаев // Экономическая социология. – 2002. – Т 3. – № 4. – С. 20–32. – С. 21.

¹⁹⁹ Радаев, В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация / В. В. Радаев // Экономическая социология. – 2002. – Т 3. – № 4. – С. 20–32. – С. 21.

рией²⁰⁰. Под этой формой капитала, как правило, понимается совокупность накопленных профессиональных знаний, умений и навыков, получаемых в процессе образования и повышения квалификации, которые впоследствии могут приносить доход – в виде заработной платы, процента или прибыли²⁰¹. Человеческий капитал непосредственно связан с социально-профессиональной структурой, фиксирующей дифференциацию субъектов по профессиональным и квалификационным признакам²⁰². Человеческий капитал является атрибутом отдельного индивида и не может быть быстро передан от одного субъекта другому. Согласимся с В. В. Богатырёвой в том, что «важнейшим фактором роста человеческого капитала является повышение образования его носителя»²⁰³.

Поскольку в экономической теории длительное время человек, главный элемент экономических отношений, практически не изучался, либо сводился лишь к экономическому индивиду с рациональным экономическим поведением, то и проблемам классов, социального потенциала и формам его капитализации внимания практически не уделялось. Лишь начиная с 90-х годов прошлого века в обществоведении активно обсуждается такая форма капитала как социальный капитал²⁰⁴. Р. Патнем – один из авторов, определивший направление дискуссии о социальном капитале, – определил последний как: «характеристики социальной жизни – сети, нормы и доверие, – которые побуждают участников к более эффективному совместному действию по достижению общих целей»²⁰⁵. Дж. Коулман отмечает, что эта форма капитала связана с установлением и поддержанием связей с другими хозяйственными агентами. Социальный капитал, по его мнению, – это совокупность отношений, порождающих действия. Эти отношения связаны с ожиданиями того, что другие агенты

²⁰⁰ Беккер, Г. Человеческий капитал (главы из книги) / Г. Беккер // США: экономика, политика, идеология. – 1993. – № 11. – С. 107–119; № 12. – С. 86–104; Becker, G. The Human Capital. Chicago: University of Chicago Press, 1964; Schultz, T.W. Capital Formation by Education, *Journal of Political Economy* (December 1960). – Vol. 68. – Pp. 571–583.

²⁰¹ Радаев, В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация / В. В. Радаев // Экономическая социология. – 2002. – Т 3. – № 4. – С. 20–32. – С. 25.

²⁰² Солодовников, С. Ю. Трансформация социально-классовой структуры белорусского общества: методология, теория, практика / С. Ю. Солодовников. – Мн. : ИООО «Право и экономика», 2003. – 274 с. – С. 65–78.

²⁰³ Богатырёва, В. В. Финансовое управление воспроизводством человеческого капитала в инновационной экономике : теория, методология, моделирование / В. В. Богатырёва. – Новополоцк : ПГУ, 2013. – 400 с. – С. 51.

²⁰⁴ Baron, S., J. Field, and T. Schuller (eds.). *Social Capital: Critical Perspectives*. Oxford: Oxford University Press, 2000; Lin, N. *Social Capital: A Theory of Social Structure and Action*. N.Y.: Cambridge University Press, 2000.

²⁰⁵ Putnam, R. Who Killed Civic America? / R. Putnam // *Prospect*. – 1996. – March. – Pp. 66–72. – P. 66.

будут выполнять свои обязательства без применения санкций²⁰⁶. Эта одновременная концентрация ожиданий и обязательств выражается обобщающим понятием *доверия* [trust]. Чем больше обязательств накоплено в данном сообществе, тем выше «вера в реципрокность», или взаимность [reciprocity] и, следовательно, выше уровень социального капитала²⁰⁷.

Объективированную структурную основу социального капитала, как справедливо отмечает В. В. Радаев, «формируют *сети социальных связей*, которые используются для транслирования информации, экономии ресурсов, взаимного обучения правилам поведения, формирования репутаций. На основе социальных сетей, которые часто имеют тенденцию к относительной замкнутости, складывается институциональная основа социального капитала – принадлежность к определенному *социальному кругу*, или *членство в группе*»²⁰⁸. Иными словами, «социальный капитал представляет собой совокупность реальных или потенциальных ресурсов, которые связаны с обладанием устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания, – иными словами, членством в группе. Последняя дает своим членам опору в виде коллективного капитала [collectively-owned capital]»²⁰⁹.

Вместе с тем, П. Бурдьё подчеркивает, что социальный капитал – это нечто больше, нежели просто сеть групповых связей. Его природа предполагает трансформацию устойчивых отношений, таких как соседство, отношения в коллективе коллег и даже родственные связи, в отношения, являющиеся «необходимыми и выбранными, которые предполагают длительные субъективно-эмоциональные обязательства (чувства благодарности, уважения, дружбы и т. д.)»²¹⁰. Поскольку социальный капитал распределяется между элементарными социальными группами и классами неравномерно, то он выступает в качестве важного фактора воспроизводства социально-классовой (профессионально-квалификационной, имущественной, объемно-правовой) структуры общества. Кроме того, неравномерность распределения социального капитала становится фактором дифференциации реализации экономических интересов субъектов.

²⁰⁶ Коулман, Дж. Капитал социальный и человеческий / Дж. Коулман // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – С. 122–139; Coleman, J. Social Capital in the Creation of Human Capital, American Journal of Sociology. Vol. 94. Supplement. – Pp. 95–120.

²⁰⁷ Putnam, R. Who Killed Civic America? / R. Putnam // Prospect. – 1996. – March. – Pp. 66 – 72. – P. 66.

²⁰⁸ Радаев, В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация / В. В. Радаев // Экономическая социология. – 2002. – Т 3. – № 4. – С. 20–32. – С. 27.

²⁰⁹ Bourdieu, P. Forms of Capital / P. Bourdieu // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / Ed. by J.G. Richardson. – N. Y. – 1983. – P. 102–103.

²¹⁰ Там же. – P. 249–250.

2.2 Теоретико-методологические основы исследования социального капитала в условиях экономики рисков

В настоящее время в качестве первой концептуальной проработки категории социальный капитал, хотя само это понятие и ранее встречалось в научной литературе, справедливо признается публикация статьи Дж. Коулмана «Капитал социальный и человеческий». Следует согласиться с российским экономистом И. Е. Дискиным, что «без ознакомления с ней... довольно затруднительно прояснить, ответом на какие проблемы и вызовы экономической теории стала разработка концепции "социального капитала". В свою очередь проникновение в "теоретическую кухню" формирования концепции позволяет глубже понять не только теоретические, но и методологические посылки, без которых участие российских исследований в развитии соответствующей теории будет существенно менее плодотворно»²¹¹. При этом, исходя из требований, предъявляемых к современной социально-экономической гносеологии, на наш взгляд, следует попытаться дать внутренне не противоречивые определения понятий, использованных Дж. Коулманом при выработке парадигмы социального капитала как продуктивной интеграции традиционных экономических концепций с социологическими и политологическими построениями. «Такая интеграция, – подчеркивает И. Е. Дискин, – оказалась одним из приоритетных направлений развития экономической теории. Достаточно указать, что в последние годы Нобелевские премии по экономике присуждаются ученым, работающим на стыке экономики и социологии (рациональный выбор и этические элементы, микроэкономика). Вполне отчетливо прослеживаются взаимосвязи «социального капитала», с одной стороны, и институциональной и эволюционной экономикой – с другой. В многочисленных последующих работах, посвященных развитию концепции «социального капитала», эти взаимосвязи получили свое развитие. По существу, «социальный капитал» сегодня прочно встроен в структуру институционального подхода»²¹².

Перед тем, как приступить к раскрытию понятия социального капитала в статье «Капитал социальный и человеческий», Дж. Коулман отмечает, что «существуют два научных направления, описывающих и объясняющих социальное поведение. Первое, характерное для большинства социологов, рассматривает актора как социализированный элемент, а его поведение – управляемое социальными нормами, правилами и обязательствами... Для представителей другого направления, включающих боль-

²¹¹ Дискин, И. Е. Предисловие к статье Дж. Коулмана «Капитал социальный и человеческий»/ И. Е. Дискин // *Общественные науки и современность*. – 2001. – № 3. – С. 121.

²¹² Там же. – С. 121.

шинство экономистов, характерен подход к акторам (*в данном контексте это синоним понятия субъекты – примечание авторов*) как к лицам, принимающим самостоятельные решения и действующим независимо, руководствуясь собственными интересами»²¹³.

В связи со сказанным отметим, что под социально-экономическим субъектом следует понимать «индивида (или группу индивидов), персонализирующего определенные социальные и экономические функции, обладающего специфическими потребностями и активностью по отношению к иным субъектам»²¹⁴. Субъектность – это и есть способность проявлять активность, совершать действие и, соответственно, вступать в отношения. В любом реальном обществе названные субъекты дифференцируются по уровням субъектности (индивид, элементарная группа, куммулятивная группа и т. д.). Степень «субъектности» социально-экономических субъектов непосредственно зависит от уровня их агрегированности – чем больше степень агрегированности, тем меньше субъектных атрибутов. В современной западной социологии (этого подхода сегодня придерживаются и некоторые российские исследователи, например, З. И. Калугина, Н. Н. Козлова, Н. М. Смирнова, В. А. Ядов) наряду с категорией «субъект» используется понятие «актор». Такой подход, базирующийся на непонимании того очевидного философского постулата, что любой биологически нормальный человек всегда является субъектом, приводит к тому, что эти исследователи «обогащают» субъектность и наделяют ею только элитарные экономические группы общества. Для подтверждения правильности такой точки зрения ее сторонники вынуждены прибегать к чисто идеологическим аргументам. Так, Н. Н. Козлова и Н. М. Смирнова, объясняют правильность введения понятия «актор» сменой парадигм социального знания. «Понятие "актор" наделяет людей, составляющих "массу", активностью. Именно их деятельность, наряду с "игрой" тех, кого определяют как субъекта, воздействует на результирующую социальную динамику. Термин "актор" оставляет широкий простор многообразию форм и степеней субъектности»²¹⁵. Индивид, по мнению Н. Н. Козловой и Н. М. Смирновой, может быть или не быть субъек-

²¹³ Коулман, Дж. Капитал социальный и человеческий / Дж. Коулман // *Общественные науки и современность*. – 2001. – № 3. – С. 122–139. – С. 122.

²¹⁴ Солодовников, С. Ю. Теоретико-методологические основы исследования социального капитала как политико-экономического феномена / С. Ю. Солодовников // *Экономическая наука сегодня* : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2017. – Вып. 5. – С. 6–56. – С. 28.

²¹⁵ Калугина, З. И. Парадоксы аграрной реформы в России: социологический анализ трансформационных процессов / З. И. Калугина. – 2-е издание. – Новосибирск: ИЭ и ОПИ СО РАН, 2001. – С. 45.

том (*как это?* – *примечание авторов*), но в любом случае он – актер, деятель²¹⁶. По В. А. Ядову, «частицы массы – не субъекты, но акторы»²¹⁷.

В связи с тем, что оба выделяемых Дж. Коулманом научных направлений, описывающих и объясняющих социальное поведение «имеют серьезные недостатки»²¹⁸, то, по его мнению, необходимо «взять концептуальную основу одного направления и инкорпорировать в нее элементы другого, не нарушая общей структуры»²¹⁹. При этом названный автор преследовал гносеологическую цель, которая заключалась «в использовании экономических принципов рационального поведения в анализе социальных систем, при этом не ограничиваясь рассмотрением экономических систем и выполняя анализ таким образом, чтобы не выпадала социальная организация»²²⁰.

«Концепция социального капитала, – отмечает далее Дж. Коулман, – инструмент, который помогает выполнить подобный анализ»²²¹. Данный автор указывает, что «социальный капитал определяется своими функциями. Он включает в себя множество различных составляющих, которые характеризуются двумя общими свойствами: они, во-первых, состоят из нескольких социальных структур, и, во-вторых, облегчают определенные действия акторов (*субъектов – примечание авторов*) внутри структуры, будь то индивид или корпорация. Подобно другим формам капитала, социальный капитал продуктивен. Он способствует достижению определенных целей, добиться которых при его отсутствии невозможно. Подобно физическому и человеческому капиталу, социальный капитал не подпадает под строгую дефиницию, но он может обладать специфическими особенностями в определенных сферах. Данная форма социального капитала имеет свою ценность в упрощении определенных действий, которая может оказаться бесполезной или даже вредной для других»²²². В отличие от других форм капитала, социальный капитал, пишет Дж. Коулман, «свойственен структуре связей между акторами (*субъектами – примечание авторов*) и среди них. Это не зависит ни от самих акторов (*субъектов – примечание авторов*), ни от средств производства. Более

²¹⁶ Козлова, Н. Н. Кризис классических методологий и современная познавательная ситуация / Н. Н. Козлова, Н. М. Смирнова // Социс. – 1995. – № 11.

²¹⁷ Ядов, В. А. Настоящее и будущее теоретической социологии в России / В. А. Ядов // Социс. – 1995. – № 11.

²¹⁸ Коулман, Дж. Капитал социальный и человеческий / Дж. Коулман // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – С. 122–139. – С. 122.

²¹⁹ Там же. – С. 123.

²²⁰ Там же. – С. 123.

²²¹ Там же. – С. 123.

²²² Там же. – С. 124.

того, организации, преследующие определенные цели, могут быть акторами (так называемый корпоративный актор), так же как и индивид. Связи внутри корпоративных акторов (*субъектов – примечание авторов*) также могут создавать для них социальный капитал (при этом наиболее известным примером является обмен информацией, которая позволяет устанавливать фиксированные цены в пределах одной отрасли)²²³.

Функциональное назначение социального капитала в экономической системе общества, в макро- и микроэкономических системах заключается в оптимизации (снижении транзакционных издержек) взаимодействия субъектов в процессе их хозяйственной деятельности. Социальный капитал еще менее осязаем, чем человеческий капитал, «поскольку он существует только во взаимоотношениях индивидов. Так же, как физический и человеческий капиталы, – подчеркивает Дж. Коулман, – социальный капитал облегчает производственную деятельность»²²⁴. Как известно, всякое общество является сложным социальным агрегатом, состоящим из совокупности взаимодействующих субъектов, распадающихся не прямо на индивидов, а на два или большее число социальных общностей, которые уже, в свою очередь, разлагаются на индивидов. В основе выделения той или иной социальной структуры лежит функциональная или причинная связь взаимодействующих индивидов. В зависимости от степени интенсивности этой связи возникает возможность существования ряда структур в одной и той же совокупности людей. Характер такой связи будет показывать рядоположность и пересекающееся сосуществование социальных групп. «Степень интенсивности функциональной связи и ее характер, – пишет П. А. Сорокин, – такова основа возможности сосуществования ряда коллективных единств в одном и том же населении»²²⁵. Далее он указывает, что социальная разновидность процессов взаимодействия или характер связей «влечет за собой многообразие коллективных единств, образуемых различно комбинирующимися индивидами – с одной стороны, с другой – принадлежность каждого индивида не к одному, а к ряду реальных совокупностей»²²⁶. Именно это многообразие социально-экономических субъектов, порождаемое и воспроизводимое существующими формами разделения труда, предопределяет: во-первых, невозможность экономичного (оптимального) согласования интересов разнообразных субъектов схожей и различной степени интегрированности без использования социального капитала, во-вторых, возможность

²²³ Коулман, Дж. Капитал социальный и человеческий / Дж. Коулман // *Общественные науки и современность*. – 2001. – № 3. – С. 122–139. – С. 124.

²²⁴ Там же. – С. 126.

²²⁵ Сорокин, П. А. Система социологии / П. А. Сорокин. – Пб., 1920. – Т. 2. – С. 18.

²²⁶ Там же. – С. 18.

негативного воздействия на эффективность функционирования экономической системы общества некоторых развитых форм социального капитала в ряде локальных экономических систем и субъектов (например, высокая степень доверия и взаимопонимания между руководством предприятий, совместно обеспечивающих основную долю производства продукции в той или иной отрасли, делает возможным монопольное повышение ими цен на свою продукцию без юридического или иного формализованного оформления ими «картельных» соглашений) и, в-третьих, существование в современной социально-ориентированной рыночной экономике механизмов согласования результатов функционирования различных форм социального капитала с целью создания наиболее благоприятных условий для усиления экономической жизнеспособности социума и для обеспечения максимально возможного для данного уровня общественного развития социального равенства.

Социальный ресурс (или потенциал), оформляющийся при определенных условиях в социальный капитал, возник на заре человеческой истории вместе с развитием трудовых отношений, возникновением и углублением разделения труда и порождаемой этим социально-классовой дифференциацией индивидов. Поскольку существование и развитие человеческого общества, обеспечение его материальной базы возможно лишь на основе труда, постольку и значительное увеличение численности населения планеты и отдельных регионов за последние десять тысяч лет стало возможным за счет существенного повышения производительности общественного труда, что было обусловлено как инновационными способностями людей и углублением разделения труда, так и совершенствованием различных общественных механизмов согласования интересов все более разнообразных социальных и социально-классовых субъектов, в том числе и за счет развития человеческого капитала.

Труд представляет собой особый вид субъектно-предметных отношений, а также содержит в себе специфическую совокупность внутрисубъектных отношений. Трудовая деятельность человека представляет собой его целесообразную общественно необходимую и практически полезную производственную деятельность, направленную на обеспечение экономической жизнеспособности общества и его членов. При этом под жизнеспособностью (жизнеспособностью) понимается способность сохранять себя, развертывать и воспроизводить в реальных условиях²²⁷. Трудовые отношения – это «отношения, которые возникают и устанавливаются между субъектами

²²⁷ Герасимов, Н. В. Экономическая система: генезис, структура, развитие / Н. В. Герасимов ; редкол.: Э. А. Лутохина [и др.]. – Минск : Наука і тэхніка, 1991. – 349 с. – С. 290–315; Морова, А. П. Социальная политика в сфере трудовых отношений / А. П. Морова. – Мн.: ИСПИ, 2000. – 176 с. – С. 7.

в процессе трудовой деятельности при создании материальных средств и благ, а также услуг, необходимых для удовлетворения экономических потребностей и нужд общества и его членов с целью обеспечения их жизнеспособности»²²⁸. Эффективное функционирование трудовых отношений невозможно без использования социального капитала. В свою очередь, именно в процессе становления общества разделенного труда формировались такие важнейшие составляющие социального капитала как: «обязательства, ожидания и надежность социальной и институциональной структуры; возможность получения информации с наименьшими издержками; существование норм (включающих в себя альтруистическое поведение в интересах социальной общности) и эффективных санкций; относительная замкнутость и апроприативность (способность социальной группы, первоначально созданной для одних целей, или сформировавшейся для оптимизации своих социально-экономических интересов в определенных условиях, по мере выполнения этих целей и/или изменения условий, трансформироваться в группу, преследующую другие цели)»²²⁹.

Как известно, важнейшими составляющими трудовых отношений (видовыми группами) являются: функционально-технологический способ соединения рабочей силы со средствами производства; разделение и кооперация труда; перемена труда²³⁰. Основными видами трудовых отношений являются общественное разделение и кооперация труда. Под разделением труда в экономической литературе традиционно понимается исторически определенная качественная дифференциация трудовой деятельности, приводящая к обособлению и существованию различных ее видов. Иначе говоря, разделение труда предполагает, во-первых, наличие различных видов деятельности и персонификацию труда, во-вторых, производство законченных продуктов относительно обособленными субъектами и, в-третьих, потребность у одних субъектов в продуктах деятельности других субъектов. Под кооперацией труда понимается форма организации труда, обеспечивающая согласованность совместных действий работников в процессе производства. Необходимость такого согласования вытекает из качественной дифференциации трудовой деятельности. Рассмотрение разделения труда предполагает одновременное рассмотрение кооперации труда, так как первое никогда не существует без второго.

²²⁸ Морова, А. П. Социальная политика в сфере трудовых отношений / А. П. Морова. – Мн.: ИСПИ, 2000. – 176 с. – С. 8.

²²⁹ Солодовников, С. Ю. Перспективы и механизмы развития и капитализации социального потенциала Республики Беларусь / С. Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2013. – Вып. 1. – С. 5–33. – С. 7.

²³⁰ Характер, структура и факторы формирования экономических отношений / Л. П. Васюченко [и др.] ; под ред. А. П. Моровой. – Минск : Навука і тэхніка, 1992. – 191 с. – С. 26.

Под качественными различиями в общественном разделении труда нами понимаются такие различия в общественном разделении труда, которые, проистекая из занятия индивидами отличного места в системе общественного производства, с вытекающими из этого их различными функциональными возможностями и с более или менее жестким неперсонифицированным закреплением за субъектами данного места, обуславливают их неодинаковую степень участия (и различные возможности для этого) в организации и управлении общественным производством. Это предопределяет несхожесть условий у индивидов для развития своих интеллектуальных и физических способностей, неодинаковые размеры получаемых благ и отличные источники их получения, что ведет к существованию у различных общественных групп специфических мотивов и целей, а также накладывает значительный отпечаток на степень развития их сознания и на формирование их психологии. При этом в различных профессиональных группах устанавливаются и развиваются отношения, определяемые нами выше через понятие социального капитала. В свою очередь, эти отношения, складывающиеся внутри общественных групп, способствуют более эффективной реализации их специфических мотивов, целей и формируют устойчивые различия в их сознании и психологии. Как результат этого, начинает проявляться еще одно специфическое свойство социального капитала, а именно то, что его совокупное количество в обществе не является суммой «социальных капиталов» всех его субъектов. Это происходит не только потому, что существуют некоторые проявления социального капитала исключительно на уровне всего социума, но и потому, что социальный капитал социально-классовыми субъектами может использоваться (и используется) не только на благо всего общества, но и с целью эгональной оптимизации своей социально-экономической жизненности, что вступает в противоречие с интересами других классов и групп, государства и социума. В социальных системах с сильными социально-классовыми антагонизмами и перекошенной социально-классовой структурой (высокая степень дифференциации между субъектами в имущественной, объемно-правой, профессиональной структурах) это будет приводить к использованию социального капитала, накопленного внутри социальных классов, прежде всего для классовой борьбы, что будет значительно снижать действие социального капитала на уровне общества и понижать продукционный эффект от функционирования национальной экономической системы.

Качественные различия в общественном разделении труда проявляются в профессиональном и квалифицированном разделении труда. В первом случае – это качественная дифференциация отличных видов человеческой деятельности (т. е. деление на профессии), а, во втором – это

качественная дифференциация внутри одного вида деятельности в соответствии со степенью развития у индивида производственных навыков и сложностью выполняемых им работ.

Для выяснения роли качественных различий в общественном разделении труда в возникновении и функционировании социального капитала, необходимо в разделении труда условно выделять его две стороны: материально-вещественную и собственно-общественную (социальную), о чем уже мы писали в первой главе. Наряду с выделением двух сторон общественного разделения труда, необходимо выделение следующих его видов: технологического и социального. Изначально, под технологическим разделением труда будем понимать такую систему общественного разделения труда, которая складывается в результате дифференциации трудовой деятельности исходя из чисто (только) технологической структуры производственного процесса. Сразу оговоримся, что чисто технологического разделения труда не бывает (как, впрочем, и любых других чистых экономических отношений – это научная абстракция) – на него всегда оказывают влияние социальные условия.

Труд с технологической стороны – это целесообразная деятельность человека, в процессе которой он при помощи определенных орудий труда воздействует на природу и использует ее для создания потребительных стоимостей. Труд как естественное вечное условие человеческой жизни не зависит от какой бы то ни было ее формы, а, напротив, одинаково общ всем ее социальным формам, т. е. эта сторона труда сама по себе еще не выражает социально-экономических отношений людей. Данный вид разделения труда должен изменяться сразу же с изменением технологии производства и быть всегда адекватным последней. Технологическое разделение труда неминуемо влечет за собой технологическое взаимодополнение (кооперацию) индивидов, которое связывает различных субъектов разделения труда на основе технологических потребностей производственного процесса исходя из выполняемых ими специфических производственных функций. Данные дифференциально-интегральные и координационно-субординационные процессы будут выступать в качестве атрибутивного фактора в образовании технологической системы производства.

Коллективные действия людей всегда требуют определенного управления ими (т. е. распределения трудовых условий в пространстве и времени, их координацию или сосредоточения в необходимых случаях, распределения наличных орудий труда и т. д.). Управление непосредственно связано с разделением и кооперацией труда, так как выделение самой функции управления – есть выделение труда особого рода (управленческого, организаторского), которому противостоит исполнительный труд. В то же время управления требуют любые кооперативные действия индивидов.

Общепризнанно, что всякий совместный труд, осуществляемый в сравнительно крупном масштабе, нуждается в большей или меньшей степени управления, которое устанавливает согласованность между индивидуальными работами и выполняет общие функции, возникающие из движения ее самостоятельных органов. Поэтому в технологическом разделении труда целесообразно выделение в качестве одной из его форм организационно-управленческой, которая будет определяться как технологической основой на производство (или иначе технологическим разделением труда), так и исторически специфической, обусловленной традициями и обычаями, системой его организации и управления. Иными словами, генетически организационно-управленческое разделение труда произрастает на чисто технологической основе, но при различных конкретно-исторических, национальных и других условиях. И хотя организационно-управленческое разделение труда определяется технологической основой производства, оно в то же время обладает относительной самостоятельностью, т. е. зависит также от конкретного национально-исторического генезиса того или иного социума.

Рассмотрим это несколько подробнее. Бесспорно, что производственная технология (т. е. функционально-технологический способ соединения рабочей силы со средствами производства) будет в известном смысле предопределять организационные формы управления технологическим процессом. Вопрос лишь в том, до какой степени эта зависимость. Если даже предположить, что первоначально применяемая технология (прямо, непосредственно) предопределила организационно-управленческое разделение труда, и последнее принимало адекватный ей характер, то с течением времени (т. е. с развитием технической базы производства) такое соответствие может и будет нарушаться. Почему? Дело в том, что в деятельности людей вообще, и в производственной в частности, при всем ее многообразии и сложности процессов, достаточно часто повторяются сходные ситуации, которые требуют от индивидов однотипных поступков. В результате многократного повторения одинаковых действий облегчается решение практических задач, вырабатываются стереотипы поведения и навыки, склонности, установки, которые «автоматически» включаются в действие при попадании индивида в привычные условия и постепенно могут принять форму обычаев, которые, как отмечается в литературе, функционируют «в тех общественных отношениях, где имеются стереотипно повторяющиеся ситуации; реализация этих отношений может кристаллизоваться в жестких стандартных действиях»²³¹. Наряду с обычаями формируются традиции,

²³¹ Суханов, И. В. Обычаи, традиции и преемственность поколений / И. В. Суханов. – М., Политиздат, 1976. – 216 с. – С. 11.

которые представляют собой общие нормы, сходные с идеей, принципом и позволяющие в границах утверждаемой ею направленности поведения более широко варьировать конкретные поступки людей.

Обычаи и традиции, в свою очередь, облекаясь в форму массовых привычек, поддерживаемых силой общественного мнения, обретают огромную устойчивость, становясь своего рода хранителями достижений прошлого, хотя на известной ступени своего развития те или иные конкретные обычаи и традиции могут превращаться в препятствие для адекватного реагирования организационных форм управления технологическим процессом на изменение последнего. На производственную деятельность индивидов неизбежно влияют те общественно-исторические условия, которые имеются налицо, даны им и перешли от прошлого. Таким образом, применяемая технология будет определять организационно-управленческую форму разделения труда не прямо (непосредственно), а подвергаясь корректировке в зависимости от существующих обычаев и традиций конкретного социума. Итак, уже здесь может наблюдаться отставание организационных форм управления производством от потребностей, предопределяемых развитием его технологической базы.

Кроме этого, необходимо учитывать, что помимо материально-вещественной стороны в разделении труда существует социальная сторона, которая представлена различными субъектами со специфическими потребностями и интересами. Причем специфика их интересов определяется не только внутренними (по отношению к общественному производству) причинами, но и рядом внешних условий.

Целью общественного производства является не просто производство материальных благ на основании какого-то достигнутого уровня развития технологии, а производство их наиболее экономичным способом. Для этого необходимо в полной мере активизировать использование производственных способностей субъектов. Последнее требует учета интересов индивидов и различных социальных общностей в целях организации и наиболее эффективного вовлечения их в общественное производство, для чего необходимо, даже на основе идентичной технологической базы производства, существование различных форм организационно-управленческого разделения труда в соответствии с конкретно-историческими социальными условиями. Таким образом, видна относительная самостоятельность организации и управления производством по отношению к его технологической основе, так как последняя определяет организационно-управленческое разделение труда опосредованно.

Однако выделения технологического разделения труда еще недостаточно для корректного научного описания различия в трудовых отношениях как фактора становления и развития форм социального капитала.

Необходимо также выделить социальное разделение труда, которое возникает в результате качественной дифференциации субъектов в зависимости от социальной организации общества. Генетически социальное разделение труда будет проистекать из технологического разделения труда, однако, обладая определенной самостоятельностью, оно функционально существует и развивается по своим специфическим законам, оказывая активное обратное влияние на технологическое разделение труда. И если последнее приводит к дифференциации общества на квалификационно-профессиональные группы, то социальное разделение труда общества переходного периода представляет собой деление на социальные классы, внутриклассовые группы, коллективы и т. д. Если в первом случае за основу дифференциации берутся различия между индивидами в технологической структуре производства (т. е. трудовые отношения), то во втором решающее значение приобретают отношения собственности.

Подобно тому, как отношения собственности осуществляют социальную фиксацию трудовых отношений, так и социальное разделение труда закрепляет существующее технологическое разделение труда. Социальное разделение труда может вести как к более или менее жесткому персонифицированному или персонифицированному закреплению за людьми их места в системе общественного производства, так и к усилению социальной мобильности в обществе. Здесь методологически очень важно различать действительно жесткое (для каждого данного промежутка времени) безличностное закрепление с точки зрения потребностей функционирования производительных сил, которое определяется технологической и организационно-управленческой структурой производства – с одной стороны. А с другой – персонифицированное закрепление за людьми их места с точки зрения интересов конкретной общественной группы или социального класса. Названное закрепление осуществляется не только через трудовые отношения, но и через отношения собственности и социально-экономического определения поведения субъектов.

Ослабление или усиление социальной мобильности в обществе, которую помимо всего прочего можно рассматривать как фактор, способствующий росту социального капитала на уровне общества в целом, зависит от результата взаимодействия социальных сил в обществе, одни из которых заинтересованы в данном закреплении исходя из частно-групповых или частно-классовых экономических интересов, а другие – не заинтересованы. Именно в этих своих качествах социальное разделение труда способствует усилению его развития или тормозит его.

Как уже указывалось, технологическое разделение труда складывается в результате качественной дифференциации трудовой деятельности, исходя из технологических особенностей производственного процесса. Дан-

ное явление возникло еще в недрах первобытнообщинного строя по мере возникновения первоначальных форм общественного разделения труда по демографическим признакам, а также проистекающим из первых (относительно простых) организационных структур, обеспечивающих нормальное функционирование сфер материального производства (организация охотничьих ватаг с постоянными руководителями; при переходе к земледелию и скотоводству – неолитической революции, создание и поддержание соответствующих устойчивых технико-организационных персонифицированных структур; формирование групп, профессионально занимающихся производством орудий труда и добычей необходимых для этого природных ресурсов и т. д.), духовного производства (при этом если первоначально реализация интеллектуальных и психических способностей индивидов через производство информации, нравственных и эстетических ценностей не была связана с созданием устойчивой социальной группы, специализирующейся на этой трудовой деятельности, то с созданием института жречества эта группа возникла), социального производства (организация первоначально общенародного ополчения во главе с постоянным вождем для защиты территориального базиса племени и общины, на основе которых затем возникают профессиональные дружины; возникновение группы лиц, профессионально занятых деятельностью по поддержанию целостности данной социальной общности и т. д.), сферы производства человека. С техническим прогрессом постоянно усложнялось как технологическое разделение труда, так и возникающая на его основе профессионально-квалификационная структура. При этом совершенно неважно, кто именно будет выполнять ту или иную производственную функцию, необходимо лишь, чтобы он был способен ее выполнять исходя из требований, предопределяемых функционально-технологическим распределением средств и условий труда (последнее и порождает существование в обществе качественно разнородных видов труда). Чем это определяется? По-видимому, индивид (работник) должен обладать соответствующими психофизиологическими особенностями, способностями, (индивидуальные способности – это «свойства личности либо структура этих свойств, определяющие возможности личности более или менее качественно выполнять определенную деятельность»²³²), навыками, предъявляемыми спецификой данного вида трудовой деятельности. Таким образом, технологическое разделение труда ведет к более или менее жесткому персонифицированному закреплению за людьми их места в системе общественного производства, что реализуется в профессио-

²³² Подгайский, А. Л. Взаимодействие политической организации общества и экономической системы : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01 / А. Л. Подгайский. – Мн., 1993. – С. 99.

нальном и квалификационном разделении труда и находит свое выражение в распределении индивидов по профессиям, специальностям, производственным функциям, трудовым операциям и т. д. (иначе говоря, вызывает существование в обществе профессиональной структуры). Причем исходя из особенностей технологической организации производства в обществе переходного периода в различных отраслях народного хозяйства мы можем выделить группы профессий, для которых характерно преимущественное занятие трудом: 1) неземледельческим, промышленным и земледельческим; 2) умственным и физическим; 3) управленческим и исполнительским.

Таким образом, качественные различия в общественном разделении и кооперации порождают специфические трудовые отношения, функционально-трудовую субординацию, которые предопределяют различное место групп работников в отношениях распоряжения, владения и использования хозяйственных благ, т. е. в отношениях собственности на хозяйственные блага. Соответственно, с целью снижения естественных социальных негативов эгональной составляющей экономического поведения, происходит возрастание роли социального капитала в сохранении системной целостности и нормального функционирования экономической системы общества, социальных групп, социума в целом.

Отметим, что наряду с тем, что для занятия определенного места в более или менее жесткой неперсонифицированной структуре производства индивид должен отвечать ряду требований (обладать определенными способностями), уже сами качественно различные виды деятельности будут создавать различные условия для развития социально-экономических способностей индивидов. Причем предпосылками деятельности, способности и потребности становятся лишь в качестве ее же результата. Люди начинают осваивать новый для них способ деятельности, как правило, без соответствующих способностей (прежде всего, производственных), не испытывая потребности непосредственно в нем и относясь к нему не как к своей потребности, а лишь как к средству удовлетворения других потребностей. Общеизвестно, что первичным мотивом, общим стимулом и предпосылкой трудовой деятельности людей является их потребность в средствах существования. Для успешного развития общественного производства необходимо (в условиях невозможности полного удовлетворения потребностей всех индивидов в средствах существования) обеспечение различного вознаграждения за качественно и количественно различный труд (т. е. распределение по труду), что будет стимулировать индивидов для выполнения системно важных социальных функций. Таким образом, наиболее экономически приоритетными для индивида будут выступать те виды деятельности, которые в данный момент обеспечивают

ему более высокий уровень удовлетворения личных материальных потребностей (разумеется, эту тенденцию не следует абсолютизировать и доводить до абсурда). Это будет порождать социальное неравенство, что при определенных условиях может способствовать существованию социально-классовой дифференциации и усилению социальных рисков.

Новые производственные способности у людей вырабатываются в процессе деятельности, причем благодаря развитию старых способностей и, в той или иной степени, вопреки им, преодолевая их инерцию и сопротивление. Например, для того, чтобы заниматься управленческим трудом, требуется специфический уровень профессиональной подготовки, т. е. этим видом деятельности может заниматься далеко не каждый член общества. А с другой стороны, умственный или преимущественно умственный вид трудовой деятельности уже сам по себе будет способствовать развитию интеллекта у субъекта, будет делать данного человека все более ценным специалистом в данной области (здесь мы в значительной мере абстрагируемся от ряда сопряженных к данному вопросу факторов, таких, например, как природные способности индивида). Тяжелый неквалифицированный или низкоквалифицированный труд будет в большинстве случаев отуплять людей, занимающихся им, подавлять их универсальные производственные способности. Управленческий труд будет способствовать развитию у индивида способности к оправданному риску, умению быстро реагировать на сложившуюся ситуацию и т.д.

Как известно, потребность конкретного социального субъекта, детерминированная конкретным видом производственной деятельности, форсирует социальную направленность в овладении определенной суммой знаний и формирование соответствующих идей, взглядов, которые и образуют впоследствии вид общественного сознания, т. е. положение, объективно занимаемое субъектом в системе общественного производства, вынуждает его к определенным действиям с целью закрепления или создания оптимальных условий своей жизнедеятельности, которые рефлексируются в соответствующей форме сознания и социального капитала. Все это способствует формированию при определенных социально-исторических условиях конкретного социального типа личности и адекватных ему форм социального капитала.

Таким образом, на основе технологического и организационно-управленческого видов разделения труда в различных профессионально-квалифицированных группах трудящихся начинает формироваться специфический тип личности. Если же в социальном разделении труда в это время преобладает или хотя бы действует тенденция к персонифицированному закреплению за субъектами их места в системе общественного производства, что в частности предопределяется желанием индивидов, занимаю-

щих привилегированное место в системе общественного производства, максимизировать удовлетворение личных материальных потребностей, а значит и закрепить это место за собой и своими детьми, то отношения к выполняемым общественным функциям в различных социальных группах будет существенно различаться. Материальной предпосылкой для такого закрепления служит определенный тип функционально-трудовой субординации индивидов, основанный на качественных различиях в общественном разделении и кооперации труда и соответствующие этому типу групповые формы социального капитала. Индивиды, которых, благодаря выполнению ими специфических (в самом широком смысле этого слова) функций, наиболее трудно заменить другими индивидами (т. е. при условии, что в результате развития качественных различий в общественном разделении труда взаимозаменяемость между индивидами достаточно затруднена или же вообще невозможна) по причине сложности их труда, получают монополию на свой труд и имеют возможность, разумеется, исторически ограниченную, диктовать условия остальным членам общества. На этой основе они будут получать большее материальное и социальное вознаграждение за свой труд, чем остальные индивиды (что является экономически целесообразным).

Если учесть также и то, что организационно-управленческое разделение труда подразумевает функционально-трудовую субординацию индивидов (т. е. отношения взаимоподчинения между индивидами, которые проистекают в зависимости от их функциональных ролей в сложившейся технико-организационной структуре разделения и кооперации труда и, соответственно, наделение их различными функциональными возможностями), наличие которой само по себе обозначает, что люди занимают различное место в структуре общественного производства и взаимодействуют со средствами производства различными способами, или, иначе говоря, существует дифференцированное отношение к средствам производства, то, на наш взгляд, правомерно говорить о наличии в различных группах специфических интересов и форм их реализации. Необходимо также отметить, что в зависимости от места в технологическом и организационно-управленческом разделении труда (иначе говоря, в зависимости от выполняемых социальных функций) индивиды обладают различными функциональными возможностями как во влиянии на общественное производство, так и (как следствие первого) в получении тех или иных благ. Различные функциональные возможности индивидов выступают существеннейшей чертой качественных различий в общественном разделении и кооперации труда.

Из функционального подчинения индивидов неизбежно рождается социальное подчинение. Первое проистекает из существования разделения

и кооперации труда и будет всегда сопутствовать им, т. е. такое положение субъектов объективно predetermined самой структурой общественного производства. Второе же, определяясь разделением труда, существует на базе специфических функционально-трудовых отношений и отношений собственности, различных управленческих (властных) отношений. Социальное подчинение всегда сопутствует функциональному подчинению. Так, например, лицам, занимающимся управленческой деятельностью, для того, чтобы обеспечить устойчивое функционирование социальной системы, необходимы определенные властные полномочия. То есть для выполнения определенных системно важных политических и экономических функций необходимо обладать соответствующей политической и экономической властью для того, чтобы иметь возможность принудить прочих субъектов к ведению ими действий в интересах всей системы в том случае, когда их личные социально-групповые или мелко-классовые интересы не совпадают с интересами системы в целом. Это объясняется, в частности, невозможностью удовлетворения материальных потребностей всех членов общества в равной мере. Само по себе такое несовпадение (полное или частичное) на современном этапе и в прошлом можно считать наиболее типичным случаем.

Следует подчеркнуть, что сами по себе качественные различия в общественном разделении и кооперации труда и вытекающая из них функционально-трудовая субординация индивидов (т. е. более или менее жесткое неперсонифицированное закрепление за людьми их места в системе общественного производства), не являются еще достаточным условием для социально-классовой дифференциации общества, хотя и необходимы. Это обуславливается тем, что различное место индивидов в трудовых отношениях (или, что близко по своему значению, качественные различия в общественном разделении и кооперации труда) непосредственно предопределяет только профессиональную структуру, которая является лишь одной из элементарных социальных структур, лежащих в основе интегральной социально-классовой структуры общества. В то же время эволюция социально-классовой структуры общества в известной степени предопределяется существенными изменениями, происходящими в трудовых отношениях и, соответственно, в профессиональной структуре. При этом необходимо отметить, что эволюция социально-классовой структуры общества может происходить и без изменения профессиональной структуры (однако это надо рассматривать как социальный феномен).

Объективные общественные законы позволяют констатировать, что индивиды, объединенные схожим профессиональным, имущественным и объемно-правовым положениями, будут иметь схожие экономические интересы, что выступает в качестве материального условия для их объ-

единения в социальные классы, в целях более успешной реализации и защиты своих интересов. Общественные группы, резко отличающиеся друг от друга сразу по трем приведенным признакам, будут отталкиваться и противопоставляться гораздо сильнее, чем группы, отличные только по одному какому-либо признаку. Вместе с тем, говоря об объединении общественных групп в социальные классы, необходимо учитывать всю систему социально-экономических отношений, как исчерпывающую характеристику социального класса. Причем не последняя роль в этом процессе, как будет показано ниже, принадлежит социальному капиталу.

Поскольку все социальные группы в обществе взаимодействуют друг с другом и при этом стремятся к наиболее оптимальной реализации своих интересов (прежде всего экономических), то все общество объективно должно распадаться на некие большие группы людей, противостоящих друг другу в зависимости от степени совпадения (противопоставления) их интересов (прежде всего экономических). Что же будет предопределять это совпадение (противопоставление)? На наш взгляд, это все та же возможность одними социальными группами присваивать себе труд других (что зависит от их места и функциональной роли). Для защиты своих экономических интересов происходит стихийное объединение тех и других в социальные классы. Такое объединение выступает в качестве экономической базы образования социальных классов. Р. Дарендорф в работе «Class and class conflict in industrial society» (London, 1957 г.) писал по этому поводу, что «класс – это категория, которая используется при анализе динамики социального конфликта и его структурных корней»²³³. Вместе с тем, социальный класс – это не только экономическое, но и социальное, политическое и духовно-идеологическое образование.

К. Маркс в «Нищете философии» пишет: «Экономические условия превратили сначала массу народонаселения в рабочих. Господство капитала создало для этой массы одинаковое положение и общие интересы. Таким образом, эта масса является уже классами по отношению к капиталу, но еще не для себя самой. В борьбе... эта масса сплачивается, она конституируется как класс для себя. Защищаемые ею интересы становятся классовыми интересами»²³⁴. Из данной цитаты ясно видно, что в процессе возникновения и развития социальных классов, по мнению К. Маркса, существует такая форма социальной организации, когда люди, находящиеся в положении, определенном некоторыми критериями (место и роль в системе функционально-трудовых отношений, отношений собственности,

²³³ Dahrendorf, R. Class and class conflict in industrial society / R. Dahrendorf. – N.Y., – 1959. – 362 p. – P. 65.

²³⁴ Маркс, К. Нищета философии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1955. – Т. 4. – С. 183.

управленческих отношений и особые экономические интересы), еще не связаны внутренней связью сознательных (идеологических) отношений, а лишь связью субъективных отношений и объективных зависимостей, существующих в рамках производственных отношений. Тогда мы говорим, что они образуют «класс в себе», который, правда, не является простой совокупностью, поскольку связан системой объективных отношений, но и не представляет еще класса «для себя», т. е. не обладает еще вполне развитым сознанием своих классовых экономических и политических интересов. Причем, объективные классовые интересы отражаются в субъективном классовом сознании отнюдь не зеркально. Осознание своих существенных, истинных интересов, без чего невозможно превращение «класса в себя» в «класс для себя», неизбежно происходит через систему психологических установок, данных предыдущим историческим опытом. Социальный класс может стать «классом для себя», лишь выработав собственную идеологию. На основе всего этого и происходит его организационное оформление. В случае рассмотрения данного подхода с использованием современного понятия социальный капитал, можно констатировать, что превращение социального класса в «класс для себя» неизбежно сопровождается ростом социального капитала в этой социально-классовой общности.

Отметим, что под влиянием данного положения К. Маркса о «классе для себя» М. Вебер предлагал разграничивать в социально-классовой структуре «класс» и «социальный класс». Под классом данный автор понимал социальную общность, связанную лишь сходством экономических интересов, «экономического положения» данной категории субъектов. Категорией «социальный класс» М. Вебер показывал, что высшим проявлением классовой общности служит мобилизующая и побуждающая к коллективным действиям осознанность своих классовых экономических и политических интересов, целей²³⁵.

В современной научной лексике это назвали бы возрастанием социального капитала социальной группы.

Классик французской социологии П. Бурдьё (один из признанных специалистов в области изучения социального капитала) также предлагает разграничивать возможные (логические) и реальные социальные классы. Данный автор пишет, что на основании знания экономических и других отношений можно «вычленить классы в логическом смысле этого слова, т. е. классы как совокупность агентов, занимающих сходную позицию, которые будучи размещены в сходных условиях и подчинены сходным обу-

²³⁵ Weber, M. The theory of social and economic organization / M. Weber // New York: Academic press, 1947. – Pp. 424–499.

словленностям, имеют все шансы для обладания сходными диспозициями и интересами, и, следовательно, для выработки сходной практики и занятия сходных позиций»²³⁶. П. Бурдьё справедливо считает, что данный класс «на бумаге» имеет теоретическое существование, «он позволяет объяснить и предвидеть практики и свойства классифицируемых и, ...поведение ведущее к объединению их в группу (*в реальный социальный класс – примечание авторов*)»²³⁷. И далее: «Это лишь возможный класс, поскольку он есть совокупность агентов, которые объективно будут оказывать меньше сопротивления в случае необходимости их "мобилизации", чем какая-либо другая совокупность агентов»²³⁸. Превращение логического класса в реальный социальный класс, пишет он далее, возможно лишь через выработку у его членов чувства позиции, «занимаемой в социальном пространстве»²³⁹ (*социально-классовых отношений – примечание авторов*). Думается, именно необходимость выработки методологической четкости в понимании процессов социального генезиса заставили П. Бурдьё в дальнейшем принять участие в выработке парадигмы социального капитала, позволяющей уточнить описанный выше процесс классовых метаморфоз.

И. Краус также пишет: «Классы... являются конфликтными группами, тот или другой, объединяясь, оспаривают существующее распределение власти, преимуществ и других возможностей... классы формируются, когда совокупность индивидов определяет свои интересы как сходные с интересами других из той же совокупности и как отличающиеся и противостоящие интересам другой совокупности лиц»²⁴⁰. Данный исследователь также подчеркивает важную роль в процессе формирования социального класса наличие у последнего собственной идеологии²⁴¹, иначе говоря, развитого социального капитала.

Правомерен вывод, что в политической экономии попытки исследования такого общественного явления, обозначаемого в современной науке понятием «социальный капитал», под которым понимается суммы выгод, получаемых субъектами от взаимных определенных информационных действий (как совокупности межличностных отношений, снижающих транзакционные издержки) с целью взаимовыгодного сотрудничества, достигаемого путем информационного обмена, и позволяющих получить

²³⁶ Бурдьё, П. Социология политики / П. Бурдьё ; сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. – М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с. – С. 59.

²³⁷ Там же. – С. 59.

²³⁸ Там же. – С. 59.

²³⁹ Там же. – С. 65.

²⁴⁰ Kraus, I. Stratification, Class, and Conflict / I. Kraus. – N. Y. : Free Press, 1976. – P. 12.

²⁴¹ Kraus, I. Stratification, Class, and Conflict / I. Kraus. – N. Y. : Free Press, 1976. – Pp. 15–16.

осязаемую социально-экономическую выгоду, предпринимались уже в середине XIX века. Вместе с тем по ряду причин гносеологического и исторического характера до конца прошлого века ученым не удалось вплотную подойти к формулированию парадигмы социального капитала. В настоящее время активизация исследований в этом направлении во многом predeterminedenа необходимостью выработки теоретических и практических рекомендаций по изменению государственной социально-экономической политики и усилий общественности, обусловленной необходимостью перехода к сверхиндустриальному технико-технологическому укладу и создания нового социально-научного сообщества, персонифицирующего этот переход в условиях экономики рисков.

В условиях продолжающегося процесса глобализации и усиления эффектов экономики рисков, усиления взаимозависимости, в том числе и экономической, стран и регионов, правильная оценка национальным правительством своего социально-экономического потенциала (в том числе и социального капитала) будет способствовать получению максимальных выгод социумом от участия в международных экономических отношениях. Отметим, что в самом общем виде последствия от включения в международные социально-экономические отношения для того или иного социума (государства, этноса, суперэтноса) могут заключаться в: 1) упрочении жизнениности социума: поступательный экономический рост; ослабление социально-классовых антагонизмов; успешная социально-экономическая, политическая, военная, духовная или иная экспансия; 2) отсутствии каких-либо последствий для социума; 3) снижении жизнениности социума: экономическая деградация или же односторонний экономический рост каких-либо хозяйственных отраслей, ведущий не к долгосрочному и поступательному развитию экономической системы, а к ее перспективной деградации; усиление социально-классовых и иных антагонизмов; аннигиляция национального государства; подверженность внешней экспансии, ведущей в конечном счете к гибели социума.

Зависимость экономических или, точнее, социально-экономических интересов страны (как субъекта экономических отношений) от реалий международных экономических отношений проявляется двояко. Во-первых, уровнем развития материальных условий мировой экономической системы и данного региона определяется объективная основа (содержание) интересов, т. е. сфера возможностей, сформировавшихся на основе данного уровня развития общественного бытия. И, во-вторых, положением социально-экономического субъекта в системе данных международных экономических отношений, обуславливающих его положительное отношение к одним объективным возможностям и отрицательное – к другим, его заинтересованность в реализации одних возможностей и предотвращении других.

При изучении направленности интересов того или иного государства следует принимать во внимание, что волю последнего как субъекта тех или иных социальных и экономических отношений выражают органы его политического управления. Причем интересы последних не могут полностью совпадать с интересами социума в целом. Данное отклонение обусловливается следующими моментами: экономические интересы каких социальных групп и классов (в том числе национальных или иностранных) выражает данное государство; степенью политической независимости данной страны; состоянием его экономики и т. д. Причем в ряде случаев компрадорские правительства (и не только они) могут проводить внешнеэкономическую политику, ущемляющую экономические интересы своей страны. Справедливости ради отметим, что в свое время международная торговля шелком, осуществляемая отнюдь не компрадорским, а национальным китайским государством, погубила не только его, но и Римскую империю.

Участие страны в международном разделении труда как целостный социально-экономический процесс, оказывающий влияние на жизненность социума, представляет собой взаимодействие разнообразных и противоположных тенденций, одна из которых, как правило, преобладает (в целом же направленность этого процесса необходимо рассматривать как суммарный вектор взаимодействующих тенденций). Известно, что целью любой социальной системы является упрочнение ее жизненности. Вместе с тем, социум не является чем-то монолитным и далее не дифференцируемым, а напротив распадается на огромное количество социальных субъектов, различающихся различной степенью агрегированности. Все эти социальные группы и индивиды стремятся к реализации своих социально-экономических интересов, посредством оптимизации которых они могут упрочить свою жизненность. Таким образом, при определении конкретных форм и объемов внешней торговли будет происходить наложение (по вертикали) следующих типов интересов: общественных (интересов социума в целом); социально-классовых (интересов наиболее агрегированных и сформированных социально-экономических групп); частно-групповых; индивидуальных. В то же время на данный процесс будет оказывать влияние детерминирование в социально-экономической системе трудовых (продукционных), собственно социальных (системных), монопольных (эгоцентрических) или уравнивательных (коммуноцентрических) интересов. Кроме этого, на конкретные формы участия в международных социально-экономических отношениях любого государства, поскольку последние являются незакрытыми системами, будут оказывать влияние (в зависимости от исторических условий) большие или меньшие) интересы других стран и (или) определенных международных (финансовых, торговых, промышленных и т. д.) групп.

Для современных международных экономических отношений характерны следующие атрибутивные признаки: поляризация (как между странами, так и внутри стран) и двойственность стандартов (стремление и возможность привилегированных стран диктовать свои условия всем остальным странам); растущая глобализация; возрастание активности и силы ТНК и невозможность самоизоляции государств в современном мире; долларизация; демографический взрыв и ограниченность материальных ресурсов; китаезация; индустриализация развивающихся стран и наступление нового этапа НТР.

Выше нами подчеркивалось усиление действия идеологического фактора в условиях экономики рисков. «В условиях глобализации роль идеологии претерпевает кардинальные изменения. Из института, обеспечивавшего выживание отдельных стран и народов, она превращается в действенный инструмент новой колонизации, посредством которого одни державы и народы получают возможность эксплуатировать других»²⁴². Растущая экономическая глобализация в современном мире сопровождается усилением ее идеологической поддержки, когда научный анализ данного (уникального) явления подменяется постулированием очевидных, но в реальности не выполняемых, нравственных положений. В этом контексте достаточно типичным представляется выражение Ф. Хайека, согласно которому мировое хозяйство «представляет расширенный порядок человеческого сотрудничества, базирующийся: 1) на свободе как отсутствии принуждения вообще, и в экономике особенно; 2) на мире как отсутствии войны; 3) на справедливости как отсутствии дискриминации и привилегий. Скрепляющая основа вышеназванных элементов порядка – частная собственность»²⁴³. Очевидное несоответствие данного высказывания реалиям современных международных экономических (политических и иных) отношений, по причине излишней морализации, очевидна.

Реальностью современного мирового экономического порядка стала глобализация производства, сопровождаемая становлением и бурным развитием транснациональных корпораций, их выходом из-под контроля национальных государств. Одновременно с развитием ТНК возрастает борьба между последними как за передел уже существующих рынков, так и за захват новых (причем количество последних сегодня пространственно ограничено).

²⁴² Байнев, В. Ф. Идеология как экономическая категория / В. Ф. Байнев // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2016. – Вып. 4. – С. 21–33. – С. 32.

²⁴³ The Essence of Hayek. Stanford, 1984. – цит. по: Новикова, И. В. Глобализация как императив экономических реформ / И. В. Новикова // Белорусский экономический журнал. – № 3. – 1999. – С. 4–12. – С. 6.

Создание надгосударственных экономических образований, стремящихся к переделу существующих и захвату новых рынков, не является изобретением нашего времени. Как показывает история, данный процесс всегда сопровождался усилением межгосударственных и иных антагонизмов, а также отсутствием ограничений в средствах и формах борьбы за экономическую (а, соответственно, политическую, духовную, военную и т. д.) гегемонию. Например: борьба греческих (византийских), армянских, мусульманских (арабских и иранских) и еврейских купцов за господство в международной торговле в VIII–X веках вылилась не только в попытки названных финансовых группировок устанавливать выгодные (прежде всего, экономически) режимы в тех или иных странах и в усилении кровопролитных межгосударственных войн, не отвечающих интересам ни одной из воюющих стран (войны киевских князей с половцами в X–XI веках), но и в усилении идеологического противостояния как между этносами и государствами, так и внутри их (естественно, что в то время это принимало религиозную форму). В XIII веке купцы-рахдониты для установления своего господства над Великим шелковым путем, а также для того, чтобы пресечь локальные войны в зоне их торговых интересов и установить там режим «мира как отсутствия войны», финансируют оснащение монгольской армии и делают материально возможным победоносный поход орд Тэмуджина.

Однако современная эпоха добавила много нового в этот процесс. Прежде всего это то, что социально-экономические субъекты, стремящиеся к господству в планетарном масштабе или к доминированию в крупных регионах, для оптимизации условий своей экспансии предпринимают значительные (в том числе и финансовые) усилия для уничтожения культурного, человеческого, административного и социального капитала в социально-экономических системах – объектах проникновения. При этом на государственном уровне могут использоваться следующие средства: экономические («свободная рыночная конкуренция» и т. д.); социально-этические; политические; военные и некоторые другие. Крупные иностранные предприятия, головные офисы которых находятся в регионах с некоммунальной материально-технологической средой и соответствующей ей культуре, открывая свои представительства в странах с коммунальной материально-технологической средой, стремятся к навязыванию своих корпоративных «этических» норм, которые позволяют не только сформировать у части своих сотрудников стиль поведения, чуждый местным традициям, но и накопить определенный «корпоративный» социальный капитал, который будет выступать как элемент дестабилизации национальной социально-экономической системы. Оговоримся, что хотя в условиях социально-экономической глобализации и возрастает возможность,

а также вероятность влияния на национальную социально-экономическую систему и на экономическую эффективность социального капитала в обществе зарубежных социально-экономических субъектов, но главным в любом социуме по-прежнему остается сформировавшийся баланс интересов. Последние, как известно, могут носить трудовой, монопольный, уравнилельный и собственно-социальный (системный) характер. Все эти интересы присущи любому обществу, вопрос заключается в преобладании одних над другими и, соответственно, в трансформации в зависимости от того, какие из них в данный момент доминируют во всей системе политических и экономических отношений.

В случае преобладания в обществе монопольных интересов, что предопределяет направленность экономической системы на реализацию частного индивидуального или группового интереса, этот интерес заключается в подчинении себе остальных интересов посредством концентрации собственности на хозяйственные блага, важнейших управленческих функций, власти, информации, наиболее важных видов труда и т. п. В этих условиях господствующие социально-экономические субъекты, используя накопленный ими социальный капитал, будут подавлять других субъектов, уменьшая их социальный капитал, функционирующий на уровне всего социума «Исторический генезис эгоцентричных (*монопольных – примечание авторов*) социальных структур... приводит к классовой поляризации общества, усилению неравенства и узких частных аспектов собственности, эксплуатации большинства меньшинством, усилению борьбы всех против всех, распаду системы»²⁴⁴. Для того, чтобы до известной степени нивелировать негативные последствия господства в обществе монопольных социально-экономических интересов независимые индустриально развитые государства, в том числе и существующие в некоммунальной материально-технологической среде, предпринимают значительные усилия по социализации сложившихся рыночных отношений, т. е. по оптимизации системных интересов и по наращиванию совокупного социального капитала. При этом экономически естественно стремление этих стран переложить часть своих расходов на другие государства.

В случае господства в обществе уравнилельных интересов, преимущественная реализация которых основывается на принудительной коллективности, приоритете общественных начал собственности, относительном равенстве в потреблении и неравенстве в труде, эксплуатации меньшинства большинством и т. д., происходит концентрация прерогатив собственника на хозяйственные блага и функции на уровне социума в це-

²⁴⁴ Герасимов, Н. В. Отчет отдела закономерностей развития производственных отношений социализма Института экономики АН БССР за 1988 год : рукопись / Н. В. Герасимов. – Мн., 1988. – С. 32.

лом в руках государственного аппарата. При этом, ввиду слабовыраженной (латентной) социально-классовой дифференциации, что делает возможным формирование в обществе только одного социального класса, осознающего свои социально-классовые интересы, это ведет к тому, что названный класс обладает и наибольшим социальным капиталом и, соответственно, имеются предпосылки для трансформации уравнительных структур в монопольные посредством группового присвоения рычагов регламентации общественной жизни.

При преобладании в социуме трудовых (производственных) интересов (т. е. настроенности социально-экономических отношений собственно на труд, на интересы субъектов как носителей трудовых функций и на наиболее эффективное производство материальных благ и их непосредственное потребление, ориентированное на эффективное воспроизводство) и собственно-социальных (системных) интересов (позволяющих частично устранить объективную несправедливость любой системы, состоящей в социально-классовой дифференциации и ограничений возможностей ее членов) социальный капитал, накапливаемый большинством социально-экономических субъектов, будет позитивно сказываться на накоплении социального капитала на уровне всего общества. В свою очередь, накопление социального капитала на уровне общества будет способствовать снижению политико-экономических, технологических, финансовых и экологических рисков, что позволит повысить эффективность модернизации белорусской экономики.

2.3 Социально-экономические факторы, определяющие существование, эволюцию и капитализацию социального потенциала

Выделить и содержательно охарактеризовать социально-экономическую обусловленность возникновения, функционирования и эволюции социального капитала в экономической системе общества – это значит раскрыть все факторы, влияющие на различия социальных потенциалов у субъектов, а также специфику возможной капитализации данного потенциала. Под экономическими отношениями нами понимаются отношения между социальными субъектами, включенными в единый, относительно устойчивый, организационно оформленный материально-общественный комплекс, в пределах которого осуществляется внутренне взаимосвязанное производство, присвоение и социально значимое потребление материальных средств и благ для обеспечения физической жизни общества, а также для создания материальной базы всех сфер общественной жизни. Поскольку субъекты экономических отношений являются одновременно

носителями и персонификацией социального капитала, то любые изменения в экономических отношениях вызывают изменения в социальном потенциале и формах его капитализации (т. е. в социально-экономической силе социально-классовых и иных субъектов). Если же данные изменения носят устойчивый, сущностный характер, то они соответствующим образом трансформируют социально-институциональные структуры общества.

По нашему мнению, все факторы, обуславливающие существование, эволюцию и капитализацию социального потенциала, могут быть условно разделены (исходя из такого важнейшего критерия как механизм их воздействия на рассматриваемые социально-экономические процессы) на: экономические причины возникновения и эволюции исследуемого феномена (эндогенные факторы, обуславливающие существование, эволюцию и капитализацию социального потенциала), экономические предпосылки протекания этих процессов (экзогенные объектные факторы) и характеристики социальной среды экономических отношений (экзогенные субъектные факторы). Названный подход позволяет отойти от интерпретации эволюции социального капитала в экономической системе общества как некоего «линейного» развития от якобы простых социально-экономических форм до сложных. Предварительно отметим, что существование, эволюция и капитализация социального потенциала теми или иными субъектами предопределяется всей системой социально-экономических отношений. В экономической системе общества, в соответствии с целями и задачами нашего исследования, можно выделить следующие роды отношений: трудовые отношения, отношения собственности, отношения социально-экономического определения и потребностные отношения²⁴⁵.

Для описания изменений, происходящих в социально-экономических явлениях, в том числе и в социальном капитале, в литературе используется понятие «эволюция». Под эволюцией социального потенциала и форм его капитализации различными субъектами нами понимаются процессы изменения (преимущественно необратимого характера), протекающие в межсубъектных отношениях, изменяющих социально-экономический потенциал этих субъектов, влияющих на баланс интересов в обществе и выступающих важным фактором, предопределяющим трансформацию институциональной социально-экономической модели. В результате эволюции возможно ее усложнение, дифференциация, повышение уровня организации или же наоборот, понижение этого уровня. Эти процессы находят свое отражение в изменении отношений между социальными группами и классами, хозяйственными субъектами и т. д.

²⁴⁵ Герасимов, Н. В. Экономическая система: генезис, структура, развитие / Н. В. Герасимов ; редкол.: Э. А. Лутохина [и др.]. – Минск : Навука і тэхніка, 1991. – 349 с. – С. 45–47.

Среди социально-экономических факторов, предопределяющих эволюцию социального капитала в обществе, следует разграничивать экзогенные и эндогенные факторы. Под экзогенными социально-экономическими факторами, обуславливающими эволюцию социального капитала в обществе будем в дальнейшем понимать такие социальные и природные процессы (или отношения), которые, во-первых, являясь внешними по отношению к экономической системе общества, в то же время непосредственно связаны с последней, и, во-вторых, реально предопределяют изменение социального потенциала социально-экономических и хозяйственных субъектов. В свою очередь, под эндогенными социально-экономическими факторами, предопределяющими эволюцию социального капитала в обществе, понимаются социально-экономические факторы внутреннего по отношению к экономической системе общества происхождения.

Экзогенные и эндогенные социально-экономические факторы тесно связаны друг с другом и взаимообусловлены. В ряде случаев между ними невозможно провести четкую грань. Вместе с тем, можно (условно) охарактеризовать экзогенные факторы как экономические предпосылки и условия (социальную среду экономических отношений), а эндогенные – как экономические причины эволюции социального капитала в обществе.

В качестве эндогенных социально-экономических факторов, предопределяющих существование и эволюцию социального капитала в обществе необходимо выделять: различное место субъектов в трудовых отношениях; различное место субъектов в отношениях собственности; различное место субъектов в отношениях социально-экономического определения; различное место субъектов в потребностных отношениях и вытекающая из этого различная степень удовлетворения потребностей индивидов; различные социально-экономические способности субъектов и их постоянное изменение; различные интересы субъектов и их постоянное изменение; трансформацию социально-классовой структуры общества.

В виду ограниченности объемов данной работы остановимся лишь кратко на действии эндогенных социально-экономических факторов, предопределяющих существование и эволюцию социального капитала в обществе. При желании с научными результатами на данную тематику можно ознакомиться в других работах авторов.

В качестве важнейшего фактора, обуславливающего существование и эволюцию социального капитала в обществе, выступает различное место субъектов в трудовых отношениях. Как уже отмечалось ранее, социальный потенциал, оформляющийся при определенных условиях в социальный капитал, возник на заре человеческой истории вместе с развитием трудовых отношений, возникновением и углублением разделения труда

и порождаемой этим социально-классовой дифференциацией индивидов. Обеспечение материальной базы существования человечества возможно лишь на основе труда, то колоссальное увеличение численности населения планеты и отдельных регионов за последние десять тысяч лет стало возможным прежде всего за счет значительного повышения производительности общественного труда, что было обусловлено как инновационными способностями людей и углублением разделения труда, так и совершенствованием различных общественных механизмов согласования интересов все более разнообразных социально-экономических субъектов, в том числе и за счет развития социального капитала.

Поскольку в процессе общественного разделения труда участвуют не некие кибернетические организмы, лишенные частных интересов, а живые люди со сложной системой мотивации, то в их хозяйственных действиях, как правило, присутствует эгональная составляющая. Поэтому для эффективного решения технологических задач, создания и персонификации адекватных им профессионально-квалификационных структур, невозможно обойтись без достаточно сложных механизмов снижения транзакционных издержек путем создания социальных механизмов согласования социально-экономических интересов и поддержания (оптимального) баланса, накопленного экономическими субъектами социального капитала.

В качестве второго социально-экономического фактора, обуславливающего существование и эволюцию социального капитала в обществе, выступает различное место индивидов в отношении собственности. Опуская дискуссию по поводу социально-экономической природы отношений собственности, отметим, что существование государственной, коллективной, частной, смешанных форм коллективной и частной собственности на хозяйственные блага, а также различное место субъектов в рамках данных форм собственности вызывает существенную дифференциацию индивидов как собственников.

В современном обществе государство по-прежнему обладает значительной автономией по отношению к субъектам экономического процесса, а последние не имеют существенных возможностей воздействия на него. За исключением управленцев, остальные являются сособственниками (пользователями) хозяйственных и иных потребительных благ (в рамках государственной формы собственности), прежде всего в той мере, в какой они осуществляют пользование ими в процессе выполнения своих профессиональных функций. Более того, как уже нами отмечалось ранее, государственные управленцы имеют объективную возможность присваивать социальный капитал, накопленный на уровне общества, что выступает важным экономическим ресурсом для максимизации их частно-классового потребления. Кроме того, в процессе пользования хо-

зяйственными благами между непосредственными производителями также отсутствует равенство, что неизбежно вытекает из социально-экономической неоднородности труда.

Для смешанной государственно-коллективной формы собственности в настоящее время характерна высокая степень огосударствления, что ведет к существованию в ее рамках разграничения на управленцев (присваивающих себе право распоряжения и владения хозяйственными благами) и на остальных работников, которые обладают очень ограниченными правами собственников (главным образом через пользование производительными силами в процессе профессиональной деятельности). Иначе говоря, здесь существуют отношения собственности, близкие к отношениям в государственной форме собственности.

Субъекты коллективной формы собственности в случае четкой и полной персонификации (общество с ограниченной ответственностью, общество с полной ответственностью, акционерное общество) дифференцируются как на хозяев или не хозяев, так и среди хозяев в зависимости от меры присвоения средств производства и рабочей силы и использования их в своих интересах. Н. В. Герасимов писал, что, «хозяйственное положение субъектов характеризуется мерой присвоения средств производства и рабочей силы, а также мерой распоряжения ими в своих интересах»²⁴⁶.

Субъекты коллективной формы собственности в случае, когда персонификация носит частичный характер и охватывает лишь часть объектов собственности (характерным примером этой формы может служить кооператив восточноевропейского типа семидесятых годов), дифференцируются как собственники, во-первых, в зависимости от хозяйственного положения по отношению к той части объектов собственности, которые персонифицируются, и, во-вторых, в результате неравенства в пользовании производительными силами, вытекающего из социально-экономической неоднородности труда. По мере разгосударствления колхозно-кооперативной формы собственности дифференциация субъектов в отношениях распоряжения и пользования хозяйственными благами начинает происходить именно из социально-экономической неоднородности труда.

Частная форма собственности, отличаясь законченной персонификацией хозяйственных благ, однозначно вызывает имущественную дифференциацию субъектов в зависимости от того, лишены ли они функций хозяина по отношению к тем либо иным хозяйственным объектам или обладают этими функциями в полном объеме. В том случае, если в руках частного собственника (или группы частных собственников) находятся

²⁴⁶ Герасимов, Н. В. Экономическая система: генезис, структура, развитие / Н. В. Герасимов ; редкол.: Э. А. Лутохина [и др.]. – Минск : Наука і тэхніка, 1991. – 349 с. – С. 99.

определенные материальные условия труда, которые отделены от непосредственных производителей (наемных работников), возникают собственно социально-классовые имущественные отношения, базирующиеся, как мы отмечаем, на возможности одними субъектами присваивать себе труд других.

Таким образом, на современном этапе сохраняются существенные различия между индивидами во владении, распоряжении и пользовании хозяйственными и иными потребительными благами, что является важным экономическим фактором, предопределяющим при определенных исторических (социально-институциональных) условиях дифференциацию субъектов по степени накопления ими социального потенциала и по формам его капитализации.

В качестве третьего фактора, обуславливающего существование, эволюцию и капитализацию социального потенциала, выступает различное место индивидов в отношениях социально-экономического определения. С точки зрения создания парадигмальных основ концепции социального капитала в Республике Беларусь, рассмотрение отношений социально-экономического управления поведением субъектов является главным. Субстанционально-гносеологические основы рассмотрения отношений социально-экономического определения (управления) были заложены Н. В. Герасимовым. При этом в качестве более общей категории брались отношения социально-экономического определения поведения субъектов. «Отношения социально-экономического определения субъектов, – отмечал Н. В. Герасимов, – представляют собой специальную совокупность отношений по поводу осуществления каких-либо отношений, то есть производства социально-необходимого поведения субъектов»²⁴⁷. Данные отношения в отличие от трудовых отношений и отношений собственности, складывающихся по поводу создания и использования материальных благ, возникают по поводу самих экономических отношений, их организационных форм и способов организации. Отношения социально-экономического определения поведения субъектов формируют принципиальную социально-экономическую диспозицию сторон и их общий статус в экономической системе²⁴⁸. Основу этих отношений составляют отношения социально-экономического управления. Их функциональная цель состоит в том, чтобы посредством формирования и осуществления определенного поведения субъектов обеспечить производство, присвоение и использование материальных благ в интересах гос-

²⁴⁷ Герасимов, Н. В. Экономическая система: генезис, структура, развитие / Н. В. Герасимов ; редкол.: Э. А. Лутохина [и др.]. – Минск : Навука і тэхніка, 1991. – 349 с. – С. 61.

²⁴⁸ Там же. – С. 61.

подствующих социальных классов и групп, общества в целом, других субъектов.

Отношения социально-экономического управления функционируют одновременно как обслуживающие трудовые отношения, отношения собственности и потребностные отношения, так и как определяющие их. «Правила хозяйственной деятельности – поведенческие, формальные и неформальные – наряду с основной структурой экономической системы образуют комплекс механизмов, детерминирующих динамику этой системы в качестве некоторой замкнутой целостности»²⁴⁹. Без отношений социально-экономического определения поведения субъектов, обеспечивающих соблюдение данных правил, социально-экономическая система утрачивает свою целостность. Иначе говоря, без отношений социально-экономического управления невозможно ни одно экономическое действие.

Различное место индивидов в отношениях социально-экономического управления поведением субъектов выступает фактором, обуславливающим существование, эволюцию и капитализацию социального потенциала, проявляющийся через три типа социального управления (властное, стимуляционное и информационное).

Следующий социально-экономический фактор, обуславливающий существование, эволюцию и капитализацию социального потенциала, – это различное место индивидов в потребностных отношениях. В случае резкого уменьшения степени реализации потребностей основных социально-экономических субъектов, которое кажется подавляющему большинству населения несправедливым, происходит резкое (в ряде случаев катастрофическое) снижение социального капитала, накопленного на уровне общества, которое, при определенных внешних условиях может привести к деградации экономической системы общества и (или) уничтожению национального государства.

Еще одним эндогенным социально-экономическим фактором, обуславливающим существование, эволюцию и капитализацию социального потенциала, выступают социально-экономические способности субъектов, точнее, дифференциация и изменение этих способностей. Изменение способностей социально-экономических субъектов, т. е. изменение их социальной силы (социального потенциала и форм его капитализации) будет неизбежно сопровождаться изменением социально-экономических отношений, и в первую очередь трансформацией объемно-правовых и имущественных структур. Невозможность удовлетворения материальных потребностей всех индивидов и различные социально-экономические

²⁴⁹ Поманский, А. Б. Структурное разнообразие моделей и проблем управления / А. Б. Поманский, Г. Ю. Трофимов, Сюзь Чженцин. – М.: ЦЭМИ АН СССР, 1990. – С. 15.

способности субъектов, которые последние используют для максимизации удовлетворения своих потребностей, предопределяют существенную дифференциацию между людьми в отношениях потребления, что обуславливается различием их места в трудовых отношениях, отношениях собственности и социально-экономического определения и детерминирует существование и эволюцию экономической системы общества.

Преломление потребностей субъекта через структуру экономических отношений, в которых он участвует в определенных ролях, выступает в форме интересов, которые являются еще одним социально-экономическим фактором, определяющим существование, эволюцию и капитализацию социального потенциала. В каждый момент в обществе должен существовать определенный баланс интересов, который обуславливается балансом сил (социальных потенциалов и форм их капитализации) социальных субъектов, являющихся носителями уравнительных, монопольных и собственно-социальных интересов. Изменение интересов тех или иных социальных субъектов неизбежно вызывает разбалансировку сил социально-классовых общностей в социуме и как результат этого ведет к изменению базовых социальных институтов и экономической системы общества.

В качестве фактора, обуславливающего существование и эволюцию социального капитала в обществе, а также относительно жестко фиксирующего результат капитализации социального потенциала, выступает трансформация социально-классовой структуры общества. Как только в обществе формируются устойчивые профессиональные, имущественные и объемно-правовые группы; как только они приобретают некоторую прочность (как общественная комбинация), сейчас же начинается взаимодействие между обществом, взятым как целое, и между отдельными социальными группами, причем каждая из сторон влияет на природу другой. Степень зрелости социально-классовых групп действует в качестве фактора, обуславливающего формирование и формы капитализации социального потенциала как в самих этих группах, так и на уровне общества и индивидов.

Вышеназванные факторы проявляются на фоне действия экзогенных факторов, которые, в свою очередь, можно разделить на объектные и субъектные. В качестве основных объектных экзогенных факторов, обуславливающих существование и эволюцию социально-классовой организации общества, нами выделяются: экономический (изменение природно-географических условий); технологический (изменение технологического уклада); демографический (изменение половозрастной структуры общества и социально-классовых агрегированных субъектов).

В качестве основных субъектных экзогенных факторов, обуславливающих существование и эволюцию социального капитала в обществе, на наш взгляд, правомерно рассматривать: моральный (изменение нравственных отношений в обществе); политический (изменение политической системы); социально-гносеологический (степень развития науки об обществе и ее применение при попытках сознательного общественного, в том числе, государственного регулирования социальных процессов).

2.4 Формирование и функционирование социального капитала в Республике Беларусь и становление экономики доверия

Процесс формирования (или иначе – генезиса) социального капитала неразрывно связан с возникновением и развитием социально-экономических субъектов, его персонифицирующих. Под генезисом социального капитала современного белорусского общества понимается возникновение, происхождение данного феномена и субъектов, его персонифицирующих, иначе говоря, – момент зарождения и последующий процесс развития, приведший к данному состоянию. Зарождение нового социального потенциала с последующей его капитализацией происходит в результате распада, ведущего к исчезновению отдельных элементов прошлых отношений и к перегруппировке оставшихся, в результате чего начинается новое развитие. Это происходит так, как будто указанные три процесса (отделение, элиминация и сохранение) высвобождают новые социальные силы и дают толчок дальнейшим перегруппировкам. Прежде чем описывать данный процесс, необходимо ответить на два вопроса: во-первых, когда начался процесс, приведший к накоплению ныне существующими экономическими (социально-экономическими и хозяйственными) субъектами различной степени агрегированности социального потенциала, непрерывно трансформирующегося в социальный капитал, направленный на оптимизацию частно-групповых (иногда государственных) интересов, и, во-вторых, когда (хронологически) произошло становление данных структур?

Вопрос о начале генезиса социально-экономических субъектов лежит на поверхности социальных явлений (и сущностных, не случайных, устойчивых отношений между ними), персонифицирующих социальный капитал данной структуры. Иначе говоря, когда начался генезис социально-классовой структуры современного белорусского общества? Известно, что социально-классовая структура современного белорусского общества возникла из социально-классовой структуры советского обще-

ства. Однако, также бесспорно, что последняя в известной степени обусловлена социально-экономической системой, существовавшей до 1917 года. Сама же Октябрьская (как и две предыдущие) революция во многом проистекала из невозможности дворянства решить крестьянский и, соответственно, продовольственный вопрос. Труженики деревни в то время составляли около 80% населения страны. Истоки данного противоречия лежат в «Жалованной грамоте дворянству» (1785 г.) Екатерины II и «Соборном уложении» (1649 г.) Алексея Михайловича, – а последнее непосредственно проистекает из системы помещичьего и вотчинного землевладения Владимиро-Суздальской Руси конца XIII – начала XIV веков. Данную цепь рассуждений можно продолжить и дальше. Однако изучать генезис социально-классовой структуры постсоветского общества – не значит выводить генеалогию данного социума из всех эпох, где существовали его истоки. Это значит анализировать его развитие в недрах эволюции непосредственно предшествующих исторических периодов, вызвавших их комбинацию. При рассмотрении формирования социального капитала современного белорусского общества, в виду его сложности, следует ограничиться принципом «разумной достаточности». Читатель, заинтересовавшийся эволюцией социального капитала постсоветского общества, может ознакомиться со статьей «Социальный капитал и аграрный кризис в России и СССР в первой четверти XX века: взаимообусловленность, протекание и формы разрешения»²⁵⁰. Мы же остановимся на генезисе социального капитала белорусского общества в период существования независимой суверенной Беларуси.

В начале 90-х годов сложившаяся социально-экономическая ситуация соответствовала интересам таких общностей как государственные управленцы (в это время произошло становление национальной бюрократии как социального класса), криминалы (достигших своей максимальной социально-экономической силы, достаточной для криминализации значительной части экономики), предприниматели и зарождающиеся частные собственники (многие из которых были «теневиками» и/или относились к компрадорской буржуазии).

В 1995 г. в Республике Беларусь была достигнута макроэкономическая стабилизация и создаются определенные предпосылки для экономического роста. Это было обусловлено, прежде всего, тем, что сформировавшаяся на почве неприятия прежнего пути социально-экономического и политического развития, по которому пошла страна в начале 90-х годов, социально-классовая группировка обеспечила приход к власти Президента А. Г. Лука-

²⁵⁰ Солодовников, С. Ю. Социальный капитал и аграрный кризис в России и СССР в первой четверти XX века: взаимообусловленность, протекание и формы разрешения / С. Ю. Солодовников // Новая экономика. – 2009. – № 1–2. – С. 15–25.

шенко, что обеспечило изменения социального и экономического курса развития страны. Эта группировка, легко возникшая путем объединения таких социальных классов и социально-классовых групп как рабочий класс, крестьянство, интеллигенция и пенсионеры с целью совместной борьбы против доминирования экономических государственных управленцев, предпринимателей, частных собственников и криминалов, не могла быть долговечной. Естественным образом, после выполнения своей функциональной задачи она распалась, поскольку субъекты, в нее входящие, обладали различными социально-экономическими интересами.

В этот период наша страна относилась к типу социальных систем, определяемых категорией «общество переходного периода». Исходя из целей и задач данного исследования, представляется правомерным понимание постсоветской белорусской реальности (общества переходного периода) «как времени и пространства качественных, революционных трансформаций»²⁵¹, что позволяет сделать ряд существенных выводов, в частности, «зафиксировать, что содержанием переходной экономики является не столько реформирование экономической политики и методов хозяйствования, сколько преобразование системы социально-экономических отношений. Меняются практически все слагаемые экономики: способ аллокации ресурсов и отношения собственности, тип воспроизводства и модели мотивации, цели и средства экономического развития, институты и право»²⁵². Профессор А. Бузгалин отмечает по этому поводу: «основной детерминантой социально-экономических процессов в переходном обществе служат неэкономические факторы развития; экономические факторы создают лишь "область допустимых значений" трансформации. Обоснование достаточно просто: качественные изменения в экономике осуществляются на объективной основе, но субъективными методами»²⁵³. Таким образом, «складывающаяся как продукт противоречия инерционности и качественных изменений и под определяющим воздействием неэкономических факторов переходная экономика не может не быть неустойчивой, нестабильной»²⁵⁴.

Экономика в Беларуси становится смешанной экономикой с большим разнообразием форм поведения, что достигается аккумуляцией и сохранением наиболее ценного из существующих социальных форм деятельности, к какому бы социальному укладу они не относились. При этом смешанной экономикой называется экономика, главными целями которой является достижение определенного уровня развития индивида и общества в области

²⁵¹ Бузгалин, А. Закономерности переходной экономики: теория и методология / А. Бузгалин // Вопросы экономики. – 1995. – № 2. – С. 32–44. – С. 40.

²⁵² Бузгалин, А. Закономерности переходной экономики: теория и методология / А. Бузгалин // Вопросы экономики. – 1995. – № 2. – С. 32–44. – С. 40.

²⁵³ Там же. – С. 40.

²⁵⁴ Там же. – С. 41.

науки, культуры и нравственности, качества жизни и устойчивого развития. Воспроизводство человека как личности, способной к эффективному труду и рациональному материальному потреблению, укрепление семьи как базового социального института, оптимизация социальной структуры, решение демографических проблем, повышение жизнеспособности социума в целом составляют важнейшие ценностные ориентиры функционирования смешанной экономики. Сказанное реализуемо, только если постоянно применяются социальные приемы межгруппового и внутригруппового компромисса, способствующие постоянному наращиванию социального капитала на уровне общества в целом, – система культурных ценностей, мораль, право, методы социальной эксплуатации, цели и формы классовых конфликтов; в итоге хозяйственные и политические задачи могут решаться ценой относительно меньших социальных потрясений²⁵⁵. При таком подходе достижение заявленных целей смешанной экономики невозможно без целенаправленного и последовательного регулирования социально-классовых отношений и наращивания социального капитала как на уровне всего общества, так и в тех экономических субъектах, которые используют данную форму капитала преимущественно в производственных целях.

Новый экономический курс в Республике Беларусь, начатый с приходом к власти А. Г. Лукашенко, заключался в развитии социально-ориентированной модели рыночной экономики, когда государство стремится обеспечить всем своим гражданам определенные базовые социальные и экономические гарантии. В этот период белорусский социум по-прежнему остается переходной социальной системой, отличающейся динамизмом социальных и экономических процессов. Естественно, что это вело к дополнительным сложностям (наряду с собственно гносеологическими) при построении сценариев социально-экономического развития страны. Любой научный прогноз относительно перспектив развития будет неизбежно носить вероятностный характер, что предопределяется, во-первых, полифакторностью данного процесса, во-вторых, неудовлетворительным состоянием отечественной социально-экономической статистики и, в-третьих, неразвитостью самого сценарного подхода.

Как справедливо отмечалось в литературе того периода, «сценарный подход как направление исследования социально-экономических систем находится сейчас... в фазе своего становления»²⁵⁶. Об этом свидетель-

²⁵⁵ Характер, структура и факторы формирования экономических отношений / Л. П. Васюченко [и др.] ; под ред. А. П. Моровой. – Минск : Навука і тэхніка, 1992. – 191 с. – С. 71–74; Медведев, Е. К. Категории теории собственности (очерки методологии) / Е. К. Медведев. – Мн. : Право и экономика, 2000. – 230 с. – С. 54–59, 86–88.

²⁵⁶ Шибалкин, О. Ю. Проблемы и методы построения сценариев социально-экономического развития / О. Ю. Шибалкин // РАН, Ин-т народнохозяйственного прогнозирования. – М. : Наука, – 1992. – С. 9.

ствуется как признание многими исследователями необходимости использования данного метода, так и существование разночтения при его реальном применении²⁵⁷.

Экономическая система общества переходного периода носит «внесистемный» характер, т. е. в ней не действуют в полной мере экономические связи ни прошлой, ни будущей ступени. Социально-экономические институты этого периода представлены остатками старых форм, элементами новой фазы, а также переходными (смешанными) формами и отношениями. В результате этого направления эволюция социально-экономических отношений формируется под воздействием двух тенденций: с одной стороны – преемственностью с прежней структурой (инертностью), с другой – необходимостью преимущественного развития новых субъектов и отношений. Для переходной экономики в целом характерна, как справедливо отмечает В. В. Радаев, «неустойчивость, альтернативный характер развития, резко возрастающая роль субъективного фактора»²⁵⁸.

В результате этого и ряда других причин первоначально белорусская экономическая модель создавалась методом проб и ошибок, что несколько повышало транзакционные издержки. Тем не менее, этот путь развития, адекватный сложившейся социально-экономической ситуации, коммунальной материально-технологической среде, белорусской культуре и базовым институтам, привел к росту социального капитала на уровне общества, в ряде социальных классов (которые начали осознавать свои реальные экономические интересы и оформляться в собственно социальные классы, как, например, рабочий класс) и хозяйственных субъектов, обеспечил устойчивый рост белорусской экономики, улучшение ее структуры, повышение доходов большинства населения и т. д. Вместе с тем, названные позитивные

²⁵⁷ Майминас, Е. З. К методологии обоснования долгосрочных перспектив экономического и социального развития СССР / Е. З. Майминас, В. Л. Тамбовцев, А. Г. Фонотов // Экономика и математические методы. – 1986. – Т. XXII. – Вып. 2. – С. 207–219; Фелингер, А. Ф. Статистические алгоритмы в социологических исследованиях / А. Ф. Фелингер. – Новосибирск : Наука, 1985. – С. 152; Фонотов, А. Г. Ресурсный потенциал: планирование, управление / А. Г. Фонотов - М.: Экономика, 1985; Ясин, Е. Г. О проблемах согласования компонентов хозяйственного механизма / А. Г. Фонотов // Экономика и мат. методы. 1982. – Т. XVIII. – Вып. 3. – С. 389–400; Amara, R. Business planning for an uncertain: Contemporary social problems / R. Amara, A. Lipinski. – New York: Columbia univ. press. 1976. – Pp. 54–66; Handbook of futures research/ Ed. by J. Fowles. – New York: Plenum press, 1978; Kahn, H. World economic development: 1979 and beyond. – New York: Acad. Press, 1979; Kahn, H. The year 2000: A framework for speculations on the next 33 years / H. Kahn, A. Wiener. – New York: Morrow & Co, Inc., 1967; Mesarovic, M. Mankind at the turning point: The second report to the Club of Rome / M. Mesarovic, E. Pestel. – New York: Acad/ Press, 1974; The Delphi method: Techniques and applications / Ed. by H. Linstone. – L., 1975.

²⁵⁸ Радаев, В. В. Закономерности и альтернативы переходной экономики / В. В. Радаев // Российский экономический журнал. – 1995. – № 9. – С. 64–65.

процессы сопровождались усилением уравнительных интересов, которые постепенно начинают детерминировать белорусскую социально-экономическую систему в коммуноцентрическом направлении. Объективной предпосылкой для этого выступила коммунальная материально-технологическая среда и адекватные ей базовые институты.

Сегодня в Республике Беларусь завершен первый этап развития социально-ориентированной рыночной экономики, на котором государство сумело обеспечить всем своим гражданам определенные базовые социальные и экономические гарантии, что естественно способствовало реализации уравнительных интересов и, соответственно, породило у части населения иждивенческие настроения. В настоящий момент – на втором этапе развития социально-ориентированной рыночной экономики – активизируются механизмы настройки экономических отношений собственно на труд и на интересы индивидов как носителей трудовых функций, происходит ориентация социально-экономических и политических отношений на наиболее эффективное производство материальных благ и их непосредственное потребление «по труду», и за счет этого осуществляется переход к инновационному пути развития, основанному на широком использовании последних достижений НТП.

В современных условиях – условиях экономики рисков – происходит резкое возрастание субъективного фактора. При этом возникает необходимость государственного и общественного нивелирования отрицательного воздействия со стороны социальных субъектов, чьи экономические интересы не совпадают либо совпадают не полностью с созданием в Беларуси социально-научного сообщества и постиндустриальной экономики. При этом следует учесть замечание И. Е. Дискина, которое он отнес к России, но которое имеет прямое отношение и к нашей республике. Названный автор отметил, что прежде чем говорить о создании современной рыночной экономики, «следует обратить внимание на перспективы становления институциональной среды как необходимого условия для функционирования политической демократии и рыночной экономики... в России в ходе трансформационного процесса сложилось глубокое *макросоциальное противоречие*. С одной стороны, функционирование экономических и политических институтов с необходимостью требует становления адекватной институциональной среды, с другой – данный процесс не может опираться на прочную общезначимую хозяйственную и политическую этику, задающую соответствующие нормы поведения и являющуюся моральной опорой для применения санкций за их нарушение. В стране (*в Российской Федерации – примечание авторов*) нет ни одного из условий для того, чтобы подобная этика могла выполнять свою макросоциальную функцию. В число таких условий, необходимых для актуализации

у большинства населения значимых соответствующих социальных ценностей, входят: прочная историческая традиция приверженности к легальным институтам, прежде всего к соблюдению законов; искренняя религиозность, обеспечивающая связь этических и религиозных норм; идеологическая мобилизация, увязывающая этические нормы с приверженностью к доминирующей, разделяемой большинством населения идеологической доктрине; доверие к харизматическому лидеру, выступающему в качестве инстанции, устанавливающей и поддерживающей статус этических норм»²⁵⁹.

Из вышеназванных условий, а в данном случае И. Е. Дискин по существу ведет речь о главных факторах успешного формирования социального капитала на уровне общества, в Республике Беларусь имеется ряд преимуществ по сравнению практически со всеми постсоветскими странами. Сегодня по низкому уровню коррупции в органах государственного управления, по признанию значительной частью населения необходимости и полезности соблюдения законов наша страна лидирует в странах СНГ. В Беларуси растет искренняя религиозность населения, строятся новые храмы и туда приходит молодежь. У нас есть харизматический лидер, успешно выступающий в качестве инстанции, устанавливающей и поддерживающей статус этических норм. Ведущими учеными отмечается, что «в нашей стране достигнут высокий уровень межличностного доверия»²⁶⁰.

Вместе с тем, в республике по-прежнему не создана доминирующая, разделяемая большинством населения идеологическая доктрина, которая могла бы способствовать идеологической мобилизации общества, обеспечивающей дополнительный устойчивый прирост ВВП. Причин этому несколько: во-первых, по-прежнему наблюдается перераспределение финансовых потоков в пользу традиционных (аграрного, индустриального) технико-технологического укладов, а сферы экономики, формирующие постиндустриальный уклад и непосредственно определяющие уровень развития человеческого капитала и значительно влияющие на социальный капитал (наука, высшие и средние специальные заведения), финансируются по остаточному признаку; во-вторых, по-прежнему продолжается экономическая дискредитация гуманитарных наук, в частности, существует устойчивая тенденция преимущественного государственного финансирования прежде всего естественных наук, отдача от которых в приросте ВВП незначительна, т. к. основной прирост ВВП в республике достигается сегодня за счет административного, человеческого и социального капиталов; в-третьих, недостаточный профессиональный

²⁵⁹ Дискин, И. Е. Хозяйственная система России: проблемы институционального генезиса / И. Е. Дискин // *Общественные науки и современность*. – 1998. – № 4. – С. 8.

²⁶⁰ Морова, А. П. Социальная составляющая устойчивого развития / А. П. Морова // *Социология*. – 2015. – № 4. – С. 13–20. – С. 18.

уровень (и/или нежелание продуктивно работать) части государственных управленцев, которые подменяют идеологическую работу формальными отчетами, приводит к тому, что они существенно понижают тот идеологический эффект, которому способствует деятельность А. Г. Лукашенко; в-четвертых, в стране отсутствует постоянное финансирование работ (и сами они носят спорадический характер) по созданию и постоянному совершенствованию национальной идеологической парадигмы и экономической идеологии. Следует помнить, к чему привело СССР то обстоятельство (наряду, конечно же с некоторыми другими), что по инициативе Политбюро ЦК КПСС полностью отсутствовало финансирование работ по выработке научного обоснования проводимой перестройки.

Сегодня для формирования в республике социального капитала, возрастания его участия в приросте ВВП и становления экономики доверия необходимо пройти несколько взаимосвязанных (и зачастую параллельно протекающих) этапов:

во-первых, необходимо законодательно закрепить за экономическими субъектами такие функции в обществе, которые соответствуют движению к социально-ориентированной экономической системе. При этом изменение законодательства должно происходить в направлении усиления целенаправленного регулирования государством (институциональными методами и созданием соответствующей этому правовой базы) социальной структуры общества на основе формирования приоритетно стимулирующих условий для развития групп и классов, являющихся выразителями трудовых и системных интересов и определяющих успешность накопления социального капитала на уровне общества и перехода к постиндустриальному пути технологического развития, прежде всего, таких как интеллигенции, менеджеров, государственных управленцев, а также целенаправленное качественное изменение классов: рабочих и крестьянства (в направлении роста их профессионализма и адаптации к новым постиндустриальным технологиям), класса служащих силовых структур (в направлении сокращения их численности и роста профессионализма). Также необходимо обеспечить защиту социально-экономических интересов детей и учащейся молодежи, сокращение деклассированных групп;

во-вторых, для ослабления уравнилельных тенденций, неизбежно возникающих в социально-ориентированной модели, базирующейся на некоммунальной материально-технологической среде, необходимо институционально содействовать формированию на уровне хозяйственных субъектов социального капитала («корпоративной культуры») в тех формах и объемах, пока он (социальный капитал) используется главным образом в производственных целях, а не становится выразителем монопольных экономических интересов и не препятствует накоплению социального капитала на уровне общества;

в-третьих, в трансформационных экономических системах необходимо, чтобы государство играло ведущую роль в согласовании социально-экономических интересов социальных субъектов (для снижения социальной напряженности в обществе, роста социального капитала на общественном уровне, увеличения социального капитала в социальных группах, в том числе в классах, и хозяйственных субъектах в формах и пропорциях, не искажающих сущность белорусской социально-экономической модели – социально-ориентированная, устойчивая, рыночная). При этом необходимо учитывать, что специфика функционирования социального капитала в Республике Беларусь позволяет говорить о потенциальных возможностях понижения производственного эффекта от социального капитала в масштабах национальной экономики за счет чрезмерного развития социального капитала как на уровне общества (ведущего к усилению уравнилельных тенденций в экономической жизни – раздаточный характер распределения, свертывание товарно-денежных отношений и т. д.), так и на уровне частных социально-экономических субъектов (приводящего к усилению монопольных тенденций);

в-четвертых, необходимо проводить целенаправленную политику, делающую невозможным присвоение социального капитала, накопленного на уровне общества, частными экономическими субъектами – социальными классами, группами, крупными хозяйственными субъектами и т. д.;

в-пятых, необходимо в ближайшие годы преодолеть негативные факторы, отрицательно влияющие на накопление человеческого и социального капиталов: распределение средств государственного бюджета не в пользу науки; недостаточное число работников науки и научного обслуживания, что явилось следствием длительного сокращения их численности; снижение среднего квалификационного уровня преподавателей высшей школы, что не может отрицательно не сказаться на качестве подготовки студентов; дискредитация фундаментальной науки, что негативно влияет на уровень подготовки научных кадров; нехватка промышленных рабочих высшей квалификации;

в-шестых, необходимо формирование новой экономической идеологии путем:

– осознания социальными группами и классами своих социально-экономических интересов и на этой основе самоидентификации общественных групп в новом социально-экономическом пространстве (именно в регулярно повторяющихся актах борьбы за совместную реализацию своих экономических интересов происходит объединение индивидов в элементарные социальные группы и классы), что будет способствовать и построению гражданского общества;

- осознания большей частью людей зависимости своего социального и экономического положения от успешности социально-экономического развития социума (адаптация к новому статусу и роли);
- формирования у субъектов хозяйствования экономического поведения, адекватного социально-ориентированной экономике;
- формирования у большинства работников новой трудовой постиндустриальной культуры и адекватных ей социальных качеств;
- прекращения экономической дискредитации науки, системы высшего образования и возрастания роли науки о человеке, обществе, природе в процессе сознательного регулирования социальных и социально-экономических процессов;
- государственного финансирования системных мероприятий по научной разработке государственной идеологии;
- повышения степени доверия граждан к органам власти.

ГЛАВА 3. ГОРИЗОНТАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

3.1 Теоретико-методологические основы исследования развития сложных систем

Феноменологической характеристикой современных экономик промышленно развитых стран является возрастающее значение горизонтальных сетевых форм организации экономических отношений. Посвященная данной тематике, нами опубликована монография «Горизонтальная культура социальных взаимодействий – потенциал развития экономики и общества в XXI веке»²⁶¹, в которой раскрываются перспективы развития экономики Республики Беларусь сквозь призму горизонтальных социальных взаимодействий. В частности, в монографии исследована проблематика технологической кооперации как механизма развития экономических систем в условиях становления сетевого социального порядка и тенденции ее развития в Республике Беларусь. Отдельное внимание уделено трансформации трудовых отношений, обусловленной становлением сетевой экономики, и, в этом контексте, особенностям динамики трудовых отношений в республике. Также в работе изложены результаты исследований теоретико-методологических основ приема подмены оснований как характерной черты экономического дискурса в аспекте современных социальных взаимодействий, что позволило провести системный анализ и оценку наличия подмены оснований в экономическом дискурсе в Республике Беларусь. На примере производства товаров интенсивного обновления и космической деятельности показаны институциональные особенности внедрения горизонтальных структур в реальный сектор белорусской экономики.

Вместе с тем ранее нами не ставилась задача раскрытия экономической сущности сетевых механизмов инновационного развития как инструмента перехода к новому качеству экономического роста в условиях экономики рисков, что требует гносеологического осмысления в рамках настоящего исследования. Однако прежде чем переходить непосредственно к выявлению сущности сетевых механизмов инновационного развития, необходимо сделать ряд методологических уточнений.

Под теоретико-методологическими основами в современной экономической науке следует понимать последовательное применение системной методологии при теоретическом описании предмета исследования. О сис-

²⁶¹ Горизонтальная культура социальных взаимодействий – потенциал развития экономики и общества в XXI веке / С. Ю. Солодовников [и др.]. – Минск : БНТУ, 2018. – 325 с.

темном подходе в современных науках пишут и говорят все, но при этом удивительным образом при определении названного подхода значительная часть исследователей ограничивается тавтологическим определением того, что под системным подходом следует понимать необходимость рассматривать все объекты как системы. Это очевидная (по сути тавтологическая) констатация того, что системный подход – это подход к изучению явлений как систем, требует при исследовании сетевых механизмов инновационного развития предварительно определиться с тем, что нами будет пониматься под системой на субстанционально-гносеологическом (онтологическом) и реально-онтологическом (феноменологическом) уровнях, а также содержательно определиться с категорией «системный подход», на основе чего можно будет раскрыть сущность сетевых механизмов инновационного развития.

Системный подход – это последовательное и комплексное рассмотрение объекта не как изолированной от внешнего воздействия (примером такого подхода в экономике является смитианская социальная парадигма саморегулирующегося рынка), а как полузакрытой, но с приближением к открытой системы. При этом необходимо принимать во внимание то, что изменение внешних по отношению к рассматриваемой системе факторов происходит по их собственным законам, которые не всегда могут быть поняты (по крайней мере быстро поняты) и, соответственно, учтены. Исторически экономическая система общества возникла для обеспечения общества необходимыми для его жизнедеятельности материальными ресурсами. Таким образом, очевидно, что она зависима от потребностей, существующих в обществе, которые отличаются значительным динамизмом и далеко не всегда осознаются индивидами.

Напомним, что «потребность индивида – это объективно присущее ему желание, необходимость пребывания в определенном состоянии и осуществления определенных действий в определенной среде (условиях)»²⁶². Любой социальный субъект осуществляет все свои действия ради какой-либо из своих потребностей. Поскольку ранее нами уже достаточно подробно проводился сравнительный системный анализ существующих подходов к трактовке категории «потребность»²⁶³, то не будем здесь останавливаться на этом. Повторим только, что при рассмотрении

²⁶² Алехин, А. Б. Экономическая теория жизнедеятельности человека: основные понятия и гипотезы / А. Б. Алехин. – Одесса: ИПРЭИ АН Украины, 1993. – 47 с. – С. 19.

²⁶³ Солодовников, С. Ю. Трансформация социально-классовой структуры белорусского общества: методология, теория, практика / С. Ю. Солодовников. – Мн.: ИООО «Право и экономика», 2003. – 274 с. – С. 107–115; Солодовников, С. Ю. Социально-классовые структуры Беларуси, России и Украины / С. Ю. Солодовников, А. В. Зенькова. – Гродно: ГрГУ, 2011. – 515 с. – С. 277–285.

потребности в экономическом плане наиболее приемлемым является «позитивное» понимание этой категории, когда потребность рассматривается как «положительное отношение между нормальным функционированием организма, или субъекта, и условиями этого нормального функционирования»²⁶⁴. При этом «состояние неудовлетворенной потребности представляется отклонением от нормы, а удовлетворение ее – возвращение в состояние нормы»²⁶⁵. Потребности составляют обязательное условие любой социальной деятельности, но определенную направленность человеческой деятельности придает не сама по себе потребность, а чувственно воспринимаемый материальный или идеальный предмет, отвечающий данной потребности. А. Н. Леонтьев справедливо отмечал по этому поводу: «то, что является единственным побудителем направленной деятельности, есть не сама по себе потребность, а предмет, отвечающий данной потребности»²⁶⁶. Названный автор также подчеркивал, что для человека «предмет потребности – материальный или идеальный, чувственно воспринимаемый или данный только в представлении, в мысленном плане – мы называем мотивом деятельности»²⁶⁷.

Таким образом, высокий динамизм потребностей, их опосредованное (через формы и предметы реализации потребностей) влияние на экономическую систему общества в целом и на сетевые механизмы инновационного развития в частности обуславливают присутствие в этих системах энтропийных процессов наряду с детерминационными хаотическими явлениями и процессами упорядочивания. Применительно к предмету нашего исследования, это требует включить в обязательные атрибуты системного подхода принципы синергетики. Теория и практика общественного развития убедительно доказали, что усложнение системы и совершенствование отношений и элементов внутри нее может вести к увеличению энтропии в этой системе. Вместе с тем, достаточно привлекательно попытаться на теоретико-методологическом уровне познания системы увязать процесс усложнения системы с необходимостью уменьшения в ней энтропии. Такое методологическое допущение легко может принимать аксиоматическую форму, основываясь на сформировавшемся габитусе исследователя, искажая тем самым объективность его органаона.

²⁶⁴ Николов, Л. Структуры человеческой деятельности / Л. Николов ; пер. с болг. – М. : Прогресс, 1984. – 176 с. – С. 72.

²⁶⁵ Солодовников, С. Ю. Классы и классовая борьба в постиндустриальном обществе: методологические основы политико-экономического исследования / С. Ю. Солодовников. – Минск : БНТУ, 2014. – 378 с. – С. 169.

²⁶⁶ Леонтьев, А. Н. Потребности, мотивы и эмоции / А. Н. Леонтьев. – М. : МГУ, 1971. – 40 с. – С. 13.

²⁶⁷ Там же. – С. 13.

В экономической теории и практике имеются дополнительные причины такого искажения, а именно относительная легкость выработки формально четких и непротиворечивых рекомендаций по совершенствованию системы в случае, если очень сложный и хрупкий процесс управления социально-экономическими процессами рассматривать как экономический механизм (под которым понимается механистическая социальная парадигма, преувеличивающая однозначность и прямолинейность прохождения административных и рыночных сигналов в сложных экономических системах).

Следует признать, что в свое время и нами было допущено такое методологическое упрощение в трактовке процессов неопределенности в экономической системе общества, когда на основании эмпирического факта о том, что «наибольшая социальная энтропия наблюдалась на территории Европы (если рассматривать период после 40 000 лет до н. э.) в период обитания на ее территории неандертальцев (в отношениях между отдельными группами охотников и собирателей), а также в отношениях между первыми общинами кроманьонцев. «С возникновением первых социумов, включающих в себя достаточно большое количество индивидов и с развитием архаичных форм разделения труда, межгрупповая энтропия значительно снизилась»²⁶⁸. Был сделан методологически некорректный вывод о том, что «чем сложнее система, тем сложнее ее схема связи. <...> Соответственно энтропия должна быть меньше»²⁶⁹.

Важнейшим атрибутом любой социальной системы выступают отношения. В трактовках современной русскоязычной философии отношение выступает категорией, идентичной понятию взаимодействие. Под последним же традиционно понимается «философская категория, отражающая процессы воздействия объектов друг на друга, их взаимную обусловленность и порождение одним объектом другого. Взаимодействие – объективная и универсальная форма движения, развития, определяет существование и структурную организацию любой материальной системы»²⁷⁰. Как отмечают И. Л. Вишневский, А. Н. Лашер и И. В. Салли в книге «Энтропия в природе и обществе», «взаимодействие состоит из трех функций и определяется взаимодействием. Первая функция – получение информации, вторая – ее переработка, третья – команды. Любое действие предворяется сбором информации, а после анализа вырабатываются команды на противодействие или со-

²⁶⁸ Солодовников, С. Ю. Классы и классовая борьба в постиндустриальном обществе: методологические основы политико-экономического исследования / С. Ю. Солодовников. – Минск : БНТУ, 2014. – 378 с. – С. 14.

²⁶⁹ Там же. – С. 14.

²⁷⁰ Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. Прохоров А. М. – 4-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1989. – С. 217.

действие»²⁷¹. А. М. Хазен, также подчеркивая неизбежность промежуточных звеньев при получении и передачи информации, в монографии «Принцип максимума производства энтропии и движущая сила прогрессивной эволюции жизни и разума» пишет: «Жизнь и разум не используют в качестве основы непосредственный обмен информацией – обязателен предварительный процесс синтеза информации»²⁷².

Именно взаимодействие выступает обязательной предпосылкой любого изменения в системах. Иначе говоря, лишь наличие отношений между социальными субъектами и (или) объектами позволяет им трансформироваться.

Другим важным атрибутом систем является их развитие. Развитие в сложных системах в научной гносеологии сегодня трактуется по-разному. Не имея возможности в рамках данной работы подробно осветить эту проблему, кратко остановимся на спорах о сущностях развития и его критериях.

Можно выделить три основных подхода к определению сущности развития. Одни, как В. В. Орлов, Ф. Ф. Бяккерев, С. П. Дудель и Г. М. Штракс, считают, что развитие – это процесс, движение от низшего к высшему, от простого – к сложному²⁷³. Вторые, как П. А. Федченко, Е. Ф. Молевич, И. Я. Лойфман и А. Е. Фурман, считают, что основной формой развития является круговорот²⁷⁴. Третьи, как С. Т. Молюхин, В. С. Тюхтин и Г. М. Елфимов, придерживаются точки зрения, что развитие – это процесс необратимых изменений²⁷⁵. Не вступая в дискуссию по данному вопросу, отметим, что исходя из задач заявленного нами исследования, будем в дальнейшем придерживаться представлений о развитии как о процессе не-

²⁷¹ Вишневский, И. Л. Энтропия в природе и обществе / И. Л. Вишневский, А. Н. Лашер, И. В. Салли. – М.: ВИНТИ, 1994. – С. 7.

²⁷² Хаазен, А. М. Принцип максимума производства энтропии и движущая сила прогрессивной эволюции жизни и разума / А. М. Хаазен. – М.: Русина, 1993. – С. 1.

²⁷³ Орлов, В. В. Человек, мир, мировоззрение / В. В. Орлов. – М.: Молодая гвардия, 1985. – 220 с.; Бяккерев, Ф. Ф. Проблема самодвижения в материалистической диалектике / Ф. Ф. Бяккерев. – Л.: Молодая гвардия, 1972; Дудель, С. П. Закон единства и борьбы противоположностей / С. П. Дудель, Г. М. Штракс. – М.: Высшая школа, 1967. – 247 с.

²⁷⁴ Федченко, П. А. Борьба материализма против идеализма в учении о Вселенной / А. П. Федченко. – Свердловск: Книжное издательство, 1961. – 92 с.; Молевич, Е. Ф. Круговорот и необратимость в мировом движении / Е. Ф. Молевич. – Саратов, 1976; Лойфман, И. Я. Круговорот как форма саморазвития материи / И. Я. Лойфман // Философские науки. – 1969. – № 5; Фурман, А. Е. О соотношении прогресса и регресса в природе / А. Е. Фурман // Проблема развития в современном естествознании. – М., 1968.

²⁷⁵ Молюхин, С. Т. Материя в ее единстве, бесконечности и развитии / С. Т. Молюхин. – М., 1966; Тюхтин, С. Т. Материалистическая диалектика и проблема направленности развития / С. Т. Тюхтин // Вопросы философии. – 1981. – № 1; Елфимов, Г. М. Возникновение нового / Г. М. Елфимов. – М.: Мысль, 1983. – 188 с.

обратимых качественных изменений, причем последние могут проявляться в трех формах: прогресс, регресс и нейтральное (одноплоскостное) изменение.

Именно в смене состояний, преемственности, в тенденции развития усматривается целостность развития. «Тенденция, – указывал В. Н. Панибратов, прежде всего, выступает как момент (онтологически) или как характеристика (гносеологически) целостности, единства некоторого круга явлений или отдельной вещи в определенном отношении»²⁷⁶. М. С. Каган также связывал с тенденцией, направленностью развития его целостность. «Мы начинаем рассматривать процесс как целое, – писал этот автор, – и обнаруживаем при этом внутренние закономерности его протекания – принципы самодвижения системы, алгоритм ее саморазвития, что и позволяет говорить о целенаправленности процесса, о внутренней необходимости порождения одного его состояния другим»²⁷⁷.

Необходимо подчеркнуть, что целостность и направленность процесса развития органически взаимосвязаны. Направленность вытекает из тенденции, которая связана с закономерностями развития. Важный признак развития – необратимость²⁷⁸. Полностью обратимые процессы не дают развития.

Целостность процесса развития противоречива, она включает в себя взаимодействия разнонаправленных и противоположных тенденций, одна из которых, как правило, преобладает (в целом же направленность развития правомерно рассматривать как суммарный вектор взаимодействующих тенденций). Целостность выступает существенной характеристикой развития. Она проявляется как в самоорганизации процесса, так и в его самоуправлении, базирующемся на обратной связи. Прогресс и регресс в развитии неотделимы друг от друга.

Как известно, наиболее сложно процессы развития проистекают в социальных системах, что затрудняет их научный анализ. По нашему мнению, под социальной системой следует понимать сложноорганизованное, упорядоченное целое, включающее в себя отдельных индивидов и социальные общности, объединенные разнообразными связями и взаимоотношениями, специфически социальными по своей природе. Как и всякая система, социальная система образует новое качество, не сводимое к сумме

²⁷⁶ Панибратов, В. Н. Категория «закон». Проблемы истории и объективно-диалектического содержания / В. Н. Панибратов. – Л. : Наука, 1980. – С. 92–93.

²⁷⁷ Каган, М. С. Развитие системы и системность развития. – Материалистическая диалектика и системный подход / М. С. Каган // Проблемы диалектики. – Л., 1982. – Вып. X. – С. 59.

²⁷⁸ Свидерский, В. И. О некоторых особенностях развития / В. И. Свидерский // Вопросы философии. – 1985. – № 7.

качеств ее элементов. В наиболее широком смысле социальная система – это общественно-экономическая формация. В другом смысле это понятие означает ту или иную социальную общность. К наиболее развитому виду социальной системы относится организация, для которой характерны такие системообразующие качества, как цель, иерархия, управление. В меньшей степени эти признаки присутствуют в таких социальных системах как малая группа, поселение. Среди социальных систем различаются гомогенные (однородные), состоящие только из социальных элементов (например, многие малые группы), и гетерогенные (разнородные), в которые наряду с человеком, включены элементы иной природы: социотехнические (предприятие, город), экосоциальные (географический район) и другие.

Важная особенность социальных систем – их максимальная сложность в сравнении с системами техническими и биологическими и т. д., поскольку их основной элемент (человек) обладает субъектностью и наибольшим диапазоном выбора поведения. Отсюда вытекают два следствия: значительная неопределенность функционирования социальной системы и наличие границ управляемости. Сложность выступает как объективно заложенная в объекте и как мера ее познания и контроля. Объективная сложность социальной системы пропорциональна множественности ее элементов, количеству уровней и подсистем, многообразию связей между ними, степени автономии ее частей. Познавательная и управленческая сложность относительна и может, например, понижаться при неизменной объективной сложности социальной системы. Существует ряд методов преодоления гносеологической сложности социальной системы: декомпозиция (разложение системы на ряд подсистем), агрегирование (соединение некоторого класса ее элементов, подсистем в более общую подсистему), моделирование и другие. Каждая конкретная социальная система органически связана с системой более широкого масштаба и с обществом в целом как макросистемой, обуславливается ею, хотя и сохраняет относительную самостоятельность. Последняя обеспечивает огромное разнообразие систем в обществе, в том числе значительные различия между ними в рамках одного и того же типа систем. Поэтому каждая система в чем-то уникальна. Одной из основных форм изменения социальной системы являются нововведения. Социальная система обладает значительной инерционностью, а поскольку новшества вызывают смещение равновесия в ней и непредвиденные последствия, то возникает феномен их «сопротивления» нововведениям (диссипативности), для преодоления которого требуются специальные методы активизации инновационных процессов в социальной системе.

Как известно, целью любой социальной (живой) системы является упрочение ее жизнечности. Жизнечность любой живой системы «можно определить, – пишет Н. В. Герасимов, – как ее атрибутивное свойство, со-

стоящее во внутренней направленности на самосуществование, способности к нему и осуществлению его во всех возможных отношениях»²⁷⁹. Далее ученый отмечает: «Качественные различия объектов жизненной деятельности приводят к тому, что с точки зрения субъекта они подразделяются на относительно позитивные, негативные и нейтральные. Первые сохраняют и увеличивают жизненность субъекта, вторые уменьшают или уничтожают ее, третьи не имеют ни позитивного, ни негативного значения, их плюсы равны их минусам. В силу этого в интересах сохранения и умножения жизненности субъекта его принципиальные отношения к объектам подразделяются на отношения принятия позитивного, отрицания негативного и равнодушия к нейтральному»²⁸⁰. Жизненная ориентация социальных компонентов «как субъектов системы состоит не только в том, чтобы сохранять и осуществлять исключительно свою ограниченно понимаемую жизненность, но и в том, чтобы поддерживать и воспроизводить жизненность позитивных объектов системы, ослаблять и прекращать жизненность негативных объектов системы, уклоняться от воспроизводства жизненности нейтральных объектов системы»²⁸¹.

Во второй половине прошлого века в науке произошла гносеологическая революция, связанная, прежде всего, с именем И. Пригожина, который сумел, помимо всего прочего, поставить вопросы бытия и становления, свободы и необратимости, детерминизма и индетерминизма, хаоса и самоорганизации. Если до этого времени наука могла лишь объяснять тенденции деградации, обусловленные законом роста энтропии (вторым началом термодинамики), то с 50-х гг. XX века «с развитием методов неравновесной термодинамики, теории информации, синергетики, – справедливо отмечал ведущий советский системолог Е. А. Седов, – начали выявляться механизмы взаимодействий, которые обуславливают самоорганизацию различных по своей природе систем»²⁸².

И. Пригожин и И. Стенгерс в своей известной работе «Время, хаос, квант. К решению парадокса времени»²⁸³ сделали архиважную, исходя из логики дальнейшего развития науки, попытку решить фундаментальные физические парадоксы: парадокс времени, квантовый и космологический парадоксы. Важным результатом расширения концептуальной схемы по оценке самих авторов стало более цельное представление о мире. «Элементы, включающие в себя хаос, стрелу времени и решение квантового

²⁷⁹ Герасимов, Н. В. Экономическая система: генезис, структура, развитие / Н. В. Герасимов ; ред. кол.: Э. А. Лутохина [и др.]. – Минск : Навука і тэхніка, 1991. – 349 с. – С. 294.

²⁸⁰ Там же. – С. 305.

²⁸¹ Там же. – С. 305.

²⁸² Седов, Е. А. Информационно-энтропийные свойства социальных систем / Е. А. Седов // Общественные науки и современность. – 1993. – № 5. – С. 92–100. – С. 93.

²⁸³ Пригожин, И. Время, хаос, квант. К решению парадокса времени / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М. : Прогресс, 1994. – 266 с.

парадокса, приводят нас к более единой концепции природы, в которой становление и "события" входят на всех уровнях описания... В традиционном понимании законы природы были законами, описывающими замкнутую детерминистическую Вселенную... детерминистические симметричные по времени законы соответствуют только весьма частным случаям»²⁸⁴.

Как отмечает российский экономист Е. А. Егоров: «Очевидно, что система доказательств, приводимая Пригожиным и Стингерс, труднодоступна для неспециалистов в области теоретической физики и современной математики. Тем не менее, результаты их исследований, их выводы при определенных условиях могут быть использованы и в других областях»²⁸⁵. Приведенная точка зрения подтверждается известным высказыванием Л. Вальраса, одного из основателей современной экономической науки: «Немногие из нас в состоянии прочитать "Математические принципы естественной философии" Ньютона или "Небесную механику" Лапласа; и, однако, мы все, полагаясь на мнение компетентных людей, принимаем то описание мира астрономических фактов, которое дано в соответствии с принципом всемирного тяготения. Почему же нельзя принять таким же образом описание мира экономических фактов в соответствии с принципом свободной конкуренции?»²⁸⁶. В свое время А. Эйнштейн²⁸⁷ показал, что понятие энтропии может быть распространено на любые системы из многих элементов, поэтому ограничений в случае применения понятия энтропии для описания самоорганизации социальных систем не должно возникать. Попытку преодолеть сложную проблему приложения результатов, полученных при решении физических парадоксов, к социальным системам предпринял в 70–80-х гг. прошлого века Е. А. Седов, сумевший выявить информационно-энтропийные свойства социальных систем²⁸⁸. Вместе с тем, до настоящего времени проблема самоорганизации социальных систем остается одной из самых неизученных в обществоведении.

На решение этой проблемы претендует сегодня синергетика, возникшая в 80-х гг. XX века, когда стала очевидна несостоятельность попыток кибернетики (традиционного системного подхода) описать процессы возникновения, развития и умирания в живых и неживых динамических системах.

²⁸⁴ Пригожин, И. Время, хаос, квант. К решению парадокса времени / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М. : Прогресс, 1994. – 266 с. – С. 10–11.

²⁸⁵ Егоров, И. А. Свобода, детерминизм и индетерминизм в свете идей И. Пригожина / И. А. Егоров // Мировая экономика и международные отношения. – 1999. – № 2. – С. 104–115. – С. 105.

²⁸⁶ Walras, L. *Eléments d'économie politique pure*. – Paris, 1952. – L. 40.

²⁸⁷ Эйнштейн, А. Теория опалесценции в однородных жидкостях и жидких смесях вблизи критических состояний / А. Эйнштейн // *Собрание научных трудов*. – М. : Наука, 1966. – Т. 3.

²⁸⁸ Седов, Е. А. Информационно-энтропийные свойства социальных систем / Е. А. Седов // *Общественные науки и современность*. – 1993. – № 5. – С. 92–100; Седов, Е. А. Одна формула на весь мир / Е. А. Седов ; послесл. Д. С. Конторова. – М. : Знание, 1982. – 175 с.

Синергетика сегодня – это междисциплинарное научное направление, целью которого является изучение универсальных, свойственных системам самой разной природы (в том числе социальным), закономерностей самоорганизации и спонтанного порядкаобразования. В. В. Василькова отмечает, что «исследуя "чудо возникновения порядка из хаоса", (у данного автора понятие "хаос" несет ту же смысловую нагрузку, что и категория "энтропия" – примечание авторов), ученые пришли к выводу, что хаос играет различную роль (как разрушительную, так и конструктивную) в организации порядка на разных этапах порядокформирования»²⁸⁹. Далее названный ученый отмечает: «При возникновении "структур порядка", хаос не исчезает, а присутствует в них необходимым для их существования и дальнейшего развития компонентом (такие структуры представляют собой синтез упорядоченности на макроуровне и разупорядоченности на микроуровне). Универсализация этих данных позволяет внести новые нюансы в философское осмысление порядка и хаоса, их взаимообусловленности и взаимодополняемости»²⁹⁰. Таким образом, синергетика представляет собой научное направление, изучающее процессы самоорганизации структур различной природы, и в этом своем качестве она инициирует изучение универсальных законов порядокобразования, стремится структурировать научную среду, группируя вокруг себя предметные поля и методологические направления, так или иначе связанные с изучением проблем порядка и хаоса. Следует согласиться с В. В. Васильковой, что у всех предшествующих синергетике научных школ, «безусловно, наблюдалось общее – они были заняты отысканием универсальных закономерностей возникновения порядка из хаоса, описанием причины и механизмов относительно устойчивого существования возникающих структур и их распада»²⁹¹.

До сих пор синергетические исследования в ряде случаев уязвимы с позиций классической организации науки, поскольку не выработан адекватный математический аппарат для описания сложных нелинейных процессов, обнаруживаются явления, не вписывающиеся в предлагаемую концепцию и т. д. Вместе с тем, продолжающийся рост концептуальных компонентов этой науки, ее успешные попытки расширить сам взгляд на научную рациональность притягивает к ней все новых и новых ученых.

В синергетике рождение структур связывается с открытостью, нелинейностью и неравновесностью систем. Под открытостью системы понимается ее способность обмениваться веществом (энергией и информацией) с окружающей средой, т. е. вступать в определенные связи. Именно в зависимости

²⁸⁹ Василькова, В. В. Порядок и хаос в развитии социальных систем (Синергетика и теория социальной самоорганизации) / В. В. Василькова. – СПб. : Лань, 1999. – 480 с. – С. 5.

²⁹⁰ Там же. – С. 5–6.

²⁹¹ Там же. – С. 13.

от того, «как далеко простираются связи живого с окружающей средой, – справедливо замечают И. Л. Вишнеvский, А. Н. Лашер и И. В. Салли, – определяется уровень и совершенство его развития»²⁹². Действительно, простые биологические системы (организмы) охватывают влиянием небольшие пространства вокруг себя. Биологически более развитые существа для расширения и сохранения своего влияния на большем пространстве (как средства упрочения своей жизнeнности) объединяются в сообщества или группы (муравейники, стада, племена, государства и т. д.).

Открытая система обязательно имеет зоны подпитки энергией окружающей среды, которые вызывают наращивание ее структурной неоднородности. В то же время в системе непременно существуют зоны сброса энергии, которые ведут к сглаживанию в ней структурных неоднородностей. «Открытая система, – как справедливо отмечает В. В. Василькова, – способна (следуя принципу положительной обратной связи) усиливать внешние воздействия, находиться в постоянном изменении – флуктуации. Под флуктуациями понимаются случайные отклонения мгновенных значений величин от их средних значений (от состояния равновесия)»²⁹³. Присутствие флуктуаций – это свидетельство хаоса в системе на микроуровне. Если флуктуации сильны, то возникает необратимость развития, которая ведет либо к перестройке прежней системы, либо к ее гибели. Этот переломный момент развития, когда будущее не определено, описывается понятием точки бифуркации (хотя, на наш взгляд, точнее было бы – «полифуркации»), под которыми традиционно понимаются «точки "разветвления" возможных путей эволюции системы»²⁹⁴. Область бифуркации характеризуется принципиальной непредсказуемостью, когда заранее неизвестно, родится ли более упорядоченная структура или развитие системы станет более хаотическим. Результат названного процесса будет определяться усилением или ослаблением неоднородности в системе, что, в свою очередь, обуславливается соотношением в рассматриваемый момент зон подпитки (источников) и сброса (стоков) энергии. И. Пригожин и И. Стенгерс, характеризуя закономерности системной динамики, пишут: «Траектория, по которой эволюционирует система при изменении управляющего параметра, характеризуется чередованием устойчивых областей, где доминируют детерминистические законы, и неустойчивых областей вблизи точек бифуркации, где перед системой открывается возможность выбора одного или нескольких вариантов будущего»²⁹⁵. Потенциальная

²⁹² Вишнеvский, И. Л. Энтропия в природе и обществе / И. Л. Вишнеvский, А. Н. Лашер, И. В. Салли. – М. : ВИНТИ, 1994. – С. 97.

²⁹³ Василькова, В. В. Порядок и хаос в развитии социальных систем (Синергетика и теория социальной самоорганизации) / В. В. Василькова. – Спб. : Лань, 1999. – 480 с. – С. 19.

²⁹⁴ Там же. – С. 19.

²⁹⁵ Пригожин, И. Время, хаос, квант. К решению парадокса времени / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М. : Прогресс, 1994. – 266 с. – С. 227–228.

возможность спонтанного возникновения упорядоченных структур из хаотических процессов – это важнейшая предпосылка для самоорганизации систем. В свою очередь, необходимо подчеркнуть, что возникновение структур всегда начинается с появления синергетического эффекта – коллективного хаотического движения элементов системы.

В настоящее время системологи выделяют два типа структур: диссипативные и нестационарные. Под диссипативными структурами понимаются структуры, возникающие в результате самоорганизации, обусловленной преобладанием стоков, которые определяют действие диссипативного (рассеивающего) фактора. Последние структуры стремятся к стационарному состоянию. В качестве примера таких структур могут выступать структуры производства и распределения у древних ацтеков, в Хазарском каганате, в моноструктурных промышленных регионах посткоммунистических стран Восточной Европы, в СССР.

Диссипативные структуры, согласно синергетической парадигме, характеризуются следующими признаками: 1) они возникают при неравновесном состоянии системы как результат ее самоорганизации; 2) их возникновение вызвано случайной флуктуацией того или иного параметра развития системы; 3) они являются открытыми, т. е. формируются при обязательном постоянном энергообмене самоорганизующейся системы с внешней средой; 4) в основе их бытия лежит механизм обратных связей; 5) они реализуют кооперативные взаимодействия на микроуровне, от чего зависят микроскопические свойства этих структур, не редуцируемые вместе с тем к свойствам их элементов; 6) формирование диссипативных структур необратимо по отношению к течению времени²⁹⁶.

Нестационарные структуры – это «локализованный в определенных участках среды процесс, имеющий определенную геометрическую форму и способный развиваться, трансформироваться в среде или же переноситься в среде с сохранением формы»²⁹⁷. Эти структуры возникают за счет активности нелинейных источников энергии. Множество примеров рождения таких социальных структур предоставляют исследователям события, непосредственно предшествующие и последующие после февраля 1917 г. в России.

Эволюция социальных структур может быть адекватно рассмотрена не как смена следующих состояний: достижение равновесия, дестабилизация, потеря равновесия и новое равновесие (В. Парето), а как самоподдерживающийся порядок внутри системы. Необходимость этого определяется ограниченностью ресурсов. Отметим, что идея развития общества

²⁹⁶ Можейко, М. А. Синергетика / М. А. Можейко // Всемирная энциклопедия: Философия / Главн. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. – М. : АСТ, Мн. : Харвест, Современный литератор, 2001. – С. 932.

²⁹⁷ Василькова, В. В. Порядок и хаос в развитии социальных систем (Синергетика и теория социальной самоорганизации) / В. В. Василькова. – Спб. : Лань, 1999. – 480 с. – С. 20.

как потери равновесия и возврата к нему принадлежит И. Спенсеру, который сам пришел к пониманию ее теоретической несостоятельности после ознакомления со вторым началом термодинамики, согласно которому высшее состояние равновесия системы – это ее смерть.

В настоящее время во Франции среди социологов популярна теория социальной энтропии. Согласно последней, характерным состоянием социальной системы выступает неравновесность, нестабильность, вызванная непрекращающимися колебаниями между порядком и хаосом, организацией и дезорганизацией, тенденцией к жизни и тенденцией к смерти. «Генеральная динамическая линия при этом такова: состояние максимума энтропии в социальной системе определяется как максимальная неупорядоченность (случайность) или наиболее вероятное состояние системы. Напротив, минимум энтропии всегда есть минимум неупорядоченности (максимальное отклонение от случайности)»²⁹⁸. Исходя из такого видения, на первое место выходят: неравновесность, дифференциация и неустойчивость²⁹⁹. В рамках рассматриваемой парадигмы социальный порядок рассматривается как мир постоянного социального неравенства, что и рождает общественную динамику, возможность сохранения и усиления жизнеспособности системы. При таком подходе гипотетическая возможность уничтожения социального неравенства рассматривается как путь к усилению общественного хаоса и смерти. В соответствии с мнением М. Форсе, которое, на наш взгляд, является правильным, в настоящее время во Франции наблюдается устойчивая тенденция к увеличению форм общественной дифференциации как средство борьбы с социальной энтропией.

Несмотря на огромный гносеологический потенциал теории социальной энтропии в ней есть, как справедливо отмечает В. В. Василькова, «одно уязвимое с логических позиций, положение – это очевидный для всякого социолога тезис, что в условиях полной гомогенности системы... возникает максимальный иерархический порядок – тиранический или деспотический режим. Если осуществить анализ социальной системы по двум осям (горизонтальной и вертикальной), то горизонтальное различие между группами представляет как гетерогенность или гомогенность, а вертикальное различие как неравенство социальных статусов, т. е. статус власти. Здравый смысл и эмпирические наблюдения свидетельствуют, что общество может быть одновременно гомогенно (признак высокой энтропии) и очень неравномерно (иерархично). Такая ситуация возникает, когда власть и богатство сосредотачиваются в руках небольшой группы,

²⁹⁸ Василькова, В. В. Порядок и хаос в развитии социальных систем (Синергетика и теория социальной самоорганизации) / В. В. Василькова. – СПб. : Лань, 1999. – 480 с. – С. 126.

²⁹⁹ Force, M. L'ordre improbable Entropie et processus sociaux / M. Force. – Paris, 1989. – L. 122.

а все остальные "равномерно" бедны»³⁰⁰. Отсюда вытекает, что «порядок и беспорядок не противопоставлены один другому, т. е. энтропийный хаос не обязательно является хаосом в общем смысле слова, так как имеет место стабильная иерархия»³⁰¹. Наиболее социально стабильными будут системы, где небольшое количество людей присваивает большее число ресурсов, среднее число людей – среднее число ресурсов и значительное число людей – малое число ресурсов.

Описанная в предыдущем абзаце ситуация обозначается в современной науке как *энтропийный парадокс*, разрешение которого позволяет сформулировать принципы самоорганизации социальных систем.

Основой реакции любой социальной системы на изменение внешних условий ее существования является возможность выяснения ей самой того простого факта, что названное изменение произошло (или происходит) и что оно уже оказывает на нее воздействие. Тут мы непосредственно подходим к такому сложному вопросу как взаимодействие хаоса (энтропии) и информации.

Прежде всего, необходимо выяснить: что такое информация с точки зрения современных системных методов исследования. Под информацией следует понимать негэнтропийную способность системы к организации случайных сигналов. Соответственно, процесс получения и использования информации представляет собой не что иное, как процесс приспособления любых социальных систем к изменчивости и случайностям внешней среды и их жизнедеятельности в этой среде «Антиэнтропийный процесс (эволюция), – пишет В. В. Василькова, – в информационном плане начинается с максимальной энтропии (шума), где нет информационных различий и поэтому нет полезной информации. Но он не может осуществляться до своего логического конца, так как минимальная энтропия в информационной системе (т. е. полный и абсолютный порядок) – это своего рода вырождение, где существует бесконечный повтор одного и того же сигнала, также теряющего информационный смысл. Исчезает "животворящая роль" хаоса как источника новой информации и поэтому обязательного элемента формообразования порядка»³⁰². Информация может быть избыточной (предсказанной до ее получения) и структурной (степень упорядоченности системы, которая определяет генезис данной системы). Избыточная и структурная информация количественно, как доказал Е. А. Се-

³⁰⁰ Василькова, В. В. Порядок и хаос в развитии социальных систем (Синергетика и теория социальной самоорганизации) / В. В. Василькова. – СПб. : Лань, 1999. – 480 с. – С.127.

³⁰¹ Force, M. L'ordre improbable Entropie et processus sociaux / M. Force. – Paris, 1989. – L. 197.

³⁰² Василькова, В. В. Порядок и хаос в развитии социальных систем (Синергетика и теория социальной самоорганизации) / В. В. Василькова. – СПб. : Лань, 1999. – 480 с. – С. 131.

дов, совпадают³⁰³. Точка оптимального соотношения хаоса и порядка – это точка идеального эволюционного развития, после прохождения которой теряется оптимальное соотношение порядка и хаоса.

В случае значительного снижения энтропийных процессов система начинает терять свои адаптивные свойства. Достигнув высочайшей степени упорядоченности (иными словами – жесткой детерминированности), социальная система может продолжать существовать лишь в неизменно стабильных условиях, при изменении которых обречена на неминуемую гибель. При этом, в соответствии с теорией катастроф, переход от минимальной энтропии к максимальной происходит скачкообразно.

Классическим примером такого рода переходов может служить история Египта в XI–VII веках до н. э. В XI веке до н. э. уровень развития технологического уклада находился примерно в том же состоянии, что и во времена Нового царства, очень медленно развиваясь. Для экономики этого периода, как и ранее, было характерно очень низкое качество изделий из железа, по-прежнему широко распространены в сельском хозяйстве (как и долгое время после этого периода) серпы с кремневыми лезвиями. Во многом это было предопределено и тем, что железо при всех его преимуществах требует для своей переработки и плавки значительно больше топлива, чем медь и бронза, так как обладает большей тугоплавкостью, чем эти металлы. Кроме этого, железо лишь после его раскаливания поддается ковке. Поскольку вечнозеленые леса вокруг Нила (на месте современной Сахары) были уничтожены людьми задолго до этого периода, то Египет в это время не располагал достаточным топливом, пригодным для плавки железной руды. Кроме этого, в предшествующий период Нового царства фараонам удалось обеспечить стабильность внешнеполитического положения Египта, а неизменность хозяйственной базы его аграрного сектора определялась регулярностью разливов Нила. Как результат, и доместикаты на протяжении более чем четырехсот лет (после развития в XI веке до н. э. коневодства) каких-либо значительных изменений не претерпевали. После того, как в период XXI династии плуг с ярмом вытеснил старый плуг, сельскохозяйственные орудия также не менялись. Бартерные расчеты медленно, но неуклонно замещались денежными. Существовал высокий уровень развития торговли. В Египте наступил период социально-экономической стабильности, который также был воплощен в кастовой (жестко детерминированной) социально-классовой структуре. Возникло и медленно развивалось долговое рабство, что вело к постепенному ослаблению класса свободного крестьянства. Реальная экономиче-

³⁰³ Седов, Е. А. Информационно-энтропийные свойства социальных систем / Е. А. Седов // Общественные науки и современность. – 1993. – № 5. – С. 92–100.

ская независимость регионов вела к медленному усилению центробежных тенденций, что воплотилось в реальном распаде единого государства на несколько частей, что, однако, долгое время (инертность системы) формально не признавалось.

Мелкая раздробленность Египта сохранилась и после установления Ливийского владычества. При этом смена собственно египетских династий на ливийские произошла без каких-либо серьезных изменений сложившейся социально-экономической системы во многом благодаря тому, что к этому моменту каста воинов в Египте состояла из бывших рабов-ливийцев, а сформировать армию из свободных крестьян уже было невозможно. Как результат, относительно небольшое усилие царей Куша увенчалось полным завоеванием Египта, поскольку независимые ливийские царьки номов не могли оказать какого-либо серьезного сопротивления. Однако эфиопские владыки не стали даже пробовать изменить застойную социально-институциональную систему, а ограничились лишь тем, что заняли в ней место высшей аристократической касты. В результате социальная система осталась по-прежнему жестко детерминированной и в первой половине VII века вторгшиеся ассирийские владыки, не встретив серьезного сопротивления, которого и быть не могло, поскольку Египет находился уже несколько веков в застое, учинили их резню и массовый угон населения, что явило собой для египтян социальную катастрофу.

Таким образом, «автократические и тоталитарные системы, приближаясь к минимальной энтропии, тем самым значительно снижают жизнеспособность социума. Противоположная тенденция социальной эволюции – чрезмерное разнообразие, обусловленное высоким уровнем энтропии, – также вызывает смерть системы»³⁰⁴. В дальнейшем, под социальным регрессом нами будет пониматься тип социального развития, по своей направленности противоположный прогрессу, характеризующийся переходом от высшего к низшему. Содержанием социального регресса являются процессы социальной деградации, понижения уровня общественной организации, которое сопровождается застоем и может вести к возврату к изжившим себя социальным отношениям. Социальный регресс, застой – это неизбежная плата за упорядочение общественного бытия, за уменьшение в обществе хаотических процессов.

Исследовав названные закономерности развития социальных систем, Е. А. Седов сформулировал *закон иерархической компенсации*, называемый сегодня Законом Седова, действие которого распространяется на все

³⁰⁴ Солодовников, С. Ю. Понятие хаоса и его место в развитии сложных систем / С. Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2018. – Вып. 7. – С. 5–18. – С. 15.

социальные системы. Названный закон формулируется следующим образом: «только при условии *ограничения разнообразия* нижележащего уровня можно формировать разнообразные функции и структуры, находящиеся на более высоких уровнях социальных систем. Таким образом, в этом аспекте возникает проблема поисков оптимального соотношения детерминации и непредсказуемости граждан и их сообществ как составных элементов социальных систем»³⁰⁵.

Как и в других системах, в социальных системах развитие не может происходить без присутствия флуктуаций. Нами уже подчеркивалось, что сильные флуктуации порождают необратимость развития в точке би- или полифуркации, которая ведет либо к эволюции (рождению более упорядоченной структуры), либо к гибели (энтропийной смерти) системы. Конкретный результат этого процесса будет определяться усилением или ослаблением неоднородности в системе, что, в свою очередь, обуславливается соотношением в рассматриваемый момент истоков и сбросов энергии. При этом возникает возможность спонтанного возникновения упорядоченных структур из хаотических процессов, т. е. самоорганизации. В качестве основы реакции любой социальной системы на изменение внешних условий ее существования выступает возможность получения ей информации о названных изменениях. Все социальные системы в своей жизнедеятельности постоянно находятся под воздействием двух противоположно направленных тенденций: к разрушению (энтропийный процесс) и к эволюции (антиэнтропийный процесс) и могут сохранять (или увеличивать) свою жизнеспособность только при их определенном сочетании. Подавление одной из названных тенденций другой неизбежно ведет либо к смерти, либо к вырождению системы, иными словами, к снижению ее жизнеспособности.

3.2 Феноменологические особенности субординационного и ординационного управления в экономических системах

Важнейшим этапом в решении задачи раскрытия экономической сущности сетевых механизмов инновационного развития является выявление феноменологических особенностей субординационного и ординационного управления в экономических системах. При этом будем опираться на теоретико-методологические основы исследования экономических отношений,

³⁰⁵ Седов, Е. А. Информационно-энтропийные свойства социальных систем / Е. А. Седов // Общественные науки и современность. – 1993. – № 5. – М. 92–100. – С. 100.

сформированные Н. В. Герасимовым³⁰⁶ и А. П. Моровой³⁰⁷ в рамках белорусской субъектно-деятельностной политэкономической школы, позднее нашедшие свое воплощение в научной школе «Исследование модернизации экономики», сформировавшейся в БНТУ³⁰⁸. В рамках последней были:

– разработаны теоретико-методологические основы социального потенциала белорусского общества. Дана сравнительная оценка состояния социального капитала в стране и последствий его влияния на стабильность белорусского общества. Предложены механизмы новой стратегии развития и капитализации социального потенциала Республики Беларусь;

– обоснована необходимость системной реформы белорусских предприятий, которые сегодня существенно ограничены в главной функции экономической организации в рыночной экономике – функции товаропроизводителя. Для отработки механизмов реформирования госсектора предложено провести в разных отраслях экономики республики серию экономических экспериментов по использованию различных форм контрактных отношений между государственными органами и руководителями (трудовыми коллективами) предприятий;

– развиты теоретические основы трансформации трудовой мотивации, определены направления ее совершенствования в условиях модернизации экономики. При оптимистическом сценарии развития должно наблюдаться превышение темпов роста заработной платы над темпами роста производительности труда. В Республике Беларусь доля оплаты труда и доля потребления в структуре ВВП должны вырасти и приблизиться к уровню экономически развитых стран, поскольку без этого невозможно обеспечить расширенное воспроизводство человеческого капитала.

Применительно к теме нашего исследования разработки субъектно-деятельностной политэкономической школы выступают методологической основой, а результаты, полученные в рамках научной школы «Исследование модернизации экономики», будут использованы при выявлении некоторых особенностей субординационного и ординационного управления в обществах переходного типа.

Не вступая в дискуссию по проблеме определения экономической системы общества, исходя из цели нашего исследования, будем придерживаться взгляда

³⁰⁶ Солодовников, С. Ю. Герасимов Николай Васильевич / С. Ю. Солодовников // Всемирная энциклопедия: Философия XX век. / Главн. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. – М.: АСТ, Мн.: Харвест, Современный литератор, 2002. – 976 с. – С. 174.

³⁰⁷ Морова, А. П. Социальная политика в сфере трудовых отношений / А. П. Морова. – Мн.: ИСПИ, 2000. – 176 с.

³⁰⁸ Васюченко, Л. П. Методологические проблемы модернизации в Республике Беларусь (к 50-летию научной школы в области исследования модернизации экономики) / Л. П. Васюченко // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2018. – Вып. 8. – С. 5–15.

на нее как на «единый, устойчивый, организационно оформленный, относительно самостоятельный, материально-общественный комплекс, в пределах которого осуществляются внутренне взаимосвязанное производство, присвоение и социально значимое потребление материальных средств и благ для обеспечения физической жизни общества, а также для создания материальной базы, необходимой во всех остальных сферах общественной жизни»³⁰⁹. Такое определение экономической системы общества позволяет сделать вывод, что «функциональное назначение экономических отношений в самом общем плане заключается в обеспечении общества необходимыми для его существования материальными условиями, средствами, благами, иначе говоря, – в обеспечении обмена общества веществом и энергией с окружающей средой»³¹⁰.

В свое время нами было показано, что «при достаточно глубоком рассмотрении любого экономического отношения в основе его всегда обнаруживается социальный обмен деятельностью. Прогресс человеческого общества неразрывно связан с оптимизацией этого обмена, критерием которого выступает снижение транзакционных издержек»³¹¹. Названный обмен возможен только на основе труда. Сегодня этот тезис является тривиальным в экономической науке. Вместе с тем, по проблемам эволюции труда и трудовых отношений, по взаимозависимости социально-экономической субординации с эволюцией разделения и кооперации труда постоянно возникают не только разночтения, но и прямо противоположные точки зрения. В результате этого реально-онтологические особенности ординационного управления в отдельных экономических системах проработаны достаточно глубоко (например, в кластерах), а в других – либо поверхностно (в экономической системе общества), либо вообще специально не исследовались.

В первом приближении (на поверхности явлений) различия между субординационным и ординационным управлением кажутся очевидными. Субординация – это система отношений, состоящая в подчинении личной воли индивида воле его начальника, выражающаяся в неуклонном выполнении его распоряжений (приказов). В основе субординационного управ-

³⁰⁹ Герасимов, Н. В. Экономическая система: генезис, структура, развитие / Н. В. Герасимов ; редкол.: Э. А. Лутохина [и др.]. – Минск : Навука і тэхніка, 1991. – 349 с. – С. 25–26.

³¹⁰ Солодовников, С. Ю. Экономическая система / С. Ю. Солодовников // Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия / Главн. Науч. Ред. и сост. С. Ю. Солодовников. – Минск: МФЦП, 2002. – 1008 с. – С. 957–962. – С. 957.

³¹¹ Солодовников, С. Ю. Перспективы и механизмы развития и капитализации социального потенциала Республики Беларусь / С. Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2013. – Вып. 1. – С. 5–33.

ления в экономических системах лежит политико-экономическая иерархия, ядром которой, в свою очередь, выступает социально-классовая дифференциация общества. Соответственно, содержанием субординационного управления в экономических системах является следование установленным (обычно институционально оформленным) правилам отношений между субъектами, относящимся к различным социальным классам и/или находящимся на различных ступенях социально-экономической иерархии. При такой трактовке субординационного управления его вычленение из совокупности управленческих отношений в экономических системах представляется достаточно простым – если субъект неукоснительно подчиняется приказу, распоряжению другого субъекта, находящегося на более высокой ступени социальной иерархии, значит, это субординационное управление.

Ординационное управление – это система отношений, состоящая в добровольном совершении индивидом действий, основанных на совпадении интересов (или нахождении компромисса интересов) с индивидом или индивидами, находящимися в одном социальном классе и/или на одном уровне иерархической структуры, выражающаяся в добровольном выполнении этих действий до тех пор, пока он сам считает это целесообразным. В основе ординационного управления в экономических системах лежит объективная возможность и необходимость в условиях классово-дифференцированных обществ использовать не только институциональные возможности и экономические выгоды, порождаемые объективным преимуществами иерархических структур, но и преимущества ординационных структур, в той мере и в тех зонах социально-экономического пространства, где последние политико-экономически и/или коммерчески более выгодны, чем субординационные. Соответственно, содержанием ординационного управления в экономических системах является следование установленным (обычно институционально оформленным) правилам отношений между субъектами, относящимся к одному социальному классу и/или находящимся на одной ступени социально-экономической иерархии. При такой трактовке ординационного управления его вычленение из совокупности управленческих отношений в экономических системах представляется следующим – если субъекты, находящейся на одной ступени социальной иерархии, в процессе своей экономической деятельности самоорганизуются, значит, это ординационное управление.

На субстанционально-гносеологическом уровне рассмотрения феноменологических особенностей субординационного и ординационного управления в экономических системах, т. е. на самом высоком уровне абстрагирования, вышеприведенные умозаключения являются истинными. Но по мере перехода на более низкий уровень абстрагирования начинают

добавляться новые факты, которые требуют уточнения этих особенностей. Так, при институционально-формальной фиксации ординационных отношений между хозяйственными субъектами в холдинге (например, на основе договора) всегда предусматривается система санкций за нарушение либо ненадлежащее исполнение принятых на себя обязательств. Это необходимо, поскольку потребности и интересы названных субъектов под воздействием объективных экономических процессов постоянно меняются, что ведет как к невозможности всегда своевременно и в полном объеме выполнять всеми ими ранее принятые на себя обязательства, так и к тому, что не все договорные условия по истечении времени могут соответствовать изменившимся интересам всех субъектов – участников договора. Это обусловлено тем, что экономическая система общества постоянно трансформируется, а вместе с ней и «система трудовой мотивации непрерывно, постоянно, с той или иной быстротой, эволюционирует, т. е. в ней происходят процессы изменения (преимущественно необратимого характера)»³¹². Очевидно, что если в рассматриваемом нами примере любой из участников холдинга сможет в любой момент отказаться от выполнения принятых на себя обязательств по отношению к другим участникам, то система этих ординационных отношений станет настолько хаотичной, что не сможет существовать. Именно поэтому при институционально-формальной фиксации (на основе договора между хозяйственными субъектами) ординационных отношений в холдинге устанавливаются санкции за несоблюдение условий этого договора. Но для того, чтобы эти санкции были реализуемыми, необходимо, как правило, наличие социально-институциональных субъектов, находящихся на более высокой ступени социальной иерархии, которые контролируют (гарантируют) наступление санкций в случае ненадлежащего выполнения условий договора тем или иным участником холдинга. Иначе говоря, ординационные экономические отношения не могут быть устойчивыми без субординационных.

В процессе социально-экономической деятельности субъекты, находящиеся на одной ступени социальной или экономической иерархии, могут вступать в ординационные отношения с целью защиты своих политико-экономических интересов от субъектов, находящихся на более высоком иерархическом уровне. Такое ординационное управление феноменологически отличается от других бытийных форм этого управления. Более того, в данном

³¹² Солодовников, С. Ю. Социально-экономические факторы, определяющие изменение системы трудовой мотивации в новых социально-экономических и технологических условиях в Беларуси / С. Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2017. – Вып. 5. – С. 296–308. – С. 297.

случае видно, как субординационное управление может порождать свою «амбивалентную противоположность» – ординационное управление.

Для системного раскрытия феноменологических особенностей субординационного и ординационного управления в экономических системах следует рассматривать это управление в контексте признания труда и трудовых отношений главным фактором, обуславливающим как социально-классовую дифференциацию общества, так и систему экономического управления в нем, поскольку «именно трудовые отношения выступают в качестве основы социальной дифференциации и политико-экономической динамики общества»³¹³. Трудовые отношения – это «отношения, которые возникают и устанавливаются между субъектами в процессе трудовой деятельности при создании материальных средств и благ, а также услуг, необходимых для удовлетворения экономических потребностей и нужд общества и его членов с целью обеспечения их жизненности»³¹⁴.

Важнейшей феноменологической особенностью ординационного управления в экономических системах является то, что оно возможно только на основе высокого уровня социального капитала. Субординационное управление иногда может быть достаточно эффективным и без социального капитала. Вместе с тем, по мере усложнения социально-экономических отношений, вызванного объективным процессом перехода от традиционного рыночного хозяйства, основанного на индустриальном технологическом укладе, к более развитым формам хозяйствования, значение социального капитала для субординационного управления в экономических системах возрастает. Хотя это не меняет общую закономерность: при ординационном управлении значение социального капитала намного выше, чем при управлении субординационным. Ординационное управление в экономических системах тогда выгодно, когда в основе его лежат такие атрибуты социального капитала, как обязательства, ожидания и надежность социальной и институциональной структуры; возможность получения информации с наименьшими издержками; существование норм (включающих в себя альтруистическое поведение в интересах социальной общности) и эффективных санкций.

Как было показано в первой главе, современные глобальные цивилизационные, политико-экономические и технологические тенденции свидетельствуют о переходе человечества к качественно новой стадии разви-

³¹³ Солодовников, С. Ю. Тенденции и перспективы развития занятости и создания социально-научного сообщества в условиях модернизации транзитивной экономики: на примере Республики Беларусь / С. Ю. Солодовников // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д. Экон. и юрид. науки. – 2015. – № 6. – С. 2–9. – С. 2.

³¹⁴ Морова, А. П. Социальная политика в сфере трудовых отношений / А. П. Морова. – Мн.: ИСПИ, 2000. – 176 с. – С. 8.

тия (постиндустриальной, сверхиндустриальной, пострыночной, пост-предпринимательской и т. д.). Обуславливающие этот переход изменения, связанные со структурной трансформацией экономики и увеличением значения знаний для ее развития, требуют формирования нового типа работника, который, помимо всего прочего, отличается более высоким уровнем образования. «Регрессионный анализ переменных социальной активности (членство в организациях, количество встреч в год в рамках клуба, работа в общественных проектах и участие в званых обедах) показывает, что образование индивида имеет решающее значение по сравнению с другими социально-демографическими показателями. Увеличение среднего уровня образования в регионе на один год приводит к росту участия в общественных проектах и в званых обедах (на 5% и 20% соответственно), не оказывает влияния на количество встреч в клубах, снижает участие в организациях на 1% и оказывает значимое негативное влияние только на участие в профсоюзах и церковных организациях. Таким образом, уровень образования является основной переменной, характеризующей накопление социального капитала и, следовательно, набор институциональных альтернатив, доступных каждому обществу, что и определяет необходимость выявления механизма этого влияния»³¹⁵. Из сказанного также следует, что по мере социального и технологического прогресса, неизбежно будет происходить увеличение роли ординационного экономического управления по сравнению с субординационным, а также значительный рост разнообразия в формах экономического управления. Это будет менять феноменологическую природу (существенно усложняя) как субординационного, так и ординационного типа управления в экономических системах.

Вместе с тем не следует абсолютизировать тенденцию возрастания значения ординационного экономического управления по сравнению с субординационным. Преобладание того или иного типа управления зависит от сущностных особенностей экономических систем. Рассматривая относительные преимущества субординационного и ординационного управления в контексте инновационного развития, используем типологию экономически развитых стран, приведенную нами в первой главе, согласно которой, по нашему мнению, все экономически развитые страны сегодня могут быть условно разделены на два типа. К первому типу относятся страны, в которых благодаря реализации стратегии приоритетного развития промышленности происходит становление сверхиндустриальной экономики. Второй тип составляют страны, которые исходят из стра-

³¹⁵ Солодовников, С. Ю. Проблемы и перспективы развития социального потенциала в Республике Беларусь / С. Ю. Солодовников // Проблемы управления. – 2012. – № 2 (43). – С. 95–98. – С. 96.

тегии построения «классической постиндустриальной экономики», сопровождаемой относительной деградацией национального промышленного комплекса и опережающим развитием финансово-спекулятивных, социальных, традиционных и других услуг, не направленных напрямую на развитие промышленного производства.

Крупное индустриальное производство (сверхиндустриальный уклад), требующее соблюдения жестких технологических регламентов, значительных финансовых, интеллектуальных и временных затрат на разработку и внедрение прорывных технологий требует преобладания субординационного управления над ординационным на уровне предприятия или корпорации. Именно субординационные формы отношений смогут принести здесь наибольший экономический эффект. В таком случае трудовые отношения объективно должны выстраиваться на иерархических принципах. Вместе с тем на уровне структурных подразделений, отличающихся творческим характером труда, креативностью в методах и подходах, наиболее экономически эффективными будут ординационные формы управления. Таким образом, на крупных индустриальных предприятиях инновационного типа на основном производстве относительными преимуществами будет обладать ординационное управление, а на вспомогательных (в том числе и в услугах промышленного характера) в зависимости от конкретной технологической функции, ими выполняемой, относительными преимуществами могут обладать и субординационный, и ординационный типы управления, принося при этом положительные инновационные эффекты.

В свою очередь, в хозяйственных субъектах, относящихся к постиндустриальному укладу (сервисной экономике), относительными преимуществами в инновационной сфере будет обладать ординационное управление. При этом следует понимать, что экономика рисков сегодня в значительной мере может искажать ожидаемые положительные эффекты от использования любых форм управления в инновационной сфере, поскольку порождает невероятное количество негативных социально-экономических, политических, финансовых, экологических, манипуляционных и иных угроз и рисков. Также необходимо подчеркнуть, что в современных экономиках западного типа (сверхиндустриальных и постиндустриальных) наряду с действительно применяемыми ординационными способами управления широкое распространение получили симуляции этого управления, направленные на поддержание иллюзии демократического общественного устройства, участия миноритарных и розничных акционеров в управлении акционерными обществами, определения направлений инновационной деятельности и т. д.

3.3 Сетевые механизмы экономического управления как новые формы общественно-функциональных технологий

Поскольку мы выяснили, что в инновационной экономике в ряде случаев относительными преимуществами будет обладать ординационное управление, то логика исследования требует обращения к исследованию сетевых механизмов экономического управления. Гносеологически перспективным представляется рассмотрение данных механизмов как новых форм общественно-функциональных технологий.

Как известно, технологии бывают двух типов: технические и общественно-функциональные. Оба этих типа тесно взаимосвязаны и взаимобусловлены. Говорить о первичности одного из этих типов можно только условно, исходя из целей и задач, стоящих перед ученым, либо в зависимости от его идеологических установок. Так, например, К. Маркс использовал сформулированный им же принцип зависимости надстройки (социальных технологий) от базиса (техники) для объяснения смены общественно-экономических формаций и неизбежности коммунистической революции. В данном случае можно наблюдать своеобразный парадокс: марксистская идеология, являющаяся общественно-функциональной технологией, обусловила возникновение и длительное существование аксиомы о том, что общественно-функциональные технологии являются «производными» от уровня развития техники.

До настоящего времени в общественных науках остается дискуссионным вопрос, какая функция сетевого управления была первичной – манипуляционная или продукционная. По существу, для определения понятия сетевых механизмов экономического управления как новых форм общественно-функциональных технологий не требуется выяснение того, что было первичным в этом процессе. Тем более, как свидетельствует история человечества, развитие военных технологий, на которые, как правило, не жалели и не жалеют ресурсов, всегда выступали важным толчком для совершенствования гражданских технологий.

Для нас важно, что в настоящее время во всех экономически развитых, новых индустриальных и во многих развивающихся странах сформировалась сетевая экономика, которая может выступить в качестве важнейшего фактора перехода к опережающей модели развития как в Республике Беларусь, так и во всех странах ЕАЭС. Отрасли, входящие в сетевую экономику, способны «выступать как движущая сила и детерминанты опережающей модели модернизации, – справедливо отмечает Е. В. Логинова, – поскольку внедрение здесь инноваций имеет синергетический эффект, суть которого заключается в распространении инноваций не только по всем сферам общественного производства, но и в стимулировании внедрения инноваций в со-

циальной и властно-правовой сферах»³¹⁶. Далее названный ученый поясняет: «причинами возникновения синергетического эффекта от внедрения инноваций в сетевой экономике являются: во-первых, глобальная информатизация экономических и социальных процессов, которая способствует появлению инновационных форм взаимодействий субъектов, позволяющих им в режиме реального времени получать информацию из внешней среды и оперативно реагировать на полученные импульсы; во-вторых, ускорение процесса обмена информацией по вертикали и горизонтали производственных, общественных и властных структур, что приводит к возникновению инновационных форм организации социума на всех его уровнях (сетевая организация) и развитию инновационных бизнес-процессов; в-третьих, ускоренные темпы развития сетевой экономики делают данную сферу общественного производства инновационной по своей природе, а поскольку все большее и постоянно растущее число субъектов социальных и экономических отношений опосредуют свои взаимодействия сетью Интернет, то распространение цифровых инноваций принимает глобальный характер и стимулирует появление инноваций во всех сферах жизнедеятельности общества»³¹⁷. Е. В. Логинова также указывает, что «специфика современного общества, основанного на знании, заключается в интегрировании в его рамках информационного и сетевого обществ, так как первое характеризует роль, отводимую информации в процессе социально-экономической эволюции и развитии общественного производства, а второе показывает приоритет сетевых связей при передаче информации субъектами социально-экономических отношений. Проецируясь друг на друга, информационная и сетевая составляющие общества знания создают специфичную среду для передачи знания – сетевое информационное пространство, в рамках которого осуществляются различные взаимодействия между людьми, в том числе, взаимодействия и экономические. Отличительными чертами данного пространства являются: отсутствие территориальных границ; безграничность межсубъектного общения; осуществление транзакций в режиме реального времени»³¹⁸.

Как известно, выделяются три основных типа социального управления в широком смысле этого слова: 1) властное; 2) стимуляционное; 3) информационное (информационно-идеологическое). Основу властного управления составляет власть, под которой понимается «возможность одного чело-

³¹⁶ Логинова, Е. В. Сетевая экономика как инновационный фактор модернизации современного российского общества : автореф. дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.01 / Е. В. Логинова ; Волгоградский государственный университет. – Волгоград, 2012. – С. 20.

³¹⁷ Там же. – С. 21.

³¹⁸ Логинова, Е. В. Сетевая экономика как инновационный фактор модернизации современного российского общества : автореф. дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.01 / Е. В. Логинова ; Волгоградский государственный университет. – Волгоград, 2012. – С. 24.

века или группы людей реализовать свою собственную волю в совместном действии даже вопреки сопротивлению других людей участвующих в указанном действии»³¹⁹. Власть может быть политической, экономической, идеологической и т. д. Власть авторитарна, т. е. она требует обязательной подчиненности со стороны объекта власти воли ее субъекта. «Власть представляет собой, – справедливо отмечал Н. В. Герасимов, – совокупность специфических базопределяющих директивных функций управления поведением субъектов, состоящих в предании нормативным модулям социально-экономических отношений обязательного характера, в обеспечении их гарантированного осуществления и защиты посредством потенциального или реального принуждения»³²⁰. Во властном управлении существенную роль играет государство – важнейший политический институт обществ, основанных на социально-классовой дифференциации. Большое значение во властном управлении традиционно имели отношения собственности, при этом в экономической теории подчеркивалось, что «собственность на условия производства – высшая суверенная экономическая власть. Это значит, что собственник управляет хозяйством по своему усмотрению, независимо ни от кого. Его власть безусловна»³²¹. Дифференциация индивидов в отношении собственности в современном обществе не только существенно усиливается, но и под воздействием сетевой экономики претерпевает революционные изменения. Например, в системе Интернет можно передавать объект собственности, при этом оставляя его себе.

Стимуляционный тип управления характеризуется предоставлением выгод за позитивное и непредоставлением выгод за негативное поведение. Как отмечается в литературе, данный тип управления находит выражение в функционировании различных политико-институциональных форм. Прежде всего, это «касается государственных органов социально-экономического управления, которые располагают значительным "арсеналом" рычагов воздействия на субъектов и экономические институты»³²². В этом случае речь идет «о предоставлении последним исключительных прав на что-либо (занятие определенным видом деятельности, производство какой-либо продукции, использование природных ресурсов); об определенной налоговой и кредитной политике государства; об осуществлении трансфертных платежей и государственных закупок; о пря-

³¹⁹ Вебер, М. Основные понятия стратификации / М. Вебер // Социологические исследования. – 1994. – № 5. – С. 147–156. – С. 147.

³²⁰ Герасимов, Н. В. Экономическая система: генезис, структура, развитие / Н. В. Герасимов ; редкол.: Э. А. Лутохина [и др.]. – Минск : Наука і тэхніка, 1991. – 349 с. – С. 64.

³²¹ Дементьев, В. Е. Собственность в системе производственных отношений социализма / В. Е. Дементьев, Ю. В. Сухотин // Коммунист. – 1987. – № 18. – С. 69.

³²² Подгайский, А. Л. Взаимодействие политической организации общества и экономической системы : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01 / А. Л. Подгайский. – Мн., 1993. – С. 87.

мом финансировании государством каких-либо проектов и т. д.»³²³. Стимулирующее управление представляет собой действенную форму реализации целей социальных субъектов в экономической сфере. Сетевые механизмы экономического управления позволяют значительно исказить стимуляционное предложение, заменяя реальное стимулирование (т. е. стимулирование, способствующее реализации экономических интересов стимулируемого субъекта) его симуляцией.

Информационно-идеологический тип управления основан на знаниях, сознании и убеждении индивидов. Этот тип управления направлен не на внешнее принуждение субъектов, а на формирование у них некой целостной совокупности внутренних идеологических установок, позволяющих субъекту управлять своими действиями. Основу данного субъектного ориентационно-регулятивного комплекса составляет система ценностей субъекта, которая предопределяет характер всех других его компонентов – целей, установок, стереотипов, убеждений, моделей поведения и т. п. Современные сетевые механизмы экономического управления активно используются для манипулирования поведением управляемого субъекта за счет применения различных общественно-функциональных инноваций, в своей совокупности представляющих нелетальные формы информационного оружия, нацеленного как на отдельных индивидов, так и на большие группы людей, социальные классы, общество в целом.

Таким образом, сетевые механизмы экономического управления как новые формы общественно-функциональных технологий могут использоваться как в продукционных (для роста социально-экономической эффективности общественного производства), так и в эгональных (для производства необходимого Манипулятору поведения социальных и экономических субъектов) целях. Последняя цель неизбежно порождает необходимость защиты от такого рода информационно-идеологической агрессии в интернет-пространстве, в результате чего быстро развиваются сетевые механизмы защиты от нее.

В продукционном плане сетевые механизмы экономического управления формируют новый тип инновационных сетей, имеющих следующие особенности: «в отличие от традиционных инновационно-активных предприятий, субъекты, входящие в инновационную сеть, совместно используют общие активы, что делает сетевую структуру более гибкой, увеличивая ее способность адаптироваться к изменчивой экономической среде; в управлении потоками ресурсов инновационная сеть активно использует рыночные механизмы, базирующиеся на обмене информацией и активном взаимодействии участников сети; инновационные сети практикуют разработку совместных проектов, что усиливает заинтересованность участников сети и приводит к

³²³ Там же. – С. 87.

повышению эффективности функционирования всей сети; инновационные сети становятся объединением поставщиков, производителей, компаний, финансовых и кредитных организаций на основе взаимного владения акциями, что создает дополнительные возможности для реализации экономически эффективного взаимодействия, разработки совместной рыночной стратегии и повышения заинтересованности всех участников сети»³²⁴. Как справедливо отмечает Л. Ю. Титов, «сравнение различных моделей инновационного процесса позволили выделить преимущества сетевой модели (*сетевых механизмов экономического управления – примечание авторов*), для которой характерна более высокая организационная и системная интеграция, гибкая организационная структура, эффективные внешние каналы связи, мобильность ресурсов, эффективные механизмы обмена внутренними и знаниями, механизмы идентификации, измерения и управления нематериальными активами, вовлеченность высшего руководства»³²⁵.

В свою очередь, Е. В. Логинова отмечает, что «сетевое информационное пространство (*сетевых механизмов экономического управления – примечание авторов*)»³²⁶ характеризуется такими отличительными чертами как «отсутствие территориальных границ; безграничность межсубъектного общения; осуществление транзакций в режиме реального времени»³²⁷. Названный автор также отмечает, что в результате развития сетевого информационного пространства возникает сетевая экономика, «особенностью которой является не столько доминирование информации, сколько преобразование вариантов ее использования. При этом ведущую роль в обществе приобретают глобальные сетевые структуры, развитие которых создает условия для формирования более совершенной и прозрачной среды для информационной активности экономических субъектов, обеспечивающей более высокий уровень эффективности экономической деятельности, трансформирует производственные и организационно-хозяйственные системы, модифицирует экономические, социальные и властно-правовые институты»³²⁸. Значительное увеличение вариантов использования информации в рамках глобальных сетевых структур постоянно усложняет сетевые механизмы экономического управления, приводит к возникновению

³²⁴ Титов, Л. Ю. Экономические инновационные структуры и институты сетевого типа: теория и методология : автореф. дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.01 / Л. Ю. Титов. – Орел, 2010. – С. 18.

³²⁵ Там же. – С. 20.

³²⁶ Логинова, Е. В. Сетевая экономика как инновационный фактор модернизации современного российского общества : автореф. дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.01 / Е. В. Логинова ; Волгоградский государственный университет. – Волгоград, 2012. – С. 24.

³²⁷ Там же. – С. 24.

³²⁸ Логинова, Е. В. Сетевая экономика как инновационный фактор модернизации современного российского общества : автореф. дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.01 / Е. В. Логинова ; Волгоградский государственный университет. – Волгоград, 2012. – С. 24–25.

все новых и новых рисков и угроз. Последние порождаются не только по причине постоянного увеличения эгонального использования новых форм общественно-функциональных технологий, но и в результате расширения производственного применения этих технологий во взаимосвязи с принципиально новыми технико-технологическими решениями и увеличением мобильности глобальных финансов.

Расширение сетевых механизмов экономического управления как новых форм общественно-функциональных технологий порождает новые формы межстрановой конкуренции. Международный опыт последних лет показал, что целенаправленный подрыв экономической безопасности на государственном уровне происходит главным образом через международные санкции, зачастую направленные на отдельные предприятия и конкретных предпринимателей. В ряде случаев нормативная база и система обеспечения экономической безопасности оказываются к этому не готовы, в результате чего противодействовать приходится, главным образом, на государственном уровне в режиме ручного управления. Рост технологической неопределенности и глобальных спекулятивных финансов, быстрое развитие общественно-функциональных технологий манипулирования (через интернет и традиционные СМИ) поведением индивидов, порождают принципиально новые вызовы и угрозы для национальной и экономической безопасности. Последние зачастую могут быть своевременно выявлены и нейтрализованы только на уровне предприятия. Общественно-национальные индикаторы экономической безопасности могут зафиксировать постфактум только последствия для экономической безопасности от негативного воздействия на конкретное промышленное предприятие (например, экономико- или градообразующее). Причем названное негативное воздействие может быть осуществлено без явного нарушения закона. Правомерно говорить о тенденции «атомизации» угроз для экономической безопасности.

Развитие сетевых механизмов экономического управления вызывает значительное увеличение институционального разнообразия, что ставит перед социально-научным сообществом новые задачи. «Социальная парадигма инновационного развития Республики Беларусь должна учитывать глобальные цивилизационные тенденции, которые неразрывно связаны с нарастанием институционального разнообразия и пониманием значительной частью научного сообщества невозможности познания современных реалий на основе упрощенных, механистических подходов»³²⁹.

³²⁹ Солодовников, С. Ю. Новая парадигма инновационного развития белорусской экономики и подходы к ее формированию / С. Ю. Солодовников // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д. Экон. и юрид. науки. – 2011. – № 14. – С. 2–8. – С. 4.

На основании всего вышесказанного сетевые механизмы экономического управления можно определить как принципиально новые формы общественно-функциональных технологий, отличающиеся значительным ускорением процессов управления, получения и обмена информацией за счет использования новейших интернет-технологий, что приводит к изменениям логики поведения субъектов сетевой экономики, усилению экономической, политэкономической и идеологической конкуренции. Сетевые механизмы экономического управления, в основе которых лежат производственные отношения, связанные с получением и использованием информации, усилили значение поведенческой экономики³³⁰, обеспечивая при этом более высокие темпы экономического роста по сравнению с традиционными отраслями информационной экономики. Вместе с тем, значительное упрощение процедур обмена информацией в режиме реального времени и лавинообразный рост социальных контактов породили принципиально новые механизмы экономической и политэкономической конкуренции, упростили применение информационного оружия не только в военных целях, но и в интересах отдельных хозяйствующих субъектов. Все это породило новые финансовые, экономические, социальные, технико-технологические, экологические и иные угрозы, а также вызвало необходимость находить инструменты им противодействовать. В результате всего этого реальностью начала XXI века становится своеобразная «гонка вооружений» в сетевой сфере.

3.4 Сущность понятия «сетевые механизмы инновационного развития»

При выявлении сущности понятия «сетевые механизмы инновационного развития» будем исходить из того, что, как нами уже было установлено, эти механизмы могут быть использованы как в производственных, так и в эгональных целях. Такая когнитивная методологическая предпосылка позволяет рассмотреть вышеназванные механизмы не только в их идеальном (онтологическом) состоянии, но и в феноменологическом состоянии.

Развитие сетевых механизмов экономического управления как принципиально новых форм общественно-функциональных технологий обуславливают трансформацию поведения субъектов сетевой экономики. Как отмечают И. А. Крымский и К. В. Павлов, понятие «сетевая экономика» определяется двумя способами. В первом случае под сетевой эко-

³³⁰ Талер, Р. Новая поведенческая экономика: почему люди нарушают правила традиционной экономики и как на этом зарабатывать / Р. Талер. – Москва : Эксмо, 2018. – 384 с.

номикой понимается «среда, в которой компания или индивид, находящаяся в любой точке экономической системы, могут контактировать легко и с минимальными затратами с любой другой компанией или индивидом по поводу совместной работы, торговли, обмена идеями и ноу-хау или просто для взаимного удовольствия»³³¹. Во втором случае сетевая экономика выступает как «качественно новая форма экономического порядка, которая начинает вытеснять иерархические и рыночные формы из обслуживания экономических отношений в обществе»³³². Оба эти подхода, по нашему мнению, хотя и раскрывают некоторые онтологические особенности сетевой экономики, тем не менее, не могут претендовать на завершённое определение этого понятия, поскольку несут в себе серьёзные методологические погрешности. В обоих представленных подходах отсутствует системная увязка этой экономики как с уже существующими (иногда очень длительное время), так и с новыми (часто быстро развивающимися) формами хозяйствования. В свое время нами уже было доказано, что «экономика, как правило, была и остается многоукладной. При этом, например, рынок выступал одним из социальных инструментов, позволяющих более или менее успешно облегчать жизнь людей, – снижать транзакционные издержки»³³³. Таким образом, в представленных И. А. Крымским и К. В. Павловым подходах отсутствует гносеологическая возможность раскрытия диалектики процесса становления и развития сетевой экономики, влияния ее на сложившийся баланс политико-экономических сил в отдельных государствах и в планетарном масштабе. Таким образом, данная трактовка не может быть положена в основу определения сетевых механизмов инновационного развития, которые являются видовым понятием сетевой экономики.

Методологически перспективным с точки зрения преодоления вышеприведенных «узкоориентированных» определений сетевой экономики для последующего определения концепта «сетевые механизмы инновационного развития» представляется дефиниция А. М. Юнусова. Названный автор трод сетевой экономикой предлагает понимать одну «из сетевых форм организации социально-экономической деятельности в рамках модели рыночной экономики с высоким уровнем информатизации, основанной в активном использовании домохозяйствами, хозяйствующими субъ-

³³¹ Крымский, И. А. Проблемы и перспективы развития электронной экономики в России / И. А. Крымский, К. В. Павлов. – Мурманск : Изд-во Кольского НЦ РАН, 2007. – 200 с. – С. 7.

³³² Там же. – С. 7.

³³³ Солодовников, С. Ю. Теоретико-методологические основы исследования взаимосвязи теории трудовой мотивации и динамики трудовых отношений / С. Ю. Солодовников, Т. В. Сергиевич // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д. Экон. и юрид. науки. – 2016. – № 5. – С. 12–16. – С. 14.

ектами и государством информационных технологий и глобальной электронной сети Интернет в процессах общественного воспроизводства»³³⁴. Следует отметить, что названный автор рассматривает сетевую экономику как форму социально-экономической деятельности, одной из отличительных особенностей которой является функционирование в условиях рыночной модели хозяйствования с высоким уровнем информатизации. Полностью соглашаясь с тезисом о «высоком уровне информатизации», полагаем, что требует пояснения такой признак, как «деятельности в рамках модели рыночной экономики», поскольку не вполне понятно, о какой рыночной экономике идет речь: если в данном случае подразумевается рыночная экономика в беккеровском смысле, т. е. некая идеальная система хозяйствования, в которой абсолютно все подчиняется законам рынка и которая была и остается исключительно продуктом интеллектуальных изысканий экономистов-рыночников, то такая экономика никогда не существовала в реальности. Если же речь идет о той, преимущественно рыночной, капиталистической хозяйственной системе, которая была характерна для западных стран, то следует учитывать, что современная экономика перестает быть рыночной в классическом понимании рынка. Ранее нами уже отмечалось по этому поводу следующее: «Экономика в последние десятилетия претерпевала небывалые изменения, которые радикальным образом изменили ее объект. Сегодня рыночный, административно-командный и иные способы организации экономической жизни правомерно рассматривать как специфические уклады хозяйствования, сосуществующие наряду с другими ее формами»³³⁵. Таким образом, определяя сетевую экономику, не следует привязывать ее только к рыночной модели хозяйствования. Поясним это подробнее.

Как уже отмечалось выше, А. М. Юнусов справедливо предлагает понимать под сетевой экономикой одну из сетевых форм организации социально-экономической деятельности. При таком подходе «сетевая экономика» выступает видовым понятием по отношению к родовому понятию «сетевая форма организации социально-экономической деятельности». В основе последней лежит обмен деятельностью между индивидами, основанный на кооперации. Критерием оптимизации этого обмена является снижение транзакционных издержек. Социальный обмен деятельностью, опосредующий все экономические отношения, тем не менее не сводится

³³⁴ Юнусов, А. М. Теоретические основы формирования и становления сетевой экономики в России : автореф. дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.05 / А. М. Юнусов. – Москва, 2008. – 21 с. – С. 9.

³³⁵ Солодовников, С. Ю. Цивилизация, культура, экономическая система общества и институциональные матрицы: категориальная и реально-онтологическая иерархии / С. Ю. Солодовников // Фотинские чтения. – 2017. – № 2 (8). – С. 14–37. – С. 29.

только к хозяйственной деятельности. Еще П. Б. Струве писал по этому поводу: «Хозяйственным отношением в нашем точном смысле не является всякое отношение между людьми, возникающее по поводу получения и использования ими средств для удовлетворения человеческих потребностей "экономических" средств или "хозяйственных благ". Люди, хозяйствующие в своих хозяйствах, могут по поводу получения хозяйственных благ вступать в отношения и нехозяйственные»³³⁶. Иначе говоря, сетевая форма организации социально-экономической деятельности включает в себя как хозяйственные, так и нехозяйственные отношения. Эта ее содержательная характеристика распространяется и на такой частный случай ее бытийного состояния как сетевые механизмы инновационного развития. При этом облегчение установления кооперационных отношений выступает ее важнейшей характеристикой.

Новейшие интернет-технологии значительно ускорили и упростили сетевые формы кооперации в процессе социально-экономической деятельности индивидов. В результате этого возникла насущная потребность актуализации теоретических представлений о кооперации. Как пишет по этому поводу В. Г. Егоров, «большинство современных исследований по теории кооперации воспроизводит дискурс, заданный прежним опытом освоения темы, исключающий актуализации идеи кооперации в современной рыночной экономике. Необходимость расширения теоретических представлений о кооперации как самостоятельной форме экономических отношений, не утративший востребованность и демонстрирующий эффективность в решении экономических и социальных проблем, стала очевидной. Актуальное прочтение теории кооперации обусловлено необходимостью инкорпорирования кооперативных концептов в современное экономическое знание. <...> Всплеск интереса к кооперативной тематике свидетельствует о новом этапе развития теории и практики коллективных форм организации экономической жизни»³³⁷. Кооперация, не являясь исключительно экономическим и уж тем более рыночным явлением, тем не менее традиционно хорошо вписывается в практику хозяйствования. Как отмечается в монографии «Горизонтальная культура социальных взаимодействий – потенциал развития экономики и общества в XXI веке», опубликованной в 2018 г., «родовая черта кооперации как хозяйственного процесса обеспечивает ее совместимость с рыночной организацией экономики, а ориентация кооперации не только на стоимость и ее проявления – доход, экономия, прибыль, но и на потребительскую стоимость, полез-

³³⁶ Струве, П. Б. Экономическая история России / П. Б. Струве. – Москва : Издательство «Э», 2017. – 576 с. – С. 34.

³³⁷ Егоров, В. Г. Место и роль кооперации в рыночной экономике : теоретический анализ : автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.01 / В. Г. Егоров ; Ярослав. гос. ун-т им. П.Г. Демидова. – Ярославль, 2015. – 51 с. – С. 3.

ность и удовлетворение потребностей, на нетоварные цели – занятость, творческую реализацию, делает кооперационные отношения созвучными современным тенденциям персонализации, демассовизации производства, его ориентацию на потребителя»³³⁸. При этом в названной работе поясняется, что «от иерархических форм организации экономических отношений – фирмы, государства – кооперацию отличают принципы добровольности, демократичности, самоуправления, распределения управленческих полномочий и результатов по критериям личного вклада в деятельность кооперативного объединения»³³⁹.

Говоря о феноменологических особенностях кооперации в современной экономике, Л. П. Васюченко и Т. В. Кузьмицкая заключают: «Особенность постиндустриальных форм кооперации, получивших название коллаборативных, состоит в интерактивном обмене явными и неявными знаниями, создающем совместное видение участниками мер адаптации к изменчивой среде. Благодаря такому видению участники сетей могут более эффективно объединять усилия для создания новых благ и принимать лучшие решения по сравнению с индивидуальными. Это видение постоянно корректируется в ходе взаимных согласований, формируя основу для генерирования инноваций в непрерывном режиме»³⁴⁰.

А. М. Юнусов пишет: «Сетевая экономика является механизмом, встроенным внутрь традиционно сложившейся социально-экономической системы»³⁴¹. Это ее свойство особенно важно, когда происходит «усиление многоукладности в постиндустриальном обществе, сопровождаемое увеличением количества периферийных социально-экономических укладов и ускорением трансформации доминирующих укладов, ведет к значительному усложнению социально-экономических отношений»³⁴². Применительно к объекту нашего исследования это означает, что сущностной характеристикой сетевых механизмов инновационного развития является то, что они способствуют упрощению социально-экономического взаимо-

³³⁸ Горизонтальная культура социальных взаимодействий – потенциал развития экономики и общества в XXI веке / С. Ю. Солодовников [и др.]. – Минск : БНТУ, 2018. – 325 с. – С. 17–18.

³³⁹ Там же. – С. 18.

³⁴⁰ Васюченко, Л. П. Предпосылки ренессанса социально-экономического феномена кооперации / Л. П. Васюченко, Т. В. Кузьмицкая // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Серия: Теория и практика управления. – 2017. – № 18 (23). – С. 198–206. – С. 205.

³⁴¹ Юнусов, А. М. Теоретические основы формирования и становления сетевой экономики в России : автореф. дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.05 / А. М. Юнусов. – Москва, 2008. – 21 с. – С. 11.

³⁴² Солодовников, С. Ю. Социально-экономические факторы, определяющие изменение системы трудовой мотивации в новых социально-экономических и технологических условиях в Беларуси / С. Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2017. – Вып. 5. – С. 296–308. – С. 304.

действия (значительно снижая при этом транзакционные издержки) между традиционными, новыми и новейшими хозяйственными укладами. Расширение использования сетевых механизмов инновационного развития неизбежно привело к теоретическому переосмыслению роли государства в инновационных процессах. «Постепенно, сначала исподволь, а потом и все более явно, уже к концу прошлого века, на смену узко экономическим концепциям, рассматривающим социальные факторы как дополнительные транзакционные издержки, а государство как "невидимую" или "грабящую" руку рынка, приходят социально-институциональные концепции, позволяющие увидеть в социальных экономических отношениях основу функционирования любой национальной экономической модели. Формируется понимание государства как сложного общественного и социально-экономического феномена, выполняющего роль конфигуратора современного рынка»³⁴³. Сетевая экономика, сетевые формы кооперации и сетевые механизмы инновационного развития сегодня немыслимы без государственного конфигурирования социально-экономических процессов в обществе. Последнее особенно важно, поскольку сетевые механизмы организации социально-экономической деятельности могут использоваться как для повышения экономической эффективности общественного воспроизводства (продукционный аспект), так и для улучшения условий реализации эгональных политико-экономических интересов общественных групп, социальных классов и государств. В последнем случае, поскольку речь идет о применении различных типов информационного оружия, то обеспечение надежной защиты от агрессора невозможно без государственной идеологии и информационной поддержки.

Важность такой функции сетевой экономики как согласование экономических интересов признается многими учеными-экономистами. Так, например, Л. Ю. Титов отмечает по этому поводу: «сетевая экономика рассматривается как система организации, регулирования, контроля, правил и форм деятельности субъектов в процессе взаимодействия для согласования разнородных интересов участников, достижения определенной цели, решения конкретных задач»³⁴⁴. Вместе с тем до настоящего времени ученые-экономисты не исследуют значение сетевой экономики, сетевых механизмов инновационного развития и иных близких к ним концептов как инструментов преимущественной реализации эгональных интересов,

³⁴³ Солодовников, С. Ю. Теоретико-методологические основы исследования социального капитала как политико-экономического феномена / С. Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2017. – Вып. 5. – С. 6–56. – С. 7.

³⁴⁴ Титов, Л. Ю. Экономические инновационные структуры и институты сетевого типа: теория и методология : автореф. дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.01 / Л. Ю. Титов. – Орел, 2010. – С. 24.

в том числе и за счет методов нелетального разрушения конкурентов. Исключения составляют только работы маркетологов, которые затрагивают лишь незначительную часть этой проблемы.

Повышение эффективности общественного производства возможно только на базе роста производительности труда, которые сегодня невозможно обеспечить без повсеместного использования интернета вещей и иных цифровых технологий. «Специфика современного общества, основанного на знании, – пишет Е. В. Логинова, – заключается в интегрировании в его рамках информационного и сетевого обществ, так как первое характеризует роль, отводимую информации в процессе социально-экономической эволюции и развитии общественного производства, а второе показывает приоритет сетевых связей при передаче информации субъектам социально-экономических отношений»³⁴⁵. Последнее обстоятельство представляется существенной характеристикой сетевых механизмов инновационного развития как системы. В современной экономике сетевые механизмы инновационного развития, применительно к Индустрии 4.0 описываемые понятием «интернет вещей», позволяют достигнуть следующих результатов: «улучшение технического обслуживания оборудования благодаря более точному прогнозированию уровня износа деталей и момента отказа оборудования; глубокое исследование целевых аудиторий потребителей; более эффективное управление цепочками поставок; исключение вероятности применения контрафактных деталей; повышение безопасности производства за счет автоматического контроля над использованием опасных и вредных веществ; снижение эксплуатационных расходов благодаря автоматическому включению и выключению систем освещения и кондиционирования; оптимизации транспортных маршрутов, а также анализ действий водителей; контроль персонала и идентификация личности, в том числе на территории закрытых объектов; принятие более обоснованных управленческих решений на основе более глубокой аналитики»³⁴⁶. Сегодня рост производительности общественного труда во многом обусловлен интенсивностью развития интернет-технологий и их повсеместным внедрением.

На основании вышесказанного можно охарактеризовать сущность понятия «сетевые механизмы инновационного развития», т. е. содержательно описать сущностные, регулярно повторяющиеся, не случайные связи и отношения в сетевой экономике в процессе создания, распределе-

³⁴⁵ Логинова, Е. В. Сетевая экономика как инновационный фактор модернизации современного российского общества : автореф. дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.01 / Е. В. Логинова ; Волгоградский государственный университет. – Волгоград, 2012. – С. 24.

³⁴⁶ Василенко, Н. Этапы автоматизации услуг в контексте развития экономики / Н. Василенко // Экономист. – 2018. – № 10. – С. 12–19. – С. 17.

ния, перераспределения и использования инновационных ресурсов, обеспечивающих возможность инновационного развития. Сетевые механизмы инновационного развития как экономическая категория – это сетевые формы организации социально-экономической деятельности в экономической, социальной и политической сферах с высоким уровнем информатизации, основанные на активном использовании политико-экономическими и хозяйственными субъектами информационных технологий и глобальной электронной сети Интернет в процессах общественного воспроизводства с целью инновационного развития. При этом инновационные сетевые механизмы экономического управления могут использоваться как в производственных – для повышения эффективности общественного производства, так и в эгональных целях – для обеспечения преимущественной реализации частно-групповых интересов. Сетевые механизмы инновационного развития, являясь принципиально новыми формами общественно-функциональных технологий, встраиваются внутрь традиционно сложившейся социально-экономической системы, сосуществуют с ней и активно влияют на нее в результате значительного ускорения процессов управления, получения и обмена информацией за счет использования новейших интернет-технологий, что усиливает многоукладность экономики (сопровождаемую увеличением количества периферийных социально-экономических укладов и ускорением трансформации доминирующих укладов) и социально-экономическую дифференциацию общества. Сущностной характеристикой сетевых механизмов инновационного развития является то, что они способствуют упрощению социально-экономического взаимодействия (значительно снижая при этом транзакционные издержки) между традиционными, новыми и новейшими хозяйственными укладами. Сетевая экономика, сетевые формы кооперации и сетевые механизмы инновационного развития требуют пересмотра и расширения функций государства как конфигуратора социально-экономических процессов в обществе, в том числе содействие такой новой форме общественной жизнедеятельности как социально-научное сообщество.

3.5 Переход к сетевым механизмам инновационного развития в Республике Беларусь

По нашему мнению, в контексте исследования сетевых механизмов инновационного развития в теоретическо-методологическом плане являются бесплодными как гипотеза о том, что по мере усложнения системы в ней возрастает относительное значение устойчивых, сущностных, регулярно

повторяющихся связей и отношений, так и гипотеза о том, что в этой системе должна возрастать роль случайных, хаотических процессов, т. е. происходить прямо противоположные процессы. Сегодняшнее быстрое и часто непредсказуемое усложнение социальных систем требует теоретико-методологического решения, не противопоставляющего порядок и хаос, а раскрывающего сложную природу их взаимодействия. Поэтому развить теоретико-методологические основы сетевых механизмов инновационного развития возможно за счет последовательного применения выше упомянутого нами закона иерархической компенсации Е. А. Седова.

Опираясь на вышесказанное, можно конкретизировать понятие системного подхода в контексте развития теоретико-методологических основ сетевых механизмов инновационного развития в Республике Беларусь следующим образом: системный подход – это последовательное и комплексное рассмотрение объекта не как изолированной от внешнего воздействия, а как полузакрытой, но с приближением к открытой системы, в которой постоянно происходит изменение соотношения упорядоченных и хаотических процессов, оказывающих значительное влияние на усиление или ослабление жизнеспособности самой этой системы, экономики, общества в целом и его отдельных сфер (социальной, духовной, культурной, политической, демографической и т. д.). Последовательное и комплексное рассмотрение сетевых механизмов инновационного развития феноменологически, т. е. в реальных экономиках (например, в Республике Беларусь) требует предварительно определиться с исходными категориями и понятиями (т. е. содержательно определить сетевые механизмы онтологически), показать общие и особенные причины, условия, предпосылки, порождающие эти механизмы, их историческую обусловленность, генезис и тенденции движения. Последнее невозможно раскрыть по существу, не выявив потребности и интересы, которые вызывают необходимость существования и реализуются посредством сетевых механизмов инновационного развития, а также не определив социальных субъектов, вовлеченных и/или порожденных этим процессом. Это позволит установить функциональные цели этих субъектов, а также материальные и социальные инструменты реализации этих целей, бытийные формы и идеальные способы осуществления соответствующей деятельности социально-институциональных субъектов.

При последовательном применении системного подхода для развития теоретико-методологических основ сетевых механизмов инновационного развития в Республике Беларусь требуется не только выработать идеальные модели и нормы, регулирующие функционирование данных механизмов, а также проводить постоянный мониторинг этого процесса, регулируя направления, темпы и инструменты этого развития с учетом господствующей в обществе идеологии, социально-экономических целей

общественного развития, технико-технологического уровня национальной экономики и места страны в международном разделении труда.

Феноменологическое рассмотрение сетевых механизмов инновационного развития в Республике Беларусь в качестве важнейшего этапа включает в себя выявление и содержательную характеристику факторов, обуславливающих необходимость перехода к сетевым механизмам инновационного развития в нашей стране. При этом необходимо учитывать то, что «любое реальное общественное явление не может быть первоначально рассмотрено в статике, а затем уже в динамике, поскольку и происхождение, и функционирование, и изменение любых социальных объектов это непрерывный, не прекращающийся ни на мгновение процесс (именуемый жизнью), который можно лишь с рядом оговорок и для определенных научных целей разделять на некие идеальные периоды или состояния»³⁴⁷. Такое методологическое примечание предполагает, что вышеназванные факторы будут не только предопределять необходимость перехода к сетевым механизмам инновационного развития, но и, эволюционируя в процессе этого перехода, будут продолжать оказывать влияние (иногда противоречивое) на эти механизмы.

В качестве факторов, обуславливающих необходимость перехода к сетевым механизмам инновационного развития в Республике Беларусь, выступают:

во-первых, ускорение научно-технического прогресса и порождаемые этим процессом новые вызовы и угрозы. Как известно, НТП представляет собой поступательное движение науки и технологий, приводящее как к эволюционному, так и к революционному развитию технико-технологических и организационно-управленческих факторов производства на основе познания природы и общества. Эта закономерность развития материального производства под воздействием объективных (объектных и субъектных) факторов сопровождается все большим ускорением НТП, переходом его в НТР и выходом на такую, невероятную еще вчера, скорость развития, соответствовать которой можно только используя и постоянно совершенствуя сетевую экономику вообще и сетевые механизмы инновационного развития в нашей стране. «Происходящие изменения социально-структурных отношений в современном информационном обществе, динамика взаимодействия социальных, политических групп и элит, их ценностных ориентаций и моделей поведения обуславливают пристальный интерес исследователей самых различных сфер науки к механизмам и способам управленческого воздействия на обще-

³⁴⁷ Солодовников, С. Ю. Классы и классовая борьба в постиндустриальном обществе: методологические основы политико-экономического исследования / С. Ю. Солодовников. – Минск: БНТУ, 2014. – 379 с. – С. 117.

ство»³⁴⁸. Ранее нами уже отмечалось, что «современный этап научно-технического прогресса ставит в XXI веке перед страной ряд вызовов, адекватный ответ на которые сможет предопределить: значительный рост качества социального уровня белорусского общества; повышение эффективности белорусской экономики за счёт ускоренного накопления высокоинтеллектуального человеческого капитала и усиление конкурентоспособности отечественных товаров и услуг; значительное увеличение доли интеллектуально-ёмких и высокотехнологичных хозяйственных укладов. Главным инструментом при этом в ближайшие годы должна стать государственная социально-экономическая политика, ориентированная на обеспечение 100% прироста ВВП за счёт вклада науки и на дальнейший рост инновационной и инвестиционной активности отечественных субъектов хозяйствования всех форм собственности»³⁴⁹. Необходимо также учитывать, что «для Республики Беларусь, которая не обладает значительными собственными запасами сырьевых ресурсов, в условиях осуществления социально-экономических реформ, ориентированных на построение и развитие социально-ориентированной рыночной экономики с включением в систему мирохозяйственных связей и, в том числе через вступление в ВТО, проблема повышения роли науки в обществе, увеличения и обновления научно-технического потенциала будет в ближайшие годы особенно актуальной»³⁵⁰. Ускорение НТП вызывает необходимость перехода к сетевым механизмам инновационного развития не только в части развития IT-технологий, но и иных сетевых механизмов. В Республике Беларусь ускорение НТП проявляется сегодня на макро-, микро-, региональном и отраслевом уровнях.

Следует также учитывать, что «как свидетельствует история, социальные противоречия в обществе неизбежно возрастают при переходе к новому технологическому укладу. В нашем случае – это переход к постиндустриальному укладу путем преимущественно инновационного развития республики»³⁵¹. Как отмечают исследователи, «в настоящее время характерной чертой глобализационных процессов является возрастание и интенсификация межкультурных информационных взаимодействий, след-

³⁴⁸ Солодовникова, Т. В. Теоретико-методологические основы прагматических и структурно-семантических характеристик дискурса социальной, политической и коммерческой рекламы [Электронный ресурс] / Т. В. Солодовникова // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. – 2019. – № 1 (45). – Режим доступа: <http://scipress.ru/philology/articles/teoretiko-metodologicheskie-osnovy-pragmaticheskikh-i-strukturno-semanticheskikh-kharakteristik-diskursa-sotsialnoj-politicheskoy-i-kommercheskoj-reklamy.html> – Дата доступа: 09.01.2019.

³⁴⁹ Солодовников, С. Ю. Мировые технологические тенденции и социально-экономический рост Республики Беларусь: итоги, проблемы, перспективы / С. Ю. Солодовников // Вестник КРАГСнУ. Серия «Теория и практика управления». – 2007. – № 5 (10). – С. 4–15. – С. 5.

³⁵⁰ Солодовников, С. Ю. Социально-экономические условия перехода Республики Беларусь к постиндустриальному обществу / С. Ю. Солодовников // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2007. – Т. 9. – № 2. – С. 443–448. – С. 443.

³⁵¹ Там же. – С. 445.

ствии которых могут возникать риски для национальной безопасности, в том числе и те, которые могут быть охарактеризованы как элементы информационных войн»³⁵². Это порождает новые риски и угрозы национальной и социальной безопасности. Для их снижения следует использовать сетевые формы кооперации, способствующие возрастанию степени общественного доверия, развития взаимопомощи, благотворительности и т. д. за счет инновационных видов социального взаимодействия. Примером инновационной формы взаимодействия является коллаборация, которая «способствует наращиванию социального человеческого капиталов и получению социально-экономических выгод на этой основе»³⁵³. Положительные эффекты от коллаборации во многом достигаются за счет взаимного доверия между ее участниками;

во-вторых, глобальная технологическая неопределенность и порождаемая ею высокая неопределенность технико-технологических прогнозов. В результате этого процесса возникает множество дополнительных рисков и угроз на всех уровнях: межгосударственном, макро-, микро-, региональном и отраслевом уровне. Последствия названных рисков могут быть снижены за счет широкого использования сетевых механизмов, поскольку последние значительно ускоряют внедрение новейших технологий, тем самым снижая издержки, являющиеся следствием ошибок, неизбежно возникающих при прогнозировании направлений НТП и перспективных технологий. Именно поэтому правомерно говорить о существующей глобальной технологической неопределенности как факторе, обуславливающей необходимость перехода к сетевым механизмам инновационного развития в Республике Беларусь;

в-третьих, возрастание роли идеологического фактора, в том числе идеологии модернизации экономики и общественной жизни. Это обусловлено тем, что народу и элитам необходимо четко осознавать, в каком направлении мы будем двигаться и как (за счет чего). В первой главе нами показано, что на выбор модели хозяйствования решающее влияние оказывает господствующая идеологическая доктрина.

³⁵² Солодовникова, Т. В. Теоретико-методологические основы изучения межкультурных информационных взаимодействий / Т. В. Солодовникова // Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам : материалы XII Международ. науч. конф., посвящ. 97-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 26 окт. 2018. г. / БГУ, ФМО; редкол. : В. Г. Шадульский (пред.) [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2018. – С. 107–108.

³⁵³ Сергиевич, Т. В. Методическое обеспечение повышения экономической эффективности воспроизводственного цикла предприятия по производству товаров интенсивного обновления / Т. В. Сергиевич // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2017. – Вып. 6. – С. 91–107. – С. 93.

В современном обществе постоянно увеличивается значение идеологии не только как важного фактора конкурентоспособности национальной экономики, но и как средства подрыва конкурентоспособности стран-конкурентов (за счет «экспорта» разрушительных идеологических доктрин, концептов, клише, штампов и т. д., выступающих важнейшими формами современной информационной войны). Кроме того, сегодня расширяется использование информационного оружия в интернете. Все это обуславливает необходимость постоянного развития новых сетевых механизмов защиты в этой сфере позитивной (гуманистической) идеологии, ориентированной на инновационное развитие Республики Беларусь с сохранением модели социального государства.

Как нами отмечалось ранее, в современных условиях «реальностью становятся интеллектуально-идеологические войны, когда принцип "кто не хочет кормить своих гуманитариев, тот будет кормить чужих гуманитариев и чужую армию" перестает быть преувеличением»³⁵⁴. Сегодня «существует несколько подходов, эксплицирующих суть происходящих явлений с различных точек зрения: одни специалисты говорят о доминировании властных структур и расширении "всепопнадзорности" (Т. ван Дейк, "паноптикум" М. Фуко), другие пишут о формировании подлинно демократичного типа общественного устройства, третьи – о появлении высокообразованной интеллектуальной элиты, на фоне которой все остальные субъекты общественного взаимодействия страдают от информационного шума в виде разного рода сообщений, спама, рекламы и идеологической пропаганды»³⁵⁵. Защита национальной идеологии, наряду с противодействием агрессорам в интернете как способа противостояния угрозам национальной, социальной и экономической безопасности, требует также развития традиционных сетевых механизмов (например, развитие кооперации в сельской местности и малых населенных пунктах, создание сетей по интересам и т. д.) как важнейших форм формирования и развития социального капитала на всех уровнях белорусского общества. Поскольку именно социальный капитал (как показано нами во второй главе, возникающий в межсубъектных отношениях, основанный на росте

³⁵⁴ Солодовников, С. Ю. Новая парадигма инновационного развития белорусской экономики и подходы к ее формированию / С. Ю. Солодовников // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д. Экон. и юрид. науки. – 2011. – № 14. – С. 2–8. – С. 6.

³⁵⁵ Солодовникова, Т. В. Экономический дискурс и информационная революция в Беларуси: общее, особенное и единичное / Т. В. Солодовникова // Наука – образованию, производству, экономике: материалы XXIII (70) Региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов, Витебск, 15 февраля 2018 г. : в 2 т. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: И.М. Прищепа (гл. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2018. – Т. 1. – С. 375–376.

степени взаимного доверия) способствует устойчивости социума. Все это влияет на возрастание роли идеологического фактора как фактора, обуславливающего необходимость перехода к сетевым механизмам инновационного развития в Республике Беларусь;

в-четвертых, в современных политико-экономических условиях комплексное действие трех вышеназванных факторов, обуславливающих необходимость перехода к сетевым механизмам инновационного развития в Республике Беларусь, порождают действие четвертого фактора – возрастания роли общественно-функциональных инноваций. Последнее детерминировано как производственными, так и эгональными причинами. Производственная составляющая порождается необходимостью обеспечить максимально эффективное общественное производство по критерию результата от затрат хозяйственных ресурсов. Производственная эффективность может рассматриваться на уровнях: общества в целом, отраслей, регионов, отдельных предприятий. Клиентоориентированность промышленной продукции определяет направления изменения бизнес-процессов, в том числе и самих производственных процессов, делая его более гибким и специализированным. «Технологи же четвертой промышленной революции обеспечивают возможность все более глубоко взаимопроникновения бизнес-процессов на фоне их автоматизации и непрерывного контакта производителей и потребителей, в результате трансформируются традиционные и возникают новые формы производства и торговли»³⁵⁶. Эти и многие другие производственные задачи в принципе невозможно решить без развития общественно-функциональных инноваций – постоянно совершенствующихся форм и способов организации производства, распределения и продажи товаров и услуг. Достичь этого можно только на основе перехода в Беларуси к массовому использованию сетевых механизмов инновационного развития, быстрому развитию 5G сетей. На сегодняшний день мобильная связь пятого поколения является условием внедрения в производство промышленного интернета вещей, который «наравне с иными услугами промышленного характера, позволяет по-новому организовать цепочку создания добавленной стоимости промышленной продукции, принципиально меняя как сам процесс изготовления продукции, так и процесс ее реализации, а также порядок взаимодействия субъектов на протяжении всей цепочки»³⁵⁷.

³⁵⁶ Мелешко, Ю. В. Значение услуг промышленного характера в повышении конкурентоспособности промышленных предприятий (в контексте четвертой промышленной революции) / Ю. В. Мелешко // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2017. – Вып. 6. – С. 64–78. – С. 74.

³⁵⁷ Мелешко, Ю. В. Перспективы развития рынка интернета вещей в Республике Беларусь / Ю. В. Мелешко // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2018. – Вып. 7. – С. 49–62. – С. 51.

Эгональная сторона в использовании общественно-технологических инноваций обуславливается тем, что все индивиды, общественные группы и социальные классы проявляют свою активность с целью реализации своих интересов. Социальные сети, иные способы воздействия через интернет и традиционные СМИ (например, фейковые новости) все чаще используются Манипулятором для реализации своих интересов. Соответственно, возрастает потребность в постоянном совершенствовании сетевых механизмов защиты от подобной агрессии. Эгональные интересы коммерческих организаций и предпринимателей побуждают последних в погоне за добавленной стоимостью и прибылью все шире использовать сетевые механизмы инновационного развития. Исходя из этого, правомерно говорить о возрастании роли общественно-функциональных инноваций как о факторе, обуславливающем необходимость перехода к сетевым механизмам инновационного развития в Республике Беларусь.

Практические результаты действия вышеназванных факторов, обуславливающих необходимость перехода к сетевым механизмам инновационного развития в Республике Беларусь, будут определяться следующими условиями: 1) степень развития 5G сетей; 2) налоговая нагрузка (налоговые льготы) на предприятиях, внедряющих новые и новейшие технологии; 3) темпы развития университетского образования и науки. Успешность реализации концепции Университет 3.0; 4) изменение доли затрат на науку и образование в структуре ВВП; 5) новые вызовы и угрозы национальной, социальной, экономической, информационной и технологической безопасности; 6) формирование и развитие социально-научного сообщества, усиление социального капитала науки, в том числе в выработке национальной идеологии и программ по модернизации народного хозяйства; 7) международные санкции и контрсанкции и их неоднородность (могут применяться санкции к отдельным членам ЕАЭС, например, к Российской Федерации, и, соответственно, контрсанкции будут распространяться со стороны Российской Федерации не на всех членов ЕАЭС).

Сегодня глобальная экономика завершает переход в новую стадию развития – экономику рисков. В результате этого все большее количество ученых-экономистов начинают говорить о проблеме адаптивности национальных экономик и хозяйствующих субъектов к быстрым и нередко непредсказуемым изменениям окружающей среды. А. Л. Подгайский даже сформировал соответствующий категорический императив критериев нового качества экономического роста: «Способность адаптироваться к любым изменениям превращается в "критерий истины" активности всякого хозяйствующего субъекта, определяющий его шанс на выживание и перспективы развития. Это свойство становится ключевым проявлением качества функционирования и развития любой системы: будь то предприятие, отрасль, национальная экономика. Новые реалии

превращает [превращают] способность к адаптации в главный критерий качества экономического роста, как интегрального проявления гибкости домохозяйств, предприятий и национально-экономических комплексов»³⁵⁸. Оговоримся, что, по нашему мнению, данное высказывание названного автора излишне упрощает сложную проблему оценки качества экономического роста, сводя ее лишь к одному «ключевому» признаку, тем самым переводя в разряд второстепенных такие важные признаки, как используемые технологии, устойчивое развитие и т. д. Вместе с тем при развитии теоретико-методологических основ сетевых механизмов инновационного развития способность названных механизмов повышать адаптивность национальной экономики, ее секторов и отраслей требует понятной определенности.

При этом необходимо учитывать, что для Беларуси в процессе становления и совершенствования сетевых механизмов инновационного развития нельзя опускать такое важное обстоятельство, как развитость традиционных, в том числе старопромышленных, укладов экономики. Без учета исторической обусловленности, генезиса и тенденций движения этих производств невозможно создать практико-ориентированную теорию сетевых механизмов инновационного развития. Белорусская экономика сегодня критически зависима от состояния традиционных промышленных гигантов, как, например: Минский автомобильный завод, Минский тракторный завод, Белорусский автомобильный завод и т. д. Дальнейшее развитие этих производств, повышение их адаптивности к новым глобальным и региональным экономическим вызовам и угрозам невозможно без опережающего использования ими сетевых механизмов инновационного развития. В связи с этим становится важным в теоретико-методологическом и практическом плане проведение исторического анализа развития используемых ими технологий и организационных решений, а также учет полученных при этом результатов при выборе инструментов и темпов цифровизации традиционных промышленных производств не только исходя из экономической и технологической целесообразности, но и в контексте их исторических, культурных и социально-институциональных особенностей. В Беларуси уже сегодня на ряде предприятий, которые принято относить к традиционным секторам экономики, осуществляется переход «на инновационный путь раз-

³⁵⁸ Подгайский, А. Л. Феномен социально-экономической диверсификации в контексте постиндустриального развития экономики / А. Л. Подгайский // Ключевые факторы и актуальные направления постиндустриального развития экономики Беларуси : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 24-25 апреля 2014 г., г.Минск / Институт экономики НАН Беларуси. – Минск : Право и экономика, 2014. – С 148–150. – С. 148.

вития на основе технологизации производства и цифровизации ее [их] производственных и бизнес-процессов»³⁵⁹.

Как известно, в современной экономике новейшие «технологии меняют правила ведения бизнеса. <...> Линейный бизнес, основанный на цепочке создания стоимости, уступает место нелинейной конфигурации <...>. Эффективность новой конфигурации <...> возникает на основе не только применения новых идей, технологий, товаров и услуг за счет совместного использования активов, ресурсов и знаний многих участников»³⁶⁰. В данном случае речь идет о расширении роли в экономике сетевых механизмов. Высокая динамичность промышленных бизнес-процессов, обусловленная технологической неопределенностью и необходимостью быстро перестраиваться в соответствии с требованиями рынка и клиентов, требует отказаться от жестких организационных структур. Таким образом, «происходит переход от предприятий полного цикла к промышленным сетевым структурам»³⁶¹.

Решение проблемы расширения сетевых механизмов инновационного развития в Беларуси невозможно без дальнейшего совершенствования теоретико-методологических основ этого процесса с последовательным рассмотрением национальной экономики как динамичной системы, состоящей из различных технико-организационных и политико-экономических укладов, зачастую значительно различающихся как своими интересами, так и формами их реализации. В теоретико-методологическом плане необходимо выработать такие инструменты широкого использования сетевых механизмов инновационного развития, которые обеспечили бы быстрое проведение новой индустриализации во всех сегментах национальной экономики, не допуская при этом разрушения белорусской государственности, возрастания социальной напряженности и соответствовали бы базовым ценностям белорусского общества и Конституции Республики Беларусь.

Таким образом, с учетом современных гносеологических тенденций в качестве теоретико-методологических принципов исследования и моделирования сетевых механизмов инновационного развития в Республике Беларусь выступает системный подход, т. е. последовательное и комплексное рассмотрение объекта не как изолированной от внешнего воз-

³⁵⁹ Сергиевич, Т. В. Технологизация в современной экономике: на примере производства товаров интенсивного обновления / Т. В. Сергиевич // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ, 2019. – Вып. 9. – С. 192–199. – С. 194.

³⁶⁰ Розпнова, Н. Цифровая экосистема как новая конфигурация бизнеса в XXI веке / Н. Розпнова // Общество и экономика. – 2019. – № 2. – С. 14–29. – С. 15.

³⁶¹ Мелешко, Ю. В. Сети как новые формы организации производства в неиндустриальной экономике [Электронный ресурс] / Ю. В. Мелешко // Актуальные проблемы развития современного общества: Сб. науч. тр. Межвузовского науч. сем. 17 мая 2019 г. Научное электронное издание / Санкт-Петербургский горный университет. СПб, 2019. – С. 201–205. – С. 201.

действия, а как полузакрытой, но с приближением к открытой системы, в которой постоянно усиливаются синергетические процессы, порождаемые эволюцией сетевых технологий, развитием экономики рисков, возникновением новых вызовов для традиционных (в том числе старопромышленных) производств. Необходимо проводить постоянный мониторинг, направленный на выявление динамики потребностей и интересов политико-экономических и хозяйственных субъектов, задействованных в этом процессе, а также материальных и социальных технологий реализации названных интересов.

ГЛАВА 4. ИНДУСТРИЯ 4.0 И МОДЕРНИЗАЦИЯ БЕЛОРУССКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

4.1 Генезис понятия «Индустрия 4.0»

Новая индустриализация сегодня становится приоритетным направлением развития для многих стран. Глобальные финансово-экономические кризисы, произошедшие в начале XXI века, продемонстрировали степень уязвимости национальных экономик, развитие которых основано на спекулятивных услугах банковского и биржевого секторов. В то же время опыт Германии убедительно подтверждает, что конкурентоспособная экспортоориентированная промышленность и услуги промышленного характера являются наиболее устойчивыми к кризисным явлениям. Ужесточение международной конкуренции, обусловленное геополитической нестабильностью и сменой технологических укладов, требует выработки новых подходов к обеспечению конкурентоспособности промышленной продукции. На фоне четвертой промышленной революции основным направлением развития современного промышленного производства становится цифровизация. Эта тенденция уже прочно закрепилась на уровне государственных программных документов в США («Промышленный ренессанс»), в Китае («Производство 2025» или «Интернет плюс»), в Германии («Промышленность 4.0» или «Промышленная революция 4.0»), во Франции («Креативная индустрия» или «Индустрия будущего»).

Республика Беларусь сегодня активно строит экономику сверхиндустриального типа. В связи с этим интерес представляет опыт стран, успешно реализующих стратегию приоритетного развития промышленности. Наиболее ярким примером построения сверхиндустриальной экономики на сегодняшний день является Федеративная Республика Германия, развивающая высокотехнологичную наукоёмкую индустрию опережающими темпами и осуществляющая четвертую промышленную революцию под эгидой инициативы «Индустрия 4.0».

Термин «Индустрия 4.0» стал общеизвестным в 2011 году, когда на Ганноверской выставке был озвучен доклад «Индустрия 4.0: с Интернетом вещей на пути к 4-й промышленной революции»³⁶². Инициатива под названием «Индустрия 4.0» была разработана ассоциацией представите-

³⁶² Kagermann, H. Industrie 4.0: Mit dem Internet der Dinge auf dem Weg zur 4. industriellen Revolution [Elektronische Quelle] / H. Kagermann, W.-D. Lukas, W. Wahlster // VDI Nachrichten. – Zugriffsmodus: <https://www.vdi-nachrichten.com/Technik-Gesellschaft/Industrie-40-Mit-Internet-Dinge-Weg-4-industriellen-Revolution>. – Zugriffsdatum: 25.07.2018.

лей бизнеса, политики и научных кругов как подход к усилению конкурентоспособности немецкой обрабатывающей промышленности. Федеральное правительство Германии поддержало эту идею, объявив, что Индустрия 4.0 станет неотъемлемой частью инициативы «Стратегия высоких технологий 2020 для Германии», направленной на лидерство в сфере технологических инноваций. Впоследствии сформированная при федеральном правительстве рабочая группа Индустрии 4.0 разработала первые рекомендации по внедрению, которые были опубликованы в апреле 2013 года³⁶³. Как справедливо отмечают П. Орехин и Н. Улянов, «изначально локальный страновой бренд программы перехода на новую организацию промышленного производства "Индустрия 4.0" плавно распространился по миру и стал обозначать в целом четвертую промышленную революцию»³⁶⁴.

В последнее время термин «Индустрия 4.0» привлекает все больше внимания как ученых-теоретиков, так и практиков. С. А. Афонцев указывает на острые дискуссии вокруг феномена Индустрии 4.0: «Точки зрения на его перспективы и влияние на состояние современного мира часто диаметрально противоположны: от представления о том, что это чисто идеологическая и предвыборная инициатива, характерная для отдельных стран, до утверждения, что это новая парадигма технологического развития современного мира, на которой в ближайшие десятилетия будет строиться будущее мировой экономики»³⁶⁵.

Науковеды отмечают, что «по-прежнему не хватает общепризнанных научных статей из журналов, конференций или книг»³⁶⁶, посвященных теме Индустрия 4.0. М. Бреттель, Н. Фридрихсен, М. Келлер и М. Розенберг пишут, что «термин "Индустрия 4.0" в основном используется в научно-популярной литературе и до сих пор не использовался в науч-

³⁶³ Kagermann H. Deutschlands Zukunft als Produktionsstandort sichern. Umsetzungsempfehlungen für das Zukunftsprojekt Industrie 4.0. Abschlussbericht des Arbeitskreises Industrie 4.0 [Elektronische Quelle] / H. Kagermann, W. Wahlster, J. Helbig // Promotorengruppe Kommunikation der Forschungsunion Wirtschaft – Wissenschaft // Bundesministerium für Bildung und Forschung. April 2013. – 116 s. – S. 21. – Zugriffsmodus: https://www.bmbf.de/files/Umsetzungsempfehlungen_Industrie4_0.pdf. – Zugriffsdatum: 08.08.2018.

³⁶⁴ Орехин, П. Цифровизация идет пунктиром / П. Орехин, Н. Улянов // Эксперт. – 2019. – № 22. – С. 28–31.

³⁶⁵ Белова, Л. Г. Индустрия 4.0: возможности и вызовы для мировой экономики / Л. Г. Белова, О. М. Вихорева, С. Б. Карловская // Вестник моковского университета. Серия 6. Экономика. – 2018. – №3. – С. 167–183. – С. 168.

³⁶⁶ Past, present and future of Industry 4.0 – a systematic literature review and research agenda proposal [Electronic resource] / Y. Liao, F. Deschamps, E. de Freitas Rocha Loures & Luiz Felipe Pierin Ramos // International Journal of Production Research. – Published online: 28 March 2017. – Mode of access: <http://dx.doi.org/10.1080/00207543.2017.1308576>. – Date of access: 10.05.2019.

ной литературе»³⁶⁷. В статье «Past, present and future of Industry 4.0 – a systematic literature review and research agenda proposal»³⁶⁸ приведен анализ наиболее часто цитируемых литературных источников по теме «Индустрия 4.0». Авторами статьи было выявлено несколько важных аспектов, позволяющих представить степень проработанности рассматриваемой проблемы. Во-первых, географически основная часть исследований Индустрии 4.0 сосредоточена в Европейском союзе (83,0% анализируемых источников), в частности в Германии, Испании и Австрии. Германия является абсолютным лидером в исследованиях Индустрии 4.0 (57,1% анализируемых источников), а англоязычная и немецкоязычная версии заключительного отчета рабочей группы Индустрия 4.0³⁶⁹ является наиболее цитируемой ссылкой: «Более 40% включенных статей использовали его для поддержки своих описаний Industry 4.0»³⁷⁰. Китай, являясь одним из мировых производственных центров, также проявляет большой интерес к исследованиям в области Индустрии 4.0. Среди стран Северной и Южной Америки, Африки и Океании исследования по теме Индустрии 4.0 проводят только США и Австралия.

Во-вторых, большинство исследований сосредоточены на изучении узких предметных областей, таких как, например, облачные технологии, промышленные беспроводные сети, стандарты, интеграционные технологии, виртуальная инженерия, информационные системы, стратегии компаний, предоставление услуг, модели жизненного цикла, повсеместно распространенные вычислительные технологии и агентные технологии³⁷¹. Упомянутый выше заключительный отчет рабочей группы Индустрия 4.0 представляется наиболее комплексной работой по данной тематике,

³⁶⁷ How Virtualization, Decentralization and Network Building Change the Manufacturing Landscape: An Industry 4.0 Perspective / M. Brettel, N. Friederichsen, M. Keller, M. Rosenberg // International Scholarly and Scientific Research & Innovation. – 2014. – № 8(1). – Pp. 37–44. – P. 40.

³⁶⁸ Past, present and future of Industry 4.0 – a systematic literature review and research agenda proposal [Electronic resource] / Y. Liao, F. Deschamps, E. de Freitas Rocha Loures & Luiz Felipe Pierin Ramos // International Journal of Production Research. – Published online: 28 March 2017. – Mode of access: <http://dx.doi.org/10.1080/00207543.2017.1308576>. – Date of access: 10.05.2019.

³⁶⁹ Kagermann H. Deutschlands Zukunft als Produktionsstandort sichern. Umsetzungsempfehlungen für das Zukunftsprojekt Industrie 4.0. Abschlussbericht des Arbeitskreises Industrie 4.0 [Elektronische Quelle] / H. Kagermann, W. Wahlster, J. Helbig // Promotorengruppe Kommunikation der Forschungsunion Wirtschaft – Wissenschaft // Bundesministerium für Bildung und Forschung. April 2013. – 116 s. – S. 21. – Zugriffsmodus: https://www.bmbf.de/files/Umsetzungsempfehlungen_Industrie4_0.pdf. – Zugriffsdatum: 08.08.2018.

³⁷⁰ Past, present and future of Industry 4.0 – a systematic literature review and research agenda proposal [Electronic resource] / Y. Liao, F. Deschamps, E. de Freitas Rocha Loures & Luiz Felipe Pierin Ramos // International Journal of Production Research. – Published online: 28 March 2017. – Mode of access: <http://dx.doi.org/10.1080/00207543.2017.1308576>. – Date of access: 10.05.2019.

³⁷¹ Там же.

носящей однако характер практических рекомендаций правительству и представителям бизнеса Германии, а не научного труда. Явно выраженная практическая направленность исследований Индустрии 4.0 проявляется и в том, что «академические исследования Индустрии 4.0 проводятся университетами (около двух третей) при сотрудничестве компаний и исследовательских центров»³⁷². Наибольшее количество исследовательских работ было подготовлено сотрудниками Рейнско-Вестфальского технического университета г. Ахена (RWTH Aachen University), Института оптроники, системных технологий и эксплуатации изображений Фраунгофера (Fraunhofer Institute of Optronics, System Technologies and Image Exploitation) и предприятия Siemens AG. Большинство авторов, исследующих Индустрию 4.0, являются специалистами в области технических наук.

Таким образом, несмотря на возрастающий интерес в научном сообществе к Индустрии 4.0, большинство проводимых исследований связано с федеральной инициативой развития промышленности Германии и направлены на поиск решений технических проблем развития Индустрии 4.0. М. Герман отмечает, что «благодаря многочисленным вкладам ученых и практиков значение этого термина (*Индустрия 4.0 – примечание примечание авторов*) стало скорее размытым, чем конкретным (Bauernhansl et al., 2014, стр. V). Даже ключевые пропагандисты идеи, "Рабочая группа Индустрия 4.0" и "Платформа Индустрия 4.0", описывают только видение, основные технологии, на которые нацелена идея, и отдельные сценарии (сравните Kagermann et al., 2013, p. 5; Plattform Industrie 4.0, 2014), но не дают четкого определения»³⁷³.

Теоретико-методологический аспект Индустрии 4.0 как нового типа промышленного производства был разработан рабочей группой лишь в той мере, которая была необходима для определения базовых понятий, используемых в дальнейшем при разработке практических рекомендаций. Социально-экономические последствия становления Индустрии 4.0, такие как, например, трансформация цепочек создания добавленной стоимости, изменение характера взаимодействия ее участников, в том числе малых и средних предприятий с крупными промышленными корпорациями, изменение производственного процесса в виду кастомизации продукции, переход к рентабельному производству единичной продукции, возникновение новых форм создания добавленной стоимости и новых

³⁷² Past, present and future of Industry 4.0 – a systematic literature review and research agenda proposal [Electronic resource] / Y. Liao, F. Deschamps, E. de Freitas Rocha Loures & Luiz Felipe Pierin Ramos // International Journal of Production Research. – Published online: 28 March 2017. – Mode of access: <http://dx.doi.org/10.1080/00207543.2017.1308576>. – Date of access: 10.05.2019.

³⁷³ Mario, H. Design Principles for Industrie 4.0 Scenarios: A Literature Review / H. Mario, T. Pentek, B. Otto. // WorkingPaper. Dortmund: Technische Universität Dortmund and Audi Stiftungslehrstuhl Supply Net Order Management. – 2015.

бизнес-моделей, обозначены лишь в самых общих чертах. До сих пор системное исследование Индустрии 4.0 как экономической категории не проводилось, отсутствует общепринятое научное определение Индустрии 4.0, не изучены особенности экономических отношений, возникающих в процессе становления, функционирования и развития Индустрии 4.0.

В одних случаях под Индустрией 4.0 понимают совокупность технологий четвертой промышленной революции, используемых в промышленном производстве. В Национальной промышленной стратегии 2030, представленной Федеральным министерством экономики и энергетики Германии, Индустрия 4.0 рассматривается как одна из современных технологий – «комбинации машины и Интернета»³⁷⁴ наравне с нано-, биотехнологиями, квантовыми компьютерами. Другие используют термин «Индустрия 4.0» для обозначения промышленного производства, основанного на киберфизических системах. Р. Драт и А. Хорх отмечают, что «термин Индустрия 4.0 относится к четвертой промышленной революции и часто понимается как применение общей концепции киберфизических систем (CPS) <...> к системам промышленного производства (Cyber Physical Production Systems, CPPS)»³⁷⁵. Широкое распространение получил подход, в рамках которого Индустрия 4.0 рассматривается как триада цифрового производства, цифровых услуг и цифровых бизнес-моделей. Такого подхода придерживаются авторы заключительного отчета рабочей группы Индустрия 4.0 «Обеспечить будущее Германии как места производства. Рекомендации по внедрению проекта Индустрия 4.0»³⁷⁶, ставшего отправной точкой для большинства исследователей феномена Индустрии 4.0, что и обуславливает распространенность этого подхода в научной литературе.

Несмотря на некоторые разногласия в трактовках «Индустрии 4.0», все исследователи признают связь данного понятия непосредственно с процессом производства и новыми цифровыми технологиями, в частности,

³⁷⁴ Nationale Industriestrategie 2030. Strategische Leitlinien fuer eine deutsche und europaeische Industriepolit [Elektronische Quelle] // Bundesministerium für Wirtschaft und Energie. – 20 S. – S. 10. – Zugriffsmodus: https://www.bmwi.de/Redaktion/DE/Publikationen/Industrie/nationale-industriestrategie-2030.pdf?__blob=publicationFile&v=24. – Zugriffsdatum: 08.05.2019.

³⁷⁵ Drath, R. Industrie 4.0 – hit or hype? / R. Drath, A. Horch // IEEE Industrial Electronics Magazine. – 2014. – 8 (2). – P. 56–58.

³⁷⁶ Kagermann, H. Deutschlands Zukunft als Produktionsstandort sichern. Umsetzungsempfehlungen für das Zukunftsprojekt Industrie 4.0. Abschlussbericht des Arbeitskreises Industrie 4.0 [Elektronische Quelle] / H. Kagermann, W. Wahlster, J. Helbig // Promotorengruppe Kommunikation der Forschungsunion Wirtschaft – Wissenschaft // Bundesministerium für Bildung und Forschung. April 2013. – 116 s. – Zugriffsmodus: https://www.bmbf.de/files/Umsetzungsempfehlungen_Industrie4.0.pdf. – Zugriffsdatum: 08.05.2019.

с киберфизическими системами. Следует обозначить проблему узости использования термина Индустрия 4.0, в характеристиках которого превалирует технократический подход, что, во-многом, обусловлено целями разработки проекта Индустрии 4.0 – выработки практических рекомендаций органам государственного управления, научному сообществу и бизнесу, направленных на преодоление препятствий распространению Индустрии 4.0. Несмотря на включение в понятие Индустрия 4.0 цифровых услуг и бизнес-моделей, Индустрия 4.0 по-прежнему рассматривается исключительно как технологическая характеристика промышленного производства (которое становится более сложным, интегрированным с услугами и требует изменения бизнес-моделей). На наш взгляд, Индустрию 4.0 следует рассматривать как новый хозяйственный уклад, сложившийся в результате распространения цифровых технологий в современной – социально-ориентированной преимущественно рыночной – экономике.

4.2 Содержание Индустрии 4.0 как хозяйственного уклада

Ядром Индустрии 4.0 выступают киберфизические системы. «В Индустрии 4.0 благодаря киберфизическим системам обеспечивается модельное, архитектурное, коммуникационное и интеракционное сквозное сопровождение продукции, средств производства и производственных систем с учетом меняющихся процессов. Таким образом, киберфизические системы становятся киберфизическими производственными системами (CPPS) и находят применение в интеллектуальных производственных системах»³⁷⁷, – отмечают немецкие специалисты. Основной функцией киберфизических производственных систем является согласование разрозненных производственных процессов, что позволяет «повысить гибкость и надежность на самом высоком уровне в области проектирования, планирования, производства, эксплуатации и логистики. Результатом является прослеживаемая в реальном времени и самоорганизующаяся динамическая цепочка создания добавленной стоимости, которая может быть оп-

³⁷⁷ Kagermann, H. Deutschlands Zukunft als Produktionsstandort sichern. Umsetzungsempfehlungen für das Zukunftsprojekt Industrie 4.0. Abschlussbericht des Arbeitskreises Industrie 4.0 [Elektronische Quelle] / H. Kagermann, W. Wahlster, J. Helbig // Promotorengruppe Kommunikation der Forschungsunion Wirtschaft – Wissenschaft // Bundesministerium für Bildung und Forschung. April 2013. – 116 s. – S. 89. – Zugriffsmodus: https://www.bmbf.de/files/Umsetzungsempfehlungen_Industrie4_0.pdf. – Zugriffsdatum: 08.05.2019.

тимизирована в соответствии с различными критериями, такими как затраты, доступность и потребление ресурсов»³⁷⁸.

Цифровая интеграция всех производственных процессов на горизонтальном и вертикальном уровнях, достигающаяся за счет внедрения киберфизических производственных систем, выступает ключевой содержательной характеристикой Индустрии 4.0. При этом Индустрия 4.0 предполагает интеграцию, а значит и оптимизацию производственных процессов на глобальном уровне, то есть по всей цепочке создания добавленной стоимости вне зависимости от разнообразия участников, их масштабов и национальной принадлежности. В частности, «Индустрия 4.0 означает не только оптимизацию существующих процессов, поддерживаемых информационными технологиями, но и раскрытие потенциала еще более дифференцированного сопровождения детализированных процессов и совместных эффектов на глобальном уровне, недоступном ранее»³⁷⁹. Киберфизические производственные системы становятся основой для создания умных заводов, которые «в сочетании с умной мобильностью, умной логистикой и умной сетью энергоснабжения» являются «важнейшей составляющей будущей умной инфраструктуры»³⁸⁰. Сама промышленная продукция также становится умной, что означает возможность отследить ее в любой момент времени, возможность самоконтроля и самоуправления самой системы.

Концепция киберфизических производственных систем реализуется с помощью множества информационно-коммуникационных технологий, которые, следует отметить, могут и наверняка будут постоянно меняться, что, однако, не влечет распад самой системы. Для Индустрии 4.0 центральной технологией стал интернет вещей, «представляющий собой концепцию вычислительной сети физических предметов ("вещей"), оснащенных встроенными технологиями для взаимодействия друг с другом или с внешней средой»³⁸¹. Внедрение интернета вещей в промышленное производство позволяет объединить компьютеризирован-

³⁷⁸ Kagermann, H. Deutschlands Zukunft als Produktionsstandort sichern. Umsetzungsempfehlungen für das Zukunftsprojekt Industrie 4.0. Abschlussbericht des Arbeitskreises Industrie 4.0 [Elektronische Quelle] / H. Kagermann, W. Wahlster, J. Helbig // Promotorengruppe Kommunikation der Forschungsunion Wirtschaft – Wissenschaft // Bundesministerium für Bildung und Forschung. April 2013. – 116 s. – S. 89. – Zugriffsmodus: https://www.bmbf.de/files/Umsetzungsempfehlungen_Industrie4_0.pdf. – Zugriffsdatum: 08.05.2019. Там же.

³⁷⁹ Там же.

³⁸⁰ Там же. – С. 23.

³⁸¹ Мелешко, Ю. В. Инфраструктурное обеспечение промышленного интернета вещей / Ю. В. Мелешко // Экономический базис развития науки и технологий в России: материалы международной научной конференции, 19-20 октября 2018 г. / под ред. Н. А. Симченко. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2018. – С. 279–282. – С. 279.

ные еще в результате третьей промышленной революции производства, в том числе на межотраслевом, межрегиональном или международном уровнях.

Для полноценного функционирования интернета вещей требуется соответствующее развитие сопутствующих услуг. Услуги, оказываемые посредством интернета, становятся неотъемлемой частью цифрового промышленного производства, предоставляя сервисы и приложения для обмена информацией, сбора, хранения и анализа данных и пр. По словам Х. Кагермана, В.-Д. Лукаса и В. Вальстера, «Интернет вещей дополняется так называемыми "Интернет-услугами", поскольку возможности смарт-продуктов реализуются через интеллектуальные услуги. Это новое поколение продуктов благодаря межмашинному взаимодействию (M2M) через Интернет может самостоятельно обмениваться информацией, выполнять действия и управлять друг другом»³⁸². В условиях повышения степени наукоёмкости и высокотехнологичности промышленного производства и клиентоориентированности промышленной продукции услуги (как услуги по разработке и внедрению продукции в производство, так и услуги, сопровождающие производственную продукцию) становятся неотъемлемой частью промышленного производства и их значение «будет и дальше возрастать, что на макроуровне отразится как в увеличении доли добавленной стоимости промышленной продукции, создаваемой этими услугами, так и в возрастании количества занятых в этих сферах производства»³⁸³. По причине тесной взаимосвязи между интернетом вещей и цифровыми услугами широкое распространение получил термин «интернет вещей и услуг».

Сегодня кардинальным образом изменился характер промышленной продукции, которая традиционно была строго привязана к своей материальной форме. В. Т. Рязанов обращает внимание на «стирание границ между производством материальных благ и производством услуг»³⁸⁴, выделяя данный феномен в качестве признака индустриально-технотронного общества. Сегодня услуги, направленные на повышение клиентоори-

³⁸² Kagermann, H. Industrie 4.0: Mit dem Internet der Dinge auf dem Weg zur 4. industriellen Revolution [Elektronische Quelle] / H. Kagermann, W.-D. Lukas, W. Wahlster // VDI Nachrichten. – Zugriffsmodus: <https://www.vdi-nachrichten.com/Technik-Gesellschaft/Industrie-40-Mit-Internet-Dinge-Weg-4-industriellen-Revolution>. – Zugriffsdatum: 25.07.2018.

³⁸³ Мелешко, Ю. В. Значение услуг промышленного характера в повышении конкурентоспособности промышленных предприятий (в контексте четвертой промышленной революции) / Ю. В. Мелешко // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2017. – Вып. 6. – С. 64–78. – С. 74.

³⁸⁴ Рязанов, В. Т. Экономическая стратегия России: неоиндустриальный императив / В. Т. Рязанов // Новая индустриализация России: стратегические приоритеты страны и возможности Урала. – Екатеринбург, 2018. – С. 62–81. – С. 70.

ентированности продукции, тесно интегрированы в процесс промышленного производства. Ключевым фактором конкурентоспособности промышленной продукции становится все больше не соотношение цена-качество, а индивидуальные комплексные решения. Клиентоориентированность продукции проявляется в создании продукции, учитывающей индивидуальные предпочтения заказчика, в развитии клиентского сервиса (допродажного, послепродажного обслуживания). Услуги, сопровождающие промышленную продукцию, становятся неотъемлемой частью промышленного производства: формируется интегрированная сервисная поддержка на протяжении всего жизненного цикла изделия.

Переход к производству продуктов, содержащих в себе услуги, привел к появлению новых форм создания добавленной стоимости и изменил привычные бизнес-модели. Большая часть добавленной стоимости современной промышленной продукции формируется на стадии ее разработки и (или) послепродажного обслуживания. Для потребителя все более важным становится не наличие у него продукции как таковой, а гарантия ее функционирования. В связи с этим все большее распространение получают контракты с предоставлением полного спектра услуг, контракты с оплатой по результатам, по мере использования или по мере готовности к эксплуатации, контракты жизненного цикла.

Возможность учитывать индивидуальные пожелания клиента без перехода на другой ценовой уровень промышленной продукции, сохраняя при этом рентабельность производства, обеспечивается благодаря модульной концепции. Данная концепция предполагает объединение различных автоматически управляемых и конфигурируемых элементов, что позволяет, с одной стороны, обеспечить универсальность производственной линии с точки зрения последовательности, функций и количества используемых производственных модулей, а с другой – индивидуально комбинировать желаемые отдельные функции и компоненты продукции. С помощью модульной концепции организуется мелкосерийное производство с сохранившимся положительным эффектом масштаба. Получаемая конечная продукция является «условно» уникальной, поскольку индивидуальные ее свойства клиент выбирает из заданных параметров. В этой части спрос на промышленную продукцию формируется в зависимости от возможностей производства. Справедливым представляется утверждение А. М. Румянцева: «Создавая определенный предмет, производство дает и определяет способ его потребления», «возбуждает в потребителе потребность в производимых предметах»³⁸⁵. Гибкое (быстро перенастраиваемое) производство, основанное на модульной концепции, позволяет предприятиям промышленности перейти к массовому

³⁸⁵ Румянцев, А. М. О предмете политической экономии / Высш. Парт. Школа при ЦК КПСС. Кафедра полит. Экономии. – М.: Изд-во ВПШ и АОН, 1960. – 126 с. – С. 38.

производству по индивидуальным заказам. В дальнейшем же степень индивидуальности и клиентоориентированности продукции повышается за счет служебной составляющей.

Благодаря цифровизации услуг, сопровождающих промышленную продукцию, становится возможным перейти к массовому производству клиентоориентированной промышленной продукции. Индивидуализация сервиса, как отмечает Н. Василенко, «достигается за счет вытеснения обслуживающего персонала цифровыми посредниками, предоставляющими широкий выбор опций без временных и пространственных ограничений»³⁸⁶. Расширение использования информационных технологий в сфере услуг, как справедливо указывает вышеупомянутый автор, «увеличило уровень осведомленности потребителя о возможностях выбора параметров услуги, поставщика, времени и продолжительности обслуживания и т. д.»³⁸⁷. Цифровизация услуг, сопровождающих промышленную продукцию, направлена на придание продукции дополнительных сервисных характеристик и тем самым привлечение потребителя. При этом кардинально изменяется коммуникация с клиентами, что выражается не только в изменении способов коммуникации (преимущественно через Интернет), но и в изменении принципов построения коммуникации: выстраивание постоянной коммуникации на протяжении всего жизненного цикла, начинающегося с разработки продукта и заканчивая его утилизацией.

Повышение доли наукоемких технологий в промышленном производстве сверхиндустриальной экономики приводит к изменению соотношения факторов производства и структуры добавленной стоимости. Ведущее место занимает информационный фактор, что приводит к возрастанию доли стоимости, созданной интеллектом. Г. Идрисов, В. Мау и А. Божечкова выдвинули гипотезу о том, что «основную роль в объяснении различий в темпах экономического роста и в уровнях экономического развития между странами будет играть цифровой капитал»³⁸⁸. При этом, как справедливо отмечают данные авторы, «определение цифрового капитала еще не устоялось: в настоящее время под ним, как правило, понимают уникальный дизайн информационных систем, позволяющий дополнить физическое потребление товаров и услуг различными цифровыми сервисами; сформировать поток данных о поведении пользователей, их предпочтениях, профилях в социальных сетях; выработать технологию

³⁸⁶ Василенко, Н. Этапы автоматизации услуг в контексте развития экономики / Н. Василенко // Экономист. – 2018. – № 10. – С. 12–19. – С. 18.

³⁸⁷ Там же. – С. 15.

³⁸⁸ Идрисов, Г. В поисках новой модели роста / Г. Идрисов, В. Мау, А. Божечкова // Вопросы экономики. – 2017. – № 12. – С. 5–23. – С. 16.

анализа больших данных для развития бизнес-моделей»³⁸⁹. Потoki информации глубоко имплементированы в повседневную деятельность промышленного предприятия: на основе анализа и оценки данных принимаются организационные и управленческие решения, моделируется клиентское поведение, прогнозируется спрос, адаптируются продукты и услуги. По мере углубления цифровизации производства значение информационного капитала будет возрастать.

Расширение использования информационного капитала привело к виртуализации производства. В широком смысле виртуализация представляет собой «замещение реальности ее симуляцией / образом», при этом «в любого рода виртуальной реальности человек имеет дело не с вещью (располагаемым), а с симуляцией (изображенным)»³⁹⁰. Виртуализация промышленного производства предполагает отображение и имитацию всех реальных производственных процессов в кибернетическом пространстве с помощью компьютерной симуляции и моделирования.

Создание виртуальной производственной системы направлено на решение сразу нескольких задач. Во-первых, компьютерное моделирование используется для сквозного планирования всего бизнес-процесса. Потребность такого планирования возрастает по мере ускорения динамики бизнес-процессов (необходимость быстро менять конфигурацию производства – ассортимент, количество, качество производимой продукции и, соответственно, контрагентов), повышения степени индивидуализации продукции, технологического усложнения самого производственного процесса и всей цепочки создания добавленной стоимости целиком. Виртуализация бизнес-процессов повышает согласованность разных стадий производства, улучшает контроль над всей цепочкой в целом и снижает количество когнитивных ошибок (ошибок, обусловленных человеческим фактором). Уникальным преимуществом компьютерного моделирования бизнес-процесса является возможность выявления междисциплинарных ошибок, например, ошибок на стыках разных производственных этапов, что достигается благодаря свободному потоку информации.

Во-вторых, уже стало традиционным использовать компьютерное моделирование при проектировании промышленной продукции. Это помогает снизить время и затраты на разработку и повысить ее точность. Виртуальная фабрика предоставляет возможность увидеть продукт до того, как он будет произведен, что интересно как производителю, так

³⁸⁹ Идрисов, Г. В поисках новой модели роста / Г. Идрисов, В. Мау, А. Божечкова // Вопросы экономики. – 2017. – № 12. – С. 5–23. – С. 16.

³⁹⁰ Иванов, А. Н. Глобализация homo oeconomicus: феномен "добавленной стоимости" ("виртуализация производства") / А. Н. Иванов // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2005. – № 7. – С. 105–109. – С. 106.

и потребителю. Все большее распространение получает использование компьютерной симуляции для проведения испытаний продукции. Благодаря компьютерным моделям, воспроизводящим реальные производственные системы, становится возможным заранее проверить жизнеспособность решений и обнаружить потенциальные ошибки. Моделирование позволяет создать виртуальную симуляцию производственной операции с целью проверки правильности его функционирования, верификации нового решения, выявления возможных неполадок и рисков. С этой целью виртуальные модели уже сегодня широко используются в тех отраслях промышленности, к которым предъявляются особые требования безопасности, например, авиастроение.

В-третьих, компьютерные модели используются для мониторинга и диагностики промышленной продукции и систем. Для обозначения виртуальной модели реального (физического) мира в русскоязычной литературе используется термин «цифровой двойник». Цифровой двойник – «виртуальный аналог физического устройства, который моделирует его внутренние процессы и поведение в окружающей среде»³⁹¹. Специалисты поясняют, что «существуют два типа цифровых двойников: двойник реального объекта и двойник производственной операции»³⁹². Создание «цифровых двойников» помогает отслеживать состояние промышленной продукции на всех стадиях жизненного цикла (производство, реализация, использование, утилизация), а также обеспечивает постоянный мониторинг состояния оборудования, благодаря чему становится возможным обнаружить его износ без прерывания производства, прогнозировать сбои компонентов и возможные неисправности. Такая методика лежит в основе систем предикативной аналитики, используемой в производстве для мониторинга и прогнозирования состояния оборудования в режиме реального времени, а также прогнозирования работы оборудования в будущем. Они позволяют достаточно гибко эксплуатировать большое количество распределенного оборудования и повышать эффективность управления производственными активами.

Виртуальное производство меняет подход к принятию управленческих решений на промышленном предприятии: решения принимаются не просто на основе теоретических оценок, а с учетом результатов виртуального эксперимента, который, по сравнению с экспериментом над реальными

³⁹¹ Посыпкина, А. «Лаборатория Касперского» решила с партнером создать «цифрового двойника» [Электронный ресурс] / А. Посыпкина, А. Балашова // РБК. – Режим доступа: www.rbc.ru/technology_and_media/14/06/2018/5b2275fa9a79475f9a8af3ad. – Дата доступа: 26.08.2019.

³⁹² Блейман, Н. Экономика двойников: как роботы приходят в менеджмент [Электронный ресурс] / Н. Блейман // РБК. – Режим доступа: www.rbcplus.ru/news/5b5e4f2f7a8aa92e8c50df14. – Дата доступа: 26.08.2019.

объектами, обходится, как правило, гораздо дешевле. Цифровые двойники позволяют создать виртуальную копию реального мира, ставить эксперименты недорого и безопасно, а в реальную среду переносить уже проработанное решение. В условиях возрастающей технологической сложности промышленной продукции и производственного процесса, увеличивающейся степени индивидуальности продукции, ускоряющейся динамики производства возможность проверить новые решения в рамках виртуального эксперимента становится условием эффективности функционирования промышленного производства.

За счет использования виртуального моделирования удастся повысить согласованность и прогнозируемость производственных процессов и добиться надежности производства в принципиально иные сроки. На проведение соответствующих испытаний и проверок или выстраивания новой конфигурации производства в реальном времени могут уходить годы, в то время как при помощи виртуального моделирования искомый результат может быть получен за пару месяцев (недель, дней). Такое преимущество может оказаться ключевым как для предприятий, перед которыми стоит задача быстрой адаптации производства под меняющиеся запросы потребителей или условия рынка (например, предприятия, производящие высоко индивидуализированный продукт), так и для предприятий, продукция которых должна строго соответствовать определенным требованиям (безопасность, точность), в том числе требованиям технических нормативных правовых актов.

Расширение использования моделирования смещает создание добавленной стоимости во всей цепочке на более ранний этап – проектирование, – при этом сокращая последующие расходы на более поздних этапах. В случае принятия во внимание индивидуальных предпочтений клиентов еще на стадии проектирования и планирования и их последующего учета при эксплуатации и утилизации, производство отдельных изделий или небольших партий становится также выгодным для предприятия.

Таким образом, виртуализация производства становится неотъемлемым элементом создания сложных киберфизических систем, решая сразу несколько задач – планирование бизнес-процессов, проектирование и испытание промышленной продукции, мониторинг и диагностика промышленной продукции и систем. Компьютерное моделирование наряду с промышленным интернетом вещей, виртуальным вычислением, большими данными и иными технологиями четвертой промышленной революции создает базу «для внедрения предикативной аналитики и индивидуального кастомизированного производства по запросу клиента»³⁹³.

³⁹³ Блейман, Н. Экономика двойников: как роботы приходят в менеджмент [Электронный ресурс] / Н. Блейман // РБК. – Режим доступа: www.rbclplus.ru/news/5b5e4f2f7a8aa92e8c50df14. – Дата доступа: 26.08.2019.

Еще одной особенностью организации промышленного производства в Индустрии 4.0, тесно связанной с клиентоориентированностью и повышением технологического уровня производства и продукции, является технологическая динамичность. В условиях технологической неопределенности и повышенной скорости смены технологий предприятие вынуждено проводить регулярную работу над поиском и тестированием новых направлений развития бизнеса, продуктов и решений. Следствием этого становится смена модели предварительного проектирования моделью постоянного эксперимента. Изменяется и структура затрат предприятия: доля на внутренние научные исследования и разработки увеличивается.

Развитие цифрового производства и цифровых услуг влечет цифровизацию бизнес-моделей. «Интернет вещей не просто подключает физическое пространство к Интернету, позволяя объединять устройства в сети, отслеживать их состояние и реагировать в случае необходимости в режиме реального времени. Интернет вещей кардинальным образом меняет бизнес-архитектуру. Появляются новые модели ценообразования и использования товаров, опирающиеся на Интернет вещей и подключенную физическую среду, новые инструменты, обеспечивающие возможность перехода от транзакционной выручки к модели выручки по подписке»³⁹⁴, – отмечалось ранее. Благодаря интернету вещей и услуг появляются новые инструменты, обеспечивающие возможность перехода от транзакционной выручки, формирующейся одновременно при продаже товаров/услуг, к модели выручки по подписке, предполагающей оплату за использование продукта ежемесячно. Формируется устойчивая тенденция ориентации покупателя не на цену покупки, а на стоимость владения приобретенным товаром. Как следствие, все большее распространение получают схемы оплаты по факту потребления, а также модели стоимости, которая меняется в зависимости от повышения или понижения спроса и т. д. В условиях цифровизации производства «важным становится своевременное встраивание виртуальных элементов в существующие бизнес-модели для поддержки и повышения их эффективности. Необходимо развивать компетенции специалистов в сфере управления адаптацией существующих бизнес-процессов под условия цифровой экономики»³⁹⁵.

³⁹⁴ Мелешко, Ю. В. Интернет вещей как фактор трансформации бизнес-моделей / Ю. В. Мелешко // Социально-экономическое развитие организаций и регионов Беларуси: эффективность и инновации: сборник научных статей. – Витебск: УО «ВГТУ», 2018. – С.120–122. – С. 121.

³⁹⁵ Сергиевич, Т. В. Развитие электронной торговли: проблемы и перспективы / Т. В. Сергиевич // Устойчивое развитие экономики: состояние, проблемы, перспективы : сборник трудов XIII междунар. науч.-практ. конф., г. Пинск, 26 апреля 2019 г. / ПолесГУ ; ред.: К. К. Шебеко [и др.]. – Пинск, 2019. – С. 100–102. – С. 102.

Р. Драт и А. Хорх называют Индустрию 4.0 триадой «физических объектов, их виртуальных представлений, а также сервисов и приложений»³⁹⁶. По мнению этих авторов, «революция – это не обязательно техническая реализация, а новый горизонт бизнес-моделей, услуг и индивидуальных продуктов»³⁹⁷. Таким образом, Индустрия 4.0 предполагает не только цифровое производство, но и сопутствующие им цифровые услуги и цифровые бизнес-модели. В Индустрии 4.0 все стадии промышленного производства тесно взаимосвязаны и цифровизация одной – производственной стадии – влечет цифровизацию остальных.

Характер производства Индустрии 4.0 предполагает гораздо более глубокий уровень взаимодействия всех участников цепочки создания добавленной стоимости, а также и конечных потребителей промышленной продукции. Необходимость взаимодействия между участниками хозяйственной деятельности не раз отмечается в отчете: «Индустрия 4.0 означает в то же время еще более интенсивную кооперацию между контрагентами (например, поставщиками и потребителями), а также между сотрудниками, в результате чего появляются новые возможности для получения взаимной выгоды»³⁹⁸. В. Л. Гурский справедливо отмечает, что организационной основой Индустрии 4.0 «являются механизмы глобальной координации деятельности киберфизических систем <...> как между собой, так и с социальными системами (включая государство)»³⁹⁹.

Высокая динамичность промышленных бизнес-процессов, обусловленная технологической неопределенностью и необходимостью быстро перестраиваться в соответствии с требованиями рынка и клиентов, требует отказаться от жестких организационных структур. В сверхиндустриальной экономике традиционные вертикально интегрированные (пусть даже и в глобальном масштабе) корпорации становятся неэффективными по причине своей громоздкости. Происходит переход от предприятий

³⁹⁶ Drath, R. Industrie 4.0 – hit or hype? / R. Drath, A. Horch // IEEE Industrial Electronics Magazine. – 2014. – № 8(2). – P. 56–58.

³⁹⁷ Drath, R. Industrie 4.0 – hit or hype? / R. Drath, A. Horch // IEEE Industrial Electronics Magazine. – 2014. – № 8(2). – P. 56–58.

³⁹⁸ Kagermann, H. Deutschlands Zukunft als Produktionsstandort sichern. Umsetzungsempfehlungen für das Zukunftsprojekt Industrie 4.0. Abschlussbericht des Arbeitskreises Industrie 4.0 [Elektronische Quelle] / H. Kagermann, W. Wahlster, J. Helbig // Promotorengruppe Kommunikation der Forschungsunion Wirtschaft – Wissenschaft // Bundesministerium für Bildung und Forschung, April 2013. – 116 s. – S. 18. – Zugriffsmodus: https://www.bmbf.de/files/Umsetzungsempfehlungen_Industrie4_0.pdf. – Zugriffsdatum: 08.05.2019.

³⁹⁹ Гурский, В. Л. Сетевая концепция развития механизма согласования промышленных политик государств-членов ЕАЭС в условиях новой технологической революции. / В. Л. Гурский // Беларусь в современном мире : материалы XVI Международной научной конференции, посвященной 97-летию образования Белорусского государственного университета: сб. науч. ст. / БГУ; ред. кол. В.Г. Шадурский. – Минск, 2017. – С. 164–165. – С. 164.

полного цикла к промышленным сетевым структурам (например, кластерам), отличающимся наличием горизонтальных и вертикальных связей между субъектами производства на всех этапах технологического процесса и производственной цепочки.

Предпочтительной организационной формой промышленного производства в сверхиндустриальной экономике становится динамичная открытая бизнес-система, объединяющая автономных экономических субъектов разного уровня на принципах кооперации и специализации с целью совместной деятельности по разработке, производству, реализации, послепродажному обслуживанию и утилизации определенной промышленной продукции. Относительно преимуществ сетевой формы организации производства специалисты отмечают следующее: «Традиционные корпорации с централизованным контролем все больше замещаются сетями, что позволяет резко снизить производственные и транзакционные издержки за счет, с одной стороны, распределения рисков и выигрыша между всеми партнерами, с другой – объединения компетенций и ресурсов. Кооперационный сетевой механизм координации устраняет функциональные недостатки иерархического и рыночного экономического порядков, синтезируя их преимущества»⁴⁰⁰. Благодаря сетевым внешним эффектам каждый из участников получает преимущество: согласно закону Б. Меткалфе «ценность любой сети для пользователя эквивалентна квадрату количества узлов соединения»⁴⁰¹. Иными словами, по мере увеличения количества участников ценность сети для каждого из них также будет возрастать.

В сочетании с киберфизическими производственными системами сетевая форма организации способна обеспечить высокий уровень гибкости производства. «Самоуправляемые сетевые структуры, построенные на горизонтальных связях и постоянных согласованиях, обеспечивают скорость и адекватность решений в соответствии с "тиранией момента"»⁴⁰², – считают специалисты. Бизнес- и производственные процессы находятся в постоянной разработке и могут оперативно реагировать (незадолго до или во время производства и, возможно, даже в ходе текущей работы) на вызовы, например, сбои поставок или требования клиентов. За счет привлечения предприятий-партнеров появляются дополнительные возможности оптимизировать использование производственных мощностей: производственные линии могут объединяться между компаниями ситуа-

⁴⁰⁰ Горизонтальная культура социальных взаимодействий – потенциал развития экономики и общества в XXI веке / С. Ю. Солодовников [и др.]. – Мн. : БНТУ, 2018. – 325 с. – С. 76–77.

⁴⁰¹ Стрелец, И. А. Новая экономика и информационные технологии / И. А. Стрелец. – М.: Экзамен, 2003. – 254 с. – С. 27.

⁴⁰² Горизонтальная культура социальных взаимодействий – потенциал развития экономики и общества в XXI веке / С. Ю. Солодовников [и др.]. – Мн. : БНТУ, 2018. – 325 с. – С. 78.

тивно, то есть в случае возникновения необходимости и на непродолжительный срок.

Множественность участников в рамках одной цепочки создания добавленной стоимости является отличительным признаком Индустрии 4.0: «Сценарии Индустрии 4.0, как например, "сетевое производство", "самоорганизующаяся адаптивная логистика" и "интегрированный с заказчиком инжиниринг" <...>, требуют бизнес-моделей, которые, как правило, могут быть реализованы не одной фирмой, а в рамках (возможно) высоко динамичной бизнес-сети»⁴⁰³. Однако это не означает равенство субъектов в образуемых производственных сетях. Субъекты первого уровня – крупные промышленные предприятия, вокруг которых формируются сети. Если в вертикально-интегрированной производственной системе крупные предприятия выполняли все производственные процессы сами или же отдавали часть из них на аутсорсинг, то при сетевой структуре такие предприятия выстраивают свою деятельность по принципу открытой платформы, создавая временные коллаборации для решения отдельных производственных задач. Таким образом крупные предприятия получают необходимые компетенции, в том числе межотраслевые, и узкую специализацию в определенной задаче, которые при высокотехнологичном и динамичном производстве не может себе позволить ни одно, даже самое крупное, предприятие, а также переносят часть своих рисков на иных членов сети. Автономным компаниям второго уровня (организации, отдельные коллективы, как правило, малый и средний бизнес), производящим отдельные компоненты (узлы) или оказывающим услуги промышленного характера, предоставляется возможность встроиться в цепочку создания стоимости, обеспечив тем самым себе возможность функционировать. В результате формируется открытая и гибкая бизнес-система, основывающаяся на временной кооперации разнородных самостоятельных субъектов хозяйствования.

В зависимости от этапов жизненного цикла изделия или при изменении конъюнктуры в сеть могут привлекаться новые партнеры, в том числе и конечные потребители, или исключаться старые. При этом общую стратегию развития цепочки создания добавленной стоимости и ключевые технологии, используемые при производстве товаров, по-прежнему определяют крупные промышленные предприятия. В этом контексте есте-

⁴⁰³ Deutschlands Zukunft als Produktionsstandort sichern. Umsetzungsempfehlungen für das Zukunftsprojekt Industrie 4.0. Abschlussbericht des Arbeitskreises Industrie 4.0 [Elektronische Quelle] / Promotorengruppe Kommunikation der Forschungsunion Wirtschaft – Wissenschaft // Bundesministerium für Bildung und Forschung. – 116 s. – S. 26. – Zugriffsmodus: https://www.bmbf.de/files/Umsetzungsempfehlungen_Industrie4_0.pdf. – Zugriffsdatum: 08.08.2018.

ственным ограничением вхождения предприятий второго уровня в производственные сети выступает способность перенять методы и организационные инструменты, а также технологии у ведущих промышленных компаний. Крупные промышленные предприятия имеют возможность контролировать мелкие и средние предприятия практически во всех сферах, в том числе регулировать их доходность, поскольку в случае прекращения сотрудничества первые найдут новых партнеров в кратчайшие сроки, в отличие от мелких и средних предприятий, критически зависимых от их заказов. В результате, будучи формально (с юридической точки зрения) независимыми, представители крупного и среднего и малого бизнеса выстраиваются в вертикально и горизонтально интегрированную цепочку создания добавленной стоимости.

Обязательным условием функционирования сетевой формы организации производства является прозрачность, то есть доступность информации о производственном процессе контрагентам. Принцип прозрачности распространяется и на работу с заказчиками, начиная от разработки и создания программ по требованию заказчика и заканчивая обратной связью, что позволяет предприятиям совершенствовать свои продукты. Готовность предприятия предоставить возможность отслеживать местонахождение, движение и состояние производимой продукции на всех этапах производства становится еще одним конкурентным преимуществом, поскольку повышает доверие клиентов и уверенность в выполнении заказа нужного качества и в требуемый срок. Необходимость предоставлять коммерческую информацию широкому кругу субъектов зачастую выступает сдерживающим фактором распространения производственных сетей.

Инфраструктура сетевого производства обеспечивается за счет единой информационной системы, под которой понимается «совокупность методов и средств поиска, сбора, хранения, обработки, анализа и передачи внутренней и внешней информации, требующейся для функционирования предприятия и принятия совместных управленческих решений»⁴⁰⁴. На основе компьютерных и информационных технологий создаются единые цифровые платформы, пронизывающие всю сетевую цепочку создания добавленной стоимости промышленной продукции. В рамках такой платформы объединяются хозяйствующие субъекты, производимая продукция («умная продукция») и производственные системы («умная фабрика») на протяжении всего жизненного цикла продукции. Единая цифро-

⁴⁰⁴ Катаев, А. В. Информационные системы и модели оптимизации распределения заказов в партнерской сети виртуального предприятия [Электронный ресурс] / А. В. Катаев // Прикладная информатика. – 2007 // CyberLeninka. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnye-sistemy-i-modeli-optimizatsii-raspredeleniya-zakazov-v-partnerskoy-seti-virtualnogo-predpriyatiya>. – Дата доступа: 15.08.2019.

вая платформа выполняет роль площадки для взаимодействия автономных предприятий.

Благодаря такому способу организации производства становится возможным:

- индивидуализация продукции. «Благодаря Индустрии 4.0 производство единичной продукции и небольших партий становится рентабельным»⁴⁰⁵;
- флексибилизация производства. «Основанная на CPS сеть позволяет динамически разрабатывать бизнес-процессы в зависимости от: объема, времени, риска, надежности, цены, экологичности и т. д.»⁴⁰⁶;
- оптимизированное принятие решений. «Имеющаяся в Индустрии 4.0 всеохватывающая прозрачность в режиме реального времени позволяет обеспечить заблаговременную гарантию проектного решения в рамках инжиниринга, более гибкие реакции на сбои в производстве, глобальную оптимизацию, выходящую за рамки места производства»⁴⁰⁷;
- производительность и эффективность ресурсов. «С помощью CPS производственный процесс может быть оптимизирован ситуативно или по всей цепочке создания добавленной стоимости. Кроме того, система может быть оптимизирована относительно использования ресурсов и энергии или снижения выпуска не только после, но и во время производства»⁴⁰⁸;
- создание добавленной стоимости с помощью новых услуг. «В Индустрии 4.0 создаются новые формы добавленной стоимости и новые формы занятости, например, благодаря последующим услугам. Полученные от интеллектуальных устройств разнообразные и обширные данные (Big Data) могут быть использованы с помощью интеллектуальных алгоритмов для инновационных услуг»⁴⁰⁹;

⁴⁰⁵ Deutschlands Zukunft als Produktionsstandort sichern. Umsetzungsempfehlungen für das Zukunftsprojekt Industrie 4.0. Abschlussbericht des Arbeitskreises Industrie 4.0 [Elektronische Quelle] / Promotorengruppe Kommunikation der Forschungsunion Wirtschaft – Wissenschaft // Bundesministerium für Bildung und Forschung. – 116 s. – S. 19. – Zugriffsmodus: https://www.bmbf.de/files/Umsetzungsempfehlungen_Industrie4_0.pdf. – Zugriffsdatum: 08.08.2018.

⁴⁰⁶ Kommunikation der Forschungsunion Wirtschaft – Wissenschaft // Bundesministerium für Bildung und Forschung. – 116 s. – S. 20. – Zugriffsmodus: https://www.bmbf.de/files/Umsetzungsempfehlungen_Industrie4_0.pdf. – Zugriffsdatum: 08.08.2018.

⁴⁰⁷ Deutschlands Zukunft als Produktionsstandort sichern. Umsetzungsempfehlungen für das Zukunftsprojekt Industrie 4.0. Abschlussbericht des Arbeitskreises Industrie 4.0 [Elektronische Quelle] / Promotorengruppe Kommunikation der Forschungsunion Wirtschaft – Wissenschaft // Bundesministerium für Bildung und Forschung. – 116 s. – S. 20. – Zugriffsmodus: https://www.bmbf.de/files/Umsetzungsempfehlungen_Industrie4_0.pdf. – Zugriffsdatum: 08.08.2018.

⁴⁰⁸ Там же. – S. 20.

⁴⁰⁹ Deutschlands Zukunft als Produktionsstandort sichern. Umsetzungsempfehlungen für das Zukunftsprojekt Industrie 4.0. Abschlussbericht des Arbeitskreises Industrie 4.0 [Elektronische

– организация занятости с учетом демографических особенностей. «В условиях нехватки квалифицированной рабочей силы и возрастающего многообразия занятых (по возрасту, полу, культурному фону) Индустрия 4.0 обеспечивает многообразные и гибкие модели карьеры и тем самым сохраняет продуктивность работы»⁴¹⁰;

– сбалансированность трудовой жизни. «CPS-предприятия, обладающие большей гибкостью в организации работы, способны лучше всего удовлетворить растущие потребности работников в комбинировании работы и личной жизни, а также личного и профессионального развития»⁴¹¹;

– высокий уровень дохода. «В контексте двойной стратегии Германия с помощью Индустрии 4.0 сможет развить свои позиции ведущего поставщика и одновременно стать передовым рынком для решений Индустрии 4.0»⁴¹².

Именно благодаря использованию киберфизических систем Индустрия 4.0 приобретает свои отличительные характеристики (сетевое взаимодействие, гибкость, транспарентность, клиентоориентированность) и становится частью « сетевого интеллектуального мира »⁴¹³. По мнению авторов доклада, Индустрию 4.0 следует рассматривать шире, нежели производственные системы нового типа (умная фабрика, умная логистика и т. д.): «Индустрию 4.0 не следует рассматривать изолированно <...>. Создание Индустрии 4.0 должно осуществляться междисциплинарно и при тесном взаимодействии с иными сферами (*исследовательской группой выделены 5 основных сфер – климат/энергия, мобильность, здравоохранение, безопасность и коммуникация – примечание авторов*)»⁴¹⁴.

В стратегии развития Индустрии 4.0 большое значение уделяется также и социальной сфере: «технологические инновации не должны быть оторваны от их социокультурного фона; в то же время сами культурные и общественные изменения являются сильным инновационным драйвером. Это относится, например, к демографическим изменениям, которые могут привести к изменениям во всех основных общественных сферах: в организации обучения, работы и здравоохранения в условиях увеличивающейся продолжительности жизни, а также в муниципальной инфраструк-

Quelle] / Promotorengruppe Kommunikation der Forschungsunion Wirtschaft – Wissenschaft // Bundesministerium für Bildung und Forschung. – 116 s. – S. 20. – Zugriffsmodus: https://www.bmbf.de/files/Umsetzungsempfehlungen_Industrie4_0.pdf. – Zugriffsdatum: 08.08.2018.

⁴¹⁰ Там же. – S. 20.

⁴¹¹ Там же. – S. 20.

⁴¹² Там же. – S. 20.

⁴¹³ Там же. – S. 22.

⁴¹⁴ Там же. – S. 23.

туре, что, в свою очередь, оказывает непосредственное влияние на производительность в Германии. Оптимизация взаимного обмена между техническими и социальными инновационными процессами внесет важный вклад в конкурентоспособность и производительность Германии»⁴¹⁵. Специалистами рабочей группы отмечаются изменения социальной инфраструктуры в сфере занятости, обусловленные активной «интеракцией человека и техники». «В центре будущей системы умного производства стоит человек, и техника должна способствовать его когнитивной и физической работоспособности путем установления баланса между помощью и требованиями, в особенности в отношении промышленных систем управления, кооперации человека и техники, а также в отношении аспекта квалификации»⁴¹⁶. Производство становится более занятоориентированным, что выражается, в том числе, в изменении внешнего вида рабочего места и трудового режима, организация которых все в большей степени обуславливается индивидуальными потребностями работников (здоровоохранение, комфорт, возможность дальнейшего обучения и т. д.).

Однако на наш взгляд, такие изменения связаны, в первую очередь, с изменениями потребностей производства. В условиях гибкого и все более зависящего от ситуации производства возрастает спрос на квалифицированных работников, обладающих междисциплинарными компетенциями. «Работа в постоянно меняющейся среде со все более усложняющимися инструментами и системами управления ведет к чрезвычайно высоким требованиям к способностям, знаниям задействованных производственных ресурсов, а также к трудоспособности работников»⁴¹⁷. А углубляющаяся автоматизация способствует тому, что «работник может сфокусироваться на креативной, создающей добавленную стоимость деятельности»⁴¹⁸. Это обуславливает и возрастание значения образования (как с точки зрения подготовки кадров, так и получения последующего образования на протяжении всей жизни) и взаимодействия с университетами. Таким образом, в рассматриваемом отчете авторы акцентируют внимание на формировании «новой социальной инфраструктуры» и изменении характера труда в Индустрии 4.0 от рутинного к творческому, однако оговариваются, что «внедрение и расширение современных систем взаимодействия человека с технологией,

⁴¹⁵ Deutschlands Zukunft als Produktionsstandort sichern. Umsetzungsempfehlungen für das Zukunftsprojekt Industrie 4.0. Abschlussbericht des Arbeitskreises Industrie 4.0 [Elektronische Quelle] / Promotorengruppe Kommunikation der Forschungsunion Wirtschaft – Wissenschaft // Bundesministerium für Bildung und Forschung. – 116 s. – S. 18. – Zugriffsmodus: https://www.bmbf.de/files/Umsetzungsempfehlungen_Industrie4_0.pdf. – Zugriffsdatum: 08.08.2018.

⁴¹⁶ Там же. – S. 99.

⁴¹⁷ Там же. – S. 100.

⁴¹⁸ Там же. – S. 25.

по всей вероятности, приведет к значительным изменениям в будущей промышленной работе, которые пока не могут быть спрогнозированы с точки зрения их масштабов и последствий для производственной деятельности и деятельности в сфере услуг промышленного характера»⁴¹⁹.

Структурные, технологические и организационные изменения в производстве оказывают многостороннее и не всегда однозначное влияние на занятость. Прежде всего, под влиянием технологической модернизации изменяется структура спроса на труд. По мере углубления цифровизации, в ходе которой значительная часть рутинной работы автоматизируется, возрастает спрос на высококвалифицированные кадры, обладающие широкими междисциплинарными компетенциями и способными принимать решения в нестандартных ситуациях. Вслед за Т. Фридманом⁴²⁰, Т. В. Кузьмицкая отмечает: «Самыми востребованными оказываются "версатилисты", т. е. работники, обладающие богатым портфелем знаний и компетенций для выполнения разнообразных бизнес-задач, в отличие от "специалистов", сочетающих глубокие профессиональные навыки с ограниченным профессиональным горизонтом и "генералистов", обладающих широким кругозором и поверхностными навыками»⁴²¹. Субъективные навыки работников – самостоятельность, коммуникативность, самоорганизация – становятся все более востребованы, что обусловлено клиентоориентированностью производства. Технологический динамизм предопределяет необходимость систематического обучения на протяжении всей жизни работника, что позволит снизить риск отставания квалификации сотрудников от новых технологий.

Трансформации подвергается организация трудовых отношений. Необходимость обеспечения эффективного взаимодействия между техникой и работником порождает проблематику организации рабочего времени и пространства. В связи с переходом к преимущественно интеллектуально-творческому труду изменяются требования к организации рабочего места в сторону повышения уровня его комфортности. Специалистами используется термин «социотехническая интеракция», подразумевающий формирование «умного, кооперационного, самоорганизующегося

⁴¹⁹ Deutschlands Zukunft als Produktionsstandort sichern. Umsetzungsempfehlungen für das Zukunftsprojekt Industrie 4.0. Abschlussbericht des Arbeitskreises Industrie 4.0 [Elektronische Quelle] / Promotorengruppe Kommunikation der Forschungsunion Wirtschaft – Wissenschaft // Bundesministerium für Bildung und Forschung. – 116 s. – S. 25. – Zugriffsmodus: https://www.bmbf.de/files/Umsetzungsempfehlungen_Industrie4_0.pdf. – Zugriffsdatum: 08.08.2018.

⁴²⁰ Фридман, Т. Плоский мир: краткая история XXI века / Т. Фридман. – Москва : Хранитель [и др.], 2007. – 601 с. – С. 102.

⁴²¹ Кузьмицкая, Т. В. Динамика трудовых отношений в Республике Беларусь в условиях модернизации / Т. В. Кузьмицкая // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2016. – Вып. 4. – С. 230–238. – С. 233.

взаимодействия между занятыми и (или) техническими операционными системами»⁴²². Сбалансирование технологической и социальной составляющей становится одной из основных задач в промышленном производстве сверхиндустриальной экономики.

Информационные технологии способствуют развитию гибких форм занятости, востребованность которых в контексте сетевого производства повышается: дистанционная занятость, самозанятость, работа по временным контрактам, деление рабочего места, занятость в режимах неполного рабочего времени, сжатая рабочая неделя, альтернативная рабочая неделя и т. д. «Эти формы занятости, – поясняет Т. В. Кузьмицкая, – создают предпосылки для высвобождения рабочего времени, связанного с одним видом деятельности, переключения на другие виды деятельности или их чередования либо сочетания»⁴²³. Флексебилизация рынка труда приводит к автономизации рабочей силы, что выражается в изменении мотивации и системы найма. Значение традиционных материальных факторов и стимулов снижается, поскольку работники все в большей степени нацелены на саморазвитие, для них труд – это «возможность повысить свой интеллектуальный и культурный уровень, воплотить свою индивидуальность, обогатить свои способности»⁴²⁴. На фоне роста гибких форм занятости сокращается доля стандартных условий найма в трудовых отношениях. В ответ на обозначенные вызовы появляются гибкие внутрифирменные контракты, содержащие персонализированную систему мотивации, что позволяет успешнее коммерциализировать человеческий капитал.

Изменение технологической структуры производства приводит к падению спроса на низкоквалифицированный персонал, происходящее на фоне сокращения общей доли занятых в промышленном производстве. По прогнозам исследователей, «доля автоматизации процессов в производстве и логистике достигнет к 2035 году 95%, а 50 – 70% нынешних рабочих мест просто перестанут существовать»⁴²⁵. В этом контексте гибкие формы занятости выступают «своеобразным буфером между занятостью и безработи-

⁴²² Deutschlands Zukunft als Produktionsstandort sichern. Umsetzungsempfehlungen für das Zukunftsprojekt Industrie 4.0. Abschlussbericht des Arbeitskreises Industrie 4.0 [Elektronische Quelle] / Promotorengruppe Kommunikation der Forschungsunion Wirtschaft – Wissenschaft // Bundesministerium für Bildung und Forschung. – 116 s. – S. 26. – Zugriffsmodus: https://www.bmbf.de/files/Umsetzungsempfehlungen_Industrie4_0.pdf. – Zugriffsdatum: 08.08.2018.

⁴²³ Кузьмицкая, Т. В. Динамика трудовых отношений в Республике Беларусь в условиях модернизации / Т. В. Кузьмицкая // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2016. – Вып. 4. – С. 230–238.

⁴²⁴ Горизонтальная культура социальных взаимодействий – потенциал развития экономики и общества в XXI веке / С. Ю. Солодовников [и др.]. – Мн. : БНТУ, 2018. – 325 с. – С. 174.

⁴²⁵ Калинина, А. Россия 4.0: как подготовить страну к четвертой промышленной революции [Электронный ресурс] / А. Калинина // РБК. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/opinions/economics/13/01/2017/5878d2389a79470077130332>. – Дата доступа: 29.11.2018.

цей, отображая потребность в сокращении рабочего времени, что является фактором становления и развития перемены деятельности»⁴²⁶, – справедливо отмечает Т. В. Кузьмицкая. Однако при прогнозировании динамики занятости в контексте автоматизации производства необходимо учитывать два момента: временной лаг и пределы автоматизации. Цифровизация промышленного комплекса не происходит одно моментно, в связи с чем остается некоторое время для реализации мер экономической политики, направленных на переобучение и повышение межрегиональной мобильности работников. Автоматизация также не может быть тотальной, поскольку с экономической точки зрения всегда останутся те производственные процессы, которые с учетом цены рабочей силы выгоднее выполнять традиционными способами.

4.3 Концепция Германии «Индустрия 4.0»

С 2011 г. в рамках рабочего плана реализации Стратегии развития высоких технологий до 2020 г. был принят проект «Индустрия 4.0», совместно с еще 9 «будущими проектами», среди которых «Не содержащий углекислого газа, энергоэффективный и экологически чистый город»; «Возобновляемые ресурсы в качестве альтернативы нефти»; «Умное энергоснабжение»; «Лечить болезни лучше с помощью индивидуализированной медицины»; «Больше здоровья посредством целенаправленной профилактики и питания»; «Даже в старости вести самостоятельную жизнь»; «Устойчивая мобильность»; «Интернет-услуги для экономики»; «Гарантированная идентификация личности»⁴²⁷. Важность Индустрии 4.0 подчеркивалась на высшем политическом уровне: «В коалиционном соглашении правительства ХДС-ХСС-СПД на законодательный период 2013 года 140 (*Индустрия 4.0 – примечание авторов*) считалось жизненно важным в обеспечении технологического лидерства»⁴²⁸.

Исследование рабочей группы Индустрии 4.0 Научно-исследовательского союза «Экономика-наука» федерального правительства ФРГ выполнялись под руководством Немецкой академии наук и инженерии и финансировались Федеральным министерством образования и научных иссле-

⁴²⁶ Кузьмицкая, Т. В. Динамика трудовых отношений в Республике Беларусь в условиях модернизации / Т. В. Кузьмицкая // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2016. – Вып. 4. – С. 230–238.

⁴²⁷ Zukunftsprojekte der Bundesregierung [Elektronische Quelle] // Die neue Hightech Strategie Innovationen fuer Deutschland. – Zugriffsmodus: <https://www.hightech-strategie.de/de/Zukunftsprojekte-der-Bundesregierung-972.php>. – Zugriffsdatum: 15.08.2018.

⁴²⁸ Digital transformation monitor. Germany: Industrie 4.0 // Europäische Kommission. – P. 3. – Mode of access: https://ec.europa.eu/growth/tools-databases/dem/monitor/sites/default/files/DTM_Industrie%204.0.pdf. – Date of access: 15.08.2018.

дований. Напомним, что результатом исследований рабочей группы, стал заключительный отчет о стратегии развития Индустрии 4.0, опубликованный в 2013 г. и получивший название: «Обеспечить будущее Германии как места производства. Рекомендации по внедрению проекта Индустрия 4.0». В подготовке отчета приняли участие специалисты из различных областей: представители университетов (Технологический университет Дармштадта, Институт инженерии и автоматизации Фраунгофера, Технологический институт Карлсруэ, Мюнхенский технический университет, Университет Пассау и др.); представители исследовательских организаций и объединений (Центральное объединение электронной промышленности, Ассоциация немецкой машиностроительной и заводской инженерии, БИТКОМ – Цифровая ассоциация Германии и др.); представители крупнейших предприятий промышленности (Robert Bosch GmbH, Siemens AG, SAP AG, ThyssenKrupp AG, Deutsche Telekom AG, BMW AG, Deutsche Post DHL AG, TRUMPF GmbH & Co. KG и др.). Такой состав участников обеспечил межотраслевой подход при разработке проекта «Индустрия 4.0».

Участие в исследованиях представителей бизнеса позволило довольно подробно описать практический опыт использования технологий Индустрии 4.0 и указать на возникающие при этом проблемы, в том числе юридические, что способствовало выявлению препятствий развития Индустрии 4.0 в Германии. В предоставленном отчете основное внимание уделяется информационно-коммуникационным аспектам Индустрии 4.0, в частности стандартизации, безопасности, создания эталонной архитектуры, внедрения комплексных систем, оснащения рабочих мест, что стало возможным, в том числе, благодаря представителям данной области науки. Были затронуты также и социально-экономические проблемы, связанные с внедрением Индустрии 4.0 – необходимость развития разноплановых компетенций у персонала, внедрения системы образования на протяжении всей жизни, создания благоприятной рабочей среды в условиях повышения творческой составляющей рабочего процесса и т. д. Следует отметить, что в целом в результате проведенных исследований была дана характеристика Индустрии 4.0 как нового типа промышленного производства, а также описаны предпосылки и условия ее становления в Германии и выработаны рекомендации по дальнейшему развитию Индустрии 4.0 в Германии.

Вместе с тем, несмотря на довольно общие формулировки (это объективно обусловлено начальным этапом становления Индустрии 4.0), предложенные рекомендации носят прикладной характер в том смысле, что направлены на реализацию интересов промышленных предприятий. Данные рекомендации определяют основные направления приложения усилий (как со стороны правительства, например, в области правового регулирования или масштабной поддержки научных исследований и

разработок, так и со стороны предприятий промышленности, университетов, отраслевых исследовательских организаций), что должно позволить преодолеть возникающие препятствия на пути становления в Германии Индустрии 4.0. В частности, в отчете отмечается: «С будущим проектом Индустрия 4.0 исследовательский союз взял на себя инициативу в межотраслевом масштабе. Платформа Индустрия 4.0 (*запуск которой был объявлен на Ганноверской выставке в 2013 г. – примечание авторов*) совместно с объединенным офисом промышленных ассоциаций BITKOM (*Цифровая ассоциация Германии – примечание авторов*), VDMA (*Ассоциация немецкой машиностроительной и заводской инженерии – примечание авторов*) и ZVEI (*Центральное объединение электронной промышленности – примечание авторов*) является последовательным шагом по реализации. В настоящее время необходимо разработать дорожные карты исследований и развития в центральных областях деятельности»⁴²⁹.

Социально-экономические последствия становления Индустрии 4.0 в Германии, как, например, перестройка цепочек создания добавленной стоимости, изменение взаимодействия ее участников, в том числе малых и средних предприятий с крупными промышленными корпорациями, изменение производственного процесса в виду кастомизации продукции, переход к рентабельному производству единичной продукции, возникновение новых форм создания добавленной стоимости и новых бизнес-моделей, описаны лишь в самых общих чертах. Основной же задачей предоставленного отчета рабочей группы, исходя из содержания рекомендаций, стало устранение препятствий (технических, юридических, кадровых и др.) распространения Индустрии 4.0 на всей территории страны с целью обеспечения конкурентоспособности предприятий промышленности. Иными словами, имеет место явно выраженная лоббирующая позиция крупнейших промышленных предприятий. В целом Индустрия 4.0 рассматривается как инструмент сохранения за Германией лидирующих позиций на мировом рынке промышленности: «С Индустрией 4.0 Германия сможет усилить свою международную конкурентоспособность и сохранить на своей территории объем производства»⁴³⁰.

⁴²⁹ Deutschlands Zukunft als Produktionsstandort sichern. Umsetzungsempfehlungen für das Zukunftsprojekt Industrie 4.0. Abschlussbericht des Arbeitskreises Industrie 4.0 [Elektronische Quelle] / Promotorengruppe Kommunikation der Forschungsunion Wirtschaft – Wissenschaft // Bundesministerium für Bildung und Forschung. – 116 s. – S. 21. – Zugriffsmodus: https://www.bmbf.de/files/Umsetzungsempfehlungen_Industrie4_0.pdf. – Zugriffsdatum: 08.08.2018.

⁴³⁰ Deutschlands Zukunft als Produktionsstandort sichern. Umsetzungsempfehlungen für das Zukunftsprojekt Industrie 4.0. Abschlussbericht des Arbeitskreises Industrie 4.0 [Elektronische Quelle] / Promotorengruppe Kommunikation der Forschungsunion Wirtschaft – Wissenschaft //

Создаваемая система умного производства, в рамках которой устанавливается постоянное взаимодействие человека, машин и ресурсов, что позволяет обеспечить максимальную эффективность производства, обладает тремя основными отличительными чертами: 1) горизонтальная интеграция в рамках цепочки создания добавленной стоимости; 2) цифровая интеграция инжиниринга по всей цепочке создания добавленной стоимости; 3) вертикальная интеграция и сетевые производственные системы⁴³¹.

Особый интерес представляет трактовка вертикальной и горизонтальной интеграции в Индустрии 4.0, которой придерживаются участники рабочей группы. В частности, «под горизонтальной интеграцией в сфере технологий производства и автоматизации, а также информационных технологий понимается интеграция различных информационных систем для различных этапов процесса производства и корпоративного планирования, между которыми осуществляется поток материала, энергии и информации как внутри одной компании (например, входящая логистика, производство, исходящая логистика, маркетинг), так и между несколькими компаниями (в рамках сети создания добавленной стоимости), в общее решение»⁴³². «Под вертикальной интеграцией в сфере технологий производства и автоматизации, а также информационных технологий понимается интеграция различных информационных систем разных уровней иерархии (например, уровень исполнительного механизма и датчиков, уровень управления, уровень управления производством, уровень производства и исполнения, уровень корпоративного планирования) в общее решение»⁴³³. При этом в качестве «рамки действия» вертикальной интеграции определена фабрика⁴³⁴, то есть одно предприятие.

Данные определения изначально ограничиваются авторами доклада областью применения – «в сфере технологий производства и автоматизации, а также информационных технологий». Интеграция – как горизон-

Bundesministerium für Bildung und Forschung. – 116 s. – S. 7. – Zugriffsmodus: https://www.bmbf.de/files/Umsetzungsempfehlungen_Industrie4_0.pdf. – Zugriffsdatum: 08.08.2018.

⁴³¹ Deutschlands Zukunft als Produktionsstandort sichern. Umsetzungsempfehlungen für das Zukunftsprojekt Industrie 4.0. Abschlussbericht des Arbeitskreises Industrie 4.0 [Elektronische Quelle] / Promotorengruppe Kommunikation der Forschungsunion Wirtschaft – Wissenschaft // Bundesministerium für Bildung und Forschung. – 116 s. – S. 6. – Zugriffsmodus: https://www.bmbf.de/files/Umsetzungsempfehlungen_Industrie4_0.pdf. – Zugriffsdatum: 08.08.2018.

⁴³² Там же. – S. 24.

⁴³³ Deutschlands Zukunft als Produktionsstandort sichern. Umsetzungsempfehlungen für das Zukunftsprojekt Industrie 4.0. Abschlussbericht des Arbeitskreises Industrie 4.0 [Elektronische Quelle] / Promotorengruppe Kommunikation der Forschungsunion Wirtschaft – Wissenschaft // Bundesministerium für Bildung und Forschung. – 116 s. – S. 24. – Zugriffsmodus: https://www.bmbf.de/files/Umsetzungsempfehlungen_Industrie4_0.pdf. – Zugriffsdatum: 08.08.2018.

⁴³⁴ Там же – S. 36.

тальная, так и вертикальная – рассматривается исключительно как процесс взаимодействия информационных систем с целью обмена информацией и выработки общего (согласованного) решения. Однако характер производства Индустрии 4.0 предполагает гораздо более глубокий уровень взаимодействия всех участников цепочки создания добавленной стоимости, а также и конечных потребителей промышленной продукции, нежели в рамках информационных систем. Необходимость взаимодействия между участниками хозяйственной деятельности не раз отмечается в отчете: «Индустрия 4.0 означает в то же время еще более интенсивную кооперацию между контрагентами (например, поставщиками и потребителями), а также между сотрудниками, в результате чего появляются новые возможности для получения взаимной выгоды»⁴³⁵. Такая ограниченная трактовка вертикальной и горизонтальной интеграции может быть объяснена специфическим характером рассматриваемого документа, который направлен на выявление и поиск решений технических препятствий распространения Индустрии 4.0 в Германии, однако, на наш взгляд, недостаточна для содержательной характеристики Индустрии 4.0.

Нельзя согласиться и с рассмотрением взаимодействия между участниками цепочки создания добавленной стоимости исключительно на горизонтальном уровне. По мнению авторов доклада, вертикальная интеграция, предполагающая субординационные отношения, возможна только в рамках одного предприятия. Узкая трактовка вертикальной интеграции как интеграции производственных процессов в рамках одного предприятия является результатом методологической неточности – идеализации объекта.

Для решения проблемы взаимодействия различных участников производственной цепочки рабочей группой было предложено создание сервисной Интернет-платформы для инженерных систем, с помощью которой будут разрабатываться «стандартизированные, динамичные и самоуправляющиеся приложения, которые совместно с менеджментом обеспечат все функции, необходимые для организации умной производственной системы»⁴³⁶. В 2013 г. о создании такой платформы под названием «Индустрия 4.0» было объявлено на Ганноверской выставке. Инициаторами создания Платформы «Индустрия 4.0» (далее – Платформа) выступили Центральное объединение электронной промышленности, Ассоциация не-

⁴³⁵ Там же – С. 18.

⁴³⁶ Deutschlands Zukunft als Produktionsstandort sichern. Umsetzungsempfehlungen für das Zukunftsprojekt Industrie 4.0. Abschlussbericht des Arbeitskreises Industrie 4.0 [Elektronische Quelle] / Promotorengruppe Kommunikation der Forschungsunion Wirtschaft – Wissenschaft // Bundesministerium für Bildung und Forschung. – 116 s. – S. 102. – Zugriffsmodus: https://www.bmbf.de/files/Umsetzungsempfehlungen_Industrie4_0.pdf. – Zugriffsdatum: 08.08.2018.

мецкой машиностроительной и заводской инженерии и Цифровая ассоциация Германии, представляющие более 6 000 компаний⁴³⁷.

Платформа играет роль интегратора для представительей политики, бизнеса, науки, профсоюзов, ассоциаций и «мультипликатора в социально-политической дискуссии о влиянии Индустрии 4.0»⁴³⁸, организуя самостоятельно и принимая участие в диалоговых мероприятиях национального и международного уровня, посвященных Индустрии 4.0. Одной из основных функций Платформы «Индустрия 4.0» является информационная: «Она (*Платформа Индустрия 4.0 – примечание авторов*) также направлена на разработку согласованного общего понимания Индустрии 4.0 посредством диалога с заинтересованными сторонами, выработке рекомендаций и демонстрации, как промышленное производство может быть оцифровано»⁴³⁹. В рамках Платформы «Индустрия 4.0» созданы рабочие группы, к которым от рабочей группы «Индустрия 4.0», закончившей свою деятельность в 2013 г., перешли функции разработки основных концепций решения проблем на пути Германии к Индустрии 4.0. Функционирует 6 рабочих групп по следующим тематическим направлениям: эталонные архитектуры, стандартизация и нормирование; технологии и сценарии применения; безопасность сетевых систем; правовые основы; занятость, образование и дальнейшее обучение; цифровые бизнес-модели в промышленности 4.0.

Также перед Платформой ставится задача выработки практических рекомендаций для всех заинтересованных: «Благодаря онлайн-библиотеке, карте и компасу платформа создала службы ориентации и поддержки, которые помогают компаниям, особенно малым и средним предприятиям, осуществить цифровую трансформацию их производства»⁴⁴⁰. Для апробирования новых технологий на практике создана сеть испытательных центров, в которую входит более 70 вузов и исследовательских учреждений. На Интернет-сайте Платформы представлена информация о более чем 372 примерах внедрения технологий Индустрии 4.0 в практическую деятель-

⁴³⁷ Die Geschichte der Plattform Industrie 4.0 [Elektronische Quelle] // Plattform Industrie 4.0. – Zugriffsmodus: <https://www.plattform-i40.de/I40/Navigation/DE/Plattform/Plattform-Industrie-40/plattform-industrie-40.html/>. – Zugriffsdatum: 17.08.2018.

⁴³⁸ Hintergrund zur Plattform Industrie 4.0 [Elektronische Quelle] // Plattform Industrie 4.0. – Zugriffsmodus: <https://www.plattform-i40.de/I40/Navigation/DE/Plattform/Plattform-Industrie-40/plattform-industrie-40.html/>. – Zugriffsdatum: 17.08.2018.

⁴³⁹ Digital transformation monitor. Germany: Industrie 4.0 // Europäische Kommission. – P. 3. – Mode of access: https://ec.europa.eu/growth/tools-databases/dem/monitor/sites/default/files/DTM_Industrie%204.0.pdf. – Date of access: 15.08.2018

⁴⁴⁰ In der Praxis [Elektronische Quelle] // Plattform Industrie 4.0. – Zugriffsmodus: <https://www.plattform-i40.de/I40/Navigation/DE/In-der-Praxis/in-der-praxis.html>. – Zugriffsdatum: 17.08.2018.

ность предприятий на территории Германии (для сравнения: более 175 примеров – на территории Франции, и более 150 примеров – на территории Японии)⁴⁴¹. В августе 2018 г. их количество составляло 350.

По состоянию на август 2019 г. почти половина внедренных проектов Индустрии 4.0 приходится на долю малых и средних предприятий (до 250 сотрудников) – 45%. 20% составляют предприятия с численностью работников от 250 до 5 000, 17% – предприятия с численностью работников от 5 000 до 15 000, 64% – предприятия с численностью работников более 15 000. В августе 2018 г. аналогичные показатели составляли: 64% – малые и средние предприятия (до 250 сотрудников), 29% – предприятия с численностью работников от 250 до 5 000, 23% – предприятия с численностью работников от 5 000 до 15 000, 25% – предприятия с численностью работников более 15 000. Таким образом, новые проекты, появившиеся за последний год, в основном были инициированы крупным бизнесом Германии.

Основной областью внедрения технологий Индустрии 4.0 стало непосредственно промышленное производство (65%). Около 10% внедрений Индустрии 4.0 приходится на логистические предприятия, 8% и 7% – на предприятия образования и инфраструктурные предприятия соответственно. Только 8 предприятий сельского хозяйства, что составляет около 3% представленных примеров, стали участниками Платформы «Индустрия 4.0». Что касается технологий, относящихся к Индустрии 4.0, внедренных на практике, то в большинстве случаев это программное обеспечение (41%) и автоматизированные компоненты (28%). Более сложные технологии, относящиеся к технологиям четвертой промышленной революции, не нашли такого широкого применения: 33 предприятия (9%) начали использовать услуги промышленного характера, 32 предприятия (9%) – мехатронные устройства (*устройства, основанные на синергетическом объединении узлов точной механики с электронными, электротехническими и компьютерными компонентами – примечание авторов*), 24 предприятия – консультационные услуги⁴⁴².

Промежуточная оценка деятельности Платформы была представлена в 2017 г. на Ганноверской выставке. В качестве основных достижений Платформы было названо, во-первых, содействие малому и среднему бизнесу. Во-вторых, рабочими группами выработаны рекомендации для

⁴⁴¹ Deutschland als Vorreiter in der Industrie 4.0 // Plattform Industrie 4.0. – Zugriffsmodus: www.plattform-i40.de/P140/Navigation/DE/In-der-Praxis/Anwendungsbeispiele/anwendungsbeispiele.html. – Zugriffsdatum: 17.08.2018.

⁴⁴² Landkarte Industrie 4.0 [Elektronische Quelle] // Plattform Industrie 4.0. – Zugriffsmodus: <https://www.plattform-i40.de/I40/Navigation/Karte/SiteGlobals/Forms/Formulare/karte-anwendungsbeispiele-formular.html>. – Zugriffsdatum: 17.08.2018.

политики и бизнеса по тематическим направлениям. В частности, рабочая группа «Эталонные архитектуры, стандартизация и нормирование» разработала «модель, которая составляет основу для взаимодействия компонентов Индустрии 4.0». Группой «Исследования и инновации» были «определены и выстроены по приоритетам тематические области, которые в будущем должны исследоваться более интенсивно в исследовательских подразделениях предприятий и, при необходимости, через целевое финансирование». Рабочая группа «Безопасность сетевых систем» «со своим "Руководством по безопасности ИТ" помогает осуществлять безопасное цифровое производство, в особенности малым и средним предприятиям». Группа «Правовые рамочные условия» «адресует законодателю необходимые правовые действия». В рабочей группе «Занятость, образование и дальнейшее обучение» рассматривается «вопрос о том, какие новые требования к компетенциям порождают диджитализация и Индустрия 4.0 и какую форму в Индустрии 4.0 примут квалификация и образование»⁴⁴³.

В-третьих, результатами деятельности Платформы в сфере стандартизации стала разработка модели эталонной архитектуры «RAMI 4.0», представляющей собой «систему координат, в которой сложные отношения промышленности 4.0 делятся на три измерения: ИТ, жизненный цикл и иерархия автоматизации»⁴⁴⁴. Обсуждение данной модели проходит на международном уровне, а именно в Международной организации по стандартизации (ИСО) и в Международной электротехнической комиссии. И наконец, в четвертых, Платформа «проводит интенсивные диалоги с национальными и международными альянсами в целях содействия обмену и стандартизации и позиционирования Германии как ведущего рынка для индустрии 4.0»⁴⁴⁵.

В целом, результаты реализации Индустрия 4.0 как проекта в рамках Стратегии развития высоких технологий до 2020 г. в Германии оценивают положительно. В 2017 г. в отчете Европейской комиссии «Мониторинг цифровой трансформации. Германия: Индустрия 4.0» отмечается: «Индустрии 4.0 удалось ограничить сегрегацию среди отраслевых секторов, быстро перевести исследования в основную практику за довольно короткий период и расширить масштабы на национальном

⁴⁴³ Konsequente Fokussierung auf Bedarf des Mittelstandes [Elektronische Quelle] // Plattform Industrie 4.0. – Zugriffsmodus: <https://www.plattform-i40.de/I40/Navigation/DE/Plattform/Ergebnisse/ergebnisse.html>. – Zugriffsdatum: 17.08.2018.

⁴⁴⁴ Там же.

⁴⁴⁵ Konsequente Fokussierung auf Bedarf des Mittelstandes [Elektronische Quelle] // Plattform Industrie 4.0. – Zugriffsmodus: <https://www.plattform-i40.de/I40/Navigation/DE/Plattform/Ergebnisse/ergebnisse.html>. – Zugriffsdatum: 17.08.2018.

уровне, чтобы стать одной из крупнейших промышленных сетей такого рода. <...> Хотя прошло еще мало времени, инициатива стала успешной трансформацией исследований в практику, например, при поддержке тестовых стендов и эталонной архитектуры (RAMI 4.0)»⁴⁴⁶. Вместе с тем наблюдаются и некоторые отклонения от первоначально определенных направлений, что видно из анализа результатов деятельности Платформы «Индустрия 4.0» как основного национального (и международного) координатора по вопросам, касающимся Индустрии 4.0. Рабочая группа Индустрии 4.0 Научно-исследовательского союза «Экономика-наука» федерального правительства Германии, в рамках реализации рекомендаций которой и была создана Платформа «Индустрия 4.0», видела в этой платформе основной инструмент межотраслевого взаимодействия и, следовательно, ключевой фактор становления Индустрии 4.0. «У Германии есть потенциал стать ведущим рынком и главными производителями Индустрии 4.0. Главная предпосылка для этого, наряду с выполнением технических требований, – объединение отраслей и рабочей силы. Платформа Индустрия 4.0 является решающим шагом на пути использования инновационной силы Индустрии 4.0 во всех отраслях»⁴⁴⁷. Для достижения этих результатов было затрачено 200 миллионов евро, предоставленных Федеральным министерством экономики и энергетики и Федеральным министерством образования и научных исследований, «которые дополняются финансовыми и натуральными взносами от промышленности»⁴⁴⁸.

В 2019 г. Федеральным министерством экономики и энергетики ФРГ был подготовлен доклад о ходе становления Индустрия 4.0 «Создание Индустрии 4.0. Независимость. Совместимость. Устойчивость». Эксперты констатировали: «Восемь лет назад термин Индустрия 4.0 увидел свет. С тех пор многое произошло. За восемь лет Индустрия 4.0 превратилась из модного слова в проверенный практикой подход. За восемь лет новые технологии, такие как искусственный интеллект, блокчейн и 5G, расширили возможности Индустрии 4.0. За последние восемь лет все больше и больше

⁴⁴⁶ Digital transformation monitor. Germany: Industrie 4.0 // Europäische Kommission. – P. 6. – Mode of access: https://ec.europa.eu/growth/tools-databases/dem/monitor/sites/default/files/DTM_Industrie%204.0.pdf. – Date of access: 15.08.2018.

⁴⁴⁷ Deutschlands Zukunft als Produktionsstandort sichern. Umsetzungsempfehlungen für das Zukunftsprojekt Industrie 4.0. Abschlussbericht des Arbeitskreises Industrie 4.0 [Elektronische Quelle] / Promotorengruppe Kommunikation der Forschungsunion Wirtschaft – Wissenschaft // Bundesministerium für Bildung und Forschung. – 116 s. – S. 79. – Zugriffsmodus: https://www.bmbf.de/files/Umsetzungsempfehlungen_Industrie4_0.pdf. – Zugriffsdatum: 08.08.2018.

⁴⁴⁸ Digital transformation monitor. Germany: Industrie 4.0 // Europäische Kommission. – P. 2. – Mode of access: https://ec.europa.eu/growth/tools-databases/dem/monitor/sites/default/files/DTM_Industrie%204.0.pdf. – Date of access: 15.08.2018.

промышленных компаний во всем мире реализовали свои идеи при помощи цифрового производства, цифровых услуг и бизнес-моделей»⁴⁴⁹.

Однако сегодня акцент в развитии Индустрии 4.0 сместился с проблем установления межотраслевого взаимодействия в сторону поддержки инновационности малого и среднего предпринимательства. «Первоначально ключевая задача заключалась в объединении всех заинтересованных сторон. Различные цели между компаниями и профсоюзами и среди конкурирующих немецких промышленных групп вначале ограничивали влияние платформы в более широком производственном ландшафте. <...> Подчеркнув особое значение продвижения идей и стандартов, с точки зрения успешной интеграции новых цифровых и промышленных процессов и адаптации организации работы Индустрии 4.0 необходимо в большей степени ориентироваться на малое и среднее предпринимательство и уровень цеха, где происходит значительная часть фактической трансформации»⁴⁵⁰. На сегодняшний день в качестве своего главного достижения руководство Платформы называет содействие малому и среднему бизнесу во внедрении технологий Индустрии 4.0, потом уже говорится о конкретных успехах рабочих групп, о разработке эталонной архитектуры и международном сотрудничестве. Вместе с тем, значение Индустрии 4.0 оценивается как помощь малым и средним предприятиям «стать *временными* (выделено нами – примечание авторов) производственными сетями с точными оценками их вкладов»⁴⁵¹.

На наш взгляд, такая трансформация приоритетов при условии признания крупных промышленных предприятий основой промышленности свидетельствует о неуспехе в решении одной из ключевых проблем внедрения Индустрии 4.0 – стандартизации. Причиной этому, помимо сложности решения самой задачи, является конкуренция между ведущими игроками в области информационно-коммуникационных технологий. Платформа «Индустрия 4.0» изначально создавалась тремя промышленными ассоциациями Германии, однако позже в состав руководства вошли представители Федерального министерства экономики и энергетики Германии, Федерального министерства образования и научных исследований, Канцелярии федерального канцлера, федеральных земель. «Один из основных извлеченных уроков касается необходимости расширения модели платформы Индустрия 4.0 с

⁴⁴⁹ Industrie 4.0 gestalten. Souveraan. Interoperabel. Nachhaltig: Fortschrittbericht 2019 // Bundesministerium für Wirtschaft und Energie. – 52 S. – Zugriffsmodus: <https://www.plattform-i40.de/PI40/Redaktion/DE/Downloads/Publikation/hm-2019-fortschrittsbericht.html>. – Zugriffsdatum: 08.06.2019.

⁴⁵⁰ Digital transformation monitor. Germany: Industrie 4.0 // Europäische Kommission. – P. 3. – Mode of access: https://ec.europa.eu/growth/tools-databases/dem/monitor/sites/default/files/DTM_Industrie%204.0.pdf. – Date of access: 15.08.2018.

⁴⁵¹ Там же. – P. 6.

большим количеством участников и обеспечения ее более сильной политической поддержкой для преодоления конкуренции между промышленными группами путем коллаборации по вопросам общих норм, стандартов, а также интеграции промышленных доменов»⁴⁵². Кроме того, на практике основная часть проектов внедрения Индустрии 4.0 основывается на использовании информационных технологий и автоматизированных компонентов, то есть технологий, относящихся к третьей – предыдущей – промышленной революции. Существующие примеры внедрения мехатронных устройств или услуг промышленного характера все же не позволяют говорить о создании киберфизических производственных систем, являющихся основным признаком Индустрии 4.0. Таким образом, можно заключить, что становление Индустрии 4.0 в Германии находится на своих начальных этапах и потребуются еще много усилий как со стороны бизнеса, науки, так и со стороны политики.

4.4 Беларусь и Индустрия 4.0

В Республике Беларусь переход к сверхиндустриальному промышленному укладу не может быть осуществлен без цифровизации национального промышленного комплекса. Учет необходимости цифровизации не только промышленного производства, но и бизнес-моделей особенно актуален для Республики Беларусь, поскольку «большинство предприятий остается традиционными при зарождении тенденции к переходу на инновационный путь развития на основе технологизации производства и цифровизации ее производственных и бизнес-процессов»⁴⁵³. Цифровые технологии четвертой промышленной революции уже сегодня нашли широкое применение в банковском секторе, в ритейле, в секторе телекоммуникаций, в логистике, а также в государственном секторе (государственное управление, коммунальное и городское хозяйство, образование и здравоохранение).

Внедрение новых цифровых технологий на всех стадиях создания добавленной стоимости промышленной продукции приводит к изменениям не только и не столько в производственных процессах, но и в формах потребления товаров, в организации взаимодействия с контрагентами и потребителями. Цифровая трансформация является неизбежным процессом для любого предприятия, желающего адаптироваться к новым условиям

⁴⁵² Digital transformation monitor. Germany: Industrie 4.0 // Europäische Kommission. – P. 3. – Mode of access: https://ec.europa.eu/growth/tools-databases/dem/monitor/sites/default/files/DTM_Industrie%204.0.pdf. – Date of access: 15.08.2018. – P. 7.

⁴⁵³ Сергиевич, Т. В. Технологизация в современной экономике: на примере производства товаров интенсивного обновления / Т. В. Сергиевич // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2019. – Вып. 9. – С. 192–199. – С. 194.

цифровой экономики. Несмотря на высокие темпы развития цифровых технологий и увеличения их значения в обеспечении конкурентоспособности промышленности, до сегодняшнего дня нет единого методологического подхода к определению цифровизации промышленности, не определена широта области ее охвата, не выявлены все возможные социально-экономические последствия и не проанализированы возникающие риски, что не позволяет в полной мере выработать стратегию цифровизации предприятий национального промышленного комплекса.

В Республике Беларусь задача по внедрению промышленного интернета вещей, который по сути является базовой технологией Индустрии 4.0, в качестве самостоятельной задачи на государственный уровень не вынесена. Развитие информационно-коммуникационных технологий осуществляется в рамках Государственной программы развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 годы⁴⁵⁴, включающей в себя подпрограммы развития информационно-коммуникационной инфраструктуры и инфраструктуры информатизации. В качестве одного из приоритетных направлений развития в данной области определено «увеличение объема производства и безопасного потребления высокотехнологичных и наукоемких ИКТ (*информационно-коммуникационных технологий – примечание авторов*) товаров и услуг»⁴⁵⁵. Однако в данном программном документе основной упор делается на расширение потребления информационно-коммуникационных услуг в области образования, здравоохранения, государственного управления, а не в сфере промышленного интернета вещей. Вместе с тем, высшим руководством нашей страны отмечается: «Ускоренная информатизация – это не дань моде. Это залог выживания и конкурентоспособности всей экономики... Главная задача – внедрить информационные технологии в каждую отрасль»⁴⁵⁶.

В 2012 г. в Беларуси был создан первый инфраструктурный оператор СООО «Белорусские облачные технологии» (торговая марка «beCloud»). Создана и успешно функционирует Республиканская платформа, действующая на основе облачных технологий. Предлагаемые облачные решения на базе собственного дата-центра позволяют организациям (предприятие работает в секторе B2B) за счет переноса бизнес-процессов в облака сократить капитальные и эксплуатационные расходы, в первую очередь рас-

⁴⁵⁴ Государственная программа развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 годы [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Республики Беларусь, 23 март. 2016 г., № 235 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

⁴⁵⁵ Там же.

⁴⁵⁶ Из доклада Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко на пятом всебелорусском народном собрании // Белорусская думка. – 2016. – №7. – С. 4–21. – С. 6.

ходы на информационные технологии, обеспечить непрерывность бизнеса, повысить уровень безопасности и защиты данных. Облачные сервисы помогают организовать работу в офисе, работать с клиентской базой, сдавать налоговую отчетность, вести учет торговых и производственных операций. Облачная платформа создана для хранения и резервирования данных клиентов, предоставления удобного сетевого доступа к программным продуктам, приложениям, сервисам, системам хранения. Сервисы облачной платформы beCloud размещены и функционируют в Республиканском центре обработки данных (РЦОД), а также на базе Единой сети передачи данных (ЕРСПД).

Основным потребителем услуг данного оператора является государственный сектор. На Республиканской платформе обеспечивается: размещение программно-технических средств, информационных ресурсов и информационных систем; доступность государственных информационных систем для пользователей; хранение информации и мониторинг работоспособности информационных систем; защита информации от неправомерного доступа, уничтожения, копирования, распространения и (или) предоставления информации с момента ее поступления на РП и до момента ее передачи в соответствующую информационную систему или информационный ресурс⁴⁵⁷. Сегодня уже осуществляется перенос IT-систем всех государственных органов на Республиканскую облачную платформу, функционируют система защищенной электронной почты Mailgov, система межведомственного документооборота, система электронного документооборота, общегосударственная автоматизированная информационная система⁴⁵⁸.

Создание Республиканской облачной платформы, представляющей собой программно-аппаратный комплекс, обеспечивающий хранение и резервирование данных клиентов, предоставление повсеместного и удобного сетевого доступа к программным продуктам, приложениям, сервисам, системам хранения, стало первым шагом к широкомасштабному распространению в Республике Беларусь информационных технологий и интернета вещей в частности. Еще одним направлением формирования инфраструктуры интернета вещей стало создание мобильным оператором Velcom (A1) первой в Беларуси и одной из первых в Европе

⁴⁵⁷ Республиканская платформа [Электронный ресурс] // Совместное общество с ограниченной ответственностью «Белорусские облачные технологии». – Режим доступа: <http://becloud.by/activities/rp/>. – Дата доступа: 06.01.2018.

⁴⁵⁸ Перенос IT-систем государственных органов на Республиканскую облачную платформу: Совместное общество с ограниченной ответственностью «Белорусские облачные технологии» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rp.becloud.by>. – Дата доступа: 06.01.2018.

узкополосной сети для интернета вещей «NB-IoT» (Narrow Band Internet of Things).

В октябре 2017 г. было выдано разрешение на коммерческий запуск данной сети. Эта технология была разработана в 2016 г. для обмена данными между цифровыми устройствами. Ее преимуществами являются большая емкость сети, высокое проникновение сигнала (стандарт NB-IoT до 30 раз превосходит технологии M2M-связи по уровню проникновения сигнала), широкая область применения (от внедрения интеллектуальных городских систем до управления домашними устройствами), экономичность (небольшое энергопотребление и низкая стоимость датчиков и счетчиков) и энергоэффективность. Специалисты Velcom (A1) в качестве ближайшей перспективы использования сети «NB-IoT» называют «умные» счетчики воды, тепла и газа, «умные» ошейники для домашних и сельскохозяйственных животных, электронные журналы и дневники в школах, «умный» город («умная» парковка и «умное» освещение), «умные» грузоперевозки⁴⁵⁹. Использование «NB-IoT» поможет ускорить переход на цифровые устройства, используемые как в потребительском, так и в промышленном секторе. Стандарт «NB-IoT» постепенно сменит существующую технологию 2G, используемую сегодня для M2M-решений.

С целью развития «NB-IoT» как целостной экосистемы планируется также создать единую платформу, в которую будут поступать данные от каждого смарт-устройства, а также специальное приложение, позволяющее дистанционно управлять приборами. На первом этапе сеть будут включать в г. Минске тестовыми зонами – там, где в этом есть потребность со стороны потенциальных партнеров.

Сотовый оператор, обеспечив инфраструктуру Интернета вещей, в вопросах наполнения сети «NB-IoT» ожидает инициативы от потенциальных потребителей, и инициатива исходит, в первую очередь, от государственного сектора – коммунальное хозяйство, городской транспорт, образование, здравоохранение. Новая сеть «NB-IoT» открыта для разработчиков, создающих приложения для бизнеса или конечных потребителей. Специалисты Velcom (A1) рассчитывают, что «технология NB-IoT выведет Беларусь в число мировых лидеров по развитию "интернета вещей"»⁴⁶⁰. А. Карницкий утверждает: «Технология NB-IoT позволит одновременно использовать сотни тысяч IoT-устройств с недоро-

⁴⁵⁹ «Интернет вещей будет спасать людей». Velcom – о SOS-кнопках и «умном» Минске [Электронный ресурс] // Дев Бай Медиа. – Режим доступа: <https://dev.by/lenta/main/internet-veschey-budet-spatat-lyudey-velcom-o-sos-knopkah-blokcheyne-i-umnom-gorode>. – Дата доступа: 06.01.2018.

⁴⁶⁰ В Беларуси запустят первую сеть для «интернета вещей» [Электронный ресурс] // Новости Беларуси. Белорусское телеграфное агентство. – Режим доступа: <http://www.belta.by/tech/>

гими датчиками, что должно стать стимулом для реализации передовых высокотехнологичных проектов»⁴⁶¹.

Запуск сети «NB-IoT» с единой платформой сбора данных и специальными приложениями для их обработки и управления представляет собой важнейший этап в развитии интернета вещей в Беларуси – создания необходимой инфраструктуры. Однако как отмечает М. Тимонин, «запустить – лишь полдела. Куда важнее наполнить ее готовыми решениями и устройствами: датчиками, счётчиками и другими цифровыми приборами»⁴⁶². А. Карницкий отмечает, что «технически все готово – пришла пора наполнить сеть технологиями будущего»⁴⁶³.

Международный опыт показывает, что государственный сектор является основным драйвером роста интернета вещей. По оценкам iKS-Consulting, «государственный сектор генерирует более 80% всех доходов российского рынка IoT, бизнес – 18%, а пользователи – 1%. Государство стимулирует распространение технологий IoT через госпрограммы цифровизации и автоматизации управления городской инфраструктуры. 71% IoT-решений внедряется для развития концепции "умного" города. Это программы внедрения аппаратно-программного комплекса "Безопасный город" для улучшения общественной безопасности и охраны порядка в городах, программы развития интеллектуально-транспортной сети (ИТС) для управления городской транспортной сетью и транспортными потоками, а также программы улучшения энергоэффективности в коммунальной энергетике»⁴⁶⁴. Президент Национальной ассоциации участников рынка промышленного Интернета (НАПИ) Российской Федерации В. Недельский согласен, что в России основной спрос на IoT-решения будет за госсектором. «В первую очередь благодаря таким инфраструктурным заказчикам, как сегмент ЖКХ, компания "Россети", водоканалы, общественный транспорт и другие»⁴⁶⁵, – го-

view/v-belarusi-zapustjat-pervuju-set-dlja-interneta-veschej-271664-2017/. – Дата доступа: 06.01.2018.

⁴⁶¹ На «ТИБО-2017» velcom запустит узкополосную сеть для «интернета вещей» [Электронный ресурс] // Velcom. – Режим доступа: https://www.velcom.by/ru/about/news/tibo_2017_set.htm. – Дата доступа: 06.01.2018.

⁴⁶² «Интернет вещей будет спасать людей». velcom – о SOS-кнопках и «умном» Минске [Электронный ресурс] // Дев Бай Медиа. – Режим доступа: <https://dev.by/lenta/main/internet-veschey-budet-spasat-lyudey-velcom-o-sos-knopkah-blokcheyne-i-umnom-gorode>. – Дата доступа: 06.01.2018.

⁴⁶³ На «ТИБО-2017» velcom запустит узкополосную сеть для «интернета вещей» [Электронный ресурс] // Velcom. – Режим доступа: https://www.velcom.by/ru/about/news/tibo_2017_set.htm. – Дата доступа: 06.01.2018.

⁴⁶⁴ Титаренко, Е. IoT больше нужен государству, чем бизнесу [Электронный ресурс] / Е. Титаренко // Цифровая экономика. ComNews. – Режим доступа: www.comnews.ru/digital-economy/content/109405#ixzz4rmAaYsYx. – Дата доступа: 06.01.2018.

⁴⁶⁵ Там же.

ворит он. По его словам, за рубежом сложилась аналогичная ситуация, и «это видно на примере Китая, Южной Кореи, Японии, а также Германии и других стран Евросоюза»⁴⁶⁶.

Как и во многих других странах мира одной из первых сфер внедрения интернета вещей в экономику Беларуси стала жилищно-коммунальная сфера. В г. Минске подключены более 60 тыс. «умных» фонарей (что составляет около 60%)⁴⁶⁷. С помощью SIM-карт мобильного оператора Velcom (A1) осуществляется дистанционное включение, выключение и передача данных о текущем состоянии фонарей. Мобильная связь также используется для управления уличным светом вдоль крупных магистралей, в том числе вдоль трассы до Национального аэропорта «Минск», подсветки зданий г. Минска. По сравнению со стационарными линиями связи или радиосетью использование мобильного сети отличается простотой и низкими затратами. Представитель УП «Мингорсвет» А. Ширяков отмечает: «Если для того, чтобы поддерживать собственную радиосеть, нам нужно обслуживать габаритное оборудование, которое занимает отдельное помещение, то для управления 500 подстанциями с помощью SIM-карт нам достаточно одного компактного модема. Новые технологии повышают эффективность управления системой, а также сокращают капитальные и эксплуатационные затраты»⁴⁶⁸.

Система электронного сбора платы за проезд в Республике Беларусь (BelToll) также является примером успешного использования интернета вещей в Беларуси. Электронная система сбора платы за проезд действует на территории Республики Беларусь с 1 июля 2013 г. Данная технология позволяет пользователям оплачивать проезд без остановки транспортных средств в пунктах сбора оплаты за счет технологии специализированной радиосвязи на коротких расстояниях. Над полотном дорог, входящих в систему BelToll, размещаются металлические порталы сбора платы, оснащенные приемопередатчиками, которые обеспечивают обмен информацией с бортовым устройством, установленным на лобовом стекле транспортного средства. Прямая связь между бортовым устройством в автомобиле и порталом сбора платы обеспечивает полностью автоматический расчет суммы оплаты за проезд по определенному участку платной дороги, когда транспортное средство проходит под порталом сбора платы⁴⁶⁹.

⁴⁶⁶ Там же.

⁴⁶⁷ Уличное освещение в Минске переходит на M2M-технологии [Электронный ресурс] // REALT.BY. – Режим доступа: <https://realt.by/news/article/17584/>. – Дата доступа: 06.01.2018.

⁴⁶⁸ Там же.

⁴⁶⁹ О системе [Электронный ресурс] // Система электронного сбора платы за проезд в Республике Беларусь. – Режим доступа: <http://beltoll.by/index.php/beltoll-system>. – Дата доступа: 06.01.2018.

Еще одним примером использования интернета вещей в Беларуси является система контроля кассового оборудования (СККО), внедряемая под руководством Министерства по налогам и сборам Республики Беларусь и позволяющая осуществлять контроль за фискальными платежами в режиме реального времени. СККО предназначена для учета и регистрации используемого в республике кассового оборудования, организации дистанционного контроля за выручкой субъектов предпринимательской деятельности, регистрируемой кассовым оборудованием, которое они используют при осуществлении продаж (оказании услуг), а также мониторинга состояния кассового оборудования.

Базовым звеном данной системы контроля является центр обработки данных, который обеспечивает учет сведений о владельцах кассового оборудования, об используемом кассовом оборудовании, сбор, обработку и хранение информации обо всех событиях по приему/выдаче наличных/безналичных денежных средств при продаже товаров (оказании услуг), совершаемых с использованием кассового оборудования, зарегистрированного в СККО, а также обеспечивает предоставление доступа к информации налоговым (контролирующим) органам и владельцам кассового оборудования. Передачу информации по GSM-сети в центр обработки данных о работе кассового оборудования выполняет специально созданное электронное устройство «Средство контроля налоговых органов». Информационный обмен в GSM-сети осуществляется путем использования цифрового стандарта GPRS с применением специально разработанных протоколов обмена, а также механизмов и средств защиты передаваемых данных. По состоянию на май 2017 г. 11 тыс. кассовых аппаратов подключены к СККО ⁴⁷⁰. С 1 февраля 2018 г. наличные денежные средства и (или) банковские платежные карточки принимаются с использованием кассового оборудования с установленным средством контроля налоговых органов ⁴⁷¹.

Сегодня в Беларуси имеется успешный опыт использования промышленного интернета вещей предприятиями. Например, ОАО «БелАЗ» оснащает свои изделия датчиками износа, что позволяет, с одной стороны, осуществлять своевременное техническое обслуживание сложных технических изделий, планировать закупку запчастей и ремонт, с другой – с учетом полученной информации об эксплуатации машин вносить необ-

⁴⁷⁰О системе контроля кассового оборудования [Электронный ресурс] // СККО. – Режим доступа: <http://skko.by/about-system>. – Дата доступа: 06.01.2018.

⁴⁷¹О сроках подключения кассового оборудования юридическими лицами, осуществляющими деятельность в городах областного подчинения и г. Минске, к СККО [Электронный ресурс] // Министерство по налогам и сборам Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.nalog.gov.by/ru/sistema-kontrolya-kasovogo-oborudovaniya/view/r-o-sroках-podklyucheniya-kassovogo-oborudovaniya-juridicheskimi-litsami-osuschestvlyajuschimi-deyatelnost-v-28-200/>. – Дата доступа: 06.01.2018.

ходимые изменения в конструкторские решения, тем самым повышая качество производимой продукции⁴⁷².

В целом же специалисты отмечают, что для распространения интернета вещей на белорусском рынке уже сегодня имеется достаточное количество устройств интернета вещей (датчиков, сенсоров), коммуникационных сетей и центров обработки данных, однако не хватает программных продуктов, направленных на решение задач бизнеса – готовых сервисов⁴⁷³. Есть источники больших данных, средства сбора и хранения больших данных, однако системы анализа этих данных разработаны недостаточно.

Как нами было отмечено ранее, с распространением промышленного интернета вещей повышается опасность кибератак, направленных на нарушение производственных процессов и незаконное получение коммерческой информации (промышленный шпионаж)⁴⁷⁴. С. Грингард отмечает: «По мере того, как подключенных к сети и между собой систем, устройств и данных становится все больше, растут и риски, связанные с конфиденциальностью. <...> Разработчики столкнулись с серьезной дилеммой. Создание функциональных интерфейсов и средств управления делают устройства удобнее, но также делают их мишенью для атак. Но при этом, если возможности управлять устройством у пользователя нет, он не сможет обнаружить неисправность до тех пор, пока проблема или взлом не проявятся сами, причинив немалый ущерб⁴⁷⁵. В этом контексте данный автор указывает на возникающий «парадокс автоматизации»: «автоматизированные системы становятся все более сложными, и вероятность аварии или сбоя снижается, однако степень тяжести потенциальной опасности во много раз повышается»⁴⁷⁶. По словам С. Грингард, «Интернет вещей существенно повышает ставки. <...> Одно дело, если

⁴⁷² Мелешко, Ю. В. Промышленный интернет вещей как услуга промышленного характера/ Ю. В. Мелешко// Инновации: от теории к практике : сб. науч. ст. VI Междунар. науч.-практ. конф., 5–7 октября 2017 г., г. Брест // редкол.: А. М. Омелянюк [и др.]. – Брест: Альтернатива, 2017. – С. 221–223.

⁴⁷³ Belarus IGF 2017: «Интернет вещей» – новый рынок. Все только начинается [Электронный ресурс] // Youtube BY. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=aZAiRDpe314/>. – Дата доступа: 06.01.2018.

⁴⁷⁴ Мелешко, Ю. В. Промышленный интернет вещей как услуга промышленного характера/ Ю. В. Мелешко// Инновации: от теории к практике : сб. науч. ст. VI Междунар. науч.-практ. конф., 5–7 октября 2017 г., г. Брест // редкол.: А. М. Омелянюк [и др.]. – Брест: Альтернатива, 2017. – С. 221–223.

⁴⁷⁵ Грингард, С. Интернет вещей. Будущее уже здесь/ С. Грингард. – М.: Альпина Паблишер, 2016. – 185 с. – С. 154.

⁴⁷⁶ Там же. – С. 140.

сломается один подключенный автомобиль. Совсем другое, если выйдет из строя целая транспортная система»⁴⁷⁷.

Реальной угрозой для технологической и национальной безопасности Республики Беларусь может стать политика повсеместного внедрения мобильной связи 4G, а уже потом переход к 5G, поскольку без последней невозможно широкое внедрение современного промышленного Интернета вещей – обязательного условия создания Индустрии 4.0. Если в ближайшее время наша страна не сумеет опережающими темпами развить промышленный Интернет вещей, то усилится наше технологическое отставание не только от США, Японии, ЕС и т. д., но и от Российской Федерации. В последней на самом высоком уровне обсуждается стратегия перехода к мобильной связи 5G, не дожидаясь, пока окупятся частные инвестиции в связь 4G. Ряд российских промышленных предприятий (например, Северсталь) уже сегодня по использованию промышленного Интернета вещей сопоставимы с лучшими немецкими промышленными предприятиями. Остановимся на этом подробнее.

Технология промышленного Интернета вещей (англ. Industrial Internet of Things, IIoT) предполагает оснащение станков и производственной инфраструктуры встроенными датчиками, которые собирают и передают данные через беспроводной Интернет и тем самым создают вычислительную сеть физических предметов («вещей») для взаимодействия друг с другом или с внешней средой без участия человека. За счет промышленного интернета вещей выстраивается межмашинное взаимодействие, позволяющее осуществлять удаленный контроль и управление производством в автоматизированном режиме. С помощью этой технологии осуществляется:

- анализ и контроль производственного оборудования (предотвращение внеплановых простоев, поломок оборудования, сокращение внепланового техобслуживания);

- координация производственного процесса (объединение стадии цепочки создания добавленной стоимости в единую систему интеллектуального промышленного производства, отличающуюся гибкостью, информативностью и способностью самостоятельно адаптироваться к изменяющейся внешней среде);

- контроль качества выпускаемой продукции (автоматизируя функцию контроля, тем самым максимизируя его точность, можно добиться существенного снижения уровня брака промышленной продукции, что является проблемой для таких отраслей промышленности, как машиностроение, робототехника, электроника, фармацевтика);

- сервисное обслуживание промышленной продукции качественно нового уровня (при помощи специальных меток, которыми снабжается каж-

⁴⁷⁷ Там же. – С. 143–144.

дая единица продукции, предприятия получают информацию о продаже и использовании своей продукции, необходимости проведения ремонта, техобслуживания и т. д.).

Для полноценного функционирования промышленного Интернета вещей необходима высокоскоростная широкополосная мобильная связь 5G. По сравнению с 4G она способна обеспечить более высокую пропускную способность, большую доступность широкополосной мобильной связи, а также более короткое время задержки сигнала, скорость интернета 1-2 Гбит/с (до 7 Гбит/с; Huawei удалось добиться скорости нисходящей передачи данных 27 Гб/с благодаря полярным кодам⁴⁷⁸), меньший расход энергии батарей устройств. Эти преимущества позволят создать сверхнадежные масштабные системы коммуникации между устройствами как инфраструктурный базис для промышленного Интернета вещей. 5G будет использоваться прежде всего в производственных секторах, а не в сегменте конечных пользователей.

В Республике Беларусь планируют внедрять 5G: «полноценные тестовые зоны 5G появятся в Беларуси в 2019 году»⁴⁷⁹. Первые пробные тесты данной технологии в стране были проведены в 2017 г. белорусским инфраструктурным оператором beCloud и китайской компанией Huawei. «В ходе тестов удалось достичь скорости порядка 2.048 Мбит/с»⁴⁸⁰. Вместе с тем в качестве приоритетной задачи было выбрано повсеместное внедрение технологии 4G (в 2018 г. услуги мобильной связи 4G были доступны 70% населения). «Пока еще дай бог нам внедрить технологию 4G повсеместно, потому что и здесь есть где поработать. А дальше уже смотреть, как новая технология будет касаться потребителя»⁴⁸¹, – комментирует министр связи и информатизации Республики Беларусь К. К. Шульган.

В то же время страны-соседи активно работают по созданию инфраструктуры для 5G. В России мобильную связь пятого поколения предполагается внедрить в 2021 г. «В первом квартале 2019 года власти собираются утвердить концепцию создания и развития сетей 5G, а к концу 2019-го года – определить диапазоны частот. К концу 2020 года, как ожидается,

⁴⁷⁸ Китай переходит на 5G с опережением срока [Электронный ресурс] // Издательский дом Connect.wit. – Режим доступа: <http://www.connect-wit.ru/kitaj-perehodit-na-5g-s-operezheniem-sroka.html>. – Дата доступа: 15.08.2019.

⁴⁷⁹ Минсвязи: в Беларуси вскоре начнется коммерческая эксплуатация 5G [Электронный ресурс] // Naviny.by. Белорусские новости. – Режим доступа: <https://naviny.by/new/20181003/1538563885-minsvyazi-v-belarusi-vskore-nachnetsya-kommercheskaya-ekspluataciya-5g>. – Дата доступа: 16.08.2019.

⁴⁸⁰ Там же.

⁴⁸¹ Министр связи: «Покрытие 4G на территории Беларуси еще далеко от желаемого. Нам есть где поработать» [Электронный ресурс] // TVnews.by. – Режим доступа: <https://tvnews.by/comm/13476-ministr-svjazi-pokrytie-4g-na-territorii-belarusi-esche-daleko-ot-zhelaemogo.html>. – Дата доступа: 15.08.2019.

будут завершены пилотные проекты по внедрению сетей пятого поколения в пяти «ключевых отраслях», а также в одном городе-миллионнике. <...> к концу 2021 году правительство рассчитывает на коммерческую эксплуатацию "какого-то значимого числа" базовых станций, которые бы обеспечивали стабильную работу сети в крупных городах»⁴⁸². На данный момент уже разработана концепция создания и развития сетей 5G/IMT-2020 в России; российские операторы сотовой связи пришли к предварительной договоренности о совместном развитии в стране сотовых сетей пятого поколения (5G), в том числе и путем создания нового единого оператора связи; Государственная комиссия по радиочастотам намерена на своем ближайшем заседании рассмотреть вопрос о выделении частот для тестирования сетей пятого поколения сотовой связи (5G); объявлено, что расходы на расчистку (конверсию) частот для развертывания сетей пятого поколения возьмет на себя государство.

Распространение 5G в Европе происходит медленнее чем в странах-лидерах – США, Китая, Японии и Южной Кореи. В большей степени продвинулась Франция («операторы и регуляторы пришли к общему пониманию и разработали правила, по которым в обмен на облегчение налогового бремени или на продление лицензий оператор обязуется увеличить объем инвестиций, то есть вложить сэкономленную сумму в расширение покрытия широкополосных сетей в сельской местности, вдоль шоссе и железных дорог и т. д.»⁴⁸³) и Польша (реализуется несколько программ, в том числе по развитию широкополосной связи в сельской местности и по подключению школ, финансируемых по модели совместных инвестиций, предусматривающие в случае необходимости выделение дополнительных средств правительства, покрывающих дефицит оператора). В Германии запуску 5G препятствуют разногласия между политиками и мобильными операторами: продажа дополнительных частот, которые необходимы для расширения сети, осуществляется посредством аукционов среди операторов мобильной связи. При этом «каждый, кто покупает лицензию, должен предложить скорость передачи данных 100 Мбит/с с покрытием 98% к 2022 году»⁴⁸⁴. Вырученные

⁴⁸² Развитие сетей 5G в России [Электронный ресурс] // Tadviser. Государство. Бизнес. ИТ. – Режим доступа: http://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%A0%D0%B0%D0%B7%D0%B2%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%B5_%D1%81%D0%B5%D1%82%D0%B5%D0%B9_5G_%D0%B2_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8. – Дата доступа: 15.08.2019.

⁴⁸³ 5G с европейским акцентом [Электронный ресурс] // TVNews.by: новости телевидения, радио, прессы, кино и телекоммуникаций. – Режим доступа: <https://tvnews.by/analitics/13349-5g-s-evropejskim-akcentom.html>. – Дата доступа: 15.08.2019.

⁴⁸⁴ Расширение сети 5G: политики и сетевые операторы преследуют разные цели [Электронный ресурс] // Germania.one. – Режим доступа: <https://germania.one/rasshirenje-seti-5g-politiki-i-setevye-operatori-presledujut-raznye-celi/>. – Дата доступа: 15.08.2019.

средства планируется аккумулировать в отдельный фонд, предназначенные для развития широкополосной связи.

Концентрация Республики Беларусь на развитии 4G на фоне активного развития 5G во всем большем числе стран мира неизбежно приведет к технологическому отставанию национального промышленного комплекса. Беларусь может попасть в эффект колеи (будет обречена использовать отсталые технологии), что в долгосрочной перспективе приведет к неизбежному проигрышу в международной конкурентной борьбе.

Для Республики Беларусь выходом может стать реализация стратегии «технологического скачка», то есть не последовательный переход от технологии к технологии, а скачок к более новой – 5G технологии. Это не означает резкое прекращение действия 4G, однако предполагает иное выстраивание приоритетов. Республика Беларусь может получить 5G технологии от Китая в рамках Шелкового пути. В условиях технологической борьбы и разделения стран на группировки вокруг двух лидеров 5G технологии – США и Китая – это может помочь нашей стране получить конкурентные преимущества перед экономикками стран-соседей (в первую очередь Западной Европы), в случае, если последние причинам примут 5G технологии по стандартам США.

Потенциал использования новых технологий в белорусском промышленном производстве раскрыт не в полной мере. Переход промышленности на цифровые технологии требует больше времени, более значительных ресурсов и фундаментального реформирования культуры компаний. Вместе с тем возрастающие требования со стороны потребителей к индивидуализации товаров, к ее сервисному обслуживанию, а также усложнение производства высокотехнологической продукции обязывают производителей разрабатывать и внедрять новые технологии на постоянной основе.

Такие технологии четвертой промышленной революции, как интернет вещей, большие данные, облачные технологии, объединяют производственный процесс в рамках единой цифровой инфраструктуры. Это позволяет не только быстро управлять самим производственным процессом, автоматизировать множество функций и повысить эффективность производства, но и обеспечить тесную двустороннюю связь между производителем и потребителем, что критически важно для конкурентоспособности промышленного предприятия в Индустрии 4.0. Цифровизация промышленного производства создает новые области рынка. Данные, получаемые с постоянно растущего количества датчиков и передаваемые в режиме реального времени, имеют огромный коммерческий потенциал в сфере производства. На основании технологии больших данных становится возможным моделировать клиентское поведение, прогнозировать спрос, формировать предпочтения и даже адаптировать продукцию к быстро меняющимся предпочтениям покупателей.

В качестве гипотезы выступает предположение, что цифровая трансформация промышленного предприятия выходит за рамки автоматизации отдельных бизнес-процессов (например, производственного, логистического или сервисного). Она предполагает имплементацию информационно-коммуникационных технологий в повседневную деятельность компании путем создания современной цифровой инфраструктуры предприятия в виде единой платформы или экосистемы компании. В условиях технологической неопределённости жизненно важным для промышленного предприятия становится разработка эффективной стратегии цифровизации, которая позволяет структурировать усилия, определить «опорные точки», сформировать сбалансированный портфель цифровых проектов на краткосрочную и долгосрочную перспективу, выстроить систему его мониторинга и обновления.

Успешная технико-технологическая модернизация промышленного комплекса Республики Беларусь не может быть осуществлена без цифровизации. При этом, на наш взгляд, целесообразно оценивать не сугубо эффективность той или иной информационной технологии как таковой, а с учетом ее влияния на изменение бизнес-моделей промышленных предприятий. Необходимо выработать принципы цифровизации, в соответствии с которыми предприятия белорусского промышленного комплекса смогут выстроить стратегию информационного развития и перейти к промышленному производству нового типа – Индустрии 4.0.

При этом развитие цифровых технологий не должно выступать как самоцель для промышленных предприятий. Необходим взвешенный подход к выбору новых технологий, тщательный анализ последствий внедрения этих технологий и оценка их эффективности. Зачастую использование дорогостоящих технологий становится данью моде и основным положительным результатом ее внедрения является повышение имиджа предприятия. Этот эффект усиливается в условиях технологической неопределенности, возникающей при смене технологических укладов.

Эффективность цифровых технологий следует рассматривать более широко, нежели просто соотношение затрат к доходам. Технологии четвертой промышленной революции предназначены не для простой автоматизации и повышения эффективности производственных процессов. Их преимущество заключается в создании новых бизнес-моделей, меняющих традиционное представление о взаимодействии с клиентами и формировании цены производимой продукции. Благодаря информационно-коммуникационным технологиям (в первую очередь Интернету вещей) появляются новые инструменты, обеспечивающие возможность перехода от транзакционной выручки, формирующейся одновременно при продаже товаров/услуг, к модели выручки по подписке, предполагающей

оплату за использование продукта ежемесячно. Формируется устойчивая тенденция ориентации покупателя не на цену покупки, а на стоимость владения приобретенным товаром. Как следствие, все большее распространение получают схемы оплаты по факту потребления, а также модели стоимости, которая меняется в зависимости от повышения или понижения спроса и т. д. Оценка рисков изменения существующей бизнес-модели за счет внедрения новых цифровых технологий позволит выработать приоритеты инвестирования в цифровые проекты, определить, какие технологии создадут наибольшую стоимость с учетом особенностей выстраивания бизнес-моделей.

ГЛАВА 5. МОДА И ЗНАКОВОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ

5.1 Теоретико-методологические основы знакового потребления и изменение природы меновой стоимости

В условиях мировой нестабильности и увеличивающегося межстранового экономического неравенства в поле исследований современной политической экономии все чаще попадают проблемы выявления факторов, обуславливающих или сдерживающих усиление данной дифференциации, и механизмов их действия в конкретных социально-экономических системах. Ученые ставят задачу выявить причины, по которым некоторые институты доказывают свою эффективность в экономических системах одного типа, но при этом неэффективны в других, а зачастую препятствуют их развитию. Кроме того, «с течением времени и по мере эволюции конкретных социально-экономических систем, меняется эффективность присущих им институтов, в том числе, вследствие возникновения институциональных ловушек, препятствующих экономическому прогрессу»⁴⁸⁵. По мнению Т. Пикетти, «центральную роль в этом процессе (*росте неравенства – примечание авторов*) играют институциональные и политические факторы»⁴⁸⁶. С. Г. Кирдина-Чандлер, исследуя особенности формирования институциональных систем, отмечает: «Базовые институты, сохраняя присущую им основу, проявляют себя в различных исторически изменяющихся институциональных формах, особенности которых определяются историей и культурным контекстом конкретных обществ»⁴⁸⁷, что предопределяет характер взаимосвязи истории, культуры и социально-экономических институтов.

Исторический подход к эволюции общества и экономики позволяет направить вектор внимания ученых на взаимообусловленность экономического развития и феноменов, традиционно находящихся вне поля зрения экономистов, но активно влияющих на эволюцию экономической системы общества. Цивилизационный, исторический и культурный контексты развития общества обуславливают эволюцию структур потребления и отношений «производитель–потребитель». Поэтому, прежде чем перейти непосредственно к рассмотрению такого феномена как знаковое по-

⁴⁸⁵ Сергиевич, Т. В. Экономическая система общества, культура, мода: категориальный субординационно-онтологический анализ / Т. В. Сергиевич // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2019. – Вып. 9. – С. 12–22. – С. 12.

⁴⁸⁶ Пикетти, Т. Капитал в XXI веке / Т. Пикетти. – М. : Ad Marginem Press, 2016. – 592 с.

⁴⁸⁷ Kirdina-Chandler, S. G. Western and non-Western economic institutional models in time and geographical space / S. G. Kirdina-Chandler // Terra Economicus. – 2019. – № 17 (1). – P. 8–23. – P. 13.

требление, остановимся на взаимообусловленности культуры и экономической системы общества. В данном контексте внимания заслуживают исследования, посвященные культуре как фактору экономической динамики. Ф. Фукуяма, определяя место доверия в системе общественных отношений, отмечал: «некоторые этические навыки, а именно предрасположенность людей к стихийному объединению, имеют решающее значение для возможности усовершенствования организационных форм, а, следовательно, и для созидания богатства. Разные этические навыки чреваты разными типами экономической организации, и это подтверждается существующим многообразием экономического устройства общества»⁴⁸⁸. Ф. Фукуяма исследовал соотношение традиционной культуры различных социумов и формирования общественных институтов, делая попытки показать, как культура детерминирует развитие общества и экономики. «Однако предположение, что именно культура объясняет процветание столь разных Японии, Швейцарии, Калифорнии (штат США) и что в ней же кроется причина относительной бедности не менее разнящихся между собой Эстонии, Китая и Байя Калифорния (штат Мексики), – категорично заявляет Э. де Сото, – не только не гуманно, оно неубедительно. Разрыв в уровне богатства на Западе и в остальных странах мира слишком велик, чтобы его можно было списать исключительно на культурные различия»⁴⁸⁹. Данный ученый, стоя на позициях институционального подхода, в качестве главного препятствия «на пути к капиталистическому процветанию» называет «неспособность бедных районов мира создавать капитал. Именно капитал является силой, поднимающей производительность труда и создающей богатство народов. Это кровеносная система капитализма, фундамент прогресса и то единственное, что граждане бедных стран не умеют производить для самих себя, причем вне зависимости от того, с какой энергией они выполняют все требования капиталистической экономики»⁴⁹⁰. В качестве основного фактора, определяющего экономический разрыв между странами, Э. де Сото называет институциональный фактор, а именно использование систем легальной собственности. «Многие западные люди пребывают в заблуждении, что успешность их капиталистических обществ есть результат унаследованной трудовой этики или экзистенциальной боли, воспитываемой религиозной традицией»⁴⁹¹, – пишет названный автор, указывая на сложную систему факторов, обуславливающих неспособность большинства стран

⁴⁸⁸ Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: Пер. с англ. / Ф. Фукуяма. – М.: ООО «Издательство АСТ»; ЗАО НПШ «Ермак», 2004. – 730 с. – С. 72.

⁴⁸⁹ Де Сото, Э. Загадка капитала / Эрнандо де Сото. – М.: Олимп-Бизнес, 2004. – 263 с. – С. 16.

⁴⁹⁰ Там же. – С. 17.

⁴⁹¹ Там же. – С. 227.

третьего мира, использующих капиталистические институты, догнать по уровню экономического развития сегодняшних лидеров. «Вместо исследований, которые могли бы объяснить причины поражения капитализма за пределами Запада, мы имеем массу непроверенных и большей частью не допускающих точно оценки предположений, сводящихся исключительно к наклеиванию ярлычка "культура". Главный результат такого положения: слишком многие привилегированные обитатели разбросанных по миру островков благополучия имеют возможность наслаждаться сознанием своего превосходства»⁴⁹². Под иным углом соотношение культуры и экономики рассматривает С. В. Курегян: «Нельзя считать, что экономика первостепенна для развития общества, а искусство и культура – второстепенны. Искусство и культура без экономики не способны развиваться, поскольку экономика предоставляет ресурсы для их развития. Последние, в свою очередь, проникая в экономику, становятся ее составной частью. Более того, в их сфере наблюдаются экономические процессы, бизнес-операции и т. п. Поэтому следует говорить скорее об экономике искусства и культуры»⁴⁹³. Дискуссия представителей не только различных научных школ и приверженцев различных методологических подходов, но и различных областей знаний свидетельствует о междисциплинарном характере проблематики влияния социальных, социально-психологических и культурологических факторов на экономику, что обуславливает ее сложность и актуальность.

Взаимообусловленность таких феноменов как экономическая система общества и культура очевидна, при этом «при более детальном рассмотрении этих социальных явлений, при попытках раскрыть их системную роль, механизмы взаимодействия и закономерности совместного функционирования наблюдается полное отсутствие единства не только среди представителей различных общественных наук, но и среди политэкономов и экономистов различных школ и направлений»⁴⁹⁴. К определению культуры в контексте настоящего исследования нами принимается подход В. С. Степина, в рамках которого под культурой понимается «система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой деятельности, поведения и общения, выступающих условием воспроиз-

⁴⁹² Де Сото, Э. Загадка капитала / Эрнандо де Сото. – М. : Олимп-Бизнес, 2004. – 263 с. – С. 228.

⁴⁹³ Курегян, С. В. Экономика и искусства и культуры / С. В. Курегян. – Минск : Право и экономика, 2019. – 132 с. – С. 30.

⁴⁹⁴ Солодовников, С. Ю. Взаимообусловленность цивилизации, культуры, институциональной матрицы и экономической системы общества / С. Ю. Солодовников // Инновационные технологии в сервисе: сборник материалов IV международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 18–19 декабря 2014 г. / Под ред. А. Е. Карлика. – 2015. – С. 273 – 275. – С. 273.

водства и изменения социальной жизни во всех ее основных проявлениях. Программы деятельности, поведения и общения, составляющие корпус культуры, представлены разнообразием различных форм: знаний, навыков, норм и идеалов, образцов деятельности и поведения, идей и гипотез, верований, социальных целей и ценностных ориентаций и т. д. В своей совокупности и динамике они образуют исторически накапливаемый социальный опыт. Культура хранит, транслирует (передает от поколения к поколению) и генерирует программы деятельности, поведения и общения людей. В жизни общества они играют примерно ту же роль, что и наследственная информация (ДНК, РНК) в клетке или сложном организме; они обеспечивают воспроизводство многообразия форм социальной жизни, видов деятельности, характерных для определенного типа общества, присущей ему природной среды..., его социальных связей и типов личности – всего, что составляет реальную ткань социальной жизни на определенном этапе ее исторического развития»⁴⁹⁵. При таком понимании культуры очевидна ее взаимосвязь с экономической системой общества – культура в определенной степени обеспечивает устойчивое воспроизводство элементов экономической системы общества и ее структуры.

Взаимосвязь культуры и экономических отношений проявляется в нескольких аспектах. Традиции, формирующие основу культуры конкретных сообществ, служат поддержанию устойчивости экономической системы общества. Благодаря культуре в обществе воспроизводятся формы социальной жизни, виды деятельности, характерные для конкретного типа общества, отношение к труду, потребности и формы их реализации. Исторически культура формирует общественные и социально-экономические институты, которые обуславливают развитие экономической системы общества (формируют институциональную среду экономической деятельности). Культура во многом определяет вид институциональной матрицы конкретного общества. «Культурологическая парадигма предусматривает этико-нормативный поворот в интерпретации механизмов формирования и трансформации институциональной системы экономики с учетом того, что на основе доминирующих этико-экономических ценностей происходит отбор, легитимация и институционализация экономических норм и правил, которые рассматриваются как предпочтительные для обеспечения успешного роста производительности и конкурентоспособности экономической деятельности и которые, в свою очередь, влияют на формирование этих ценностей»⁴⁹⁶, – говорит В. Бирюков о взаимообусловленности культуры и экономики. О взаимовлиянии экономики

⁴⁹⁵ Степин, В. С. Культура / В. С. Степин // Всемирная энциклопедия: философия / Главн. науч. ред. и сост. А. А. Грищанов. – Минск: Харвест, Современный литератор, 2001. – 543 с. – С. 524.

⁴⁹⁶ Бирюков, В. Культурологическая парадигма видения экономической реальности / В. Бирюков // Общество и экономика. – 2018. – № 9. – С. 91–101. – С. 97–98.

и культуры С. В. Курегян заключает: «Искусство и культура оказывают влияние на культуру производства, на межличностные отношения в процессе всех видов производства, повышают производительность труда работников посредством внедрения результатов дизайна, технической эстетики, делая труд более привлекательным и насыщенным, творчески содержательным»⁴⁹⁷.

Культурная среда детерминирует поведение отдельных индивидов и их групп. Существующие в обществе ценностные ориентации людей, правила и нормы во многом влияют на экономическую мотивацию индивидов, что формирует их экономическое поведение и механизмы осуществления экономического выбора. О. С. Сухарев, исследуя методологические проблемы экономической науки, справедливо подчеркивает: «Рациональность же присутствует всегда, важен лишь ее критерий и его применимость в конкретных обстоятельствах выбора»⁴⁹⁸. Поведение индивидов складывается под влияем множества разнокачественных факторов – существующих ценностей, индивидуальных предпочтений, экономических критериев выбора, а также неотделимого от всего перечисленного социокультурного контекста принятия решений. В значительной степени методологическую основу исследования данной проблематики составляют постулаты поведенческой экономики, использующей достижения социологии, психологии, культурологии, нейролингвистики и других наук, что позволяет говорить о широком применении междисциплинарного подхода ученых в данной области знаний.

Относительно стабильный социокультурный контекст конкретного сообщества формируют присущие ему обычаи и традиции, выполняющие функцию сохранения и воспроизводства культуры и выступающие в качестве социальных регуляторов. Обычай как социальный регулятор влияет на форму реализации потребностей. «Наряду с обычаями формируются традиции, которые представляют собой общие нормы, сходные с идеями, принципом и позволяющие в границах утверждаемой ею направленности поведения более широко варьировать поступки людей»⁴⁹⁹. Помимо обычаев и традиций («культурных ДНК»), функцию регулятора социального поведения и потребления выполняет мода, хотя понятие моды зачастую в литературе и противопоставляется понятиям «обычай» и «традиция». О соотношении понятий «мода» и «обычай» А. Б. Гофман пишет: «временные различия дополняются пространственными. Ценности уни-

⁴⁹⁷ Курегян, С. В. Экономика и искусства и культуры / С. В. Курегян. – Минск : Право и экономика, 2019. – 132 с. – С. 22–23.

⁴⁹⁸ Сухарев, О. С. Методология и возможности экономической науки / О. С. Сухарев. – Москва : Курс : Инфра-М, 2014. – 359 с. – С. 70–71.

⁴⁹⁹ Солодовников, С. Ю. Классы и классовая борьба в постиндустриальном обществе: методологические основы политико-экономического исследования / С. Ю. Солодовников. – Минск: БНТУ, 2014. – 378 с. – С. 126–127.

версальности (диффузности) присущей моде, противостоят ценности социокультурной замкнутости, присущей обычаю, который сильно интегрирован в определенных социокультурных системах. Отсюда резкое и однозначное противопоставление понятий "мы" и "они", "свое" и "чужое" при регуляции посредством обычая и нечеткость, "размытость" такого противопоставления при регуляции модой»⁵⁰⁰. Принято считать, что мода направлена на скорейшее изменение образцов поведения, стиля в одежде, предметного окружения. В отличие от моды, обычаи и традиции направлены на закрепление норм и правил в определенных социокультурных системах. Вместе с тем обычаи и традиции, равно как и мода, формируют определенные типы потребления, включая обновления потребляемых благ или их свойств с определенной периодичностью.

В литературе отмечается, что «в обыденном сознании мода чаще всего воспринимается как малосущественное, "поверхностное" явление, действующее в строго ограниченной сфере. В действительности же она имеет глубокие социальные основания, выполняет важные функции и охватывает самые различные стороны социальной жизни и культуры»⁵⁰¹. мода не только оказывает влияние на различные стороны социальной жизни, культуры и экономической системы общества, но и является внутренним фактором их эволюции. Ж. Бодрийяр подчеркивает возрастающее значение моды в современном обществе: «Мы противимся признавать, что все секторы нашей жизни оказались в сфере товара, и еще сильнее – что они оказались в сфере моды. Дело в том, что здесь ликвидация ценностей идет особенно радикально. Под властью товара все виды труда обмениваются друг на друга и теряют свою особость – под властью моды уже сами труд и досуг как таковые меняются своими знаками. Под властью товара культура продается и покупается – под властью моды все культуры смешиваются в кучу в тотальной игре симулякров. Под властью товара любовь превращается в проституцию – под властью моды исчезает само отношение субъекта и объекта, рассеиваясь в ничем не скованной cool-сексуальности. Под властью товара время копится как деньги – под властью моды оно дробится на прерывистые, взаимоналагающиеся циклы»⁵⁰². мода, проникающая во все сферы жизнедеятельности общества, кардинальным образом меняет логику потребления.

В экономически развитых странах и большинстве развивающихся стран сегодня наблюдается постоянный рост уровня потребления благ. Интенсификация потребления обусловлена не только и даже не столько более полным удовлетворением индивидами своих физиологических

⁵⁰⁰ Гофман, А. Б. мода и люди. Новая теория моды и модного поведения / А. Б. Гофман. – Изд. 5-е. – М.: КДУ, 2013. – 228 с. – С. 17.

⁵⁰¹ Там же. – С. 3.

⁵⁰² Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – М.: "Добросвет" 2000. – 387 с. – С. 97.

потребностей, оправданным постоянным стремлением к достижению экономического роста, сколько логикой демонстративного потребления, важнейшей функцией которого становится отражение социального статуса индивида и мобильности этого статуса. «За всеми надстройками покупки, рынка и частной собственности, – справедливо подчеркивал Ж. Бодрийяр, – в нашем выборе предметов, их накоплении, потреблении и обращении с ними всегда необходимо вычитывать механизм социальной демонстрации, то есть механизм различения и почитания, который лежит в самой основе системы ценностей и присоединения к иерархическому порядку общества»⁵⁰³. Ранее мы писали по поводу социальной мобильности в экономически развитых обществах: «В 1960-90-х годах прошлого века в странах золотого миллиарда сформировался новый тип обывателя, обывателя сытого и самодовольного, который в период этих благодатных пятидесяти лет (европейского "золотого века"), когда финансовые и политические элиты капиталистических стран были вынуждены, борясь с социалистической идеей, делиться частью своих сверхприбылей со своими согражданами... В результате новый европейский обыватель, вооруженный идеями протестантского фундаментализма и "общечеловеческими" ценностями, не заметил, что социальные лифты в ЕС давно перестали работать, а децильные коэффициенты достигли заоблачных высот, по сравнению с которыми имущественная дифференциация в Римской империи кажется образцом социальной справедливости»⁵⁰⁴. В этих условиях перемещение индивидов в другой, более высший, социальный класс принимает скорее иллюзорные, чем реальные формы.

Под иллюзорным переходом в другой социальный класс нами подразумевается симуляция повышения социального статуса индивидом на основе подражания представителям других классов в первую очередь в принципах поведения и потребления, представлениях (например, об искусстве, литературе и т. д.), предметном окружении (прежде всего, формах одежды, предметах домашней обстановки) и др., требующем минимум издержек. Разрыв между реальной социальной мобильностью, все сложнее достижимой в современном обществе, и иллюзорной социальной мобильностью увеличивается. «Противоречие между подразумеваемой мобильностью (стремлениями) и реальной мобильностью (объективными шансами социального продвижения) – это явление, присущее всем соци-

⁵⁰³ Бодрийяр, Ж. К критике политической экономии знака / Ж. Бодрийяр / пер. с фр. Д. Краlechkin. – М. : Академический Проект, 2007. – 335 с. – С. 14.

⁵⁰⁴ Солодовников, С. Ю. Социально-экономические факторы, определяющие изменение системы трудовой мотивации в новых социально-экономических и технологических условиях в Беларуси / С. Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2017. – Вып. 5. – С. 296–308. – С. 304.

ально-экономическим системам без исключения»⁵⁰⁵, и сегодня это противоречие обостряется. Современное общество, а, как известно, «по сравнению с индустриальным обществом, система экономических отношений в постиндустриальном обществе представляется более сложной»⁵⁰⁶, подвластно иллюзии социальной мобильности, индикатором этой подразумеваемой мобильности является характер и уровень потребления благ. «Эфемерные и эстетические знаки моды перестали восприниматься в низших классах как нечто недостижимое и принадлежащее другим, – справедливо отмечает Ж. Липовецкий, – они стали массовой потребностью, необходимой составляющей оформления жизни, личным достоянием и личной собственностью в обществе, в котором как святые почитаются перемены, удовольствия и нововведения»⁵⁰⁷.

В условиях иллюзии выбора общество оказывается в такой ситуации, где легко внушаемой становится мысль, что, как характеризует Ж. Бодрийяр, «функцией потребления является исправление отдельных форм социального неравенства в стратифицированном обществе»⁵⁰⁸. Потребление, которое якобы символизирует сглаживание классовых различий, и достижение счастья через потребление становится целью человеческого бытия. Доступность увеличения объемов потребления создает видимость мобильности и возможного социального роста. Выражается это в искажении экономической мотивации индивидов, в стремлении скорректировать структуру потребления на не соответствующую доходу и социальному статусу, но позволяющую скопировать некоторые признаки потребления более высших классов.

Ж. Бодрийяр справедливо указывает на противоречие между функциональными свойствами потребляемых предметов – закреплением социального статуса и обозначением социальной мобильности: «Эта функция инертности предметов, придающая им статус чего-то длительного или даже наследственного, сегодня оспаривается функцией обозначения социальных изменений. По мере того, как мы поднимаемся по социальной лестнице, предметы умножаются, становятся все более разнообразными

⁵⁰⁵ Солодовников, С. Ю. Феноменологическая природа взаимообусловленности экономической конкурентоспособности и социального капитала Беларуси и Украины / С. Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2015. – Вып. 3. – С. 23–34. – С. 26.

⁵⁰⁶ Мелешко, Ю. В. Трансформация определения понятия «услуг» в контексте концепции постиндустриального общества / Ю. В. Мелешко Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2016. – Вып. 4. – С. 245–256. – С. 254.

⁵⁰⁷ Липовецкий, Ж. Империя эфемерного. Мода и ее судьба в современном обществе / Ж. Липовецкий. – Москва : Новое литературное обозрение, 2012. – 335 с. – С. 134–135.

⁵⁰⁸ Бодрийяр, Ж. К критике политической экономии знака / Ж. Бодрийяр / пер. с фр. Д. Краlechkin. – М. : Академический Проект, 2007. – 335 с. – С. 59.

и все быстрее обновляются. Будучи даже весьма быстрым, их ускоренный кругооборот, осуществляющийся под знаком моды, должен обозначать и показывать такую социальную мобильность, которой в действительности не существует»⁵⁰⁹. Интенсивное потребление товаров, обладающих знаковой меновой стоимостью, используется индивидами в качестве инструмента социальной динамики, но фактически «ускоренное обновление предметов часто становится компенсацией разочарованного стремления к социальному и культурному прогрессу»⁵¹⁰. Эти особенности современного потребления активно используются, в частности, лидерами мировой модной индустрии. Парадокс моды заключается в том, что она как будто позволяет стирать классовые различия, наделяя всех равными шансами на реальную социальную мобильность, «но на деле она полностью управляема социальной классовой стратегией»⁵¹¹ и не только не стирает, но и порождает культурное и социальное неравенство, в чем проявляется взаимосвязь моды и культуры. Мода относится к эстетическим явлениям, определяющим эволюцию многих составляющих культуры, поскольку именно мода определяет господствующие стили в архитектуре, живописи, дизайне, одежде и др.

Следствием интенсификации обновления товаров является снижение определяющей роли при совершении потребительского выбора их цены и качества, которые традиционно выполняли функцию основных факторов потребительского выбора. Все большее влияние на данные механизмы оказывают мода, реклама, брендинг, формирование имиджа предприятия, создание собственной системы ценности, разделяемой лидерами мнений (от англ. Influencer). «Анализ социальной логики, которая упорядочивает практику предметов, распределяя их по различным классам или категориям, должен в то же самое время являться критическим анализом идеологии "потребления", которая в настоящее время подкрепляет любую относящуюся к предметам практику, – писал Ж. Бодрийяр. – Этот двойной анализ – анализ различающей социальной функции предметов и анализ политической функции идеологии, которая с ней связана, – должен исходить из одной абсолютной предпосылки: из отмены само собой разумеющегося рассмотрения предметов в терминах потребностей, отмены гипотезы первичности потребительной стоимости»⁵¹². Ж. Бодрийяр не просто дополняет теорию потребительной стоимости, выделяя символическую функцию потребления товаров, а отводит

⁵⁰⁹ Бодрийяр, Ж. К критике политической экономии знака / Ж. Бодрийяр / пер. с фр. Д. Кра-
лечкин. – М. : Академический Проект, 2007. – 335 с. – С. 46.

⁵¹⁰ Там же. – С. 46.

⁵¹¹ Там же. – С. 48.

⁵¹² Там же. – С. 12.

ее на второй план, подчеркивая первичность знаковой меновой стоимости. «Дело обстоит совсем не так, словно бы первичным статусом предмета был прагматический статус, на который лишь затем накладывалась бы социальная знаковая стоимость – наоборот, фундаментальным является знаковая меновая стоимость, так что потребительная стоимость подчас оказывается просто ее практическим приложением (или даже простой рационализацией): только в такой парадоксальной форме социологическая гипотеза оказывается верной»⁵¹³.

Ж. Бодрийяр последовательно раскрывает особенности системы манипулирования вещами как знаками, характерной для современного пострыночного общества. Противоречие между функциями предметов потребления, которые состоят в фиксации социального статуса и, напротив, в отражении стремлений обладателя к его динамике, позволяет говорить о сложности механизмов социальной идентификации индивидов и групп. «Знаковая меновая стоимость предмета становится определяющим фактором совершения покупки»⁵¹⁴. Под влиянием развития общественно-функциональных технологий происходят качественные изменения механизмов потребительского выбора, что требует совершенствования технологий управления данными механизмами.

Знаковое потребление может быть определено как тип потребления благ, основной целью которого является социальная демонстрация, в первую очередь, социального статуса с использованием механизмов социальной дифференциации и принадлежности на основе сложившихся в конкретной культурной среде технологий знаковой коммуникации.

Культура формирует институциональный облик конкретной социально-экономической системы. В свою очередь, экономическая система общества предопределяет условия развития культуры. Усложнение связей и отношений современного общества, его социально-классовой структуры, теоретическое отражение происходящих процессов в концепте трансэкономики требуют категориального уточнения явлений и процессов, которые не являются чисто экономическими факторами, одним из которых является феномен моды. Мода как социально-экономическое явление интегрирована в названные системы, во многом влияет на их эволюцию и развивается в тесной взаимозависимости с ними. Культурный

⁵¹³ Бодрийяр, Ж. К критике политической экономии знака / Ж. Бодрийяр / пер. с фр. Д. Краlechkin. – М. : Академический Проект, 2007. – 335 с. – С. 12–13.

⁵¹⁴ Сергиевич, Т. В. Изменение природы меновой стоимости в пострыночном обществе сквозь призму политэкономических воззрений Ж. Бодрийяра / Т. В. Сергиевич // Тенденции экономического развития в XXI веке : мат. Межд. науч. конф., Минск, 28 февраля 2019 г. / Белорусский государственный университет. – Минск : Право и экономика, 2019 – 598 с. – С. 156–159. – С. 158.

контекст формирует условия восприятия моды в том или ином обществе. При этом мода способна порождать культурное неравенство в обществе при симуляции сглаживания социально-культурных различий. Признавая растущее влияние моды на культуру и экономическую систему общества, рассмотрим теоретико-методологические основы моды как социально-экономического феномена.

5.2 Мода как социально-экономический феномен

На протяжении долгого времени феномену моды в экономической науке не уделялось должного внимания. Исследования моды чаще всего были направлены на раскрытие ее эстетической⁵¹⁵, культурологической⁵¹⁶ и социально-психологической⁵¹⁷ сущности. В последнее время все чаще появляются фундаментальные работы, в которых мода изучается сквозь призму социологии⁵¹⁸ и философии⁵¹⁹. Вместе с тем по-прежнему в специальной литературе мода рассматривается в первую очередь как эстетическое явление, исследуемое сквозь призму истории и дизайна одежды, и как социокультурологический феномен, выполняющий функцию социального регулятора⁵²⁰. Однако мода представляет собой сложное социально-экономическое и культурно-психологическое явление, ограниченное природы которого лишь эстетической или социально-психологической стороной не позволяет в полной мере рассматривать ее как фактор эволюции экономической системы общества. Мода как социально-экономическое явление влияет на различные пласты общественных отношений, и в современном мире это влияние усиливается. Интерес научного сообщества к феномену моды и ее экономической природе в последние годы был вызван изменением структур потребления, формирующихся все в большей степени под влиянием социально-психологических факторов, частным случаем которых являются воздействия моды.

⁵¹⁵ Андреева, А. Ю. История костюма : Эпоха. Стиль. Мода : От Древ. Египта до модерна / А. Ю. Андреева, Г. И. Богомолов. – СПб. : Паритет, 2001. – 118 с.

⁵¹⁶ Нерсесов, Я. Н. Мода / Я. Н. Нерсесов. – М. : Олма-пресс Гранд, 2002. – 239 с.

⁵¹⁷ Петров, Л. В. Мода как общественное явление / Л. В. Петров. – Л. : О-во «Знание» РСФСР Ленингр. организация, 1974. – 32 с.

⁵¹⁸ Гофман, А. Б. Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения / А. Б. Гофман. – Изд. 5-е. – М. : КДУ, 2013. – 228 с.

⁵¹⁹ Бодрийяр, Ж. К критике политической экономии знака / Ж. Бодрийяр / пер. с фр. Д. Краlechкин. – М. : Академический Проект, 2007. – 335 с.

⁵²⁰ Гофман, А. Б. Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения / А. Б. Гофман. – Изд. 5-е. – М. : КДУ, 2013. – 228 с.

Как отмечается в литературе, «в социально значимом масштабе мода возникает в европейском обществе в XIX веке. Если раньше существовали элементы моды в отдельных элементах социальной системы, то начиная с этого времени существует система моды в социальной системе»⁵²¹, и именно в этот период «явления моды выразились до такой степени резко, что приобрели решительное влияние на формы экономической жизни»⁵²², в первую очередь на формы реализации потребностей индивидов. Становление моды как социально-экономического института происходило под влиянием таких факторов как «промышленная революция, технические нововведения, политические революции, ломка сословных, межнациональных и межрегиональных барьеров, урбанизация, массовизация социально-экономической и культурной жизни»⁵²³. Таким образом, массовое влияние моды приобрела относительно недавно, что во многом объясняет недостаточную степень теоретического отражения этого феномена. При этом ее роль и влияние на экономическую систему общества раскрыты недостаточно.

В самом общем плане под модой понимается «обычно непродолжительное господство определенного типа стандартизированного массового поведения, в основе которого лежит относительно быстрое и масштабное изменение внешнего (прежде всего предметного) окружения людей»⁵²⁴. Логика такого подхода обуславливает постановку вопроса: что является импульсом этих изменений?

Долгое время в исследованиях моды как социального явления доминировала «теория просачивания вниз», разработанная Г. Зиммелем⁵²⁵. Согласно этому подходу, индивиды пытаются перенять культурные образцы других, более высших по отношению к ним, классов, но как только это происходит, последние начинают их обновление. Как подчеркивал Г. Зиммель, мода «всегда носит классовый характер, и мода высшего сословия всегда отличается от моды низшего, причем высшее сословие от нее сразу же отказывается, как только она начинает проникать в низшую сферу»⁵²⁶. Представители высших классов используют перемену

⁵²¹ Гофман, А. Б. Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения / А. Б. Гофман. – Изд. 5-е. – М.: КДУ, 2013. – 228 с. – С. 65.

⁵²² Зомбарт, В. Народное хозяйство и мода / В. Зомбарт. – СПб.: тип. акц. общ. Брокгауз-Ефрон, 1904. – 28 с. – С. 15.

⁵²³ Гофман, А. Б. Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения / А. Б. Гофман. – Изд. 5-е. – М.: КДУ, 2013. – 228 с. – С. 65.

⁵²⁴ Мода // Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономика / гл. науч. ред. и сост. С. Ю. Солодовников. – Минск, 2002. – С. 511.

⁵²⁵ Зиммель, Г. Мода / Г. Зиммель // Избранное. Созерцание жизни: пер. М. И. Левиной / Г. Зиммель; редкол.: С. Я. Левит [и др.]. – М.: Юристъ, 1996. – Т. 2. – 608 с.

⁵²⁶ Там же. – С. 268.

внешнего окружения как знак своего социального статуса. Вместе с тем использование моды как механизма социального различия существует наряду со стремлением индивидов использовать моду для социального выравнивания. Г. Зиммелью удалось выявить диалектическую природу моды: «мода – не что иное, как одна из многих форм жизни, посредством которых тенденция к социальному выравниванию соединяется с тенденцией к социальному различию и изменению в единой деятельности»⁵²⁷. Стремление индивидов к новому, хотя и чаще иллюзорное, чем реальное, оправдывает ценность «модного»: новизна «модного» позволяет создать иллюзию удовлетворения потребности в переменах, фактически не требуя от индивида осуществления каких-либо изменений.

Вместе с тем практика распространения моды свидетельствует о ее движении и в обратном направлении, что получило отражение в «теории просачивания вверх». Примером такого движения служит заимствование культурных образцов у маргинальных групп населения, представителей субкультур (мода на порванные джинсы, мода на татуировки). При наличии таких по существу противоположных тенденций справедливо звучат слова Р. Б. Курдюмовой: «Сегодня распространение моды все более приобретает форму неопределенных флуктуаций, в частности, может быть обратное движение снизу вверх, горизонтально-линейное распространение, нелинейная самоорганизация модных стандартов»⁵²⁸. Фактически распространение моды может принимать различную направленность и интенсивность, что тем не менее не позволяет считать это в полной мере объективным по отношению к системе производства и неуправляемым процессом. В систему моды входят субъекты, обладающими вполне реальными экономическими интересами, которые во многом определяют особенности и порядок производства и потребления модных благ.

Недостаточная научная разработка проблематики социально-экономических аспектов моды может привести к существенному теоретико-методологическому пробелу в изучении механизмов производства, распределения и потребления в современном обществе. «Эстетическую сторону моды, конечно, нельзя отрицать, – отмечалось Л. В. Архиповой по этому поводу, – однако она далеко не исчерпывает многообразия этого феномена и не раскрывает его социально-экономических аспектов, обуславливающих объективный характер формирования и развития моды»⁵²⁹. В контексте увеличения доли потребления знаковых благ в современной экономике и роста

⁵²⁷ Зиммель, Г. *Мода* / Г. Зиммель // *Избранное. Созерцание жизни* : пер. М. И. Левиной / Г. Зиммель ; редкол.: С. Я. Левит [и др.]. – М. : Юристъ, 1996. – Т. 2. – 608 с.

⁵²⁸ Курдюмова, Р. Б. *Эволюция концепций моды как социокультурного явления: историко-критический анализ*: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.01 / Р. Б. Курдюмова. – Москва, 2005. – 185 л. – С. 26.

⁵²⁹ Архипова, Л. В. *Мода и ее влияние на спрос населения* : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Л. В. Архипова. – М., 1977. – 214 л. – С. 5.

производства знаковых меновых стоимостей экономическая природа моды представляется чрезвычайно актуальной, хотя и до настоящего времени недостаточно изученной темой. Ж. Липовецкий объясняет это противоречие тем, что «мода онтологически и социально оказывается сферой низшей, как будто она не заслужила теоретических исследований; то, что вопросы моды воспринимаются как поверхностные, препятствуют концептуальному отношению к ней»⁵³⁰. Невозможно игнорировать факт колоссального влияния моды на механизмы производства, присвоения и социально значимого потребления благ в современной экономике, что обуславливает актуальность развития теоретических основ моды.

Основоположником синкретичного подхода к рассмотрению моды как экономического феномена (В. Зомбарт⁵³¹, Л. В. Архипова⁵³², И. В. Виниченко⁵³³) стал В. Зомбарт. Этот подход основан на выделении такой функции моды как стимулирование спроса. В. Зомбарт изучал влияние моды на экономическую систему общества как фактор развития некоторых отраслей промышленности. В моде ученый видел источник дополнительных конкурентных преимуществ для производителей. В. Зомбарт выделил функцию стимулирования спроса и изменения его структуры, подчеркивая, что «всякая мода всегда заставляет значительное количество лиц уравнивать свои потребности и, в то же время, изменять их раньше, чем стал бы делать это отдельный потребитель, если бы был независим»⁵³⁴. мода приводит к уравниванию скорее не самих потребностей, а форм их реализации. Увеличение скорости изменения форм реализации потребностей под влиянием моды детерминирует прямую зависимость спроса от темпов изменений моды, которая выступает фактором роста производства товаров.

Синкретичный подход в СССР развивала Л. В. Архипова, изучавшая экономический механизм взаимодействия моды и спроса различных групп населения. Справедливо подчеркивая, что «хотя воздействие моды на спрос очевидно, знания одного этого факта еще недостаточно, чтобы возможно полное учесть его при планировании производства и поставки

⁵³⁰ Липовецкий, Ж. Империя эфемерного. мода и ее судьба в современном обществе / Ж. Липовецкий. – М. : Новое литературное обозрение, 2012. – 335 с. – С. 9.

⁵³¹ Зомбарт, В. Народное хозяйство и мода / В. Зомбарт. – СПб. : тип. акц. общ. Брокгауз-Ефрон, 1904. – 28 с. – С. 13.

⁵³² Архипова, Л. В. мода и ее влияние на спрос населения : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Л. В. Архипова. – М., 1977. – 214 л. – С. 5.

⁵³³ Виниченко, И. В. Прогнозирование спроса в модной индустрии / И. В. Виниченко // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2017. – № 11–1. – С. 140–142.

⁵³⁴ Зомбарт, В. Народное хозяйство и мода / В. Зомбарт. – СПб. : тип. акц. общ. Брокгауз-Ефрон, 1904. – 28 с. – С. 13.

товаров»⁵³⁵, Л. В. Архипова указывала на «необходимость выработки надежных критериев обновляемости промышленной продукции с учетом требований моды и особенностей предъявления спроса на модные изделия»⁵³⁶. Вслед за В. Зомбартом, Л. В. Архипова считала, что «соответствие товаров моде становится критерием покупательского выбора отдельных товаров, фактором, формирующим спрос населения»⁵³⁷. Инструменты формирования этого спроса зависят от специфических характеристик конкретной экономической системы, в рамках которой рассматривается механизм взаимодействия моды и спроса.

Представителям синкретичного подхода удалось теоретически обосновать обусловленность обновления товаров модой, доказать целесообразность использования моды в хозяйственной деятельности, выявить зависимость спроса различных групп населения от моды. Вместе с тем вне сферы их научного интереса остались механизмы создания добавленной стоимости таких товаров, значительная часть которой создается за счет труда творческого характера и нематериальных активов.

Вторым подходом к исследованию моды как экономического феномена является маркетинговый подход (В. П. Иваницкий⁵³⁸, Д. А. Шевченко⁵³⁹, М. С. Щеглов⁵⁴⁰), согласно которому действие моды в экономике проявляется в формировании репутации, использовании бренда, повышении имиджа, выполняющих информационную функцию, за счет которой создается добавленная стоимость товаров. В литературе справедливо отмечается, что сегодня «рыночные цены все меньше соотносятся с себестоимостью продукции, которая все реже появляется на рынке без соответствующего бренда»⁵⁴¹. Повышенное внимание исследователей, в той или иной мере затрагивающих в своих трудах тематику экономической при-

⁵³⁵ Архипова, Л. В. *Мода и ее влияние на спрос населения* : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Л. В. Архипова. – М., 1977. – 214 л. – С. 4.

⁵³⁶ Архипова, Л. В. *Мода и ее влияние на спрос населения* : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Л. В. Архипова. – М., 1977. – 25 с. – С. 21.

⁵³⁷ Там же. – С. 21.

⁵³⁸ Иваницкий, В. П. Репутационный капитал как элемент стратегического планирования предприятий индустрии моды / В. П. Иваницкий, М. С. Щеглов // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент.* – 2012. – № 22 (281). – С. 11–17. – С. 11–12.

⁵³⁹ Шевченко, Д. А. Продвижение брендов в фэшн-индустрии средствами связей с общественностью / Д. А. Шевченко // *Практический маркетинг.* – 2014. – № 5 (207). – С. 34–40.

⁵⁴⁰ Иваницкий, В. П. Репутационный капитал как элемент стратегического планирования предприятий индустрии моды / В. П. Иваницкий, М. С. Щеглов // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент.* – 2012. – № 22 (281). – С. 11–17. – С. 11–12.

⁵⁴¹ Белл, Д. *Эпоха разобщенности: Размышления о мире XXI века* / Д. Белл, В. Л. Иноземцев. – М. : Центр исследований постиндустриального общества, 2007. – 304 с. – С. 250.

роды моды, к проблеме построения и продвижения бренда обусловлено тем, что в производстве модных товаров значительная часть добавленной стоимости формируется за счет создания и использования нематериальных активов, в частности, бренда. Следует оговориться, что нами не отождествляются понятия товарный знак и бренд. Мы согласны с мнением В. И. Кудашова, который определяет бренд как «зарегистрированный товарный знак, получивший широкую известность и репутацию у покупателей благодаря высоким потребительским свойствам и характеристикам выпускаемой продукции, уровень которых удовлетворяет их ожидания и которые получили высокую оценку покупателей»⁵⁴². Потребительские свойства включают в себя и знаковые характеристики продукции – уровень производимых знаковых благ, объективирующийся в узнаваемом бренде. В. П. Иваницкий и М. С. Щеглов подчеркивают взаимосвязь моды, бренда и репутации: «для клиентоориентированных сегментов репутация может выступать не только значимым активом, но и интегральным показателем эффективности хозяйственной деятельности. Одной из таких отраслей является индустрия моды»⁵⁴³. Репутация, в свою очередь, формируется во многом исходя из эффективности управления модой.

Механизм распространения моды изучался Д. А. Шевченко, который рассматривал продвижение брендов в индустрии моды сквозь призму использования маркетинговых коммуникаций, в первую очередь PR-технологий⁵⁴⁴. «Появление на рынке все большего количества фэшн-структур (Д. А. Шевченко использует понятие "фэшн-структура" как синоним «модного дома» – примечание авторов), их конкурентные предложения в соревновании за потребительский рынок, – пишет Д. А. Шевченко, – сформировали индустрию моды. Индустрия моды представлена производством и сбытом продукции и услуг, а также целой сетью посредников»⁵⁴⁵. В качестве субъектов индустрии моды данный автор рассматривает только модные дома, под которыми понимает «коммерческие организации, целью бизнеса которых является создание и производство пользующейся спросом одежды, обуви, сумок, перчаток, других аксессуа-

⁵⁴² Кудашов, В. И. Брендинг как инструмент успешного бизнеса / В. И. Кудашов // Экономика и управление. – 2009. – № 3. – С. 72–81. – С. 74.

⁵⁴³ Иваницкий, В. П. Репутационный капитал как элемент стратегического планирования предприятий индустрии моды / В. П. Иваницкий, М. С. Щеглов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. – 2012. – № 22 (281). – С. 11–17. – С. 11–12.

⁵⁴⁴ Шевченко, Д. А. Продвижение брендов в фэшн-индустрии средствами связей с общественностью / Д. А. Шевченко // Практический маркетинг. – 2014. – № 5 (207). – С. 34–40.

⁵⁴⁵ Там же. – С. 34.

аров, которые можно обозначить одним словом – одежда»⁵⁴⁶. Вместе с тем, исходя из такого понимания модного дома, следуя логике указанного автора, к субъектам индустрии моды можно отнести, например, предприятия, функциональным назначением которых является производство одежды и обуви, выполняющей в первую очередь утилитарную функцию. Эклектичность выбора субъектов индустрии моды снижает гносеологическую ценность этого подхода.

Заслугой представителей маркетингового подхода стало то, что они показали неоднозначность зависимости спроса и моды, выделили важнейший, по их мнению, фактор формирования добавленной стоимости товаров интенсивного обновления – бренд – и теоретически отразили механизмы действия этого фактора. Модное изделие, как правило, выпускается под известным брендом, одной из функций которого является информирование потребителя о том, соответствует ли товар моде, и на основе этого повышение спроса на данный товар. Вместе с тем приверженцами данного подхода не была отражена роль человеческого фактора, являющегося ключевым элементом системы производства знаковых благ.

Третьим подходом к исследованию моды как экономического явления стал субъектоцентрический подход (Е. Н. Андреева⁵⁴⁷, К. Гейл⁵⁴⁸, Ю. Кавамура⁵⁴⁹, Я. Каур⁵⁵⁰), состоящий в обосновании роли индивидов (или групп индивидов) в развитии бренда и создании моды. Дополняя положения представителей маркетингового подхода, Ю. Кавамура раскрывает сущность информационной функции бренда: «имя бренда помогает потребителям снова и снова покупать тот товар, который максимально удовлетворяет их потребности, и избегать неудачных покупок <...> марки из модных товаров (*бренды – примечание авторов*) ассоциируются с дизайнерским стилем и конкретным функциональным типом одежды и убеждают покупателей определенное качество по определенной цене»⁵⁵¹. Представители субъектоцентрического подхода концентрируют свое вни-

⁵⁴⁶ Шевченко, Д. А. Продвижение брендов в фэшн-индустрии средствами связей с общественностью / Д. А. Шевченко // Практический маркетинг. – 2014. – № 5 (207). – С. 34.

⁵⁴⁷ Андреева, Е. Н. Дизайнерские бренды в фэшн-бизнесе / Е. Н. Андреева. – Изд. 2-е. – Санкт-Петербург : Высшая школа менеджмента : Издат. дом С-Петерб. гос. ун-та, 2008. – 256 с. – С. 80.

⁵⁴⁸ Гейл, К. Мода и текстиль / К. Гейл, Я. Каур. – Минск : Гревцов Паблишер, 2009. – 227 с. – С. 74.

⁵⁴⁹ Кавамура, Ю. Теория и практика создания моды / Ю. Кавамура. – Минск : Гревцов Паблишер, 2009. – 177 с. – С. 119.

⁵⁵⁰ Гейл, К. Мода и текстиль / К. Гейл, Я. Каур. – Минск : Гревцов Паблишер, 2009. – 227 с. – С. 74.

⁵⁵¹ Кавамура, Ю. Теория и практика создания моды / Ю. Кавамура. – Минск : Гревцов Паблишер, 2009. – 177 с. – С. 128.

мание на значении человеческого и социального факторов, в частности, роли дизайнера, объективизирующего моду в результатах своего творческого труда – конкретных товарах или услугах. Представители данного подхода подчеркивают тот факт, что мода не возникает сама по себе, она «как неосязамый культурный символ становится осязаемой и конкретной в процессе персонификации»⁵⁵². Тем самым обосновывается субъектный характер возникновения и распространения моды, зависимость этих процессов от интересов субъектов, входящих в эту систему. Ю. Кавамура пишет по этому поводу: «большинство участников системы моды регулярно выносят эстетические оценки, от которых зависит репутация модельеров и их творений. Таким образом, решающее значение имеет активное участие всех членов системы»⁵⁵³. Тем самым указанный автор в качестве главного фактора обосновывает действие субъектов индустрии моды, персонифицирующих функции ее создания и распределения и обладающих определенной активностью по отношению к другим субъектам.

Значение субъектов, образующих индустрию моды, подчеркивается и Е. Н. Андреевой. «Фэшн-индустрия, – пишет ученый, – совокупность творческой, экономической и управленческой деятельности, представляющая собой процесс, имеющий целью дизайн, производство, маркетинг и продажу фэшн-продукта, с постоянным перемещением условных границ между этапами этого процесса»⁵⁵⁴. Неслучайно творческая деятельность в этом перечне занимает первостепенную позицию. На преимущественно творческий характер деятельности субъектов моды указывает ряд авторов: «шум, поднимаемый вокруг моды и текстиля средствами массовой информации и журналистами, способствует тому, что они кажутся эфемерными и несущественными. В то же время обе отрасли связаны с затратами творческой энергии в той же степени, что и с бизнесом и денежными отношениями»⁵⁵⁵. Большая часть добавленной стоимости в производстве модных товаров создается на основе творческого труда, а мода при этом используется как хозяйственное благо, доступ к которому ограничен в силу нехватки компетенций трудовых ресурсов предприятия, недостатка креативного потенциала или условий для его реализации.

Вторым условием вхождения в систему моды является социальная среда, в которой находится субъект. Так, «успех и известность модельера

⁵⁵² Кавамура, Ю. Теория и практика создания моды / Ю. Кавамура. – Минск : Гревцов Паблицер, 2009. – 177 с. – С. 101.

⁵⁵³ Там же. – С. 119.

⁵⁵⁴ Андреева, Е. Н. Дизайнерские бренды в фэшн-бизнесе / Е. Н. Андреева. – Изд. 2-е. – Санкт-Петербург : Высшая школа менеджмента : Издат. дом С-Петербур. гос. ун-та, 2008. – 256 с. – С. 80.

⁵⁵⁵ Гейл, К. Мода и текстиль / К. Гейл, Я. Каур. – Минск : Гревцов Паблицер, 2009. – 227 с. – С. 74.

невозможно объяснить исключительно его талантом и выдающимися творческими способностями; чтобы выяснить, каким образом он получает официальное признание как дизайнер моды – творец, необходимо понимать формальную структуру модного сообщества. <...> Чтобы деяние человека было признано творческим актом, а результат его работы – продуктом творчества, в действие должны вступить особые внешние силы»⁵⁵⁶. На эти процессы значительное влияние оказывает социальный капитал, накопленный участниками системы моды и позволяющий снизить транзакционные издержки при их взаимодействии, а зачастую, и выступающий предпосылкой такого взаимодействия. От уровня социального капитала, в том числе индивидуального, зависят условия вхождения субъектов в систему моды. В производстве модных товаров важным условием эффективности предприятия становится быстрота производственного цикла. Резервом его ускорения является снижение транзакционных издержек, во многом зависящих от уровня накопленного субъектом хозяйствования социального капитала.

Заслугой представителей субъектоцентрического подхода стало то, что им удалось отразить роль субъекта, объективизирующего действие фактора моды в производстве модных товаров, показать его значимость и необходимость учета на каждой стадии создания, распределения и потребления этих товаров. Вместе с тем задачи выявления механизмов использования этого субъектного фактора для роста производства модных товаров представителями субъектоцентрического подхода поставлены и, следовательно, решены не были.

Несмотря на кажущуюся очевидной взаимосвязь моды, спроса и того факта, что использование моды как хозяйственного блага повышает спрос на продукцию, далеко не все производители ориентированы на выпуск модных изделий. Во-первых, это обусловлено нежеланием нести дополнительные издержки, связанные с производством модного продукта. мода, как известно, обладает свойством цикличности, что приводит к значительным колебаниям спроса на модные товары в зависимости от стадии модного цикла: «в период подъема моды наблюдается резкое увеличение спроса населения на вошедшие в моду изделия, а промышленность, как правило, не успевает полностью удовлетворить потребности рынка. В период спада моды, наоборот, образуются значительные излишки нереализованной продукции и впоследствии часть товаров не находит сбыта»⁵⁵⁷. Возникновение дополнительных затрат в процессе разработки и внедрения в производство обновленных моделей продукции обусловлено необ-

⁵⁵⁶ Кавамура, Ю. Теория и практика создания моды / Ю. Кавамура. – Минск : Гревцов Паблицер, 2009. – 177 с. – С. 92–93.

⁵⁵⁷ Архипова, Л. В. мода и ее влияние на спрос населения : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Л. В. Архипова. – М., 1977. – 25 с. – С. 21.

ходимостью изменения технологий и наличия специфического трудового потенциала с высоким уровнем креативности, мотивации и скорости работы. При использовании бизнес-моделей, характеризующихся ускоренным обновлением ассортимента, скорость производственных циклов многократно возрастает, к чему многие производители технико-технологически не готовы.

Во-вторых, неучет фактора моды может быть обусловлен отсутствием мотивации руководителей предприятий брать на себя риски, которыми сопровождается производство и появление на рынке модных изделий. Не любой модный товар воспринимается потребителем положительно. Среди отдельных групп населения существует такое явление как преднамеренное игнорирование моды или «мода на отказ от моды». Не всегда справедливо утверждение о том, что «механизм восприятия моды потребителями доведен до автоматизма: что модно, то и хорошо»⁵⁵⁸. Формирование потребительских вкусов и предпочтений – сложная система, характеризующаяся наличием различных, зачастую противоположных, течений и тенденций.

В-третьих, даже при наличии заинтересованности руководителей предприятий использовать фактор моды в хозяйственной деятельности, специфика конкретной производственной системы не всегда обеспечивает условия для реализации этого. Важнейшим фактором производства модных товаров является творческий труд, носитель способности к которому, как правило, обладает сложной системой трудовой мотивации. По мере развития науки и расширения влияния знания в экономике и обществе происходит изменение содержания труда и приобретение им новых признаков, таких как возрастающая интеллектуальная составляющая, творчество, креативность, свобода. В результате стирания граней между творчеством и трудом возникает вопрос: где заканчивается творчество или свободная деятельность человека и начинается труд? В этой связи В. Е. Золотухин обращает внимание на парадоксальность феномена «труд», который «выступает одновременно и как вынужденная, и как творческая, человекоориентированная деятельность»⁵⁵⁹. Отвечая на вопрос о критерии разделения свободной деятельности и труда, ученый приходит к выводу, что «в зависимости от формы реализации и разрешения этого принципиального противоречия можно различать труд и его альтернативную форму, которую философы чаще всего квалифицируют как свободную деятельность. Там, где доминируют внутренние для человека цели деятельности, а внешние выступают подчиненными – реализуется свободная деятельность. Там же, где веду-

⁵⁵⁸ Архипова, Л. В. Мода и ее влияние на спрос населения : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Л. В. Архипова. – М., 1977. – 25 с. – С. 9.

⁵⁵⁹ Золотухин, В. Е. Парадоксальная сущность труда / В.Е. Золотухин // Социологические исследования. – 2010. – № 10. – С. 150–151. – С. 151.

щую роль в процессе деятельности играют внешние для человека цели деятельности, а внутренние лишь подчиненны – реализуется труд»⁵⁶⁰. Таким образом, одна и та же деятельность может выступать и как труд, и как творчество в зависимости от реально-онтологической формы ее реализации.

Специфика творческого и интеллектуального труда определяет особенности потребностей индивидов, занятых этим трудом, что, в свою очередь, требует построения особой системы стимулирования труда. Как отмечает В. Л. Иноземцев, «сегодня можно лишь уверенно утверждать, что основой для перехода к обществам постиндустриального типа являются не столько новые технологии или знания (это, выражаясь математическим языком, необходимое условие), сколько изменение самого человека, обретение им качественно новой мотивации (достаточное условие)»⁵⁶¹. По существу В. Л. Иноземцев говорит о переходе системы мотивации на новый качественный уровень и ее усложнении. При относительно высоком уровне жизни в экономически развитых странах действие материальных факторов ослабевает. Система экономического стимулирования также должна усложняться, что обуславливает необходимость ее совершенствования, в особенности в тех сферах, где человеческий капитал является важнейшим фактором создания добавленной стоимости и труд носит преимущественно творческий характер.

В коммуникативном процессе моды задействовано множество субъектов, которые «участвуют в нем с различной степенью активности и эффективности»⁵⁶², поэтому источником модной коммуникации выступает не только производитель, но и потребитель модных товаров и другие участники модной коммуникации. Под модной коммуникацией, вслед за А. Б. Гофманом, будем понимать цикл коммуникации в моде, состоящий из «производства, распространения и потребления модных стандартов и реализующих их объектов, фаз, осуществляемых соответствующими категориями участников моды»⁵⁶³. В этом контексте возникает вопрос относительно источника возникновения модных тенденций в обществе.

В литературе сложилось три точки зрения относительно источника модной коммуникации: модная коммуникация может исходить: во-первых, от производителя к потребителю: «при возникновении современной моды роль потребителя ограничивается минимумом; двигательной силой в этом процессе во всяком случае является скорее капиталистический

⁵⁶⁰ Золотухин, В. Е. Парадоксальная сущность труда / В.Е. Золотухин // Социологические исследования. – 2010. – № 10. – С. 150–151. – С. 151.

⁵⁶¹ Иноземцев, В. Л. Постиндустриальное хозяйство и «постиндустриальное» общество / В. Л. Иноземцев // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – С. 140–152. – С. 151.

⁵⁶² Гофман, А. Б. Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения / А. Б. Гофман. – Изд. 5-е. – М.: КДУ, 2013. – 228 с. – С. 156.

⁵⁶³ Там же. – С. 132.

предприниматель»⁵⁶⁴; во-вторых, от потребителя к производителю: «всякому изменению в моде предшествует скрыто созревшая и не вполне осознаваемая общественная потребность. <...> Именно созревшая общественная потребность в подавляющем большинстве случаев диктует, на какие явления налагается печать моды, а на какие нет»⁵⁶⁵; в-третьих, при определенных условиях от любого субъекта модной коммуникации: «если деятельность производителей и распространителей недостаточно эффективна, то модный знаковый спрос со стороны потребителей начинает превышать модное знаковое предложение. В результате это порождает повышенную активность потребителей в поисках модных стандартов, "мод". Не обнаруживая этих сообщений со стороны производителей и распространителей, потребители либо сами начинают создавать и распространять их, либо ищут (и находят) их вне своего общества»⁵⁶⁶, что будет оказывать влияние на изменение спроса на модные товары.

Роль потребителей в модной коммуникации подчеркивает и Ж. Липовецкий, который отмечает, что «никакая "фривольная" экономика не может состояться без синергии важнейших культурных целесообразностей, к которым относятся комфорт, эстетические качества, индивидуальный выбор, новизна»⁵⁶⁷. Игнорирование фактора моды и нежелание производителей участвовать в модной коммуникации на самых ее ранних стадиях может привести к вытеснению производителей на периферию модной индустрии. В этом случае «производители становятся пассивными получателями информации от распространителей и потребителей о том, что уже "в моде"; таким образом, отставание от реальных потребностей становится хроническим»⁵⁶⁸. Для повышения эффективности производства модного продукта, т. е. возможности создания более высокой добавленной стоимости, предприятие должно быть вовлечено в процессы модной коммуникации на как можно ранних стадиях производства.

Изменчивость и массовость моды ускоряет воспроизводство форм реализации потребностей человека. Сегодня, во многом благодаря фактору моды, система потребностей преобразуется. Например, ношение модной одежды может удовлетворять не только физиологические потребности человека или потребности в безопасности (защитная функция одежды),

⁵⁶⁴ Зомбарт, В. Народное хозяйство и мода / В. Зомбарт. – СПб. : тип. акц. общ. Брокгауз-Ефрон, 1904. – 28 с. – С. 23.

⁵⁶⁵ Петров, Л. В. Мода как общественное явление / Л. В. Петров. – Л. : О-во «Знание» РСФСР Ленингр. организация, 1974. – 32 с. – С. 18–19.

⁵⁶⁶ Гофман, А. Б. Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения / А. Б. Гофман. – Изд. 5-е. – М. : КДУ, 2013. – 228 с. – С. 156.

⁵⁶⁷ Липовецкий, Ж. Империя эфемерного. Мода и ее судьба в современном обществе / Ж. Липовецкий. – М. : Новое литературное обозрение, 2012. – 335 с. – С. 210.

⁵⁶⁸ Гофман, А. Б. Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения / А. Б. Гофман. – Изд. 5-е. – М. : КДУ, 2013. – 228 с. – С. 58.

но и эстетические, а также потребность в самовыражении. Т. Веблен абсолютизировал этот тезис, отнеся потребность в одежде в контексте своего исследования к группе духовных потребностей: «рыночная стоимость товаров, используемых для одежды, в гораздо большей степени складывается из модности, репутации товаров, чем из той физической функции, которую они выполняют, облекая персону владельца. Потребность в одежде является явно "высшей", или духовной, потребностью»⁵⁶⁹. Специфика производства модных товаров заключается в использовании моды как хозяйственного блага, используемого в процессе творческого труда для создания знаковых меновых стоимостей.

На основании критического анализа концептуальных подходов к исследованию экономической природы моды установлено, что мода является важным фактором интенсификации потребления и производства в современной экономике. Цель производства модных товаров не ограничивается производством собственно самих вещественных благ, а включает в себя обеспечение доступа к росту (производству) социальных статусов различных групп населения. В условиях фактически обостряющегося социального неравенства и классовых различий производители используют моду не только в качестве стимулирующего фактора роста производства товаров, но и как инструмент достижения социального консенсуса в обществе. Под модой как социально-экономическим явлением нами предлагается понимать хозяйственное благо, преобразуемое в процессе творческой деятельности в целях создания товаров и услуг, массовое интенсивное потребление которых обусловлено стремлением индивидов в современном обществе к постоянным изменениям и определенному социальному статусу на основе обновления предметного окружения и принципов поведения.

Использование фактора моды позволяет производителю: во-первых, получать дополнительный положительный эффект за счет повышения спроса на продукцию, при создании которой был использован фактор моды. При этом следует учитывать, что фактор моды тем более ускоряет обновление товаров, чем общество динамичнее и мобильнее, более открыто, социально дифференцировано и богато. Во-вторых, интернационализировать сбыт товаров за счет встраивания в процессы распространения модных образцов, которые направлены, как правило, от центра к периферии. Копирование модных форм и образцов происходит не только среди социальных классов, но и среди социальных общностей. В-третьих, повышать добавленную стоимость создаваемых товаров за счет человеческого и социального капиталов, высокие уровни которых являются необходимым условием эффективности производства модных

⁵⁶⁹ Веблен, Т. Теория праздного класса / Т. Веблен. – Москва : Либроком, 2015. – 365 с. – С. 184–185.

товаров. В-четвертых, производить наряду с собственно товарами знаковые блага (создавать знаковую меновую стоимость), что позволяет менять структуру спроса и получать дополнительные экономические преимущества.

5.3 Мода как общественно-функциональная инновация

Современная экономика характеризуется кардинальными изменениями форм и инструментов конкуренции. Усилия промышленных предприятий концентрируются на достижении конкурентных преимуществ за счет оптимизации бизнес-процессов, обеспечивающих продвижение товаров. Во многом это связано с возрастанием в современном обществе удельного веса знакового потребления, что открывает новые возможности ведения конкурентной борьбы за потребителя. В системе продвижения товаров и услуг активно развиваются и усложняются формы общественно-функциональных инноваций, позволяющие изменить экономическую логику осуществления потребительского выбора в соответствии с экономическими интересами производителя.

Структуры производства и потребления товаров постоянно эволюционируют под влиянием изменений цивилизационного, экономического и социокультурного контекстов. При этом действие одних факторов, влияющих на трансформацию механизмов организации обмена между производителями и потребителями, характерного для пострыночной экономики, усиливается, других – ослабевает. В современном обществе усиливается влияние на эту группу экономических отношений социально-психологических факторов. Структуры потребления попадают под влияние разрушительной логики моды как инструмента реализации функции обозначения социальной динамики. «В первое время, – отмечает Ж. Бодрийяр, – можно, несомненно, рассматривать предметы сами по себе и их сумму в качестве признаков социальной принадлежности, но гораздо более важно рассматривать их в их выборе, их организации и их практике в качестве основы глобальной структуры окружения, которая в то же самое время является активной структурой поведения. Эта структура уже не будет прямо привязана к более или менее точно указанному статусу, описанному заранее, она будет анализироваться как элемент социальной тактики индивидов и групп, как живой элемент их стремлений, который в более обширной структуре может как совпасть с другими аспектами данной социальной практики (профессиональная карьера, воспитание детей, место жительства, сеть отношений и т. д.), так и частично противоречить

им»⁵⁷⁰. Потребляемые предметы, помимо своих традиционных (утилитарных, эстетических) функций, выполняют информационную функцию – сообщают о социальном статусе их обладателя. Эта функция заключается, однако, не столько в прямой фиксации и демонстрации статуса, сколько в отражении стремлений индивида к его динамике. Формы реализации этого стремления трансформируются под влиянием общественно-функциональных технологий, определяющих логику потребления, соответствующую реализации интересов товаропроизводителей.

Сегодня в мире наблюдается усиление борьбы за все виды ресурсов, при этом борьба за новые рынки сбыта и передел существующих ведется постоянно. П. С. Лемещенко справедливо подчеркивает, что сегодня «основным средством приращения, возрастания капитала стали не производство и технологические инновации, а манипуляции сознанием практически всех слоев населения»⁵⁷¹. Современные, в первую очередь общественно-функциональные технологии позволяют увеличить резервы потребления доступных рынков. «Если дальнейшее расширение рынков сбыта невозможно, – справедливо полагают О. Б. Кошовец и Н. А. Ганичев, – то единственным средством остается интенсификация потребления на уже доступных рынках. Мы (О. Б. Кошовец и Н. А. Ганичев – примечание авторов) полагаем, что проект ЦЭ (цифровой экономики – примечание авторов) как раз призван выполнить эту задачу»⁵⁷². Интенсификация потребления (обновления) может быть обусловлена технико-технологическими и общественно-функциональными факторами. И если действие технико-технологических факторов в научной литературе довольно подробно исследовано, в первую очередь на примере продукции радиоэлектроники⁵⁷³, механизмы устаревания которой закладываются уже на этапе производства, то механизмы интенсификации потребления, основанные на применении общественно-функциональных технологий, раскрыты в меньшей степени и нуждаются в теоретическом осмыслении. Трудности защиты от воздействия общественно-функциональных технологий заключаются в том, что не всегда удается их распознать, кроме того, затруднительно идентифицировать субъекта, их применяющего. Для обозначения новых общественно-функциональных технологий, которые могут быть коммерциализированы, используем понятие «общественно-

⁵⁷⁰ Бодрийяр, Ж. К критике политической экономии знака / Ж. Бодрийяр ; пер. с фр. Д. Краlechkin. М. : Академический Проект, 2007. – 335 с. – С. 23.

⁵⁷¹ Лемещенко, П. С. От стоимости к институциональной ценности / П. С. Лемещенко // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2013. – Вып. 1. – С. 46–68. – С. 51.

⁵⁷² Кошовец, О. Б. Глобальная цифровая трансформация и ее цели: декларации, реальность и новый механизм роста / О. Б. Кошовец, Н. А. Ганичев // Экономическая наука современной России. – 2018. – № 4 (83). – С. 126–143. – С. 128.

⁵⁷³ Там же. – С. 128.

функциональные инновации». Частным случаем сферы применения общественно-функциональных инноваций в экономике является управление механизмами потребительского выбора.

Итак, потребительский выбор сегодня все в большей степени формируется под воздействием общественно-функциональных инноваций, разнообразие форм и охват применения которых неуклонно возрастает. При этом становится важным «понимание специфики современной конкурентной борьбы, которая ведется теперь не только традиционными методами с помощью экономических и политических технологий, но и с применением информационных технологий, в первую очередь воздействующих на сознание людей»⁵⁷⁴. Общественно-функциональные инновации способны влиять на экономическое поведение людей. Последствием распространения их новых форм является формирование определенных потребительских предпочтений индивидов и интенсификация потребления. Частным случаем общественно-функциональных инноваций в современном обществе, обеспечивающих постоянное обновление товаров, является действие моды. Несмотря на то, что под влиянием моды во многом формируются принципы поведения и образ жизни людей, традиционно в индустрию моды включается в первую очередь производство и потребление текстиля, одежды, обуви, аксессуаров, косметики и парфюмерии, а экономические отношения моды складываются между производителями модного продукта – дизайнерами, модными домами, предприятиями легкой промышленности и др. – и потребителями. «Ценность моды, – справедливо отмечает по поводу взаимодействия участников системы моды Ю. Кавамура, – результат достижения согласия между всеми участниками системы моды, а наибольшим влиянием обладают те из них, кто контролирует доступ к каналам распределения. Люди стремятся обладать модными вещами, потому что их заставляют думать, будто модное всегда лучше и красивее немодного»⁵⁷⁵. Это убеждение позволяет, во-первых, поддерживать спрос на модные товары на относительно высоком уровне; во-вторых, обеспечить их постоянное обновление; в-третьих, многократно ускорять это обновление. Важным свойством моды является ее динамизм, т. е. постоянная смена форм и образцов, однако в своем постоянном стремлении к смене этих форм и образцов и заключается постоянство моды.

Другим свойством моды является ее недетерминированность и, как следствие, цикличность, т.е. «периодическая обращенность в прошлое,

⁵⁷⁴ Солодовников, С. Ю. Проблемы и перспективы развития социального потенциала в Республике Беларусь / С. Ю. Солодовников // Проблемы управления. – 2012. – № 2 (43). – С. 95–98. – С. 97.

⁵⁷⁵ Кавамура, Ю. Теория и практика создания моды / Ю. Кавамура. – Минск : ГревцовПаб-лишер, 2009. – 177 с. – С. 119.

к традициям»⁵⁷⁶, возвращение к формам и образцам, которые уже когда-то прошли весь модный цикл. Ж. Бодрийяр пишет по этому поводу: «Мода – это стадия чистой спекуляции в области знаков, где нет никакого императива когерентности или референтности, так же как у плавающих валют нет никакого устойчивого паритета или конвертируемости в золото; для моды (а в скором будущем, вероятно, и для экономики) из такой недетерминированности вытекает характерная цикличность и повторяемость, в то время как из детерминированности (знаков или же производства) следует непрерывный линейный порядок. Так в форме моды уже угадывается грядущая судьба экономики: на пути универсальных подстановок мода идет далеко впереди денег и вообще экономики»⁵⁷⁷.

Чем выше уровень открытости общественной системы, тем в большей степени мода влияет на поведение ее социально-экономических субъектов. На первый взгляд кажется, что индивиды постоянно стремятся к новому, и мода служит для удовлетворения их потребности к переменам и к обновлению. «В самом деле, – поясняет Ж. Бодрийяр, – мода не отражает какой-то естественной потребности в изменении: удовольствие, получаемое от смены одежды, предметов, машины, появляется, чтобы психологически санкционировать принуждение совсем иного порядка, принуждение социального различия и престижа. Эффект моды возникает лишь в обществе социальной мобильности (причем за определенным порогом экономических возможностей). Растущий или снижающийся социальный статус должен быть вписан в постоянный прилив и отлив различительных знаков. Определенный класс уже не может быть четко связан с определенной категорией предметов (или с определенным стилем в одежде): наоборот, все классы привязаны к изменению, все принимают в качестве некоей ценности необходимость моды – точно так же, как все они (в большей или меньшей степени) причастны универсальному императиву социальной мобильности. Иначе говоря, предметы играют роль показателей социального статуса, а поскольку этот статус приобрел возможность изменяться, предметы будут всегда свидетельствовать не только о достигнутом положении (как они всегда делали), но, вписываясь в различительный круг моды, и о возможностях изменения этого социального статуса»⁵⁷⁸. Более того, Ж. Бодрийяр называет приверженность масс к моде не свидетельством их мобильности и готовности к переменам, а, напротив, фактором социальной инертности.

⁵⁷⁶ Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политекономия / главн. науч. ред. и сост. С. Ю. Солодовников. – Минск: МФЦП, 2002. – 1007 с. – С. 511.

⁵⁷⁷ Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – М.: "Добросвет" 2000. – 387 с.

⁵⁷⁸ Бодрийяр, Ж. К критике политической экономии знака / Ж. Бодрийяр / пер. с фр. Д. Крачечкин. – М.: Академический Проект, 2007. – 335 с. – С. 45.

Современная промышленность характеризуется смещением центров капитализации прибыли в цепочках создания добавленной стоимости. Если во второй половине XX в. наблюдалось их движение от непосредственно материального производства к дизайну, маркетингу и логистике, то сегодня можно говорить об их смещении в сферу создания и обслуживания компьютерных систем управления бизнес-процессами и систем управления технологическими процессами использования больших данных. Сбор и анализ больших данных позволяет на самых ранних этапах выявлять изменения потребительских предпочтений, что открывает возможности для получения конкурентного преимущества в скорости реагирования на изменения спроса. Таким образом, в продвижении все большую роль играют технологии управления неценовыми факторами потребительского выбора.

Компетенции в области применения современных форм общественно-функциональных инноваций начинают играть определяющую роль в эффективности продвижения товаров, в первую очередь, потребительских, поскольку индивиды оказываются менее всего защищены от применения общественно-функциональных технологий, и в эффективности системы в целом, что обуславливает необходимость их опережающего развития. Как отмечается в литературе, в последнее время «снижается вес факторов, относящихся к самому продукту (его уникальность, хороший дизайн) (*обусловленных изменением технологии производства товаров – примечание авторов*), и возрастает важность маркетинговых факторов, связанных с продвижением продукта, – известность торговой марки, реакция на запросы покупателей, предоставление покупателям более выгодных условий оплаты и сервиса»⁵⁷⁹. В этих условиях, как справедливо отмечает А. Н. Ильин, накопление оказывается «дискредитировано, так как потребительская инфраструктура предлагает: 1) высокую оценку новых брендовых и модных товаров и выход из модного дискурса "старых", еще вчера модных вещей (поэтому "старые", теряя статус, утрачивают свою ценность и для накопления); 2) совершить статусную покупку "здесь и сейчас", не откладывая на потом, да еще и взять кредит, если финансовые возможности не позволяют именно в данный момент удовлетворить перманентное "желание модной новизны"»⁵⁸⁰.

Как нами отмечалось выше, в современном обществе возрастает доля знакового потребления. Данная тенденция находит свое отражение в увеличении потребления и, соответственно, росте производства тех товаров,

⁵⁷⁹ Ключевые проблемы развития легкой промышленности в России и способы их преодоления : аналит. отчет / отв. ред. сер. В. В. Радаев ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики» ; Лаб. экон.-социол. исслед. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. – 343 с. – С. 132.

⁵⁸⁰ Ильин, А. Н. Тенденция перманентного обновления вещей в условиях потребительского общества / А. Н. Ильин // Философия и общество. – 2016. – № 4. – С. 34–52. – С. 36.

спрос на которые формируется в большой степени под влиянием неценовых факторов – таких как мода, технологичность, уникальность, индивидуальность, бренд. Действие неценовых факторов усиливается с применением общественно-функциональных технологий, лежащих в основе реализации стратегий продвижения товаров. Данные факторы влияют на потребление в той степени, в которой они позволяют подчеркнуть социальный статус индивида или возможности его повышения. Демонстрация социальной дифференциации и принадлежности, таким образом, достигается за счет изменения характера и структуры потребления благ на не соответствующие доходу и социальному статусу, но позволяющие имитировать признаки потребления более высших классов. Стремление к знаковому потреблению обуславливает искажение экономической мотивации индивидов. Мода (и другие факторы) при этом сужает временные и пространственные рамки этих процессов, интенсифицируя обновление потребляемых товаров и услуг. Именно поэтому цель производства модных товаров не состоит исключительно в производстве вещественных благ, а включает в себя обеспечение доступа производству социального статуса. Субъекты модной индустрии (модные дома, некоторые предприятия легкой промышленности, дизайнеры и т. д.) персонализируют эту функцию.

В современной экономике происходят радикальные изменения методов и инструментов ведения конкурентной борьбы. В системе продвижения товаров и услуг активно развиваются и усложняются формы общественно-функциональных технологий, позволяющие изменить экономическую логику современного потребителя. Под их воздействием снижается значимость ценовых факторов при осуществлении потребительского выбора. Вследствие интенсификации потребления качество этих товаров также перестает играть определяющую роль при покупке. Все большее влияние на потребительский выбор оказывают общественно-функциональные инновации. Последние, частным случаем которых является использование моды как хозяйственного блага, позволяют навязать потребителю псевдомотивы, отвечающие не его экономическим интересам, а интересам товаропроизводителей. Кроме того, возможность копирования образцов поведения более высших классов, включая потребление модных товаров, сглаживает проявление форм реального социального неравенства.

5.4 Индустрия моды в контексте устойчивого развития

В современном обществе, характеризуемом как «общество потребления» (Ж. Бодрийяр), происходит возрастание уровня экологических экс-

терналий экономического роста. При рассмотрении феномена моды в современном обществе отдельного внимания заслуживает проблема оценки экологических последствий развития индустрии моды.

Проблемы получения и присвоения природной ренты привлекали внимание ученых-экономистов на протяжении многих столетий. Вектор исследований чаще всего был направлен на совокупность общественных отношений по использованию и потреблению природных ресурсов. Во второй половине прошлого века внимание исследователей все в большей мере начинает привлекать проблема ограниченности экологических факторов производства, что обусловило формирование взгляда на природную ренту как на «отношения по сохранению экологического равновесия и воспроизводству природных комплексов <...>. Нельзя отрицать самостоятельного значения природной ренты, основанной на потребительской ценности природного ресурса, – справедливо отмечает Е. Г. Филимонова, – но рентные отношения такого характера носят узкоцелевую направленность. Они могут и часто не в полном объеме обеспечивать воспроизводство отдельных видов ресурсов, но не экосистемы в целом, элементом которой они являются»⁵⁸¹. Высокая дифференциация стран по критерию институционального оформления подходов к содержанию экологической ренты, отвечающей требованиям сегодняшнего социо-эколого-экономического развития, влияет на структуру и размещение мировых производительных сил. Низкие экологические и социально-трудовые стандарты и далеко не неукоснительное их соблюдение в некоторых странах привлекают международные инвестиции в производство текстиля, обуви, одежды и аксессуаров, что позволяет лидерам индустрии моды получать сверхприбыли за счет присвоения природной ренты, практически не возмещающей экологические издержки.

Ранее нами отмечалось, что «мир в XXI в. кардинально изменился. И дело не только в нарушении геополитических равновесий, формировании однополярного мира и усилении борьбы за все виды ресурсов, но и в том, что человечество начинает по-новому смотреть на цели и критерии общественного прогресса»⁵⁸². Об этом свидетельствует и экспертная оценка масштабов негативного влияния индустрии моды на окружающую среду: сегодня «на долю индустрии одежды приходится 10% глобальных выбросов углекислого газа, она является вторым по величине промышленным загрязнителем, уступая только нефтяной промышленно-

⁵⁸¹ Филимонова, Е. Г. Рента природная, экологическая, экономическая – проблемы определения / Е. Г. Филимонова // Записки Горного института. – 2014. – Т. 208. – С. 75 – 80. – С. 77–78.

⁵⁸² Солодовников, С. Ю. Гносеологические трудности при изучении классов в постиндустриальном обществе / С. Ю. Солодовников // Социологический альманах. – 2012 – № 3. – С. 74–91. – С. 74.

сти»⁵⁸³. Загрязнения почвы пестицидами при выращивании хлопка, высокое потребление воды (например, для производства футболки требуется 2 700 литров воды, что соответствует тому количеству воды, которое в среднем выпивает человек в течение 900 дней⁵⁸⁴), использование нефти для производства синтетических материалов, химикатов для производства и окрашивания текстильных материалов – лишь некоторые примеры негативного воздействия индустрии моды на природу. Это обуславливает актуальность исследования, посвященного выявлению факторов взаимобусловленности развития индустрии моды и устойчивого развития.

Как нами отмечалось выше, под влиянием моды формируются принципы поведения и образ жизни людей, однако в экономических исследованиях традиционно в индустрию моды включается производство и потребление текстиля, одежды, обуви, аксессуаров, парфюмерии. Экономические аналитические исследования в сфере индустрии моды принято производить на основе показателей легкой промышленности, оптовой и розничной торговли, услуг по дизайну одежды и обуви⁵⁸⁵. В контексте исследования соотношения развития устойчивого развития и индустрии моды последняя может быть рассмотрена как система производства, распределения, присвоения и потребления, обладающих знаковой меновой стоимостью модных благ, на функционирование которой направлена производственная, управленческая, интеллектуальная, творческая и информационная деятельность субъектов различных секторов экономики, обеспечивающих постоянную обновляемость данных благ.

Зачастую в литературе швейная промышленность характеризуется как «экологически чистое производство»⁵⁸⁶. С данным тезисом можно согласиться лишь в контексте сравнительного анализа влияния на окружающую среду непосредственно процессов производства в различных отраслях промышленности. Действительно, швейное производство характеризуется низким уровнем загрязнения окружающей среды в сравнении с другими видами экономической деятельности, относимыми к промышленности. В то время как удельный вес производства текстильных изде-

⁵⁸³ Conca, J. Making Climate Change Fashionable – The Garment Industry Takes On Global Warming [Electronic resource] / J. Conca // Forbes. – Publ. date 03.12.2015. – Mode of access: <https://www.forbes.com/sites/jamesconca/2015/12/03/making-climate-change-fashionable-the-garment-industry-takes-on-global-warming/#1d57b4e079e4>. – Date of access: 24.01.2019.

⁵⁸⁴ Chung, Sh.-W. Fast fashion is «drowning» the world. We need a Fashion Revolution! [Electronic resource] / Sh.-W Chung // Greenpeace. – Publ. date 21.04.2016. – Mode of access: <https://www.greenpeace.org/international/story/7539/fast-fashion-is-drowning-the-world-we-need-a-fashion-revolution>. – Date of access: 15.01.2019.

⁵⁸⁵ Global fashion industry statistics – International apparel [Electronic resource] / FASHIONUNITED. – Mode of access: <https://fashionunited.com/global-fashion-industry-statistics>. – Date of access: 24.12.2018.

⁵⁸⁶ Петрова, И. В. Эффективный аутсорсинг: Механизм принятия управленческих решений / И. В. Петрова. – Москва : РИОР : Инфра-М, 2017. – 108 с. – С. 34.

лий, одежды, изделий из кожи и меха в общем объеме производства обрабатывающей промышленности в Республике Беларусь в 2017 г. составил 4,43%, на данный вид экономической деятельности приходилось всего 2,05% выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух от стационарных источников. По показателю «использование воды» доля производства текстильных изделий, одежды, изделий из кожи и меха сопоставима его доле в объеме производства обрабатывающей промышленности – удельный вес данного вида деятельности от общего объема использования воды обрабатывающей промышленности достигает 4,9%. По объему сброса воды доля исследуемого вида деятельности составляет всего 0,5%.

В то же время в структуре затрат на охрану окружающей среды в обрабатывающей промышленности затраты предприятий Беларуси по производству текстильных изделий, одежды, изделий из кожи и меха в 2017 г. составили 3,43% или 16,4 млн. руб. Большая часть этих средств (13,4 млн. руб.) было направлено на охрану и рациональное использование водных ресурсов, затем следовали расходы на охрану окружающей среды от загрязнения отходами производства (1,8 млн. руб.) и расходы на охрану атмосферного воздуха, сохранение озонового слоя и климата (1,9 млн. руб.). Весьма «экологично» выглядят показатели производства текстильных изделий, одежды, изделий из кожи и меха по показателю образования отходов производства – всего 126,6 тыс. тонн в год (по данным 2017 г.) или 0,26% от отходов производства обрабатывающей промышленности⁵⁸⁷. Таким образом, легкая промышленность в Республике Беларусь характеризуется сравнительно невысоким уровнем негативного воздействия на окружающую среду, сопоставимым (по удельному весу) с величиной затрат предприятий этого вида экономической деятельности на ее охрану. Основным источником загрязнений является текстильная и кожевенная отрасли, оказывающие негативное воздействие, прежде всего, на водные ресурсы.

Вместе с тем для объективной оценки воздействия индустрии моды на природу использования такого узконаправленного подхода становится недостаточно. Объект должен быть рассмотрен системно – от влияния на окружающую среду поставщиков сырья до утилизации продуктов потребления. Использование системного подхода в оценке воздействия легкой промышленности на природу обуславливает расширение объекта исследования – производства текстильных изделий, одежды, изделий из кожи и меха – до индустрии моды, производственной базой которой оно является. В условиях нарастания экологических угроз, усиления негативного антропогенного воздействия на природу, актуализации поиска меха-

⁵⁸⁷ Охрана окружающей среды в Республике Беларусь, 2018 : статистический сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск : Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2018. – 227 с.

низмов решения экологических проблем, рассмотрение экологических издержек материального производства в отрыве других звеньев цепочек создания стоимости и потребления не соответствует критериям устойчивого развития. «Сегодня сутью концепции устойчивого развития является разработка социально-экономических механизмов управления социоприродными системами на региональном, национальном и глобальном уровнях в целях обеспечения устойчивого роста благосостояния населения с минимальным ущербом для окружающей среды и здоровья человека»⁵⁸⁸. Поэтому воздействие индустрии моды на окружающую среду должно подлежать комплексной оценке.

О масштабах потребления в современном обществе свидетельствует следующая статистика: например, американцы сегодня потребляют в три раза больше, чем пятьдесят лет назад, они покупают в два раза больше предметов одежды, чем двадцать лет назад. В 1991 г. средний американец каждый год покупал 34 предмета одежды. К 2007 г. эта цифра увеличилась до 67, то есть новый предмет одежды каждые четыре-пять дней⁵⁸⁹. По оценкам экспертов, «ежегодно выпускается более 150 миллиардов швейных изделий, что позволяет выпускать 20 новых предметов одежды в год каждому человеку на планете. Американцы каждый год выбрасывают около 70 кг одежды на человека»⁵⁹⁰. Резкое увеличение темпов и объемов потребления одежды в последние годы обусловлено ускорением модных циклов и распространением феномена «быстрой моды», а также ростом населения на планете. По экспертным оценкам, сегодня «в среднем человек покупает на 60 процентов больше предметов одежды ежегодно чем 15 лет назад и примерно в два раза быстрее их выбрасывает»⁵⁹¹. С одной стороны, стремительный рост платежеспособного спроса на модные блага обеспечивает возможность создания и сохранения миллионов рабочих мест, а также роста целых национальных экономик. С другой стороны, производство становится «избыточно, и в этой избыточности оно нерационально как с точки зрения экологических приорите-

⁵⁸⁸ Солодовников, С. Ю. Экономический рост и истинные инвестиции: сущность и взаимообусловленность / С. Ю. Солодовников // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Серия: Теория и практика управления. 2017. – № 18 (23). – С. 56–63. – С. 58.

⁵⁸⁹ Schor, J. B. True Wealth. How and why millions of Americans are creating a time-rich, ecologically light, small-scale, high-satisfaction economy / J. B. Schor. – NY : Penguin Books, 2011. – 272 p.

⁵⁹⁰ Conca, J. Making Climate Change Fashionable – The Garment Industry Takes On Global Warming [Electronic resource] / J. Conca // Forbes. – Publ. date 03.12.2015. – Mode of access: <https://www.forbes.com/sites/jamesconca/2015/12/03/making-climate-change-fashionable-the-garment-industry-takes-on-global-warming/#1d57b4e079e4>. – Date of access: 24.01.2019.

⁵⁹¹ Cobbing, M. Fashion at the Crossroads: a review of initiatives to slow and close the loop in the fashion industry / M. Cobbing, Y. Vicaire // Hamburg, Greenpeace e.V. Germany 2017. – 107 p. – P. 15.

тов, так и с точки зрения духовного развития общества»⁵⁹² – последствия увеличения платежеспособного спроса и изменения структуры потребления приводят к резкому увеличению негативного воздействия человека на окружающую среду.

Наряду с отрицательным влиянием на экологию процессов производства и распределения текстиля, обуви и одежды (от сельскохозяйственных организаций до торговых сетей с готовой продукцией), существует проблема вторичного использования, переработки и утилизации отходов данной продукции. Культура потребления в современном обществе изменилась: «стало привычным покупать одежду, носить ее несколько раз или вообще ни разу не надеть и выбрасывать со все возрастающей скоростью. Отчеты показывают, что почти всю одежду, которая выбрасывается вместе с бытовыми отходами, можно было бы использовать снова, по оценкам, 95% можно было бы повторно носить, использовать или перерабатывать – в зависимости от состояния текстильных отходов. Вместо этого в странах с преобладающими потребительскими культурами подавляющее большинство старой одежды выбрасывается с бытовыми отходами и оказывается на свалках или мусоросжигательных заводах, что составляет миллионы тонн отходов текстиля во всем мире. Согласно отчетам, это судьба более 80% одежды, выброшенной в ЕС»⁵⁹³. Во многом изменение характера потребления обусловлено развитием явления «быстрой моды».

Современное общество – общество изобилия (Ж. Бодрийяр⁵⁹⁴) – характеризуется изменением системы потребления, «каковая является системой манипуляции знаками»⁵⁹⁵. Все большее число предметов наряду с их прагматическими функциями наделяется знаковыми функциями, которые зачастую становятся первичными, что предопределяет выбор современного покупателя. Потребление опосредовано процессами выбора и постоянного обновления вещей, в котором стремится участвовать каждый потребитель, поскольку он «переживает отличительные формы своего поведения как свободу, стремление, выбор; он не переживает их как принуждение к дифференциации и подчинение кодексу, – пишет Ж. Бодрийяр. – Но отличаться всегда означает в то же время принимать общий порядок отличий, который сразу оказывается фактом целостного обще-

⁵⁹² Ильин, А. Н. Тенденция перманентного обновления вещей в условиях потребительского общества / А. Н. Ильин // *Философия и общество*. – 2016. – № 4. – С. 34–52. – С. 46.

⁵⁹³ Cobbing, M. Fashion at the Crossroads: a review of initiatives to slow and close the loop in the fashion industry / M. Cobbing, Y. Vicaire // *Hamburg, Greenpeace e.V. Germany 2017*. – 107 p. – P. 13.

⁵⁹⁴ Baudrillard, J. *The Consumer Society. Myths & Structures* / J. Baudrillard. – London : SAGE Publications, 1998. – 208 p. – P. 25.

⁵⁹⁵ Там же. – P. 33.

ства и неизбежно выходит за рамки индивида»⁵⁹⁶. В современном обществе институтом, устанавливающим общий порядок отличий, является мода, которая символизирует социальную дифференциацию. Несмотря на то, что индустрия моды выделилась в полноценную сферу относительно недавно (вторая половина XX ст.), сегодня она является одной из самых быстро растущих индустрий. Количественная оценка развития индустрии моды затруднительна, поскольку она затрагивает все сферы жизнедеятельности человека. Это обуславливает и сложность оценки ее экологических экстерналий, что вместе с тем является актуальной проблемой в контексте устойчивого развития.

Не последнюю роль при этом играет всеобщая идеология экономического роста и оправданность на этой основе растущих объемов и интенсивности потребления. По мнению исследователей, в России «с потребительским гедонизмом связывается первое десятилетие 2000-х годов, называемое "жирными нулевыми", когда новая инфраструктура (торговые центры, кредитные карты и т. д.) и выросшие доходы создали условия и возможности для гедонистического потребления. Несмотря на то, что не все группы в российском обществе получили полный доступ к таким возможностям, изменения коснулись заметной его части»⁵⁹⁷. Подобная ситуация характерна и для белорусского общества.

Изменение структуры и культуры потребления, его интенсификация обуславливают быстрый рост масштабов данной проблемы в современном обществе⁵⁹⁸, в котором уровень потребления благ становится индикатором подразумеваемой социальной мобильности. Ж. Бодрийяр пишет по этому поводу: «Своим числом, увеличением, избытком, изобилием форм, игрой моды, всем тем, что в них выходит за рамки простой функции, вещи еще только симулируют социальную сущность – статус, этот знак предназначения, который дан только некоторым от рождения и которого большинство, ввиду другого предназначения, никогда не могло бы достигнуть. Это наследственное право (дано ли оно в силу крови или культуры) находится в самой глубине понятия статуса. Статус направляет всю динамику социального передвижения. В глубине всех стремлений скрывается идеальная цель статуса, данного рождением, статуса благодати и превосходства. Он в равной степени выражается в отношении к вещам. Именно он пробуждает этот бред, этот неистовый мир безделушек, фетишей, ко-

⁵⁹⁶ Baudrillard, J. *The Consumer Society. Myths & Structures* / J. Baudrillard. – London : SAGE Publications, 1998. – 208 p. – P. 61.

⁵⁹⁷ Гурова, О. Ю. Критический подход к потреблению / О. Ю. Гурова, А. Н. Толкачева // *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований*. – 2014. – № 2. – С. 4–8. – С. 4.

⁵⁹⁸ Serhiyevich, T. V. *Fashion industry development and sustainable development: different directed vectors* / T. V. Serhiyevich // *Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2018. – Вып. 8. – С. 79–79.*

торые призваны служить показателем статуса и организовать спасение посредством творений вследствие недостатка спасения посредством благодати»⁵⁹⁹. В то время как идеология моды и общества потребления функционирует под знаком всеобщей социальной мобильности, социологически оправданные шансы на кардинальное повышение статуса практически отсутствуют.

Ж. Бодрийяр категорически заявляет: «Общество потребления реализует стремление к вещам, но еще более оно нуждается в их разрушении. "Использование" вещей ведет только к их медленному отмиранию. Созданная ценность гораздо более значительна, если в нее заложено ее быстрое отмирание. Вот почему разрушение остается основной альтернативой производству: потребление только промежуточное звено между обоими»⁶⁰⁰. Не производство и потребление, а производство и разрушение Ж. Бодрийяр возводит в рамки парных категорий. «Система производства живет только ценой этого уничтожения, этого подсчитанного постоянного "самоубийства" совокупности объектов, что вся эта операция покоится на технологическом "саботаже" или на организованной устареваемости в силу моды, – подчеркивает Ж. Бодрийяр. – Реклама реализует чудо значительного увеличения потребления, преследуя цель не добавить, а лишить товары потребительской ценности, лишит их ценности времени, подчиняя ценности моды и ускоренного обновления»⁶⁰¹. Снижается ценность вещи как таковой, которая выражается как в ее потребительских, так и знаковых функциях; повышается ценность возможности быстро обновлять вещи, что само по себе является знаком.

Реклама является одной из форм общественно-функциональных технологий, формирующих потребительский выбор. «В условиях осуществления четвертой промышленной революции с её интеллектуальным гибким производством <...> конкурентоспособность промышленного предприятия формируется уже не только и не столько за счёт технико-технологических инноваций, сколько благодаря использованию общественно-функциональных инноваций»⁶⁰², поскольку именно последние закладываются в основу стратегий продвижения товаров.

В этих условиях становится крайне важным определить роль государства как конфигуратора социально-экономических интересов субъектов, входящих в систему моды, и общественных интересов. Мы подчеркивали,

⁵⁹⁹ Baudrillard, J. *The Consumer Society. Myths & Structures* / J. Baudrillard. – London : SAGE Publications, 1998. – 208 p. – P. 60.

⁶⁰⁰ Там же. – P. 47.

⁶⁰¹ Там же. – P. 36.

⁶⁰² Мелешко, Ю. В. Услуги промышленного характера и четвертая промышленная революция / Ю. В. Мелешко // *Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Серия: Теория и практика управления.* – 2018. – № 20 (25). – С. 71–77. – С. 74.

что «любое общество не является чем-то монолитным, а делится на множество социальных классов, которые обладают специфическими социально-экономическими интересами, причем интересы ряда этих классов всегда будут не соответствовать направлению устойчивого развития»⁶⁰³. Поэтому возникает необходимость наличия сильного «государства», которое, являясь представителем общественных интересов, создавало бы условия для реализации концепции устойчивого развития на национальном и региональном уровнях, а также отстаивало бы данные интересы на международной арене. Особенно важна роль государства в экономиках переходного типа, к которым все еще можно отнести экономику Республики Беларусь: «в трансформационных экономических системах необходимо, чтобы государство играло ведущую роль в конфигурировании социально-экономических интересов социальных субъектов»⁶⁰⁴ для обеспечения экономического роста с соблюдением экологических императивов.

Оценка экологических экстерналий индустрии моды не должна напрямую приводить к отказу от развития легкой промышленности и индустрии моды в нашей стране. Отказ от присвоения функции производства социальных статусов приведет не только к негативным последствиям экономического, но и социального характера. При определении направлений дальнейшего развития легкой промышленности и индустрии моды должны учитываться экологические угрозы в контексте реализации концепции устойчивого развития. «В условиях возрастающей конкуренции товаров и услуг на глобальных и локальных рынках страны не могут развивать только зеленые (экологически чистые) технологии, а вынуждены искать компромиссы и создавать коричневые технологии, занимающие промежуточное место между черной и зеленой экономикой. Это обусловлено, в частности, тем, что безоговорочное следование по пути устойчивого развития порождает большое количество экономических и социальных рисков, которые в совокупности при определенных условиях могут привести к угрозам национальной, социальной и экономической безопасности государства по причине снижения ВВП, роста номинальных и реальных доходов населения, а значит, могут способствовать росту социальной напряженности»⁶⁰⁵. Иллюзорность неукоснительной реализации принципов зеленой экономики

⁶⁰³ Солодовников, С. Ю. Экономический рост и истинные инвестиции: сущность и взаимообусловленность / С. Ю. Солодовников // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Серия: Теория и практика управления. 2017. – № 18 (23). – С. 56–63. – С. 58.

⁶⁰⁴ Солодовников, С. Ю. Перспективы и механизмы развития и капитализации социального потенциала Республики Беларусь / С. Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2013. – Вып. 1. – С. 5–33. – С. 17.

⁶⁰⁵ Солодовников, С. Ю. Направления создания, исследования и совершенствования в Республике Беларусь механизма хозяйствования, ориентированного на рост истинных накоплений / С. Ю. Солодовников // Актуальные проблемы, направления и механизмы

очевидна, поэтому необходимо развивать технологии в сфере производства, распределения, присвоения, потребления обладающих знаковой меновой стоимостью модных благ, а также их переработки и утилизации с учетом возможных экологических рисков.

Также следует отметить, что наряду с низкими экологическими стандартами, в многих странах, размещающих у себя производства, сохраняются крайне низкие социальные стандарты – активно используется детский труд, оплата труда остается крайне низкой, фактически отсутствуют социальные гарантии, нарушаются требования безопасности труда, что приводит к необратимым разрушительным социальным и экологическим последствиям. Крупнейшей техногенной катастрофой последних лет в индустрии моды стало обрушение здания, где располагались предприятия по пошиву одежды, что произошло в 2013 г. в Бангладеш. Во избежание нарушений жестких сроков выполнения работ владельцами швейных производств были проигнорированы требования по эвакуации работников из здания, находившегося в аварийном состоянии. Его обрушение повлекло гибель 1 129 человек и ранения около 2 500 человек⁶⁰⁶. При этом мировые корпорации, которые получают сверхприбыли за счет третьих стран, практически не несут ответственности за человеческий и экологический ущерб, поскольку лишь размещают заказы на выполнение работ по аутсорсингу.

А. Н. Ильин категорично заявляет: «Никакие ресурсосберегающие технологии, новые технические системы не решат экологических проблем, если культура останется потребительской, а в сознании широких масс людей не актуализируются ценности и установки на потребительские самоограничения, на скромность и умеренность в образе жизни, на участие в экологической деятельности»⁶⁰⁷. Данное противоречие (логика растущего потребления, оправдываемая модой, и экологический императив сохранения природы) определяет еще одну форму взаимосвязи моды и культуры. Частично разрешить это противоречие можно путем распространения концепции ответственного потребления, основывающейся на бережном отношении к природе, переработке ресурсов, принципах рационального (умеренного) потребления.

развития производительных сил Севера – 2018 : сборник статей Шестой Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием): в 3 частях. Ч. 2., Сыктывкар, 19–21 сент. 2018 г., – 2018. – С. 179–183. – С. 179–180.

⁶⁰⁶ Обрушение здания в Саваре [Электронный ресурс] / Википедия – свободная энциклопедия. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Обрушение_здания_в_Саваре. – Дата доступа: 30.07.2019.

⁶⁰⁷ Ильин, А. Н. Культура потребления и экология: проблемы взаимодействия / А. Н. Ильин // Человек в мире культуры. Региональные культурологические исследования. – 2017. – № 2/3 (21). – С. 164–174. – С. 173.

Таким образом, в современном обществе система потребления трансформируется. Институтом, устанавливающим общий порядок отличий, является мода, которая символизирует социальную дифференциацию. Ж. Бодрийяр последовательно раскрывает особенности системы манипулирования вещами как знаками, характерной для современного пострыночного общества. Знаковая меновая стоимость предмета становится определяющим фактором совершения покупки. Под влиянием развития общественно-функциональных технологий происходят качественные изменения механизмов потребительского выбора, что требует совершенствования технологий управления данными механизмами.

Сегодня необходимо по-новому взглянуть общественный прогресс, критерием которого должен стать не рост уровня потребления, а качественные характеристики человеческого капитала. При более детальном рассмотрении индустрии моды и ее влияния на окружающую среду выявляется крайне низкая степень экологичности последней. Масштабы техногенных угроз, порождаемых вследствие стремительного развития индустрии моды, обуславливают необходимость принятия мер по предотвращению этих угроз в планетарном масштабе. Соблюдение экологических императивов должно развиваться в двух направлениях – как в части усиления роли государства в защите общественных интересов на основе развития природоохранных технологий и совершенствования механизмов регулирования присвоения природной ренты, так и посредством вторичного использования и последующей переработки товаров, а также перехода к типу потребления, называемого «ответственным потреблением».

Усиление экологических угроз вследствие мирового роста индустрии моды не означает необходимость отказа отечественного производителя от претензий на место в этой системе, поскольку такой отказ никоим образом не повлиял бы на объемы потребления, а лишь предоставил бы еще большие конкурентные возможности для иностранных производителей товаров и услуг в индустрии моды. Наличие на белорусском рынке большого объема импорта товаров, обладающих высокой знаковой меновой стоимостью, открывает возможности для реализации собственного потенциала исследуемой индустрии на новых технологических основах, с учетом оценки уровня экологических издержек и распределения ответственности, а также разработки механизмов их снижения.

ГЛАВА 6. СТРУКТУРНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА И МОДЕРНИЗАЦИЯ РЕАЛЬНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ

6.1 Цели и инструменты реализации современной экономической политики

Цели современной экономической политики обуславливаются выбранной обществом стратегией социально-экономического развития, а также внешними и внутренними вызовами и угрозами. Зависимый характер экономической политики предопределяется функциональным назначением ее объекта – экономической системы общества. Напомним, что функциональное назначение экономических отношений в самом общем плане заключается в обеспечении общества необходимыми для его существования материальными условиями, средствами, благами, иначе говоря, – в обеспечении обмена общества веществом и энергией с окружающей средой. Экономическая политика, в свою очередь, направлена на содействие более быстрой и наименее затратной адаптации существующего хозяйственного механизма к изменяющимся внешним и внутренним условиям жизнедеятельности общества, а также к целям, которые общество перед собой ставит. При этом экономическая политика воплощает в себе результат борьбы между различными социальными классами и иными общественными группами за улучшение условий частно-группового присвоения экономических благ. В социальном государстве предусматриваются механизмы снижения социально-классовой напряженности, направленные на поддержание социальной справедливости, что также накладывает отпечаток на цели экономической политики.

В зависимости от избранного сложившегося господствующего хозяйственного уклада, т. е. от того, какие виды деятельности являются для данного социума локомотивами развития национальной экономики, трансформируется экономическая политика. Для государств, ориентированных на сохранение и развитие своего промышленного потенциала, целью экономической политики становится технологическая модернизация национального промышленного комплекса, подчинение финансовой политики промышленной политике, опережающее развитие услуг промышленного характера. Опережающий характер развития этих услуг обеспечит, с одной стороны, «формирование нового национального промышленного комплекса, основывающегося на наукоемких и высокотехнологичных и среднетехнологичных (высокого уровня) отраслях и модернизированных в сторону повышения доли добавленной стоимости, снижения материалоемкости и импортоёмкости традиционных отраслях промышленности»,

с другой стороны – «способствует формированию конкурентоспособной структуры всей сферы услуг»⁶⁰⁸.

Как нами неоднократно подчеркивалось выше, Республика Беларусь относится к государствам, ориентированным на формирование национальной экономики сверхиндустриального типа. Такая цель требует использования соответствующих инструментов реализации современной экономической политики. Именно выбор инструментов проведения экономической политики является сегодня одной из наиболее спорных проблем в экономической теории и практике. Это связано не только с тем, что ряд участников экономического дискурса по названной тематике предпочитают спорить о предпочтительности тех или иных инструментов, не потрудившись предварительно определиться с тем, какую именно экономику (сверхиндустриальную или сервисную – постиндустриальную) они предлагают строить, и не с тем, что некоторые участники дискурса занимают позицию, заведомо ангажированную зарубежными конкурентами, но и с тем, что применение любых инструментов в процессе реализации экономической политики всегда изменяет существующий в обществе паритет политико-экономических интересов. Последнее учесть иногда достаточно трудно и это само по себе может свести на нет все усилия по модернизации экономики, если эти усилия вызовут значительный рост социальной напряженности. Поэтому «в трансформационных экономических системах необходимо, чтобы государство играло ведущую роль в конфигурировании социально-экономических интересов социальных субъектов (для снижения социальной напряженности в обществе, роста социального капитала на общественном уровне, увеличении социального капитала в социальных группах, в том числе в классах, и хозяйственных субъектах в формах и пропорциях не искажающих сущность белорусской социально-экономической модели – социально-ориентированной, устойчивой, рыночной)»⁶⁰⁹.

В качестве главных (агрегированных) инструментов промышленной политики можно рассматривать промышленную политику, финансовую политику, социальную политику, структурную политику, демографическую политику, экологическую политику, внешнюю политику и т. д. Если перед обществом стоит задача провести новую индустриализацию для создания сверхиндустриальной экономики, то приоритетным инструментом

⁶⁰⁸ Мелешко, Ю. В. Направления и механизмы развития услуг промышленного характера в условиях модернизации экономики: на примере Республики Беларусь / Ю. В. Мелешко // Вестник факультета управления СПбГЭУ. – 2017. – № 1–2. – С. 201–205. – С. 205.

⁶⁰⁹ Солодовников, С. Ю. Перспективы и механизмы развития и капитализации социального потенциала Республики Беларусь / С. Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2013. – Вып. 1. – С. 5–33. – С. 17–18.

становится промышленная политика, именно ей должны подчиняться все остальные политики. Не следует понимать последнее высказывание буквально, поскольку не люди существуют для экономики, а экономика для людей – это проистекает из функционального назначения экономической системы общества. В социально ориентированной экономике социальная политика может и должна вносить заметные коррективы в экономическую политику.

Российский опыт проведения экономической политики, направленной на приоритетное развитие реального сектора экономики, за счет относительно успешного использования фондов развития промышленности, инвестиционных контрактов, налоговых преференций и т. д., показал, что «у многих предприятий приоритетных секторов экономики сохраняются серьезные проблемы с финансированием. При этом у них налицо дефицит инвестиций, простой мощностей и консервация высокого уровня износа основных фондов»⁶¹⁰. Российские авторы в данном контексте подчеркивают: «Факты к тому же таковы, что уровень монетизации экономики России по-прежнему остается одним из самых низких в мире, и это свидетельствует скорее о нехватке, нежели об избытке, денег в экономике РФ. Несмотря на периодическое подпитывание экономики РФ ликвидностью со стороны регулятора и отмечаемую им тенденцию к формированию профицита банковской ликвидности, многие предприятия сталкиваются с фактической нехваткой свободных денежных средств, что является одной из основных причин наблюдаемого в экономике РФ дефицита инвестиций. Поэтому вопрос о достаточности банковской ликвидности не следует отождествлять с более широким вопросом – о ликвидности в экономике в целом. Профицит банковской ликвидности может существовать наряду с нехваткой денежных ресурсов у предприятий, необходимых и для осуществления инвестиций в ключевых отраслях»⁶¹¹. Последнее обстоятельство актуально и для белорусской экономики, где также наблюдается фактическая нехватка денег в экономике, подтверждаемая низким уровнем ее монетизации. Нехватка денежных средств для белорусских предприятий может быть преодолена за счет целевой кредитной эмиссии.

В Российской Федерации по поводу источников финансирования экономической политики, ориентированной на экономический рост реального сектора экономики, сегодня ведется жаркая дискуссия. Не имея

⁶¹⁰ К развертыванию промышленной политики в России: еще раз о роли целевой кредитной эмиссии / М. В. Ершов, В. К. Поспелов, А. С. Танасова, В. Ю. Татузов // Российский экономический журнал. – 2017. – № 3. – С. 28–36. – С. 29.

⁶¹¹ Там же. – С. 29 – 30.

возможности в виду ограниченности объема нашей работы описать этот дискурс подробно и не считая, что в данном случае, исходя из предмета нашего исследования, это необходимо, остановимся лишь на реально-онтологических рекомендациях этого теоретического спора.

Оставляя в стороне традиционно либеральные подходы к решению любой экономической проблемы вообще и проблемы привлечения дополнительных ресурсов для обеспечения экономического роста реального сектора российской экономики за счет исключительно рыночных инструментов (например, А. Аганбегян утверждает: «Главным источником дополнительного экономического роста является прежде всего инвестиционный кредит за счет ресурсов российских банков»⁶¹²), отметим, что многие авторитетные российские экономисты, имеющие опыт государственного управления, предлагают использовать несколько альтернативных источников финансирования развития отечественной индустрии. Уже упомянутые выше М. Ершов, В. Поспелов, А. Танасова, В. Татузов пишут по этому поводу: «Разделяя дискурс, согласно которому ведущий источник денежных ресурсов, необходимых для ускорения экономического роста и повышения его качества, – банковское инвестиционное кредитование, ряд авторитетных экономистов полагает: *одним из источников финансирования промышленной политики способна стать целевая кредитная эмиссия*. Об этом идет речь, в частности, в разноформатных выступлениях С. Ю. Глазьева последнего времени (включая указанное выше и другие его журнальные публикации). Так, представляя в конце марта текущего года свою программу "12 шагов для экономического развития России", он отметил, что госбанки должны выстраивать свою деятельность исходя из задачи кредитования роста производства и инвестиций, причем процентные ставки необходимо регулировать "исходя из рентабельности производственной сферы". Этому могла бы способствовать целевая эмиссия, которая предусматривает (кроме традиционных механизмов финансирования банковского сектора Банком России) направление средств в экономику по дополнительным каналам»⁶¹³. Далее названные авторы добавляют, что «уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей ("бизнес-омбудсмен") Б. Ю. Титов и возглавляемый им Столыпинский клуб считают, что необходимый объем денежной эмиссии составляет около 1,5 трлн руб. в год. При этом еще в октябре 2015 г. этой группой

⁶¹² Абанбегян, А. От рецессии и стагнации через финансовый форсаж к экономическому росту / А. Абанбегян // Деньги и кредит. – 2016. – № 12. – С. 46–52. – С. 51.

⁶¹³ К развращиванию промышленной политики в России: еще раз о роли целевой кредитной эмиссии / М. В. Ершов, В. К. Поспелов, А. С. Танасова, В. Ю. Татузов // Российский экономический журнал. – 2017. – № 3. – С. 28–36. – С. 34.

экономистов подчеркивалась целесообразность приступить к целевой (связанной) денежно-кредитной эмиссии, в том числе по каналам: 1) кредитования инвестиционных проектов под низкий процент; 2) выкупа облигаций институтов развития и инвестиционных агентов, специализирующихся на финансировании инвестиционных проектов; 3) софинансирования ипотечного и инфраструктурного строительства; 4) программ кредитования МСП; 5) импортозамещения; 6) производства товаров для государственных нужд»⁶¹⁴.

С. Ю. Глазьев в программе «12 шагов для экономического развития России» подчеркивает, что ежегодный прирост денежной массы в Российской Федерации за несколько ближайших лет должен составить до 20 трлн. российских рублей. В рамках такой экономической политики «целевые средства Центрального банка РФ должны предоставляться уполномоченным банкам для кредитования конкретных направлений, соответствующих стратегическим приоритетам развития экономики. Эти средства могут предоставляться банкам по ставкам ниже ключевой и на более протяженные, чем традиционные инструменты рефинансирования, сроки; в свою очередь банки кредитуют целевые отрасли по ставкам также ниже ключевой ставки. И поскольку средства предоставляются на длительные сроки (для реализации инвестпроектов), доля "длинных денег" в структуре денежной массы возрастает. <...> Направление средств по целевым каналам обязано соответствовать "точкам роста", т. е. тем ключевым сегментам экономики, активизация которых обеспечивает наибольший эффект в отношении ускорения и повышения качества роста национальной экономики. <...> В целом использование механизма целевой долгосрочной эмиссии будет, на наш взгляд, способствовать: а) насыщению экономики "длинными деньгами"; б) диверсификации инструментов на рынке; в) оживлению соответствующего сегмента рынка; г) снижению процентных ставок. Кроме того, центробанковское участие в указанных механизмах позволит осуществлять необходимое финансирование бюджетных задач, не сокращая ликвидность финансового рынка в целом»⁶¹⁵.

Для Республики Беларусь вышеназванные инструменты финансирования экономической политики за счет целевого насыщения экономики «длинными деньгами» представляются сегодня наиболее целесообразными. В данном случае очень важно правильно определить приоритеты развития национального промышленного комплекса, как основы проведения современной структурной политики. Потенциальные риски и угрозы

⁶¹⁴ К развертыванию промышленной политики в России: еще раз о роли целевой кредитной эмиссии / М. В. Ершов, В. К. Поспелов, А. С. Танасова, В. Ю. Татузов // Российский экономический журнал. – 2017. – № 3. – С. 28–36. – С. 34.

⁶¹⁵ Там же. – С. 34 – 35.

в стратегическом планировании при проведении структурной политики нами описаны в первой главе на примере наноиндустрии. Не следует излишне бояться роста инфляции, поскольку последняя будет представлять реальную угрозу только в случае неэффективного (или нецелевого) расходования финансовых ресурсов. Без существенного роста нормы вложения в основной капитал в Беларуси невозможно осуществление новой индустриализации.

В зарубежной литературе подчеркивается: «Экономическая наука в результате изучения многолетней мировой хозяйственной практики доказывает, что среднегодовые темпы прироста ВВП в расчете на 1 человеко-час находятся в прямой зависимости от нормы вложений в основной капитал. Это подтверждается мировой практикой. Например, сравнение норм вложений в основной капитал в семерке ведущих стран в 1951–1973 гг. со средними в мире в эти годы свидетельствует о постоянстве соотношений между парами названных, показателей для стран с большим технологическим разрывом. Вот эти нормы и темпы, выраженные в процентах: Япония – 28,4:8; ФРГ – 23:6; Италия – 22,8:5,8; Франция – 21,2:5,1. По этим четырем странам соотношение показателей было кратным 3,8. Для США и более близких к ним по уровню техники в 1950 г. Великобритании и Канады соотношение норм и темпов было менее благоприятным. У Великобритании соответствующий коэффициент составлял 5,4 (16,6:3), у Канады – 7,6 (22,8:3) и у США – 7 (18,3:2,6). Самые высокие среднегодовые темпы прироста ВВП на душу населения наблюдались у стран среднего уровня экономического развития и составили 6,6%, при средней норме вложений в основной капитал более 26%. Группа наименее развитых стран продемонстрировала самый низкий годовой темп прироста ВВП на душу населения (в среднем 1,7%), что было связано с весьма низкой нормой капиталовложений – порядка 15–16%»⁶¹⁶. Оценивая экономические последствия евромайндана, украинский экономист П. С. Ещенко отмечает, что «в Украине инвестиции в основной капитал, характеризующие способность страны к развитию, находятся на крайне низком уровне. К моменту обретения ею независимости инвестиционный коэффициент (валовое накопление основного капитала к ВВП) был на уровне 25% (достаточном, по оценкам ЮНКТАД, для 9-процентного роста ВВП). Сегодня это 13%»⁶¹⁷. Иначе говоря, именно нормы вложений в основной капитал определяют темпы и продолжительность устойчивого экономического роста.

⁶¹⁶ Ещенко, П. С. Стагнация украинской экономики: незавершенность реформ или продуманная политика / А. С. Ещенко // Научный журнал «Экономика Украины». – 2017. – № 8 (661). – С. 29–46. – С. 39.

⁶¹⁷ Там же. – С. 39.

Республика Беларусь стремится сегодня к созданию сверхиндустриальной социально-ориентированной экономики в обществе, которое должно характеризоваться: «многоукладностью, с переходом частнокапиталистического уклада из доминирующего в периферийный, с сохранением его высокого предпринимательского потенциала как важного фактора общественного воспроизводства; нравственностью, т. е. выдвиганием морали в качестве важнейшего критерия и фактора формирования и развития международных политико-экономических отношений и национальных экономических систем; экологичностью, т. е. усилением экологического (природосберегающего) императива в процессах общественного воспроизводства; свертехнологичностью, воплощающейся в формировании в реальном секторе экономики 5-6-го технологических укладов»⁶¹⁸. Реализация данной задачи невозможна без насыщения экономики «длинными деньгами». Причем эти деньги должны быть направлены прежде всего на модернизацию национального промышленного комплекса. По нашему мнению, пытаться обойтись при этом без целевой (связанной) денежно-кредитной эмиссии невозможно. В нашей стране эта эмиссия должна несколько отличаться от российской, а именно следует сделать на упор на следующие инструменты: во-первых, кредитование инвестиционных проектов в реальном секторе экономики под низкий процент; во-вторых, софинансирование ипотечного и инфраструктурного строительства; в-третьих, импортозамещение; в-четвертых, производство товаров для государственных нужд.

6.2 Структурная политика в контексте технологической модернизации экономики

В контексте построения в нашей стране экономики сверхиндустриального типа структурная политика как составляющая экономической политики заслуживает, на наш взгляд, особого внимания. В соответствии с существующей традицией, под структурной политикой сегодня принято понимать систему мер, направленных на формирование таких межотраслевых, внутриотраслевых и региональных пропорций, которые позволяют обеспечить сбалансированное развитие экономики, повышение ее конкурентоспособности на основе использования достижений научно-технической революции с целью содействия успешной реализа-

⁶¹⁸ Солодовников, С. Ю. Тенденции и перспективы развития занятости и создания социально-научного сообщества в условиях модернизации транзитивной экономики: на примере Республики Беларусь / С. Ю. Солодовников // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д. Экон. и юрид. науки. – 2015. – № 6. – С. 2–9. – С 6.

ции проводимой государством социально-экономической политики. Вместе с тем, в терминологическом плане ученые-экономисты до настоящего времени не сумели соотнести понятия, используемые для описания современной структурной политики, в том числе такие как реиндустриализация, новая индустриализация, сверхиндустриальное общество, постиндустриальное общество и многие другие. В результате такая терминологическая чехарда в ряде случаев затрудняет соотнесение различных научных точек зрения, текстов, выводов и рекомендаций. Последнее само по себе значительно снижает теоретическое и практическое значение выводов и рекомендаций. Для того, чтобы преодолеть сложившийся кризис экономической мысли, П. С. Лемещенко и И. А. Лаврухина пишут о необходимости осуществить ее «парадигмальное обновление»⁶¹⁹. По справедливому мнению этих исследователей, несмотря на появившийся в последние годы определенный прогресс в развитии белорусской экономической мысли, «это не предотвратило снижения общетеоретического уровня национальной экономической науки. И проявилось в предметно-методологической неопределенности, нарушении алгоритма исследования, размытости выводов, а также в преобладающем использовании интуитивно-описательного метода»⁶²⁰.

Описание этой порождаемой сегодняшним методологическим упадком экономической науки проблемы и причин, ее обуславливающих и сохраняющих, потребовало бы огромной по своему объему и многолетней по срокам работы не одного научного коллектива. Поскольку такая научная задача выходит за пределы нашего исследования, остановимся лишь на констатации этого факта и оставим за собой право ссылаться на это обстоятельство в том случае, если этого потребует логика нашего дальнейшего исследования.

С. Пелих в статье «Реиндустриализация: анализ, проблемы, решения» отмечает, что «необходимость реиндустриализации признается сейчас ученым сообществом и общества в целом. Дискуссионным является вопрос о глубине реиндустриализации, а также о факторах и мерах, способных обеспечить восстановление роли промышленности в экономике Беларуси и России»⁶²¹. В вышеприведенной цитате С. Пелиха наиболее дискуссионным является не вопрос о глубине реиндустриализации, а даже не о факторах и мерах, способных обеспечить восстановление роли про-

⁶¹⁹ Лемещенко, П. С. Экономическая наука Беларуси: путь к самоидентификации / П. С. Лемещенко, И. А. Лаврухина // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Экономика». – 2013. – Вып. 1 (19). – С. 31–40. – С. 34.

⁶²⁰ Там же. – С. 35.

⁶²¹ Пелих, С. Реиндустриализация: анализ, проблемы, решения / С. Пелих // Экономист. – 2017. – № 5. – С. 90–96.

мышленности в экономике Беларуси и России, а о том, что вообще следует понимать под реиндустриализацией и, если последняя у названного автора не является синонимом новой промышленной революции или новой индустриализации или чего-то еще, то чем они должны отличаться и почему нельзя, например, проводить в Республике Беларусь новую индустриализацию, а надо проводить именно реиндустриализацию. В результате того, что в статье не определены исходные понятия, она порождает больше вопросов, чем ответов. В качестве общего методологического подхода С. Пелих отмечает: «В названной статье хотелось бы остановиться на монетарной сфере, так как, по мнению многих ученых, именно она является определяющей (*при проведении реиндустриализации – примечание авторов*)»⁶²². По нашему мнению, это еще одна очень грубая методологическая ошибка, когда сложные и многоплановые социально-экономические проблемы развития национального промышленного комплекса сводятся преимущественно к монетарной сфере, выделяя последнюю как определяющую, хотя практика хозяйствования и экономическая наука показывают, что наличие развитой инновационной системы, необходимой компетенции производственного персонала, налаживание быстрой коммерциализации научных разработок, доступность новейших технологий и еще многое другое выступают не менее важными факторами, чем монетарная сфера. В данном случае С. Пелих, вслед за некоторыми другими экономистами нарушает ряд методологических принципов, обязательных для любого экономического исследования и, в том числе, при выяснении особенностей современной структурной политики в контексте технологической модернизации экономики.

Для того, чтобы разобраться в сути экономических феноменов, прежде всего следует последовательно пройти следующие методологические уровни познания этих сложных социальных феноменов:

1 этап: вырабатывается предварительное представление об исходных центральных понятиях исследования. Иначе говоря, необходимо сформулировать рабочие определения таких категорий как субъект(ы), объект, деятельность, социальная и экономическая системы. При завершении исследования эти понятия могут быть уточнены или даже изменены, но это не избавляет исследователя, последовательно опирающегося в своей работе на принцип системности, от необходимости при научном описании того или иного социального феномена, как минимум, представлять объект исследования;

2 этап: следует сконцентрировать внимание на выявлении и раскрытии причин, условий, противоречий, порождающих социальных субъектов

⁶²² Пелих, С. Реиндустриализация: анализ, проблемы, решения / С. Пелих// Экономист. – 2017. – № 5. – С. 90–96.

и системы, основанные на социальной дифференциации, историческую обусловленность последних, их генезис и тенденции движения;

3 этап: следует выяснить потребности и интересы, которые вызывают необходимость существования и реализуются (удовлетворяются) посредством, во-первых, обществ, основанных на разделении труда и, соответственно, социальной дифференциации системы, и, во-вторых, тех или иных социальных субъектов;

4 этап: раскрываются функциональные цели исследуемого феномена, а также материальные и социальные условия реализации целей и осуществления соответствующей деятельности социальных субъектов, показываются формы и способы реализации целей социальных субъектов;

5 этап: должны быть выработаны идеальные модели и нормы, регулирующие функционирование социально-субъектных отношений, а также показывается взаимодействие субъектных структур с блоками экономических отношений;

6 этап: проводится мониторинг реальных субъектных структур общества;

7 этап: вырабатывается комплекс предложений по оптимизации социальных субъектных структур современного белорусского общества с целью усиления его социально-экономической жизнеспособности⁶²³.

В самом общем виде последствия от реализации структурной политики государства и изменений технико-технологической базы реального сектора экономики для национальной экономики могут заключаться в: 1) упрочении жизнеспособности социума: переход к новому качеству экономического роста⁶²⁴; устойчивое социально-экономическое развитие общества, поступательный экономический рост; повышение конкурентоспособности отечественных продуктов на внутреннем и внешнем рынках; ослабление социально-классовых антагонизмов; создание материальных и социальных предпосылок для противодействия информационному оружию; 2) снижение жизнеспособности социума: экономическая деградация или же односторонний экономический рост каких-либо хозяйственных отраслей (например, нефтедобыча), ведущий не к долгосрочному и поступательному развитию экономической системы, а к ее перспективной деградации;

⁶²³ Солодовников, С. Ю. Институциональные матрицы: сущность, персонификация и ее генезис (политико-экономические очерки) / С. Ю. Солодовников ; Ин-т экономики НАН Беларуси. – Минск: Право и экономика, 2006. – 530 с. – С. 138–139.

⁶²⁴ Исследование теоретических основ нового качества экономического роста в контексте перехода к инновационному развитию Республики Беларусь и Российской Федерации / В. Л. Гурский, В. А. Клименко, В. В. Фаузер, Т. В. Сергиевич // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. – 2017. – № 2. – С. 53–59.

усиление социально-классовых и иных антагонизмов; подверженность внешней информационно-идеологической экспансии, ведущей в конечном счете к гибели социума; уничтожение национального государства.

Для корректного научного изучения взаимосвязи структурной политики государства и модернизации реального сектора экономики, на наш взгляд, необходимо учитывать два обстоятельства: во-первых, существенные (неслучайные, устойчивые, не временные и т. д.) изменения социально-экономической системы в любом социуме, как правило, происходят не моментально, а напротив, требуют относительно продолжительного промежутка времени. С точки зрения гносеологии, для того, чтобы избежать оберации близости, явление необходимо изучать на достаточно продолжительном промежутке времени. И, во-вторых, всякое научное обобщение имеет право на существование лишь, когда рассматривается достаточно большое количество объектов.

Структурная политика государства выступает важнейшим компонентом стратегического планирования хозяйственной деятельности на уровне общества. «В стратегическом планировании важнейшей проблемой, – справедливо отмечают О. С. Сухарев и Е. Н. Стрижакова, – выступает возможность предвидения будущего и определения диапазона планирования. Цель такого планирования состоит в необходимости осуществления эффективного управления экономическими изменениями»⁶²⁵. В таком случае стратегическое планирование в контексте структурной политики предполагает необходимость не только выработки достоверных футурологических технико-технологических прогнозов, но и определения того, как это повлияет на трансформацию общественных институтов, форм и способов реализации политико-экономических и коммерческих интересов, которые, в свою очередь, обладают известной самостоятельностью (особенно в формах реализации) по отношению к объективно определяющим их потребностям. Причем последние очень динамичны и относительно самостоятельны. По существу такие определения как: субъект – носитель активности, интересы – направления деятельности, потребности – причина активности, хоть и являются при субстанционально-гносеологическом подходе правильными, но при рассмотрении реальных социально-экономических феноменов оказываются излишне абстрактными и упрощенными.

При исследовании взаимосвязи структурной политики государства и модернизации реального сектора экономики следует избегать ошибок, характерных для ряда «классических подходов» к разработке стратегии

⁶²⁵ Сухарев, О. С. Индустриальная политика и развитие промышленных систем: Эволюция, институты и управление / О. С. Сухарев, Е. Н. Стрижакова. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 160 с. – С. 9.

развития экономической системы⁶²⁶, когда игнорируется инерция эволюционных изменений. Напротив, необходимо, вслед за О. С. Сухаревым и Е. Н. Стрижаковой, учитывать, «что планирование, стратегия – это и есть эволюционирующий вместе с системой элемент, а не что-то воздействующее на нее экзогенно. Следовательно, можно говорить о том, что разработка стратегии развития любого уровня экономики и подготовка плана должны включать имманентные особенности эволюционного процесса данного и сопряженных с ним уровней. В этом смысле происходит преобразование этапов решения стратегических проблем, включавших ранее: осознание необходимости решения проблемы, формулировку вариантов ее решения, оценку вариантов по критерию привлекательности, процедуру выбора одного или несколько вариантов. В названную схему добавляется еще один этап: выявление закономерностей эволюционного процесса системы и оценка потенциальной эффективности происходящих – управляемых и неуправляемых – изменений»⁶²⁷. Таким образом, по мере реализации структурной политики, направленной на модернизацию реального сектора экономики, будет эволюционировать не только этот сектор, его технико-технологическая база, но и сама структурная политика. Причем эта трансформация может иметь принципиально разные последствия, а именно: либо инерция, традиции в формировании, методах, инструментах и формах реализации структурной политики будут все больше и больше отдалять эту политику от реального состояния объекта планирования, делая ее все менее и менее эффективной, либо сама эта стратегия должна достаточно быстро эволюционировать вслед за изменениями реального сектора экономики, встраиваясь в живой хозяйственный механизм, ориентируя его в направлении инновационного развития.

Предпосылками и объективными ограничителями проведения современной структурной политики по-прежнему выступает состояние и перспективы развития социально-научного сообщества. «Обеспечение высокоэффективной инвестиционной политики, ориентированной на поддержку научного сектора»⁶²⁸, рассматривается учеными как необходимое условие стабильности экономического роста. Переход экономики к сверхиндустриальному этапу развития, как нами уже отмечалось, «не может

⁶²⁶ Ансофф, И. Новая корпоративная стратегия / И. Ансофф. – СПб : Питер Ком, 1999. – 416 с. – С. 53

⁶²⁷ Сухарев, О. С. Индустриальная политика и развитие промышленных систем: Эволюция, институты и управление / О. С. Сухарев, Е. Н. Стрижакова. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 160 с. – С. 10.

⁶²⁸ Альтернативные топливно-энергетические ресурсы: экономико-управленческие аспекты использования в условиях инновационного развития общества / В. В. Богатырёва [и др.]. – Новополюцк : ПГУ, 2017. – 323 с. – С. 304.

не сопровождается становлением новой формы социальной организации общества – посткапиталистического социально-научного общества. Названное определение подчеркивает с одной стороны возрастание нравственных и экологических (посткапиталистических) принципов оценки экономической эффективности общественного воспроизводства, а с другой стороны показывает увеличение роли научно-технической революции и новых институциональных форм использования ее достижений в экономической системе общества (формирование социально-научного сообщества)⁶²⁹. В. Фальцман справедливо заметил: «НИОКР в своем развитии высоко инерционен. Можно предположить, что полный цикл его обновления кратен смене поколений конструкторов и исследователей и составляет 40-45 лет. Поэтому экономический кризис 1990-х гг. (в *Российской Федерации – примечание авторов*) хотя и нанес существенный урон <...> не оказался для него фатальным»⁶³⁰. Инерционность научных и инженерных кадров, обеспечивающих НИОКР (а без последней невозможно проведение современной структурной политики), не решает проблемы их расширенного воспроизводства, хотя и может создавать условия для откладывания этой проблемы на более поздний период. В последнем случае латентные проблемы этого «отложенного» воспроизводства ведут к серьезным рискам при проведении структурной политики, которые могут в любой момент привести к катастрофическим последствиям. Актуализация сегодня проблемы расширенного воспроизводства социально-научного сообщества связана не только с теми обстоятельствами, которые лежат на поверхности явлений и потому очевидны (например, старение научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации, снижение престижности научного труда, проблемы подготовки кадров высшей квалификации и т. д.), но и с более глубокими обстоятельствами, которые не всегда очевидны, но еще более опасны – это, прежде всего, снижение социального капитала науки; устойчивая тенденция к «автаркии» научного воспроизводства и угроза потери тех возможностей, которые были в рамках СССР и служили подпиткой как для развития старых, так и возникновения новых научных и инженерных школ; преобладание эмпирически очевидных подходов при принятии управленческих решений на государственном уровне и т. д. Таким образом, современная структурная политика должна быть обеспечена стратегией расширенного воспроиз-

⁶²⁹ Солодовников, С. Ю. Тенденции и перспективы развития занятости и создания социально-научного сообщества в условиях модернизации транзитивной экономики: на примере Республики Беларусь / С. Ю. Солодовников // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д. Экон. и юрид. науки. – 2015. – № 6. – С. 2–9. – С. 7.

⁶³⁰ Фальцман, В. Подвижки 2000-х гг. в отраслях и технологиях / В. Фальцман // Экономист. – 2017. – № 5. – С. 16–26. – С. 19.

изводства социально-научного сообщества, кадрового и идеологического обеспечения НИОКР.

Необходимо учитывать, что «в теоретическом плане всегда существует проблема выбора между долгосрочными инвестициями в науку и в разработки <...>, а также текущей модернизацией производства (краткосрочная жизнеспособность)»⁶³¹. Председатель Сибирского отделения РАН академик А. Л. Асеев подчеркивал: «Отказ от фундаментальных исследований – глубочайшее заблуждение. Достаточно вспомнить, что одной из причин поражения Германии во второй мировой войне стало то, что в 30-е годы национал-социалисты, придя к власти, решили: фундаментальная наука не нужна, незачем на нее деньги тратить. К сожалению память у нас короткая... И Германия в области фундаментальных исследований допустила такое отставание, что до сих пор пользуется трудом зарубежных ученых, в том числе российских»⁶³². М. В. Мясникович отмечал: «то, что вкладываемые в науку средства в перспективе окупаются многократно, общеизвестно»⁶³³. И далее: «То есть, если мы, как страна, хотим иметь достойное и суверенное будущее, в основу своего развития мы должны поставить знания, развитие своего научно-технического потенциала. Поэтому с самого начала одной из стратегических задач Президента Республики Беларусь, Правительства нашей страны всегда было сохранение и развитие как фундаментальной, так и прикладной науки»⁶³⁴. Вместе с тем, для любого экономиста практика очевидно, что модернизировать производство надо сегодня и сейчас, а еще лучше вчера. Из этого следует вывод, что перед органами государственного управления при разработке структурной политики (долгосрочная жизнеспособность) и политики технологической модернизации реального сектора экономики (краткосрочная жизнеспособность) всегда будет стоять задача определить оптимальные соотношения между ними. Любой перекося в этом плане неизбежно приведет к снижению жизнеспособности экономической системы общества, социума в целом.

При реализации структурной политики наблюдаются две разновидности изменений. «Во-первых, запланированные изменения, которые обеспечены только внутриорганизационными решениями и процедурами

⁶³¹ Сухарев, О. С. Индустриальная политика и развитие промышленных систем: Эволюция, институты и управление / О. С. Сухарев, Е. Н. Стрижакова. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 160 с. – С. 10.

⁶³² Асеев, А. Л. Без науки у России нет будущего / А. Л. Асеев // ЭКО. – 2010. – № 1. – С. 15–33. – С. 18.

⁶³³ Мясникович, М. В. В новом веке движение вперед возможно только на научной основе [Электронный ресурс] / М. В. Мясникович // Союзное государство. общественно-политический журнал. – 2008. – Январь-февраль. – Режим доступа: http://www.soyuzgos.ru/2008/22/22_07_Mjasnikovich.html. – Дата доступа: 15.07.2019.

⁶³⁴ Там же.

(правительственного или корпоративного уровня) и, во-вторых, изменения адаптации, которые происходят в результате перемен в отношениях с элементами внешней среды, касающихся как отдельных агентов экономики, так и экономики в целом»⁶³⁵. Названная классификация изменений характерна и для изменений, возникающих в рамках взаимовлияния структурной политики государства и модернизации реального сектора экономики. При этом, как отмечают отечественные экономисты, «вопреки широко развитому мнению среди отечественных либерально настроенных экономистов технологическая модернизация не происходит после проведения радикальных институциональных преобразований, а наоборот соответствующие новейшему технологическому укладу новые институты зарождаются и зреют под воздействием объективных технико-экономических процессов, естественным образом эволюционно подстраиваясь под эти процессы»⁶³⁶. Необходимо также учитывать то обстоятельство, что «область стратегического планирования и поведения непосредственно связана с прошлым опытом поведения – сохраненными в памяти системы управления схемами (моделями) поведения, принятия решений, включая планирование. При разработке стратегии развития системы очень важно учесть инерцию ее эволюции»⁶³⁷, поскольку «настоящее и будущее связаны с прошлым социальными институтами, а применительно к экономической системе: рутинными, памятью, опытом и зафиксированными в них технологическими возможностями и преимуществами»⁶³⁸. В отношении взаимосвязи структурной политики государства и модернизации реального сектора экономики влияние инерционности значительно усиливается. Это обусловлено тем, что инерционность планирования структурной политики усиливается инерционностью промышленной, сельскохозяйственной и региональной политик, которые влияют на методы, формы, темпы и приоритеты модернизации реального сектора.

Структурная политика в контексте технологической модернизации экономики должна способствовать развитию сверхиндустриальной экономики за счет опережающего развития базисных машиностроительных технологий, инженерной работы и оказания услуг промышленного харак-

⁶³⁵ Сухарев, О. С. Индустриальная политика и развитие промышленных систем: Эволюция, институты и управление / О. С. Сухарев, Е. Н. Стрижакова. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 160 с. – С. 10–11.

⁶³⁶ Клименко, В. А. Теоретические основы трансферта технологий / В. А. Клименко, В. Л. Гурский, О. М. Мазуренко // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2017. – Вып. 5. – С. 309–317. – С. 314.

⁶³⁷ Сухарев, О. С. Индустриальная политика и развитие промышленных систем: Эволюция, институты и управление / О. С. Сухарев, Е. Н. Стрижакова. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 160 с. – С. 11–12.

⁶³⁸ Там же. – С. 12.

тера, а также сопровождаться научным обоснованием инструментов ее реализации. В частности, отдача от опережающего развития услуг промышленного характера («опережающий характер развития этих услуг позволяет обеспечивать формирование нового национального промышленного комплекса, основывающегося на наукоемких высокотехнологичных и среднетехнологичных (высокого уровня) отраслях и модернизированных в сторону повышение доли добавленной стоимости, снижение материалоемкости и импортоемкости традиционных отраслях промышленности»⁶³⁹), не только способствует формированию современной структуры экономики, но и может принести куда больший эффект для модернизации реального сектора экономики. «В контексте четвертой промышленной революции значение услуг промышленного характера в формировании конкурентоспособности промышленных предприятий увеличивается, поскольку именно благодаря этим услугам может быть организовано эффективное производство нового типа ("умные заводы") и реализована клиентоориентированная (в широком смысле) политика предприятий»⁶⁴⁰. В современных условиях «инновационная активность предприятий промышленного комплекса напрямую зависит от использования услуг промышленного характера, при помощи которых решается задача повышения конкурентоспособности промышленной продукции путем совершенствования производственного процесса на всей цепочке создания стоимости»⁶⁴¹. При этом следует принимать во внимание, что развитие услуг промышленного характера не требует таких больших инвестиций как, например, создание nanoиндустрии, быстро окупается, а также приносит дополнительные положительные синергетические эффекты.

Иначе говоря, если структурная политика государства направлена на научно обоснованное опережающее развитие услуг промышленного характера, то модернизация реального сектора экономики будет проходить быстрее, последовательнее и потребует относительно меньших издержек,

⁶³⁹ Мелешко, Ю. В. Системообразующие принципы развития услуг промышленного характера / Ю. В. Мелешко // Устойчивое развитие экономики: состояние, проблемы, перспективы : сборник трудов XI международной научно-практической конференции, УО «Полесский государственный университет», г. Пинск, 21 апреля 2017 г. / Министерство образования Республики Беларусь [и др.]; редкол.: К. К. Шебеко [и др.]. – Пинск : ПолесГУ, 2017. – С. 84–86. – С. 84–85.

⁶⁴⁰ Мелешко, Ю. В. Значение услуг промышленного характера в повышении конкурентоспособности промышленных предприятий (в контексте четвертой промышленной революции) / Ю. В. Мелешко // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2017. – Вып. 6. – С. 64–78. – С. 78.

⁶⁴¹ Мелешко, Ю. В. Эволюция услуг промышленного характера в Республике Беларусь в 1995–2015 гг. / Ю. В. Мелешко // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2017. – Вып. 5. – С. 127–144. – С. 143.

чем в случае, когда структурная политика ориентируется на достижение мифологизированной (т. е. научно не обоснованной) цели достижения 6, 7 или еще какого-то более высокого технологического уклада, в стремлении идти по пути экономически развитых стран. О. С. Сухарев и Е. Н. Стрижакова справедливо замечают, что «слабо обоснованные теоретические позиции являются основанием для ошибок и неверного выстраивания текущей экономической и в частности научно-технической политики государства»⁶⁴².

Существующие сегодня в Республике Беларусь институты, отвечающие за функционирование органов планирования социально-экономического развития, будут оказывать значительное влияние как разработку и реализацию структурной политики государства, так и на модернизацию реального сектора экономики. «Оценка структурной динамики представляется важнейшей научно-практической задачей, поскольку по большому счету стратегические проблемы социально-экономического развития развертываются вокруг двух векторов: население имеет желание жить комфортно (благоустроенно, с недорогим доступом к важнейшим социальным функциям), социально-экономическая инфраструктура должна отражать и удовлетворять основные потребности граждан, в том числе в творческом труде. По этой причине определяющим условием развития выступает укрепление промышленной базы, занятости и стимулирование роста доходов населения, создание дохода посредством продуктивной деятельности (ибо непродуктивная деятельность не доставляет комфорта)»⁶⁴³.

Решить эту проблему рыночными инструментами невозможно, поскольку проведение модернизационной структурной политики подразумевает концентрацию ресурсов на секторах экономики и отдельных экономико-образующих предприятиях, которые должны обеспечить технико-технологическую модернизацию страны, а логика современного рынка (когда крупные предприятия, как правило, находятся в акционерной, т. е. коллективной собственности) требуют от руководства частных компаний обеспечивать постоянный рост капитализации организации (рост котировки акций более быстрый, чем у конкурентов на рынках ценных бумаг), повышение ее доходности и т. д. Иначе говоря, здесь постоянно наблюдается конфликт интересов при определении приоритетов, а именно: на чем сконцентрировать ресурсы – на текущем росте или на стратегическом развитии. При этом возрастают риски невыполнения планов по структурной перестройке экономики в целом, реального сектора

⁶⁴² Сухарев, О. С. Индустриальная политика и развитие промышленных систем: Эволюция, институты и управление / О. С. Сухарев, Е. Н. Стрижакова. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 160 с. – С. 13.

⁶⁴³ Там же. – С. 24.

в частности. Экономически развитые страны в свое время все оказывались перед необходимостью ограничения рыночных инструментов хозяйствования в условиях проведения технологической модернизации, все они решали эту задачу с учетом национальной и исторической специфики, но всегда при этом ограничивали стихию саморегулирующегося рынка. В частности, как отмечает М. В. Афанасьева, сегодня «выявлена ранее неизвестная структурная особенность процесса успешного развития технологически отстающих стран, в частности послевоенной Японии и ей подобных, выражающаяся в двух этапах совершенствования качества экономической системы, отличающихся целевой направленностью и методами решения задач развития. На первом этапе проводилась политика целостного развития экономики, и только в тактическом плане выделялись временно приоритетные отрасли. На втором – государственная помощь крупным корпорациям (прямые субсидии и обеспечение беспрецедентно дешевых кредитных ресурсов) обеспечила технологическое развитие страны в целом. Меры государственного регулирования обеспечили национального капитала и направили деятельность и амбиции деловой элиты на развитие собственной экономики за счет внутренних ресурсов страны»⁶⁴⁴.

Предоставляя в условиях структурной перестройки экономики формирование хозяйственных пропорций рыночным «саморегулирующимся» механизмам, «можно породить стохастический процесс развития, с высокой вероятностью крушения планов, пересмотра предпочтений, растраты ресурсов, которая может превзойти потери от неверного планирования экономической политики»⁶⁴⁵. Без активного вмешательства органов государственного управления невозможна «осознанная постановка целей, функциональное обеспечение развивающейся системы управления, оптимизация затрат, повышение устойчивости (адекватности и адаптивности при принятии решений), обоснованность мероприятий (опора на расчеты, включая расчет и оценки различных видов эффективности), точность в формировании области приложения усилий, учет времени принятия решений и синхронизации действий, снятие факторов сопротивления и учет вероятности отторжения отдельных решений и векторов движения (экзогенная и эндогенная устойчивость), оценка прогнозных сценариев (вариантов) развития, составляют те необходимые критерии стратегического

⁶⁴⁴ Афанасьева, М. В. Особенности государственной промышленной политики в условиях модернизации технологической среды : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / М. В. Афанасьева. – Москва. – 2011. – С. 7.

⁶⁴⁵ Сухарев, О. С. Индустриальная политика и развитие промышленных систем: Эволюция, институты и управление / О. С. Сухарев, Е. Н. Стрижакова. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 160 с. – С. 25.

планирования, которые могут быть реализованы не в виде дополнительной нагрузки уже действующим подразделениям правительства (органами управления), а при систематической работе в рамках координирующей правительственной планирующей структуры»⁶⁴⁶.

Структурная политика, ориентированная на модернизацию реального сектора экономики, может реализовываться только на основе новой индустриализации, обеспеченной современной системой государственного планирования и управления, с широким привлечением к этому процессу институтов общественно-государственно-частного партнерства и мобилизации для этого процесса необходимых социальных, человеческих, материальных, финансовых, предпринимательских и институциональных ресурсов. В свою очередь, новая индустриализация (иначе говоря, технико-технологическая и институциональная модернизация реального сектора экономики), развивая производственные способности и потребности индивидов, сама будет выступать важным фактором, определяющим границы, направления и темпы структурной эволюции экономики. Это обусловлено тем, что сверхиндустриальная экономика предъявляет новые требования к рабочей силе, а быстро меняющиеся производственные и потребительские потребности, в свою очередь, обуславливают быстрое, а иногда революционное, изменение способностей индивидов. Т. В. Кузьмицкая отмечает по этому поводу: «Современный рабочий процесс формирует новые требования к квалификации рабочей силы, делает востребованными нестандартных, творчески мыслящих работников, для повышения эффективности деятельности которых необходимо вовлечение в организацию и управление производством и стимулирование через участие в прибыли компании. В результате на смену командно-административным приходят системы, в основе которых лежат групповые и командные принципы организации труда и управления»⁶⁴⁷.

Все это порождает массу синергетических эффектов, многие из которых невозможно предсказать. Например, в условиях новой индустриальной революции «усиление требований к интеллектуальному уровню рабочей силы, а также к интеллектуализации рабочего места, влечет за собой изменения в системе подготовки и развития рабочей силы, а также изменения в рамках всей системы производство-распределение-обмен-потребление. Новые технологии расширяют и возможности современных пред-

⁶⁴⁶ Сухарев, О. С. Индустриальная политика и развитие промышленных систем: Эволюция, институты и управление / О. С. Сухарев, Е. Н. Стрижакова. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 160 с. – С. 25.

⁶⁴⁷ Кузьмицкая, Т. В. Эволюция организации труда и управления промышленным производством / Т. В. Кузьмицкая // Экономикаическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2019. – Вып. 9. – С. 50–62. – С. 60.

приятый. Так, в ближайшем будущем те же 3D-принтеры можно будет использовать не только на территории предприятий, но и непосредственно в месте потребления создаваемой с их помощью продукции, например, на строительной площадке, при "печатании" строительных конструкций»⁶⁴⁸. Н. Ю. Лебезин так описывает ряд важнейших последствий появления и внедрения новых технологий: «Под влиянием новых технологий и роста числа людей, готовых к их практическому применению, создается целая индустрия самостоятельного использования сервисов, что, в конечном счете, стирает границы между производителем и потребителем, между обслуживающим персоналом и клиентом. Это становится фактором воздействия на человека и предполагает решение, как минимум, двух взаимосвязанных задач: формирование работника, не только соответствующего новым требованиям, но и способного эти требования создавать; перераспределение работников между отраслями производства благодаря возможностям Интернет-технологий и роботизации»⁶⁴⁹.

Модернизация реального сектора экономики неизбежно ведет к сокращению числа занятых в этом секторе при значительном росте производительности труда, что вызывает соответствующие изменения в структуре экономики. «В США за последние полтора десятилетия численность рабочей силы в производственном секторе снизилась более чем на 40% (при кратном увеличении количества используемого высокотехнологичного оборудования). <...> В сфере обслуживания снижение численности работников было более умеренным и составило 15%, при значительном увеличении масштабов самой сферы. Это сопровождалось созданием новых рабочих мест в масштабе, значительно превышающим указанное снижение. Доля базовых отраслей национального хозяйства (добыча полезных ископаемых, обрабатывающая промышленность, энергетика, транспорт, сельское хозяйство, строительство) в валовой добавленной стоимости снизилась до 45% к настоящему времени с 70% в 70-е годы XX века»⁶⁵⁰. Таким образом, существует взаимозависимость между структурной политикой и модернизацией реального сектора экономики.

Структурная политика в Республике Беларусь должна основываться на парадигмальной замене модели выживания отечественных предприятий реального сектора экономики на модель новой индустриализации, т. е. на формирование новой структуры народного хозяйства, основой которой должен стать сверхиндустриальный промышленный уклад. Россий-

⁶⁴⁸ Лебезин, Н. Ю. Формирование экономики знаний как ключевое направление общественно-экономического развития / Н. Ю. Лебезин // Известия Санкт-Петербургского экономического университета. – 2017. – № 5. – С. 16–20. – С. 17.

⁶⁴⁹ Там же. – С. 17.

⁶⁵⁰ Там же. – С. 17.

ские исследователи отмечают, что при смене «модели выживания на модель реструктуризации промышленности»⁶⁵¹ лимитирующими условиями этого процесса будут следующие обстоятельства: «во-первых, это мероприятия государственной экономической политики, включая соответствующие законодательные нормы – по банкротству, приватизации, антимонопольному регулированию и др.; во-вторых, внешние условия функционирования промышленных предприятий: рыночные структуры, состав и количество конкурентов, потребителей производимой продукции, барьеры входа на рынок, связи с правительственными учреждениями и банковской системой, принадлежность к отрасли, ее специфические особенности, межотраслевые взаимодействия и т. д.; в-третьих, внутренняя организация работы промышленных предприятий, учитывающая накопленный опыт, уровень технологии и знаний, эффективность управления»⁶⁵². Соглашаясь с таким подходом, считаем, что для создания таких оптимальных условий (для перехода от модели выживания отечественных предприятий реального сектора экономики к модели новой индустриализации) в Республике Беларусь необходимо системно реализовать следующие мероприятия:

во-первых, продолжать формирование рыночной институциональной среды, способствующей развитию предпринимательской инициативы включая соответствующие законодательные нормы: по банкротству, приватизации, антимонопольному регулированию и др.;

во-вторых, развивать институты общественно-государственно-частного партнерства, в том числе при планировании развития реального сектора экономики;

в-третьих, разработать систему мер по обеспечению промышленных предприятий дешевыми длинными деньгами в количестве необходимом для быстрого проведения модернизации реального сектора экономики;

в-четвертых, при совершенствовании концепции развития промышленности в Республике Беларусь уделить внимание таким факторам как: 1) сбалансированность ресурсов, т.е. при строительстве новых и модернизации старых предприятий необходимо определить источники получения всех необходимых для этого ресурсов: человеческих, технологических, материальных, финансовых, предпринимательских, институциональных; 2) мероприятия по решению проблемы высвобождающейся (недостаточно квалифицированной) рабочей силы. Мировой опыт и здравый смысл говорят о том, что всех переучить не удастся и достаточно большое

⁶⁵¹ Сухарев, О. С. Структурная модель экономического роста и индустриальная политика в России / О. С. Сухарев // Россия в XXI веке: глобальные вызовы и перспективы развития: Материалы Третьего Международного форума, Москва, 21–22 окт. 2014 г. – Москва, ИПР РАН, 2014. – С. 207–219. – С. 207.

⁶⁵² Там же. – С. 207–208.

количество людей останется без работы. Последнее, если не принять надлежащих мер, может угрожать безопасности государства. Большие массы безработных людей, а в нашем случае и склонных к потреблению спиртного, всегда опасно; 3) разработка новых и совершенствование старых механизмов по «агрессивному» продвижению белорусских товаров и услуг за пределы страны. Принципиально новых идей в этой сфере пока нет. Вместе с тем без современной логистики, маркетинга, новейших форм и механизмов конкурентной борьбы реализации произведенной продукции и услуг будет постоянно сталкиваться с целым ворохом проблем⁶⁵³;

в-пятых, разработать концептуальные предложения по механизмам повышения мотивации руководителей и трудовых коллективов государственных предприятий;

в-шестых, при планировании структурной динамики и технологической модернизации народного хозяйства учитывать демографические реалии Республики Беларусь, а именно то, что количество населения в трудоспособном возрасте будет постоянно сокращаться. Это необходимо принимать во внимание при планировании новых рабочих мест. Так же необходимо учитывать слабую внутреннюю мобильность рабочей силы в нашей стране;

в-седьмых, окончательное решение о строительстве новых и модернизации существующих предприятий должно приниматься только после проведения комплексной социально-эколого-экономической экспертизы с учетом динамики истинных инвестиций;

в-восьмых, усилить роль социально-научного сообщества в совершенствовании принципов, механизмов и инструментов планирования социально-экономического развития страны, формировании структурной политики и технологической модернизации народного хозяйства.

6.3 Особенности реализации структурной политики государства в условиях региональной экономической интеграции

На реализацию структурной политики в Республике Беларусь значительное влияние оказывает то, что наша страна является участницей регионального экономического объединения – Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС). Причем это влияние может приводить как к положительным с точки зрения укрепления жизнеспособности национальной экономической системы, так и отрицательным или нейтральным последствиям. Особенности реализации структурной политики Республики Беларусь в

⁶⁵³ Солодовников, С. Ю. Взаимосвязь структурной политики государства и модернизации реального сектора экономики / С. Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2018. – Вып. 7. – С. 84–94. – С. 91–92.

условиях региональной экономической интеграции во многом предопределяются как постоянным возникновением противоречий в экономических интересах и формах их реализации между государствами-участниками ЕАЭС, так и усилением глобальной технологической неопределенности. Названные факторы оказывают сильное взаимное влияние, которое серьезно искажает реально-онтологические формы их проявления. Причем, в зависимости от внешних условий, они могут не только дополнять друг друга, но и действовать противоположно направленно.

Возникновение межгосударственных противоречий, обусловленное несовпадением экономических интересов, характерно для всех стран участниц региональных интеграционных объединений. Это объективное явление, закономерность функционирования экономических интеграционных объединений. Соответственно, задача экономической науки заключается в раскрытии феноменологической природы этого явления, включая то, как названные противоречия влияют на социально-экономическое планирование в государствах-членах и в том числе на промышленную, торговую, социальную и структурную политики. Подчеркнем, что наличие названных противоречий не отрицает того очевидного факта, что в основе региональных экономических интеграционных объединений лежит совпадение политико-экономических интересов, оно только доказывает сложность и противоречивость глобальных и локальных тенденций в межгосударственных отношениях, невозможность абсолютного совпадения интересов государства и всех коммерческих организаций, противоречивую и динамичную природу общественных, групповых и индивидуальных потребностей, лежащих в основе формирования интересов их носителей. «Интересы государств – членов интеграционных объединений, – подчеркивает В. Л. Гурский, – связаны с расширением рынков сбыта, улучшением условий доступа к сырьевым ресурсам, снижением транзакционных издержек, укреплением национальной экономической безопасности»⁶⁵⁴.

Согласование способов решения тех или иных проблем, имеющих важное (иногда жизненное) значение для политико-экономического развития стран-участниц любого регионального интеграционного объединения, всегда проходит тяжело, часто в нервной обстановке. Причем чем больше участников входит в такое объединение, тем более сложным становится процесс согласования промышленной, торговой, миграционной и, соответственно, структурной политик. В рамках НАФТА, куда входит только три участника (Канада, Мексика и США), эти процессы протекают

⁶⁵⁴ Гурский, В. Л. Национальная промышленная политика в условиях глобализации современных международных экономических отношений / В. Л. Гурский // Беларусь в современном мире материалы XVII Международной научной конференции, посвященной 97-летию образования Белорусского государственного университета: сб. науч. ст. / БГУ; ред. кол. В. Г. Шадурский. – Минск, 2018. – С. 164–165. – С. 164.

очень болезненно и нервно. Начиная с того, что эти страны, постоянно заявляя о необходимости модернизации этого объединения, не торопятся легализовать свои цели и желаемые результаты этого. Не так давно, после того, как руководство США и Мексики заявили свою позицию, руководство Канады, выдержав паузу, озвучило «шесть канадских целей:

- модернизация НАФТА;
- придание соглашению "прогрессивных" черт путём включения в его текст двух глав об экологических и трудовых отношениях, которые сейчас являются дополнительными к НАФТА соглашениям, и двух абсолютно новых глав о гендерных отношениях и о правах коренных народов;
- уменьшение бюрократической нагрузки на бизнес и обеспечение гармонизации регулирующих правил и норм, действующих в США, Канаде и Мексике;
- открытие рынков госзакупок, прежде всего на уровне субъектов федераций и местных органов власти;
- расширение списка профессий, обладатели которых пользуются упрощенной процедурой получения рабочих виз в странах НАФТА;
- сохранение неизменными некоторых положений, зафиксированных в первоначальном соглашении НАФТА (например, специального механизма оценки обоснованности введения одной страной антидемпинговых и компенсационных пошлин на импортные товары из другой страны), исключение из сферы действия соглашения продукции канадских "культурных отраслей" (книгоиздание, радио- и телевидение) и действующей в этой стране системы государственного регулирования рынков молочной продукции, мяса птицы и яиц»⁶⁵⁵.

Канада, например, отказывается снижать ввозные пошлины на сельхозпродукцию (сегодня по некоторым позициям они больше 200%), а США вводят «антидемпинговые» пошлины на сталь. В результате «вокруг переговоров царит нервная обстановка. Она определяется важностью этого соглашения для Канады и Мексики, которые продолжают вывозить в США три четверти своего экспорта и считают НАФТА не только краеугольным камнем своей внешнеторговой политики, но и залогом экономической, а в случае с Мексикой и внутриполитической стабильности. На переговорщиках из Канады и Мексики оказывает негативное воздействие излишне жёсткая позиция США, характеризующаяся выдвиганием заведомо неприемлемых предложений»⁶⁵⁶. Трёхсторонние переговоры в рамках НАФТА

⁶⁵⁵ Комкова, Е. Г. Перспективы НАФТА / Е. Г. Комкова // США. Канада. – Экономика – политика – культура. – 2018. – № 2 (578) Февраль. – С. 5–19. – С. 9.

⁶⁵⁶ Комкова, Е. Г. Перспективы НАФТА / Е. Г. Комкова // США. Канада. – Экономика – политика – культура. – 2018. – № 2 (578) Февраль. – С. 5–19. – С. 9.

«проходят по принципу "от простого – к сложному", т. е. сначала решаются вопросы, вызывающие наименьшее противодействие, а наиболее спорные проблемы откладываются на потом. Это чревато тем, что судьба переговоров будет решаться на заключительном этапе, и что, какой бы прогресс ни был достигнут, "ничего не решено, пока всё не решено"»⁶⁵⁷. Такого рода способ согласования экономических интересов стран-участниц интеграционного объединения является не только непродуктивным, но и ошибочным. Зачастую в результате не достигается никакого результата. Негативная ситуация в любой момент может быть ухудшена импульсивными заявлениями Д. Трампа, что наблюдалось в начале июня 2018 г. Е. Г. Комкова справедливо отмечает: «Описывая возможные сценарии, можно выделить два основных варианта развития событий. НАФТА или удастся перезаключить в более современном формате <...> или США, как обещает Д. Трамп, объявят о своём выходе из этого соглашения»⁶⁵⁸. Названный автор поясняет, что в пользу успешного завершения переговоров свидетельствуют следующие обстоятельства: «НАФТА – главное и единственное торгово-инвестиционное соглашение, на основании которого США осуществляют торговлю со своими вторым и третьим внешнеторговыми партнёрами – Канадой и Мексикой; вопреки популистским заявлениям Д. Трампа и членов его администрации НАФТА в конечном счёте принесло США больше пользы, чем вреда <...>; за сохранение НАФТА выступает американский бизнес, прежде всего крупный <...>; аннулирование НАФТА не ограничится экономическими потерями. Сотрудничество с Канадой и Мексикой критически важно с точки зрения охраны государственной границы и поддержания национальной безопасности США. Две эти страны – крупнейшие источники энергетических поставок, торговля с которыми увеличивает энергетическую безопасность США, а в последнее время – и растущие рынки сбыта для американской сырой нефти. Кроме того, Канада – важный военно-политический союзник, участник НАТО и НОРАД. Так что разрыв соглашения НАФТА не сможет на общей атмосфере и состоянии всего комплекса американо-канадских и американо-мексиканских связей»⁶⁵⁹. Таким образом, названный пример иллюстрирует как сложный и противоречивый характер развития региональной экономической интеграции, так и постоянно выходящие на первый план противоречия не только между государствами-участниками интеграционного объединения, но и между коммерческими организациями одного государства, чьи ожидания от углубления интеграции могут радикально различаться.

⁶⁵⁷ Там же. – С. 10.

⁶⁵⁸ Там же. – С. 10.

⁶⁵⁹ Комкова, Е. Г. Перспективы НАФТА / Е. Г. Комкова // США. Канада. – Экономика – политика – культура. – 2018. – № 2 (578) Февраль. – С. 5–19. – С. 10–11.

Вернемся к ЕАЭС. Так, если перед Республикой Беларусь стоит сегодня задача парадигмальной замены модели выживания отечественных предприятий реального сектора экономики на модель новой индустриализации, то похожие задачи стоят в частности и перед Россией, и перед Казахстаном. «Эмпирически сегодня просматривается устойчивая тенденция к усилению политико-экономической поляризации мира, в основе которой лежит отрыв экономически развитых стран от развивающихся за счет быстрой и непрерывной технико-технологической модернизации своих экономик, а также широкого использования в хозяйственной жизни общественно-функциональных инноваций»⁶⁶⁰. На практике предприятия той страны, которые первые сформируют современную структуру экономики, основанную на новейших технологических укладах, получат серьезные конкурентные преимущества в рамках ЕАЭС, а значит дополнительно займут часть рынка других стран.

Выход на внешние по отношению к ЕАЭС рынки будет происходить чуть позже, так как в рамках названного интеграционного объединения уже созданы условия для свободного перемещения товаров. В данном случае будет наблюдаться определенный временной разрыв между модернизацией предприятий реального сектора экономики конкретного государства, когда они будут получать дополнительный экономический эффект за счет занятия дополнительной части рынка других стран-участниц ЕАЭС (именно на этом этапе потенциально возможно наибольшее обострение противоречий между экономическими интересами отдельных стран) и того момента, когда начнется рост экспорта этой продукции за пределы интеграционного объединения (на этом этапе потенциально возможно получение дополнительного экономического эффекта не только страной, предприятия которой первые провели комплексную технико-технологическую модернизацию, но и другими государствами, за счет расширения участия их организаций в разделении и кооперации труда при создании экспортируемого продукта). Причем экономические эффекты, полученные на последнем этапе, могут значительно превосходить потери некоторых хозяйственных субъектов на первом этапе. Исходя из критерия Калдора-Хикса, описанная выше ситуация при математическом моделировании не выглядит критичной, легко можно построить оптимизационную модель, показывающую, как с использованием эконо-

⁶⁶⁰ Развитие теоретических основ трансфера технологий в контексте перехода к устойчивому экономическому росту в Республике Беларусь и Российской Федерации / В. А. Клименко, В. Л. Гурский, Т. В. Сергиевич, Т. С. Лыткина // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. – 2017. – № 2. – С. 85–91. – С. 87.

мико-математических методов следует перераспределить ресурсы и компетенции, чтобы в конечном счете все оказались в выигрыше. Но это только в математических моделях, когда абстрагируются от сложности согласования политико-экономических интересов, все так идеально.

В этой связи следует отметить риски внутреннего доверия, которые существуют в любом интеграционном объединении. Они «возникают уже на этапе артикуляции интересов и целей государственных структур и субъектов хозяйствования, которая зависит не только от реальной приоритетности потребностей, но и от их политической, идеологической, морально-нравственной интерпретации, и включают рост дезинтеграционных настроений в среде политических элит и общества, оппортунистические трактовки национальных интересов идеологически обосновывающие оппортунистическое поведение чиновников и руководителей предприятий»⁶⁶¹. Но даже если оставить в стороне проблему недостаточно развитого социального капитала на уровне ЕАЭС и в самих странах-участницах (хотя одного этого может оказаться достаточно, чтобы значительно снизить социально-экономическую эффективность интеграции в ЕАЭС, поскольку дефицит доверия как на межгосударственном уровне, так и между хозяйствующими субъектами значительно увеличивает транзакционные издержки), то в политэкономической теории остается проблема усиления неравномерности развития социально-экономических субъектов в процессе реализации структурной политики государства в условиях региональной экономической интеграции, а также непредсказуемость глобальных технико-технологических тенденций.

Рассмотрим это подробнее на примере тех мероприятий, которые необходимо системно реализовать в Республике Беларусь для создания оптимальных условий перехода к модели новой индустриализации. Так, в теории продолжение формирования рыночной институциональной среды, способствующей развитию предпринимательской инициативы, приведет к усилению экономической самостоятельности коммерческих организаций и рыночных принципов их взаимодействия. Соответственно, те предприятия, которые раньше проведут технологическую модернизацию, что позволит им получать экономический эффект за счет занятия дополнительной части рынка других стран-участниц ЕАЭС, не захотят добровольно отказываться от своего технико-технологического и рыночного лидерства. Более того, при правильном стратегическом планировании эти предприятия будут иметь большой потенциал для дальнейшей технико-технологической и организационной модернизации, чем

⁶⁶¹ Гурский, В. Л. Риски несогласованности промышленных политик ЕАЭС и методика определения непротиворечивых форм промышленной интеграции / В. Л. Гурский // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2018. – Вып. 7. – С. 196–211. – С. 198.

те предприятия, которые отстали от них в области применяемых технологий. Таким образом, возникает угроза усиления технологического разрыва между предприятиями-лидерами и предприятиями-аутсайдерами, что приводит к «"ловушке догоняющего развития" на микроуровне»⁶⁶². Причем в условиях свободной рыночной конкуренции первые либо поглотят, либо разорят последних. Возникает своего рода парадокс: без развития рыночных институтов нельзя проводить современную структурную политику (когда научно-обоснованное и централизованное стратегическое планирование является важнейшим условием новой индустриализации), но само по себе развитие этих институтов ведет к усилению тенденции в преобладании текущего планирования над стратегическим, а значит к ухудшению структурной политики. В условиях региональной экономической интеграции эта картина становится еще более сложной, когда вышеназванные предприятия находятся в разных странах.

Разрешить это противоречие можно только за счет:

- развития институтов общественно-государственно-частного партнерства;
- опережающего накопления социального капитала на уровне ЕАЭС;
- формирования единой промышленной политики в рамках ЕАЭС, основанной на усилении роли совместного стратегического планирования и дальнейшего развития промышленной кооперации между государствами-участниками ЕАЭС;
- усиления роли социально-научного сообщества в совершенствовании принципов, механизмов и инструментов планирования социально-экономического развития, формировании структурной политики и технологической модернизации народного хозяйства.

С. Д. Бодрунов справедливо отмечает по поводу последнего: «Высокотехнологичное материальное производство – только один из элементов системы, оно еще не обеспечивает решения проблем развития экономики и общества. Современное знаниеёмкое производство <...> не может развиваться в отрыве от интенсивного развития нового научного знания. Кроме того, как производство, так и наука должны продвигать соответственно подготовленные кадры, люди, обладающие необходимыми способностями, знаниями и навыками, которые должна нам дать система образования»⁶⁶³. Далее названный автор подчеркивает, что «...сегодня уже

⁶⁶² Сергиевич, Т. В. Перспективы и направления развития производства товаров интенсивного обновления в Республике Беларусь / Т. В. Сергиевич // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д. Экон. и юрид. науки. – 2017. – № 14. – С. 32–40. – С. 38.

⁶⁶³ Бодрунов, С. Д. Конвергенция технологий – новая интеграция производства, науки и образования / С. Д. Бодрунов // Экономическая наука современной России. – 2018. – № 1 (80). – С. 8–19. – С. 9.

нельзя довольствоваться простым сознанием того, что какое-то производство у нас есть, наука в некотором смысле тоже есть, система образования продолжает функционировать, и тем, что эти сферы даже неким образом между собой взаимодействуют. Существенно, что речь идет не только о том, что их надо поднять на качественно более высокий уровень, но и о том, что их взаимодействие между собой необходимо сделать существенно более эффективным и социально ориентированным. Речь идет о том, что современное высокотехнологичное производство во все возрастающей степени требует непосредственного *взаимпроникновения* этих сфер друг в друга, их теснейшей *интеграции*, а на уровне *основного* производственного звена – и прямого организационного объединения»⁶⁶⁴.

О роли взаимодействия различных институциональных субъектов в рамках инновационной системы на примере космической деятельности нами ранее писалось: «Ограниченность национальных ресурсов, в том числе и финансовых, нехватка компетенций, знаний и опыта, необходимых для глубокого перевооружения традиционного машино- и приборостроения, производства электроприборов в белорусской космической промышленности, могут быть преодолены путем научно-технической и промышленной кооперации. При этом кооперацию следует рассматривать комплексно: горизонтальную и вертикальную интеграцию, внутриотраслевую и межотраслевую интеграцию, на национальном и международном уровне, также сотрудничество государства и бизнеса»⁶⁶⁵. Особое значение кооперация приобретает в производстве высокотехнологичных и наукоемких товаров: «Развитие наукоемких и высокотехнологичных отраслей промышленности не может осуществляться без соответствующего развития научно-технического потенциала, основывающегося на тесной интеграции фундаментальной, прикладной и вузовской науки и промышленного производства»⁶⁶⁶.

По нашему мнению, наиболее перспективным является согласование экономических интересов стран-участниц ЕАЭС на основе разработки дорожной карты, описывающей последовательность мероприятий, направленных на скорейшее проведение новой промышленной революции в ЕАЭС, в том числе на основе проведения единой структурной политики.

⁶⁶⁴ Там же. – С. 9–10.

⁶⁶⁵ Мелешко, Ю. В. Основные формы сотрудничества предприятий реального сектора экономики республики Беларусь и Российской Федерации в сфере производства космической техники / Ю. В. Мелешко // Право. Экономика. Психология. – 2018. – № 1 (9). – С. 37–42.

⁶⁶⁶ Мелешко, Ю. В. Оценка эффективности развития услуг промышленного характера в контексте модернизации национального промышленного комплекса / Ю. В. Мелешко // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Серия: Теория и практика управления. – 2017. – № 18 (23). – С. 39–47.

В качестве промежуточного этапа следует усилить согласование структурных политик государств-членов ЕАЭС.

6.4. Развитие реального сектора национальной экономики и согласование структурных политик стран-участниц ЕАЭС: на примере Беларуси и Армении

Поскольку такая важнейшая задача как разработка механизмов согласования структурных политик стран-участниц ЕАЭС заслуживает отдельной монографии, то в рамках данной работы мы остановимся на исследовании согласования структурных политик Беларуси и ее партнера по интеграционному объединению – Армении. Такой выбор обусловлен тем, что: во-первых, Беларусь и Армения являются малыми открытыми экономиками; во-вторых, данные страны разделяют схожие идеологические доктрины; в-третьих, сотрудничество между странами интенсифицируется; и, наконец, в-пятых, в литературе эта тема освещена в меньшей мере, чем, например, сотрудничество Беларуси и России, Беларуси и Казахстана.

Для выявления перспективных направлений развития реального сектора экономики и согласования структурной политики Беларуси и Армении, прежде всего, необходимо проанализировать структуру их экономик, развитие тех или иных видов экономической деятельности, что позволит определить наиболее перспективные из них. При этом необходимо учитывать, а нами уже писалось об этом, что сегодня в условиях технологической неопределенности, устанавливая стратегические и текущие приоритеты, нельзя слепо следовать за технологическими лидерами и бездумно копировать их инновационную и структурную политики, поскольку это неизбежно приведет к серьезным экономическим, интеллектуальным и социальным издержкам. Наиболее яркой иллюстрацией этого может служить нарастающий кризис nanoиндустрии⁶⁶⁷. Более того, в ряде случаев развитие традиционных и не самых наукоемких видов экономической деятельности может иметь для страны и конкретных коммерческих организаций куда большую экономическую эффективность. Естественно, что здесь нельзя впадать в крайности. Следует развивать и новейшие, и традиционные технологии, ориентируясь при этом не только на технологические мониторинги и прогнозы, но и на глобальные и региональные тенденции в изменении поведения потребителей. Как отмечается по этому поводу в Докладе НИУ Высшей школы экономики: «На фоне распространения модели инноваций, связанной с модой на определенные

⁶⁶⁷ Солодовников, С. Ю. Современная структурная политика и кризис nanoиндустрии / С. Ю. Солодовников // Право. Экономика. Психология. – 2017. – № 3 (8). – С. 49–55.

направления, объективными трудностями оценки новых направлений, усиливаются риски возникновения "пузырей" в сферах, в отношении которых формируются ожидания прорывного развития. Возрастает значимость фактора доминирующих представлений в обществе, соответственно повышаются риски манипулирования общественным мнением (European Parliamentary Research Services, 2016)»⁶⁶⁸.

Развитие реального сектора Республики Беларусь в настоящее время можно охарактеризовать как стабильное. В целом за 2010–2018 гг. ВВП Беларуси увеличился в сопоставимых ценах на 17,5% при росте производительности труда за этот период на 26,8%. ВВП на душу населения по паритету покупательной способности в республике вырос с 16,9 тыс. долл. США в 2010 г. до 19,8 тыс. долл. США в 2018 г.⁶⁶⁹. В мировом рейтинге стран по индексу конкурентоспособности промышленности Беларусь занимает 47 позицию, с большим отрывом опережая страны СНГ, кроме Российской Федерации. Белорусская промышленность по-прежнему остается стержнем национальной экономики и в значительной степени определяет развитие последней. Именно в промышленности производится четверть ВВП, сосредоточено около 37% всех основных средств страны, трудится 23,5% от общей численности занятых в экономике. На долю обрабатывающей промышленности в 2018 г. приходилось 88,6% общего объема производства продукции.

Ведущими отраслями обрабатывающей промышленности являются: машиностроение (16% в объеме обрабатывающей промышленности), химическое производство (10,8%), производство нефтепродуктов (17,6%), пищевая промышленность (25,8%). В Республике Беларусь производится около 80% от общего объема производства тракторов в странах ЕАЭС⁶⁷⁰. Основными отраслями экономики нашей страны по-прежнему являются обрабатывающая промышленность, сельское хозяйство, строительство, торговля, транспортная деятельность, информация и связь. К ключевым группам белорусских товаров относятся: грузовые автомобили, дорожная, строительная техника; тракторы и сельскохозяйственная техника; холодильники и бытовая техника; мебель; удобрения; топливо; льноволокно; химические волокна и нити; мясные и молочные продукты⁶⁷¹.

⁶⁶⁸ Структурная политика в России: новые условия и возможная повестка/ Доклад НИУ ВШЭ // Вопросы экономики. – 2018. – № 6. – С. 5–28. – С. 11.

⁶⁶⁹ Экономика [Электронный ресурс] / Официальный интернет портал Президента Республики Беларусь. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/economy_ru/. – Дата доступа: 15.08.2019.

⁶⁷⁰ Экономика [Электронный ресурс] / Официальный интернет портал Президента Республики Беларусь. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/economy_ru/. – Дата доступа: 15.08.2019.

⁶⁷¹ Там же.

К перспективным направлениям развития реального сектора экономики Беларуси следует отнести ведущие сектора обрабатывающей промышленности и сельское хозяйство, поскольку по этим направлениям существуют достаточно развитая производственная база и традиционные рынки сбыта. Вместе с тем эти отрасли имеют ряд проблем, которые не могут быть решены только в рамках реального сектора экономики, но требуют определенных структурных сдвигов в целом в народном хозяйстве. В частности, это обусловлено тем, что при относительно высокой активности предприятий обрабатывающей промышленности во внедрении технологических инноваций у них сохраняется низкая активность во внедрении организационных и маркетинговых инноваций. Удельный вес организаций обрабатывающей промышленности, осуществляющих затраты на организационные инновации в 2016 г. к общему числу организаций, осуществляющих затраты на технологические, организационные и маркетинговые инновации, составил всего 8,4%, затраты на маркетинговые инновации – 13,9%⁶⁷². Вместе с тем «стратегический курс на проведение новой индустриальной политики должен охватывать не только технологическую и экономическую системы, но и систему общественных отношений, в частности отношении, складывающихся в процессе трудовой деятельности»⁶⁷³.

Белорусские и российские исследователи подчеркивают, что «развитие международного научно-технического и инновационного сотрудничества выступает одним из основных направлений государственной инновационной политики Беларуси»⁶⁷⁴. Вместе с тем проблема выбора субъектов для экономической интеграции (производственной, научной, финансовой и т. д.) требует отдельной проработки, поскольку, «если белорусские предприятия промышленности присоединятся к крупным межнациональным транснациональным корпорациям, они рискуют оказаться "придаточным" производством, т. к. последние будут стремиться разместить на территории республики экологически грязные, низкотех-

⁶⁷² Там же.

⁶⁷³ Сергиевич, Т. В. Труд в неоиндустриальном обществе / Т. В. Сергиевич // Научно-образовательный центр «Технологии товароведческой, таможенной и криминалистической экспертизы» Сборник научных работ № 6. Под редакцией Г. Д. Дроздова. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2015. – С. 50–55. – С. 54.

⁶⁷⁴ Исследование теоретических основ нового качества экономического роста в контексте перехода к инновационному развитию Республики Беларусь и Российской Федерации / В. Л. Гурский, В. А. Клименко, В. В. Фаузер, Т. В. Сергиевич // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. – 2017. – № 2. – С. 53–59. – С. 57.

нологичные производства. Кроме того, создание устойчивых международных интеграционных экономических связей в области промышленности и услуг промышленного характера в современных геополитических условиях может ставить под угрозу экономическую безопасность страны (например, за счёт введения санкций и блокировки всех экономических отношений на неопределённый период). В связи с этим для усиления влияния на международной арене и снижения риска формирования "хищнической" модели международной кооперации, на наш взгляд, приоритетным является формирование более тесных экономических интеграционных связей в рамках ЕАЭС»⁶⁷⁵.

Опираясь на вышесказанное, можно сделать вывод, что сотрудничество Беларуси и Армении в области технико-технологической кооперации и взаимной торговли, основанной на международном промышленном разделении труда, представляется перспективным. Это, в частности, подтверждается быстрым ростом взаимной торговли наших стран. Вместе с тем те проблемы, которые наблюдаются в национальных экономиках наших стран, находят свое воплощение и в формах международной кооперации.

Сегодня продолжается увеличение доли услуг в структуре белорусского экспорта. С 2010 г. по 2017 г. экспорт услуг увеличился более, чем в 1,6 раза. При этом значительный рост демонстрировали компьютерные услуги, экспорт которых увеличился в 2017 г. более, чем в 5 раз по сравнению с 2010 г. Объем экспорта данного вида услуг в 2017 году практически достиг 1,2 млрд. долл., а удельный вес в общем объеме экспорта вырос с 4,5% до 15,4%. Беларусь входит в число мировых лидеров по экспорту ИТ-услуг на душу населения. В рейтинге Топ-100 лучших аутсорсинговых компаний мира 2017 шесть ИТ-компаний с белорусскими офисами⁶⁷⁶. В то же время услуги промышленного характера в Республике Беларусь развиваются недостаточно быстро, что тормозит развитие национального промышленного комплекса и аграрного производства. ИТ-компании с белорусскими офисами по-прежнему уделяют мало внимания этому важнейшему направлению, в то время как, например, в соответствии с мировыми тенденциями перспективным направлением расширения рынка облачных технологий является производственный сектор. «Использование облачных технологий как услуг промышленного характера позволит предприятиям промышлен-

⁶⁷⁵ Мелешко, Ю. В. Оценка эффективности развития услуг промышленного характера в контексте модернизации национального промышленного комплекса / Ю. В. Мелешко // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Серия: Теория и практика управления. – 2017. – № 18 (23). – С. 39–47. – С. 44.

⁶⁷⁶ Экономика [Электронный ресурс] / Официальный интернет портал Президента Республики Беларусь. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/economy_ru/. – Дата доступа: 15.08.2019.

ности перенести часть бизнес-процессов в "облако", сократив тем самым расходы на информационные технологии и обеспечив их надежность»⁶⁷⁷. В этом контексте перспективными направлениями белорусско-армянского сотрудничества с целью развития реального сектора экономики и улучшения качества экономического роста, в том числе на основе согласования структурных политик наших стран, должно стать опережающее развитие услуг промышленного характера. «Совместное с иностранными предприятиями оказание услуг промышленного характера будет развиваться в сравнении с совместным промышленным производством опережающими темпами, так как оказание таких услуг требует меньше капитальных вложений, не требует, как правило, дополнительного обучения кадров и имеет высокую долю добавленной стоимости. Наиболее тесные кооперационные связи как в сфере промышленности, так и в сфере услуг промышленного характера, будут выстраиваться с предприятиями стран-участниц ЕАЭС, поскольку такая кооперация будет способствовать решению проблем финансирования НИОКР, кадрового обеспечения, дисбаланса интеграционных связей <...> и сможет стать основой производственной кооперации промышленных предприятий»⁶⁷⁸.

Таким образом, важнейшими перспективными направлениями совместного развития реальных секторов экономики и соответствующего согласования структурных политик Беларуси и Армении является: во-первых, развитие традиционных направлений технико-технологической и производственной кооперации в тех отраслях промышленности и сельского хозяйства, которые наиболее развиты в нашей стране (надо учитывать, что сегодня армянские промышленность, аграрное производство и экономика в целом по геополитическим причинам хуже развиты, чем белорусские), во-вторых, опережающее развитие услуг промышленного характера.

Еще одним перспективным направлением кооперации может стать такой вид деятельности как производство текстильных изделий, одежды, изделий из кожи и меха, который в белорусской экономике по состоянию на 2017 г. оценивается в 4,4%⁶⁷⁹. Данный вид деятельности, для которого

⁶⁷⁷ Мелешко, Ю. В. Перспективы развития облачных технологий как услуг промышленного характера / Ю. В. Мелешко // Менеджмент предпринимательской деятельности: Материалы XVI международной научно-практической конференции преподавателей, докторантов, аспирантов и студентов, Симферополь, 12–13 апр. 2018 г. – 2018. – С. 232–236. – С. 235–236.

⁶⁷⁸ Мелешко, Ю. В. Сценарии дальнейшего развития услуг промышленного характера в Республике Беларусь / Ю. В. Мелешко // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д. Экон. и юрид. науки. – 2016. – № 13. – С. 62–68. – С. 64.

⁶⁷⁹ Экономика [Электронный ресурс] / Официальный интернет портал Президента Республики Беларусь. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/economy_ru/. – Дата доступа: 15.08.2019.

сегодня характерно производство добавленной стоимости на одного работающего примерно в два раза меньше, чем в целом по отечественной промышленности, с одной стороны обеспечивает лишь 50% от потребностей населения Республики Беларусь, а значит, существует потенциальный внутренний спрос на эту продукцию. Причем последний как в Беларуси, так и в России во многом покрывается за счет нелегального ввоза текстильных изделий, одежды, изделий из кожи и меха. Переход России, а вслед за ней и Беларуси на специальную маркировку обуви, позволяющую отслеживать ее происхождение, станет важнейшим фактором, снижающим недобросовестную конкуренцию на рынке текстильных изделий, одежды, изделий из кожи и меха. Наличие в Республике Беларусь модельеров, получивших признание не только у нас в стране, но и за рубежом, позволяет обоснованно рассчитывать на высокие темпы роста в этой сфере. Сфера моды в частности и товаров интенсивного обновления вообще, может стать более экономически эффективной на основе белорусско-армянской кооперации. Производство товаров интенсивного обновления характеризуется следующими признаками: «высокая зависимость спроса на товары от социально-психологических факторов, что приводит к возникновению дополнительных рисков; быстрая оборачиваемость денежных средств; высокая доля креативного труда; сложная система создания добавленной стоимости, большая часть которой формируется за счет нематериальных активов и творческого труда; высокая зависимость конкурентоспособности предприятия от качества человеческого капитала; повышенный уровень адаптивности предприятия; активное включение предприятия по производству товаров интенсивного обновления в глобальные цепочки создания добавленной стоимости; высокий уровень включения в систему разделения труда, в том числе международного»⁶⁸⁰. В Армении существует высококоразвитое производство аксессуаров и бижутерии, а существующие предприятия по пошиву одежды и обуви легко могут быть включены в цепочки совместного создания конечного модного продукта, ориентированного на рынок ЕАЭС. При этом более низкая заработная плата и высокий уровень безработицы в Армении будут способствовать снижению себестоимости этого продукта.

Вместе с тем, политика белорусско-армянской кооперации по производству товаров интенсивного обновления требует решения ряда проблем в Республике Беларусь. «Сегодня между белорусскими хозяйствующими субъектами в текстильной и швейной промышленности главным

⁶⁸⁰ Сергиевич, Т. В. Экономическое стимулирование производства товаров интенсивного обновления: теоретико-методологические основы / Т. В. Сергиевич // Право. Экономика. Психология. – 2017. – № 3(8). – С. 49–55. – С. 54.

объектом конкуренции за факторы производства являются не каналы снабжения сырьем, материалами, инвестиционными и трудовыми ресурсами, а персонализация, размеры, формы, величина государственной поддержки и доступ к административному ресурсу»⁶⁸¹. Такая политика поиска ренты белорусскими коммерческими организациями вызывает риски снижения их конкурентоспособности за счет недоразвития общественно-функциональных инноваций. «Как показывает практика (например, реализация проекта по модернизации ОАО "Камволь"), даже наличие мощной государственной поддержки, нового технологического оборудования и серьезного опыта хозяйствования в современных условиях не гарантируют хозяйствующим субъектам достижения поставленных целей развития. Финансовая поддержка и технико-технологические инновации сами по себе не могут обеспечить расширенное воспроизводство капитала предприятия. Наличие организационно-управленческих инноваций, направленных на обеспечение расширенного воспроизводства человеческого капитала, – есть предпосылка перехода к интенсивному пути развития предприятия»⁶⁸².

Несмотря на различия в методах государственного управления в Армении (либерально-рыночная модель развития) и Беларуси (преимущественно рыночная социально-ориентированная, основанная на государственном регулировании народного хозяйства), для обеих стран характерно недостаточное использование общественно-функциональных инноваций в сфере производства товаров интенсивного обновления. В обеих странах в настоящее время резервы международной кооперации в этой сфере использованы недостаточны. «Белорусская промышленная политика в сфере производства товаров интенсивного обновления сегодня в большей степени охватывает развитие кооперации внутри страны»⁶⁸³. Вместе с тем, как нами отмечалось в пятой главе, глобальные цивилизационные тенденции свидетельствуют о том, что значение моды как социально-экономического феномена будет постоянно возрастать, увеличивая опережающий спрос на товары интенсивного обновления⁶⁸⁴. Таким обра-

⁶⁸¹ Сергиевич, Т. В. Трудовой потенциал и управление трудом в текстильной и швейной промышленности как объекты экономического исследования / Т. В. Сергиевич // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2017. – Вып. 5. – С. 260–275. – С. 264.

⁶⁸² Сергиевич, Т. В. Методическое обеспечение повышения экономической эффективности воспроизводственного цикла предприятия по производству товаров интенсивного обновления / Т. В. Сергиевич // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2017. – Вып. 6. – С. 91–107. – С. 92.

⁶⁸³ Сергиевич, Т. В. Перспективы и направления развития производства товаров интенсивного обновления в Республике Беларусь / Т. В. Сергиевич // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д, Экон. и юрид. науки. – 2017. – № 14. – С. 32–40. – С. 35.

⁶⁸⁴ Сергиевич, Т. В. Мода как фактор интенсивного обновления товаров / Т. В. Сергиевич //

зом, правомерен вывод о том, что весьма перспективным направлением развития реального сектора экономики в Беларуси и Армении является производство товаров интенсивного обновления, что, в свою очередь, требует пересмотра и координации структурных политик в наших странах. Важнейшим этапом координации структурных политик является разработка организационно-экономических механизмов их согласования. Остановимся на этом подробнее.

Для успешной разработки концептуальных основ организационно-экономических механизмов согласования структурной политики Беларуси и Армении в интересах скорейшей модернизации реального сектора экономики обеих стран необходимо опираться на современную экономическую методологию. В последние десятилетия в экономической гносеологии «стало очевидно, что научный анализ экономического, в том числе инновационного развития не может опираться лишь на традиционные экономические процессы и предпосылки: финансирование, стимулирование спроса, рыночные методы регулирования инноваций, коммерциализацию знаний и проч. в отрыве от социокультурных, этических, психологических, духовных, политических факторов, вне контекста философского осмысления проблем, – справедливо подчеркивает А. В. Барышева. – Стоимостные показатели, традиционно, в количественных терминах отражающие ход хозяйственной деятельности и движение макроэкономических величин, в преддверии общества, основанного на знаниях, не могли адекватно описать экономическое развитие страны и факторы, его определяющие»⁶⁸⁵. Далее этот автор поясняет, что «на передний план комплексного экономического анализа выдвинулась задача оценки явлений и процессов нестоимостного характера, которые не находят адекватного отражения в системе рыночных отношений. Речь идет о разработке качественных критериев экономического развития как аксиологической проблемы выбора будущего, связанного с вопросами качества жизни, возможностями человеческого развития, активизации общественных ценностей, ориентации практики не на пассивное воспроизведение сложившихся социально-экономических условий, а на их преобразование»⁶⁸⁶. В данном случае речь идет о возрастании роли в эволюции экономической системы общества идеологической составляющей, что обусловлено невозможностью проведения

Российская экономика: взгляд в будущее : материалы III Международной научно-практической конференции (заочной): в 2 частях. Часть 1, Тамбов, 17 февр. 2017 г. / М-во обр. и науки РФ; ФГБОУ ВО «Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина»; [отв. ред. Я. Ю. Радиокова]. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. – С. 275–282.

⁶⁸⁵ Барышева, А. В. Модернизация России с позиций новой парадигмы научного познания / А. В. Барышева. – М. : ООО «ИПЦ «Маска», 2012. – 340 с. – С. 11.

⁶⁸⁶ Там же. – С. 11.

достоверных экономических исследований в рамках методологии мейн-стрима.

Этой проблеме сегодня посвящается все большее и большее количество публикаций. Так, например, Е. В. Фахрутдинова и С. Д. Мокичев пишут: «В экономической системе (*экономической системе общества – примечание авторов*) происходит кардинальное изменение зависимостей и закономерностей. Внутри индустриальной системы экономические процессы теряют присущую им в течение многих столетий закономерность развития. Ранее точки роста экономической системы (*экономической системы общества – примечание авторов*) формировались на локальных ее элементах, в рамках отдельных субъектов хозяйствования, а затем пространственно расширялись, вытесняя в конкурентной борьбе предшествующие хозяйственные организации. Последние либо прекращали свое существование, либо превращались в маргинальные формы деятельности (*периферийные хозяйственные уклады – примечание авторов*) на фоне количественно и качественно доминирующих новых экономических моделей»⁶⁸⁷. Л. Н. Тепман и Л. А. Наперов также подчеркивают, что сегодня «появляются новые общественные институты и хозяйственные организации <...>, трансформируется содержание взаимосвязей между ними. Происходят сдвиги в структуре собственности. Совершенствуются технологии управления: вертикальные воздействия во все большей мере дополняются и заменяются горизонтальными. Претерпевает изменения и содержание государственного регулирования экономики»⁶⁸⁸.

Исторические реалии второй половины XX века и начала XXI века показали, что только Китай, Япония, Южная Корея, Тайвань и Сингапур сумели превратиться из развивающихся стран в экономически развитые государства и сократить технологический разрыв с Западом. Причины такого чуда заключаются в идейной базе этого роста – конфуцианской идеологии.

СССР в период до 80-х гг. XX века также сумел значительно сократить технологический и экономический разрыв с Западом, но с началом кризиса коммунистической (марксистско-ленинской) идеологии советское экономическое чудо прекратило свое существование.

Не вдаваясь в ненужную в рамках нашего исследования детализацию вышеназванных феноменов, отметим, что в их основе лежит такой важ-

⁶⁸⁷ Фахрутдинова, Е. В. Проблемы методологии в развитии и модернизации экономики / Е. В. Фахрутдинова, С. Д. Мокичев // Экономические науки. – 2015. – № 1 (122) – С. 11–14. – С. 11.

⁶⁸⁸ Тепман, Л. Н. Инновационная экономика : учеб. пособие / Л. Н. Тепман, В. А. Наперов. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2014. – 279 с. – С. 3.

нейший экономический фактор как идеология. Естественно, что не следует сводить все успехи и проблемы жизнедеятельности экономической системы общества только к идеологическому фактору – такой подход был бы излишним упрощением, превращающим экономическую науку в вулгарное обществоведение. Речь здесь идет о том, что без соответствующей идеологии – базового компонента институциональной матрицы (которая выступает объективным ограничителем любых иных институциональных заимствований и экономических реформ), – невозможно успешное инновационное развитие отдельных стран и регионов.

Согласование структурных политик различных стран объективно сопряжено с большим количеством институциональных ограничений и транзакционных издержек. Преодолеть их намного проще, когда страны разделяют схожие идеологические доктрины. Опыт уже упомянутых выше стран Восточной Азии и Беларуси, убедительно доказал, что в конце XX века и в начале XXI века только государства с гуманистической идеологией, в основе которой лежит такой критерий общественного прогресса как снижение социального каннибализма, могут обеспечить длительные устойчивые темпы экономического роста и технологическую модернизацию. Армения сегодня также разделяет эту идеологию. Совпадение идеологических доктрин Беларуси и Армении является важным организационно-экономическим механизмом согласования структурных политик наших стран в интересах скорейшей модернизации реального сектора экономики, поскольку такое совпадение значительно облегчает переговорный процесс между странами, т. е. экономит транзакционные издержки. Кроме того, близкие идеологические позиции стран расширяют институциональную базу институциональных заимствований, позволяют ставить близкие цели в области промышленной политики, сближают экономические интересы.

Для Беларуси и Армении крайне важно сегодня проводить сильную промышленную политику. Эта политика должна быть экспортоориентированной и включать в себя государственную поддержку как сильных конкурентоспособных отраслей, которые уже рыночно конкурентны и успешно используют рыночные инструменты, так и тех, которых рыночная конкуренция уничтожит без государственной поддержки. Р. Хаусманн, Д. Хванг и Д. Родрик⁶⁸⁹ предложили индекс сложности экспорта, рассчитываемый в два этапа. На первом этапе «исчисляется средневзвешенный ВВП на душу для стран, экспортирующих определенный товар (из 5000 возможных товарных позиций) – получается доход на душу в гипотетической стране, которая специализируется на экспорте

⁶⁸⁹ Hausmann, R. What You Export Matters / R. Hausman, J. Hwang, D. Rodrik // NBER Working Paper. – 2006. – January.

именно и только этого товара. Затем такой же гипотетический уровень ВВП на душу исчисляется для страны с данной структурой экспорта и сопоставляется с фактическим для этой страны уровнем ВВП – оказывается, что это сопоставление очень информативно для объяснения темпов экономического роста»⁶⁹⁰. В. Попов отмечает по этому поводу: «Китай, например, и в 1992 г., и в 2003 г. имел наибольший разрыв между гипотетическим и фактическим уровнем ВВП на душу, то есть структура китайского экспорта соответствовала уровню развития страны, которая в несколько раз опережала Китай по ВВП на душу населения. Да, в последние годы коэффициент такого опережения сократился – с 6 раз в 1992 г. до менее 3 раз в 2003 г., но это опережение все равно остается самым высоким в мире. Собственно говоря, именно такая политика, нацеливающая национальных предпринимателей не просто на экспорт, а на постоянное усложнение экспорта, и объясняет экономический успех Китая. В этом как раз и состоит второй принцип успешной промышленной политики: не всякий экспорт стоит поддерживать, а только тот, который дает наибольшую экстерналию, внешнюю выгоду, возникающую тогда, когда общественная отдача от вложений в определенный вид деятельности больше, чем отдача для конкретных фирм, непосредственно занимающихся такой деятельностью»⁶⁹¹.

Названный показатель, по нашему мнению, вполне можно использовать для оценки экономической эффективности экспортоориентированной специализации национальных промышленных комплексов Беларуси и Армении. При этом важно максимально использовать не только ресурсы своей страны, но и страны-партнера. Поэтому для согласования структурной политики Беларуси и Армении в интересах скорейшей модернизации реального сектора экономики обеих стран надо создать организационно-экономический механизм, позволяющий максимально возможно учесть (на основе критерия Калдора-Хикса) экономические интересы всех белорусских и армянских субъектов промышленной политики.

Беларусь и Армения являются малыми открытыми экономиками, поэтому при согласовании их структурных политик в интересах скорейшей модернизации реального сектора экономики необходимо создать согласованный организационно-экономический механизм совместного отстаивания экономических интересов (естественно, тех, которые у Беларуси и Ар-

⁶⁹⁰ Попов, В. Технология экономического чуда. Нетрадиционный взгляд на протекционизм, экспортную ориентацию и экономический рост / В. Попов // «Прогнозис». – 2006. – № 2 (6). – С. 191–206. – С. 199–200. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://carleton.ca/vpopov/wp-content/uploads/China-industrial-policy-Prognosis.pdf>. – Дата доступа : 20.11.2018.

⁶⁹¹ Там же.

мени совпадают) в рамках ЕАЭС. Поскольку в условиях глобальной политико-экономической неопределенности и нарастания практики международных санкций со стороны США и их сателлитов по отношению к КНР и России представляется возможным превращение ШОС в таможенный союз и/или зону свободной торговли, то этот организационно-экономический механизм должен обладать возможностью адаптации к данному процессу.

ГЛАВА 7. МОДЕРНИЗАЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ОТРАСЛЕЙ ЭКОНОМИКИ: НА ПРИМЕРЕ БЕЛОРУССКОЙ ЛЕГКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

7.1 Модернизация отечественной легкой промышленности как этап становления сверхиндустриального промышленного уклада

Структурная политика является важным инструментом социально-экономического развития любого государства. От качества ее стратегического построения и реализации зависит не только эффективность национального промышленного комплекса, но и других сфер экономики, а также благосостояние и качество жизни населения. Сверхиндустриальный промышленный уклад как формирующаяся основа промышленности Республики Беларусь не предполагает отказ от традиционных производств, а включает в себя определение направлений и условий проведения их технико-технологической и организационно-управленческой модернизации с целью возрождения промышленности на новых технологических основах с соблюдением социальных и экологических императивов. Системный характер модернизации отечественной промышленности предполагает использование инновационных инструментов развития традиционных отраслей. В случае ориентации исключительно на развитие секторов, относимых к последним технологическим укладам, при реализации промышленной политики постоянно будут возникать структурные трудности (включая несбалансированную структуру занятости), тормозящие становление экономики сверхиндустриального типа. Кроме того, традиционные отрасли, к которым относится легкая промышленность, как правило, тесно интегрированы в экономику и связаны кооперационными отношениями с другими секторами народного хозяйства, поэтому их развитие оказывает значительное, хоть и опосредованное влияние на эффективность других сфер.

Сегодня легкая промышленность Республики Беларусь остро нуждается в новых методах и инструментах повышения своей конкурентоспособности. За период существования суверенной Беларуси показатели числа занятых и удельного веса легкой промышленности в экономике снизились более, чем вдвое. Многим предприятиям не удалось выжить в условиях становления рыночной экономики, что заставило управленцев по-новому взглянуть на проблемы конкурентоспособности промышленных предприятий. Основной проблемой была и остается невысокая конкурентоспособность по отношению к зарубежным предприятиям, импортирующим товары легкой промышленности. Усилению этой проблемы способствует поступательное снижение барьеров для проникновения иностранных производителей на внут-

ренный рынок, обусловленное глобализацией и сопутствующими ей трендами либерализации торговли. Следует оговориться, что в современном мире направленность процессов глобализации и либерализации торговли не столь очевидна и однозначна. Вспомнить хотя бы торговую войну США и Китая, которая активно ведется в течение последних двух лет и сопровождается регулярным использованием тарифных и нетарифных мер защиты внутренних рынков и, соответственно, местных производителей. Или политизированный дискурс вокруг строительства магистрального газопровода из России в Германию через Балтийское море «Северный поток – 2», а также относительно строительства Белорусской атомной электростанции, сдерживающий развитие данных проектов и, соответственно, торговлю между заинтересованными странами. Однако страны с малой открытой экспортоориентированной экономикой, к числу которых относится Республика Беларусь, как правило, весьма ограничены в свободном применении протекционистских мер международной торговли, поэтому вынуждены принимать складывающиеся «правила игры». Примером может служить снижение ставок ввозных таможенных пошлин при вступлении во Всемирную торговую организацию.

Усиление конкуренции требует от предприятий по производству потребительских товаров трансформации традиционной модели с ядром «производитель» к модели, где ключевым элементом выступает потребитель. Основные конкурентные преимущества иностранных производителей (в данном контексте нами рассматриваются добросовестные производители и импортеры, осуществляющие легальный ввоз и сертификацию товаров) создаются на стадии продвижения товаров, а не на производственной стадии, в то время как технологии продвижения у отечественных предприятий недостаточно развиты. В современных условиях нарастания различных видов неопределенностей, включая поведение потребителей, модели которого все быстрее меняются, и оно становится все менее предсказуемым, предприятиям реального сектора все сложнее удержать существующие, коммерциализировать и завоевать новые конкурентные преимущества. Одной из наиболее адаптивных и восприимчивых к изменениям структур потребления в современном обществе сфер является легкая промышленность. Проблемы поиска путей повышения конкурентоспособности белорусской легкой промышленности, обостряющиеся в условиях глобальной экономики рисков, обуславливают необходимость использования инновационных технологий управления, способных обеспечить устойчивый рост ее конкурентоспособности и эффективности.

Качественные преобразования в структуре производства в современной экономике во многом обусловлены ростом доли потребления знаковых благ. Знаковое потребление включает в себя потребление не только

товаров (определенные продукты питания, брендовая одежда, новые автомобили и т. д.), но и услуг (уникальные развлечения, посещение барбершопов, частые туристические поездки). В пятой главе мы определили знаковое потребление как тип потребления благ, основной целью которого является социальная, в первую очередь, статусная демонстрация, с использованием механизмов социальной дифференциации и принадлежности, на основе сложившихся в конкретной культурной среде технологий знаковой коммуникации. Статусная демонстрация обусловлена естественным желанием индивида как существа социального обозначить свое положение в социально-классовой структуре общества с целью получения определенных преимуществ. Социальная демонстрация, как правило, нацелена на упрочнение его (индивида) социальной и экономической жизнеспособности. Выбор предметов, частота и характер потребления являются инструментами отражения социальной принадлежности или, напротив, социального абстрагирования. Эти механизмы входят в состав своего рода социальной коммуникации и дают определенную информацию о субъекте, хотя и далеко не всегда могут отразить реальное место в иерархической структуре общества.

Инструменты производства знаковых меновых стоимостей широко используются в индустрии моды и легкой промышленности, где добавленная стоимость создается за счет управления механизмами социальной демонстрации. Потребитель товаров легкой промышленности ориентирован в большей степени на оценку знаковой стоимости товара и символических характеристик процесса их потребления (замена задолго до физического износа таких товаров, объем потребляемых благ, приверженность определенным брендам), что становится основным фактором при принятии решения о покупке. Рост спроса на знаковые блага и их быстрая замена потребителем, в свою очередь, стимулирует производителей интенсифицировать обновление товаров и постоянно предлагать рынку его новые характеристики, что обеспечивает устойчивое воспроизводство по отрасли в целом.

Несмотря на то что под влиянием моды во многом формируются принципы поведения и образ жизни людей, традиционно в индустрию моды включается в первую очередь производство и потребление текстиля, одежды, обуви, аксессуаров, косметики и парфюмерии. Сегодня «взаимосвязь между сферой услуг и промышленностью все более усложняется. Рост производительности в сфере услуг не всегда способствует росту производительности в промышленности»⁶⁹². При этом, по мнению одних ав-

⁶⁹² Пороховский, А. А. Обработывающая промышленность в сервисной экономике / А. А. Пороховский // США & Канада. Экономика. Политика. Культура. – 2018. – № 6. – С. 23–40. – С. 24.

торов (В. П. Иваницкий⁶⁹³, Н. А. Крюкова⁶⁹⁴, Е. А. Лисова⁶⁹⁵, М. С. Щеглов⁶⁹⁶), ядро индустрии моды составляет швейная промышленность, по мнению других (Т. А. Бозина⁶⁹⁷, В. М. Осипов⁶⁹⁸, В. А. Титов⁶⁹⁹, В. В. Хохлова⁷⁰⁰) – индустрия моды в большей степени относится к сфере услуг. Развитие индустрии моды принято оценивать на основе показателей легкой промышленности, оптовой и розничной торговли, услуг по дизайну одежды и обуви⁷⁰¹.

В этой связи актуальным представляется поиск направлений и инструментов развития механизмов управления в легкой промышленности в Республике Беларусь, что будет способствовать повышению конкурентоспособности отечественных промышленных предприятий, увеличению экспортного потенциала легкой промышленности и реализации проводимой в стране политики импортозамещения.

В Республике Беларусь организационно-экономический механизм легкой промышленности имеет свои особенности. Государственное управление этим видом экономической деятельности частично осуществляется отраслевым органом управления, созданным на базе предприятий Министерства легкой промышленности БССР и известным как Белорусский концерн по производству и реализации товаров легкой промышленности, с 1994 г. – Белорусский государственный концерн по производству и реализации товаров легкой промышленности («Беллегпром»). Сегодня «Беллегпром» представляет собой многоотраслевой промышленный комплекс республики, в состав которого входят текстильные, трикотажные, швей-

⁶⁹³ Иваницкий, В. П. Промышленное производство швейных товаров интенсивного обновления: сущность, границы и структура / В. П. Иваницкий, М. С. Щеглов // Известия Уральского государственного экономического университета. – 2012. – № 6 (44). – С. 73–78.

⁶⁹⁴ Крюкова, Н. А. Анализ тенденций развития российской индустрии моды / Н. А. Крюкова, Е. А. Лисова // Вестник Поволжского государственного университета сервиса. Серия: Экономика. – 2015. – № 1 (39). – С. 171–178.

⁶⁹⁵ Там же.

⁶⁹⁶ Иваницкий, В. П. Промышленное производство швейных товаров интенсивного обновления: сущность, границы и структура / В. П. Иваницкий, М. С. Щеглов // Известия Уральского государственного экономического университета. – 2012. – № 6 (44). – С. 73–78.

⁶⁹⁷ Бозина, Т. А. Подготовка кадров для индустрии моды: проблемы и перспективы / Т. А. Бозина, В. В. Хохлова // Швейная промышленность. – 2014. – № 3. – С. 16–19.

⁶⁹⁸ Осипов, В. М. Улучшающие инновации и развитие сектора услуг индустрии моды / В. М. Осипов, В. А. Титов // Инновации. – 2012. – № 10 (168). – С. 48–51.

⁶⁹⁹ Там же.

⁷⁰⁰ Бозина, Т. А. Подготовка кадров для индустрии моды: проблемы и перспективы / Т. А. Бозина, В. В. Хохлова // Швейная промышленность. – 2014. – № 3. – С. 16–19.

⁷⁰¹ Global fashion industry statistics – International apparel [Electronic resource] / FASHIONUNITED. – Mode of access: <https://fashionunited.com/global-fashion-industry-statistics>. – Date of access: 24.09.2018.

ные, кожевенные, обувные предприятия, а также торговые, научно-исследовательские и некоторые другие организации. На долю концерна приходится до 80% производимой в стране продукции легкой промышленности. Задачами «Беллегрома» являются: «проведение научно-технической, инновационной, экономической и социальной политики, направленной на создание условий для эффективной работы участников концерна, в целях удовлетворения потребностей населения республики в потребительских товарах; расширение участниками концерна экспорта продукции на основе повышения ее конкурентоспособности»⁷⁰². Концерн выполняет не только функции регулятора в легкой промышленности, но и оказывает поддержку входящим в его состав предприятиям и представляет их интересы как в правительстве, так и на международной арене.

Функциональное назначение легкой промышленности – обеспечение продукцией нужд национальной экономики и населения в этих товарах – обуславливает диверсификацию потребителей его продукции, представленной не только в B2C- (от англ. business-to-consumer – бизнес для потребителя), но и в B2G- (от англ. business-to-government – бизнес для государства), и в B2B- (от англ. business to business – бизнес для бизнеса) сегментах рынка. Домашние хозяйства составляют важнейший сегмент потребителей продукции легкой промышленности, которая необходима для обеспечения жизнедеятельности современного человека. Исходя из этого, вид деятельности можно охарактеризовать как социально значимый. Спрос на этом рынке относительно неустойчив, поскольку зависит от большого количества внешних (уровень доходов населения, сезонность и др.) и внутренних (качество рекламных кампаний, скорость производственных циклов и др.) факторов. Государство также оказывает существенное влияние на совокупный спрос на продукцию легпрома, используя различные инструменты – государственные закупки, проекты и программы. Субъекты хозяйствования формируют спрос на эти товары как в целях конечного потребления, так и для их переработки и создания добавленной стоимости.

Место и роль легкой промышленности в экономике во многом определяется степенью ее интеграции и взаимодействия с другими видами экономической деятельности, участием в цепочках создания добавленной стоимости, в том числе международных. Предприятия легкой промышленности являются не только производителями, но и потребителями товаров и услуг разнообразных отраслей. Как отмечает по этому поводу

⁷⁰² Устав Белорусского государственного концерна по производству и реализации товаров легкой промышленности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://bellegprom.by/docs/ustav_2018.pdf. – Дата доступа: 17.08.2019.

Н. Н. Жаркова, «текстильное и швейное производство является "локомотивом" по отношению к ряду других отраслей. Технологический цикл этих предприятий связан с использованием продукции сельского хозяйства, химической и машиностроительной отраслей»⁷⁰³. Следовательно, модернизация легкой промышленности влияет не только на потребителей (конечное и промежуточное потребление) его продукции, но и на предприятия, являющиеся поставщиками товаров и услуг для производства текстильных изделий, одежды, изделий из кожи и меха. «Инновационная активность в легкой промышленности, – по мнению Н. Н. Жарковой, – простимулирует рост активности в сопряженных сферах экономической деятельности, тем самым вызовет мультипликационный эффект, дающий значительный прирост национального дохода, способствующий росту производственных инвестиций через механизм акселератора»⁷⁰⁴. Это позволяет охарактеризовать легкую промышленность как экономически значимый вид деятельности.

За период существования суверенной Беларуси государству удалось создать благоприятные условия для развития белорусской легкой промышленности, что привело к формированию рентоориентированного поведения у многих крупных предприятий. Сегодня между белорусскими хозяйствующими субъектами в легкой промышленности главным объектом конкуренции за факторы производства являются не каналы снабжения сырьем, материалами, инвестиционными и трудовыми ресурсами, а персонафикация, размеры, формы, величина государственной поддержки и доступ к административному ресурсу.

Любая социально-экономическая система, а легкая промышленность относится к системам такого рода, находится в процессе эволюции, которая приводит к преодолению ее синкретичности и, как правило, к усложнению ее структуры. Эволюция социально-экономических систем обусловлена рядом факторов, специфических для конкретной социо-материальной среды. Основным движущим фактором эволюции социально-экономической системы является интерес. Как отмечается в литературе, «интерес представляет собой направленность активности субъекта на использование активности других субъектов для удовлетворения собственных потребностей»⁷⁰⁵. Система социальных взаимодействий (взаимоотношений) обуславливает социо-материальную среду, с которой она взаимодействует, и сама предопределяется атрибутами этой среды.

⁷⁰³ Жаркова, Н. Н. Инвестиционная политика в области научно-технической инновационной деятельности предприятий текстильного и швейного производства / Н. Н. Жаркова. – М. : Инфра-М, 2014. – 94 с. – С. 24.

⁷⁰⁴ Там же. – С. 24.

⁷⁰⁵ Характер, структура и факторы формирования экономических отношений / Л. П. Васюченко [и др.] ; под ред. А. П. Моровой. – Минск : Навука і тэхніка, 1992. – 191 с. – С. 114.

В. П. Каманкин справедливо отмечал по этому поводу, что «материальные интересы всегда были, есть и останутся первичной движущей силой деятельности людей, коллективов, классов (в классовом обществе) и всего общества»⁷⁰⁶. Социо-материальная среда во многом является следствием активности социально-экономических субъектов. Под социально-экономическим субъектом нами понимается «индивид (или группа индивидов), персонализирующий определенные социальные и экономические функции, обладающий специфическими потребностями и активностью по отношению к другим субъектам»⁷⁰⁷. При этом источником такой активности индивида (или общественной группы), иными словами – потребности субъекта, является «место в социально-экономической системе, выполняемые функции и определенная организованность его (или ее) сознания»⁷⁰⁸. Под влиянием этих факторов формируется система потребностей субъекта и во многом определяется выбор форм их реализации.

Специфика любой системы во многом обусловлена ее функциональным назначением, которое выступает системообразующим фактором. Поэтому структура системы также до известной степени определяется ее функцией, а ее наличие является обязательным условием выполнения функции. При понимании структуры мы опираемся на подход Л. А. Петрушенко, определившего структуру как «общий, относительно устойчивый, изменяющийся в пространстве и времени способ связи внутренних связей и отношений системы. Он определяет функциональную деятельность системы, линию ее поведения, характер взаимодействия и многие другие ее особенности»⁷⁰⁹. Вместе с тем структуру и функцию противопоставлять нельзя: «структура и функция, – справедливо отмечала А. П. Морова, – находясь в органическом единстве. Это значит: любая функция может осуществляться только при строго определенной для нее структуре, и в то же время особенности последней предопределяются характером функции, которую она выполняет»⁷¹⁰. Порядок внутренних связей и отношений системы, степень их жесткости, соотношение устойчивого и случайного в системе, ее функциональная деятельность определяет специфику системы и организационно-экономического механизма ее развития.

⁷⁰⁶ Каманкин, В. П. Экономические интересы развитого социалистического общества / В. П. Каманкин. – М. : Мысль, 1978. – 296 с. – С. 4.

⁷⁰⁷ Солодовников, С. Ю. Классы и классовая борьба в постиндустриальном обществе: методологические основы политико-экономического исследования / С. Ю. Солодовников. – Минск: БНТУ, 2014. – 378 с. – С. 33.

⁷⁰⁸ Там же. – С. 33.

⁷⁰⁹ Петрушенко, Л. А. Самодвижение материи в свете кибернетики : философский очерк взаимосвязи организации и дезорганизации в природе / Л. А. Петрушенко. – М. : Наука, 1971. – 289 с. – С. 45.

⁷¹⁰ Характер, структура и факторы формирования экономических отношений / Л. П. Васюченко [и др.] ; под ред. А. П. Моровой. – Минск : Навука і тэхніка, 1992. – 191 с. – С. 19.

Такой подход в корне отличается от подхода, долгое время доминировавшего в обществоведении, который был предложен О. Контом и развит Г. Спенсером, противопоставлявшим структуру и функцию. П. Штомпка писал по этому поводу: «противопоставление "структуры" и "функции" более ста лет составляло сердцевину социологического языка. Понятие "структура" подразумевало исследование внутреннего строения, или формы, социального целого, понятие "функции" – способы его деятельности или трансформации. Подобно О. Конту, Г. Спенсер также утверждал, что общество можно рассматривать как некую жесткую сущность, осязаемый объект, отдельно от происходящих в нем процессов. Другими словами, признавалась возможность отделить структуру общества от ее функций»⁷¹¹. Ранее мы, подвергая критике механистическую концепцию О. Конта и развивая идеи П. Штомпки⁷¹², подчеркивали, что «любое реальное общественное явление не может быть первоначально рассмотрено в статике, а затем уже в динамике, поскольку и происхождение, и функционирование, и изменение любых социальных объектов это непрерывный <...> процесс»⁷¹³. Исходя из приведенных методологических замечаний, вместо рассмотрения факторов, обуславливающих некий дискретный ряд явлений или состояний системы, обратимся к рассмотрению социально-экономических факторов, одновременно обуславливающих генезис и развитие легкой промышленности.

Легкая промышленность как относительно открытая (полуоткрытая) система существует в постоянно изменяющихся внешних условиях, которые тогда выступают как факторы по отношению к нему, когда вступают во взаимодействие с самой системой, т. е. вовлекаются в процессы обмена с ней энергией, информацией и веществом. По отношению к системе эти процессы имеют объективный характер. Во взаимодействие с внешней средой система вступает благодаря организационно-экономическому механизму управления, направленному на внутренние (управляемые, а значит, переменные для системы) факторы. Таким образом, внешняя и внутренняя среда системы изменчива, при этом факторы не только способны возникать и исчезать, но их воздействие на систему (легкую промышленность) может усиливаться или затухать. При понимании того, что факторы действуют не только на генезис системы, влияют на ее существование, но и будут влиять на ее развитие, рассмотрим совокупность факторов, обуславливающих развитие легкой промышленности в Республике Беларусь.

⁷¹¹ Штомпка, П. Социология социальных изменений / П. Штомпка // пер. с англ. под ред. В. А. Ядова. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 416 с. – С. 19.

⁷¹² Там же.

⁷¹³ Солодовников, С. Ю. Классы и классовая борьба в постиндустриальном обществе: методологические основы политико-экономического исследования / С. Ю. Солодовников. – Минск: БНТУ, 2014. – 378 с. – С. 117.

По мере углубления разделения труда, усложнения хозяйственных связей, научно-технического прогресса и эволюции экономической мотивации индивидов в современном обществе экономическая обусловленность развития легкой промышленности также должна усложняться. Специфику развития легкой промышленности в Беларуси предопределяют факторы интенсификации производства: изменение форм трудовой мотивации, изменение профессионально-квалификационных требований, изменение технологии производства и продвижения товаров, изменение форм государственной поддержки, развитие кооперации. Рассмотрим их подробнее.

Первым фактором развития легкой промышленности является изменение форм трудовой мотивации⁷¹⁴. Трудовая мотивация трансформируется под влиянием как сознательной деятельности людей, так и действия объективных экономических законов. Н. Н. Моисеев отмечал по этому поводу: «эффективное управление той или иной общественной организацией требует глубокого понимания и учета стихийных тенденций. Мы не можем их уничтожить или игнорировать, ибо они являются следствием объективных законов развития общества. Однако, тем или иным образом изменяя общественную инфраструктуру, мы можем направлять стихийно возникающие тенденции в нужное русло»⁷¹⁵. Сегодня конкурентоспособность легкой промышленности в значительной степени зависит от ее трудового потенциала. Под трудовым потенциалом нами предлагается понимать производственные, инновационные, адаптационные и воспроизводственные возможности трудовых ресурсов, управление которыми осуществляется с использованием мотивационных и административно-командных механизмов, а также их комбинации⁷¹⁶. Долговременное сохранение низкого уровня заработной платы вызвало ухудшение качества человеческого капитала занятых в легкой промышленности, которое помимо очевидных негативных последствий, влечет за собой снижение накопленного социального капитала. Это выступает одним из главных (наряду с инновационным и креативным) ограничителем модернизации

⁷¹⁴ Сергиевич, Т. В. Трудовая мотивация и производство товаров интенсивного обновления / Т. В. Сергиевич // Устойчивое развитие экономики: состояние, проблемы, перспективы: сборник трудов XII международной научно-практической конференции, УО «Полесский государственный университет», Пинск, 27 апр. 2018 г. / Министерство образования Республики Беларусь [и др.]; редкол.: К.К. Шебеко [и др.]. – Пинск : ПолесГУ, 2018. – С. 104–105.

⁷¹⁵ Моисеев, Н. Н. Человек. Среда. Общество / Н. Н. Моисеев. – М. : Наука, 1982. – 239 с. – С. 195.

⁷¹⁶ Сергиевич, Т. В. Трудовой потенциал и управление трудом в текстильной и швейной промышленности как объекты экономического исследования / Т. В. Сергиевич // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2017. – № 5. – С. 260–275. – С. 265.

отрасли и достижения средневропейского уровня производительности труда, в то время как расширенное воспроизводство человеческого капитала является условием необходимой модернизации.

Логика исследования требует уточнить соотношение понятий «стимулирование» и «мотивация». В литературе сложилось несколько подходов к рассмотрению мотивации. Одни авторы по существу отождествляют мотивы и стимулы труда⁷¹⁷, другие – противопоставляют мотивацию и стимулирование как источники внутреннего и внешнего побуждения к активности⁷¹⁸, третьи считают, что «мотивация и стимулирование как методы управления трудом противоположны по направленности: первое направлено на изменение существующего положения; второе – на его закрепление, но при этом они взаимно дополняют друг друга»⁷¹⁹. Не вступая в дискуссию по этому поводу, поясним нашу позицию относительно наличия феноменологических различий между категориями «мотивация» и «стимулирование».

Подход, в основе которого лежит разделение побуждающих к труду факторов на внутренние и внешние, и разграничение мотивации и стимулирования на этой основе, видится нам гносеологически упрощенным и не отражающим сущность этих двух категорий. Основное отличие трудовой мотивации от стимулирования, на наш взгляд, заключается в том, что трудовая мотивация является психофизиологической категорией. Мотив к труду представляет собой результат внутренней реакции индивида на соотнесение своих потребностей и интересов с действием факторов внешней среды, который побуждает индивида к проявлению трудовой активности. Стимулирование – это социально-экономическая категория, отражающая особые межсубъектные отношения по поводу производства желаемого поведения субъектов.

Любая производственная система состоит из двух важнейших составляющих – структуры и элементов системы. Для того чтобы система развивалась, исходя из технологических задач, необходимо улучшать как устойчивые, сущностные, регулярно повторяющиеся связи и отношения, т. е. структуру производственной системы, так и развивать ее элементы. Технико-технологическая структура производства меняется под влиянием новых технологий, принципов производства, которые также внедряются людьми, обладающими вполне определенными экономическими ин-

⁷¹⁷ Травин, В. В. Менеджмент персонала предприятия : учеб.-практ. пособие / В. В. Травин, В. А. Дятлов. – 5-е изд. – М. : Дело, 2003. – 272 с. – С. 110.

⁷¹⁸ Белкин, В. Н. Мотивы и стимулы труда / В. Н. Белкин, Н. А. Белкина // Экономическая наука современной России. – 2003. – № 3. – С. 52–61. – С. 53–54

⁷¹⁹ Шапиро, С. А. Мотивация и стимулирование персонала / С. А. Шапиро. – М. : ГроссМедиа, 2005. – 224 с. – С. 20.

тересами. Любая производственная задача может быть реализована только благодаря труду человека, наделенного необходимыми компетенциями и обладающего мотивацией к выполнению этой трудовой деятельности. Структура производственной системы может развиваться только через воздействие человеческого фактора. Таким образом, любое изменение производственной системы – как развитие ее трудового потенциала, так и прогресс технико-технологической структуры – зависит от компетенций и мотивации людей, эту систему составляющих. Работники предприятия могут выступать как основной движущей силой развития системы, так и ограничительным фактором, когда, например, существует недостаток компетенций или мотивации. Изменение форм трудовой мотивации требует совершенствования управления трудом, важной задачей которого является учет трансформации потребностей и способностей субъектов и построение эффективной системы экономического стимулирования на этой основе.

Легкая промышленность требует наличия особого трудового потенциала, характеризующегося высоким уровнем инновационной активности, креативности, гибкости и адаптивности к быстро изменяющимся условиям внешней и внутренней среды. Опережающее развитие отрасли возможно при условии способности этой системы быстро реагировать на изменения таких условий. А. В. Молодчик справедливо задается вопросом: «как построить организацию, в которой встроенные механизмы саморазвития позволяют реализовать свойства опережающей адаптации к изменениям внешней и внутренней среды?»⁷²⁰. Любые изменения, как правило, наталкиваются на различного рода препятствия, связанные с внутренним консерватизмом системы. Этот консерватизм во многом обусловлен стремлением системы к самосохранению, т. е. сопротивлением к переходу в новое состояние, которое проявляется в сопротивлении персонала нововведениям. Саморазвитие социально-экономической системы без изменения человеческого фактора невозможно, поскольку «развитие базируется прежде всего на инициативе и добровольном участии людей, что требует формирования определенного менталитета и целевой установки»⁷²¹. Наемные работники предприятия условно делятся на три

⁷²⁰ Саморазвивающиеся социально-экономические системы: теория, методология, прогнозные оценки : в 2 т. под общ. ред. А. И. Татаркина. – Москва : ЗАО «Издательство «Экономика» ; Екатеринбург : УрО РАН, 2011. – Т. 1 : Теория и методология формирования саморазвивающихся социально-экономических систем / А. И. Татаркин [и др.]. – 2011. – 308 с. – С. 114–115.

⁷²¹ Саморазвивающиеся социально-экономические системы: теория, методология, прогнозные оценки : в 2 т. под общ. ред. А. И. Татаркина. – Москва : ЗАО «Издательство «Экономика» ; Екатеринбург : УрО РАН, 2011. – Т. 1 : Теория и методология формирования саморазвивающихся социально-экономических систем / А. И. Татаркин [и др.]. – 2011. – 308 с. – С. 123.

группы: те, кто готов генерировать идеи и внедрять инновации; те, кто активно сопротивляется всяческим переменам; третью группу составляют те, кто нейтрально относится к переменам или никак не выражает свою позицию. Соотношение указанных категорий персонала должно быть детерминировано стратегией предприятия. Например, направленность предприятия на инновационное развитие предполагает большую долю инновационно активного персонала, занятого, как правило, творческим трудом. Исходя из того, что трансформация системы достигается, в первую очередь, не за счет взаимозаменяемости ее элементов (людей), а за счет изменения ее структуры, (межсубъектных отношений, образования новых связей и отношений между элементами системы), можно заключить, что развитие предприятия легкой промышленности достигается за счет изменения организации межсубъектного взаимодействия и форм экономического стимулирования, а не исключительно за счет найма нового персонала или технической модернизации.

Труд в легкой промышленности, который носит преимущественно творческий характер, требует особых управленческих подходов, направленных на поддержание творческой среды. Е. А. Седов справедливо отмечает: «любая система, запрещающая действовать методом проб и ошибок, лишается энтропии, становится консервативной, перестает совершенствоваться и закостенеет в неизменности всех присущих ей свойств»⁷²². Применительно к системе управления трудом энтропия наделяет ее свойством гибкости, способностью реагировать на изменения внешней и внутренней среды, изменяя связи и отношения и элементы внутри системы. Такая способность выражается в гибкости в принятии решений, в отношениях творчества в труде, в наделении сотрудников правом на ошибку, в делегировании полномочий на низшие звенья организации. В свою очередь, делегирование полномочий и наличие права на ошибку должно сопровождаться возросшей скоростью принятия решений, повышением профессионально-квалификационных требований к персоналу, усложнением функций, ростом ответственности при расширении функций и полномочий.

Изменение профессионально-квалификационных требований к персоналу является вторым фактором развития легкой промышленности и формируется, прежде всего, под воздействием научно-технического прогресса. Последний влияет на развитие предприятий через изменение их технико-технологических структур (модернизацию), проводимых с целью повышения производительности труда и снижения трудоемкости производственного процесса. При этом необходимо учитывать временной

⁷²² Седов, Е. А. Одна формула и весь мир / Е. А. Седов ; послесл. Д. С. Конторова. – М. : Знание, 1982. – 175 с. – С. 163

лаг между модернизацией и подготовкой или переподготовкой высококвалифицированных работников, которые могут эффективно ее использовать. «Сегодня вузы и средние специальные учреждения должны готовить кадры не только (а может, и не столько) по заявкам предприятий, которые основываются на уже существующих технологиях, а исходя из перспективных планов технологической модернизации страны. Соответственно, и требования к прогнозам развития НТП должны быть кардинально изменены и опираться не на принцип "от достигнутого", а на реальную стратегию технологической модернизации экономики в контексте глобальных технологических тенденций»⁷²³. Недостаточный учет рисков, связанных с качеством трудовых ресурсов, при планировании и проведении модернизации может впоследствии привести к несоответствию профессионально-квалификационных характеристик трудовых ресурсов технико-технологической структуре предприятия, что не позволит в полной мере получить положительный эффект от проведенной модернизации.

По поводу особенностей современного управления в литературе подчеркивается, что «длительное время процессы производства преобладали в организациях, усугубляясь требованием собственников увеличить дивиденды, что привело к еще большему изъятию капитала. Чрезмерное увлечение процессом производства и изъятием капитала ведет постепенно к истощению предприятия и пониманию важности инноваций и ответственности за потерю потенциала будущих доходов. Именно объективная смена приоритетов – от изъятия капитала к его созданию – потребовала совершенно новой системы менеджмента»⁷²⁴. Этот тезис справедлив и в отношении человеческого капитала, использование которого без инвестирования на различных уровнях приводит в долгосрочной перспективе к его истощению и неэффективности. «Для развития экономики недостаточно обладание только высоким потенциалом человеческих ресурсов, – справедливо отмечают В. В. Богатырёва и Ю. Ш. Салахова, – но так же необходимо финансирование наукоемких отраслей, являющихся основой формирования и роста высококачественного человеческого капитала страны. Наличие инвестиционных ресурсов, направляемых в научно-исследовательский сектор, во многом способствует повышению уровня человеческого развития государства и ведет к повышению эффективности

⁷²³ Солодовников, С. Ю. Тенденции и перспективы развития занятости и создания социально-научного сообщества в условиях модернизации транзитивной экономики: на примере Республики Беларусь / С. Ю. Солодовников // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д. Экон. и юрид. науки. – 2015. – № 6. – С. 2–9. – С. 5.

⁷²⁴ Саморазвивающиеся социально-экономические системы: теория, методология, прогнозные оценки : в 2 т. под общ. ред. А. И. Татаркина. – Москва : ЗАО «Издательство «Экономика» ; Екатеринбург : УрО РАН, 2011. – Т. 1 : Теория и методология формирования саморазвивающихся социально-экономических систем / А. И. Татаркин [и др.]. – 2011. – 308 с. – С. 107.

инновационного развития. Следовательно, государство должно уделять особое внимание повышению качественного уровня именно человеческого капитала путем увеличения объемов целевого финансирования НИОКР, что возможно только при условии создания эффективной системы управления как со стороны самих субъектов инвестиционно-инновационной деятельности, так и государства в целом»⁷²⁵. Обозначенная проблема остро проявляется в белорусской легкой промышленности, где повышение квалификации, присвоение высших разрядов работникам зачастую осуществляется формально и не способно принести существенные экономические результаты, в то время как само по себе повышение квалификации работника является не самоцелью, а средством повышения производительности труда. Еще одним негативным эффектом при этом становится неспособность кадровой диагностики отразить реальную динамику качественных характеристик профессионально-квалификационной структуры. Фактором развития легкой промышленности будет выступать реальное изменение профессионально-квалификационной структуры за счет инвестирования в обучение персонала, в том числе самоинвестирования.

Сегодня для предприятия зачастую выгоднее произвести переобучение или повышение квалификации имеющихся работников, нежели нести издержки по подбору нового персонала. К тому же, как отмечает В. Л. Гурский, «в рыночной экономике наемный работник будет выбирать лучшие условия найма, а в промышленности, даже после ее современной модернизации, труд по-прежнему остается достаточно тяжелым, поэтому для привлечения рабочей силы в индустриальный сектор народного хозяйства необходимо, чтобы работа в нем была экономически выгодна и социально привлекательна»⁷²⁶. Иными словами, человек, уволенный из предприятия промышленности, как правило, ищет работу в сфере услуг или уходит в сегмент самозанятости, и вернуть его на предприятие будет сложнее. В связи с этим полезным может быть опыт японских компаний, в которых «при приеме работника часто остаются неопределенными характер его будущей работы, функциональные обязанности и рабочее место. В течение его трудовой деятельности руководство компании по своему усмотрению и в соответствии со способностями данного работника может перемещать его с одного места на другое, из одного подраз-

⁷²⁵ Богатырёва, В. В. Факторы, влияющие на интеграционные процессы экономик Республики Беларусь и Российской Федерации / В. В. Богатырёва, Ю. Ш. Салахова // Право. Экономика. Психология. – 2018. – № 3. – С. 19–30.

⁷²⁶ Гурский, В. Л. Эндогенные факторы, обуславливающие развитие промышленной политики Беларуси в современных условиях / В. Л. Гурский // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2015. – Вып. 3. – С. 35–42. – С. 36.

деления в другое. При этом характер работы может меняться коренным образом: от производственной до торгово-сбытовой, от торгово-сбытовой до научно-исследовательской. Все большее распространение получает так называемая система оплаты за квалификацию, когда производится доплата за освоение работником дополнительных специальностей. Необходимость перемены деятельности нашла отражение в концепции образования на протяжении всей жизни человека. Потребность не только в повышении квалификации, но и в переквалификации становится неотъемлемой чертой трудовой деятельности, что требует, в свою очередь, повышения доступности образования»⁷²⁷. Это позволяет с меньшими издержками корректировать структуру трудовых ресурсов в условиях модернизации. Данный опыт может стать элементом реализации стратегии накопления компетенций на предприятиях для минимизации рисков, возникающих при действии фактора изменений профессионально-квалификационной структуры.

Изменение технологий производства и продвижения товаров является третьим фактором развития легкой промышленности. Спецификой действия этого фактора в отношении товаров легкой промышленности является растущее влияние изменения технологий продвижения этих товаров на эффективность системы в целом, что обуславливает необходимость их опережающего развития. Этому будет способствовать совершенствование форм взаимодействия хозяйствующих субъектов, включенных в единые цепочки создания добавленной стоимости этих товаров, и повышение их адаптивности как способности быстро реагировать на изменения внешней и внутренней среды.

Конкретная технология, используемая предприятиями в производственном процессе, складывается под воздействием многих факторов, главным из которых является научно-технический прогресс. Под технологией в дальнейшем будем понимать «совокупность правил, навыков, умений, необходимых для осуществления суммы действий средств производства, в результате которых протекают требуемые изменения состояния, свойств, формы, строения предмета труда при изготовлении продукции»⁷²⁸. Уровень развития науки и техники ограничивает предельные возможности использования других факторов производства – труда и капитала – и посредством изменения технологии оказывает влияние на производительность труда на предприятии. Рост производительности труда связан в первую очередь не с самой конкретной технологией, а с ее

⁷²⁷ Лебедева, В. К. Экономико-теоретические аспекты перемены деятельности / В. К. Лебедева // Экономика Украины. – 2015. – № 2 (631). – С. 24–35. – С. 32.

⁷²⁸ Кохно, Н. П. Экономика технологического развития / Н. П. Кохно. – Мн. : ООО «Мисанта», 1998. – 162 с. – С. 50.

совершенствованием, за которое отвечают конкретные субъекты. На уровне мировой и национальной экономик эти процессы являются составляющими научно-технического прогресса, который зависит от труда исследователей и разработчиков. На уровне предприятия совершенствование технологии осуществляется через доступ к результатам научно-технического прогресса, требующий, как правило, финансовых затрат на приобретение поиска и новых технологий. Кроме того, для внедрения новой или совершенствования существующей технологии необходимым условием является наличие интереса субъектов управления в эффективной модернизации производства. Таким образом, научно-технический прогресс создает условия для разработки и внедрения новой техники и технологии для конкретного предприятия. Используемая на нем технология детерминирует порядок и скорость потребления хозяйственных ресурсов, производительность труда, качество конечного продукта. При этом «технологии, даже новейшие, – справедливо подчеркивает Э. А. Лутохина, – в действительности изменяют экономику и жизнь только тогда, когда это делают люди»⁷²⁹. Любая технология создается и внедряется в производственный процесс субъектами (управленцами, разработчиками, аутсорсерами, работниками и т. д.), поэтому она включает в себя навыки и умения человека как носителя трудовой функции.

Четвертым фактором развития легкой промышленности является изменение форм государственной поддержки⁷³⁰. Необходимость изменения подходов в системе государственного управления и ее адаптации к современным условиям хозяйствования обусловлена относительной стабилизацией в области промышленной политики. Хозяйствующие субъекты, получавшие государственные трансферты в той или иной форме, не могут постоянно рассчитывать на меры государственной поддержки. Необходим поиск собственных источников инвестиций и инноваций. Условия государственной поддержки отечественного производителя – введение обязательной сертификации большей части продукции легкой промышленности для всех субъектов рынка, предоставление расщечек по уплате налога на добавленную стоимость в отношении технологического оборудования при ввозе в Республику Беларусь, льготы по инвестиционным проектам, обязательная для всех участников рынка маркировка некото-

⁷²⁹ Лутохина, Э. А. Мотивационно-стимулирующее регулирование инновационного развития: сила и власть мотивов / Э. А. Лутохина. – Минск : Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2013. – 206 с. – С. 31–32.

⁷³⁰ Сергиевич, Т. В. Изменение форм государственной поддержки как фактор роста производства товаров интенсивного обновления / Т. В. Сергиевич // Стратегия развития экономики Беларуси : вызовы, инструменты реализации и перспективы : материалы Международной научно-практической конференции, г. Минск, 20-21 сентября 2018 года. В 2 т. Т. 1 / Ин-т экономики НАН Беларуси. – Минск : Право и экономика, 2018. – С. 372–374.

рых товаров – достаточно благоприятны для развития отечественной легкой промышленности. Ужесточение таможенного регулирования трансграничного перемещения этих товаров способствует минимизации таможенных рисков (нелегальный ввоз продукции, несоблюдение импортерами стандартов качества, недостоверное декларирование товаров при ввозе). Стоит отметить, что экономический эффект от этого ужесточения в силу относительно низкой таможенной стоимости таких товаров не всегда очевиден. Он заключается, в первую очередь, в повышении конкурентоспособности отечественных предприятий.

Меры государственной поддержки могут состоять не только в реализации инвестиционных проектов по технико-технологической модернизации отдельных предприятий, как, например, модернизация ОАО «Камволь», ОАО «БПХО», ОАО «Минское производственное кожевенное объединение» и др. Важным направлением государственной поддержки является институциональная и экспертная поддержка, включая создание условий для функционирования эффективного рынка труда в стране. «Поскольку на сегодняшний день модернизация упирается в нехватку квалифицированной рабочей силы, – отмечали Т. В. Кузьмицкая и Л. П. Шахотко по этому поводу, – то на первое место выходят мероприятия по формированию эффективного рынка труда Республики Беларусь, сохранению трудового потенциала и удержанию в стране квалифицированных кадров»⁷³¹. Особое значение приобретает организационно-управленческая модернизация национального промышленного комплекса.

В качестве пятого фактора выступает развитие кооперации. Легкая промышленность обладает высоким потенциалом внутриотраслевой и региональной кооперации⁷³². Предприятия текстильной промышленности, например, являются поставщиками сырья для обувной и швейной подотраслей. В развитии цепочек создания добавленной стоимости сегодня можно выделить несколько основополагающих тенденций. Первая, эволюционная, тенденция связана с усложнением их структуры. Под влиянием глобализации, углубления международного разделения труда, роста специализации и кооперации, а также экономической конвергенции все большую привлекательность в производстве приобретают бизнес-модели, основанные на принципах кооперации в производственной цепочке, кото-

⁷³¹ Кузьмицкая, Т. В. Международная трудовая миграция: проблемы оценки и влияние на социально-экономическое и демографическое развитие Республики Беларусь / Т. В. Кузьмицкая, Л. П. Шахотко // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2014. – Вып. 2. – С. 113–132. – С. 113–114

⁷³² Сергиевич, Т. В. Методика выбора экономически предпочтительного региона для развития в нем сетевой кооперации предприятий, специализирующихся на производстве товаров интенсивного обновления / Т. В. Сергиевич // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2017. – Вып. 6. – С. 255–267.

рая состоит из все большего количества звеньев. Вторая тенденция связана с расширением границ этих цепочек, когда вследствие «возможности разделения и оптимизации этапов цепочки создания стоимости между несколькими компаниями и различными географическими регионами возник более широкий термин – "глобальная цепочка создания стоимости" (ГЦС). Со специализацией в конкретных задачах и их тесной интеграцией в высококоординированную бизнес-модель эти цепочки связанных действий приводят к созданию большей "добавленной стоимости", чем сумма стоимостей составляющих частей и процессов. Это касается не только производства, но и распределения и розничных продаж, которые также претерпели глубокие изменения и демонстрируют сходные диапазоны сложности и взаимозависимости»⁷³³. Структура цепочек создания добавленной стоимости сегодня значительно усложнилась, и от того, насколько предприятия интегрированы в международные цепочки создания стоимости, зависит эффективность их деятельности, в том числе благодаря трансферу технологий.

Развитием этих процессов стала концепция «гибридного производства», основанная на разделении производственных функций между субъектами низкокзатратных и высококзатратных регионов. Частным случаем гибридного производства является бесфабричное производство, где организационно и чаще всего географически разделены процессы производства товара и оказания услуг промышленного характера. О причинах развития бесфабричного производства В. В. Радаев говорит, что «с переходом к обществу массового потребления, когда ключевым фактором стали не ограниченные возможности производства дефицитных продуктов, а способность удовлетворять потребности конечных потребителей, на передний план вышли два типа компаний – глобальные розничные сети (Walmart, Target, JCPenney, Sears) и компании, управляющие международными брендами (Nike, Liz Claiborne, Disney). Оба типа компаний, как правило, не имеют собственных крупных производств, будучи "производителями без фабрик". Первые реализуют продукцию конечному потребителю и продвигают собственные торговые марки. Вторые осуществляют дизайн, разработку и продвижение глобальных брендов, маркетинг»⁷³⁴. Эта особенность развития реального сектора современной экономики, с одной стороны, во многом объясняет рост доли услуг промышленного характера в создании валового продукта, а с другой – обу-

⁷³³ Escaith, H. Trade patterns and global value chains in East Asia: From trade in goods to trade in tasks / H. Escaith, S. Inomata. – Geneva: World Trade Organization ; IDE-JETRO, 2011. – 128 p. – Pp. 10–12.

⁷³⁴ Радаев, В. В. Можно ли спасти российскую легкую промышленность? / В. В. Радаев // Вопросы экономики. – 2014. – № 4. – С. 17–36. – С. 21–22.

словливает возникновение статистического парадокса макроэкономики. Например, один из крупнейших мировых экономических агентов в легкой промышленности – «Nike» – «не владеет ни одной производственной площадкой и производит всю свою продукцию через независимых подрядчиков»⁷³⁵. Основная доля добавленной стоимости создается за счет использования трудовых ресурсов, занятых не в реальном производстве, а в сфере оказания услуг промышленного характера на первоначальном этапе создания изделия – НИОКР, дизайнерских услуг – и на завершающем этапе – маркетинговых, торговых услуг и т. д. При этом материальное производство является основным потребителем услуг промышленного характера и, следовательно, условием их востребованности.

По поводу масштабов бесфабричного производства и названного статистического парадокса П. Марш отмечает, что «в 2010 году была официально признана ключевая роль бесфабричных производителей в экономике США. Чтобы отразить их вклад в экономику, службы государственной статистики США приступили к пересмотру методики представления данных о промышленном производстве (выделено нами – примечание авторов) с тем, чтобы учесть роль таких предприятий»⁷³⁶. Российские авторы подчеркивают: «в промышленно развитых странах, включая США, "общество услуг" является ничем иным, как статистической фикцией. В связи с этим подробно разобрана "странная" методология американской статистики, которая оставляет в числе промышленных работников только рабочих, выводя специалистов, конструкторов, инженеров, технологов, программистов, управленцев и другие категории занятых в сектор "профессиональных услуг"»⁷³⁷. Эти трансформации обусловлены в первую очередь изменением структуры трудовых ресурсов в отдельных географических регионах и особенностями рынков труда. Сегодня «в связи с курсом на реиндустриализацию, – подчеркивает С. Толкачев, – научно-экспертные круги этой страны (*США – примечание авторов*) предпринимают усилия к теоретическому обоснованию более высокой реальной значимости промышленности, в особенности обрабатывающих отраслей, в суммарном экономическом продукте»⁷³⁸. Неучет описанной особенности развития реального сектора современной экономики приводит к распростра-

⁷³⁵ How Nike Makes Money? Understanding Nike Business Model Core Elements. – Mode of access: <https://revenuesandprofits.com/how-nike-makes-money-understanding-nike-business-model>. – Date of access: 10.08.2018.

⁷³⁶ Марш, П. Новая промышленная революция. Потребители, глобализация и конец массового производства / П. Марш. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. – 420 с. – С. 147.

⁷³⁷ Толкачев, С. Еще один шаг, американский, к реальной оценке вклада обрабатывающей индустрии / С. Толкачев // Экономист. – 2016. – № 4. – С. 20–23. – С. 20.

⁷³⁸ Там же. – С. 21.

нению поверхностных суждений о соотношении ролей промышленности и сферы услуг в экономиках промышленно развитых стран и источниках их роста. В. Б. Кондратьев, Ю. В. Куренков, В. К. Петров пишут, что «для создания рабочих мест ключевую роль играет сфера услуг»⁷³⁹, и далее: «факторы экономического роста в разных отраслях различны. Такой рост может быть связан как с расширением занятости, так и с ростом производительности. Та или иная модель экономического развития зависит от уровня такого развития. В развитых экономиках 90% прироста ВВП связано со сферой услуг и только 10% – с развитием индустриального сектора хозяйства. В индустриальном секторе экономический рост практически полностью обеспечивается приростом производительности, поскольку совокупная занятость здесь снижается»⁷⁴⁰. Вместе с тем прирост сферы услуг во многом обеспечивается за счет прироста индустриального сектора экономики и развития услуг промышленного характера, чему посвящена восьмая глава монографии.

Развитие разделения и кооперации труда предполагает как горизонтальную, так и вертикальную интеграцию субъектов и проявляется в возникновении различных форм экономического сотрудничества в легкой промышленности – коллабораций предприятий с художниками-модельерами (дизайнерами), передачи отдельных функций на аутсорсинг, выведения структурных подразделений на инсорсинг, формирование холдингов, кластеров и т. д. Выбор наиболее эффективной формы сотрудничества в конкретных условиях внешней и внутренней среды позволяет предприятию повышать специализацию труда в той сфере, в которой оно обладает большими сравнительными конкурентными преимуществами, снижать производственные и транзакционные издержки, наращивать трудовой и управленческий потенциалы предприятия за счет специализации труда и на этой основе обеспечивать рост производства. В современной экономике в условиях ускоренного развития ординационных отношений важным фактором эффективности предприятий является развитие тесных межфирменных связей, формирующих так называемую «квазиинтеграцию», которая «предполагает высокую степень координации и взаимодействия партнеров, налаживание тесных взаимосвязей на уровне производства и снабжения с сохранением юридической самостоятельности партнеров»⁷⁴¹. В контексте исследования механизмов влияния фактора развития

⁷³⁹ Современные процессы модернизации экономики зарубежных стран / В. Б. Кондратьев [и др.] ; отв. ред. В. Б. Кондратьев. – М. : ИМЭМО РАН, 2012. – 364 с. – С. 21.

⁷⁴⁰ Там же. – С. 21.

⁷⁴¹ Добрынин, Н. А. Инновационные формы межфирменной кооперации в цепи «автомобиль-производитель-поставщик» / Н. А. Добрынин // Автомобиле- и тракторостроение в России: при-

кооперации труда на легкую промышленность целесообразно использовать понятие «квазикооперация». Под квазикооперацией нами понимается временное усиление взаимодействия экономических субъектов в процессе производства и продвижения товаров, не сопровождаемое юридически оформленным трансфером прав собственности на средства производства либо предполагает такой трансфер в форме инсорсинга. Риски квазикооперации заключаются в установлении высокой степени зависимости отечественных предприятий от иностранных производителей вследствие выполнения заказов с использованием давальческого сырья.

Отдельным направлением в развитии разделения и кооперации труда является взаимовыгодное сотрудничество государства и бизнеса. Примером такого сотрудничества в легкой промышленности может служить реализуемые в последние годы проекты по разработке дизайна белорусской олимпийской формы самостоятельными дизайнерами.

Легкая промышленность обладает высокой степенью восприимчивости и адаптивности к изменениям внешней среды. Исторически сложилось, что предприятия этого сектора экономики одними из первых начали активно использовать международное разделение труда, что обусловило развитие бизнес-моделей, основанных сетевой кооперации, предполагающих преобладание ординационных отношений. Предприятия легкой промышленности могут иметь полный технологический цикл собственного производства – от разработки коллекции до ее реализации (ОАО «Элма»), от переработки хлопка в пряжу и готовые изделия (ОАО «БПХО»). Вместе с тем в условиях глобализации, интернационализации и либерализации рынков товаров, услуг, труда и капитала и интенсификации международного делового сотрудничества распространение получили бизнес-модели, основанные на передаче производственных функций предприятиям, географические, институциональные, нормативно-правовые, социально-экономические условия которых позволяют производить продукт значительно дешевле. Эти факторы обусловили структурные изменения макроэкономических систем и занятости стран, которые на протяжении долгого времени являлись лидерами в легпроме – Франции, Италии, Германии, Испании, США, послужив драйвером экономического роста для Вьетнама, Бангладеш, Индии и Китая. Глобальные тенденции трансформации легкой промышленности и индустрии моды оказывают значительное влияние на развитие этих секторов в Республике Беларусь, поэтому остановимся на них подробнее.

оритеты развития и подготовка кадров : материалы междунар. науч.-техн. конф. ААИ, посвященной 145-летию МГТУ «МАМИ», Москва, 17 нояб. 2017 г. / МГТУ «МАМИ» ; под общ. ред. С. В. Бахмутова, С. А. Зайцева. – Москва, 2010. – С. 85–94. – С. 85.

7.2 Трансформации бизнес-моделей в легкой промышленности в современных условиях

Для легкой промышленности характерно активное вовлечение предприятий в систему международного разделения труда как на этапе производства, так и на этапах продвижения и реализации этих товаров. Разделение и кооперация труда в мировом масштабе обуславливает специализацию целых стран на видах деятельности, требующих уникальных компетенций и творческой или интеллектуальной составляющей труда (НИОКР, дизайн и разработка продукции, контроль качества, организация логистики и дистрибуции, развитие бренда и маркетинг), и не требующих высокой квалификации персонала (пошив одежды, изготовление обуви). Предприятия этого вида экономической деятельности одними из первых начали активно использовать международное разделение труда, что обусловило разнообразие используемых бизнес-моделей и форм экономического сотрудничества – от вертикально интегрированных транснациональных систем до классических форм сетевой кооперации – коллабораций. Международное разделение труда в исследуемой сфере обусловило перемещение текстильных и швейных производств, в основном, в страны Юго-Восточной Азии. В десятку крупнейших мировых экспортеров одежды по данным 2016 г. вошли Китай, ЕС, Бангладеш, Вьетнам, Индия, Гонконг, Турция, Индонезия, Камбоджа и США⁷⁴². В период 2000–2016 гг. доля Китая в мировом экспорте одежды увеличилась с 18,2% до 36,7%, в то время как доля Европейского союза сохраняется также на довольно высоком уровне – 26,4% в 2016 г.⁷⁴³.

Распространение практики переноса некоторых звеньев цепочек создания добавленной стоимости в другие регионы обусловило специфику условно называемой «европейской» бизнес-модели легкой промышленности. Она заключается в концентрации на предприятиях, расположенных в экономически развитых странах, творческого и интеллектуального труда, направленного на НИОКР, разработку коллекций товаров, развитие бренда, маркетинг и продвижение товаров, контроль качества, логистику и оптимизацию цепочек поставок, управление кооперацией. Другим направлением развития легкой промышленности, которая локализована в европейском и североамериканском регионах, является разработка инновационных материалов, производство высокотехнологичного текстиля и изделий из него, изделий, обладающих повышенными эксплуатационными характеристиками, тканей и одежды, интегрированной с инновационными технологиями.

⁷⁴² World trade statistical review 2017 // World Trade Organization. – 2017. – 177 p. – P. 35.

⁷⁴³ Там же. – P. 121.

Перенос производств в другие регионы (Китай, Бангладеш, Вьетнам, Индонезия, Турция, Индия, Мьянма, Тунис, Марокко) может заключаться как в развитии собственного производства за рубежом, так и в размещении производственных заказов на внешних предприятиях (аутсорсинг). Последняя форма распространена шире, поскольку возрастающая конкуренция за получение заказов обусловило некоторое повышение качества результатов труда зарубежных производителей. Низкие экологические и социально-трудовые стандарты в развивающихся странах позволяют минимизировать издержки производства. Кроме того, одной из причин этого переноса производств в беднейшие страны мира (Бангладеш, Мадагаскар, Непал) стала «сохраняющаяся система квотирования, которая вынуждала лидеров, чьи производственные мощности значительно превышали емкость национальных рынков, вовлекать в отрасль менее развитые страны с целью использования их квот для торговли»⁷⁴⁴. Развитие международного разделения труда и перенос в страны азиатского региона производства обусловили специфику формирования условно называемой «азиатской» модели легкой промышленности. В рамках этой модели происходит заимствование продуктов чужого интеллектуального труда и налаживается производство схожих товаров по более низкой цене.

Таким образом, в мировом масштабе легкая промышленность характеризуется поляризацией по степени технологичности исследуемой индустрии – в странах Европейского союза преобладают высокотехнологичные предприятия, в то время как в странах Юго-Восточной Азии сконцентрированы традиционные производства. Что касается Республики Беларусь и Российской Федерации, большинство предприятий остается традиционными при зарождении тенденции к переходу на инновационный путь развития индустрии в целом на основе технологизации индустрии и цифровизации ее производственных и бизнес-процессов.

Вертикально интегрированная система в легкой промышленности представляет собой группу экономических субъектов, обладающих полным технологическим циклом собственного производства – от контроля за материалами (а иногда и от производства материалов) и разработки коллекции до ее продвижения и реализации. Вместе с тем в условиях глобализации, интернационализации и интенсификации международного делового сотрудничества распространение получили бизнес-модели, основанные на передаче производственных функций предприятиям, расположенных в странах, природно-климатические, институциональные,

⁷⁴⁴ Ключевые проблемы развития легкой промышленности в России и способы их преодоления : анализ. отчет / отв. ред. сер. В. В. Радаев ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики» ; Лаб. экон.-социол. исслед. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. – 343 с. – С. 215.

социально-экономические условия которых позволяют производить продукт значительно дешевле. И. В. Петрова отмечает, что «за последние годы почти все российские производители брендированной одежды обратились к контрактному производству – пошиву одежды на других фабриках. Сегодня уже до 80% такой одежды шьется по контракту»⁷⁴⁵. Это обуславливает дробление цепочки создания добавленной стоимости на все большее количество звеньев и, соответственно, ее усложнение.

Высокий уровень специализации и активное вовлечение предприятий в систему международного разделения труда во многом обуславливает наличие большого числа субъектов, участвующих в системах производства в легкой промышленности, а также влияние значительного количества экзогенных факторов на устойчивость и конкурентоспособность этих систем. Необходимость сохранения устойчивости социально-экономической системы требует от нее повышенной степени адаптивности, которая обеспечивает возможность реализации главной цели любой системы – сохранение ее жизнеспособности. «Критерием успешной адаптации системы, – справедливо подчеркивает О. М. Мазуренко, – является ее жизнеспособность, ее повышение по мере изменения окружающей среды <...> Важнейшим показателем устойчивости хозяйственного механизма становится его адаптивность к внешним и внутренним шокам»⁷⁴⁶. Поскольку предприятие легкой промышленности подвержено влиянию не только общеэкономических факторов как то, например, изменение ситуации на рынках труда, сырья и капитала, но и социально-психологических факторов, частным случаем которых является воздействие моды, постольку оно должно обладать высокой степенью адаптивности. В ином случае предприятие может существовать либо при условии получения поддержки из вне (например, со стороны государства), либо неэффективность хозяйственного механизма приведет к гибели системы, то есть прекращению существования предприятия. «Другой аспект микроэкономической адаптивности, – подчеркивает далее О. М. Мазуренко, – связан с возможностью быстро обновлять выпускаемую продукцию, переключаться на иные ее виды, расширять номенклатуру продукции и, в конечном счете, менять нишу бизнеса. Эти проявления диверсификации производства носят цик-

⁷⁴⁵ Петрова, И. В. Эффективный аутсорсинг: Механизм принятия управленческих решений / И. В. Петрова. – Москва : РИОР : Инфра-М, 2017. – 108 с. – С. 40.

⁷⁴⁶ Мазуренко, О. М. Повышение адаптивности хозяйственного механизма в контексте понимания взаимодействия экономики и устойчивого развития / О. М. Мазуренко // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2016. – Вып. 4. – С. 239–244. – С. 241–242.

лический характер»⁷⁴⁷. Быстрое обновление выпускаемой продукции предполагает использование такой технологии, которая делает возможным одновременную разработку нескольких групп товаров и контроль на разных этапах их жизненных циклов.

Ускорение научно-технического прогресса и повсеместное внедрение его результатов, возрастающая конкуренция производителей в скорости реагирования на изменения спроса, постоянная гонка за зарождающимися трендами обуславливают сокращение жизненных циклов товаров. Эффективность создания коллекции товаров легкой промышленности не только от того, как она воспринимается потребителем и какой экономический эффект приносят ее продажи на первоначальном этапе, но и от того, «как долго она тиражируется и что происходит с непроданными вещами»⁷⁴⁸. Некоторые предприятия используют только один производственный цикл, и лишь тогда, когда «вещь очень популярна, запускается еще один цикл производства, и в магазины отправляется новая партия, хотя это происходит не во всех случаях. Если это "рискованная" коллекция, потому что она вышла из тренда или зависит от погоды, к примеру, магазину она больше не нужна. Непроданные вещи уничтожаются спустя определенный период времени, и, согласно неофициальным источникам, иногда эти вещи рассылают в небольшие магазинчики в других странах (Франция, Латинская Америка) без лейбла (*в данном примере речь идет о бренде "ZARA", принадлежащему корпорации Inditex – примечание авторов*)»⁷⁴⁹. Рост потребления благ в современном обществе и ускорение жизненных циклов товаров обеспечивают наличие широкого и разнообразного ассортимента выпускаемой продукции. Относительная автономность создания и продвижения различных коллекций легкой промышленности определяет тяготение всей системы к проектному управлению, охватывающему этапы от разработки стратегий до мониторинга восприятия продукта рынком. При этом происходит смещение центров капитализации прибыли сначала от непосредственно материального производства к дизайну, маркетингу и логистике, а затем – «в сферу создания и обслуживания платформенных систем управления технологическими процессами, основанных на сборе,

⁷⁴⁷ Мазуренко, О. М. Повышение адаптивности хозяйственного механизма в контексте понимания взаимодействия экономики и устойчивого развития / О. М. Мазуренко // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2016. – Вып. 4. – С. 239–244. – С. 242.

⁷⁴⁸ Сергиевич, Т. В. Специфика производства и продвижения товаров интенсивного обновления / Т. В. Сергиевич // Бизнес. Инновации. Экономика : сб.ст. / И-т бизнеса БГУ; редкол.: Г.А. Хацкевич (пред.) [и др.]. – Минск : Институт бизнеса БГУ, 2018. – Вып. 2. – С. 233–238. – С. 235.

⁷⁴⁹ О'Ши, К. Феномен ZARA / К. О'Ши ; [пер. с англ. В. С. Агеева]. – Москва : Издательство «Э», 2016. – 240 с. – С. 234.

передаче и обработке больших объемов данных»⁷⁵⁰. Все большая часть добавленной стоимости создается за счет труда интеллектуального и творческого характера.

Высокая дифференциация потребителей и зависимость экономических показателей предприятия от слабо прогнозируемого спроса свидетельствует о большой роли маркетинговой составляющей и неценовых факторов в достижении его эффективности. Легкая промышленность характеризуется сложной системой создания добавленной стоимости, большая часть которой формируется за счет труда творческого характера и нематериальных активов. Основными объектами интеллектуальной собственности в легкой промышленности, нуждающимися в охране, являются товарный знак и промышленный образец. Сегодня покупательский выбор во многом формируется в зависимости от узнаваемости товарного знака, трансформирующегося в бренд, и информации, которую он предоставляет покупателю – о качестве товара, соответствии моде, ценностях производителя. Вместе с тем порождаемая данными процессами зависимость доходности предприятий от бренда, оцениваемая не только классическими показателями прибыли, но и ростом капитализации активов, обуславливает возникновение рисков нарушения прав интеллектуальной собственности – в первую очередь, в форме производства контрафактной продукции⁷⁵¹. Чем более узнаваем бренд и выше его рыночная стоимость, тем больший риск таких нарушений. Низкие барьеры вхождения в отрасль, невысокая экономическая эффективность борьбы с нелегальным производством и импортом товаров легкой промышленности формируют благоприятную среду для теневого сегмента.

Брендовая продукция становится привлекательным объектом для незаконного копирования, что наносит ущерб субъектам различного уровня. В результате роста рынка подделок добросовестный производитель недополучает прибыль, возникает ряд угроз его имиджу, он вынужден нести дополнительные расходы на борьбу с недобросовестной конкуренцией. Конечный потребитель, приобретающий товар более низкого качества, зачастую рискует своим здоровьем, поскольку производители и импортеры

⁷⁵⁰ Кошовец, О. Б. Глобальная цифровая трансформация и ее цели: декларации, реальность и новый механизм роста / О. Б. Кошовец, Н. А. Ганичев // Экономическая наука современной России. – 2018. – № 4 (83). – С. 126–143. – С. 130.

⁷⁵¹ Сергиевич, Т. В. О необходимости совершенствования управления интеллектуальной собственностью в легкой промышленности [Электронный ресурс] / Т. В. Сергиевич // Модернизация хозяйственного механизма сквозь призму экономических, правовых, социальных и инженерных подходов. Электронное издание : сборник материалов XIV Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию Конституции Республики Беларусь. 21 марта 2019 г., г. Минск / М-во образования Республики Беларусь, Белорусский национальный технический университет; редкол. : С. Ю. Солодовников [и др.]. – Электрон. текст дан. (объем 4 Мб). – Минск: БНТУ, 2019. – 512 с. – С. 67–68. – Режим доступа: <https://rep.bntu.by/>. – Дата доступа: 04.06.2019.

контрафактной продукции, как правило, игнорируют требования контроля качества и сертификации. Государство недополучает таможенные и налоговые платежи, а также затрачивает дополнительные ресурсы на борьбу с нарушениями права интеллектуальной собственности, включая борьбу с контрафактом.

Под контрафактной продукцией понимаются материальные объекты, созданные и введенные в оборот с нарушением исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации. Чаще всего на практике речь идет об использовании тождественного или сходного до степени смешения товарного знака на однородных товарах без необходимого разрешения правообладателя. В белорусском законодательстве определение контрафакта можно найти в ст. 29 Закона Республики Беларусь от 5 февраля 1993 г. № 2181-ХП «О товарных знаках и знаках обслуживания», п. 2 которой гласит: «Товары, этикетки, упаковки товаров, на которых незаконно применены товарный знак или обозначение, сходное с ним до степени смешения, являются контрафактными»⁷⁵². При этом владелец товарного знака или добросовестный пользователь (заключивший договор исключительной лицензии) вправе требовать удаления незаконно примененных товарного знака или обозначения, сходного с ним до степени смешения, а при невозможности удаления – изъятия из гражданского оборота и уничтожения контрафактных товаров, этикеток, упаковок товаров за счет виновного лица.

Говоря о контрафакте, следует выделить более широкую проблему – незаконного оборота товаров. Последний включает в себя множество видов нарушения закона – собственно контрафакт, нарушение требований законодательства о техническом регулировании и сертификации, нарушение порядка перемещения товаров через таможенную границу в форме недекларирования (что по существу является контрабандой), недостоверного декларирования (занижение таможенной стоимости товаров с целью снижения размеров таможенных пошлин и НДС, взимаемого таможенными органами; заявление недостоверных сведений о составе товара и последующая неправильная классификация по товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности с целью занижения ставки ввозной таможенной пошлины или во избежание мер нетарифного регулирования; недостоверные сведения о количестве или стране происхождения ввозимого товара и т. д.), нарушение обязательных требований по маркировке товаров. Чаще всего на практике имеет место комплекс нарушений в сфере производства, ввоза и оборота товаров – от производства и ввоза продукции до ее реализации. Поскольку таможенные органы осуществ-

⁷⁵² О товарных знаках и знаках обслуживания [Электронный ресурс]: закон Республики Беларусь, 5 февр. 1993 г., № 2181-ХП // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь/ Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

ляют функцию по защите прав на объекты интеллектуальной собственности, уже в момент импорта контрафактной продукции возникают риски недостоверного декларирования в части указания заведомо ложной информации о товарных знаках либо недекларирования ввозимых товаров. Кроме того, ввоз контрафактной продукции зачастую сопровождается несоблюдением мер нетарифного регулирования (сертификация товаров) и искажением таможенной стоимости.

Из всех отраслей экономики наибольших масштабов проблема контрафактной продукции достигла в легкой промышленности. Во многом это связано с тем, что такие нарушения в отношении обуви и одежды носят латентный характер. Согласно результатам проведенного компанией «BrandMonitor» в июне 2019 г. опроса россиян, которые имели опыт покупки контрафактных товаров брендов класса люкс в категории «одежда и обувь» за последние 12 месяцев, большинство опрошенных потребителей не поддерживают настроенность государства противостоять распространению контрафакта. Борьбу с контрафактом поддерживает только 26% покупателей подделок, а то время как 63% считают, что такую борьбу вести не нужно, 11% опрошенных затруднились с ответом. При этом ответственность за борьбу с контрафактом, по мнению опрошенных россиян, взять на себя должно государство (44%), покупатели (27%), а также сами бренды (18%)⁷⁵³. Эксперты, однако, отмечают «пассивность правообладателей, их непоследовательность в действиях, нестабильность в выбранных позициях»⁷⁵⁴. Пассивны в этой борьбе и потребители. Как правило, покупателю известно о том, что он приобретает контрафактную продукцию, включая реплики известных брендов, в отличие, например, от контрафактной фармацевтической или пищевой продукции. Последствия от потребления некачественных лекарств или продуктов питания представляются в глазах потребителя более опасными, нежели от одежды или обуви, не соответствующей нормам безопасности. Особенности рынка легкой промышленности проявляются и в том, что вопреки распространенному мнению, контрафактная продукция реализуется не только на рынках, но и в торговых центрах с официальными точками продаж. По словам заместителя министра промышленности и торговли Российской Федерации В. Л. Еvtухова, местом реализации незаконной продукции

⁷⁵³ Покупатели подделок не поддерживают борьбу с контрафактом. Результаты инициативного опроса BrandMonitor [Электронный ресурс] / BrandMonitor. – Оpubл. 15.07.2019. – Режим доступа: https://brandmonitor.ru/brandmonitor-research/Counterfeit_Luxury_Research.pdf. – Дата доступа: 15.08.2019.

⁷⁵⁴ Мальшиц, В. Спиртное, косметика, автозапчасти: эксперты – о том, как защитить наш рынок от контрафактной и фальсифицированной продукции [Электронный ресурс] / В. Мальшиц // Газета «Республика». – Оpubл. 30.05.2019. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/slomali-stolko-kopiy.html>. – Дата доступа: 14.08.2019.

чаще всего выступают «розничные рынки и неорганизованная розница. Однако у России есть специфика, контрафакт реализуется и через легальные торговые предприятия по ценам оригинала»⁷⁵⁵.

Согласно оценкам компании «BrandMonitor», годовой оборот теневого сегмента рынка люксовых товаров в России достиг 280 млрд. руб., в то время как легальный сегмент оценивается примерно в 250 млрд. руб. Среди самых востребованных товаров – поддельные футболки, кроссовки, джинсы и сумки. Проблема контрафактной продукции характерна для всех стран мира. По словам генерального директора компании «Fashion Consulting Group», в мировой индустрии одежды и обуви на долю копий и реплик приходится 30–35% всех продаж. Общий же объем российского рынка одежды, обуви и аксессуаров названная компания оценивает в 2,36 трлн. руб.⁷⁵⁶. Тенденцией в торговле контрафакта является увеличение доли он-лайн продаж. Поскольку интернет-магазины сложнее контролировать, риски приобретения поддельного товара он-лайн очень высоки. Российские эксперты отмечают, что сегодня более 80% он-лайн магазинов нарушают исключительные права на объекты интеллектуальной собственности⁷⁵⁷. Таким образом, высокая цена и совершение покупки в официальном магазине бренда сегодня уже не являются гарантией приобретения оригинального товара.

Проблема контрафактной продукции усугубляется тем, что официальных данных о доли контрафактной продукции в торговом обороте стран нет. В конце 2017 г. Федеральная служба государственной статистики, Министерство промышленности и торговли Российской Федерации и Федеральная таможенная служба разработали методику расчета доли незаконно произведенных и ввезенных товаров легкой промышленности в розничном товарообороте. Результаты расчетов показали, что объем незаконного товара легкой промышленности в розничном товарообороте в 2015 г. составлял 31,1%, в 2016 г. – 25,9%⁷⁵⁸. По результатам маркетинговых исследований РБК, представленным в аналитическом отчете «Выяв-

⁷⁵⁵ Игнатова, О. Необъяснимо, но контрафакт. В России «оседает» неучтенной продукции легпрома более чем на шесть миллиардов долларов ежегодно [Электронный ресурс] / О. Игнатова // Российская газета. – Оpubл. 22.04.2018. – Режим доступа: <https://rg.ru/2018/04/22/minpromtorg-v-rossii-kontrafakt-realizuetsia-cherez-legalnye-magaziny.html>. – Дата доступа: 17.08.2019.

⁷⁵⁶ Костырев, А. Контрафакт – упрямая вещь. Рынок поддельного люкса превысил по обороту легальный / А. Костырев, Н. Щуренков // Коммерсантъ. – 2019. – № 117. – 08 июля. – С. 1.

⁷⁵⁷ Покупатели подделок не поддерживают борьбу с контрафактом. Результаты инициативного опроса BrandMonitor [Электронный ресурс] / BrandMonitor. – Оpubл. 15.07.2019. – Режим доступа: https://brandmonitor.ru/brandmonitor-research/Counterfeit_Luxury_Research.pdf. – Дата доступа: 15.08.2019.

⁷⁵⁸ Игнатова, О. Необъяснимо, но контрафакт. В России «оседает» неучтенной продукции

ление объема, структура, доли "серого" сегмента на российском рынке обуви», «каждая вторая пара обуви в России (49,3% или 266 млн. пар в год) продается в "сером" сегменте, с нарушением законодательства. Ежегодный убыток государства только вследствие неуплаты налогов в полном размере составляет минимум 22 млрд. руб. Каждый третий обувной магазин в России содержит в своем ассортименте обувь, имитирующую продукцию известных брендов (т. е. контрафакт). Всего через эти магазины продается порядка 215 млн. пар обуви в год, что составляет ровно 1/3 обувного рынка»⁷⁵⁹. В условиях свободы перемещения товаров внутри ЕАЭС внутренний белорусский рынок оказывается особенно уязвимым, что обуславливает актуальность поиска инновационных механизмов защиты от контрафактной продукции.

Новым этапом в борьбе с контрафактом становится использование цифровых технологий, позволяющих повысить прозрачность движения товаров, увеличить эффективность контроля за перемещением и реализацией отдельных групп товаров, а также предоставить возможность потребителю контролировать легальность приобретаемого товара. Российская легкая промышленность уже давно идет по пути цифровизации. Опыт нанесения средств идентификации в отношении товаров легкой промышленности в стране уже накоплен – с 12 августа 2016 г. введена маркировка меховых изделий контрольными (идентификационными) знаками, с 1 июля 2019 г. – обувных товаров, а с 1 декабря 2019 г. планируется переход к маркировке более широкого перечня продукции легкой промышленности. Это отдельные составляющие системы маркировки и прослеживаемости товаров, которая в полной мере заработает к 2024 г., когда список обуви и одежды, табачных изделий и фармацевтических препаратов дополнится практически всеми группами товаров повседневного и длительного спроса. Целью внедрения систем идентификации на основе маркирования товаров является снижение доли теневого сегмента на рынках, включая незаконное производство, ввоз и введение в оборот товаров легкой промышленности. Это, в свою очередь, позволит повысить сборы таможенных и налоговых поступлений в бюджет, а также защитит потребителя от некачественной продукции.

Обязательная маркировка меховых изделий с использованием технологии радиочастотной идентификации – RFID (от англ. Radio Frequency

легрпрома более чем на шесть миллиардов долларов ежегодно [Электронный ресурс] / О. Игнатова // Российская газета. – Публ. 22.04.2018. – Режим доступа: <https://rg.ru/2018/04/22/minpromtorg-v-rossii-kontrafakt-realizuetsia-cherez-legalnye-magaziny.html>. – Дата доступа: 17.08.2019.

⁷⁵⁹ Выявление объема, структуры, доли «серого» сегмента на российском рынке обуви [Электронный ресурс] / РБК. Исследования рынков. – Москва. – 2017. – 53 с. – С. 3. – Режим доступа: www.marketing.rbc.ru. – Дата доступа: 15.05.2019.

Identification, радиочастотная идентификация товаров) введена во всех странах-членах Евразийского экономического союза (в Республике Беларусь срок введения обязательной маркировки меховых изделий был продлен до конца 2018 г.). RFID-метка состоит из микрочипа, позволяющего хранить данные, и антенны, принимающей и передающей эти данные. После установки RFID-метки на единицу продукции информация о товаре становится доступна в любой момент времени до тех пор, пока он не будет продан. Преимуществом применения RFID-меток является многократность их использования – после продажи товара они направляются в центр рециркуляции, где ID товара стирается из памяти системы. Кроме того, в отличие от штрих-кодов RFID-метки более устойчивы к воздействию факторов внешней среды, их сложнее подделать. Системы RFID-идентификации товаров позволяют повышать эффективность складского учета, контроля за перемещением сырья или продукции, ускорять процессы приема и отгрузки товаров. Благодаря подобным системам значительно снижаются транзакционные издержки на всех стадиях движения товаров, а также непосредственно при работе в торговых объектах. Кроме того, системы RFID-идентификации позволяют вести полный учет товаров до момента их продажи конечному потребителю, систематизировать детальные данные о товарах (размерах, цветовых решениях и т. д.). Недостатком использования системы RFID-идентификации является относительно высокая стоимость самих RFID-меток – от 0,15 до 7 долл. США, – а также стоимость самих систем учета. Исходя из этого, в отношении более дешевой продукции – обуви и одежды – принято решение использовать систему марок с цифровым кодом Data Matrix. В России стоимость кода маркировки утверждена Постановлением Правительства Российской Федерации от 8 мая 2019 г. № 577 и составляет 50 копеек.

Для обувных товаров обязательная маркировка введена с 1 июля 2019 г.⁷⁶⁰. Внедрение этой системы проходит несколько этапов – с июля 2019 г. началась регистрация участников обувного рынка в системе мониторинга товаров, подлежащих маркировке, в системе «Честный ЗНАК». С 1 октября 2019 г. начнется выдача доступа к устройствам, которые необходимы для получения кодов маркировки, – регистраторам эмиссии, а уже с 1 марта 2020 г. ввод в оборот, оборот и вывод из оборота немаркированной продукции на территории Российской Федерации будет запрещен. Кроме того, до 1 мая 2020 г. маркировка должна быть произведена и в отношении всех остатков обуви. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 апреля 2018 г. № 792-р утвержден перечень товаров,

⁷⁶⁰ Перечень отдельных товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации : утв. распоряжением Правительства Российской Федерации, 28 апр. 2018 г., № 792-р. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2019.

в отношении которых в ближайшее время возникнет необходимость осуществлять маркировку средствами идентификации. Среди продукции легпрома нововведения коснутся таких позиций как одежда из кожи; женские блузки; женские и мужские пальто и куртки; постельное, столовое, туалетное и кухонное белье. Сроком введения обязательной маркировки определено 1 декабря 2019 г. До этого момента в целях проверки системы и исправления возможных ошибок, а также обеспечения плавного перехода участников оборота продукции на новые условия, с 27 июня по 30 ноября 2019 г. в России проводится эксперимент по маркировке средствами идентификации отдельных позиций легкой промышленности⁷⁶¹.

Система маркировки и прослеживаемости товаров реализуется в форме государственно-частного партнерства, которое становится возможным в условиях относительно высокого уровня социального капитала на мезоуровне⁷⁶². Оператором государственной информационной системы мониторинга за оборотом товаров, подлежащих обязательной маркировке, который разрабатывает инфраструктуру и предоставляет участникам оборота товаров удаленный доступ к устройствам регистрации эмиссии, стала дочерняя компания «Центра развития перспективных технологий» ООО «Оператор-ЦРПТ». Реализация проекта предполагает создание мягкой и жесткой инфраструктуры. В состав мягкой инфраструктуры входит государственная информационная система мониторинга за оборотом товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации, создаваемая для информационного обеспечения реализации проекта. Данная система позволит автоматизировать процессы сбора и обработки информации и обеспечить прослеживаемость товаров на всех этапах их движения, а также предоставит возможность использования этой информации. К жесткой инфраструктуре относится совокупность программно-аппаратных средств участников оборота, устройства регистрации эмиссии.

В отношении обувных товаров определено, что маркировка может осуществляться на различных этапах движения продукции. Если производитель расположен в Российской Федерации, то маркировка товаров

⁷⁶¹ О проведении на территории Российской Федерации эксперимента по маркировке средствами идентификации отдельных позиций продукции легкой промышленности : постановление Правительства Российской Федерации, 22 июня 2019 г., № 790. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/65zjinNz4xW6uJOvypEPZ9ZlcS6xXdOO.pdf>. – Дата доступа: 17.08.2019.

⁷⁶² Солодовников, С. Ю. Онтологическая и феноменологическая природа формирования социального капитала в Республике Беларусь / С. Ю. Солодовников, Т. В. Сергиевич // Актуальные проблемы развития современного общества : сборник научных трудов Межвузовского научного семинара, г. Санкт-Петербург, 17 мая 2019 г. / Санкт-Петербургский горный университет ; отв. ред. Н. А. Вахнин, М. М. Хайкин. – СПб, 2019. – С. 16–20. – С. 19.

осуществляется до их отгрузки с территории производителя; если товары импортируются из-за пределов Евразийского экономического союза – до их помещения под таможенные процедуры выпуска для внутреннего потребления или реимпорта; если товар ввозится на территорию Российской Федерации с территории других стран-членов ЕАЭС (например, когда товар произведен или помещен под таможенную процедуру выпуска для внутреннего потребления в Республике Беларусь), – до момента пересечения государственной границы Российской Федерации. В отдельных случаях нанесение маркировки допускается в процессе оборота обувных товаров, например, в отношении товаров, ранее выведенных из оборота.

Каждому товару присваивается уникальный цифровой код Data Matrix (или другой тип маркировки). Данное средство идентификации (цифровой код) наносится на потребительскую упаковку, или на обувь, или на товарный ярлык обуви. После этого сведения передаются в систему мониторинга товаров. В дальнейшем информация о любом движении товаров также должна передаваться в систему. Data Matrix код делится на две части: код идентификации, который определяет позицию товара в системе и едином каталоге товаров, и код проверки или крипто-хвост, который генерирует оператор с помощью российских технологий криптографии. За счет фиксации движения на каждом этапе в системе Честный ЗНАК исключается появление двойников товара и возможность повторного вывода на рынок товаров, в том числе с истекшим сроком годности⁷⁶³. Data Matrix код позволяет проследить любое движение товара – от производителя до конечного потребителя. Наличие маркировки позволяет проверить происхождение товара на любом этапе, что минимизирует риски продажи подделки под видом оригинального товара.

Участники оборота обувных товаров должны иметь усиленную квалифицированную подпись, а также программно-аппаратный комплекс, позволяющий использовать эту подпись и обмениваться электронными документами с государственной информационной системой мониторинга. Производители и импортеры, на которых возлагается ответственность по нанесению маркировки, помимо названных требований, должны иметь также удаленный доступ к устройству регистрации эмиссии оператора. Субъекты, осуществляющие розничную торговлю, должны иметь также средства сканирования и распознавания средств идентификации обувных товаров, соединенные с контрольно-кассовой техникой. Это позволяет автоматизировать передачу информации о выбытии товара из оборота в момент его продажи и формирования кассового чека.

⁷⁶³ Честный знак. Национальная система цифровой маркировки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://chestnyznak.pf/o-chestnom-znake/#1>. – Дата доступа: 17.08.2019.

В состав мягкой инфраструктуры обеспечения реализации проекта вошла Национальная система цифровой маркировки и прослеживаемости товаров Центра развития перспективных технологий «Честный ЗНАК». Для потребителей доступно мобильное приложение «Честный ЗНАК», с помощью которого каждый сможет проверить подлинность товаров и узнать информацию о производителе, составе и сроке годности. В случае обнаружения подделки с помощью приложения можно будет сообщить о нарушении в контролирующие органы.

Таким образом, государство создает инструмент регулирования и контроля движения товаров – от производства до реализации потребителю. Поскольку коды можно получить только для легально произведенных или импортированных товаров, а импортировать или реализовать немаркированный товар будет невозможно, можно ожидать снижения доли теневого сегмента и уменьшения числа подделок на российском рынке легкой промышленности. Эффективность внедряемой системы в выводе субъектов рынка из тени можно предварительно оценить по итогам функционирования системы маркировки меховых изделий, которая была внедрена в 2016 г.: «уже сейчас видна грандиозная разница в официальных данных по рынку. Количество меховых изделий, появившихся на рынке, увеличилось в 13 раз, а реализация в розницу – в 7 раз. Конечно, это не означает, что в России резко повысился спрос на продукцию из меха, мы видим, как рынок начал выходить из тени. Для сравнения: до начала реализации проекта в системе маркировки в Беларуси и России было зарегистрировано 1,6 тысяч участников оборота, по итогам 2017 года их численность составила более 10,2 тысяч участников»⁷⁶⁴. Вместе с тем говорить о полном выходе бизнеса из тени не следует, поскольку борьба с контрафактной продукцией должна носить комплексный характер. Маркировка товаров является лишь одним из инструментов борьбы с контрафактом. Сохраняются рынки нелегально произведенных и реализуемых товаров, на которые вводимые меры практически никак не повлияют.

Для добросовестных же участников рынка вводимая система, помимо вывода из рынка конкурентов-нелегалов, открывает ряд возможностей, связанных с оптимизацией бизнес-процессов, снижает риски заключения сделок с недобросовестными субъектами рынка. Эксперты отмечают, что «все участники оборота будут работать в едином пространстве – без адаптации своих бизнес-процессов под разные системы и ведения нескольких учетных записей. Они смогут полностью прослеживать путь своих товаров, получать полную аналитику по объемам и срокам реализации»⁷⁶⁵. Для

⁷⁶⁴ Честный знак. Национальная система цифровой маркировки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://chestnyзнак.рф/o-chestnom-znake/#1>. – Дата доступа: 17.08.2019.

⁷⁶⁵ Как будет работать единая система для борьбы с нелегальным товарооборотом [Электронный ресурс] / CNews. – Опубл. 03.12.2018. – Режим доступа: <http://www.cnews.ru/articles/>

крупных субъектов с большой розничной сетью это открывает возможности оптимизации собственных бизнес-процессов, что, по оценкам экспертов, «снижает себестоимость товара до 10%, что соответственно приводит и к снижению конечной стоимости»⁷⁶⁶. Благодаря наличию доступа к данным о движении товаров в режиме реального времени производитель получает возможность делать аналитику в отношении своего товара и планировать дальнейшее производство. Данные о местах и структуре продаж позволяют повысить эффективность маркетинга. Цифровизация учетных систем позволяет снижать операционные затраты. Кроме того, сегодня для торговли маркированными товарами обязательно нужна система электронного документооборота, что в конечном счете повышает производительность труда.

Внедрение системы маркировки и прослеживаемости товаров сопряжено и с некоторыми рисками для бизнеса в легкой промышленности. Самыми уязвимыми участниками оборота являются представители малого и среднего бизнеса, которые могут оказаться под угрозой закрытия, если не смогут приспособиться к новым условиям. Речь идет, в первую очередь, о владельцах торговых точек и дизайнерах обуви и одежды. Бизнес по пошиву одежды не относится к высоко маржинальным. Дополнительные требования по маркировке товаров, когда невозможно воспользоваться преимуществами эффекта от масштаба, могут заметно ухудшить условия их деятельности. Вместе с тем следует учитывать, что на дизайнеров возложена обязанность по маркировке товаров только в случае производства и продажи товаров в качестве юридических лиц или индивидуальных предпринимателей. В случае если дизайнеры работают как физические лица и сдают товары в магазин, например, по договору комиссии, маркировать товар должен не дизайнер, а точка продаж.

Среди рисков, возникающих при переходе к системе обязательной маркировки, следует выделить риски нарушения безопасности информационных систем. В частности, сбои в работе системы способны заблокировать отгрузку продукции со склада предприятия. Кроме того, наличие огромного массива данных вынуждает государство предпринимать меры по обеспечению их сохранности и безопасности. Система «Честный ЗНАК» будет аккумулировать огромный объем данных, что требует высокого качества администрирования этой системы. Немаловажную роль играет и человеческий фактор. В случае если нанесение средств идентификации будет производиться вручную, то высока вероятность соверше-

2018-11-27_kak_budet_rabotat_edinaya_sistema_dlya_borby_s_nelegalnym_tovarooborotom. – Дата доступа: 26.08.2019.

⁷⁶⁶ Там же.

ния ошибок и последующих проблем при таможенном оформлении товаров, а также в момент его реализации. Новая система требует цифровых навыков у участников оборота. Не все из них обладают кадрами, компетентными в использовании программного продукта, электронном документообороте, что влечет за собой дополнительные затраты.

Ожидаемым является уклонение отдельных участников оборота продукции легкой промышленности от обязательной маркировки. Это создает дополнительные риски нарушений таможенного законодательства в части недостоверного декларирования товаров с заявлением кода товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности, не соответствующего ввозимому товару. Например, в наименовании товара может быть указана не блузка, а майка или свитшот, что освобождает импортера от обязательной маркировки. Тем не менее, эксперты отмечают, что на российском рынке одежды произойдет снижение цен на товары на 5-10% и сокращение доли теневой экономики на 50-60%⁷⁶⁷.

Снижение цен на товары может быть достигнуто только при использовании эффекта от масштаба. В этом контексте особые сложности могут возникать у представителей малого и среднего бизнеса, которые также вынуждены подстраиваться под новые условия. Вместе с тем внедряемая система предоставляет специальные инструменты для малого и среднего бизнеса (веб-доступ, кабинет налогоплательщика, простой web-интерфейс).

Система маркировки товаров, которая внедряется в России, не имеет аналогов в мире. Уникальным является опыт создания единой системы для всех товарных групп на рынке. В той или иной форме инструменты маркировки товаров используются во многих странах – чаще всего в отношении подакцизных товаров. Например, в Китае маркировке подлежат лекарственные препараты, в Бразилии – табачные изделия и напитки. Чаще всего эти системы основываются на государственно-частном партнерстве, поскольку этот формат позволяет снизить бюджетные вложения в проект и уменьшить финансовые риски, а также дать возможность развиваться в этом направлении частному бизнесу. В планах ЕАЭС – введение единой системы прослеживаемости товаров на территории всего союза, что позволит защитить внутренние рынки от контрафакта и ускорит процессы свободного перемещения товаров. С этой целью 2 февраля 2018 г. главами правительств стран-членов ЕАЭС было подписано Соглашение о маркировке товаров средствами идентификации в Евразийском экономическом союзе, которое вступило в силу 29 марта

⁷⁶⁷ Дресс-код: маркировка на рынке одежды. Последствия [Электронный ресурс] / РБК. Деловой день. – Эфир 12 июля 2019 г. – Режим доступа: www.rbc.ru. – Дата доступа: 12.07.2019.

2019 г.⁷⁶⁸. Данный документ имеет рамочный характер, целью которого является унификация процессов маркировки товаров на территории ЕАЭС.

Что касается Республики Беларусь, ориентация на российский экспорт белорусских производителей не позволяет существенно отставать от России в цифровизации регулирования товарных потоков – с 2016 г. в стране действует система маркировки предметов одежды из натурального меха контрольными знаками с RFID-метками. В текущем году Беларусь проводит модернизацию существующей системы маркировки товаров. Страна активизировала деятельность по регулированию потоков обувных товаров – с 15 апреля 2019 г. до конца года в республике действует пилотный проект по маркировке обуви средствами идентификации, в котором на добровольной основе принимают участие крупнейшие отечественные производители обуви и импортеры, среди которых Лидская обувная фабрика, «Отико», «Белвест», «Lamoda», «Вайлдберриз» и др. Поскольку у большинства крупных производителей обуви Беларуси экспорт ориентирован на российский рынок, участие в проекте выгодно и для представителей бизнеса. Вместе с тем до недавних пор оставался неурегулированным механизм взаимодействия информационных систем Беларуси и России и признания средств идентификации. Распоряжением премьер-министра от 23 апреля 2019 г. № 114р в Беларуси была создана межведомственная рабочая группа для координации деятельности по созданию национальных систем маркировки и прослеживаемости товаров. Кроме того, подготовлен и прошел общественное обсуждение проект Указа Президента Республики Беларусь «О маркировке товаров».

Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 8 августа 2019 г. № 72 «О введении маркировки обувных товаров средствами идентификации»⁷⁶⁹ был утвержден перечень обувных товаров, подлежащих маркировке средствами идентификации. Было решено, что взаимодействие между национальными операторами (администраторами) осуществляется посредством интегрированной информационной системы Евразийского экономического союза. Сроком готовности к осуществлению такого взаимодействия документом установлено 1 января 2020 г. Также документом определено, что при введении маркировки на территории двух и более государств-членов ЕАЭС им обеспечивается взаимное признание средств

⁷⁶⁸ Соглашение о маркировке товаров средствами идентификации в Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс] : [заключено в г. Алматы 2 февр. 2018 г.]. – Режим доступа: <https://docs.eaunion.org>. – Дата доступа: 15.07.2019.

⁷⁶⁹ О введении маркировки обувных товаров средствами идентификации [Электронный ресурс] : Решение Совета Евразийской экономической комиссии, 8 авг. 2019 г., № 72. – Режим доступа: <https://docs.eaunion.org/>. – Дата доступа: 15.07.2019.

идентификации. Характеристики, порядок генерации средств идентификации, состав и структура информации, которая должна содержаться в них, также утверждены названным Решением. Вопрос сроков введения обязательной маркировки оставлен на откуп национальному законодательству с оговоркой, что запрет на оборот немаркированных обувных товаров не может быть введен ранее 1 марта 2020 г. Именно до этой даты государства-члены должны будут определить национальных операторов, на которых до даты введения маркировки на своей территории возлагается обязанность обеспечивать предоставлением кодов маркировки участников оборота товаров, полученных от национального оператора (администратора) государства-члена, которое ввело маркировку на своей территории. Кроме того, национальные операторы обеспечивают обмен информацией о маркированной обуви, реализованной в рамках трансграничной взаимной торговли. Таким образом, сроки подключения стран к единой системе маркировки будут определяться степенью технологической, организационной и нормативно-правовой готовности, в чем Российская Федерация и Республика Беларусь занимают лидирующие позиции среди стран ЕАЭС.

Отечественные производители и экспортеры обуви, одежды и текстиля вынуждены подстраиваться под новые условия, связанные с введением системы маркировки и прослеживаемости товаров. Однако эти изменения могут быть использованы как возможность для белорусского бизнеса в сфере транспорта и логистики. О необходимости усиления транспортно-логистического потенциала Республики Беларусь ученые-экономисты и практики-управленцы заявляют давно. Многие в этом направлении уже сделано. Тем не менее данный сектор нуждается в дополнительных драйверах развития. «Поспособствовать развитию белорусского логистического кластера может наличие в стране конкурентоспособных родственных или поддерживающих отраслей <...> Для логистического кластера в качестве таких отраслей может выступать, к примеру, производство грузовых транспортных средств, создание программного обеспечения, используемого в логистических центрах (складах)»⁷⁷⁰. Поскольку при ввозе товаров с территории ЕАЭС товар должен быть промаркирован до того, как он попадет на территорию Российской Федерации, белорусские логистические центры могут расширить ассортимент оказываемых услуг в части нанесения маркировки. Согласно новым правилам, маркировка должна наноситься на каждую единицу товара (или упаковку, или товарный ярлык), что предполагает довольно большой

⁷⁷⁰ Мелешко, Ю. В. Проблемы и перспективы становления в Республике Беларусь логистического кластера / Ю. В. Мелешко // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2014. – Вып. 2. – С. 331–341. – С. 337.

объем работ. Маркировка товаров может выполняться на территории производителя – зарубежного экспортера, однако не все из них готовы подстраиваться под новые требования российских контрагентов. Особенно если речь идет о крупных производителях люксовых товаров, на построение бизнес-процессов которых чрезвычайно сложно оказывать внешнее влияние. В этом случае функцию маркировки должны брать на себя импортеры, которым, соответственно, данные услуги могут оказывать логистические хабы Беларуси.

Таким образом, сегодня актуализируется необходимость совершенствования технологий управления интеллектуальной собственностью в легкой промышленности. Одной из инновационных мер борьбы с контрафактной продукцией является введение единой системы маркировки и прослеживаемости товаров. Основными целями системы маркировки и прослеживаемости товаров являются борьба с контрафактом и фальсификатом, защита добросовестного производителя, повышение прозрачности рынка и защита потребителя. Однако обязательная маркировка товаров – это лишь один из инструментов такой борьбы, и без активного участия всех заинтересованных субъектов его эффективность, как и эффективность иных предпринимаемых государством мер в этой сфере, будет недостаточна. В борьбе с контрафактом наибольшая роль отведена правообладателю, который в первую очередь должен быть заинтересован в недопущении нарушения своих исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности. Зачастую издержки на борьбу с нарушениями прав интеллектуальной собственности в странах с небольшими рынками превышают ущерб, нанесенный такими нарушениями, поэтому производители не в полной мере заинтересованы выделять ресурсы на такую борьбу. В этой связи в Беларуси следует опережающими темпами развивать сферу оказания юридических услуг в области защиты исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности, ориентированных на территорию всего ЕАЭС. Вторым условием эффективности борьбы с нелегальной продукцией является снижение лояльности потребителя к контрафакту и фальсификату. В этой связи важна деятельность средств массовой информации, формирующих неприятие населением потребления некачественных и небезопасных товаров. Развитие механизмов общественного контроля, включая возможность сообщать о контрафакте через мобильное приложение «Честный ЗНАК», может значительно повысить эффективность предпринимаемых государством и бизнесом мер по борьбе с нелегальным производством и оборотом продукции легкой промышленности.

Отечественному производителю следует учитывать рассмотренные глобальные тенденции и возникающие угрозы при определении своей

роли и места в международном разделении труда. Поскольку белорусским предприятиям конкурировать с азиатскими производителями одежды сегодня практически невозможно (за исключением сегмента пошива более дорогой одежды, где заказчиками соблюдаются высокие стандарты качества, одежды из местного сырья, или в случае, где особенно важен географический и временной фактор – близость к конечному европейскому потребителю), постольку следует концентрироваться на использовании тех конкурентных преимуществ, которыми обладает наша страна – в первую очередь, креативный и интеллектуальный потенциал. Это позволит активизировать механизмы реализации политики импортозамещения, которое вслед за Д. Эпштейном рассматривается нами как «подчиненная часть программы неоиндустриализации, ставящая целью не вообще изменение соотношения между импортом и продукцией отечественного производства, а воссоздание всего комплекса ключевых секторов обрабатывающей промышленности на отечественной элементной базе, с последующим своевременным обновлением с помощью отечественной науки и отечественного образования. Но при этом речь идет, разумеется, не об отказе от импорта, а о возрождении на передовой материально-технической базе отечественных индустриальных производств, способных при необходимости очень быстро восполнить любой дефицит зарубежных товаров или технологий на самом современном уровне»⁷⁷¹. В настоящее время отечественная легкая промышленность по-прежнему недостаточно конкурентоспособна по сравнению с зарубежными производителями. Вместе с тем наличие большого количества импорта открывает возможности для реализации собственного потенциала исследуемой индустрии.

Постоянное ускорение жизненных циклов товаров вследствие конкуренции производителей в скорости реагирования на изменения спроса, ускорения научно-технического прогресса и повсеместное внедрение его результатов, использование потребления как инструмента социальной дифференциации обусловили изменения в технологии производства в легкой промышленности. Эти изменения проявляются в первую очередь в том, что все большая часть добавленной стоимости создается за счет труда интеллектуального и творческого характера, а также в возрастании затрат на продвижение таких товаров как условие конкурентоспособности предприятий по их производству, включая формирование брендов.

Легкую промышленность принято относить к традиционным секторам экономики. Вместе с тем поскольку феномен многоукладности может характеризовать экономику в целом, постольку в развитии отдельных отраслей могут наблюдаться признаки различных технологических укладов.

⁷⁷¹ Эпштейн, Д. Импортозамещение и неоиндустриализация – что необходимо делать / Д. Эпштейн // Экономист. – 2016. – № 2. – С. 23–32. – С. 26.

В легкой промышленности могут производиться высокотехнологичные товары, а сам производственный процесс – обладать высокой степенью инновационности. Технологический фактор, влияние которого усиливается в современных условиях, позволяет наделить продукт новыми функциональными свойствами, эксплуатационными и качественными характеристиками. К продукции легкой промышленности, на рост потребления которых влияет технологический фактор, относятся: средства индивидуальной защиты и отдельные виды специальной одежды; военная форма, оснащенная датчиками ранений; инновационные медицинские материалы, которые препятствуют развитию заболеваний; одежда, предназначенная для экстремальных условий эксплуатации; одежда и обувь, интегрированная с приложением на смартфоне; энергогенерирующие сумки; обувь, оснащенная GPS-датчиками и др.

Развитие технологий в легкой промышленности привело к возникновению так называемого «электронного текстиля» (от англ. «electronic textiles») и созданию в том числе и на его основе «умной одежды» (от англ. «smart garments», «smart clothing»). «Умная одежда» – одежда, которая позволяет принимать, обрабатывать и интерпретировать информацию о человеке и окружающей среде, а также давать обратную связь на основе применения цифровых технологий. «Умная одежда» обладает новыми, нехарактерными для традиционной одежды свойствами, «с сохранением всех традиционных характеристик, таких как возможность стирки и носки»⁷⁷². Специальные датчики отслеживают состояние здоровья человека на основе аккумуляции информации о сердечном ритме, давлении, температуре тела; солнечные батареи позволяют заряжать электронные девайсы; нагревающие элементы дают возможность одежде регулировать температуру; светодиоды реагируют на изменение настроения, получая информацию о мозговой активности человека. Интенсивное обновление товаров может быть связано с утратой их актуальности в связи с появлением новых функционально-технологических свойств таких товаров под влиянием научно-технического прогресса. В современной литературе отмечается, что «различные финансируемые государством организации Америки, такие как NASA или армия США, оказывают масштабную поддержку исследованиям в области тканей и одежды с интеллектом и высокими эксплуатационными характеристиками»⁷⁷³. Влияние этого фактора усиливается в условиях становления Индустрии 4.0, где инновационные технологии распространяются на все большее количество сфер экономики и общества, в том числе в легкой промышленности.

⁷⁷² Smart clothes and wearable technology / Edited by J. McCann and D. Bryson. – Elsevier, 2009. – 484 p. – P. 5

⁷⁷³ Гейл, К. Мода и текстиль / К. Гейл, Я. Каур. – Минск : Гревцов Паблшер, 2009. – 227 с. – С. 183.

В основе создания многих инновационных текстильных материалов лежат нанотехнологии. Для обеспечения возможности передачи данных используется нановолокно – волоконная сетка, встроенная в ткань; для повышения прочности материала – ткань из нановолокон полимерного материала, сплетенным особым образом, в результате чего при попытке деформировать получившийся материал его сплетенные нановолокна начинают интенсивно тереться друг от друга, создавая пьезоэффект, благодаря которому в них вырабатывается электричество, которое притягивает волокна друг к другу и тем самым делает материал суперпрочным. Успешное применение технологий nanoиндустрии в легкой промышленности свидетельствует о том, что: во-первых, легкая промышленность, относимая к традиционным секторам экономики, может развиваться как высокотехнологичная отрасль, обладать инновационной восприимчивостью и активностью, что, однако, осуществимо лишь по мере неоиндустриализации данного сектора экономики, охватывающей «не только технологическую и экономическую системы, но и систему общественных отношений, в частности отношений, складывающихся в процессе трудовой деятельности»⁷⁷⁴, и основанной на сочетании технико-технологической и организационно-управленческой модернизации. Во-вторых, легкая промышленность, обладающая высоким потенциалом межотраслевой кооперации, демонстрирует успешные примеры использования результатов других отраслей. В частности, использование нанотехнологий позволило легкой промышленности ей перейти на другой уровень в спирали инновационного развития. Как нами уже отмечалось в первой главе, в нашей стране необходимо применить зонтичные стратегии развития nanoиндустрии в составе комплексных технологических направлений. Технологии и достижения nanoиндустрии, которая так и не сложилась в самостоятельный сектор экономики, тем не менее могут быть эффективно внедрены в других отраслях для решения конкретных задач в рамках более широких стратегий развития национального промышленного комплекса и устойчивого социально-экономического развития. Нанотехнологии могут активно применяться всеми отраслями промышленности как инструмент достижения конкурентных преимуществ и выхода на новый качественный уровень, в том числе и в легкой промышленности.

Высокотехнологичное развитие легкой промышленности сопровождается трудностями, обусловленными необходимостью межсекторального взаимодействия и скоординированной работы специалистов разных сфер

⁷⁷⁴ Сергиевич, Т. В. Труд в неоиндустриальном обществе / Т. В. Сергиевич // Научно-образовательный центр «Технологии товароведческой, таможенной и криминалистической экспертизы»: Сб. научных работ № 6. Под редакцией Г. Д. Дроздова. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2015. – С. 50-55. – С. 54

деятельности: «процесс создания умной одежды и wearable-технологий (*«носимых технологий»* – *девайсов, встроенных в одежду или обувь – примечание авторов*) должен учитывать множество факторов – должно выстраиваться сотрудничество между конечными пользователями, специалистами по текстильной промышленности, производителями электроники, дизайнерами и специалистами швейной индустрии на всем пути от концепции новой одежды или девайса до точки продажи»⁷⁷⁵. Как правило, собираемые данные передаются на мобильное приложение, которое обрабатывает поступившую информацию и дает обратную связь потребителю. Использование продуктов индустрии информационных технологий в легкой промышленности позволяет выстраивать расширенные цепочки создания добавленной стоимости в белорусской экономике. В литературе отмечается, что инновационная активность в легкой промышленности может стать драйвером для развития других отраслей экономики, в том числе относимых к последним технологическим укладам. Сегодня объемы межсекторального взаимодействия увеличивается, поэтому инновационное развитие легкой промышленности будет способствовать росту активности в сфере услуг, особенно таких как информационные технологии.

Усиление действия технологического фактора обуславливает распространение феномена техномоды, который отражает тенденцию демонстрации индивидов причастности к научно-техническому прогрессу посредством потребления технологических новинок, в том числе и в одежде. Сегодня техномода выступает «мощнейшим фактором развития потребительской гонки и стратификационных трансформаций»⁷⁷⁶ и представляет собой не просто «моду на технические новинки», а «массовый, даже тотальный мировоззренческий и поведенческо-стилевой феномен»⁷⁷⁷. Это позволяет использовать ее инновационно активными субъектами индустрии моды и легкой промышленности, поскольку «инновационность, технологичность, т. е. собственно "techno", и являются сегодня потребляемым трендом»⁷⁷⁸. Е. Г. Каменский справедливо подчеркивает, что «современные компании сознательно ориентированы на стимулирование актуальных социальных hi-tech-трендов потребления (*ориентация на потребление высокотехнологичных*

⁷⁷⁵ Smart clothes and wearable technology / Edited by J. McCann and D. Bryson. –Elsevier, 2009. – 484 p.

⁷⁷⁶ Социо-антропологические измерения конвергентных технологий. Модели, прогнозы, риски / В. И. Аршинов [и др.]; отв. ред. И. А. Асеева, В. Г. Буданов. – Курск: ЗАО «Университетская книга», 2017. – 243 с. – С. 73.

⁷⁷⁷ Там же. – С. 75.

⁷⁷⁸ Каменский, Е. Г. Новая стратификация "технообщества" / Е. Г. Каменский // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2017. – Т. 7. – № 4 (25). – С. 264–270. – С. 266.

товаров – примечание авторов). С учетом востребованности определенных видов досуга, их тотальной массовости не развитие самого бренда, а иллюстрация его принадлежности к современным ценностям делает его модным. В этом случае отчетливо видно, как то, что условно можно назвать как "техно-мода", служит мощнейшим фактором развития потребительской гонки и стратификационных трансформаций. Подчеркивается не эксклюзивность товара, не творческая составляющая, а символическое значение. Например, "спортивность", "инновационность" и аналогичные. Также и цена не является больше критерием выбора, важнее ее символическая принадлежность к актуальному социальному тренду»⁷⁷⁹. Гонка производителей в предоставлении нового, уникального продукта обуславливает ускорение модных и технологических циклов, под влиянием которых интенсифицируется обновление продукции легкой промышленности.

Эффективность развития производства потребительских товаров сегодня все в большей степени зависит от факторов, связанных с их продвижением и реализацией. Ускорение производственных циклов в легкой промышленности обуславливает необходимость совершенствования механизмов обмена (в первую очередь, информационного) между субъектами, формирующими всю цепочку создания стоимости таких товаров. Критерием оптимизации этого обмена выступает «снижение транзакционных издержек»⁷⁸⁰ – дополнительных издержек при взаимодействии экономических субъектов по поводу производства, продвижения и реализации товаров в условиях ограниченности информации и неопределенности окружающей среды.

Основной причиной противоречий, возникающих в процессе взаимодействия экономических субъектов, является разнонаправленность их интересов. «Интерес представляет собой направленность активности субъекта на использование активности других субъектов для удовлетворения собственных потребностей»⁷⁸¹, что предопределяет сложность их взаимного согласования и возникновение дополнительных издержек и рисков оппортунистического поведения партнера. В цепочках создания добавленной стоимости в легкой промышленности ряд противоречий возникает между организациями, занимающимися производством этих товаров, и организациями, их реализующими. К возникающим при их взаимодействии проблемам относятся: нежелание как предприятий, так и торговых организаций брать на себя маркетинговые риски; неоптимальное разделение функций и ответственности в управлении ассортиментной политикой;

⁷⁷⁹ Там же. – С. 265.

⁷⁸⁰ Солодовников, С. Ю. Перспективы и механизмы развития и капитализации социального потенциала Республики Беларусь / С. Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2013. – Вып. 1. – С. 5–33. – С. 5.

⁷⁸¹ Характер, структура и факторы формирования экономических отношений / Л. П. Васюченко [и др.] ; под ред. А. П. Моровой. – Минск : Навука і тэхніка, 1992. – 191 с. – С. 114.

нарушение распределения финансовых (например, несвоевременный возврат выручки от объектов розничной торговли), материальных (например, ограничения предприятия по свободному выбору ассортимента товаров торговой организацией) и информационных (например, нарушение каналов обратной связи с потребителем) потоков.

Нами отмечалось, что в дальнейшем «система сбыта товаров интенсивного обновления будет усложняться, при этом взаимодействие между поставщиками и торговыми организациями будет усиливаться. Важную роль в этом взаимодействии будет играть государство как конфигуратор "правил игры" путем создания взаимовыгодных организационно-правовых и институциональных условий сотрудничества»⁷⁸². Увеличение разнообразия механизмов реализации товаров будет способствовать формированию тенденции к росту в структуре создания добавленной стоимости доли услуг по продвижению товаров, где ключевой фигурой является потребитель (клиент). «В контексте четвертой промышленной революции значение услуг промышленного характера в формировании конкурентоспособности промышленных предприятий увеличивается, поскольку именно благодаря этим услугам может быть организовано эффективное производство нового типа ("умные заводы") и реализована клиентоориентированная (в широком смысле) политика предприятия»⁷⁸³. Это приведет к усилению конкуренции в рассматриваемом сегменте.

Функции по продвижению товаров могут быть присвоены предприятием-производителем, торговой организацией или организацией, оказывающей услуги по продвижению товаров. Вне зависимости от характера юридического оформления отношений последних двух с предприятием-производителем результативность их деятельности напрямую влияет на эффективность самого предприятия. Наряду с этим, от результативности работы предприятия, критерием которой в контексте данного исследования выступают потребительские характеристики выпускаемого продукта (дизайн, качество, соответствие моде), зависит эффективность деятельности торговых и маркетинговых организаций. Такая взаимозависимость является основанием для согласования интересов этих субъектов, однако на практике зачастую приводит к взаимному перекладыванию ответственности за низкий уровень продаж.

⁷⁸² Сергиевич, Т. В. Перспективы и направления развития производства товаров интенсивного обновления в Республике Беларусь / Т. В. Сергиевич // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д. Экон. и юрид. науки. – 2017. – № 14. – С. 32–40. – С. 34.

⁷⁸³ Мелешко, Ю. В. Значение услуг промышленного характера в повышении конкурентоспособности промышленных предприятий (в контексте четвертой промышленной революции) / Ю. В. Мелешко // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2017. – Вып. 6. – С. 64–78. – С. 75.

Названные особенности обуславливают актуальность поиска механизмов совершенствования взаимодействия экономических субъектов в исследуемой сфере и факторов, которые влияют одновременно на производство и продвижение продукции легкой промышленности. Хотя поиск направлений совершенствования технологий производства рассматриваемых товаров, безусловно, важен, равно как и определение и использование современных механизмов продвижения этих товаров, ввиду наличия взаимозависимости и противоречий между субъектами по производству и продвижению продукции актуальным представляется рассмотрение систем производства и продвижения легкой промышленности в совокупности и исследование тенденций их развития.

В литературе отмечается, что в последнее время «снижается вес факторов, относящихся к самому продукту (его уникальность, хороший дизайн), и возрастает важность маркетинговых факторов, связанных с продвижением продукта, – известность торговой марки, реакция на запросы покупателей, предоставление покупателям более выгодных условий оплаты и сервиса»⁷⁸⁴. Эти тенденции обусловлены обострением конкуренции и, как следствие, развитием клиентоориентированных подходов, инструментами которых являются кастомизация и персонализация.

Кастомизация представляет собой процесс внесения конструкторских или дизайнерских модификаций при производстве массового продукта с учетом запросов конкретных потребителей. Благодаря внесению изменений в производимый товар происходит адаптация массового продукта под реальные индивидуальные запросы клиента. Во-первых, этот инструмент позволяет сохранить свойственные массовому производству положительные эффекты от масштаба. Во-вторых, кастомизация наделяет массовое производство возможностью до известной степени учитывать предпочтения клиентов и на этой основе повышать их лояльность, тем самым обеспечивая спрос на свою продукцию. Таким образом, кастомизация, в отличие от изготовления под заказ, при котором также получают дополнительные положительные эффекты от индивидуализации продукта, характерна для массового производства. Тенденция кастомизации свойственна сегодня и для производства в легкой промышленности. Кастомизированные модели производства и продвижения позволяют потребителю вносить некоторые изменения в продукт в рамках заданного производителем набора альтернатив. Использование инструментов кастомизации при-

⁷⁸⁴ Ключевые проблемы развития легкой промышленности в России и способы их преодоления : аналит. отчет / отв. ред. сер. В. В. Радаев ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики» ; Лаб. экон.-социол. исслед. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. – 343 с. – С. 132.

носит положительные эффекты на формирование спроса на продукцию, кроме того, это позволяет снижать риски перепроизводства.

Зачастую в литературе понятия «кастомизация» и «персонализация» используются как синонимы. Вместе с тем между ними существуют отличия: «в то время как кастомизация имеет дело с небольшими группами потребителей, которые делают выбор из набора альтернатив, при персонализации речь идет об одном потребителе, который имеет неограниченные альтернативы»⁷⁸⁵. Кастомизация предполагает необходимость действий самого пользователя (потребителя) по выбору характеристик приобретаемого товара или услуги. Персонализация же основывается на функционировании алгоритмов анализа предпочтений потребителя на основе технологий больших данных и машинного обучения и предложения товара или услуги, удовлетворяющих индивидуальные потребности пользователя. Примером использования этого инструмента является сервис Stitch Fix, суть которого заключается в сочетании работы стилиста по подбору одежды для каждого клиента индивидуально, автоматизации получения и обработки данных и применении технологий машинного обучения. Информация о размерах, вкусах и предпочтениях потребителя собирается при регистрации пользователя посредством заполнения анкеты, а также в дальнейшем в формах обратной связи при каждом использовании сервиса. Благодаря применению алгоритмов машинного обучения эти слабоструктурированные данные обрабатываются, уточняются и используются стилистом, который выбирает несколько предметов одежды и отправляет их клиенту. Последний выбирает то, что ему подходит, а остальное отправляет назад. Так, например, в 2017 г. рост объема продаж одежды с использованием сервиса Stitch Fix составил 34%, сам объем продаж достиг 977 млн. долл. США⁷⁸⁶. Рассмотренный пример демонстрирует практику интеграции виртуальных цепочек создания стоимости с существующими бизнес-процессами.

Кастомизация и персонализация повышают личную эмоциональную приверженность к конкретному бренду. В индустрии моды они используются как инструменты управления механизмами социальной идентификации и принадлежности – потребитель ассоциирует себя с какой-либо социальной группой или индивидом и на этой основе совершает выбор и покупку товара.

⁷⁸⁵ Personalization and Customization: How ‘Brand You’ Came To Be [Electronic resource] / The Fashion Law. An independent source for fashion law, business and culture. – Publ. date 02.01.2018. – Mode of access: <http://www.thefashionlaw.com/home/how-brand-you-came-to-be>. – Date of access: 24.07.2018.

⁷⁸⁶ Lake, K. Stitch Fix’s CEO on Selling Personal Style to the Mass Market / K. Lake // Harvard Business Review. – 2018. – May–June. – Pp. 35–40.

В условиях цифровизации бизнес-процессов в продвижении товаров появляется так называемый эффект ROPO (от англ. «Research Online, Purchase Offline» или «ищи онлайн, покупай офлайн»), представляющий собой взаимодействие между виртуальными и реальными каналами сбыта, при котором покупатель делает выбор товара и изучает его свойства в сети Интернет, после чего на основании полученной информации совершает покупку в классическом магазине, и наоборот. Получение кумулятивного эффекта от синтеза виртуальных и реальных процессов стало возможным благодаря распространению доступа к сети Интернет и цифровизации экономики. По мнению специалистов, «в текстильной и швейной промышленности цифровизация должна рассматриваться как процесс поддержки и повышения эффективности существующих бизнес-моделей»⁷⁸⁷. Цифровизация в производства и бизнес-процессов легкой промышленности характеризуется в первую очередь не виртуализацией реальных бизнес-процессов, а встраиванием виртуальных элементов в существующие бизнес-модели.

Поскольку спрос на товары легкой промышленности зависит от многих эндогенных (соответствие товаров моде, качество продукции, успешность рекламной кампании) и экзогенных (доходы населения, предложение конкурентов) условий, важным фактором конкурентоспособности становится время. Конкуренция исследуемых предприятий возникает в скорости реагирования на изменения спроса. Глобализация и ускорение темпов смены модных циклов обусловили возникновение предприятий, производственный цикл которых позволяет значительно ускорить темпы обновления производства товаров в сегменте так называемой «быстрой моды» (от англ. «fast fashion»). Цифровизация экономики и развитие интернета вещей позволяют предприятиям перейти от производства сезонных коллекций обуви и одежды, традиционно выпускаемых два раза в год, к созданию и обновлению нескольких коллекций в течение одного сезона. В рамках бизнес-модели быстрой моды частота обновления коллекций может доходить до еженедельной, скорость подготовки новой коллекции одежды при этом сокращается до двух-трех недель.

Мировым лидером в сегменте «быстрой моды» является испанская корпорация Inditex, объединяющая несколько брендов (Zara, Oysho, Massimo Dutti, Bershka, Pull and Bear, Zara Home, Stradivarius, Tempe, Lefties и Uterque). Спецификой этой бизнес-модели является чрезвычайно быстрое реагирование на изменение предпочтений потребителей, повышенная гибкость операционной модели, развитие и контроль собственной розничной

⁷⁸⁷ Fashion 4.0. Wie die Digitalisierung die Mode-Industrie (nicht) verändert. – Zugriffsmodus: <https://www.ism.de/aktuelle-insights-brmi/fashion-4-0>. – Zugriffsdatum: 24.07.2018.

сети, использование передовых информационно-коммуникационных технологий, сбор и анализ данных о производстве и реализации в режиме реального времени: «В современной индустрии моды бизнес-модель Inditex все еще довольно редка, – отмечается в литературе. – Большинство предприятий в индустрии моды производят заблаговременные оптовые закупки, поскольку это гораздо дешевле в расчете на единицу продукции, а затем "выталкивают" продукт потребителям. И если одежда не продается, они просто будут "выталкивать" активнее, с большим количеством маркетинга, скидок и специальных предложений. Inditex, напротив, <...> позволяет "вытягивать" свои бизнес-процессы исходя из данных, полученных из магазинов в реальном времени: количественные данные – сколько продается предметов одежды, и качественные данные – почему они продаются»⁷⁸⁸. Собственный центр обработки данных позволяет использовать время (скорость) как конкурентное преимущество. Такие темпы обновления товаров, наряду с условием, что феномен «быстрой моды» характерен в первую очередь для массового производства, служат причиной снижения длительности жизненного цикла продукта, а также относительно невысокого его качества. Как правило, коллекции товаров быстрой моды не выпускаются повторно и отличаются очень большим разнообразием ассортимента.

Феномен «быстрой моды» характеризуется способностью производителей чрезвычайно быстро и массово создавать модную одежду и поставлять ее на рынок. «Быстрая мода относится к растущей тенденции создания коллекций недорогой одежды, которые имитируют текущие тенденции моды и производятся всего за три недели, и основаны на желании потребителей (*массовых потребителей – примечание авторов*) соответствовать последним тенденциям моды по доступным ценам»⁷⁸⁹. Специфика данной бизнес-модели заключается в том, что производители способны быстро реагировать на изменения тенденций моды и потребительских предпочтений и за чрезвычайно короткий промежуток времени обеспечивать создание и поступление в продажу товаров, отвечающих этим тенденциям. По мнению Д. Вальтера, для потребителей «быстрой моды» наиболее важны следующие характеристики: соответствие товара моде, доступность этих товаров, разнообразие и выбор, невысокая

⁷⁸⁸ Amed, I. Inditex: Agile Fashion Force [Electronic resource] / I. Amed, K. Abnett // BoF – The Business of Fashion. – Mode of access: <https://www.businessoffashion.com/articles/intelligence/inditex-agile-fashion-force>. – Date of access: 12.12.2017.

⁷⁸⁹ Banga, N. Fast Fashion – A Growing Phenomena? [Electronic resource] / N. Banga // Allen Austin. – Publ. date 22.07.2016. – Mode of access: <https://allenaustin.com/fast-fashion-a-growing-phenomena/>. – Date of access: 24.07.2018.

цена, соотносимая с качеством, сервис, включающий привлекательный дизайн магазина⁷⁹⁰.

Усиление конкурентной борьбы за потребителей и изменение моделей их поведения, характеризующееся снижением приверженности к определенным брендам, обуславливает действие такого фактора сервисизации экономики как увеличения роли продвижения товаров, включая агрессивное маркетинговое сопровождение, активное развитие собственной привлекательной розничной сети, использование общественно-функциональных технологий в конкурентной борьбе за потребителя.

Поскольку важным атрибутом «быстрой моды» является соответствие товаров последним модным тенденциям, использование этой модели возможно лишь на основе построения механизмов быстрого реагирования на изменения запросов потребителей и высокой гибкости производств. Быстрое реагирование на изменения модных тенденций и запросов потребителей с целью большей синхронизации спроса и предложения за счет сокращения времени производства стало возможным благодаря системе технологических инноваций, активно применяемой в легкой промышленности начиная с 90-х годов XX в. Эта система, включающая в себя внедрение компьютерных систем управления производством, складированием, персоналом, сегодня дополняется возможностью использования анализа больших данных (от англ. big data). «Фактически, это (*быстрое реагирование – примечание авторов*) позволяет производителям корректировать производство в зависимости от хода розничных продаж, чтобы доставлять товары определенного стиля и в нужном количестве для удовлетворения спроса быстрее, более эффективно и менее рискованно»⁷⁹¹. Таким образом, основными характеристиками бизнес-модели «быстрой моды» являются: высокая скорость реагирования на изменение модных тенденций и предпочтений потребителя, короткий жизненный цикл продукта, гибкость производства и цепи поставок, активное использование общественно-функциональных технологий в продвижении товаров.

Использование бизнес-модели «быстрой моды» позволяет минимизировать риски перепроизводства товаров, поскольку предложение в большей степени учитывает запросы потребителей в данный момент времени; сни-

⁷⁹⁰ Walters, D. Demand chain effectiveness – supply chain efficiencies: A role for enterprise information management / D. Walters // Journal of Enterprise Information Management. – 2006. – № 19 (3). – Pp. 246–261. – P. 258.

⁷⁹¹ Tartaglione, A. M. Value creation process in the fast fashion industry. Towards a networking approach / A. M. Tartaglione, E. Antonucci // Service Dominant Logic, Networks & Systems Theory and Service Science: Integrating Three Perspectives for a New Service Agenda : The 2013 Naples Forum on Service, Naples, 2013 / Gummesson, E., Mele, C., Polese, F. (eds.). – Naples, 2013. – 91 p. – P. 10

жать затраты на складирование материалов и готовой продукции, поскольку временной промежуток от создания идеи до выхода на рынок сокращается. Кроме того, «быстрое реагирование и совершенствование дизайна (*как реакция на изменение моды – примечание авторов*) побуждают потребителей платить полную цену, гарантируя компании снижение ожидаемой полезности в результате будущих продаж и увеличение фактической полезности при немедленной покупке по полной цене»⁷⁹². Однако, несмотря на преимущества описанной бизнес-модели, многие производители оказываются не готовы к переходу к ней не только технико-технологически (что связано с необходимостью многократного ускорения производственных циклов), но и исходя из характеристик трудовых ресурсов предприятия. В данном случае трудовые ресурсы должны обладать высоким уровнем креативности, трудовой мотивации, готовностью проявлять высокую скорость работы, низкими инерционными характеристиками. Предприятие должно обладать высоким потенциалом внутренней интеграции и координации, а также увеличения скорости и качества информационного обмена.

В Республике Беларусь предприятием, для бизнес-модели которого характерны признаки «быстрой моды», является ООО «Формэль», выпускающее чулочно-носочные изделия, нижнее белье, одежду, в том числе для спорта, под брендом «Mark Formelle». Число создаваемых капсульных коллекций достигает 170 в год⁷⁹³. Отказ от запуска сезонных коллекций наблюдается и у других белорусских производителей. Например, в ОАО «Лидская обувная фабрика» «практикуют разработку и внедрение отдельно взятых моделей, эта работа ведется постоянно и не зависит от сезона. Скорее она зависит от трендов в моде»⁷⁹⁴. Ускорение модных циклов и распространение в связи с этим бизнес-модели «быстрой моды» оказывает влияние и на традиционные предприятия легкой промышленности, которые вынуждены сокращать жизненные циклы своей продукции и модернизировать управленческие подходы к производству и продвижению своей продукции.

7.3 Особенности развития легкой промышленности в Республике Беларусь

Легкая промышленность обладает рядом конкурентных преимуществ: краткий оборотный цикл продукции, что обеспечивает по сравнению

⁷⁹² Там же. – Р. 11.

⁷⁹³ Mark Formelle [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://markformelle.by>. – Дата доступа: 24.07.2018.

⁷⁹⁴ «Вязаные» кроссовки? Пока их можно увидеть только в экспериментальном цехе Лидской обувной фабрики [Электронный ресурс] / Лидская газета. – Оpubл. 26.06.2018. – Режим доступа: <http://lidanews.by/news/r1/ek1/10682-vjazanye-krossovki>. – Дата доступа: 24.07.2018.

с другими отраслями реального сектора экономики меньше время на компенсацию вложенных в основной капитал средств; меньшая потребность в оборотных средствах в расчете на единицу выпускаемой продукции; наличие местных источников сырья, что позволяет создавать цепочки добавленной стоимости, кооперируя субъекты хозяйствования внутри страны, и снижать риски роста цен на импортное сырье и материалы; устойчивый спрос на продукцию. Вместе с тем в отечественном легпроме сохраняются ограничители перехода к интенсивному пути развития. Легкая промышленность Беларуси развита фрагментарно, в ее функционировании наблюдаются значительные внутренние диспропорции. При этом, как показывает практика, даже наличие мощной государственной поддержки, нового технологического оборудования и серьезного опыта хозяйствования в условиях изменчивой внешней среды не гарантируют хозяйствующим субъектам достижения поставленных целей развития. Финансовая поддержка и технико-технологические инновации сами по себе не обеспечивают расширенное воспроизводство капиталов предприятия (финансового, человеческого, социального и др.).

Легкая промышленность обладает высоким уровнем социальной значимости – одежда и обувь относятся к товарам народного потребления. Среди важнейших видов продукции белорусского легпрома – ткани, в особенности, из химических волокон, хлопчатобумажные и льняные; ковры и ковровые изделия; чулочно-носочные изделия; трикотажные изделия, в особенности, нижнее белье; верхнюю одежду; перчатки, рукавицы и митенки кожаные; кожаные товары; сумки, обувь. Вместе с тем сегодня наблюдается ситуация, когда насыщение внутреннего рынка одежды и обуви в значительной степени осуществляется за счет импортных товаров. В составе советского наследия стране достались крупные промышленные предприятия текстильной, швейной и кожевенно-обувной отраслей, которые еще в середине 90-х гг. прошлого века формировали 8% промышленного производства республики. В тот же период среднесписочная численность работников легкой промышленности достигала 184 тыс. чел., из которых 77 тыс. чел. составляли работники текстильного производства, 71 тыс. чел. – работники швейного производства, 35 тыс. чел. – занятые в производстве кожи, изделий из кожи и производстве обуви. В период 1995–2007 гг. произошло существенное снижение удельного веса легкой промышленности с 8% до 4,1%, после чего этот показатель стабилизировался на уровне 3,5–4%. Совокупность экзогенных (разрыв хозяйственных связей предприятий, потеря крупных рынков сбыта, открытие границ для импорта товаров конкурентов, рост теневого импорта) и эндогенных (недостаток опыта функционирования предприятий в рыночных условиях, нехватка собственных специалистов в области менеджмента и маркетинга, низкая адап-

тивность предприятий госсектора) для отрасли факторов обусловили глубокий кризис легкой промышленности республики. Несмотря на это ряду предприятий удалось продемонстрировать высокую выживаемость за счет повышенных адаптационных свойств и сохранения трудового потенциала.

Сегодня производство текстильных изделий, одежды, изделий из кожи и меха (подсекция СВ Общегосударственного классификатора Республики Беларусь ОКРБ 005–2011 «Виды экономической деятельности») формирует 3,5% ВВП Республики Беларусь. В 2018 г. объем промышленного производства текстильных изделий, одежды, изделий из кожи и меха составил 3 985,1 млн. руб. (3,6% в общем объеме промышленного производства)⁷⁹⁵. Вместе с тем эти данные должны рассматриваться в контексте динамики объемов производства в стоимостном выражении в сопоставимых ценах. Поскольку производство легкая промышленность обладает высокой степенью восприимчивости к внешним шокам и характеризуется быстрым реагированием на изменения среды, в том числе снижение покупательской способности населения как одного из важнейших факторов, постольку изменение объемов производства и рентабельность во многом зависит от благосостояния населения, определяемого динамикой экономических подъемов и спадов.

Тенденции макроэкономической динамики в Республике Беларусь, обусловленные в первую очередь внешними экономическими шоками и временной макроэкономической нестабильностью, характерны и для легкой промышленности. После резкого падения объемов производства в 1995 г. (65,9% от объема 1994 г.) отрасль начала восстанавливаться, в 1997–1998 гг. показав высокие темпы экономического роста. В 1997 г. объем производства вырос на 27,1% от уровня 1996 г., а в 1998 г. – еще на 22,8% от уровня 1997 г. В дальнейшем, с 1999 г. по 2001 г., объемы промышленного производства в целом по отрасли также росли, но менее быстрыми темпами. Исключение составила текстильная отрасль, объемы производства в которой снижались вплоть до 2003 г. Финансовый кризис 2008 г., повлекший за собой кризис реального сектора экономики, негативно сказался на развитии легпрома. Объемы текстильного и швейного производства за 2009 г. сократились на 9,7% по сравнению с 2008 г., объемы производства кожи, изделий из кожи и производства обуви – на 4,6%. В последующий период предприятиям удалось преодолеть эти негативные тенденции, наращивая выпуск в 2010–2012 гг. Внешнеэкономические факторы, оказывавшие влияние на всю промышленность в 2013 г., негативно сказались и на положении предприятий легкой промышленности.

⁷⁹⁵ Промышленность Республики Беларусь, 2019 : статистический сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск : Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2019. – 193 с. – С. 99.

В 2013–2015 гг. объемы производства снижались постоянно ускоряющимися темпами. Лишь по итогам 2016 г. удалось выйти на рост в 4,6% по виду деятельности в целом. Для сравнения, в 2015 г. объем промышленного производства текстильных изделий, одежды, изделий из кожи и меха составил лишь 85% от объема 2014 г. Падение объемов производства в рассматриваемый период сопровождалось и снижением среднесписочной численности работников от 119,5 тыс. чел. в 2011 г. до 85,2 тыс. чел. в 2018 г. (11% и 9,7% в среднесписочной численности работников промышленности соответственно)⁷⁹⁶. Многим предприятиям не удалось выдержать жесткой конкуренции в условиях становления рыночных отношений и открытого рынка. Нехватка качественного недорогого местного сырья, растущий поток импорта текстиля, обуви и одежды (включая теневой) из стран Юго-Восточной Азии, нестабильный внутристрановой спрос на продукцию, высокая зависимость от колебаний на российском рынке сбыта, а также внутренние факторы, такие как устаревшие управленческие, организационные и маркетинговые подходы, обусловили недостаточную эффективность легкой промышленности.

Однако даже в этих условиях многим предприятиям удалось не только адаптироваться к среде, но и достигнуть высоких результатов развития. Сохранению предприятий во многом способствовало развитие кооперации, основанной на изготовлении продукции из давальческого сырья. Распад СССР и последующее установление внешнеторговых барьеров привели к разрыву хозяйственных связей и потере рынков сбыта продукции, что послужило причиной резкого снижения уровня загрузки белорусских предприятий. На многих из них проблема недогрузки производственных мощностей сохраняется и сегодня: например, использование производственных мощностей организациями промышленности по выпуску шерстяных тканей в 2016 г. составило 23,5%, а в 2017 г. – 49,9%, в 2018 г. – 61,7%; обуви (кроме валяной, резиновой и из полимерных материалов) – 53,3%, 61,4% и 62,9%; тканей хлопчатобумажных – 53,9%, 55,3%, 56,4%; тканей из химических волокон – 58,2%, 60,6%, 70,7% соответственно⁷⁹⁷. Многие из отечественных предприятий (ОАО «Бобруйсктрикотаж», ОАО «Элема») сегодня совмещают развитие собственных брендов с изготовлением продукции из давальческого сырья, что обеспечивает относительно стабильные валютные поступления предприятиям и загрузку производственных мощностей. Одно из преиму-

⁷⁹⁶ Промышленность Республики Беларусь, 2019 : статистический сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск : Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2019. – 193 с. – С. 99.

⁷⁹⁷ Промышленность Республики Беларусь, 2019 : статистический сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск : Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2019. – 193 с. – С. 70.

щество изготовления продукции из давальческого сырья – возможность загрузки предприятия, не требующей больших вложений оборотных средств, нехватка которых сегодня является одной из основных проблем развития белорусского легкой промышленности.

Вместе с тем работа с давальческим сырьем имеет и ряд недостатков. Функции, приносящие большую часть добавленной стоимости, присваиваются зарубежными предприятиями (управление спросом, маркетинговые технологии, дизайн, брендинг). В условиях присвоения исключительно производственных функций отечественные производители не могут достигнуть высоких экономических показателей деятельности, одним из которых является рентабельность. В 2016 г. рентабельность реализованной продукции, товаров, работ, услуг в промышленности составила всего 10,2%. На рисунке 7.1 представлена динамика рентабельности реализованной продукции, товаров, работ услуг, рассчитываемая как отношение прибыли от реализации продукции к себестоимости этой продукции, в период с 1995 г. по 2017 г. В среднем в 1995–2010 гг. рентабельность реализованной продукции, товаров, работ услуг в легкой промышленности была ниже, чем в промышленности в целом. Это обусловлено традиционно невысоким уровнем рентабельности продукции в текстильной промышленности. В период 2011–2016 гг. рентабельность реализованной продукции, товаров, работ, услуг в производстве текстильных изделий, одежды, изделий из кожи и меха существенно превышала общепромышленный уровень, за исключением 2014 г.

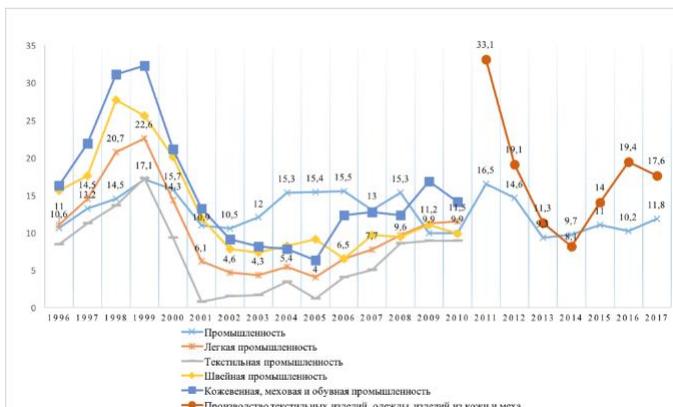

Рис. 7.1 – Рентабельность реализованной продукции в промышленности в 1995–2017 гг. (%)

Источник: собственная разработка авторов на основе⁷⁹⁸

⁷⁹⁸ Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.belstat.gov.by. – Дата доступа: 15.03.2019.

Рентабельность предприятий легкой промышленности, помимо покупательской способности населения, зависит от успешности выбранной маркетинговой стратегии. «Структурные сдвиги в ассортименте оказывают большое влияние на все экономические показатели: объем выпуска в стоимостной оценке, материалоемкость, себестоимость товарной продукции, прибыль, рентабельность,»⁷⁹⁹ – отмечается по этому поводу в литературе. Быстрое и частое обновление ассортимента выпускаемой продукции, сложность прогнозирования спроса на нее, а также свойственная товарам легкой промышленности сезонность обуславливают высокие колебания рентабельности. В то время как в экономике в целом и в промышленности в частности в 2010–2014 гг. этот показатель был хоть и низок, но относительно стабилен – 2,5–6,4% и 2–8,6% соответственно, – в обрабатывающей промышленности он колебался от 2% до 12,3%. В текстильном и швейном производстве, в большей степени подверженном воздействию внешних шоков, показатель рентабельности активов в 2010–2014 гг. составлял от 0,8% до 13,2%, в производстве кожи, изделий из кожи и производстве обуви – от 1,3% до 19,4%. В 2011–2016 гг. рентабельность реализованной продукции в производстве текстильных изделий, одежды, изделий из кожи и меха составляла от 8,1% до 33,1%, существенно превышая общепромышленный уровень, за исключением 2014 г. Несмотря на то, что в среднем в производстве текстильных изделий, одежды, изделий из кожи и меха рентабельность продаж относительно высока (по сравнению с промышленностью в целом), значительным остается удельный вес убыточных организаций – в 2018 г. их доля в исследуемом виде экономической деятельности составила 21,9%.

Все это позволяет заключить, что единая модель развития белорусских предприятий легкой промышленности не сформирована. Наряду с предприятиями-лидерами, сумевшими адаптироваться к новым социально-экономическим условиям благодаря внедрению инноваций, модернизации систем управления, диверсификации экспорта и т. д., существует ряд предприятий, для которых характерны убыточность, отсутствие собственного бренда, «вымывание» человеческого капитала, высокий риск экономической несостоятельности. Отдельную группу составляют крупные предприятия, которым удастся продемонстрировать выживаемость за счет применения широкого спектра мер государственной поддержки. Инвестиции в основном были направлены на техническое перевооружение производственной базы – замену физически и морально устаревшего оборудования, в том числе на высокотехнологичное и энергосберегающее. В этот период крупные инвестиционные проекты легкой промышленности были реализованы

⁷⁹⁹ Петрова, И. В. Эффективный аутсорсинг: Механизм принятия управленческих решений / И. В. Петрова. – Москва : РИОР : Инфра-М, 2017. – 108 с. – С. 39.

в ОАО «БПХО», холдинге «Белорусская кожевенно-обувная компания «Марко», ОАО «Бобруйский кожевенный комбинат», ОАО «Витебские ковры», ОАО «Камволь», ОАО «Лента», ОАО «Минское производственное кожевенное объединение», ОАО «Моготекс», РУПТП «Оршанский льнокомбинат». Внимание государства в первую очередь к текстильным производствам обусловлено тем, что они создают сырьевую базу для швейного и обувного производств и в случае проведения их успешной модернизации можно ожидать получение мультипликационного эффекта в развитии других видов экономической деятельности, в том числе за счет сырьевого импортозамещения. В результате этих мер коэффициент обновления основных средств организаций текстильного и швейного производства в период с 2011 г. по 2015 г. постоянно возрастал (с 6,6% до 9,9%), хотя и в среднем оставаясь ниже общепромышленного уровня.

Отечественные предприятия по-прежнему видят основную составляющую модернизации и инновационного развития в закупке нового оборудования, при этом не уделяя должного внимания рискам, связанным с нехваткой компетенций и мотивации персонала. Это подтверждают и результаты оценки значимости факторов, препятствующих инновационной деятельности в промышленности. Факторы, связанные с компетенциями персонала, организации промышленности чаще всего оценивали как незначительные, что свидетельствует о недооценке человеческого капитала как фактора инновационного развития при декларировании его значимости. В качестве основных факторов, препятствующих внедрению инноваций в белорусской промышленности, предприятиями названы экономические. Их действие усиливается в условиях финансовой нестабильности, что подтверждается снижением удельного веса организаций, осуществляющих технологические инновации, после мирового финансового кризиса в 2009 г. – на 5,5%, а также снижение в 2013–2015 гг. Промышленные предприятия по-прежнему рассматривают собственные средства как основной источник финансирования инноваций, что следует из результатов опроса об основных факторах, препятствующих инновациям, и подтверждается данными о структуре источников финансирования инноваций. На рисунке 7.2 представлены результаты оценки факторов, препятствующих инновационной деятельности, организациями промышленности в 2017 г.

В структуре потребительских расходов домашних хозяйств Республики Беларусь расходы на одежду и обувь в 2018 г. составили 7,8%, уступая лишь расходам на продукты питания⁸⁰⁰. В отличие от других статей

⁸⁰⁰ Беларусь в цифрах, 2019 : статистический справочник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск : Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2019. – 72 с. – С. 23.

потребительских расходов, где по мере роста доходов домашних хозяйств удельный вес в структуре расходов падает (например, продукты питания и безалкогольные напитки; образование; связь) или увеличивается (например, транспорт; предметы домашнего обихода, бытовая техника и уход за домом), по исследуемым группам товаров доля таких расходов колеблется незначительно и составляет в последние годы от 7,5% до 8,3%⁸⁰¹. Это обусловлено тем, что домашние хозяйства, обладающие сравнительно большими располагаемыми ресурсами, потребляют более дорогостоящие товары.

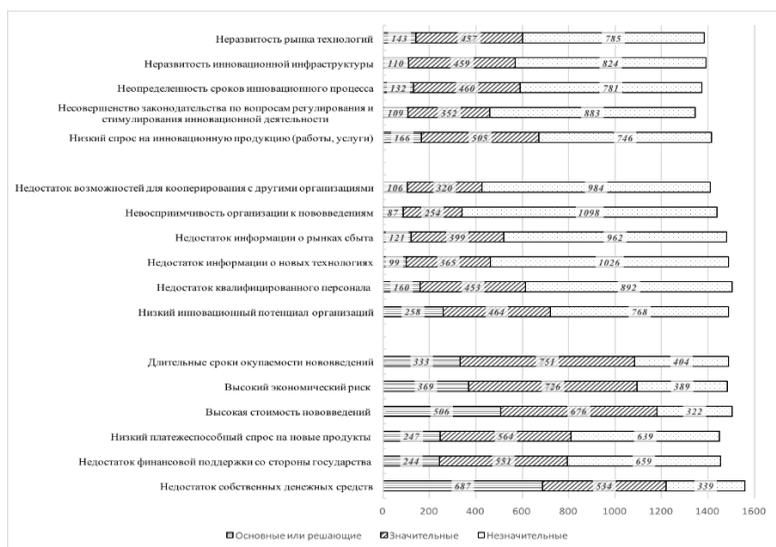

Рис. 7.2 – Факторы, препятствующие инновационной деятельности в 2017 г.
 Источник: собственная разработка авторов на основе⁸⁰²

Сохраняется низкой инновационная активность предприятий по внедрению организационных и маркетинговых инноваций. Остается проблема недооценки роли человеческого капитала как фактора производства и, как следствие, недоинвестирования в его развитие. Это подтверждается как данными, получаемыми в ходе опросов относительно ограничителей ин-

⁸⁰¹ Беларусь и Россия, 2018 : статистический сборник / Федеральная служба государственной статистики, Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – М : Федеральная служба государственной статистики, 2018. – 212 с. – С. 60.

⁸⁰² Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.belstat.gov.by. – Дата доступа: 15.03.2019.

новационной активности, так и статистическими данными, отражающими структуру затрат на инновации. При проведении модернизации предприятий легпрома риски нехватки компетенций и мотивации персонала практически не учитывались. Проблема недоинвестирования в человеческий капитал характерна для большинства отраслей промышленности Республики Беларусь, на что обращают внимания отечественные ученые. В. В. Богатырёва, например, рассматривает инвестиции в человеческий капитал машиностроительной отрасли как фактор ее инновационного развития: «От уровня развития отрасли зависит механизация и автоматизация всего национального промышленного производства, что в условиях становления экономики инновационного типа предопределило прямую зависимость темпов развития наукоемких и высокотехнологичных подотраслей и производств от уровня обеспечения высококвалифицированными кадрами машиностроительной отрасли. <...> Важным критерием повышения эффективности инновационной деятельности становится увеличение расходов субъектов хозяйствования на формирование, развитие, содержание и сохранение человеческого капитала организации»⁸⁰³.

Белорусский рынок одежды и обуви характеризуется тем, что его насыщение осуществляется в значительной степени за счет импортных товаров. Опасения вызывает тот факт, что по некоторым позициям большую часть в структуре продаж организациями торговли составляют товары иностранного происхождения. Кроме того, по экспертным оценкам до 50% ввозимой в страну продукции является контрафактной⁸⁰⁴. Импортеры продолжают чувствовать себя довольно уверенно на белорусском рынке. Об этом свидетельствует как соотношение импортной и отечественной продукции на розничном рынке верхней одежды и на рынке трикотажной одежды – приблизительно 60 на 40%, на рынке головных уборов – 80 на 20%, на рынке обуви – 55 на 45%, на рынке нижнего белья – 30 на 70%, на рынке чулочно-носочных изделий – 20 на 80%, так и отрицательная динамика по данным показателям⁸⁰⁵. Доля отечественных товаров легкой промышленности в розничном товарообороте в период 2011–2018 гг. падала почти по всем исследуемым позициям.

⁸⁰³ Богатырёва, В. В. Необходимость оценки человеческого капитала машиностроительной отрасли Республики Беларусь / В. В. Богатырёва // Инновационные технологии в машиностроении : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 35-летию машиностроительному факультету ПГУ, Новополоцк, 19-20 окт. 2011 г. – Новополоцк, 2011. – С. 18–21. – С. 19–20.

⁸⁰⁴ «Не могут носки стоить 20 копеек». Сколько контрафактного товара легпрома попадает в Беларусь [Электронный ресурс] / TUT.BY // 04.06.2018. – Режим доступа: <https://finance.tut.by/news595373.html?crnd=30760>. – Дата доступа: 12.01.2019.

⁸⁰⁵ Розничная и оптовая торговля, общественное питание в Республике Беларусь, 2019 : статистический сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск : Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2019. – 222 с. – С. 79.

Проведенный анализ развития легкой промышленности в Республике Беларусь позволил установить, что в отрасли сохраняются ограничители ее конкурентоспособности. При определении направлений стимулирования развития отрасли следует исходить из того, что «Республика Беларусь – это молодое динамично развивающееся государство, экономическая система которого функционирует в условиях диалектического единства общего и особенного. Реальные экономические отношения у нас развиваются под воздействием универсальных экономических законов и закономерностей, трансформирующихся под воздействием уникальных белорусских институциональных особенностей. В виду этих особенностей для нашей страны не применимо слепое копирование теоретических подходов и практических механизмов, выработанных и использованных в других социумах»⁸⁰⁶.

Важнейшей проблемой в белорусской легкой промышленности является низкая производительность труда, которая существенно отстает не только от средневропейской, что характерно практически для всех отраслей экономики, но и от показателей других отраслей отечественной промышленности. В период 2014–2015 гг. произошло как сокращение расходов на оплату труда в производстве текстильных изделий, одежды, изделий из кожи и меха, так и снижение производительности труда. После снижения производительности труда в 2009 г. в рассматриваемом виде деятельности наблюдался постоянный ее рост до 2014 г., когда в текстильном и швейном производстве производительность труда составила 96,6% от уровня 2013 г., в 2015 г. – 99,3% от уровня 2014 г., в производстве кожи, изделий из кожи и производстве обуви – 91% и 90,1% соответственно.

Меры по повышению производительности труда, основанные на модернизации и автоматизации производства, не приводят к ожидаемым эффектам, если не сопровождаются усилением роли услуг промышленного характера. Тенденция терциализации свойственна для современной экономики в целом, где «на первый план выходят проектирование и разработка и послепродажное обслуживание, а не само производство, что стало новым толчком для развития таких услуг промышленного характера как НИОКР, инжиниринг, дизайн, а также ряд маркетинговых услуг, нацеленных на долгосрочную работу с клиентами»⁸⁰⁷. Для легкой промышленности характерны специфические услуги промышленного характера, связанные с маркетинговыми технологиями, в том числе управлением спросом, дизайном, продвижением товаров. Для преодоления проблемы техноло-

⁸⁰⁶ Солодовников, С. Ю. Социальный капитал как экономический ресурс / С. Ю. Солодовников // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д. Экон. и юрид. науки. – 2015. – № 5. – С. 2–9. – С. 2.

⁸⁰⁷ Мелешко, Ю. В. Актуальные тенденции развития услуг промышленного характера в Республике Беларусь в контексте терциализации промышленности / Ю. В. Мелешко // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. Минск, 2018. – Вып. 8. – С. 166–179. – С. 167.

гической отсталости предприятий легкой промышленности необходимо перераспределять ресурсы в развитие услуг промышленного характера.

Уровень оплаты труда в производстве текстильных изделий, одежды, изделий из кожи и меха остается самым низким в промышленности Республики Беларусь – по данным 2018 г. номинальная начисленная среднемесячная заработная плата работников отрасли составила всего 666,3 бел. руб. или 67% от уровня в обрабатывающей промышленности⁸⁰⁸. Фактор низкой оплаты труда работников действует по-разному в отношении различных групп работников. Для производственного персонала, помимо заработной платы, относительно сильно действуют прочие стимулы к труду – для более молодых работников это возможность набраться опыта и в дальнейшем уйти в сегмент самозанятости; для работников среднего возраста – возможность пользоваться оборудованием предприятия в собственных целях, нежелание получать другую профессию; для работников старшего возраста – отсутствие достойных альтернатив, поскольку большинство работников легкой промышленности составляют женщины (соотношение женщин и мужчин составляет 75,5% на 24,5), для которых на белорусском рынке труда сохраняется определенная степень неравенства (отношение средней заработной платы женщин к средней заработной плате мужчин составляет 71,1%⁸⁰⁹). И если, исходя из этого, низкая заработная плата не в полной мере действует в качестве ограничителя для производственного персонала, то в отношении управленцев, менеджеров, маркетологов, работников сбытовых, кадровых и прочих служб, где труд обладает меньшей отраслевой спецификой, данный фактор снижает мотивацию к труду и становится ограничителем в привлечении работников с более высокими компетенциями. Это, в свою очередь, становится препятствием в осуществлении технологического скачка отечественных предприятий легкой промышленности с тем, чтобы достичь уровня конкурентоспособности основных конкурентов-импортеров хотя бы на внутреннем рынке.

Говоря о необходимости качественного технологического скачка мы исходим из того, что «Беларусь в виду отсутствия у нее мало-мальски значимых природных ресурсов (за исключением месторождений калийных удобрений) сделала ставку на формирование и использование такого специфического экономического ресурса, как инновации. Причем в большинстве случаев – это общественно функциональные, а не технико-технологические инновационные

⁸⁰⁸ Промышленность Республики Беларусь, 2019 : статистический сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск : Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2019. – 193 с. – С. 58.

⁸⁰⁹ Труд и занятость в Республике Беларусь, 2018 : статистический сборник/ Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск : Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2018. – 309 с. – С. 282.

решения»⁸¹⁰. Сегодня легкая промышленность страны остро нуждается не в технико-технологической, а в организационно-управленческой модернизации, направленной на расширение использования общественно-функциональных технологий, которые позволяют управлять факторами потребительского выбора, основанными в том числе на механизмах социальной демонстрации. В современной экономике происходят радикальные изменения методов и инструментов ведения конкурентной борьбы. В системе продвижения товаров и услуг активно развиваются и усложняются формы общественно-функциональных технологий, позволяющие изменить экономическую логику потребления. При осуществлении потребительского выбора в отношении продукции легкой промышленности снижается значимость ценовых факторов. Вследствие интенсификации потребления качество этих товаров также перестает играть определяющую роль при покупке. Все большее влияние на потребительский выбор оказывают общественно-функциональные технологии (реклама, брендинг, формирование имиджа предприятия). Общественно-функциональные технологии, частным случаем которых является использование моды как хозяйственного блага, позволяют навязать потребителю псевдомотивы, отвечающие не его экономическим интересам, а интересам производителей товаров легкой промышленности. Управление механизмами социальной демонстрации служит интенсификации потребления, а также разрыву традиционной триады факторов потребительского выбора – цены, соотносимой с доходом; полезности, определяемой качеством продукта; индивидуальных предпочтений. Отечественная продукция легкой промышленности проигрывает зарубежной не по критериям цены и качества продукции, а в применяемых технологиях управления потребительским выбором.

Ранее мы подчеркивали, что «исходя из специфики белорусской экономической модели (инновационная, социально-ориентированная, преимущественно рыночная) и современных глобальных императивов Республике Беларусь необходимо формировать устойчивый внутренний спрос как основу высоких темпов экономического роста за счет социальных эффектов, когда постоянный рост благосостояния, и, соответственно, спроса, населения, обеспечивает расширенное общественное воспроизводство за счет давления спроса»⁸¹¹. Однако эффекты роста благосостояния населения, получаемые за счет опережающего развития других отрас-

⁸¹⁰ Солодовников, С. Ю. Феноменологическая природа взаимообусловленности экономической конкурентоспособности и социального капитала Беларуси и Украины / С. Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2015. – Вып. 3. – С. 23–34. – С. 31.

⁸¹¹ Солодовников, С. Ю. Перспективы и механизмы развития и капитализации социального потенциала Республики Беларусь / С. Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2013. – Вып. 1. – С. 5–33. – С. 10–11.

лей экономики и которые могла бы получать отечественная легкая промышленность, нивелируются за счет перераспределения внутреннего спроса на продукцию зарубежных производителей.

Поскольку барьеры вхождения в отрасль довольно низки, в производстве текстильных изделий, одежды, изделий из кожи и меха задействовано большое количество субъектов и их количество быстро и заметно меняется. Число организаций отрасли в 2018 г. составило 1 611, причем колебания этого числа значительно выше, чем в среднем по промышленности – в период с 2011 г. по 2018 г. они составляли до 11,2% в год. Это обусловлено и довольно высоким удельным весом малых и микроорганизаций – в структуре из них 1 455 малых и микроорганизаций. Удельный вес малых и микроорганизаций в общем объеме производства текстильных изделий, одежды, изделий из кожи и меха в 2018 г. составил 19,8%⁸¹². В оценке технологического развития легкой промышленности важен не только сам по себе уровень технологий, а их равномерное распределение. Техничко-технологический уровень малых и микроорганизаций, как правило, очень низкий, поэтому следует рассматривать возможности их кооперирования с крупными субъектами хозяйствования вне зависимости от форм собственности, обладающих модернизированными производственными системами, но недостаточным творческим потенциалом.

Полученные при анализе результаты свидетельствуют о наличии внутренних резервов для развития легкой промышленности в Республике Беларусь на качественно новых технологических основах. Поскольку сегодня значительную нишу на внутреннем рынке занимают иностранные производители, постольку актуальным представляется стимулирование развития легкой промышленности и индустрии моды в Республике Беларусь. Кроме того, по прогнозам McKinsey Global Fashion Index в ближайшие годы будет наблюдаться рост мировых продаж модной индустрии на уровне 3,5–4,5% в год⁸¹³, что будет способствовать реализации экспортного потенциала отечественных предприятий.

Поскольку Республика Беларусь – социальное государство, в котором соблюдаются социально-трудовые и экологические гарантии, достижение резкого повышения производительности за счет количественной интенсификации использования человеческих ресурсов для снижения себестоимости в легкой промышленности, не представляется целесообразным. Техничко-технологическая модернизация, хотя и проводится в нашей

⁸¹² Промышленность Республики Беларусь, 2019 : статистический сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск : Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2019. – 193 с. – С. 29, С. 196.

⁸¹³ The State of Fashion, 2018 // BoF ; McKinsey&Company. – 2018. – 85 p. – P. 78.

стране, не приносит ожидаемых экономических эффектов, поскольку является дорогостоящей и обладает длительным сроком окупаемости при сохранении традиционных бизнес-моделей в легкой промышленности. Ставка на снижение импортостойкости производимой продукции также не оправдывает себя в полной мере, поскольку механизмы реализации этого направления сохраняют в себе существенный компонент административного характера (как, например, временные запреты на вывоз необработанных шкур крупного рогатого скота для обеспечения этим сырьем по низким ценам внутренний рынок). Перераспределение внутреннего спроса от отечественных к зарубежным товарам вследствие описанных проблем нивелируют эффекты роста благосостояния населения, получаемые за счет опережающего развития других отраслей экономики и которые могла бы получать отечественная легкая промышленность. Исходя из этого, необходимо дополнить существующие ориентиры развития производства текстильных изделий, одежды, изделий из кожи и меха (снижение импортостойкости производимой продукции, повышение производительности труда, технико-технологическая модернизация) новыми направлениями, обеспечивающими распространение общественно-функциональных технологий, развитие услуг промышленного характера, отказ от жесткой привязки роста заработной платы к росту производительности труда, кооперирование субъектов хозяйствования различных форм собственности и масштабов.

В результате проведенного анализа установлено, что производству текстильных изделий, одежды, изделий из кожи и меха не удалось сохранить конкурентоспособность на внутреннем рынке, насыщение которого осуществляется за счет импортных товаров. Экономические показатели развития отрасли характеризуются высокой зависимостью от покупательской способности населения и неценовых факторов, а отрасль в целом высоко восприимчива к внешним шокам и быстро реагирует на изменения внешней среды. Это, наряду с быстрым и частым обновлением ассортимента выпускаемой продукции, сложностью прогнозирования спроса на нее, а также сезонностью спроса, обуславливает резкие колебания показателей рентабельности реализованной продукции, выручки и объема располагаемых оборотных средств, что негативно влияет на финансовую устойчивость предприятий. Несмотря на постоянное снижение среднесписочной численности работников и проводимую модернизацию производства, ожидаемого повышения производительности труда в отрасли не произошло. Низкая заработная плата в отрасли является ограничителем в привлечении высококвалифицированных управленческих кадров, что становится препятствием в осуществлении технологического скачка отечественных предприятий легкой промышленности.

Отечественному производителю следует учитывать существующие глобальные тенденции и возникающие угрозы при определении своей

роли и места в структуре мирового производства, складывающейся в результате международного разделения труда. Поскольку белорусским предприятиям конкурировать с азиатскими производителями одежды сегодня практически невозможно (за исключением сегмента пошива более дорогой одежды, где заказчиками соблюдаются высокие стандарты качества, одежды из местного сырья, или в случае, где особенно важен географический и временной фактор – близость к конечному европейскому потребителю), постольку следует концентрироваться на использовании тех конкурентных преимуществ, которыми обладает наша страна – в первую очередь, креативный и интеллектуальный потенциал. На основании проведенного анализа предложены меры по распространению общественно-функциональных технологий, развитию услуг промышленного характера, отказу от жесткой привязки роста заработной платы к росту производительности труда, кооперированию субъектов хозяйствования различных форм собственности и масштабов, направленных на повышение конкурентоспособности отечественных предприятий.

7.4 Стимулирование развития легкой промышленности Республики Беларусь

Стратегию развития легкой промышленности в стране разрабатывает концерн «Беллепром». Целью корректировки Программы развития легкой промышленности на 2015–2020 годы с перспективой до 2030 года, утвержденной Постановлением Совета концерна «Беллепром» 24 мая 2018 г. № 2 определено «своевременное принятие стратегических решений по повышению конкурентоспособности отрасли и ее имиджа, привлечение инвестиций»⁸¹⁴. На уровне отраслевого управления присутствует видение проблемы недостаточной конкурентоспособности легкой промышленности Республики Беларусь⁸¹⁵, а также ее невысокого имиджа среди потребителей. Кроме того, управленцами справедливо подчеркивается возрастающая значимость в повышении конкурентоспособности отечественной легкой промышленности управления продвижением товаров⁸¹⁶, необходимость

⁸¹⁴ Программа развития легкой промышленности на 2015–2020 годы с перспективой до 2030 года (редакция от 24.05.2018 г.) : утв. Постановлением Советом концерна «Беллепром» 24 мая 2018 г. – Минск : Белорусский государственный концерн по производству и реализации товаров легкой промышленности, 2018. – 45 с. – С. 7.

⁸¹⁵ Татьяна Лугина о белорусском льне, секонд-хенде, индустрии 4.0 и будущем Беллепрома [Электронный ресурс] / «Марков. Ничего личного». Общественное телевидение. – Оpubл. 15.07.2019. – Режим доступа: <https://ont.by/news/tatyana-lugina-o-beloruskom-lne-sekond-hende-industrii-40-i-budushem-belleproma>. – Дата доступа: 29.08.2019.

⁸¹⁶ Там же.

опережающего развития которого нами была обоснована ранее⁸¹⁷. Так, по словам назначенного в мае 2019 г. председателя концерна «Беллепром» Татьяна Лугиной, «одна из стратегических задач – поднять престиж отечественной продукции. У нас есть кадры, предприятия, новейшее оборудование. Единственное – надо усилить работу по маркетингу, продвижению своей продукции»⁸¹⁸. В целом же в белорусской легкой промышленности сохраняется общая стратегия развития, направленная на производство потребительских товаров по невысоким ценам и с относительно высоким качеством. Вместе с тем традиционных инструментов повышения конкурентоспособности отечественных предприятий легкой промышленности становится недостаточно, что обуславливает актуальность заявленной проблемы.

Прежде чем перейти непосредственно к предмету нашего исследования – стимулированию развития легкой промышленности Республики Беларусь в контексте повышения конкурентоспособности предприятий, – следует начать с определения исходных понятий, которые мы будем использовать в дальнейшем, а именно конкурентоспособность предприятия и стимулирование развития легкой промышленности. Следует согласиться с подходом Г. А. Яшевой, Н. Л. Прокофьевой и В. В. Квасниковой, которые дифференцируют конкурентоспособность исходя из объекта, разграничивая конкурентоспособность товара, предприятия и отрасли⁸¹⁹. Конкурентоспособность предприятия во многом определяется уровнем конкурентоспособности производимого товара, т. е. свойством «товара удовлетворять потребности целевых покупателей в большей степени и с меньшими затратами по сравнению с товарами конкурентов»⁸²⁰. Вместе с тем конкурентоспособность предприятия более

⁸¹⁷ Сергиевич, Т. В. Коллаборация в производстве товаров интенсивного обновления / Т. В. Сергиевич // Наука – образованию, производству, экономике : материалы 16-й Международ. науч.-техн. конф. (71-й науч.-техн. конф. проф.-преп. состава, научных работников, докторантов и аспирантов БНТУ) в 4 томах. Том. 4, Минск / БНТУ. – Минск, 2018. – С. 105; Сергиевич, Т. В. Перспективы и направления развития производства товаров интенсивного обновления в Республике Беларусь / Т. В. Сергиевич // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д. Экон. и юрид. науки. – 2017. – № 14. – С. 32–40. – С. 38.

⁸¹⁸ «Беллепром» будет производить больше стильной одежды для деловых женщин – Лугина [Электронный ресурс] / БЕЛТА. – Оpubл.16.05.2019. – Режим доступа: https://www.belta.by/economics/view/belleprom-budet-proizvodit-bolshe-stilnoj-odezhdy-dlja-delovyh-zhenschin-lugina-347589-2019/?utm_source=belta&utm_medium=news&utm_campaign=accent. – Дата доступа: 25.07.2019.

⁸¹⁹ Яшева, Г. А. Конкурентоспособность предприятий легкой промышленности: оценка и направления повышения / Г. А. Яшева, Н. Л. Прокофьева, В. В. Квасникова. – Витебск : УО «ВГТУ», 2003. – 302 с. – С. 44–49.

⁸²⁰ Яшева, Г. А. Конкурентоспособность предприятий легкой промышленности: оценка и направления повышения / Г. А. Яшева, Н. Л. Прокофьева, В. В. Квасникова. – Витебск : УО «ВГТУ», 2003. – 302 с. – С. 46.

устойчива, чем конкурентоспособность товара. Для ее повышения или снижения требуется большее количество времени, на нее влияет большее число различных внешних и внутренних факторов, удельный вес и степени влияния этих факторов, как правило, меньшая. Кроме того, понятие конкурентоспособности предприятия не следует суживать исключительно до конкурентоспособности на рынке сбыта товаров и услуг, поскольку это может привести к отождествлению конкурентоспособности различных объектов и субъектов и сведению конкурентоспособности предприятия, отрасли, национальной экономики исключительно к способности производимого товара удовлетворять потребность покупателя в большей мере или с меньшими затратами, чем товара конкурентов. В. В. Богатырёва и С. Н. Костюкова рассматривают такое сужение как «маркетинговый подход к ведению бизнеса – удовлетворение потребностей клиента наилучшим, чем у конкурентов способом»⁸²¹. Такое сужение содержания экономической категории конкурентоспособности предприятия не позволяет учесть факторы конкурентоспособности предприятия, которые не действуют (или действуют в иначе) в отношении качества и цены товара. К таким факторам относятся адаптационные и инновационные возможности предприятия, которые определяют скорость и характер реагирования на изменения внешней среды. Например, возможность быстро поставить на рынок товар, пользующийся повышенным спросом, в нужном количестве. В таком случае товар будет конкурентоспособен, а предприятие – нет, поскольку не может скоординировать ресурсы таким образом, чтобы удовлетворить возникшую потребность на рынке.

Предприятие в преимущественно рыночной экономике, помимо рынка товаров и услуг, может быть представлено также на рынках труда, финансовом рынке и т. д., и его позиции на этих рынках определяются также понятием конкурентоспособности. Например, на рынке труда существует конкуренция за человеческие ресурсы более высокого качества – работников (и потенциальных работников), обладающие определенным сочетанием квалификации, компетенций, опыта, возраста, зарплатных притязаний. Вслед за В. В. Богатырёвой, придерживаемся взгляда на человеческие ресурсы как на «совокупность задействованных и незадействованных в финансово-хозяйственной деятельности организации знаний, навыков, умений, способностей ее (этой организации) работников. <...> Человеческие ресурсы – это не только способность к труду в настоящее время, – справедливо подчеркивает данный ученый, – но и способность развивать уже имеющиеся возможности, и приумножение опыта, а также желание

⁸²¹ Богатырёва, В. В. Управление конкурентоспособностью строительных организаций: сущность, направления совершенствования, зарубежный опыт / В. В. Богатырёва, С. Н. Костюкова // Российский экономический интернет-журнал. – 2016. – № 4. – 8 с. – С. 5

передать свой опыт»⁸²². В данном контексте конкурентоспособность предприятия определяется степенью его привлекательности как работодателя и зависит от таких факторов как предлагаемая заработная плата, социальные гарантии, комфорт рабочего места, расположение, перспективы карьерного роста, имидж самого предприятия. Исходя из этого, конкурентоспособность предприятия можно определить как совокупность адаптационных, инновационных, кадровых, организационно-управленческих, технико-технологических и воспроизводственных характеристик предприятия, обеспечивающих на основе комбинации имеющихся хозяйственных ресурсов приобретение и сохранение сравнительных преимуществ, определяемых по результатам взаимодействия с иными субъектами.

Поскольку конкурентоспособность предприятия складывается под воздействием не только внутренних, но и внешних факторов, ключевую роль в ее формировании и сохранении играет экономическое стимулирование как создание благоприятных условий для развития объекта. Для того, чтобы отечественные предприятия легкой промышленности могли реализовать свой производственный потенциал с последующим увеличением присутствия на внешних рынках сбыта посредством наращивания объемов и географической и ассортиментной диверсификации экспорта, а также на внутренних – посредством вытеснения зарубежных конкурентов, в том числе недобросовестных, необходимым представляется теоретическое обоснование направлений стимулирования развития легкой промышленности.

Нами уже проводились исследования, посвященные теоретико-методологическим основам экономического стимулирования производства товаров интенсивного обновления⁸²³. В частности, были выделены сложившиеся в научной литературе подходы к трактовке экономического стимулирования. С учетом специфики организационно-экономического механизма этого производства, направленного на поддержание устойчивой конкурентоспособности отечественных производителей товаров интенсивного обновления на основе своевременного реагирования на изменения потребительского спроса и тенденций моды, а также учета инновационных факторов, в качестве цели экономического стимулирования производства товаров интенсивного обновления определено «внедрение технологических и креативных инноваций, которые обеспечат не только создание новых, но и использование существующих конкурентных преимуществ»⁸²⁴ предприятия.

⁸²² Богатырёва, В. В. Теоретико-методологические основы взаимосвязи финансовых ресурсов и человеческого капитала организации / В. В. Богатырёва // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д. Экон. и юрид. науки. – 2011. – № 6. – С. 48–52.

⁸²³ Сергиевич, Т. В. Экономическое стимулирование производства товаров интенсивного обновления: теоретико-методологические основы / Т. В. Сергиевич // Право. Экономика. Психология. – 2017. – № 3 (8). – С. 49–55.

⁸²⁴ Сергиевич, Т. В. Особенности экономического стимулирования производства товаров интенсивного обновления: теоретическое и методологическое обобщение /

В контексте исследования экономического стимулирования на предприятии по производству товаров интенсивного обновления получен вывод о том, что «вне зависимости от того, разграничивают ли исследователи систему поощрений и систему наказаний или объединяют эти меры в системе экономического стимулирования, речь идет по существу об одном и том же, а именно: функцией экономического стимулирования на предприятии является производство желаемого поведения работника с использованием определенных технологий»⁸²⁵. Основными задачами экономического стимулирования на предприятии являются «изменение структуры трудовых ресурсов, обусловленной спецификой производимых товаров, и повышение заинтересованности в трудовой активности работников»⁸²⁶.

В узком смысле экономическое стимулирование на предприятии по производству товаров интенсивного обновления нами было определено как «разновидность общественно-функциональных технологий, направленных на производство желаемого для работодателя поведения наемных работников с применением инструментов целенаправленной дифференциации и распределения социальных и экономических благ, в том числе возможностей карьерного роста и реализации личностного творческого потенциала, с целью интенсификации производства и продвижения этих товаров на основе оптимизации сочетания имеющихся и привлечения недостающих факторов производства. Эти блага предоставляются наемному работнику в зависимости от степени и качества реализации находящихся в зоне его ответственности трудовых функций и обеспечивают удовлетворение его потребностей на определенном уровне»⁸²⁷. Подход, согласно которому эффективность труда является важнейшим фактором конкурентоспособности, разделяет и А. А. Пороховский: «уровень конкурентоспособности национальной экономики имеет громадное значение в современном мире, – справедливо подчеркивает ученый. – Сам по себе уровень определяется целым набором параметров, но решающую роль играет показатель производительности труда производственных рабочих. Существует прямая связь между производительностью в обрабатывающей промышленности и конкурентоспособностью страны на мировой

Т. В. Сергиевич // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Серия: Теория и практика управления. – 2017. – № 18 (23). – С. 48–55. – С. 53.

⁸²⁵ Сергиевич, Т. В. Экономическое стимулирование производства товаров интенсивного обновления: теоретико-методологические основы / Т. В. Сергиевич // Право. Экономика. Психология. – 2017. – № 3 (8). – С. 49–55. – С. 54.

⁸²⁶ Там же. – С. 54.

⁸²⁷ Горизонтальная культура социальных взаимодействий – потенциал развития экономики и общества в XXI веке / С. Ю. Солодовников [и др.]. – Минск : БНТУ, 2018. – 325 с. – С. 241–242.

арене. Более того, обрабатывающая промышленность создает физическую, материальную основу для всех других отраслей, в том числе отраслей сферы услуг, в известной мере предопределяя и их конкурентоспособность»⁸²⁸. Эффективность экономического стимулирования на предприятии определяет уровень трудовой мотивации и структуру занятых и потенциально занятых (кадровые и инновационные характеристики); изменение организационной структуры предприятия (организационно-управленческие и адаптационные характеристики); уровень реализации личностного творческого потенциала (техничко-технологические характеристики); обеспечение жизнеспособности предприятия в целом (воспроизводственные характеристики).

Для того, чтобы отечественные предприятия легкой промышленности могли реализовать свой производственный потенциал с последующим увеличением присутствия на внешних рынках сбыта посредством наращивания объемов и географической и ассортиментной диверсификации экспорта, а также на внутренних – посредством вытеснения зарубежных конкурентов, в том числе недобросовестных, необходимым представляется теоретическое обоснование направлений стимулирования развития легкой промышленности. В более широкой трактовке стимулирование развития легкой промышленности представляет собой создание экономических, институциональных и организационно-правовых условий, способствующих повышению конкурентоспособности отечественной легкой промышленности и индустрии моды.

Важнейшей мерой стимулирования легкой промышленности является реализация политики импортозамещения. «Импортозамещение означает не просто линейное либо механическое снижение объемов или доли импорта, – справедливо подчеркивает Д. Эпштейн, – а проведение плановой и рассчитанной политики, жестко нацеленной на создание отечественной промышленной базы на современной основе, полностью обеспечивающей экономическую и стратегическую независимость страны, а также ее обороноспособность на самом высоком техническом и научно-техническом уровне»⁸²⁹, то есть повышение конкурентоспособности отечественного промышленного комплекса. При реализации импортозамещения важно не просто развивать возможности национального рынка в отношении собственной продукции, хотя и это критически важно в отношении легпрома в условиях высокой доли импортной продукции на внутреннем

⁸²⁸ Пороховский, А. А. Обрабатывающая промышленность в сервисной экономике / А. А. Пороховский // США & Канада. Экономика. Политика. Культура. – 2018. – № 6. – С. 23–40. – С. 24.

⁸²⁹ Эпштейн, Д. Импортозамещение и неоиндустриализация – что необходимо делать / Д. Эпштейн // Экономист. – 2016. – № 2. – С. 23–32. – С. 28.

рынке, а наращивать экспортные преимущества. «Импортозамещение всегда должно сочетаться со стратегией активизации экспортной деятельности: увеличением доли средне- и высокотехнологичного экспорта; закреплением уже завоеванных международных рынков (ниш на данных рынках) товаров и услуг; выстраиванием новой системы торгово-финансовых отношений; развитием экономического партнерства с максимально широким кругом стран»⁸³⁰. Трактовка импортозамещения шире, нежели замена импортируемых в страну товаров отечественными, позволяет обосновать ориентацию на рынок Евразийского экономического союза в вытеснении импортируемых товаров из третьих стран белорусской продукцией, поскольку внутренний рынок Республики Беларусь невелик относительно потенциала отечественного производства легкой промышленности. Таким образом, наращивание экспорта является фактором, способствующим импортозамещению, поскольку увеличение присутствия на внешних рынках неизбежно приведет к возможностям расширения присутствия внутри страны.

Следующей мерой стимулирования развития легкой промышленности, определяющей конкурентоспособность этих предприятий, является создание благоприятных условий для внутриотраслевого (создание вертикально интегрированных структур от производства ткани до производства готовой продукции) и межотраслевого (горизонтальная кооперация субъектов индустрии моды и легкой промышленности с субъектами, предоставляющими услуги НИОКР и информационно-коммуникационные услуги) сотрудничества. «В настоящее время в экономической науке все большее значение приобретает изучение сотрудничества между хозяйственными субъектами как основы повышения их конкурентоспособности. При этом акцент делается на том обстоятельстве, что смитианские взгляды на рыночную ситуацию, как поле конкурентной борьбы всех со всеми сегодня безнадежно устарели»⁸³¹. Формы конкуренции видоизменяются. Сегодня конкуренция между группой субъектов сосуществует с сотрудничеством внутри той же группы, что образует сети, внутри которых появляются новые формы взаимодействия. Участие в сетевых структурах порождает новые конкурентные преимущества по отношению к субъектам вне сети. В контексте исследования современных тенденций развития форм межсубъектных взаимодействий Л. П. Васюченко справедливо указывает на преимущества современных сетевых структур: «кооперационный сетевой механизм координации деятельности субъектов

⁸³⁰ Татаркин, А. Уроки зарубежного опыта импортозамещения // А. Татаркин, И. Макарова, Р. Рудаков // *Экономист*. – 2016. – № 5. – С. 14–29. – С. 20.

⁸³¹ Солодовников, С. Ю. Влияние расширения Таможенного союза на экономическую конкурентоспособность Беларуси и Армении / С. Ю. Солодовников, Т. В. Иванова // *Экономическая наука сегодня* : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2016. – Вып. 4. – С. 211–217. – С. 188.

нейтрализует недостатки иерархического и рыночного экономического порядков, синтезируя их преимущества. Отрасли и территории, корпорации и государства перестраиваются в кластеры и сетевые структуры – более гибкие, чем иерархии, и менее атомистичные, чем рынки»⁸³², что, с одной стороны, обеспечивает их участникам определенную степень свободы и тем самым снижает транзакционные издержки на принятие и реализацию решений, а с другой – аккумулирует социальный капитал и информационный капитал внутри сети, что также является дополнительным конкурентным преимуществом. Использование сетей как форм организации повышает гибкость современных социально-экономических систем, что позволяет эффективно использовать такой хозяйственный ресурс как время. В особенности это касается тех сегментов, где обновление товаров происходит с повышенной скоростью – например, в сегменте «быстрой моды».

Необходимость создания благоприятных экономических и институциональных условий для развития современных форм сетевого сотрудничества определяется практикой хозяйствования, когда инициатива такого сотрудничества исходит «снизу», то есть не от органов государственного и отраслевого управления, а от представителей бизнеса. В легкой промышленности распространение получает такая форма горизонтального взаимодействия как коллаборация.

В литературе под коллаборацией в самом общем плане понимается «процесс формальных и неформальных согласований между автономными игроками, в ходе которого они создают совместные правила и организации для регулирования своих взаимодействий и направлений деятельности или решают объединяющие их задачи»⁸³³. Такое определение, хоть и является справедливым, однако требует некоторых уточнений, т. к. не в полной мере отражает специфику этого явления. Чаще всего понятие «коллаборация» используется для обозначения кратковременного, взаимовыгодного, не сопровождающегося трансфером прав собственности сотрудничества в модной индустрии с целью выпуска новой коллекции одежды или обуви. При этом коллаборация может быть реализована не только при создании модных товаров. Распространение в экономике получили научные, научно-технические и творческие коллаборации. «На микроуровне, – справедливо отмечает О. В. Иншаков, – в коллаборации

⁸³² Васюченко, Л. П. Некоторые вопросы теории развития сетевых структур / Л. П. Васюченко // Менеджмент предпринимательской деятельности : материалы XVI международной научно-практической конференции преподавателей, докторантов, аспирантов и студентов, Симферополь, 12–13 апр. 2018 г. / отв. ред. Н. Д. Стахно, О. Е. Почупайло. – Симферополь, 2018. – С. 92–96. – С. 92.

⁸³³ Thomson, A. M. Collaboration Processes: Inside the Black Box / A. M. Thomson, J. L. Perry // Public Administration Review. – 2006. – Vol. 66. – P. 20–32. – P. 23.

воплощается конвергенция интересов наиболее передовых субъектов глобальной экономической системы, ищущих новаторские решения модернизации или трансформации состава и структуры производимых товаров посредством создания следующих поколений (более совершенных генераций разного уровня и масштаба) или перехода к принципиально новым продуктам, предлагаемым следующим технологическим укладом на основе внедрения в производство формирующего его "пучка технологий" общего и специального применения»⁸³⁴.

Классический тип коллаборации в легкой промышленности и индустрии моды представляет собой сотрудничество предприятия с известным (имя или бренд которого может быть коммерциализирован) профессиональным дизайнером по созданию новой коллекции одежды. Специфика коллаборации как формы экономического сотрудничества заключается в создании более высокой добавленной стоимости при выпуске коллекции этих товаров за счет новой комбинации факторов производства. Коллаборация является формой сетевой кооперации экономических субъектов, что позволяет отличить ее от вертикальных и смешанных форм интеграции (например, холдинги). Как правило, этот тип сотрудничества носит кратковременный характер, поскольку экономическую основу коллаборации составляет проектный подход, рамки которого определены жизненным циклом товара, и чаще всего представляет собой двустороннее сотрудничество, что выделяет ее среди иных форм горизонтальной интеграции (например, кластеры). Кроме того, коллаборация не предполагает юридически оформленного трансфера права собственности и во многом строится на принципах доверия между участниками, поскольку в процессе взаимодействия происходит неформализованный обмен знаниями, компетенциями, репутацией, результатами интеллектуальной деятельности. Сложившиеся сегодня в Республике Беларусь институциональные условия интеграции легкой промышленности и индустрии моды не способствуют развитию такого типа кооперации, в то время как в мировой модной индустрии происходит активное распространение такой формы сотрудничества.

Под коллаборацией в легкой промышленности нами предлагается понимать инновационную форму разделения (и кооперации) труда, заключающуюся в сотрудничестве двух и более экономических субъектов по созданию новой коллекции товаров с более высокой добавленной стоимостью за счет получения кумулятивного эффекта от новой комбинации факторов производства. Кумулятивный эффект достигается на основе распределения и экономически значимого присвоения знаний, компетенций, функций, репутации, бренда с целью взаимного получения экономических, статусных,

⁸³⁴ Иншаков, О. В. Коллаборация как глобальная форма организации экономики знаний / О. В. Иншаков // Экономика региона. – 2013. – № 3. – С. 38–45. – С. 39.

социальных и иных выгод и повышения конкурентных преимуществ на этой основе. Реализация коллаборации в легкой промышленности способствует наращиванию социального и человеческого капиталов и получению социально-экономических выгод на этой основе.

Сегодня легкая промышленность развивается в тесной кооперации с представителями других видов деятельности – субъектами, предоставляющими услуги дизайна, НИОКР, информационно-коммуникационные услуги, маркетинговые услуги. Распространение в экономике информационных технологий позволяет, во-первых, более эффективно использовать имеющиеся конкурентные преимущества, во-вторых, обеспечивать создание новых. Особенностью конкурентоспособности современной легкой промышленности является эффективное управление временем. «Постепенное распространение информационных технологий, применяемых как на уровне производства, так и на уровне принятия решений, обеспечивает интерактивную и быструю работу на расстоянии и в режиме реального времени при повышении уровня стратегической гибкости бизнеса и обеспечении адекватного реагирования на возникающие потребности рынка; использование информационных технологий в сочетании с системами Just in Time (система «точно в срок», суть которой заключается в оптимизации организации движения материальных потоков в производстве, в рамках которой эти потоки будут скоординированы по временному, количественному и локальному признаку – примечание авторов) позволяет реализовать Quick Response (концепция управления по оперативному реагированию на запросы клиента – примечание авторов), на основе эффективного управления временем»⁸³⁵.

Цифровизация легкой промышленности позволяет использовать время как конкурентное преимущество за счет следующих факторов. Во-первых, цифровизация делает возможным совершенствование механизмов информационного обмена и снижение транзакционных издержек, возникающих при этом обмене, позволяет сократить звенья информационного обмена, увеличить доступ к информации большему числу участников сети, способствует повышению прозрачности информации и скорости ее прохождения. Во-вторых, за счет повышения гибкости управленческих систем, поскольку быстрое и более качественное (по критерию объемов ее потерь) прохождение информации способствует повышению скорости и качества принимаемых управленческих решений, а также возможности быстрого получения обратной связи как важнейшего принципа управления, обеспечивающей

⁸³⁵ Tartaglione, A. M. Value creation process in the fast fashion industry. Towards a networking approach / A. M. Tartaglione, E. Antonucci // Service Dominant Logic, Networks & Systems Theory and Service Science: Integrating Three Perspectives for a New Service Agenda : The 2013 Naples Forum on Service, Naples, 2013 / Gummesson, E., Mele, C., Polese, F. (eds.). – Naples, 2013. – 91 p. – P. 4.

многостороннюю направленность информационных потоков. «Когда я давал определение кибернетики в первой своей книге, – писал Н. Винер, – я отождествлял понятия "коммуникация" и "управление". Почему я так поступал? Устанавливая связь с другим лицом, я сообщаю ему сигнал, а когда это лицо в свою очередь устанавливает связь со мной, оно возвращает подобный сигнал, и, хотя этот сигнал дан в императивной форме, техника коммуникации в данном случае не отличается от техники коммуникации при сообщении сигнала факта. Более того, чтобы мое управление было действенным, я должен следить за любыми поступающими от него сигналами, которые могут указывать, что приказ понят и выполняется»⁸³⁶. Коммуникация между субъектом и объектом управления и эффективность работы каналов связи, по мнению Н. Винера, обеспечивают эффективность управления. В-третьих, информационные технологии крайне важны при переходе от преимущественно иерархичных структур управления к проектным и сетевым. В условиях более сбалансированного распределения прав участников системы использование информационных технологий способно значительно оптимизировать процессы самоорганизации.

В этих условиях наблюдается снижение жесткости и повышение адаптивности организационно-управленческих структур, что обусловлено необходимостью постоянной оптимизации комбинации хозяйственных ресурсов в условиях нехватки времени и информации как реакции на постоянно меняющиеся условия внешней и внутренней среды. «Для создания конкурентных преимуществ и их удержания, – справедливо отмечают Г.А. Яшева и др., – необходимы постоянные управленческие воздействия на разных уровнях управления по адаптации организации к внешней среде и по активизации инновационной деятельности и менеджмента»⁸³⁷. В этих условиях важнейшим фактором конкурентоспособности предприятия является наличие уникальных компетенций трудовых ресурсов как на управленческом уровне (способность быстро принимать решения, умение преодолевать инерционность среды, высокие коммуникативные способности и т. д.), так и на исполнительском уровне (инновационная восприимчивость, умение учиться и т. д.), а также способность предприятия развиваться, что обусловлено инвестициями в НИОКР и дизайн.

Проблемой при этом является неразвитость экономических стимулов для такого сотрудничества, что усугубляется неопределенностью институциональных и организационно-правовых условий названных видов сотрудничества, включая низкую степень доверия потенциальных партнеров. Ф. Фукуяма подчеркивает: «в любом экономически успешном обществе

⁸³⁶ Винер, Н. Человек управляющий / Н. Винер. – СПб. : Питер, 2001. – 288 с. – С. 12–13.

⁸³⁷ Яшева, Г. А. Конкурентоспособность предприятий легкой промышленности: оценка и направления повышения / Г. А. Яшева, Н. Л. Прокофьева, В. В. Квасникова. – Витебск : УО «ВГТУ», 2003. – 302 с. – С. 41.

жизнеспособность хозяйственных объединений зависит от их уровня внутреннего доверия»⁸³⁸. Доверие является основой накопления социального капитала, который является важнейшим ресурсом оптимизации взаимодействия субъектов в современной экономике. «Фирма функционирует в условиях неопределенности, и поэтому внутрифирменное доверие должно быть фактором коммерческого успеха предпринимательской структуры (фирмы). Неопределенность экономической среды предопределяет и необходимость межфирменного взаимодействия и осознанного выбора стратегии развития, основывающегося на учете интересов избранных участников. Значение социального капитала в эффективной работе фирмы можно схематично представить следующим образом. Стратегический капитал фирмы в данном случае – весь комплекс личных контактов, связей, взаимодействий, доверия, которым располагает руководство фирмы. Особенностью социального капитала является то, что он способствует более производительному использованию всех других видов капитала, которыми располагает фирма, и росту экономических результатов фирмы»⁸³⁹. На предприятии легкой промышленности с большой долей труда творческого характера необходимо постоянно наращивать социальный капитал, поскольку мотивация к такому труду выстраивается в большей степени не за счет применения административных или материальных рычагов стимулирования, а на основе предоставления возможности свободной реализации личностного творческого потенциала и получения статусных благ. На величину социального капитала влияет уровень образования работников: «высокий уровень доверия, формируемый общим уровнем образования, снижает затраты на контроль и принуждение к исполнению обязательств, вселяет уверенность в то, что цели организации будут достигнуты. Рост среднего уровня образования не только способствует перераспределению социального капитала в соответствующие группы, но и служит фактором его повышения»⁸⁴⁰. Межфирменное сетевое взаимодействие основывается на взаимном интересе участников такого взаимодействия, социальный капитал при этом служит фактором, повышающим эффективность данного взаимодействия, и в то же время его повышение является эффектом (результатом) сотрудничества для обоих партнеров (при условии минимизации эффектов оппортунистического поведения).

⁸³⁸ Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: Пер. с англ. / Ф. Фукуяма. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 730 с. – С. 12.

⁸³⁹ Солодовников, С. Ю. Проблемы и перспективы развития социального потенциала в Республике Беларусь / С. Ю. Солодовников // Проблемы управления. – 2012. – № 2 (43). – С. 95–98. – С. 97.

⁸⁴⁰ Там же. – С. 96.

ГЛАВА 8. РАЗВИТИЕ УСЛУГ ПРОМЫШЛЕННОГО ХАРАКТЕРА И МОДЕРНИЗАЦИЯ БЕЛОРУССКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

8.1 Понятие и сущность услуг промышленного характера и организационно-экономического механизма их оказания

Эффективное развитие национального промышленного комплекса – как традиционных, так и новых отраслей экономики – невозможно без опережающего развития услуг промышленного характера. Прежде чем перейти к описанию реально-онтологических форм оказания услуг промышленного характера, обратимся к генезису экономической категории «услуга промышленного характера». Начать выявление ее сущности следует с определения собственно услуги как экономической категории.

В современной экономической науке выделяются три основных подхода к определению услуги как экономической категории, формирование которых исторически обусловлено эволюцией экономической системы общества:

– индустриально-центрический, в рамках которого услуга ввиду своего нематериального характера относится к непроемкому труду, а сам термин «услуга» используется для обозначения потребительских услуг. Такой подход позволил раскрыть экономическую сущность услуги как процесса целесообразной деятельности, выделить ее такие специфические качества, как несохраняемость, одновременность производства и потребления, индивидуальная направленность. Сторонникам данного подхода удалось показать историческую изменчивость локоматива развития экономики, расширение сферы услуг по мере развития общественного производства и производительности труда, возможность любого вида деятельности при определенных условиях в рыночной экономике быть производительным, то есть создающим добавленную стоимость;

– воспроизводственно-центрический, в рамках которого услуга признается производительным трудом и выделяется в качестве самостоятельной сферы общественного воспроизводства – третичного сектора. Такой подход позволил выявить неоднородность услуг, в частности, наличие как потребительских услуг, так и услуг промышленного характера. Сторонниками данного подхода справедливо отмечался исторический переход доминирующего положения в народном хозяйстве по мере развития производственных сил от сельского хозяйства сперва к промышленности, а затем и к сфере услуг;

– институционально-правовой, в основе которого лежит представление услуги как деятельности (или ее результата), совершаемой одним лицом в интересах другого лица по предварительной договоренности, в результате которой не совершается переход права собственности. В рамках

данного подхода услуга изучается как объект купли-продажи в условиях рыночной экономики (то есть с точки зрения маркетинга), что позволило, учитывая все многообразие услуг, наиболее полно перечислить их специфические особенности, а именно: отсутствие передачи прав собственности ввиду неосвязаемости услуг, наличие, как правило, предварительной договоренности, неспособность к хранению, ненасыщаемость, неотделимость от источника, взаимодействие производителя и потребителя, индивидуальность, непостоянство качества.

Выделение трех подходов и их критический анализ позволил нам в свое время сформулировать определение услуги как хозяйственного блага в форме действия, направленное на удовлетворение потребностей хозяйствующих субъектов (домашних хозяйств, предприятий и органов государственного управления) с целью воспроизводства общества в целом⁸⁴¹.

Сфера услуг отличается высокой степенью внутренней дифференцированности по множеству критериев: по функциональному назначению, по степени индивидуальности, по направленности действий. К. Лавлок в зависимости от объекта оказания услуг выделяет четыре группы услуг: услуги, направленные на человека (медицинские, спортивные), услуги, направленные на сознание человека (информационные, образовательные, культурные); услуги, направленные на физические объекты (транспортные, грузовые, торговые); услуги, направленные на нематериальные активы, основанные на обработке информации (банковские, финансовые, страховые)⁸⁴². В зависимости от места в производственном процессе услуги могут классифицироваться на конечные и промежуточные, кроме того на микроэкономическом уровне выделяют также и внутрипроизводственные услуги, которые производятся и потребляются внутри хозяйствующего субъекта. Такая классификация услуг имеет значение при расчете ВВП. Наиболее часто встречающейся классификацией услуг является разделение услуг на материальные и нематериальные. Нематериальные услуги – чистые услуги – услуги с максимальной степенью неосвязаемости, например услуги юристов, артистов, учителей⁸⁴³. Услуги, создающие новую или восстанавливающие потребительскую стоимость, относятся к материальным услугам. В качестве примера можно привести ремонт и пошив одежды, автосервис.

⁸⁴¹ Мелешко, Ю. В. Понятие и экономический механизм оказания услуг промышленного характера/ Ю. В. Мелешко // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. Социально-экономические и общественные науки. – 2016. – №5 (98). – С. 118–123.

⁸⁴² Лавлок, К. Маркетинг услуг: персонал, технологии, стратегия / К. Лавлок. – 4-е изд.: пер. с англ. – М.: Издательский дом «Вильямс», 2005. – 1008 с. – С. 315.

⁸⁴³ Бурменко, Т. Г. Сфера услуг в современном обществе: экономика, менеджмент, маркетинг : учеб. пособие / Т. Г. Бурменко, Н. Н. Даниленко, Т. А. Туренко. – Иркутск: БГУЭП, 2004. – 281 с. – С. 140.

В зависимости от потребителя выделяют услуги населению (персональные услуги), услуги, оказываемые государству, и бизнес-услуги. Услуги промышленного характера относятся к бизнес-услугам и направлены на «удовлетворение потребностей предприятий промышленного комплекса, повышение конкурентоспособности промышленной продукции путем совершенствования производственного процесса на протяжении всей цепочки создания стоимости, включая: инжиниринг, менеджмент, маркетинг, логистику и т. д.»⁸⁴⁴.

Услуги промышленного характера как объект изучения отличаются высокой динамичностью. Происходит постоянное уточнение понятийного аппарата, выявление новых закономерностей, в ряде случаев приходится отказываться от ранее выявленных, поскольку тренды также быстро меняются. Это связано, во-первых, с изменениями техники и технологий промышленного производства и сменой технологических укладов, во-вторых – с изменением условий хозяйствования.

В экономической литературе понятие «услуга промышленного характера» (англ. Industrial Service, нем. industrienae Dienstleistung, industrielle Dienstleistung) трактуется по-разному. В узком смысле под этой услугой понимается оказание предприятием промышленности по заказу услуг по переработке, обработке, ремонту и т. д. В Большом экономическом словаре под редакцией А. Н. Азрилияна приводится следующее определение услуг промышленного характера: «Работа промышленного характера (*в данном случае является синонимом услуг промышленного характера – примечание авторов*) – промышленно-производственные услуги как одна из форм продукции промышленности. Включает работы по восстановлению потребительной стоимости, утраченной (полностью или частично) продуктом, ранее произведенным промышленностью (реставрация и ремонт промышленного изделия), или по улучшению ранее созданной потребительной стоимости (операции по доработке и доведению до полной готовности изделий, произведенных другими промышленными предприятиями: окраска, полировка, расфасовка и др.)»⁸⁴⁵. В методологических пояснениях к статистическому сборнику «Промышленность Республики Беларусь» отмечается, что объем промышленного производства представляет собой «совокупность произведенной готовой продукции и полуфабрикатов, выполненных работ, оказанных услуг, классифицируемых по

⁸⁴⁴ Мелешко, Ю. В. Понятие и экономический механизм оказания услуг промышленного характера / Ю. В. Мелешко // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. Социально-экономические и общественные науки. – 2016. – №5 (98). – С. 118–123. – С. 120.

⁸⁴⁵ Агафонова, М. Ю. Большой экономический словарь: 19000 терминов / М. Ю. Агафонова [и др.]; под ред. А. Н. Азрилияна. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Институт новой экономики, 1997. – 864 с. – С. 492.

Общегосударственному классификатору видов экономической деятельности в горнодобывающей, обрабатывающей промышленности, производстве и распределении электроэнергии, газа и воды»⁸⁴⁶. При таком понимании услуга промышленного характера является результатом деятельности предприятия промышленности наравне с материальной продукцией и статистически учитывается в объеме промышленного производства.

Именно в таком понимании термин «услуга промышленного характера» используется в нормативных правовых актах Республики Беларусь. В частности, в 2012 г. была принята Номенклатура промышленной продукции и услуг промышленного характера для составления государственной статистической отчетности и обработки статистических данных (информации) о производстве промышленной продукции и услуг промышленного характера⁸⁴⁷. Подход к пониманию услуг промышленного характера как услуг по переработке, обработке, ремонту промышленной продукции позволяет показать, что результатом деятельности предприятий промышленности могут выступать не только материальная продукция, но и услуги. Вместе с тем при таком подходе услуга промышленного характера понимается излишне узко, поскольку не охватывает всего многообразия этих услуг, а концентрируется лишь на одном ее виде.

В широком смысле услуга промышленного характера трактуется не только как специфический вид услуги, оказываемой промышленным предприятием сторонней организацией, а как деятельность, связанная с разработкой, производством, реализацией или послепродажным обслуживанием продукции предприятий промышленного комплекса. А. И. Мамишев определяет услугу промышленного характера (*в терминологии А. И. Мамишева промышленная услуга – примечание примечание авторов*) как «услугу, осуществляемую в процессе сопровождения товаров производственно-технического назначения в период всех его жизненных стадий»⁸⁴⁸. К таким услугам указанный автор относит ремонт и техническое обслуживание, инжиниринг, все виды предпродажных и послепродажных услуг, мелкие услуги, связанные с основной деятельностью производства, аренду любых производственных помещений, участков, сооружений, площадей, технопарка. В предложенном А. И. Мамишевым определении справедливо от-

⁸⁴⁶ Промышленность Республики Беларусь, 2016 : статистический сборник. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2016. – 248 с. – С. 23.

⁸⁴⁷ Об утверждении Номенклатуры промышленной продукции и услуг промышленного характера для составления государственной статистической отчетности и обработки статистических данных (информации) о производстве промышленной продукции и услуг промышленного характера: Постановление Национального статистического комитета Республики Беларусь от 13 декабря 2012 г. № 221 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

⁸⁴⁸ Мамишев, А. И. Информационно-аналитическое обеспечение процесса оказания промышленной услуги / А. И. Мамишев // Журнал правовых и экономических исследований. – 2013. – № 4. – С. 145–148. – С. 145.

мечено, что услуги промышленного характера присутствуют на всех стадиях жизненного цикла промышленной продукции. Вместе с тем указывая, что услуги промышленного характера «сопровождают товар производственно-технического назначения»⁸⁴⁹, данный автор ограничивает функции услуг промышленного характера, отводя им вспомогательную роль. Как было справедливо отмечено Б. Шмитцем, Г. Фроммом, Т. Зетцером и А. Исаксеном, «с функциональной точки зрения, услуги промышленного характера выходят далеко за рамки традиционного технического обслуживания, ремонта и капитального ремонта»⁸⁵⁰.

Т. Л. Шкляр, изучая особенности менеджмента услуг промышленного характера, понимает под этими услугами «межотраслевую деятельность, участвующую на разных стадиях производства товара и влияющая на его стоимость»⁸⁵¹. В качестве отличительных признаков услуги промышленного характера этим автором были выделены следующие: исполнителем и потребителем услуги промышленного характера являются юридические лица⁸⁵²; эта услуга «участвует в производственном процессе и может полностью им поглощаться»⁸⁵³; потребление услуги промышленного характера «изменяет конечную стоимость и, как следствие, изменяет товар»⁸⁵⁴; «может быть исполнена самим предприятием Заказчиком»⁸⁵⁵. В своем определении услуг промышленного характера Т. Л. Шкляр справедливо подчеркивает межотраслевую специфику этих услуг. Данному автору удалось выделить такие отличительные характеристики рассматриваемых услуг, как отнесение их к деловым услугам, участие в производственном процессе, создание ими добавленной стоимости промышленной продукции, а также возможность удовлетворения потребностей в услугах промышленного характера предприятиями собственными силами. Однако предложенное определение не позволяет однозначно отнести тот или иной вид деятельности к услугам промышленного характера, а выделенные характеристики не являются исчерпывающими.

⁸⁴⁹ Мамишев, А. И. Информационно-аналитическое обеспечение процесса оказания промышленной услуги / А. И. Мамишев // Журнал правовых и экономических исследований. – 2013. – № 4. – С. 145–148. – С. 145

⁸⁵⁰ Schmitz, B. What is "Industrial Service"? A Discussion Paper [Electronic resource] / B. Schmitz, H. Fromm, T. Setzer, Alf J. Isaksson // Conference: First Karlsruhe Service Summit Workshop – Advances in Service Research, At Karlsruhe, Germany. – January 2015. – Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/292747715_What_is_Industrial_Service_A_Discussion_Paper. – Date of access: 09.09.2017.

⁸⁵¹ Шкляр, Т. Л. Разработка механизма и метода принятия управленческих решений по выбору организационных форм оказания услуг промышленного характера : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Т. Л. Шкляр. – М., 2013. – 143 с. – С. 25.

⁸⁵² Там же. – С. 25.

⁸⁵³ Там же. – С. 29.

⁸⁵⁴ Там же. – С. 27.

⁸⁵⁵ Там же. – С. 30.

Приведенные определения услуг промышленного характера способствуют раскрытию их отдельных специфических черт, однако, по нашему мнению, не дают представления об услугах промышленного характера как об экономической категории. На основании вышеизложенного с учетом выработанного определения понятия «услуга» нами предлагается следующая дефиниция: услуга промышленного характера – хозяйственное благо в форме действия, обеспечивающее создание, развитие и функционирование технологий, связанных с разработкой, производством, реализацией и сервисным обслуживанием промышленной продукции⁸⁵⁶.

Из предложенного определения следует, что услуги промышленного характера, создавая, развивая и обеспечивая функционирование основных производственных технологий, технологий сбыта и послепродажного обслуживания промышленной продукции, являются неотъемлемой частью промышленного производства. Обладая всеми признаками иных услуг, как то неосязаемость, неспособность к хранению, ненасыщаемость, неотделимость от источника, непостоянство качества и др., услуги промышленного характера отличаются специализацией: они всегда тем или иным образом связаны с промышленной продукцией или процессом ее производства. Они используются на всех стадиях цепочки создания добавленной стоимости: с их помощью разрабатывается промышленная продукция и технологии ее изготовления, обеспечивается процесс ее изготовления, осуществляется ее сбыт и послепродажное (сервисное) обслуживание.

Услуги промышленного характера также имеют специфический круг субъектов, к которым относятся предприятия промышленного комплекса: производственные предприятия и предприятия, чья деятельность связана с промышленной продукцией или сопровождением промышленного производства (предприятия, занимающиеся разработкой, сбытом или послепродажным обслуживанием промышленной продукции, а также обеспечением производственного процесса). В зависимости от особенностей организации промышленного производства (от конфигурации цепочки создания добавленной стоимости промышленной продукции) выделенные субъекты могут выступать и как производителями, и как потребителями услуг промышленного характера. Таким образом, услуги промышленного характера являются специфическими бизнес-услугами, направленными на удовлетворение потребностей предприятий национального

⁸⁵⁶ Мелешко, Ю. В. Системообразующие принципы развития услуг промышленного характера / Ю. В. Мелешко // Устойчивое развитие экономики: состояние, проблемы, перспективы: сборник трудов XI международной научно-практической конференции, УО «Полесский государственный университет», Пинск, 21 апр. 2017 г. / Министерство образования Республики Беларусь [и др.]; редкол.: К. К. Шебеко [и др.]. – Пинск: ПолесГУ, 2017. – С. 84–86. – С. 84.

промышленного комплекса и самого комплекса в целом с целью повышения их конкурентоспособности путем оптимизации использования факторов производства на протяжении всей цепочки создания добавленной стоимости.

Услуги промышленного характера крайне неоднородны, что характерно и для услуг как вида хозяйственной деятельности в целом. Как правило, к рассматриваемым услугам относят НИОКР, дизайн, инжиниринг, информационно-коммуникационные услуги, сервисные услуги, маркетинг, управление, услуги по повышению квалификации и подготовке кадров для предприятий промышленности и т. д.

Исходя из двух критериев – стадии жизненного цикла промышленной продукции и функционального назначения услуг промышленного характера – предлагаем следующую классификацию рассматриваемых услуг: услуги по разработке и внедрению промышленной продукции в производство (НИОКР, дизайн, инжиниринг и др.); вспомогательные производственные услуги (услуги по наладке, обслуживанию, ремонту производственного оборудования и др.); услуги снабжения и сбыта (закупочная, складская, транспортная, сбытовая логистика и др.); сервисные услуги (гарантийный ремонт, сервисное обслуживание реализованной продукции); административные услуги (маркетинг, управление, кадровые услуги и др.)⁸⁵⁷. Такая классификация позволяет показать многообразие услуг промышленного характера, выявить их место и функции на каждой стадии создания добавленной стоимости промышленной продукции.

Услуги промышленного характера относятся к межотраслевой деятельности: «находясь на стыке промышленности и сферы услуг, они принимают непосредственное участие в производственном процессе и зачастую полностью им поглощаются, вместе с тем по своей сущности остаются услугами, то есть хозяйственным благом в форме действия»⁸⁵⁸. В зависимости от организационной формы оказания выделяют внутренние услуги промышленного характера (то есть услуги, оказываемые специализированными структурными подразделениями предприятия-потребителя), аутсорсинговые (услуги, оказываемые самостоятельными специализированными организациями) и инсорсинговые услуги промышленного характера (услуги, оказываемые специализированными организаци-

⁸⁵⁷ Мелешко, Ю. В. Методическое обеспечение совершенствования экономического механизма оказания услуг промышленного / Ю. В. Мелешко // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д. Экон. и юрид. науки. – 2016. – № 14. – С. 51–60. – С. 51.

⁸⁵⁸ Мелешко, Ю. В. Понятие и экономический механизм оказания услуг промышленного характера/ Ю. В. Мелешко// Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. Социально-экономические и общественные науки. – 2016. – №5 (98). – С.118–123. – С. 121.

ями, находящимися с предприятием-потребителем в кооперационной связи, например в рамках холдинга)⁸⁵⁹. Такая типологизация наглядно демонстрирует, что один и тот же вид деятельности в зависимости от выбранной организационной формы может быть отнесен и к промышленному производству, и в сфере услуг, при этом экономическая сущность услуг промышленного характера остается неизменной.

Существует множество исследований, описывающих качественные изменения в системе общественного производства, вызванные научно-техническими революциями. Д. Белл выделил три технологических революции – изобретение паровой машины, научно-технологические достижения в области электричества и химии и создание компьютеров⁸⁶⁰. К. Шваб пишет о приближении четвертой технологической революции, для которой характерны «"вездесущий" и мобильный Интернет, миниатюрные производственные устройства (которые постоянно дешевеют), искусственный интеллект и обучающиеся машины» (первая ознаменовалась изобретением парового двигателя и строительством железных дорог, вторая – электричества и конвейерного производства, третья связана с появлением компьютеров, полупроводников и Интернета)⁸⁶¹. С. Ю. Глазьев развил гипотезу закономерности периодической смены шести технологических укладов⁸⁶², которая получила широкое распространение на постсоветском пространстве и терминология которой принята в Республике Беларусь на государственном уровне. Акцентируя внимание на разных производственных, экономических и социальных аспектах научно-технического прогресса, все авторы отмечают изменение роли услуг, в частности услуг промышленного характера, в современном производстве. По мере технико-технологического усложнения производственного процесса и самой промышленной продукции, в том числе и ее маркетинговой составляющей, происходит постоянное увеличение доли услуг промышленного характера в промышленном производстве.

Рассмотрим этот процесс более подробно, основываясь на гипотезе С. Ю. Глазьева о смене технологических укладов. С каждым переходом

⁸⁵⁹ Мелешко, Ю. В. Методика оценки стратегического значения услуг промышленного характера в контексте выбора организационной формы оказания эти услуг / Ю. В. Мелешко // Сборник статей победителей Международного конкурса студентов и молодых ученых, г. Минск, 2016. – Минск: БНТУ, 2016. – С. 58–71; Мелешко, Ю. В. Методическое обеспечение совершенствования экономического механизма оказания услуг промышленного характера / Ю. В. Мелешко // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д. Экон. и юрид. науки. – 2016. – № 14. – С. 51–60.

⁸⁶⁰ Bell, D. The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Fore-casting / D. Bell. – New York, Basic Books, 1973.

⁸⁶¹ Шваб, К. Четвертая промышленная революция / К. Шваб. – М.: Эксмо, 2016. – 208 с.

⁸⁶² Глазьев, С. Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса / С. Ю. Глазьев. – М.: Экономика, 2010. – 254 с.

к новому технологическому укладу потребности предприятий в услугах промышленного характера, следовательно, и объем их оказания возрастают. Появление прядильных машин (I технологический уклад) способствовало механизации производства и возникновению поточного способа производства, что привело к повышению спроса на вспомогательные (обслуживание оборудования) и административные услуги (изменение способа организации и управления производством, изменение маркетинговых стратегий). Для II технологического уклада, ядром которого стал паровой двигатель, характерны высокие темпы развития торговли и транспортных услуг. С переходом к III технологическому укладу, основной технологией которого является неорганическая химия, все большее значение в промышленности приобретают научные исследования и разработки. IV технологический уклад благодаря двигателю внутреннего сгорания, реактивному и турбореактивному двигателям, атомной энергетике, компьютеру и конвейерному производству принципиально изменил облик промышленного производства и повлиял на качественные и количественные изменения практически всех услуг промышленного характера, в первую очередь НИОКР, вспомогательных и административных услуг. Переход к IV технологическому укладу, для которого характерна индивидуализация производства и потребления, гибкость производства, требует нового подхода к взаимодействию науки и производства. Высокотехнологичное промышленное производство V технологического уклада, основанное на микроэлектронике, биотехнологиях, информатике, новых видах энергии и материалов, требует внедрения инноваций (технологических, маркетинговых и организационных) на постоянной основе, что вновь приводит к увеличению объема оказываемых услуг промышленного характера. VI технологический уклад, основанный на нанотехнологиях, будет способствовать максимальному снижению энергоемкости и материалоемкости промышленной продукции, что окончательно закрепит за услугами промышленного характера доминирующую роль в промышленном производстве.

Тенденция увеличения доли услуг в промышленном производстве получила название терциализация промышленности. И. В. Данилин, описывая особенности современного промышленного производства в США, отмечает, что «налицо изменение бизнес-моделей и производственно-технологических "профилей" американских компаний в сторону наиболее высокомаржинальных видов деятельности. В бизнес- и производственной сфере это касается НИОКР, дизайна и инжиниринга, системной интеграции, брендинга, маркетинга и сбыта. <...> Структурная перестройка усиливается нарастанием доли наукоемких услуг в себестоимости промышленной продукции (до трети в настоящее время с перспективой роста до 50% к 2030-м годам), в расходах потребителя на весь жизненный цикл

продукта (включая сопутствующие услуги, модернизацию и т. д.), а также в технологических процессах»⁸⁶³.

Изменение направленности промышленного производства от массового тиражирования в сторону индивидуализации продукции и производства высокотехнологичной и наукоемкой продукции, которое мы наблюдаем сегодня, стимулирует спрос на услуги промышленного характера. Производство высокотехнологичной и наукоемкой промышленной продукции предполагает проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ на постоянной основе. Индивидуализация промышленной продукции стимулирует развитие широкого спектра маркетинговых услуг, начиная со стадии предпродажи и заканчивая послепродажным обслуживанием. П. Марш обращает внимание на постоянно возрастающую индивидуальность продукции: «Появится больше возможностей для индивидуализации, так как многие компании смогут предложить индивидуальный подход при больших объемах производства и массовой персонализации для расширения выбора продукции. Способы проектирования и изготовления товаров будут усложняться. Такие процессы, как разработка, производство и обслуживание, будут распределены по глобальной операционной "цепочке создания стоимости"»⁸⁶⁴. Свои прогнозы этот автор основывает на анализе деятельности множества производственных компаний, функционирующих на международном рынке, и в подтверждение приводит слова руководителя индийской компании JainIrrigationSystem, производящей оборудования для микроиригации: «Мы практикуем индивидуальный подход, при котором то, что мы делаем, также связано с услугами, как и с производством»⁸⁶⁵. Использование таких услуг, как инжиниринг, сервисное обслуживание и т. п., изменяет конечный вид продукции промышленного предприятия. В качестве товара выступает не только промышленная продукция, а комплексное решение – промышленная продукция совместно с услугой промышленного характера. Меняется и отношение покупателя к цене приобретаемой промышленной продукции. Формируется устойчивая тенденция ориентации покупателя не на цену покупки, а на стоимость владения приобретенным товаром.

Возрастающая степень индивидуальности промышленной продукции способствует вовлечению в производственный процесс все большего количества и все более разнообразных услуг промышленного характера. Необходимость индивидуализации продукции изменила приоритеты в от-

⁸⁶³ Данилин, И. В. Промышленно-технологическая политика США при Б. Обаме: вызовы, итоги, возможности [Электронный ресурс] / И. В. Данилин // Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова. – Режим доступа: <http://www.imemo.ru/files/File/ru/sc/2016/18052016/18052016-TEZ-01.pdf>. – Дата доступа: 30.06.2016.

⁸⁶⁴ Марш, П. Новая промышленная революция. Потребители, глобализация и конец массового производства / П. Марш. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. – 420 с. – С. 363.

⁸⁶⁵ Там же. – С. 323.

ношении отдельных звеньев цепочки создания добавленной стоимости: на первый план выходят проектирование и разработка и послепродажное обслуживание, а не само производство, что стало новым толчком для развития таких услуг промышленного характера, как НИОКР, инжиниринг, дизайн, а также ряд маркетинговых услуг, нацеленных на долгосрочную работу с клиентами.

Благодаря услугам промышленного характера изменился технологический процесс производства и реализации промышленной продукции. На фоне автоматизации и интеллектуализации производства доля занятых в услугах промышленного характера постоянно возрастает, при этом возникает потребность, как правило, в высококвалифицированном персонале (в особенности при оказании наукоемких и высокотехнологичных услуг). «Достижения в области технологии вызывают изменения практически во всех аспектах промышленных услуг, – пишут Б. Шмитц, Г. Фром, Т. Зетцер и А. Исаксон. – Объекты обслуживания, промышленные продукты, становятся все более и более интеллектуальными и взаимосвязанными. Они могут чувствовать и контролировать свое состояние, они могут прогнозировать и анализировать сбои и они могут конфигурировать, управлять и лечить себя. Они соединены с помощью сети (Интернет) с другими системами и сервисными центрами. Они знают, какая часть должна быть заменена, и могут заказать необходимую запчасть самостоятельно. Они стали киберфизическими системами, то есть, системами с интегрированными вычислительными и физическими процессами»⁸⁶⁶.

Необходимым условием работы промышленного предприятия современного типа, для которого характерна горизонтальная интеграция (развитие кооперационных сетей, кластеров, холдингов и т. д.) и стремление обеспечить как можно больше вариантов производимой продукции, является создание системы гибкого оперативного управления, основанного на информационных технологиях. При этом гибкость и оперативность должна быть обеспечена как в части обеспечения информационного потока от потребителей к производителям или между подразделениями производства, так и в части обеспечения возможности разнообразия производства, например за счет использования станков с числовым программным управлением. Информационные технологии, в частности интернет вещей, стали инструментом, объединяющим в единую гибкую интегрированную сеть виртуальные и физические системы производства.

⁸⁶⁶ Schmitz, B. What is "Industrial Service"? A Discussion Paper [Electronic resource] / B. Schmitz, H. Fromm, T. Setzer, Alf J. Isaksson // Conference: First Karlsruhe Service Summit Workshop – Advances in Service Research, At Karlsruhe, Germany. – January 2015. – Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/292747715_What_is_Industrial_Service_A_Discussion_Paper. – Date of access: 09.09.2017.

К. Шваб отмечает, что совместно с иными прорывными технологиями, такими как аддитивная печать, беспилотные транспортные средства, передовая робототехника и новые материалы, информационные технологии (интернет вещей, цифровые платформы) являются ядром четвертой промышленной революции⁸⁶⁷. Способность обеспечить тесную двустороннюю связь между производителем и потребителем, возможность быстрого управления самим производственным процессом становятся критически важными для конкурентоспособности современного промышленного предприятия. Вместе с тем услуги промышленного характера традиционно являются инструментом оптимизации производственного процесса и снижения затрат предприятий промышленности, например с помощью транспортных или складских логистических услуг, услуг в сфере менеджмента.

Таким образом, конкурентоспособность национального промышленного комплекса Беларуси по мере увеличения доли отраслей промышленности V-VI технологических укладов все больше будет зависеть от качества услуг промышленного характера (в первую очередь НИОКР, инжиниринга, дизайна, сервисного обслуживания, менеджмента и т. д.). При этом развитие этих услуг также детерминировано технико-технологическими достижениями промышленного производства, поскольку, с одной стороны, услуги промышленного характера зависят от спроса предприятий промышленности, с другой – сами являются потребителями промышленной продукции.

Организационно-экономический механизм оказания услуг промышленного характера следует рассматривать как относительно самостоятельную систему (подсистему социально-экономической системы общества), включающую в себя экономические формы, методы и инструменты оказания этих услуг, устойчивые организационно-управленческие и социально-экономические отношения, которые возникают между субъектами в процессе оказания рассматриваемых услуг. Особенность организационно-экономического механизма оказания услуг промышленного характера предопределена экономической природой этих услуг. Специфика оказания услуг промышленного характера во многом детерминирована технико-технологической основой производства: его материально-технической базой, технологическими процессами, а также специфическими характеристиками промышленной продукции. В то же время организационно-экономический механизм оказания услуг промышленного характера обладает самостоятельностью по отношению к его технико-технологической основе, поскольку подвержен влиянию социальных факторов, то есть

⁸⁶⁷ Шваб, К. Четвертая промышленная революция / К. Шваб. – М.: Эксмо, 2016. – 208 с. – С. 10.

зависит от конкретного национально-исторического генезиса национальной экономики. С помощью экономических форм, методов и инструментов хозяйствования субъекты могут реализовать свои разнообразные экономические интересы в определенных исторических формах.

Как уже было отмечено выше, услуги промышленного характера относятся к межотраслевой деятельности, так как находятся на стыке промышленного производства и сферы услуг. Некоторые услуги промышленного характера являются внутренней составляющей товара (то есть принимают непосредственное участие в производственном процессе, зачастую полностью ими поглощаются), другие – внешней⁸⁶⁸. Является ли данная услуга внешней или внутренней, зависит в большей степени от масштаба производства, особенностей организационно-управленческой системы, от качественных характеристик как самой продукции, так и услуги. Как правило, такие услуги как коммуникационные, коммунальные, торговые услуги являются внешними. Маркетинговые, консалтинговые, дизайнерские услуги, услуги технического обслуживания и НИОКР по мере своего развития перестают быть внутренними и в соответствии с глобальной тенденцией к расширению аутсорсинга все чаще становятся внешними. По мере развития (качественного и количественного) услуги промышленного характера выделяются из производственного комплекса и передаются отдельным специализированным предприятиям, чья деятельность связана с промышленным производством или промышленной продукцией, относящимся, как правило, к сфере услуг.

Современными методами оказания услуг промышленного характера являются внутреннее (собственными силами предприятия) и внешнее (внешними специализированными предприятиями, относящимися, как правило, к сфере услуг) оказание этих услуг. В соответствии с первым методом организационной формой оказания услуг промышленного характера будут внутренние услуги, в рамках которых потребности предприятия в рассматриваемых услугах удовлетворяются специализированными структурными подразделениями самого предприятия. Второму методу (оказание услуг внешними специализированными предприятиями) соответствуют организационные формы инсорсинга и аутсорсинга. Инсорсинг услуг промышленного характера предполагает оказание услуг специализированной организацией иным предприятиям, находящимся с ней в кооперационной взаимосвязи (например, в рамках кластера, холдинга, промышленной группы и т. п.). При этом услуги промышленного характера могут оказываться сторонним организациям, что позволяет дополнительно использовать имеющиеся активы, увеличивая при

⁸⁶⁸ Хаксевер, К. Управление и организация в сфере услуг / К. Хаксевер [и др.]. – 2-е междунар. изд. – СПб.: Питер: Питер бук, 2002. – 751 с. – С. 31–32.

этом свою прибыль. Аутсорсинг представляет собой передачу отдельных функций, которые для предприятия являются непрофильным видом деятельности, в частности, услуги промышленного характера сторонним организациям, что позволяет освободиться от выполнения неосновного вида деятельности, повысить качество и эффективность оказываемых услуг, перераспределить риски. Более подробно преимущества и недостатки рассматриваемых организационных форм оказания услуг промышленного характера рассмотрены в статье «Методическое обеспечение совершенствования экономического механизма оказания услуг промышленного характера»⁸⁶⁹.

В зависимости от метода и формы оказания услуг промышленного характера варьируется и выбор инструментов их оказания, например, трудовой договор, подряд, сервисное обслуживание и т. д. С развитием услуг промышленного характера появляются новые бизнес-модели их оказания. Б. Шмитц Г. Фром, Т. Зетцер и А. Исаксон отмечают: «По мере усложнения промышленных товаров и услуг потребители готовы покупать больше услуг и по более высокой цене, чем раньше. С другой стороны, покупатели хотят избежать риска непредвиденных расходов на обслуживание и все больше покупателей переходят к моделям обслуживания, которые гарантируют выполнение работы или заданный результат, заключая контракты с оплатой за результат или контракты с предоставлением полного спектра услуг»⁸⁷⁰. Таким образом, все большее распространение среди инструментов оказания услуг промышленного характера получают контракты с предоставлением полного спектра услуг, контракт с оплатой по результатам, по мере использования или по мере готовности к эксплуатации.

Методы, организационная форма и инструменты оказания услуг промышленного характера влияют на особенности ценообразования этих услуг. Если в отношении внутренних услуг проблема ценообразования не возникает, поскольку потребности предприятия в услугах удовлетворяются собственными силами, то при оказании услуг специализированными предприятиями может использоваться как трансфертное ценообразование (в случае оказания услуг связанному предприятию – инсорсинг), так и рыночное, то есть основанное на соотношении спроса и предложения (в случае оказания услуг сторонней организации – аутсорсинг).

⁸⁶⁹ Мелешко, Ю. В. Методическое обеспечение совершенствования экономического механизма оказания услуг промышленного характера/ Ю. В. Мелешко// Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д. Экон. и юрид. науки. – № 14. – С. 51–60.

⁸⁷⁰ Schmitz, B. What is "Industrial Service"? A Discussion Paper [Electronic resource] / B. Schmitz, H. Fromm, T. Setzer, Alf J. Isaksson // Conference: First Karlsruhe Service Summit Workshop – Advances in Service Research, At Karlsruhe, Germany. – January 2015. – Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/292747715_What_is_Industrial_Service_A_Discussion_Paper. – Date of access: 09.09.2017.

Поскольку услуги промышленного характера являются неотъемлемой частью промышленного производства и без многих из них невозможно обеспечить функционирование промышленного предприятия, зачастую потребности предприятия в этих услугах должны быть удовлетворены вне зависимости от их стоимости, например вспомогательные услуги промышленного характера, услуги снабжения и сбыта, административные услуги. В связи с этим, основной задачей для предприятий, являющихся потребителями услуг промышленного характера, становится минимизация затрат на эти услуги, одним из вариантов решения которой является выбор наиболее предпочтительной организационной формы оказания услуг промышленного характера.

Отличительными характеристиками услуг промышленного характера в сравнение с производственным процессом на промышленном предприятии являются относительно низкая капиталоемкость и большая доля добавленной стоимости в конечной продукции. В результате этого организационно-экономический механизм оказания услуг промышленного характера отличается высокой степенью маневренности и высокими темпами развития. Вместе с тем следует учитывать зависимость этого механизма от более инертной материально-технической и технологической базы производства. Также организационно-экономический механизм оказания услуг промышленного характера, как правило, не подвержен сезонным колебаниям.

Функцию сохранения структуры и поддержания деятельности организационно-экономического механизма оказания услуг промышленного характера, обеспечение цели достижения этой деятельности выполняют организационно-управленческие отношения. Эти отношения реализуются через систему органов управления, при этом здесь под управлением понимается как целенаправленное государственное регулирование социально-экономических отношений, так и стихийное саморегулирование.

Особенностью организационно-управленческой составляющей организационно-экономического механизма оказания услуг промышленного характера является его меньшая степень институциональной формализованности по сравнению с крупными и средними промышленными предприятиями. Это связано, во-первых, с отсутствием единой государственной политики управления услугами промышленного характера. На сегодняшний день в Республике Беларусь отсутствует системный подход к управлению развитием организационно-экономического механизма оказания услуг промышленного характера. Государственное регулирование развития услуг промышленного характера осуществляется в контексте развития иных видов деятельности (Государственная программа инновационного развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы, Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, Программа развития промышленного комплекса Республики Беларусь на период до

2020 года и др.) или затрагивает отдельные виды услуг промышленного характера (Государственная программа развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 годы, Государственная программа «Наукоемкие технологии и техника» на 2016–2020 годы и др.). Во-вторых, в сфере оказания услуг промышленного характера в виду ее высокой динамичности действует меньшее по сравнению со сферой промышленного производства количество устоявшихся норм поведения (обычаев, традиций). В-третьих, оказание большинства видов услуг промышленного характера сопряжено с интеллектуальным трудом (а не физическим), и требует более высокой компетенции персонала (квалификация, навыки и умения). Тенденция терциализации промышленного производства характеризуется также концентрацией наиболее компетентного персонала именно в сфере оказания услуг промышленного характера, а не в сфере изготовления промышленной продукции. При оказании услуг промышленного характера работник, как правило, обладает относительной самостоятельностью и независимостью в своих действиях и ориентирован, в первую очередь, на качество продукта его труда. В связи с этим организационно-управленческие отношения, возникающие при оказании услуг промышленного характера, формируются таким образом, чтобы обеспечить нужную степень самостоятельности работников и максимально способствовать удовлетворению их индивидуальных потребностей, что также предопределяет меньший уровень институциональной формализованности таких отношений.

Социально-экономические отношения в рамках организационно-экономического механизма оказания услуг промышленного характера представляют собой субъект-субъектные отношения, складывающиеся в процессе оказания этих услуг по поводу методов, форм, инструментов и организационно-управленческих отношений. Участниками этих отношений являются: субъекты хозяйствования (предприятия, оказывающие и потребляющие услуги промышленного характера: производственные предприятия, предприятия, чья деятельность связана с промышленным производством или промышленной продукцией (как правило, предприятия, занимающиеся разработкой, сбытом или послепродажным обслуживанием промышленной продукции, а также обеспечением производственного процесса); органы государственного управления (Совет Министров Республики Беларусь, Национальный Банк Республики Беларусь, министерства и ведомства и т. д.); а также индивиды как носители способностей к труду (работники, трудовые коллективы, профессиональные союзы).

Важно подчеркнуть взаимовлияние всех составляющих организационно-экономического механизма оказания услуг промышленного характера друг на друга. Так, например, социально-экономические отношения, с одной стороны, зависят от конкретных реализуемых в данный момент

форм и методов хозяйствования, в то же время такие отношения во многом и определяют выбор тех или иных хозяйственных форм и методов. Аналогичные взаимозависимости выстраиваются между всеми названными компонентами организационно-экономического механизма оказания услуг промышленного характера.

Таким образом, под организационно-экономическим механизмом оказания услуг промышленного характера в дальнейшем будет пониматься комплекс мер (форм, методов и инструментов хозяйствования, устойчивых организационно-управленческих и социально-экономических отношений) по функционированию и развитию услуг промышленного характера с целью обеспечения роста конкурентоспособности национального промышленного комплекса и промышленных предприятий. Особенности организационно-экономического механизма оказания услуг промышленного характера проявляются в специфических методах (внешнее и внутреннее оказание услуг), формах (внутренняя услуга, аутсорсинг и инсорсинг) и инструментах (трудовой договор, подряд, сервисное обслуживание с различными типами контрактов) хозяйствования, способах ценообразования услуг промышленного характера (трансфертное, рыночное или отсутствие цены в случае внутренних услуг). Организационно-управленческие отношения, складывающиеся при оказании услуг промышленного характера, характеризуются меньшей степенью институциональной формализованности по сравнению с крупными и средними промышленными предприятиями, и отсутствием системного государственного управления развитием организационно-экономического механизма оказания услуг промышленного характера. Субъект-субъектные отношения в рамках рассматриваемого механизма представлены предприятиями промышленного комплекса (производственные предприятия и предприятия, чья деятельность связана с промышленным производством или промышленной продукцией, оказывающие и потребляющие услуги промышленного характера), органами государственного управления (Совет Министров Республики Беларусь, Национальный Банк Республики Беларусь, министерства и ведомства и т.д.), а также работниками (трудовыми коллективами) как носителями способности к труду. Организационно-экономический механизм оказания услуг промышленного характера отличается высокой степенью маневренности и высокими темпами развития, что связано с относительно низкой капиталоемкостью услуг промышленного характера и их большей долей добавленной стоимости в конечной продукции, при этом, однако, зависимость от более инертной материально-технической и технологической базы промышленного производства⁸⁷¹.

⁸⁷¹ Мелешко, Ю. В. Понятие экономического механизма оказания производственных услуг: теоретико-методологическое обеспечение / Ю. В. Мелешко // Проблемы модернизации экономики сквозь призму экономических, правовых и инженерных подходов: сборник статей

Рассмотрение услуг промышленного характера как неотъемлемой части промышленного производства, экономическая сущность которых заключается в обеспечении создания, развития и функционирования технологий, связанных с разработкой, производством, реализацией и сервисным обслуживанием промышленной продукции, и выявление особенности организационно-экономического механизма их оказания (маневренность, высокие темпы развития, неподверженность сезонным колебаниям, зависимость от более инертной материально-технической и технологической базы производства, специфические форма, методы и инструменты хозяйствования, круг субъектов и организационно-управленческие отношения) позволяет вывести принцип взаимообусловленности опережающего развития услуг промышленного характера и ускоренной модернизации национального промышленного комплекса, в соответствие с которым должны быть определены направления и инструменты развития организационно-экономического механизма оказания этих услуг в условиях технико-технологической модернизации белорусского промышленного комплекса.

8.2 Значение услуг промышленного характера в повышении конкурентоспособности промышленных предприятий (в контексте четвертой промышленной революции)

Тенденция сокращения доли промышленного производства при одновременном увеличении доли сектора услуг в структуре ВВП и занятости, начавшаяся в середине 1950-х гг. в США, сегодня носит глобальный характер и затрагивает не только экономически наиболее развитые страны (США, Германия, Япония, Великобритания), но и развивающиеся страны и страны с транзитивной экономикой, в том числе и Республику Беларусь. По данным Всемирного банка доля услуг в мировом ВВП увеличилась с 64,2% в 2000 г. до 69% в 2015 г.⁸⁷². При этом причины и последствия произошедшего сдвига очень разнообразны, и для их оценки необходимо учитывать также изменения, происходящие внутри этих секторов экономики, и взаимосвязь между ними. Зачастую, резкое увеличение доли сектора услуг в мировом хозяйстве связывают с сервисизацией экономики,

победителей Международного конкурса молодых ученых и студентов. 24 марта 2016 г., г. Минск / БНТУ; редкол. С. Ю. Солодовников (пред. редкол.) [и др.]. – Минск: БНТУ, 2016. – С. 56–72.

⁸⁷² Services, etc., value added (current US\$)(NV.SRV.TETC.CD) [Electronic resource] // The World Bank. – Mode of access: <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators>. – Date of access: 05.05.2018.

то есть «возрастанием видов деятельности, нацеленных на обслуживание индивидуальных потребителей»⁸⁷³. Такой подход основывается на том, что преимущество, в особенности на первых этапах развития сферы услуг как самостоятельной сферы народного хозяйства, получили такие услуги, как розничная торговля, транспорт, туризм, финансовые услуги. Сервисизация экономики является непосредственным следствием увеличения доходов домашних хозяйств и совместно с технико-технологическим развитием влечет за собой перераспределение доли в структуре ВВП и занятости в сторону сферы услуг.

Возможность формирования в сфере услуг более высокой добавленной стоимости и меньшая степень ее капиталоемкости по сравнению с промышленным производством привели к снижению к началу XX в. индустриальной активности практически во всех экономически развитых странах и переориентацию экономики на производство услуг, то есть к деиндустриализации. При этом сокращение занятости в промышленном производстве не означает автоматическое пропорциональное увеличение занятости в сфере услуг. О. В. Дьяченко, изучая последствия деиндустриализации в США, пишет: «Первым и наиболее болезненным следствием деиндустриализации стало сокращение производственных рабочих мест. <...> Сервисные сектора, обслуживающие потребности умирающего производства, также ощутили волны деиндустриализации. В исследованиях американских ученых в середине 1980-х гг. отмечалось, что при потере 1000 рабочих мест в промышленности экономика также лишается 1000 рабочих мест в сервисном секторе»⁸⁷⁴. Таким образом, при деиндустриализации сокращается количество занятых в промышленном производстве, а также в тех отраслях сферы услуг, которые связаны непосредственно с промышленным производством. При этом освободившаяся рабочая сила перераспределяется, как правило, в иные отрасли сектора услуг, что связано с относительной простотой переквалификации работников для этих видов деятельности.

Одной из главных причин увеличения доли услуг в структуре мирового хозяйства А. Айкельпаш называет повышение капиталоемкости промышленного производства. Этот автор пишет: «С каждой новой машиной возрастает продуктивность работника. Это приводит в том числе к тому, что доля персонала, занятого изготовлением, сокращается, – указывает А. Айкельпаш. – С другой стороны мы не должны забывать про тесные

⁸⁷³ Скоробогатова, Т. Н. Сервисизация экономики как сформировавшаяся парадигма [Электронный ресурс] / Т. Н. Скоробогатова // Культура народов Причерноморья. – 2007. – № 104. – С. 67–71.

⁸⁷⁴ Дьяченко, О. В. Мировые тренды реиндустриализации: первоначальный опыт и современные противоречия / О. В. Дьяченко, Е. С. Зарубежнов // Экономическое возрождение России. – 2015. – № 3. – С. 62–75.

связи с другими предприятиями. Предприятия зачастую покупают промежуточные услуги, которые до этого производили сами»⁸⁷⁵. В качестве еще одной возможной причины этот автор называет развитие аутсорсинга, вследствие которого статистически некоторые виды деятельности, ранее учитываемые в промышленном производстве, теперь отражаются в сфере услуг. «В общем и целом, – подводит итог А. Айкельпаш, – можем исходить из того, что сокращение доли непосредственно производства сводится к тому, что процесс производства становится все более капиталоемким»⁸⁷⁶. При повышении капиталоемкости производства происходит значительное изменение в структуре занятости, что зачастую трактуется как деиндустриализация. К. Шваб указывает на наличие двух конкурирующих воздействий технологий на занятость: «Во-первых, существует деструктивный эффект, поскольку обусловленный технологией прорыв и автоматизация заменяют труд на капитал, лишая рабочих заработка или вынуждая их применять свою квалификацию в другом месте. Во-вторых, указанный деструктивный эффект сопровождается эффектом капитализации, когда спрос на новые товары и услуги повышается и обуславливает создание новых рабочих мест, компаний и даже отраслей»⁸⁷⁷. Исходя из расширенной трактовки деиндустриализации как «значительного уменьшения роли производящих отраслей в структуре экономики государства, в результате глубокого кризиса или переориентации на развитие других направлений или отраслей, например, сферы услуг, туризма и т. п.»⁸⁷⁸, увеличение доли сектора услуг в структуре ВВП и занятости, обусловленное увеличением капиталоемкости промышленного производства, на наш взгляд, не связано с деиндустриализацией экономики.

Однако причиной резкого увеличения доли сектора услуг, в особенности в экономически развитых странах, таких как США, Великобритания, явилась не только интенсификация промышленного производства, но и активное развитие финансово-спекулятивных услуг. Лидерство третичного сектора, обеспечивающееся, в первую очередь, за счет этих услуг, привело к оттоку капитала (человеческого, финансового) и ослаблению промышленного сектора. Виртуализация и рост фиктивного капитала, не связанного с реальным производством, стали причиной неустойчивости национальных и глобальной экономик. После мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. в США и некоторых странах Западной Европы начался (или, в случае с Германией, продолжился) процесс, обратный деиндустриализации, – реиндустриализация, отличаю-

⁸⁷⁵ Sechs Fragen an Alexander Eickelpasch: «Immer weniger Industriebeschäftigte arbeiten in der Fertigung» // DIW Wochenbericht. – 2014. – Nr. 33. – S. 771.

⁸⁷⁶ Там же. – S. 771.

⁸⁷⁷ Шваб, К. Четвертая промышленная революция/ К. Шваб. – М.: Эксмо, 2016. – 208 с. – С. 31.

⁸⁷⁸ Деиндустриализация [Электронный ресурс] // Словарь бизнес-терминов. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/business/3272>. – Дата доступа: 05.05.2018.

щийся интенсивным развитием национального промышленного производства, преимущественно высокотехнологичных и наукоемких отраслей. Основной причиной изменения промышленной политики наиболее крупных экономик мира О. В. Дьяченко справедливо считает стремление к технологическому лидерству. «Противоречия между Россией, США и странами Запада можно объяснить стремлением к монополизации высокотехнологичных ниш в областях критических технологий (живые системы, медицина, биохимия, генетика, химические технологии, наноматериалы, космические технологии, технологии автоматизации производства и др.), – пишет этот автор. – Все мировые игроки понимают: кто первый займет эти конкурентные позиции, тот и будет принимать решения о распределении и присвоении большей части глобального капитала в недалеком будущем»⁸⁷⁹.

Обратимся к статистическим данным, демонстрирующим изменения структуры национальных ВВП отдельных стран. На рисунке 8.1 представлена динамика доли промышленного производства в ВВП с 2008 по 2015 гг. по данным Всемирного банка. Горизонтальной линией обозначена доля промышленного производства в ВВП рассматриваемой страны в 2000 г.

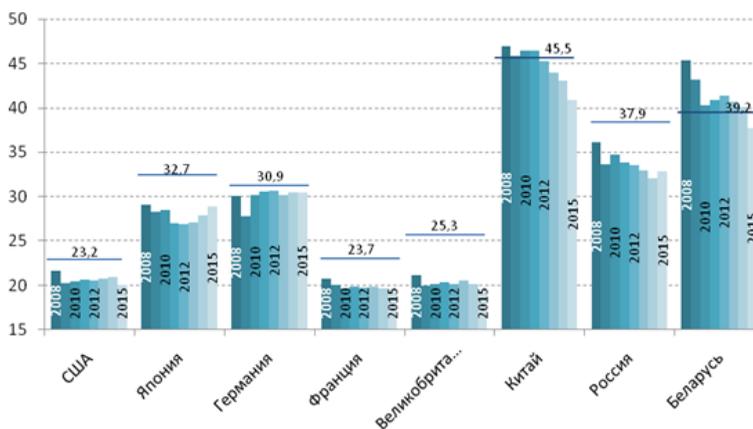

Рисунок 8.1 – Доля промышленного производства в ВВП в 2008–2015 гг. (горизонтальной линией – в 2000 г.)

Источник: собственная разработка авторов на основе данных⁸⁸⁰.

⁸⁷⁹ Дьяченко, О. В. Мировые тренды реиндустриализации: первоначальный опыт и современные противоречия/ О. В. Дьяченко, Е. С. Зарубежнов // Экономическое возрождение России. – 2015. – №3. – С. 62–75.

⁸⁸⁰ Popular Indicators [Electronic resource] // The World Bank. – Mode of access: <http://data-bank.worldbank.org/data/reports.aspx?Code=NY.GDP.MKTP>.

Благодаря относительно недорогой рабочей силе (по показателю затрат на рабочую силу на единицу продукции разрыв в 2006 г. между Китаем и США составлял 17,1 долл. США, к 2014 г. разрыв сократился до 9,2 долл. США⁸⁸¹), самой дешевой электроэнергии среди мировых промышленных лидеров (2 долл. США за миллион британских тепловых единиц, для сравнения в Южной Корее – 16 долл. США, в Китае – 14 долл. США⁸⁸²), невысокой стоимости капитала и конкурентоспособности экспорта (во многом за счет слабости доллара) в США с 2010 г. по 2014 г. доля промышленного производства в структуре ВВП выросла с 20,2% до 20,9%⁸⁸³. Рост был обеспечен как созданием новых и развитием имеющихся промышленных предприятий, так и рещорингом, то есть возвращением на территорию США производственных мощностей, перенесенных ранее за границу.

Финансово-экономический кризис отрицательно сказался также и на экономическом развитии Европейского союза, в том числе и промышленности. В первую очередь, пострадали такие секторы промышленности, как производство электрооборудования, компьютеров, оптики, при этом для фармацевтической и пищевой промышленности, неавтомобильного транспортного машиностроения было характерно устойчивое развитие⁸⁸⁴. В целом же промышленное производство оказалось более устойчивым к кризисным явлениям, что побудило Европейский союз к принятию новой концепции экономического развития, получившей название «от рецессии к реиндустриализации»⁸⁸⁵. К 2020 г. поставлена цель, увеличить удельный вес промышленности в совокупном ВВП до 20%⁸⁸⁶. Однако методы и инструменты реализации принятой концепции, а также ее темп будет отличаться в зависимости от уровня социально-экономического развития и особенностей структуры их экономик.

Во Франции в посткризисный период только в 2011 г. и 2013 г. был зафиксирован рост доли промышленного производства (достиг 19,8%), в 2014–2015 гг. этот показатель снова начал сокращаться и упал до 19,5%.

KD.ZG&id=1ff4a498&report_name=Popular-Indicators&popularitytype=series& isopular=y. – Date of access: 05.05.2018.

⁸⁸¹ Побываев, С. А. Реиндустриализация в США и ЕС/ С. А. Побываев, С. А. Толкачев// Мир новой экономики. – 2015. – № 2. – С. 29–36. – С. 30.

⁸⁸² Там же. – С. 30.

⁸⁸³ Popular Indicators [Electronic resource] // The World Bank. – Mode of access: <http://data-bank.worldbank.org/data/reports.aspx?Code=NY.GDP.MKTP>. KD.ZG&id=1ff4a498&report_name=Popular-Indicators&popularitytype=series& isopular=y. – Date of access: 05.05.2018.

⁸⁸⁴ Побываев, С. А. Реиндустриализация в США и ЕС/ С. А. Побываев, С. А. Толкачев// Мир новой экономики. – 2015. – № 2. – С. 29–36. – С. 33.

⁸⁸⁵ Там же. – С. 33.

⁸⁸⁶ Там же. – С. 33.

В Великобритании, которая исходит из стратегии построения «классической постиндустриальной экономики», доля промышленного производства в ВВП уже в 2010 г. увеличилась до 20,1%, в 2011 г. – до 20,3%, и после небольшого спада в 2012 г. (20,1%) достигла в 2013 г. 20,5%. Однако в 2014 г. начался спад промышленного производства и его доля в ВВП страны к 2015 г. снизилась до 19,4%. В Германии, которая строит сверхиндустриальную экономику, на протяжении трех посткризисных лет наблюдался устойчивый рост доли промышленности в структуре ВВП: в 2010 г. – 30,2%, в 2011 г. – 30,6%, в 2012 г. – 30,%. В 2013 г. этот показатель сократился до 30,2%, после чего снова начал расти и в 2014–2015 гг. составил 30,5%. Примечательным является то, что, преодолев кризисный спад уже в 2010 г. (в 2009 г. доля промышленности в ВВП составила 27,8%), доля промышленности Германии сохранялась на достаточно высоком уровне и не опускалась ниже показателей 2008 г. (30,1%). В то же время доля промышленного производства в структуре ВВП Франция так и не достигла показателей уровня 2008 г. (20,7%), а Великобритания, после некоторого подъема, в 2015 г. сократила долю промышленности в своем ВВП по сравнению с 2008 г. на 0,7% (с 21,1% в 2008 г. до 19,4% в 2015 г.)⁸⁸⁷. О. В. Дьяченко и Е. С. Зарубежнов справедливо отмечают: «Германия осталась одной из немногочисленных стран-членов ЕС, которая с начала XXI в. смогла не только сохранить высокую долю промышленности (22,5%), но и увеличит объем промышленной продукции на 23,5%. ... Либерально-монетаристская модель уступила более прогрессивной – производственно-социальной, предполагающей приоритетное развитие промышленного производства, интегрированного в международные цепочки создания стоимости»⁸⁸⁸.

Вместе с тем сокращение доли промышленного производства в структуре ВВП не всегда связано с деиндустриализацией, а может быть обусловлено абсолютным приростом производства услуг. На рисунке 8.2 представлен объем услуг (оптовая и розничная торговля, общественное питание, транспорт, государственное управление, финансы, бытовое обслуживание, услуги профессионального характера (например, инженерные, проектные услуги), здравоохранение, образование, услуги в сфере недвижимости), оказанных с 2008 г. по 2015 г., в некоторых странах по данным Всемирного банка (в текущих ценах, долл. США).

⁸⁸⁷ Popular Indicators [Electronic resource] // The World Bank. – Mode of access: http://data-bank.worldbank.org/data/reports.aspx?Code=NY.GDP.MKTP.KD.ZG&id=1ff4a498&report_name=Popular-Indicators&populartype=series&ispopular=y. – Date of access: 05.05.2018.

⁸⁸⁸ Дьяченко, О. В. Мировые тренды реиндустриализации: первоначальный опыт и современные противоречия / О. В. Дьяченко, Е. С. Зарубежнов // Экономическое возрождение России. – 2015. – № 3. – С. 62–75. – С. 65.

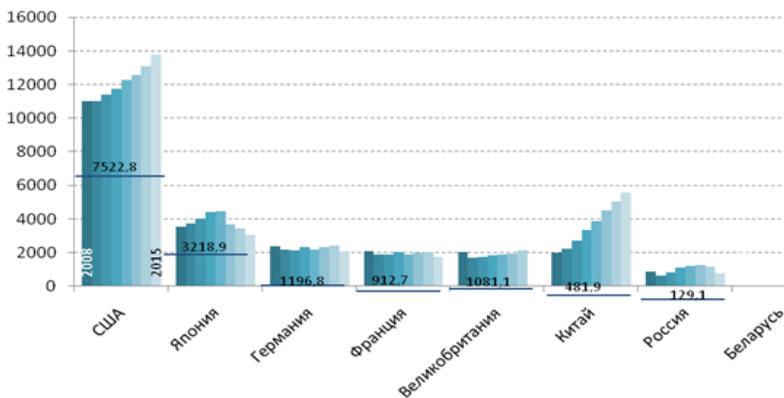

Рис. 8.2 – Объем сферы услуг в текущих ценах в 2008–2015 гг. (горизонтальной линией – в 2000 г.).

Источник: собственная разработка авторов на основании данных⁸⁸⁹

За рассматриваемый период в США, занимающих первое место в мире по объему оказываемых услуг, начиная с 2009 г. объем услуг постоянно возрастал: данный показатель составил в 2009 г. 11 014 млрд. долл. США, а к 2015 г. увеличился до 13 780 млрд. долл. США⁸⁹⁰. Соотнесение этих показателей с рассматриваемой ранее динамикой доли промышленного производства в ВВП США, которая в 2009–2014 гг. стабильно росла, является также подтверждением проводимой реиндустриализации в США.

Однако в странах-участниках Европейского союза тенденция увеличения объема оказываемых услуг была не столь однозначна. Во Франции, в частности, в посткризисный период объем услуг варьировался от 1 911,2 млрд. долл. США в 2009 г. до максимального значения 2 013,8 млрд. долл. США в 2013 г., после чего начал сокращаться и составил в 2015 г. 1703,1 млрд. долл. США, что на 339,6 млрд. долл. США меньше, чем в 2008 г. Несмотря на более существенное падение объемов оказываемых услуг в первые годы после кризиса (в 2009–2010 гг. объем услуг снизился более чем на 300 млрд. долл. США), Великобритании в 2015 г. удалось достичь показателя в 2 038,6 млрд. долл. США, что даже превысило уровень 2008 г. В Германии за рассматриваемый период объем оказываемых

⁸⁸⁹ Services, etc., value added (current US\$)(NV.SRV.TETC.CD) [Electronic resource] // The World Bank. – Mode of access: <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators>. – date of access: 05.05.2018.

⁸⁹⁰ Services, etc., value added (current US\$)(NV.SRV.TETC.CD) [Electronic resource] // The World Bank. – Mode of access: <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators>. – date of access: 05.05.2018.

услуг превышал аналогичный показатель Франции и Великобритании, тем не менее наблюдался существенный спад. Только в 2014 г. объем оказываемых услуг в Германии достиг уровня 2008 г. и составил 2 398 млрд. долл. США (в 2008 г. – 2 330,7 млрд. долл. США). Доля сферы услуг в ВВП в 2008–2015 гг. в некоторых странах отражена на рисунке 8.3.

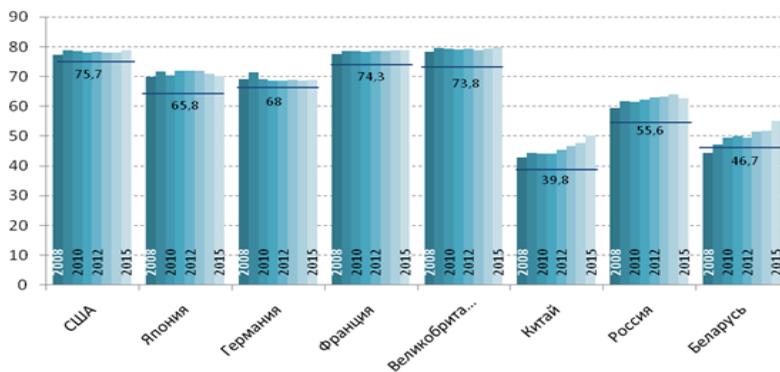

Рис. 8.3 – Доля сферы услуг в ВВП в 2008–2015 гг. (горизонтальной линией – в 2000 г.).

Источник: собственная разработка авторов на основании данных⁸⁹¹

Несмотря на существенные колебания объемов услуг, оказываемых во Франции в 2008–2015 гг., доля сферы услуг в структуре ВВП оставалась почти неизменной: она варьировалась от 78,5% в 2008 г. до 78,8% в 2015 г. В Великобритании доля сферы услуг в ВВП изменялась более динамично: после спада в 2008 г., когда данный показатель составил 78,2%, в 2009 г. доля услуг в ВВП увеличилась на 1,3% (до 79,5%). Далее снижение и повышение доли услуг в ВВП Великобритании чередовались в диапазоне от 79% в 2011 г. до 79,9% в 2015 г. В Германии же в 2009 г. доля сферы услуг в ВВП составила 71,5%, после чего с колебаниями то в сторону снижения, то в сторону повышения, все же упала к 2015 г. до 68,9%.

Таким образом, проведенный анализ динамики структуры ВВП и объема оказываемых услуг показывает большую чувствительность экономики Европейского союза (по сравнению с экономикой США) к кризисным явлениям, негативно повлиявшим и на промышленное производство, и на сферу услугу. При этом, однако, экономика Германии оказалась более устойчивой к глобальному финансово-экономическому кризису 2008–2009 гг., что большинство специалистов объясняют развитостью про-

⁸⁹¹ Там же.

мышленности, ее экспортоориентированностью и конкурентоспособностью немецкой промышленной продукции на международных рынках. Д. Эдлер и А. Айкельпаш, однако, обращают внимание на структурные изменения, произошедшие внутри самого промышленного производства: «Мы установили, что деятельность, связанная непосредственно с изготовлением и производством, теряет значение, в то время как услуги промышленного характера набирают вес»⁸⁹². И именно сфера услуг промышленного характера оказалась наиболее устойчивой: «Во время кризиса 2008/2009 гг. занятость в обрабатывающей промышленности существенно сократилась, но к 2012 г. уже достигла уровня 2008 г. и с этого момента росла дальше. В сфере услуг промышленного характера в узком смысле провал занятости, связанный с кризисом, был преодолен уже в 2010 г. В сфере услуг промышленного характера в широком смысле кризис был практически не заметен»⁸⁹³.

Сегодня в Германии только половина занятых в промышленном производстве участвует непосредственно в производственном процессе⁸⁹⁴. Д. Эдлер и А. Айкельпаш отмечают высокую степень гетерогенности сектора услуг: «В отношении так называемой терциализации речь идет, в первую очередь, о возрастании информационных услуг и таких коммерческих услуг, как НИОКР, технических, финансовых консалтинговых услуг по юридическим и налоговым вопросам, рекламы и маркетинговых исследований, торговли и транспорта»⁸⁹⁵. По данным проведенных ими исследований около 30% услуг являются промежуточным продуктом потребления для промышленного производства, при этом чуть меньше 23% услуг потребляется непосредственно обрабатывающей промышленностью⁸⁹⁶. Эти авторы приходят к выводу, что «рост сектора услуг обусловлен в большей степени растущим спросом предприятий (промышленных предприятий и предприятий сферы услуг) и в меньшей спросом домашних хозяйств»⁸⁹⁷.

Статистический рост сектора услуг, характерный для мировой экономики в целом, породил множество дискуссий о деиндустриализации как новом этапе общественного развития. Однако, «говорить о деиндустриализации как о мировой тенденции, неправомерно, поскольку, во-первых,

⁸⁹² Sechs Fragen an Alexander Eickelpasch: «Immer weniger Industriebeschäftigte arbeiten in der Fertigung» // DIW Wochenbericht. – 2014. – Nr. 33. – S. 771.

⁸⁹³ Eickelpasch, A. Industrie und industrienahе Dienstleistungen in der Region Frankfurt-Rhein-Main/ A. Eickelpasch, R. Behrend, D. Krüger-Röth. – Berlin: DIW Berlin, 2017. – 137 S. – S. 23.

⁸⁹⁴ Там же. – S. 24.

⁸⁹⁵ Edler, D. Die Industrie – ein wichtiger Treiber der Nachfrage nach Dienstleistungen/ D. Edler, A. Eickelpasch// DIW Wochenbericht. – 2013. – Nr. 34. – S. 16–23. – S. 17.

⁸⁹⁶ Там же. – S. 19.

⁸⁹⁷ Edler, D. Die Industrie – ein wichtiger Treiber der Nachfrage nach Dienstleistungen/ D. Edler, A. Eickelpasch// DIW Wochenbericht. – 2013. – Nr. 34. – S. 16–23. – S. 17.

данная тенденция не носит универсальный характер (рост третичного сектора в структуре ВВП характерен, как правило, для стран с высоким уровнем доходов, в странах с низким уровнем дохода наблюдается обратная тенденция – рост доли индустриального сектора), во-вторых, в зависимости от причин роста сферы услуг деиндустриализация может быть реальной или носить условный характер»⁸⁹⁸. Вывод о деиндустриализации экономики, базирующийся лишь на росте статистических показателей доли сектора услуг в общем объеме создаваемого продукта, является результатом методологической ошибки, заключающейся в отождествлении отраслевой и технологической структуры труда.

Статистически процесс терциализации промышленности отражается как увеличение количества занятых в сфере услуг промышленного характера и возрастание доли этих услуг в добавленной стоимости промышленной продукции. Исследования, проведенные немецкими экономистами, показали, что в среднем в обрабатывающей промышленности доля услуг промышленного характера (по количеству занятых) составляет около 52%. К отраслям с наибольшей долей услуг промышленного характера относятся: фармацевтика – 70,7%, производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования – 66,4%, швейное производство – 64,2%. В отраслях с наименьшей долей услуг промышленного характера этот показатель составляет не менее 30%: издательская деятельность – 41,1%, целлюлозно-бумажное производство – 37,8%, производство готовых металлических изделий – 31,9%⁸⁹⁹. Такое соотношение характерно и для белорусской промышленности.

Вместе с тем терциализация промышленности свидетельствует также и об изменении значения услуг промышленного характера. Традиционно деятельность, связанная с услугами промышленного характера, относилась к вспомогательным процессам производства. Так, например, разрабатывая проблематику классификации промышленных товаров Д. О. Ямпольская отмечает: «Выделяют три группы этих товаров (*товаров производственного назначения – примечание авторов*): материалы и детали, капитальное имущество и вспомогательные материалы и услуги»⁹⁰⁰. При

⁸⁹⁸ Мелешко, Ю. В. Формирование структурной политики с учетом особенностей секторальной структуры производства в неиндустриальной экономике / Ю. В. Мелешко // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2019. – Вып. 9. – С. 23–33. – С. 30.

⁸⁹⁹ Eickelpasch, A. Funktionaler Strukturwandel in der Industrie: Bedeutung produktionsnaher Dienste nimmt zu / A. Eickelpasch // DIW Wochenbericht/ – 2014. – Nr. 33. – S. 759–770.

⁹⁰⁰ Ямпольская, Д. О. Проблемы и перспективы классификации промышленных товаров / Д. О. Ямпольская // Маркетинговое сопровождение промышленных товаров российского происхождения на рынки стран Азии, Африки и Латинской Америки: сборник научных трудов; под ред. А.М. Зобова, Е.А. Дегтяревой, А.М. Чернышовой. – М.: РУДН, 2016. – С. 69–86. – С. 73.

этом к первой группе (группе А) относят сырье, полуфабрикаты и детали (полностью переносят свою стоимость на выпускаемый продукт, как правило, относятся к оборотным средствам производства), ко второй (группе В) – здания, сооружения и стационарное технологическое оборудование (основные средства производства), к третьей группе (группе В) – вспомогательные сырье и материалы, деловые услуги различного рода. Описывая группу В, этот автор указывает в качестве основной характеристики, что «оборудование этого типа вообще не становится частью готового изделия»⁹⁰¹. Однако сегодня функциональное назначение услуг промышленного характера значительно расширилось, а вместе с тем увеличилось и качественное разнообразие услуг промышленного характера. Н. И. Ивашкова указывает на то, что для промышленного предприятия рассматриваемые нами услуги являются «во-первых, гибким и восприимчивым инструментом товарной политики в комплексе маркетинга предприятия; во-вторых, функциональным элементом его производственной логистической системы; в-третьих, потоковым процессом взаимодействия систем производителя и потребителя промышленной продукции»⁹⁰². Кроме выделенных Н. И. Ивашковой функций услуг промышленного характера – маркетинговой, производственно-логистической и организационной – на наш взгляд, еще одной важнейшей функцией услуг промышленного характера является разработка самой промышленной продукции (НИОКР, дизайн, инжиниринг и т. д.). В контексте четвертой промышленной революции названные выше функции услуг промышленного характера приобретают новую форму реализации, зачастую, новое значение.

Создание цифровых компьютеров и последующее развитие информационных технологий характеризовали третью промышленную революцию, о свершении которой можно говорить и в Беларуси. На Всемирном экономическом форуме в Давосе, проходящем в январе 2017 г., большинство экономистов сошлись во мнении, что «человечество стоит на краю новой технологической революции»⁹⁰³, а именно четвертой промышленной революции. Зачастую четвертую промышленную революцию рассматривают как продолжение третьей, цифровой, промышленной революции. По этому поводу К. Шваб отмечает: «Цифровые технологии, основанные на аппаратном и программном обеспечении и сетях, не являются новшеством, но с каждым годом уходя все дальше от третьей промышлен-

⁹⁰¹ Там же. – С. 75.

⁹⁰² Ивашкова, Н. И. Маркетинговый подход к развитию промышленных сервисных услуг / Н. И. Ивашкова, Е. И. Карякин // Инициативы XXI века. – 2013. – № 4. – С. 73–76. – С. 74.

⁹⁰³ 4-я промышленная революция в Давосе [Электронный ресурс] // Эксперт ONLINE. – Режим доступа: <http://expert.ru/2016/01/21/chetvertaya-promyishlennaya-revolyutsiya/>. – Дата доступа: 15.08.2019.

ной революции, становятся более усовершенствованными и интегрированными, вызывая трансформацию общества и глобальной экономики⁹⁰⁴. Ключевым же отличием новой промышленной революции являются киберфизические системы: «Именно синтез этих технологий (*от расширения информации, записанной в человеческих генах до нанотехнологий, от возобновляемых энергоресурсов до квантовых вычислений – примечание авторов*) и их взаимодействие в физических, цифровых и биологических доменах составляют фундаментальное отличие четвертой промышленной революции от всех предыдущих революций»⁹⁰⁵. Внедрение киберфизических систем, позволяющих связать все производственные процессы в одну сеть в режиме реального времени, способных самонастраиваться и самообучаться, нацелено, с одной стороны, на повышение эффективности производства, в том числе за счет уменьшения ошибок, а с другой – на повышение уровня адаптивности промышленной продукции и производства к быстро меняющимся потребностям рынка. Формирование такой гибкой, интегрированной и информативной производственной системы становится возможным благодаря использованию техники и технологий четвертой промышленной революции – беспилотные транспортные средства, 3D-печать, робототехника, новые материалы, новые способы сбора и анализа данных (BigData, DataScience), интернет вещей⁹⁰⁶.

Раскрывая содержание четвертой промышленной революции и ее последствия для бизнеса и государства, К. Шваб отмечает: «Чтобы обеспечивать конкурентоспособность, компании и страны должны внедрять инновации во всех их формах, это означает, что стратегии, преимущественно направленные на снижение затрат, окажутся менее эффективными, чем стратегии, основанные на более инновационных способах предложения продуктов и услуг»⁹⁰⁷. Иными словами, конкурентоспособность продукции в эпоху четвертой промышленной революции обеспечивается за счет использования инноваций, направленных, в первую очередь, на качественное изменение производимой продукции, а не на снижение затрат. В связи с этим особое значение приобретают услуги по разработке и внедрению продукции в производство (НИОКР, дизайн и т. д.) и услуги, сопровождающие промышленную продукцию (маркетинговые услуги, проектирование, консалтинг, профессиональное обучение и т. д.).

⁹⁰⁴ Шваб, К. Четвертая промышленная революция/ К. Шваб. – М.: Эксмо, 2016. – 208 с. – С. 10.

⁹⁰⁵ Там же. – С. 11.

⁹⁰⁶ Шваб, К. Четвертая промышленная революция/ К. Шваб. – М.: Эксмо, 2016. – 208 с. – С. 16; Хуснуллова, А. Р. Четвертая промышленная революция и ее социально-экономические последствия/ А. Р. Хуснуллова, С. Г. Абсалямова// Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. – 2016. – № 2. – С. 59–63. – С. 60.

⁹⁰⁷ Шваб, К. Четвертая промышленная революция/ К. Шваб. – М.: Эксмо, 2016. – 208 с. – С. 30.

Клиентоориентированность промышленной продукции определяет направления изменения бизнес-процессов, в том числе и самих производственных процессов, делая его более гибким и специализированным. «Чтобы удовлетворить все более разнообразные запросы покупателей, необходимо прикладывать все больше усилий для модернизации ассортимента продукции и клиентских услуг, освоение дополнительных рынков труда требует больше инвестиций в маркетинг, рекламу и продажи, – пишет М. Громлинг. – Оптимизация возрастающих, становящихся все более комплексными, бизнес-процессов внутри предприятия и с партнерами требуют больше планирования и контроля, возрастающие требования к работникам – повышение требований к навыкам обучения»⁹⁰⁸. Технологии же четвертой промышленной революции обеспечивают возможность все более глубокого взаимопроникновения бизнес-процессов на фоне их автоматизации и непрерывного контакта производителей и потребителей, в результате трансформируются традиционные и возникают новые формы производства и торговли. Речь идет об «умных заводах», посредством которых, как отмечает К. Шваб, «четвертая промышленная революция создает мир, в котором виртуальные и физические системы производства гибко взаимодействуют между собой на глобальном уровне. Это обеспечивает полную адаптацию продуктов и создание новых операционных моделей»⁹⁰⁹. Новый тип промышленного производства, базирующийся на технологиях промышленного интернета вещей, больших данных (BigData), полной автоматизации производства, позволяет не просто интенсифицировать производственный процесс (повысить производительность труда, снизить уровень брака), но и сформировать единую глубоко интегрированную цепочку создания стоимости, координирующую деятельность всех ее участников (от разработчиков и изготовителей до конечных потребителей), и при необходимости оперативно адаптирующуюся к новым потребностям рынка. Автоматизация логистических процессов и развитие электронной торговли изменяет формы реализации промышленной продукции и способствует еще большей глобализации рынка. В контексте таких изменений производственных процессов и бизнес-процессов роль услуг промышленного характера, как услуг по разработке и внедрению продукции в производство, так и услуг, сопровождающих производственную продукцию, будет и дальше возрастать, что на макроуровне отразится как в увеличении доли добавленной стоимости промышленной продукции, создаваемой этими услугами, так и в возрастании количества занятых в этих сферах производства. К. Шваб справедливо считает, что «переход от простой цифровизации (третья

⁹⁰⁸ Grömling, M.: Die Tertiärisierung der deutschen Wirtschaft – Was treibt den Strukturwandel an, und was bringter? Wirtschaftswissenschaftliche Beiträge des Lehrstuhls für Volkswirtschaftslehre, Wirtschaftsordnung und Sozialpolitik. – 2006. – № 87. – S.9.

⁹⁰⁹ Шваб, К. Четвертая промышленная революция/ К. Шваб. – М.: Эксмо, 2016. – 208 с. – С. 11.

промышленная революция) к инновациям, базирующимся на комбинациях технологий (четвертая революция), вынуждает компании пересмотреть свое отношение к тому, как они работают»⁹¹⁰. Тенденция изменения промышленного производства в сторону клиентоориентированности и развития технологии четвертой промышленной революции будут способствовать перенесению «центра тяжести» промышленных предприятий с изготовления на услуги промышленного характера, за счет которых и будут формироваться основные конкурентные преимущества промышленной продукции.

8.3 Состояние и структура сектора услуг промышленного характера в Республике Беларусь

При исследовании состояния и структуры сектора услуг промышленного характера в Республике Беларусь необходимо учитывать некоторые специфические особенности данной отрасли, а именно:

– в зависимости от организационной формы оказания услуги промышленного характера могут статистически учитываться и в сфере производства, и в сфере услуг. В случае оказания этих услуг собственными структурными подразделениями предприятия (в форме внутренней услуги), они будут относиться к промышленному производству или строительству. Услуги, оказываемые в форме инсорсинга и аутсорсинга, будут учтены в сфере услуг;

– имеющиеся статистические данные не в полной мере отражают субъектную и предметную специфику деятельности по оказанию услуг промышленного характера, поскольку зачастую не выделены в самостоятельную секцию для целей статистического учета.

В Беларуси статистически основная масса услуг промышленного характера, оказываемых специализированными организациями, учитывается в секциях «Торговля; ремонт автомобилей, бытовых изделий и предметов личного пользования» (оптовая торговля, включающая в себя деятельность по торговле средствами производства, материалами и комплектующими), «Транспорт и связь», «Финансовая деятельность», «Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг потребителем» (включающее в себя деятельность, связанную с вычислительной техникой, научные исследования и разработки и предоставление прочих видов услуг потребителям). При этом в секции «Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг потребителем» будет «статистически учитываться большая часть услуг промышленного характера, в

⁹¹⁰ 4-я промышленная революция в Давосе [Электронный ресурс] // Эксперт ONLINE. – Режим доступа: <http://expert.ru/2016/01/21/chetvertaya-promyishlennaya-revoljutsiya/>. – Дата доступа: 16.08.2019.

том числе научно-исследовательская деятельность, инжиниринг, юридические, бухгалтерские услуги и т.д. (за исключением торговли и транспортных услуг), оказываемых в рамках инсорсинга или аутсорсинга)⁹¹¹. Внутренние же услуги, то есть услуги, оказываемые внутри предприятия структурными подразделениями, в официальной статистике не выделяются.

Проведенное ранее исследование развития услуг промышленного характера в Республике Беларусь, основывающееся на анализе макроэкономической ситуации в Республике Беларусь в 1995–2015 гг. в контексте исследования услуг промышленного характера, позволило выявить основные структурные сдвиги, произошедшие как на уровне изменения соотношения производственного сектора и сектора услуг, так и внутри указанных секторов. Было установлено, что за рассматриваемый период увеличилась доля сектора услуг как в структуре ВВП Республики Беларусь, так и в занятости. В производственной сфере в 1995–2015 гг. произошло сокращение доли в структуре ВВП сельского хозяйства, промышленного производства, как добывающего, так и обрабатывающего, производства и распределение электроэнергии, газа и вода, рост был характерен лишь для строительства, при этом значительный. Среди отраслей обрабатывающей промышленности наибольшее развитие получили производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака, химическое производство, производство кокса, нефтепродуктов и ядерных материалов, металлургическое производство и производство готовых металлических изделий, производство резиновых и пластмассовых изделий, производство прочих неметаллических минеральных продуктов⁹¹².

С 1995 г. по 2015 г. в секторе услуг доминирующее положение занимала торговля и ремонт. Транспорт и связь, находящиеся традиционно на втором месте, в 2014 г. уступили секции «Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг потребителям». При этом последняя, имея наибольшие темпы прироста в структуре ВВП среди отраслей сферы услуг и наибольшее количество инвестиций среди всех отраслей народного хозяйства Республики Беларусь, аккумулирует в себе основную часть услуг промышленного характера (кроме оптовой торговли, транспорта и связи), оказываемых в рамках инсорсинга или аутсорсинга⁹¹³.

Более детальное представление об объеме и структуре услуг промышленного характера в Беларуси дает анализ данных, представленных в таблицах «За-

⁹¹¹ Мелешко, Ю. В. Эволюция услуг промышленного характера в Республике Беларусь в 1994–2015 г. / Ю. В. Мелешко // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2017. – Вып. 5. – С. 127–144. – С. 138.

⁹¹² Мелешко, Ю. В. Эволюция услуг промышленного характера в Республике Беларусь в 1994–2015 г. / Ю. В. Мелешко // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2017. – Вып. 5. – С. 127–144. – С. 144.

⁹¹³ Там же. – С. 144.

траты-Выпуск» за 2015 г. В частности, таблица «Структура использования товаров и услуг в основных ценах (в процентах)» позволяет выявить, какая доля услуг потребляется сферой производства (то есть сельским и лесным хозяйством, рыболовством и рыбоводством; промышленностью: горнодобывающей, обрабатывающей; производством и распределением электроэнергии, газа и воды; строительством). Так, 24,44% услуг секции «Торговля; ремонт автомобилей, бытовых изделий и предметов личного пользования» потребляются сферой производства, при этом 9,86% всех услуг этой секции потребляется обрабатывающей промышленностью. Для секции «Гостиницы и рестораны» эти показатели составляют 4,43% и 2,1% соответственно. 3,79% транспортных услуг направлены на удовлетворение потребностей обрабатывающей промышленности, при этом сферой производства потребляется 9,68% всех транспортных услуг. Доля услуг связи, оказываемых сфере производства, составляет 5,25%, а обрабатывающей промышленности – 2,6%. 32,73% финансовых услуг потребляются сферой производства, а 20,42% всех финансовых услуг – обрабатывающей промышленностью. Для секции «Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг потребителям» доля сферы производства в структуре потребления составляет 9,38%, а обрабатывающей промышленности – 5,81%. 13,14% услуг секции «Предоставление коммунальных, социальных и персональных услуг» потребляются обрабатывающей промышленностью, всего же производственной сферой потребляются 16,36% этих услуг. Доля услуг образования, государственного управления, здравоохранения и предоставления социальных услуг, потребляемая производственной сферой, крайне мала и составляет 0,34%, 0,11% и 0,07% соответственно; обрабатывающей промышленностью – 0,19%, 0,09% и 0,01% соответственно⁹¹⁴. Наглядно приведенная статистика представлена на рисунке 8.5. Следует обратить внимание, что данные приведены в основных ценах, то есть за вычетом торговых и транспортных наценок и чистых налогов на продукты.

В период с 2005 г. по 2015 г. доля услуг, направленных на удовлетворение спроса сферы производства, изменялась динамично. В 2005 г. доля торгово-посреднических услуг (включая общественного питания), удовлетворяющих спрос обрабатывающей промышленности, составляла 9,52%, а спрос сферы производства – 12,11% в 2005 г. В 2010 г. наблюдалось снижение доли этих услуг до 7,04% в отношении отраслей промышленности и 9,9% для сферы производства в целом. В 2015 г. этот показатель снова вырос и превысил уровень 2010 г.: 24,44% для сферы производства, в том числе 9,68% для обрабатывающей промышленности. Однако, что касается иных рассматриваемых нами услуг, в процентном соотношении меньшее количество из них к 2015 г.

⁹¹⁴ Структура использования товаров и услуг в основных ценах// Система таблиц «Затраты-Выпуск» Республики Беларусь за 2015 год. – Мн.: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2017. – 104 с. – С. 76–79.

было направлено на удовлетворение спроса сферы производства, в том числе обрабатывающей промышленности. 13,39% в 2005 г. и 11,31% в 2010 г. транспортных услуг были потреблены отраслями сферы производства, в том числе 8,65% в 2005 г. и 7,09% в 2010 г. – отраслями обрабатывающей промышленности, в то время как в 2015 г. эти показатели составили 9,68% и 3,79%. Доля услуг связи, оказываемых сфере производства, составила 6,76% в 2005 г. и 7,77% в 2010 г., в том числе 4,83% в 2005 г. и 4,5% в 2010 г. – обрабатывающей промышленности, в 2015 г. – 5,25% и 2,6%. 24,41% в 2005 г. и 13,89% в 2010 г. услуг финансового посредничества и страхования были направлены на удовлетворение потребностей обрабатывающей промышленности, 35,41% в 2005 г. и 20,66% в 2010 г. – сферы производства (в 2015 г. 20,42% – обрабатывающей промышленности, 32,73% – сферы производства в целом)⁹¹⁵.

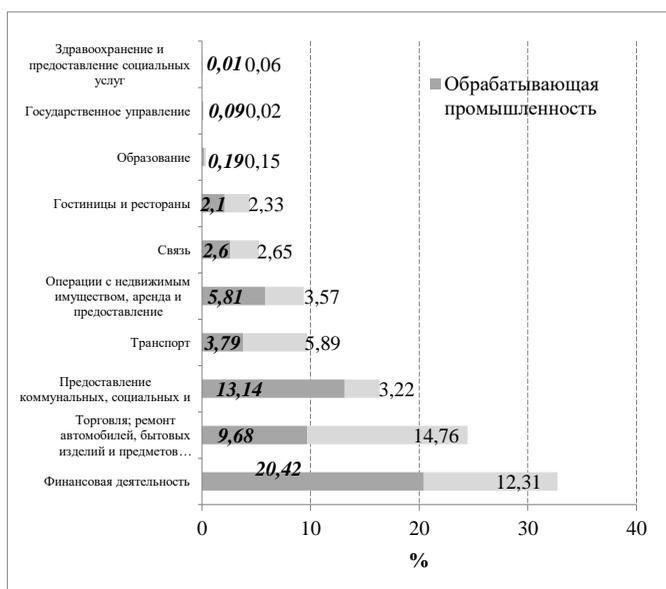
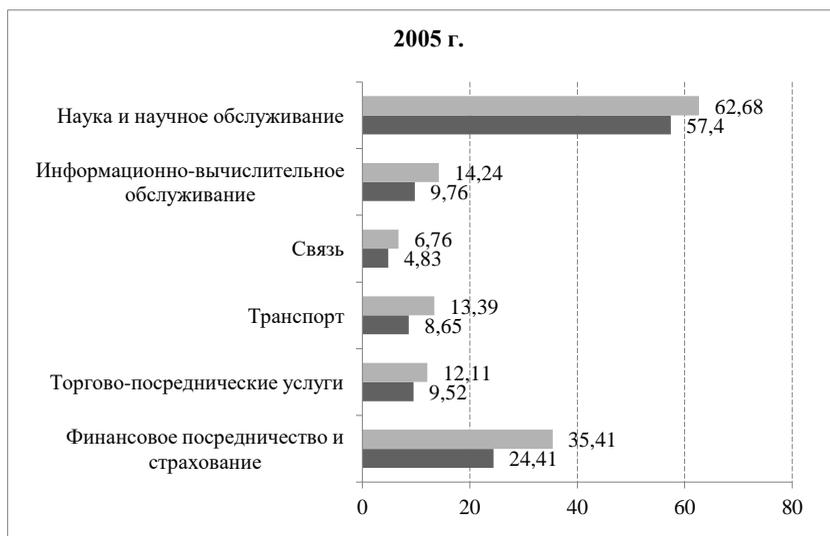

Рис. 8.5 – Структура использования услуг в 2015 г. в основных ценах (в %)
 Источник: разработка авторов на основании данных⁹¹⁶

⁹¹⁵ Структура использования товаров и услуг в основных ценах (в процентах) // Система таблиц «Затраты-Выпуск» за 2005 г. – Мн.: Министерство статистики и анализа Республики Беларусь, 2007. – 151 с. – С. 118–121; Структура использования товаров и услуг в основных ценах (в процентах) // Система таблиц «Затраты-Выпуск» за 2010 г. – Мн.: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2012. – 153 с. – С. 116–122; Структура использования товаров и услуг в основных ценах // Система таблиц «Затраты-Выпуск» Республики Беларусь за 2015 год. – Мн.: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2017. – 104 с. – С. 76–79.

⁹¹⁶ Там же. – С. 76–79.

Ввиду различий в методологии статистического учета 2005–2010 гг. и 2015 г. нет возможности сравнить динамику секции «Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг потребителям», однако анализ отдельных услуг, которые сегодня учитываются в этой секции, также представляет интерес. 9,79% в 2005 г. и 10,94% в 2010 г. услуг информационно-вычислительного обслуживания были оказаны отраслям промышленности, 14,24% в 2005 г. и 15,73% в 2010 г. сфере производства в целом. Доля услуг науки и научного обслуживания, потребляемая сферой производства, составила в 2005 г. 62,68% и в 2010 г. 55,79%, в том числе 57,4% в 2005 г. и 50% в 2010 г. – промышленным производством⁹¹⁷. Графически сравнительный анализ динамики структуры потребления услуг видами деятельности, относящимися к сфере производства и обрабатывающей промышленности в частности, в основных ценах представлен на рисунке 8.6.

⁹¹⁷ Структура использования товаров и услуг в основных ценах (в процентах) // Система таблиц «Затраты-Выпуск» за 2005 г. – Мн.: Министерство статистики и анализа Республики Беларусь, 2007. – 151 с. – С. 118–121; Структура использования товаров и услуг в основных ценах (в процентах) // Система таблиц «Затраты-Выпуск» за 2010 г. – Мн.: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2012. – 153 с. – С. 116–122; Структура использования товаров и услуг в основных ценах // Система таблиц «Затраты-Выпуск» Республики Беларусь за 2015 год. – Мн.: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2017. – 104 с. – С. 76–79.

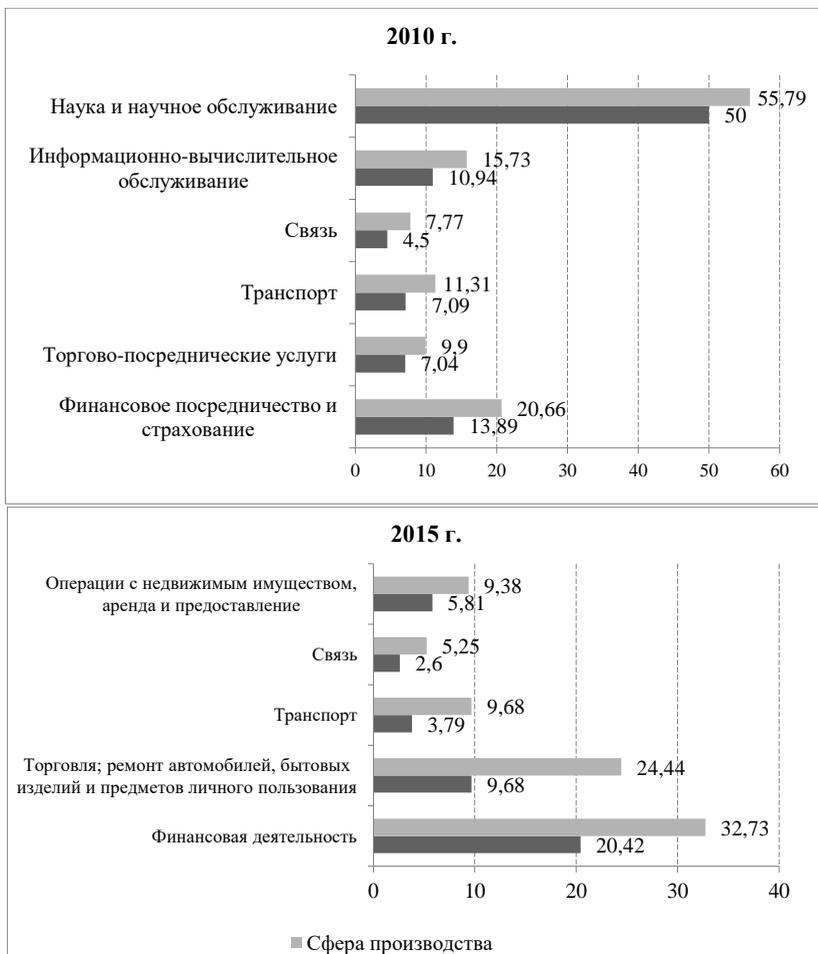

Рис. 8.6 – Динамика структуры использования услуг за 2005–2015 гг. в основных ценах (в %)

Источник: разработка авторов на основании данных ⁹¹⁸.

⁹¹⁸ Структура использования товаров и услуг в основных ценах (в процентах)// Система таблиц «Затраты-Выпуск» за 2005 г. – Мн.: Министерство статистики и анализа Республики Беларусь, 2007. – 151 с. – С. 118–121; Структура использования товаров и услуг в основных ценах (в процентах)// Система таблиц «Затраты-Выпуск» за 2010 г. – Мн.: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2012. – 153 с. – С. 116–122; Структура использования товаров и услуг в основных ценах// Система таблиц «Затраты-Выпуск» Республики Беларусь за 2015 год. – Мн.: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2017. – 104 с. – С. 76–79.

Таблица «Продуктовая структура затрат отечественных товаров и услуг (в процентах)» системы таблиц «Затраты–Выпуск» дает представление о доли участия того или иного вида деятельности в производстве отечественной продукции определенной отрасли. Исходя из целей нашего исследования, особый интерес представляет анализ потребления сферой производства (в разрезе видов деятельности) торговых, транспортных, финансовых услуг, услуг связи, услуг в области образования, аренды и предоставления иных услуг потребителям. В таблице 8.1 «Продуктовая структура затрат отечественных товаров производственной сферы на услуги» представлены данные о доле (в процентах) услуг в затратах при производстве отечественной продукции в разрезе видов деятельности сферы производства. За 100% приняты затраты на производства продукции определенного вида деятельности за 2015 г.

Анализ данных, приведенных в таблице 8.1, показал, что среди видов деятельности, относящихся к сфере производства, основными потребителями услуг (торговля; ремонт автомобилей, бытовых изделий и предметов личного пользования; транспорт; связь; финансовая деятельность; операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг потребителям; образование) в 2015 г. были: производство машин и оборудования (доля услуг в затратах составила в 2015 г. 21,39%), добыча топливно-энергетических полезных ископаемых (20,58%), производство и распределение электроэнергии, газа и воды (20,18%), производство транспортных средств и оборудования (18,9%), строительство (18,79%), химическое производство (16,91%), целлюлозно-бумажное производство, издательская деятельность (15,98%), производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования (14,41%), текстильное и швейное производство (14,78%), производство кокса, нефтепродуктов и ядерных материалов (14,75%). В этом же году наименьшую долю в структуре затрат услуги составляли в производстве пищевых продуктов, включая напитки, и табака (4,05%), сельском хозяйстве, охоте и предоставлении услуг в этих областях (4,83%), рыболовстве, рыбоводстве и предоставлении услуг в этих областях (5,76%).

Таблица 8.1 – Продуктовая структура затрат отечественных товаров производственной сферы на услуги (часть 1)

	Сельское хозяйство, охота и предоставление услуг в этих областях	Лесное хозяйство и предоставление услуг в этой области	Рыболовство, рыболовство и предоставление услуг в этих областях	Добыча топливно-энергетических полезных ископаемых	Добыча полезных ископаемых кроме топливно-энергетических	Производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака	Текстильное и швейное производство
Торговля; ремонт автомобилей, бытовых изделий и предметов личного пользования	0,45	1,85	0,46	0,18	0,30	0,18	0,23
Транспорт	0,91	2,70	0,88	14,22	1,69	0,79	0,97
Связь	0,25	0,61	0,46	1,83	0,28	0,24	0,57
Финансовая деятельность	2,82	5,57	3,14	2,43	3,14	1,44	8,28
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг потребителям	0,39	1,95	0,80	1,81	2,19	1,38	4,69
Образование	0,01	0,10	0,02	0,11	0,12	0,02	0,04
Торговля; ремонт автомобилей, бытовых изделий и предметов личного пользования	0,27	0,29	0,37	0,09	0,21	0,19	0,41
Транспорт	0,81	1,05	2,09	0,93	4,82	1,42	2,00
Связь	0,42	0,25	1,28	0,06	0,26	0,29	0,31
Финансовая деятельность	3,86	1,45	4,56	12,2	6,77	5,15	2,85

Таблица 8.1 – Структура затрат отечественных товаров производственной сферы на услуги (часть 2)

	Производство кожи, изделий из кожи и производство обуви	Обработка древесины и производство изделий из дерева	Целлюлозно-бумажное производство. Издательская деятельность	Производство кокса, нефтепродуктов и ядерных материалов	Химическое производство	Производство резиновых и пластмассовых изделий	Производство прочих неметаллических минеральных продуктов
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг по-прежнему	5,17	2,91	7,64	1,45	4,82	3,94	2,99
Образование	0,01	0,01	0,04	0,02	0,03	0,03	-
Торговля; ремонт автомобилей, бытовых изделий и предметов личного пользования	0,12	0,62	0,53	0,41	0,53	0,58	0,86
Транспорт	0,68	1,79	1,11	1,06	1,28	0,39	7,57
Связь	0,14	0,73	0,81	0,39	0,39	0,92	0,80
Финансовая деятельность	2,25	11,80	5,84	13,35	3,45	11,40	3,46
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг по-прежнему	3,93	6,39	6,09	3,65	6,45	6,89	6,09
Образование	0,01	0,06	0,03	0,04	0,02	-	0,01

Источник: собственная разработка авторов на основании данных⁹¹⁹

⁹¹⁹ Структура затрат отечественных товаров и услуг (в процентах)// Система таблиц «Заграты-Выпуск» Республики Беларусь за 2015 год. – Мн.: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2017. – 104 с. – С. 68–70.

На рисунке 8.7 наглядно отражена динамика продуктовой структуры затрат отечественных товаров обрабатывающей промышленности на услуги. В целом отмечается рост доли услуг в структуре затрат отечественных продуктов всех видов обрабатывающей промышленности. В 2005 г. минимальное значение доли таких услуг (в сумме), как торговые посреднических, транспортных, связи, финансового посредничества и страхования, информационно-вычислительного обслуживания, науки и научного обслуживания, образования, составило 2,96% (при производстве цветных металлов), а в 2010 г. – 0,41% (при производстве тех же цветных металлов). Доля этих услуг в затратах при производстве черных металлов в 2005 г. равнялась 5,31%, в 2010 г. – 3,44%. В 2015 г. доля услуг (торговля, ремонт автомобилей, бытовых изделий и предметов личного пользования; транспорт; связь; финансовая деятельность; операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг потребителям; образование) в отечественной металлургической продукции и готовых металлических изделиях составила 7,13%⁹²⁰.

Продукция пищевой промышленности представляет собой продукцию со стабильно низкой долей затрат на услуги: в 2005 г. этот показатель составил 4,3%, в 2010 г. – 3,4%, в 2015 г. – 4,05%. Средний уровень затрат на услуги характерен для продукции лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности: в 2005 г. он составил 10,96%, в 2010 г. – 8,93%. Неоднородность потребления услуг видами деятельности, относящимися к рассматриваемой отрасли, показала изменившаяся методика статистического учета, а именно разделение обработки древесины и производства изделий из дерева и целлюлозно-бумажное производство и издательской деятельности. В 2015 г. доля услуг в продукции «Обработка древесины и производство изделий из дерева» составила 5,96% (что является одним из самых низких показателей), а в продукции «Целлюлозно-бумажное производство. Издательская деятельность» – 15,98%, что выше среднего уровня⁹²¹.

⁹²⁰ Продуктовая структура затрат отечественных товаров и услуг (в процентах)// Система таблиц «Затраты-Выпуск» за 2005 г. – Мн.: Министерство статистики и анализа Республики Беларусь, 2007. – 151 с. – С. 122–125; Продуктовая структура затрат отечественных товаров и услуг (в процентах)// Система таблиц «Затраты-Выпуск» за 2010 г. – Мн.: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2012. – 153 с. – С. 120–123; Продуктовая структура затрат отечественных товаров и услуг (в процентах) // Система таблиц «Затраты-Выпуск» Республики Беларусь за 2015 год. – Мн.: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2017. – 104 с. – С. 68–70.

⁹²¹ Продуктовая структура затрат отечественных товаров и услуг (в процентах) // Система таблиц «Затраты-Выпуск» за 2005 г. – Мн.: Министерство статистики и анализа Республики Беларусь, 2007. – 151 с. – С. 122–125; Продуктовая структура затрат отечественных товаров и услуг (в процентах) // Система таблиц «Затраты-Выпуск» за 2010 г. – Мн.: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2012. – 153 с. – С. 120–123; Продуктовая структура затрат отечественных товаров и услуг (в процентах) // Система таблиц «Затраты-

Существенные изменения доли услуг произошли в затратах продуктов легкой промышленности: в 2005 г. она составила 16,96%, а 2010 г. увеличилась до 19,48%, перейдя таким образом с третьего места по доле затрат на услуги на второе. В 2015 г., однако, доля затрат на услуги продукции текстильного и швейного производства равнялась только 14,75%, а продукции производства кожи, изделий из кожи и производства обуви – 10,54%. Вместе с тем, на фоне снижения общей доли затрат на услуги, изменилась сама структура затрат в отношении этой продукции. Если в 2005–2010 гг. основными статьями затрат были торгово-посреднические услуги и услуги финансового посредничества и страхования (в 2005 г. 7,02% и 6,5% соответственно, в 2010 г. – 8,41% и 7,15% соответственно), то в 2015 г. преимущество получили услуги финансовой деятельности (8,28% для текстильной и швейной продукции и 3,86% для изделий из кожи и производства обуви) и услуги секции «Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг потребителям» (4,69% для текстильной и швейной продукции и 5,17% для изделий из кожи и производства обуви). Строительные материалы также характеризуется средним уровнем затрат на услуги: в 2005 г. их доля составила 12,07%, в 2010 г. – 8,66%. В 2015 г. доля затрат на услуги при производстве отечественной продукции, относящейся к виду деятельности «Производство прочих неметаллических минеральных продуктов» составила 8,56%, а к производству резиновых и пластмассовых изделий – 11,02%⁹²².

Примечательным является то, что среди отраслей обрабатывающей промышленности лидерами в потреблении услуг являются химическое производство, производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования, производство транспортных средств и оборудования и производство машин и оборудования. В соответствии с Общегосударственным классификатором Республики Беларусь «Виды экономической деятельности»⁹²³ именно к этим отраслям относятся высокотехнологичные (производство фармацевтической продукции, производство

Выпуск» Республики Беларусь за 2015 год. – Мн.: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2017. – 104 с. – С. 68–70.

⁹²² Продуктовая структура затрат отечественных товаров и услуг (в процентах) // Система таблиц «Затраты-Выпуск» за 2005 г. – Мн.: Министерство статистики и анализа Республики Беларусь, 2007. – 151 с. – С. 122–125; Продуктовая структура затрат отечественных товаров и услуг (в процентах) // Система таблиц «Затраты-Выпуск» за 2010 г. – Мн.: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2012. – 153 с. – С. 120–123; Продуктовая структура затрат отечественных товаров и услуг (в процентах) // Система таблиц «Затраты-Выпуск» Республики Беларусь за 2015 год. – Мн.: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2017. – 104 с. – С. 68–70.

⁹²³ Виды экономической деятельности: Общегосударственный классификатор Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by/klassifikatory/obschegosudarstvennye-klassifikatory-respubliki-belarus-ispolzuemye-dlya-zapolneniya-gosudarstvennoi-staticheskoi-tchetnosti/obschegosudarstvennyi-klassifikator-okrb-005-2011-vidy-ekonomicheskoi-deyatelnosti/>. – Дата доступа: 17.07.2019.

офисного оборудования и вычислительной техники, производство аппаратуры для радио, телевидения и связи, производство изделий медицинской техники, средств измерений, оптических приборов и аппаратуры, часов, производство авиационной техники, включая космическую⁹²⁴) и среднетехнологичные производства высокого уровня (химическое производство, производство машин и оборудования, производство электрических машин и электрооборудования, производство автомобилей, прицепов и полуприцепов, производство прочих транспортных средств⁹²⁵).

В 2005 г. доля затрат на услуги в продукции химической и нефтехимической промышленности составила 23,83%, в 2010 г. почти вдвое меньше – 12,48%. В отношении продукции нефтяной промышленности этот показатель в 2005 г. равнялся 14,84%, в 2010 г. – 10,2%. В 2015 г. доля услуг в затратах продукции химического производства достигла 16,91%, а в продукции производства кокса, нефтепродуктов и ядерных материалов – 14,75%. Традиционно одними из наиболее услугоёмких видов продукции являются машины и оборудование: в 2005 г. доля услуг в затратах при их производстве составила 19,08%, в 2010 г. – 20,21%. Статистика 2015 г. дает более детальное представление об услугоёмкости видов деятельности, относящихся к производству машин и оборудования. В 2015 г. на услуги пришлось 21,39% затрат производства машин и оборудования, 18,9% затрат производства транспортных средств и оборудования и 14,41% производства электрооборудования, электронного и оптического оборудования⁹²⁶. Что касается структуры затрат продукции обрабатывающей промышленности на услуги в 2005–2015 гг., то можно отметить следующее. Стабильно самую высокую долю в затратах в целом по продукции обрабатывающей промышленности занимают финансовые услуги. В 2015 г. доля финансовых услуг колеблется от 1,44% в продукции пищевой промышленности до 13,45% в транспортных средствах и оборудовании. В 2005–2010 гг. на втором месте находились транспортные услуги, на третьем – услуги науки и научного обслуживания. В 2015 г. второе место перешло к услугам секции

⁹²⁴ Оценка уровня технологического развития отраслей экономики// Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь: Статистический сборник. – Мн.: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2016. – С. 12–18.

⁹²⁵ Там же. – С. 12–18.

⁹²⁶ Продуктовая структура затрат отечественных товаров и услуг (в процентах)// Система таблиц «Затраты-Выпуск» за 2005 г. – Мн.: Министерство статистики и анализа Республики Беларусь, 2007. – 151 с. – С. 122–125; Продуктовая структура затрат отечественных товаров и услуг (в процентах)// Система таблиц «Затраты-Выпуск» за 2010 г. – Мн.: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2012. – 153 с. – С. 120–123; Продуктовая структура затрат отечественных товаров и услуг (в процентах)// Система таблиц «Затраты-Выпуск» Республики Беларусь за 2015 год. – Мн.: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2017. – 104 с. – С. 68–70.

«Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг потребителям», в которой учитываются в том числе и услуги науки. Для услуг этой секции также характерен существенный разброс: их доля в затратах сельскохозяйственной продукции составляет 0,39% (минимальное значение), а в продукции целлюлозно-бумажного производства и издательской деятельности – 7,64% (максимально значение). Доля услуг транспорта в целом существенно снизилась: в 2015 г. она колебалась от 0,79% для пищевых продуктов до 4,82% для продукции химического производства. Для сравнения, в 2005 г. минимальное значение доли транспортных услуг составляло 0,3% для продукции прочих отраслей промышленности, а максимальное – 15,54% для продукции химической и нефтехимической промышленности.

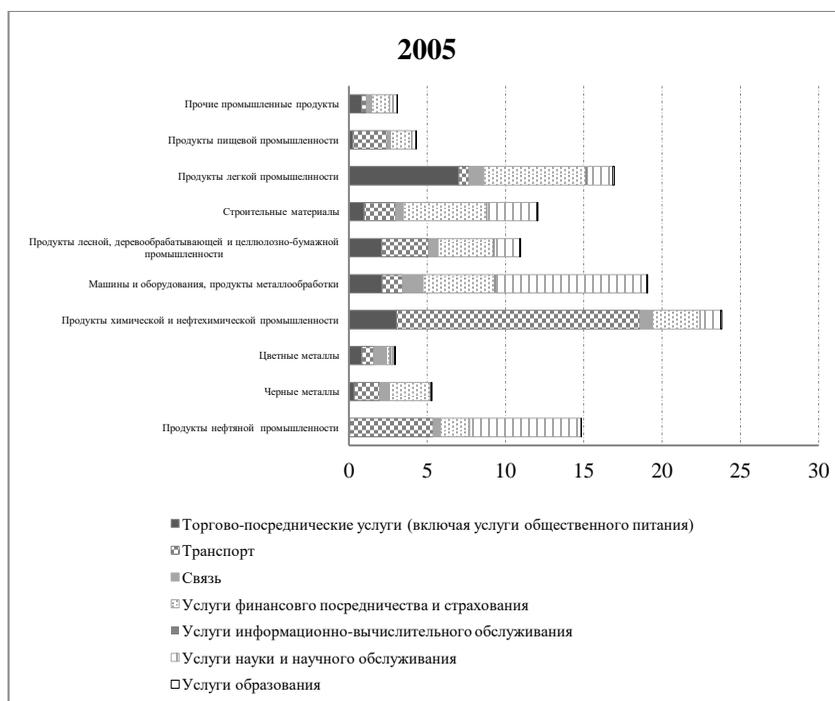

Рис. 8.7 – Продуктовая структура затрат отечественных товаров обрабатывающей промышленности на услуги в 2005–2015 гг.
 Источник: собственная разработка авторов на основании данных⁹²⁷.

⁹²⁷ Продуктовая структура затрат отечественных товаров и услуг (в процентах)// Система таблиц «Затраты-Выпуск» за 2005 г. – Мн.: Министерство статистики и анализа Республики Беларусь, 2007. – 151 с. – С. 122–125; Продуктовая структура затрат отечественных товаров и услуг (в процентах)// Система таблиц «Затраты-Выпуск» за 2010 г. – Мн.: Национальный

Для статистических целей Всемирная торговая организация выделяет 12 категорий услуг: производственные услуги по переработке материальных ресурсов (manufacturing services on physical inputs owned by others); услуги по техническому обслуживанию и ремонту (maintenance and repair services); транспорт (transport); путешествия (travel); строительство (construction); страховые и пенсионные услуги (insurance and pension services); финансовые услуги (financial services); расходы на использование интеллектуальной собственности (charges for the use of intellectual property); телекоммуникационные, компьютерные и информационные услуги (telecommunications, computer and information services); иные деловые услуги (other business services); индивидуальные, культурные и рекреационные услуги; государственное управление (government goods and services)⁹²⁸. Всемирной торговой организацией услуги промышленного характера также не выделены в отдельную категорию, однако ей был введен новый термин «услуги, сопровождающие промышленную продукцию» (goods-related services). Услуги, сопровождающие промышленную продукцию, включают в себя производственные услуги по переработке материальных ресурсов, например, сборка, упаковка, маркировка товара (manufacturing services on physical inputs owned by others) и услуги по ремонту и обслуживанию (maintenance and repair services)⁹²⁹. При этом составители делают оговорку: «Следует, в частности, отметить, что мировые и региональные оценки торговли новыми видами услуг, такими как производственные услуги по переработке физических ресурсов и услуги по ремонту и обслуживанию, могут быть недооценены, поскольку некоторые страны пока не сообщают об этих пунктах»⁹³⁰.

Услуги, сопровождающие промышленную продукцию и относящиеся к двум названным выше статистическим группам, являются услугами промышленного характера, так же как и услуги, отраженные в группе «иные деловые услуги». К иным деловым услугам относятся услуги в области исследований и разработок (услуги, связанные с фундаментальными и прикладными исследованиями, а также экспериментальной разработкой новых продуктов и процессов); профессиональные и управленческие консалтинговые услуги (юридические и бухгалтерские услуги, управленче-

статистический комитет Республики Беларусь, 2012. – 153 с. – С.120-123; Продуктовая структура затрат отечественных товаров и услуг (в процентах)// Система таблиц «Затраты–Выпуск» Республики Беларусь за 2015 год. – Мн.: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2017. – 104 с. – С. 68–70.

⁹²⁸ World trade statistical review 2016 [Electronic resource] / World Trade Organisation. – P. 80. – Mode of access: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/wts2016_e/wts16_toc_e.htm. – Date of access: 16.07.2018.

⁹²⁹ Там же. – P. 80.

⁹³⁰ Там же. – P. 82.

ский консалтинг, управленческие услуги и услуги по связям с общественностью, услуги в области рекламы, исследования рынка и опросов общественного мнения); технические, торговые и иные деловые услуги (архитектурные, инженерные и другие технические услуги, услуги по переработке отходов и утилизации, сельскохозяйственной и горной промышленности, операционные лизинговые услуги, связанные с торговлей услуги, иные деловые услуги)⁹³¹. Частично услуги промышленного характера будут также отражены в группах «Транспорт», «Строительство», «Страховые и пенсионные услуги», «Финансовые услуги», «Расходы на использование интеллектуальной собственности», «Телекоммуникационные, компьютерные и информационные услуги».

По данным Всемирной торговой организации, в 2014 г. объем мирового экспорта услуг, сопровождающих промышленную продукцию, составил 160 млрд. долл. США, а импорта – 105 млрд. долл. США⁹³². Иных деловых услуг в 2014 г. было экспортировано на сумму 2 585 млрд. долл. США, а импортировано – 2 290 млрд. долл. США. Примечательным является то, что доля иных деловых услуг в мировой торговле этими услугами возросла: в отношении мирового экспорта с 47,7% в 2005 г. до 52,4% в 2014 г., в отношении импорта – с 44,2% до 47,9%. Такой рост происходил на фоне падения доли в мировой торговле транспортных услуг (в отношении экспорта с 22,4% до 19,3%, импорта – с 27,3% до 25,6%) и услуг, сопровождающих промышленную продукцию (в отношении экспорта с 3,6% до 3,2%, импорта – с 2,5% до 2,1%)⁹³³. Тенденция увеличения доли группы «Иные деловые услуги» в мировой торговле также подтверждает возрастающее значение в структуре общественного производства услуг промышленного характера, в первую очередь наукоемких.

Состав основных мировых экспортеров и импортеров услуг промышленного характера во многом совпадает. Так, в 2014 г. наибольший объем услуг, сопровождающих промышленную продукцию, был экспортирован и импортирован Европейским союзом (экспортировано на сумму 83,1 млрд. долл. США, из них вне ЕС – 45,5 млрд. долл. США, импортировано – 47,8 млрд. долл. США). На втором месте как по экспорту, так и по импорту услуг, сопровождающих промышленную продукцию, в 2014 г. находился Китай (экспортировано на сумму 22,9 млрд. долл. США, импортировано – 13,9 млрд. долл. США). С небольшим от-

⁹³¹ World trade statistical review 2016 [Electronic resource] / World Trade Organisation. – P. 80. – Mode of access: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/wts2016_e/wts16_toc_e.htm. – Date of access: 16.07.2018.

⁹³² International Trade Statistics 2015: World trade and the WTO: 1995–2014 – World Trade Organization: Centre William Rappard, 2015. – 170 p. – P. 125.

⁹³³ Там же. – P. 125.

ставанием США заняли третье место по мировому экспорту рассматриваемых услуг (19,6 млрд. долл. США), и пятое место по импорту (7,6 млрд. долл. США). Экспорт услуг, сопровождающих промышленную продукцию, России в 2014 г. составил 3,2 млрд. долл. США, а импорт – 1,8 млрд. долл. США⁹³⁴.

Основным экспортерами и импортерами иных деловых услуг является Европейский союз: экспорт в 2014 г. составил 1 242,6 млрд. долл. США, а импорт – 1 029,2 млрд. долл. США. На втором месте как по экспорту, так и по импорту находятся США. Однако сумма экспорта иных деловых услуг США в три раза меньше, чем в ЕС (400,7 млрд. долл. США), а импорта – почти в 5 раз (238,3 млрд. долл. США). Индия, Китай и Япония также являются крупными экспортерами иных деловых услуг: в 2014 г. сумма экспорта Индии этих услуг составила 116,9 млрд. долл. США, Китая – 114,4 млрд. долл. США, Японии – 98 млрд. долл. США. При этом Китаем было импортировано этих услуг на сумму 119,9 млрд. долл. США, а Японией – 112,7 млрд. долл. США, а Индией – 54,8 млрд. долл. США. Экспорт России иных деловых услуг составил 29,4 млрд. долл. США, а импорт – 51,3 млрд. долл. США⁹³⁵.

В Республике Беларусь в 2005–2015 гг. в целом наблюдается положительное сальдо по международной торговле услугами, что отражено на рисунке 8.8. В 2005–2015 гг. в целом наблюдается положительное сальдо по международной торговле услугами. Основной статьей экспорта услуг неизменно на протяжении 10 лет являются транспортные услуги. Объем экспорта этих услуг возрос более чем в 2 раза: с 1 341,2 млн. долл. США в 2005 г. до 2 928 млн. долл. США в 2015 г. Однако доля транспортных услуг в общем объеме экспорта услуг сократилась с 57,2% в 2005 г. до 44% в 2015 г. На этом фоне существенно увеличился экспорт телекоммуникационных, компьютерных и информационных услуг. Так, если в 2005 г. было экспортировано этих услуг на сумму 116,7 млн. долл. США, что составило 4,9% от общего объема экспорта услуг, то в 2015 г. объем экспорта равнялся 1008,6 млн. долл. США (15,1%). При этом телекоммуникационных, компьютерных и информационных услуг являются единственным видом услуг, экспортируемых в абсолютном преимуществе во вне стран СНГ. Несмотря на положительное сальдо торговли услугами, сопровождающими промышленную продукцию, их доля в общем объеме экспорта сократилась почти втрое: в 2005 г. она составляла 13,1%, в 2015 г. – 4,5%. При этом более существенные изменения коснулись услуг по обработке материальных ресурсов, объем экспорта которых упал с 237,2 млн. долл. США в 2005 г. до 140,3 млн. долл. США в 2015 г. В процентном соотношении к общему объему

⁹³⁴ International Trade Statistics 2015: World trade and the WTO: 1995–2014 – World Trade Organization: Centre William Rappard, 2015. – 170 p. – P. 127.

⁹³⁵ Там же. – P. 135.

экспорта такая отрицательная динамика этих услуг выглядит как снижение с 10,1% до 2,1%. В отличие от этих услуг объем экспорта услуг по ремонту и техническому обслуживанию увеличился с 71,8 млн. долл. США в 2005 г. до 161,6 млн. долл. США в 2010 г. Однако доля услуг по ремонту и техническому обслуживанию также сократилась (с 3% до 2,4%), хоть и не столь кардинально. Аналогичная ситуация складывается и в отношении других деловых услуг: несмотря на увеличение общего объема экспорта этих услуг более чем в два раза (с 235,2 млн. долл. США в 2005 г. до 561,7 млн. долл. США в 2010 г.), их доля в общем объеме экспорта сократилась с 10% до 8,4%⁹³⁶. При этом сальдо международной торговли услугами, сопровождающими промышленную продукцию, как и другими деловыми услугами, остается положительным.

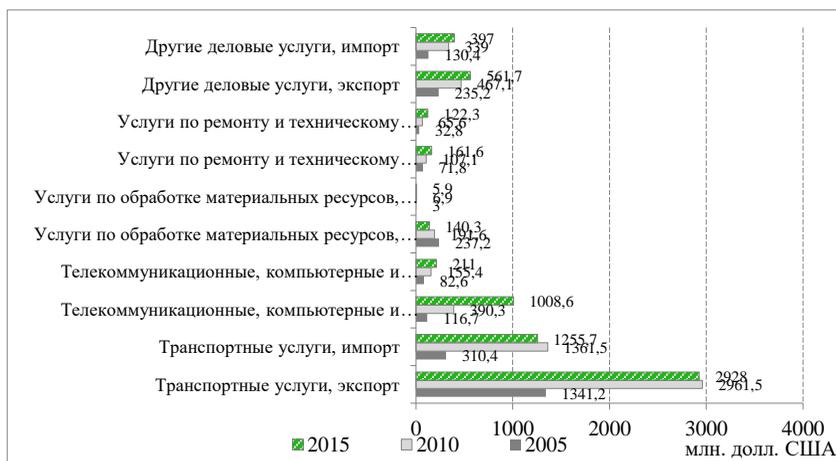

Рис. 8.8 – Внешняя торговля услугами в Республике Беларусь в 2005–2015 гг.

Источник: собственная разработка авторов на основании данных⁹³⁷

В Республике Беларусь в 2005–2015 гг. в целом наблюдается положительное сальдо по международной торговле услугами. Основной статьёй экспорта услуг неизменно на протяжении 10 лет являются транспортные услуги. Объем экспорта этих услуг возрос более чем в 2 раза: с 1 341,2 млн.

⁹³⁶ Внешняя торговля услугами // Статистический ежегодник Республики Беларусь 2016 г. – Мн: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2016. – 518 с. – С. 495–498.

⁹³⁷ Внешняя торговля услугами // Статистический ежегодник Республики Беларусь 2016 г. – Мн: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2016. – 518 с. – С. 495–498.

долл. США в 2005 г. до 2 928 млн. долл. США в 2015 г. Однако доля транспортных услуг в общем объеме экспорта услуг сократилась с 57,2% в 2005 г. до 44% в 2015 г. На этом фоне существенно увеличился экспорт телекоммуникационных, компьютерных и информационных услуг. Так, если в 2005 г. было экспортировано этих услуг на сумму 116,7 млн. долл. США, что составило 4,9% от общего объема экспорта услуг, то в 2015 г. объем экспорта равнялся 1008,6 млн. долл. США (15,1%). При этом телекоммуникационных, компьютерных и информационных услуг являются единственным видом услуг, экспортируемых в абсолютном преимуществе во вне стран СНГ. Несмотря на положительное сальдо торговли услугами, сопровождающими промышленную продукцию, их доля в общем объеме экспорта сократилась почти втрое: в 2005 г. она составляла 13,1%, в 2015 г. – 4,5%. При этом более существенные изменения коснулись услуг по обработке материальных ресурсов, объем экспорта которых упал с 237,2 млн. долл. США в 2005 г. до 140,3 млн. долл. США в 2015 г. В процентном соотношении к общему объему экспорта такая отрицательная динамика этих услуг выглядит как снижение с 10,1% до 2,1%. В отличие от этих услуг объем экспорта услуг по ремонту и техническому обслуживанию увеличился с 71,8 млн. долл. США в 2005 г. до 161,6 млн. долл. США в 2010 г. Однако доля услуг по ремонту и техническому обслуживанию также сократилась (с 3% до 2,4%), хоть и не столь кардинально. Аналогичная ситуация складывается и в отношении других деловых услуг: несмотря на увеличение общего объема экспорта этих услуг более чем в два раза (с 235,2 млн. долл. США в 2005 г. до 561,7 млн. долл. США в 2010 г.), их доля в общем объеме экспорта сократилась с 10% до 8,4%⁹³⁸. При этом сальдо международной торговли услугами, сопровождающими промышленную продукцию, как и другими деловыми услугами, остается положительным.

8.4 Тенденции развития услуг промышленного характера

Новые технические возможности диджитализации информации и ее использования способствуют не только сохранению тенденции терциализации экономики, и промышленности в частности, но и углублению этой тенденции. А. Айкельпаш справедливо утверждает: «Терциализация обрабатывающей промышленности возрастает. <...> Исследования занятости на базе социальных выплат показали, что сдвиг от деятельности по изготовлению продукции к услугам промышленного характера является постоянно продолжающимся процессом. В особенности такие продукто-

⁹³⁸ Внешняя торговля услугами // Статистический ежегодник Республики Беларусь 2016 г. – Мн: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2016. – 518 с. – С. 495–498.

ориентированные услуги как НИОКР, технические услуги, услуги по управлению и организации развивать более выгодно, чем непосредственно производство»⁹³⁹. Иными словами, сегодня услуги промышленного характера занимают все большее место в промышленном производстве и все большая часть добавленной стоимости формируется именно в секторе услуг промышленного характера, а не в секторе производства.

Тенденции терциализации промышленного производства наиболее ярко проявляются в деятельности крупнейших международных предприятий. Например, в соответствии с ежегодным отчетом Siemens, в компании действуют следующие департаменты, «образующие промышленный базис»⁹⁴⁰: электроэнергетики и газа, ветроэнергетики и возобновляемых источников энергии, управления электроэнергией, строительных технологий, транспорта, цифрового производства, непрерывного производства и приводов, медицинских услуг. В качестве товаров каждый из названных департаментов предлагает не только промышленную продукцию, но и соответствующие «решения и услуги»⁹⁴¹: широкий спектр продуктов, систем, решений, программного обеспечения и услуг для передачи и распределения электроэнергии и для развития умной сетевой инфраструктуры (департамент управления энергетикой); продукты, решения, услуги и программное обеспечение для пожарной безопасности, безопасности, автоматизации зданий, отопления, вентиляции, кондиционирования воздуха и управления энергией (департамент строительных технологий); продукция в области пассажирских и грузовых перевозок, включая железнодорожные транспортные средства, системы автоматизации железных дорог, системы электрификации железнодорожного транспорта, технологию дорожного движения, ИТ-решения и сопутствующие услуги (департамент транспорта); комплексный портфель продуктов и системных решений, используемых в обрабатывающей промышленности, дополненный услугами по компьютерному управлению данными и услугами отслеживания жизненного цикла продукции (*технологии «умных заводов» – примечание авторов*) (департамент цифрового производства); комплексный портфель продуктов, программного обеспечения, решений и услуг для перемещения, измерения, управления и оптимизации всех видов расходов массы (*также относится к технологиям «умных заводов» – примечание авторов*) (департамент непрерывного производства и приводов); медицинские технологии и программные решения,

⁹³⁹ Eickelpasch, A. Industrie und industrienahе Dienstleistungen in der Region Frankfurt-Rhein-Main/ A. Eickelpasch, R. Behrend und D. Krüger-Röth. – Berlin: DIW Berlin, 2017. – 137 S. – S. 24

⁹⁴⁰ Siemens. Annual Report 2016 [Electronic Resource] // 2016 by Siemens AG, Berlin and Munich. – P. 2. – Mode of access: siemens.com. – Date of access: 01.06.2018.

⁹⁴¹ Там же. – P. 2–3

а также клинические консультационные услуги, поддерживаемые полным набором учебных и сервисных предложений (департамент медицинских услуг). Для предоставления комплексного набора услуг, сопровождающих продукты, решения и технологии департаментов электроэнергетики и газа и ветроэнергетики и возобновляемых источников энергии, выделен департамент услуг электроэнергетики. Однако его финансовые результаты включаются в результаты двух названных выше департаментов. Услуги, предоставляемые департаментом услуг электроэнергетики, охватывают «повышение производительности, техническое обслуживание, обучение клиентов и профессиональный консалтинг»⁹⁴².

Из приведенного выше описания структурных подразделений Siemens и их функций видно, что вся производимая продукция (газовые турбины, паровые турбины, генераторы, компрессорные поезда, приборы и системы управления, ветровые турбины наземного и морского применения, транспортные средства и т. д.) сопровождается соответствующими услугами промышленного характера. За счет интеграции таких услуг ключевым фактором конкурентоспособности предприятия становится не реализация высокотехнологичной и качественной продукции, а предложение комплексных решений в области производства электроэнергии, транспортных коммуникаций, строительства, «умных заводов».

Специалисты также отмечают, что терциализация характерна для всех видов промышленной деятельности, но с различной интенсивностью. Как показал проведенный выше анализ, в Республике Беларусь среди отраслей обрабатывающей промышленности лидерами в потреблении услуг являются наукоемкие или высокотехнологичные и среднетехнологичные производства высокого уровня. Такая зависимость между потреблением услуг промышленного характера и технологическим уровнем производства позволяет сделать вывод о большом значении услуг промышленного характера в развитии наукоемких и высокотехнологичных производствах.

В Германии наиболее явно тенденция терциализации промышленности выражена в экспортоориентированных отраслях (автомобильная промышленность, машиностроение, электротехническая отрасль, а также химическая и фармацевтическая индустрия). Кроме того, что эти отрасли относятся к высокотехнологичным и среднетехнологичным производствам высокого уровня, они являются наиболее конкурентоспособными на национальном и международном рынках. Как было отмечено нами ранее, конкурентоспособность продукции в эпоху четвертой промышленной революции обеспечивается за счет использования инноваций, направлен-

⁹⁴² Siemens. Annual Report 2016 [Electronic Resource] // 2016 by Siemens AG, Berlin and Munich. – P. 2. – Mode of access: siemens.com. – Date of access: 01.06.2018.

ных, в первую очередь, на качественное изменение производимой продукции, а не на снижение затрат. По мере возрастания клиентоориентированности промышленной продукции основные усилия предприятий распределяются в двух направлениях: создание качественно новой продукции, отличной от продукции конкурентов, и развитие клиентских сервисов (как допродажного, так и послепродажного обслуживания). В связи с этим особое значение приобретают услуги по разработке и внедрению продукции в производство (НИОКР, дизайн, инжиниринг и т. д.) и услуги, сопровождающие промышленную продукцию (маркетинговые услуги, проектирование, консалтинг, профессиональное обучение и т. д.).

Услуги по разработке и внедрению продукции в производство направлены на создание новой продукции и (или) новых технологических решений ее производства. По мере ужесточения международной конкуренции значение таких услуг возрастает, поскольку именно использование результатов НИОКР позволяют предприятиям добиваться уникальных конкурентных преимуществ и формировать базу для дальнейшего роста. В Германии с 2008 г. по 2013 г., после существенного спада, хотя и меньшего, чем в самом промышленном производстве, деятельность в сфере НИОКР ежегодно увеличивалась в среднем на 3,2%⁹⁴³. В 2013 г. доля НИОКР в создании добавленной стоимости в среднем по промышленности Германии составила 12,7% (в 2011 г. – 11,3%), при этом для наиболее наукоемких отраслей промышленности этот показатель равнялся 22,6%, а лидером стало автомобилестроение (30,9%)⁹⁴⁴. 45% оказываемых НИОКР в Германии потребляются обрабатывающей промышленностью⁹⁴⁵. Опыт немецкого промышленного комплекса показал, что предприятия, осуществляющие научные исследования и разработки, оказались более устойчивыми к кризису 2008–2009 гг., в первую очередь, за счет сохранившегося экспорта. Таким образом, по мере дальнейшей интернационализации производства и изменения структуры национальной промышленности в сторону увеличения отраслей пятого и шестого технологических укладов значение услуг по разработке и внедрению продукции в производство будет возрастать. Вместе с тем объективными ограничениями для развития этих услуг выступают необходимость существенных затрат, в первую очередь, финансовых и временных, и наличие кадрового обеспечения. Сложность и дороговизна научных исследований и разработок становится причиной того, что не все промышленные предприятия могут себе это позволить, в особенности малые и средние.

⁹⁴³ Eickelpasch, A. Forschung und Entwicklung in der Industrie: Unternehmen stehen besser da denn je / A. Eickelpasch // DIW Wochenbericht. – 2013. – Nr. 31. – S. 695–708. – S. 695

⁹⁴⁴ Там же. – S. 702–703.

⁹⁴⁵ Edler, D. Die Industrie – ein wichtiger Treiber der Nachfrage nach Dienstleistungen/ D. Edler, A. Eickelpasch// DIW Wochenbericht. – 2013. – Nr. 34. – S. 16–23. – S. 21

Одной из ключевых тенденций, характеризующих изменение современного промышленного производства, является увеличение сервисной составляющей в промышленной продукции. Ю. А. Андриянова справедливо отмечает: «Потребители чаще стали обращать внимание не столько на продукцию, ее характеристики и свойства, сколько на услуги, связанные с расширенными возможностями ее потребления, содержания и эксплуатации. Причем многие услуги интересуют потребителя не в отдельности, а в комплексе. Именно о предоставлении комплекса услуг (в него входят основной процесс услуги и ряд дополнительных возможностей) задумывается потребитель, отдавая широкому спектру услуг свое предпочтение»⁹⁴⁶.

В соответствии с современной международной классификацией сервисные услуги включаются в группу услуг, сопровождающих промышленную продукцию (*нем. produktbegleitende Dienstleistungen*), под которыми понимаются услуги, которые «продаются совместно с промышленной продукцией вне зависимости от того, создаются ли такие услуги самостоятельно или закупаются извне»⁹⁴⁷. Ключевой отличительной характеристикой услуг, сопровождающих промышленную продукцию, является то, что движение товаров неразрывно связано с потреблением услуг.

Высокие темпы роста этих услуг объясняются в зарубежной экономической литературе следующим образом: «Все сложнее добиться успеха на мировом рынке с отдельными продуктами, которые предлагаются изолированно. Поскольку здесь международная конкуренция постоянно возрастает и молодые индустриальные страны могут противопоставить ценовые преимущества. Поэтому все большее значение приобретают "системные решения", которые позволяют предлагать высокотехнологичную продукцию вместе с дополнительными услугами»⁹⁴⁸. По результатам опроса Института экономических исследований Германии, доля предприятий, предлагающих такие услуги, возросла с 16% в 2011 г. до 25% в 2015 г.⁹⁴⁹. Согласно исследованию Bain & Company, на сервисное обслуживание при-

⁹⁴⁶ Андриянова, Ю. А. Проблемы предоставления качественных услуг в промышленной сфере / Ю. А. Андриянова // Вестник Чувашия государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2013. – №4–2. – С. 8–12. – С. 9.

⁹⁴⁷ Mödinger, P. Produktbegleitende Dienstleistungen im Industrie- und Dienstleistungssektor im Jahr 2002 / P. Mödinger, B. Redling // Wirtschaft und Statistik. – 2004. – № 12. – S. 1408 – 1413. – S. 1408

⁹⁴⁸ Industrienähe Dienstleistungen [Elektronische Ressource] // Wirtschaftslexikon. – Zugriffsmodus: <http://www.wirtschaftslexikon.co/d/industrienae-dienstleistungen/industrienae-dienstleistungen.htm>. – Zugriffsdatum: 25.05.2018.

⁹⁴⁹ Eickelpasch, A. Industrie und industrienähe Dienstleistungen in der Region Frankfurt-Rhein-Main/ A. Eickelpasch, R. Behrend, D. Krüger-Röth. – Berlin: DIW Berlin, 2017. – 137 S. – S. 28

ходится около четверти доходов и около половины прибыли многих европейских производителей промышленной продукции⁹⁵⁰.

Услуги, сопровождающие промышленную продукцию, весьма разнообразны по содержанию и форме их оказания. Ф. Стилле отмечает, что такие услуги могут оказываться «совместно с продуктом, который еще только будет доставлен (например, проектирование или консалтинг), с уже купленным продуктом (например, сервисное обслуживание или обучение) или с уже использованным продуктом (демонтаж или утилизация)»⁹⁵¹. Б. Бинцайслер и М. Кункис указывают на различную степень интегрированности с материальным носителем, например, эти услуги могут являться аддитивными как сервисное обслуживание автомобиля или же интегрированной составной частью индивидуального системного решения⁹⁵². Однако, вне зависимости от формы, ключевой характеристикой услуг, сопровождающих промышленную продукцию, является их клиентоориентированность. При помощи этих услуг производителям удастся сделать свою продукцию более разнообразной, отличающейся от продукции конкурентов, способной удовлетворить индивидуальные требования покупателя. Особенно эффективно используются услуги, сопровождающие промышленную продукцию, на рынках с высокой ценовой конкуренцией и низким уровнем дифференцированности продукции. Также эти услуги помогают устанавливать более тесную взаимосвязь с клиентами и повышают возможность кросс-продаж. Н. И. Ивашкова и Е. И. Карякин справедливо отмечают: «Сегодня многие промышленные компании – производители технологического оборудования включают в свою стратегию развитие сервисных услуг. Конечно, услуги по пуско-наладке и техническому обслуживанию сопровождают многие промышленные товары, но если раньше они рассматривались как обязательство перед покупателями – низкомаржинальный либо вообще бесприбыльный бизнес, то сейчас они переходят в разряд выгодного растущего сегмента бизнеса. А в дальнейшем бизнес-модель промышленного предприятия должна совмещать в себе как производство оборудования, так и промышленные услуги»⁹⁵³.

Среди услуг, сопровождающих промышленную продукцию, наиболее распространенными являются инжиниринговые услуги. В 2014 г. доля инжиниринговых услуг в промышленном сегменте экономики США до-

⁹⁵⁰ Strähle, O. Service now! Time to wake up the sleeping giant / O. Strähle, M. Füllemann et al. – München. – 2012.

⁹⁵¹ Stille, F. Produktbegleitende Dienstleistungen gewinnen weiter an Bedeutung / F. Stille // Wochenbericht des DIW. – 2003. – № 70 (21). – Pp. 336–342.

⁹⁵² Bienzeisler, B. Dienen und mehr verdienen? Hybride Wertschöpfung im Maschinen-und Anlagenbau / Bienzeisler, B., Kunkis, M. – Stuttgart, 2008.

⁹⁵³ Ивашкова, Н. И. Маркетинговый подход к развитию промышленных сервисных услуг / Н. И. Ивашкова, Е. И. Карякин // Инициативы XXI века. – 2013. – № 4. – С. 73–76. – С. 74

стигла 17%, Европы – 13%, отдельно Германии – 20%. В России этот показатель находился на уровне 2%⁹⁵⁴. 40% оказываемых инжиниринговых услуг в Германии потребляются обрабатывающей промышленностью⁹⁵⁵. Рынок инжиниринговых услуг является одним из первых сформировавшихся рынков услуг промышленного характера и продолжает развиваться высокими темпами и сегодня.

Внешнеторговая Энциклопедия дает следующее толкование инжиниринговых услуг: «услуги по подготовке процесса производства и реализации продукции (работ, услуг), подготовке строительства и эксплуатации промышленных, инфраструктурных, сельскохозяйственных и других объектов, предпроектные и проектные услуги (подготовка ТЭО, проектно-конструкторские разработки и другие подобные услуги)»⁹⁵⁶. Иными словами, под инжиниринговыми услугами понимается совокупность инженерно-консультационных услуг по подготовке и обеспечению процесса производства, обслуживанию сооружений, эксплуатации хозяйственных объектов и реализации продукции. В широком смысле, под инжинирингом также понимается предоставление услуг по доведению научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок до стадии производства. Д. В. Рыбец и Е. И. Босин, говоря о роли науки в развитии инжиниринга, отмечают их тесную взаимосвязь: «По сути дела это единый процесс создания, апробирования и внедрения технических и технологических достижений, передовых решений и разработок. Наука генерирует новые идеи и решения, а инжиниринг доводит их до практического внедрения»⁹⁵⁷.

В соответствии с международными стандартами PMI (project management institute) инжиниринг включает 4 процесса:

Е (engineering – проектирование);

Р (procurement – комплектация);

С (constraction – строительство);

PM (project management – управление проектом).

Д. В. Рыбец и Е. И. Босин выделяют в качестве функций инжиниринга следующие:

– исследования – первоначальное изучение проблематики, поиск новых принципов и процессов;

⁹⁵⁴ Лифанов, И. Д. Основные тенденции формирования и развития рынка инжиниринговых услуг в России / И. Д. Лифанов, А. И. Шинкевич // Вестник Казанского технологического университета. – 2014. – Т. 17. – № 5. – С. 333–338.

⁹⁵⁵ Edler, D. Die Industrie – ein wichtiger Treiber der Nachfrage nach Dienstleistungen/ D. Edler, A. Eickelpasch// DIW Wochenbericht. – 2013. – Nr. 34. – S. 16–23. – S. 21

⁹⁵⁶ Внешнеторговая Энциклопедия / Отв. ред. С. И. Долгов. – М.: Экономика, 2011. – С. 136

⁹⁵⁷ Рыбец, Д. В. Этапы развития инжиниринговых (инженерно-консультационных) услуг на мировом рынке / Д. В. Рыбец, Е. И. Босин // Российский внешнеэкономический вестник. – 2016. – С. 101–111.

- разработка – создание новых моделей в различных областях: технологических процессов, производственного оборудования и предприятий в целом;
- проектирование – проектирование процесса создания продукции или производственной системы, определение используемых материалов, характеристик и структуры продукции или системы;
 - определение стоимостных и финансовых параметров проекта
 - разработка бюджетов и смет по проекту, подготовка и проведение конкурсов, создание новых финансовых инструментов и схем;
 - организация производства – определение плана размещения производственных процессов, выбор и приобретение необходимого оборудования, сырья, материалов и компонентов, необходимых для производства и источников их поставки, интеграция всех производственных процессов, проведение инспекций, тестирования, пуско-наладочных работ, подготовка персонала;
 - производство – контроль функционирования машин, процессов, систем, фабрик и заводов, организация материального и энергетического снабжения, транспорта, коммуникаций, определение процедур соблюдения технологических процессов и их усовершенствование, контроль деятельности персонала, управление качеством продукции⁹⁵⁸.

Таким образом, инжиниринговые услуги представляют собой довольно широкое понятие и могут быть использованы практически на всех стадиях жизненного цикла промышленной продукции. «Функции инжиниринга объединяются в некоторую логико-временную последовательность, которая весьма сходна с моделью жизненного цикла проекта, – утверждают Д. В. Рыбец и Е. И. Босин. – Это сходство объясняется и тем, что инжиниринговая деятельность осуществляется, как правило, либо в рамках инвестиционно-строительных проектов, либо в виде отдельных инжиниринговых услуг, а проектный менеджмент, таким образом, становится базовой управленческой методологией инжиниринга»⁹⁵⁹.

Сфера инжиниринговых услуг включает в себя помимо чисто инженерных услуг также услуги научно-технического и коммерческого характера, при этом последние растут все большими темпами. Упомянутые выше авторы Д. В. Рыбец и Е. И. Босин пишут по этому поводу: «Главный показатель конкурентоспособности прежних лет – цена – в последние

⁹⁵⁸ Рыбец, Д. В. Этапы развития инжиниринговых (инженерно-консультационных) услуг на мировом рынке / Д. В. Рыбец, Е. И. Босин // Российский внешнеэкономический вестник. – 2016. – С. 101–111.

⁹⁵⁹ Рыбец, Д. В. Этапы развития инжиниринговых (инженерно-консультационных) услуг на мировом рынке / Д. В. Рыбец, Е. И. Босин // Российский внешнеэкономический вестник. – 2016. – С. 101–111.

годы уступил место такому фактору, как финансовые условия реализации проектов, включая льготное кредитование, при этом возросла роль инжиниринговых компаний в решении вопросов финансирования проектов. Широкое развитие получил финансовый инжиниринг, который состоит в предоставлении заказчикам консультаций по проблемам финансирования в комплексе, в т. ч. по вопросам кредитов, гарантий, страхования, налогов, сборов. Это привело к расширению связей инжиниринговых фирм с банками, которые в ряде случаев становятся финансовыми партнерами»⁹⁶⁰. В связи с этим сегодня все чаще на крупных промышленных предприятиях формируется самостоятельное финансовое подразделение. Например, в Siemens существует департамент финансовых услуг, действующий в двух направлениях: финансовое обеспечение производственной деятельности предприятия Siemens и предоставление финансовых услуг для клиентов Siemens и других компаний (финансирование покупки оборудования, проектное финансирование, структурированное финансирование в форме долговых и долевых инвестиций, лизинговые услуги)⁹⁶¹. В 2015 г. это подразделение оказалось одним из наиболее прибыльных: диапазон рентабельности составил 15–20%⁹⁶².

Кроме того, в соответствии с мировыми тенденциями инжиниринговые предприятия стремятся оказать все более широкий перечень услуг, позволяющий реализовывать проекты «под ключ». «В России инжинирингом считается установка оборудования с пусконаладкой, – отмечают И. Д. Лифанов и А. И. Шинкевич. – В то время как в наиболее развитых странах практикуется продвинутый инжиниринг, охватывающий весь процесс проектирования и учитывающий жизненный цикл продукции»⁹⁶³. Е. А. Можалева к комплексной инжиниринговой услуге относит: научную разработку идеи; прединвестиционные исследования; технико-экономическое обоснование проекта; подготовку документации; экспертизу проекта; осуществление ряда строительных и контрольных функций на объектах проекта; финансовый и технический надзор за процессом строительства; предложение решений по более эффективному использованию; обучение работников фирмы; сервисное обслуживание оборудования проекта; вывод оборудования из эксплуатации; техническую реконструкцию⁹⁶⁴.

⁹⁶⁰ Там же.

⁹⁶¹ Siemens. Annual Report 2016 [Electronic Resource] // 2016 by Siemens AG, Berlin and Munich. – P. 8. – Mode of access: siemens.com. – Date of access: 01.06.2018.

⁹⁶² Там же. – P. 8

⁹⁶³ Лифанов, И. Д. Основные тенденции формирования и развития рынка инжиниринговых услуг в России / И. Д. Лифанов, А. И. Шинкевич // Вестник Казанского технологического университета. – 2014. – Т. 17. – № 5. – С. 333–338.

⁹⁶⁴ Можалева, Е. А. Основные направления инновационного развития в сфере инжиниринговых услуг / Е. А. Можалева // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. – 2015. – № 6 (80). – С. 19–23.

Выделяют две категории инжиниринговых фирм: специализированные инжиниринговые фирмы и промышленные фирмы, сочетающие оказание инженерных услуг с производственной деятельностью. Традиционной моделью развития мирового рынка инжиниринговых услуг является сначала формирование инжиниринговых структурных подразделений внутри крупнейших промышленных компаний. Для производителей оборудования оказание инжиниринговых услуг является средством увеличения продаж основной продукции. Компании-проектировщики, стремясь сохранить секреты производства, выполняют технологическое проектирование с целью расширения или создания нового производства на основе собственных патентов и ноу-хау, а подрядчики используются для выполнения остальных инженерно-консультационных работ, осуществляя контроль их выполнения⁹⁶⁵. Так, как уже отмечалось выше, предприятие Siemens, наряду с производственными департаментами электроэнергетики и газа и ветроэнергетики и возобновляемых источников энергии, имеет самостоятельный департамент услуг в сфере производства электроэнергии⁹⁶⁶.

К специализированным фирмам относят инженерно-консультационные и инженерно-строительные фирмы. Сферой деятельности инженерно-строительной фирмы является как гражданское строительство (порты, аэродромы, транспортные магистрали, шахты, городское строительство), так и промышленные объекты, использующие специфические технологические процессы. Инжиниринговые услуги широко применяются при разработке и реализации промышленных инвестиционных проектов. Как правило, такие предприятия оказывают полный комплекс инженерно-технических услуг, включая проектирование объекта, поставку оборудования, монтаж, наладку и пуск оборудования в эксплуатацию. Зачастую специализированные инжиниринговые фирмы являются аффилированными лицами промышленных предприятий (филиалами или дочерними компаниями крупных генеральных подрядчиков, занимающихся инжиниринговой деятельностью как вспомогательной для основного производства)⁹⁶⁷.

Согласно данным Международной федерации инженеров-консультантов FIDIC, основную долю мирового рынка (до 75%) составляет строи-

⁹⁶⁵ Зорин, М. В. Развитие инжиниринга в строительстве на основе логистической поддержки / М. В. Зорин // Российское предпринимательство. – 2012. – № 22 (220). – С. 105–110.

⁹⁶⁶ Siemens. Annual Report 2016 [Electronic Resource]// 2016 by Siemens AG, Berlin and Munich. – Mode of access: siemens.com. – Date of access: 01.06.2018.

⁹⁶⁷ Зорин, М. В. Развитие инжиниринга в строительстве на основе логистической поддержки / М. В. Зорин // Российское предпринимательство. – 2012. – № 22 (220). – С. 105–110.

тельный инжиниринг, на втором месте технологический инжиниринг (10%), и 5% приходится на консультационный инжиниринг⁹⁶⁸.

В Беларуси, как и в России, большую часть спроса на инжиниринговые услуги обеспечивают масштабные капиталоемкие проекты, финансируемые в той или иной степени государством и которые могут выполнять только крупные инжиниринговые компании. Наряду с крупными фирмами действуют средние и мелкие инжиниринговые фирмы, специализирующиеся в узком диапазоне услуг и обычно выступающие в роли субподрядчиков. Однако, как правило, крупнейшие предприятия-заказчики предпочитают в качестве субподрядчиков узкий круг аффилированных инжиниринговых структур, что отрицательно сказывается на развитии малого и среднего бизнеса в этой сфере деятельности. Следует отметить, что в зарубежной практике наблюдается тенденция к увеличению субподрядных контрактов на предпроектные и проектные услуги⁹⁶⁹.

Сегодня поставка машин, оборудования, средств коммуникаций и инновационных технологий сопровождается инжиниринговыми услугами, в связи с чем значение рынка инжиниринговых услуг трудно переоценить. Сохранение высокого уровня спроса со стороны промышленности на инженерно-консультационные услуги обусловлено, во-первых, необходимостью проведения модернизации промышленного производства на постоянной основе, а, следовательно, и регулярное использование инжиниринговых услуг; во-вторых, технико-технологическим усложнением всех стадий жизненного цикла промышленной продукции, что требует их специализированного комплексного обслуживания инжиниринговыми фирмами; в-третьих, интенсификацией инвестиционной деятельности в сфере промышленности, неотъемлемой составляющей которой являются инжиниринговые услуги.

Особое значение в современном промышленном производстве играют информационно-коммуникационные услуги, создающие новую цифровую инфраструктуру. Доля информационно-коммуникационных услуг, потребляемых промышленностью, сравнительно невелика (в Германии – 11,5%⁹⁷⁰, в Беларуси – 5,25% (сфера производства в целом)). Более слабая взаимосвязь объясняется специалистами в том числе «сквозным характе-

⁹⁶⁸ Лифанов, И. Д. Основные тенденции формирования и развития рынка инжиниринговых услуг в России / И. Д. Лифанов, А. И. Шинкевич // Вестник Казанского технологического университета. – 2014. – Т. 17. – № 5. – С. 333–338.

⁹⁶⁹ Рыбец, Д. В. Этапы развития инжиниринговых (инженерно-консультационных) услуг на мировом рынке / Д. В. Рыбец, Е. И. Босин // Российский внешнеэкономический вестник. – 2016. – С. 101–111.

⁹⁷⁰ Edler, D. Die Industrie – ein wichtiger Treiber der Nachfrage nach Dienstleistungen/ D. Edler, A. Eickelpasch// DIW Wochenbericht. – 2013. – Nr. 34. – S. 16–23.

ром информационно-коммуникационной отрасли»⁹⁷¹, с чем невозможно не согласиться. Информационно-коммуникационные услуги промышленного характера, в частности промышленный интернет вещей, в дальнейшем будут находить все более широкое применение, создавая новую архитектуру производства, управления и реализации продукции. Предпосылками для этого являются, с одной стороны, новые организационные возможности бизнеса («умные» заводы, «умные» решения), с другой стороны – возможности выстраивания новых бизнес-моделей, меняющих традиционное представление о взаимодействии с клиентами и формировании цены производимой продукции.

8.5 Совершенствование организационно-экономического механизма оказания услуг промышленного характера в Республике Беларусь

Как нами уже установлено, тенденции развития услуг промышленного характера в Республике Беларусь как в стране с малой открытой экономикой в целом совпадают с общемировыми. Организационно-экономический механизм оказания услуг промышленного характера в Республике Беларусь также будет частично содержать в себе черты общемировой практики. Вместе с тем существуют некоторые особенности, обусловленные сложившейся специфической социально-экономической средой в Беларуси. Являясь частью институциональной системы общества, организационно-экономический механизм выражает определенный способ организации оказания услуг промышленного характера, свойственный для исторически сложившегося способа воспроизводства, то есть в определенных исторических формах. В процессе оказания рассматриваемых услуг между субъектами возникают и эволюционируют трудовые отношения, отношения собственности, потребностные отношения и отношения социально-экономического определения.

Субъектами социально-экономических отношений в рамках организационно-экономического механизма оказания услуг промышленного характера выступают предприятия промышленного комплекса, представители государственной власти, а также работники (трудовые коллективы). К первой категории субъектов относятся производственные предприятия и предприятия, чья деятельность связана с промышленным производством или промышленной продукцией, например, предприятия, занимающиеся разработкой, сбытом или послепродажным обслуживанием промышленной продукции или обеспечением производственного процесса. Как правило, круп-

⁹⁷¹ Там же.

ное предприятие выступает одновременно и производителем (услуги, сопровождающие промышленную продукцию), и потребителем услуг промышленного характера (услуги по разработке и внедрению промышленной продукции, вспомогательные производственные услуги). Немецкими исследователями отмечается, что «наукоемкие отрасли промышленности являются основными потребителями этих услуг (*наукоемких деловых услуг, к которым относятся профессиональные, технические, научные, инжиниринговые, информационные услуги, рекламных услуг и услуг по маркетинговым исследованиям – примечание авторов*)»⁹⁷². Аналогичный вывод был получен в результате анализа состояния и структуры сектора услуг промышленного характера в Республике Беларусь.

Анализ статистических данных позволил немецким специалистам зафиксировать, что «мелкие предприятия нуждаются в меньшем количестве услуг, чем крупные»⁹⁷³. По мере углубления специализации услуг промышленного характера будет расти количество предприятий (относительно не крупных), деятельность которых сосредоточена на оказании какой-либо услуги. Именно за счет заполнения таких ниш в рамках государственной программы ФРГ «Индустрия 4.0» планируется вовлечение малого и среднего предпринимательства в новую промышленность.

Особенность деятельности государства в качестве субъекта экономического механизма оказания услуг промышленного характера в Беларуси заключается в отсутствии единой государственной политики управления услугами промышленного характера. Вместе с тем в их развитии государство начинает играть все большую роль как экономический субъект, а именно как основной заказчик этих услуг. Такая тенденция хорошо просматривается на примере внедрения технологий Интернета вещей в Беларуси, о чем мы писали в четвертой главе. То, что «государственный сектор является основным драйвером роста Интернета вещей»⁹⁷⁴, как уже было нами отмечено, является общемировой тенденцией. Т. Толмачева, основатель iKS-Consulting, считает: «В среднесрочной перспективе B2B-рынок не сможет обогнать рынок B2G по объемам. Возможности государства по финансированию новых технологий не сопоставимы с возможностями бизнеса. Особенно, когда эти технологии еще дорогие и незрелые»⁹⁷⁵. Все

⁹⁷² Edler, D. Die Industrie – ein wichtiger Treiber der Nachfrage nach Dienstleistungen/ D. Edler, A. Eickelpasch// DIW Wochenbericht. – 2013. – Nr. 34. – S. 16–23. – S. 21

⁹⁷³ Eickelpasch, A. Industrie und industriennahe Dienstleistungen in der Region Frankfurt-Rhein-Main/ A. Eickelpasch, R. Behrend, D. Krüger-Röth. – Berlin: DIW Berlin, 2017. – 137 S. – S. 72

⁹⁷⁴ Мелешко, Ю. В. Перспективы развития рынка интернета вещей в Республике Беларусь / Ю. В. Мелешко // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2018. – Вып. 7. – С. 49–62.

⁹⁷⁵ Титаренко, Е. IoT больше нужен государству, чем бизнесу/ Е. Титаренко [Электронный ресурс] // Цифровая экономика. ComNews. – Режим доступа: <http://www.comnews.ru/digital-economy/content/109405#ixzz4rmAaYsYx>. – Дата доступа: 06.01.2018.

же постепенно область использования Интернета вещей расширяется. По мнению Д. Солодовникова, пресс-секретаря ПАО «Мобильные ТелеСистемы» (МТС), «у российского IoT-рынка два основных драйвера развития. Это государственные программы и запросы бизнеса. Федеральные и региональные органы власти используют IoT-решения для управления транспортом, безопасным городом, работой коммунальных служб и других проектов. "Бизнес давно использует M2M-соединения и ПО для управления M2M. А в последние годы спрос фокусируется на комплексных отраслевых решениях в области IoT"»⁹⁷⁶.

Создание современной сети «NB-IoT», отличающейся низкими затратами на обслуживание, и оснащение производства датчиками будет способствовать интенсификации внедрения технологии Интернета вещей в процесс производства и реализации белорусской промышленной продукции. В Velcom (A1) говорят о возможности использовать данную сеть и в промышленном секторе, в частности для контроля потребления электроэнергии. «Решение полностью готово и продумано до каждой детали. Мы рассчитываем, что в ближайшие месяцы такие сети найдут применение на многих белорусских предприятиях, – подчеркнули специалисты Velcom (A1). – Притом, что услуга сама по себе недорогая, она позволяет добиться заметной экономии, особенно в случае с организациями, потребляющими большие объёмы электроэнергии»⁹⁷⁷.

Предлагаемая Velcom (A1) система контроля потребления электроэнергии предполагает каждые 10 секунд передачу шифрованных данных от «интеллектуальных» датчиков по мобильной связи на облачный сервер. Информация, обработанная и иллюстрируемая в форме графиков, может быть получена на любое устройство – мобильный телефон, планшет, компьютер. В результате специалисты предприятия видят реальную структуру потребления и тем самым могут снизить расходы на электроэнергию. Система также призвана обнаруживать аномальное потребление, бороться с халатностью, фиксировать неполадки с оборудованием, контролировать соблюдение техпроцессов, контролировать лимиты потребления и т. д.⁹⁷⁸.

Индивид как носитель трудовой активности является еще одним субъектом организационно-экономического механизма оказания услуг промышленного характера и обладает определенной спецификой. По мере углубления автоматизации промышленности, в том числе за счет внедре-

⁹⁷⁶ Там же.

⁹⁷⁷ В Беларуси появился «индустриальный интернет вещей» от velcom [Электронный ресурс] // Дев Бай Медиа. – Режим доступа: <https://dev.by/lenta/main/v-belarusi-poyavilsya-industrialnyy-internet-veschey-ot-velcom>. – Дата доступа: 03.03.2018.

⁹⁷⁸ В Беларуси появился «индустриальный интернет вещей» от velcom [Электронный ресурс] // Дев Бай Медиа. – Режим доступа: <https://dev.by/lenta/main/v-belarusi-poyavilsya-industrialnyy-internet-veschey-ot-velcom>. – Дата доступа: 03.03.2018.

ния промышленного Интернета вещей, занятость в сфере промышленного производства будет сокращаться на фоне увеличения занятости в сфере оказания услуг промышленного характера. Как отмечают специалисты, «внедрение технологий ИТ повысит эффективность труда на предприятиях, позволит экономить на плановом ремонте оборудования и общих эксплуатационных затратах, минимизирует аварии на производстве и в целом увеличит предсказуемость промышленных систем. На макроуровне это приведет к росту энергоэффективности и конкурентоспособности экономики, стиранию границ между отраслями, снижению техногенного влияния на окружающую среду. Одним из следствий для социальной и гуманитарной сферы станет вытеснение низкоквалифицированного труда (как физического, так и умственного) машинами и появление новых видов компетенций, требующих высокой квалификации»⁹⁷⁹.

Оказание услуг промышленного характера основывается преимущественно на интеллектуальном труде, в связи с чем предъявляются более высокие требования к компетенциям работников. В контексте динамичности этого вида деятельности при оказании услуг промышленного характера важным является не только высокая квалификация работника (при этом высокой узкоспециализированной квалификации уже недостаточно, возрастает потребность в междисциплинарной квалификации), но и его персональные характеристики, как-то креативность, способность самостоятельно принимать решения, быстро реагировать на изменяющуюся конъюнктуру, умение и желание постоянно обучаться.

Использование современных информационно-коммуникационных технологий в сочетании с цифровизацией бизнес-моделей меняют и характер организации труда – появляются новые формы занятости. Т. Малон ввел термин «e-lanceg» (электронный фрилансер). Развивается самозанятость, виртуальная мобильность, гибкие формы занятости. Все большее распространение получает тенденция дестандартизации труда, непостоянного найма. Изменяется традиционное представление о рабочем времени и месте. При разработке стратегии развития Индустрии 4.0 немецкими специалистами подчеркивается важность создания «новой социальной инфраструктуры труда в Индустрии 4.0», отражающей изменение парадигмы «взаимодействия техники-человека и человека-окружающей среды» с новыми формами работы «в виртуальных мобильных рабочих мирах»⁹⁸⁰.

⁹⁷⁹ Информационно-коммуникационные технологии. Индустриальный интернет вещей: революционные изменения в промышленности [Электронный ресурс] // Трендлеттер. – 2016. – №1 0. – С. 1–4. – Режим доступа: [http:// issek.hse.ru/trendletter](http://issek.hse.ru/trendletter). – Дата доступа: 06.01.2018.

⁹⁸⁰ Deutschlands Zukunft als Produktionsstandort sichern. Umsetzungsempfehlungen für das Zukunftsprojekt Industrie 4.0. Abschlussbericht des Arbeitskreises Industrie 4.0 [Elektronische Quelle] / Promotorengruppe Kommunikation der Forschungsunion Wirtschaft – Wissenschaft //

К методам оказания услуг промышленного характера относятся внутренний и внешний, которым соответствуют такие организационные формы как внутренняя услуга (для первого метода) и аутсорсинг и инсорсинг (для второго метода). «Внутренние услуги оказываются структурным подразделением предприятия и направлены на удовлетворение его внутренних потребностей»⁹⁸¹, – отмечалось нами ранее. Ввиду сложности содержания специализированного структурного подразделения, обусловленной необходимостью отслеживания рынков непрофильных сфер деятельности предприятия и поддержания уровня квалификации работников, в форме внутренней услуги оказываются те услуги промышленного характера, на которые у предприятия имеется постоянный спрос в значительных объемах.

По мере усложнения и дифференциации услуг промышленного характера возрастает доля услуг, оказываемых внешним методом. М. В. Зорин, рассматривая проблематику развития инжиниринга в сфере строительства, выделяет на две возможные стратегии корпоративного развития: экстернализация (на основе аутсорсинга) и интернализация (на базе инсорсинга). «Развитие бизнес-процессов, основанных на разделении труда и специализации, привело к выбору многими зарубежными фирмами стратегии экстернализации на основе аутсорсинга. Примерами экстернализации являются сетевые образования, долгосрочные контракты, стратегические альянсы и франчайзинг, в этих случаях происходит объединение вспомогательных (сервисных) компетенции различных предприятий на основе партнерства. Модель разделения на базе аутсорсинга используется при реорганизации и реструктуризации крупных компаний с целью дальнейшей специализации отдельных бизнес-единиц по функциональному, продуктовому или региональному признаку, а также для улучшения управляемости дочерними компаниями»⁹⁸², – отмечает данный автор. Передача промышленными предприятиями ряда функций сторонним организациям, в том числе зарубежным, в рамках аутсорсинга позволяет сосредоточиться на основном виде деятельности, а также использовать преимущества предприятия, специализирующегося на оказании услуг промышленного характера – как правило, более высокое качество и (или) более низкая цена услуги.

Bundesministerium für Bildung und Forschung. – 116 s. – S. 27 – Zugriffsmodus: https://www.bm.bf.de/files/Umsetzungsempfehlungen_Industrie40.pdf. – Zugriffsdatum: 08.08.2018.

⁹⁸¹ Мелешко, Ю. В. Методическое обеспечение совершенствования экономического механизма оказания услуг промышленного / Ю. В. Мелешко // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д. Экон. и юрид. науки. 2016. – № 14. – С. 51–60. – С. 52

⁹⁸² Зорин, М. В. Развитие инжиниринга в строительстве на основе логистической поддержки / М. В. Зорин // Российское предпринимательство. – 2012. – № 22 (220). – С. 105–110.

Однако «при передаче определенных услуг на аутсорсинг возникает опасность потери критических знаний для бизнеса, утечка конфиденциальной информации, высокой степени зависимости от сторонней организации»⁹⁸³. В этом случае альтернативой аутсорсингу выступает инсорсинг, предполагающий оказание услуги аффилированным предприятием, например, входящим в состав одного холдинга. Интернализация с использованием инсорсинга, по справедливому мнению М. В. Зорина, «приводит к образованию крупных вертикально-интегрированных систем, широко использующих формы и методы планово-организованного управления подконтрольными структурами. Холдинги позволяют реализовать задачи, не решаемые на уровне отдельного предприятия, оптимизировать связи между предприятиями, страхуют от финансовых потерь»⁹⁸⁴. В Республике Беларусь услуги промышленного характера оказываются преимущественно в форме внутренних услуг (как правило, на небольших промышленных предприятиях старого типа) или инсорсинга. В последнее время рост услуг промышленного характера, оказываемый в форме инсорсинга, обусловлен реализацией политики организационной реструктуризации промышленности Беларуси и созданием промышленных холдингов.

Выбор метода и организационной формы оказания услуг промышленного характера переопределяет и используемые инструменты реализации этих услуг, например, трудовой договор, подряд, сервисное обслуживание и т. д. Развитие самих услуг промышленного характера, а также более широкое использование информационно-коммуникационных технологий приводит к появлению новых бизнес-моделей. Все большее распространение среди инструментов оказания услуг промышленного характера получают контракты с предоставлением полного спектра услуг, контракт с оплатой по результатам, по мере использования или по мере готовности к эксплуатации.

Интернет вещей кардинальным образом меняет облик инструментов оказания услуг промышленного характера. Н. Белоусов пишет: «Интернет вещей не просто связывает миллиарды устройств в одну сеть, как когда-то Интернет объединил все компьютеры. Реальная инновация и потенциал Интернета вещей в том, чтобы трансформировать бизнес-модели, позволяя компаниям продавать продукты, по-новому принося дополнительную пользу как компании, так и клиенту. <...> Интернет вещей почти как просто Интернет позволяет офлайн-бизнесам трансформировать из биз-

⁹⁸³ Мелешко, Ю. В. Методическое обеспечение совершенствования экономического механизма оказания услуг промышленного / Ю. В. Мелешко // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д. Экон. и юрид. науки. 2016. – № 14. – С. 51–60. – С. 52.

⁹⁸⁴ Зорин, М. В. Развитие инжиниринга в строительстве на основе логистической поддержки / М. В. Зорин // Российское предпринимательство. – 2012. – № 22 (220). – С. 105–110.

нес-модели от транзакционной выручки (когда выручка формируется одновременно при продаже товаров/услуг) к модели выручки по подписке (когда пользователь платит за использование продукта компании ежемесячно). Потенциал этой трансформации огромен, Интернет вещей может изменить способ, которым миллиарды людей тратят триллионы долларов»⁹⁸⁵. С. Грингард приводит в качестве примера авиационную промышленность, где «производители сохраняют за собой право собственности на двигатели и взимают с авиакомпаний плату за их фактическое использование»⁹⁸⁶. Таким образом, информационно-коммуникационные услуги промышленного характера, в частности промышленный Интернет вещей, в дальнейшем будут находить все более широкое применение, создавая новую архитектуру оказания услуг промышленного характера. Предпосылками для этого являются возможности выстраивания новых бизнес-моделей, меняющих традиционное представление о взаимодействии с клиентами и формировании цены производимой продукции.

Как отмечалось нами ранее, расширение использования технологии промышленного Интернета вещей оказывает комплексное влияние практически на все аспекты промышленного производства, в том числе и услуги промышленного характера, создавая спрос на качественно новые услуги и расширяя его в отношении традиционных услуг⁹⁸⁷. Появляются не только новые бизнес-модели, но и новые сферы рынка. «Интернет вещей обещает на порядок увеличить количество точек ввода данных. Сочетание повсеместного подключения к сети, недорогих датчиков и простой микроэлектроники дает возможность подключать к Интернету буквально все что угодно. <...> Данные пересекаются и тем самым создают новые знания и возможности»⁹⁸⁸, – подчеркивает С. Грингард. По его прогнозам «совокупные данные в течение последующих 25 лет произведут переворот во всех областях. Ретейлеры используют их, чтобы понимать покупательские привычки, производители – чтобы знать о состоянии оборудования, а организации в области здравоохранения – чтобы точнее

⁹⁸⁵ Белоусов, Н. Предисловие // Интернет вещей. Будущее уже здесь / С. Грингард. – М.: Альпина Паблишер, 2016. – 185 с. – С. 7–9. – С. 7–8.

⁹⁸⁶ Грингард, С. Интернет вещей. Будущее уже здесь / С. Грингард. – М.: Альпина Паблишер, 2016. – 185 с. – С. 88–89.

⁹⁸⁷ Мелешко, Ю. В. Совершенствование экономического механизма оказания услуг промышленного характера в Республике Беларусь / Ю. В. Мелешко, О. А. Борздыко // Модернизация хозяйственного механизма сквозь призму экономических, правовых, социальных и инженерных подходов: сборник материалов XI Международной научно-практической конференции, 23 ноября 2017 г.: в 2 т. – Минск: БНТУ, 2017. – Т. 1. – 2017. – С. 204–205.

⁹⁸⁸ Грингард, С. Интернет вещей. Будущее уже здесь / С. Грингард. – М.: Альпина Паблишер, 2016. – 185 с. – С. 73.

предсказывать поведение людей»⁹⁸⁹. Развитие инфраструктуры Интернета вещей открывает перспективы для нашей страны занять свою нишу на появляющихся рынках.

Четвертая технологическая революция меняет также механизм ценообразования на промышленную продукцию: «Аналитика принятия решений с использованием датчиков приводит к немедленной реакции на событие или ситуацию, а также делает более глубокое понимание принципов использования и потребления в реальном времени. Это, в свою очередь, дает возможность вводить схемы оплаты по факту потребления, а также модели стоимости, которая меняется в зависимости от повышения или понижения спроса и т. д.»⁹⁹⁰. Цена на услуги промышленного характера в меньшей степени подвержена колебанию в зависимости от спроса, поскольку промышленное производство зачастую критически зависимо от таких услуг и потребности в этих услугах должны быть удовлетворены вне зависимости от их стоимости. Специалисты же отмечают тенденцию роста стоимости услуг промышленного характера: «Анализ различных российских рынков, предлагающих промышленные услуги, показал, что при усилении позиций организаций промышленного сервиса, расширении комплекса услуг предполагается и рост их стоимости»⁹⁹¹. С учетом того, что услуги промышленного характера, в сравнении с производственным процессом, отличаются меньшей капиталоемкостью и создают большую долю добавленной стоимости, эта сфера деятельности становится особенно перспективной для стран, стремящихся перейти на новый технологический уровень.

Для организационно-экономического механизма оказания услуг промышленного характера характерна технико-технологическая детерминированность – зависимость от материально-технической производственной базы, производственных технологий и специфики промышленной продукции. При этом следует учитывать влияние социальных факторов на организационно-экономический механизм оказания услуг промышленного характера. Последний отличается высокими темпами развития и маневренностью. Предпосылками для этого выступают, во-первых, изменение форм, методов и инструментов оказания рассматриваемых услуг под влиянием четвертой промышленной революции, во-вторых, рост спроса на услуги, как традиционные, так и новые виды в связи с модернизацией промышленного комплекса. Отсутствие единой государственной политики

⁹⁸⁹ Там же. – С. 82.

⁹⁹⁰ Там же. – С. 82–83.

⁹⁹¹ Мамишев, А. И. Перспективы развития сферы промышленных услуг / А. И. Мамишев // Известия Санкт-петербургского государственного экономического университета. – 2013. – № 5. – С. 136–138. – С. 138

управления услугами промышленного характера, неустоявшиеся нормы поведения (обычаи, традиции), а также преимущественно интеллектуальный труд, требующий более гибких подходов в управлении, приводят к меньшей степени институциональной формализованности по сравнению с крупными и средними промышленными предприятиями.

Совершенствование организационно-экономического механизма оказания услуг промышленного характера должно быть направлено, прежде всего, на повышение адаптивности к новым внешним условиям. Традиционные методы и инструменты оказания услуг промышленного характера, которые были весьма эффективны 10 лет назад, могут быть применены сегодня лишь частично. Республика Беларусь – молодое динамично развивающееся государство с малой открытой экономикой. Экономическая система Беларуси «функционирует в условиях диалектического единства общего и частного: реальные экономические отношения у нас развиваются под воздействием универсальных экономических законов и закономерностей, трансформирующихся под влиянием уникальных белорусских институциональных особенностей»⁹⁹². Социально-экономическое развитие нашей страны происходит под влиянием как внутренних, так и внешних факторов, а уникальные институциональные особенности требуют нового уточнения направлений и инструментов развития организационно-экономического механизма оказания услуг промышленного характера. При выборе направлений и инструментов необходимо учитывать и изменение международной геополитической ситуации. Применившиеся против России экономические санкции способствовали развитию собственных технологических решений и углублению технологической кооперации белорусских и российских промышленных предприятий, в том числе и в сфере услуг промышленного характера. Это положительно сказалось на развитии белорусских предприятий, вместе с тем возникшая изолированность российских рынков частично тормозит технико-технологическую модернизацию их промышленности, что связано с необходимостью создавать не только уникальные технологические решения, но и импортозамещающие, которые, в ряде случаев, было бы экономически целесообразнее приобрести за рубежом. Учитывая кардинальные технико-технологические, экономические и социальные изменения в современном обществе, приводящие к ужесточению конкуренции на глобальном уровне и изменении методов борьбы (информационное оружие), геополитической и экономической нестабильности, а также национальные особенности организационно-экономического механизма оказания услуг промышлен-

⁹⁹² Солодовников, С. Ю. Новые ресурсы экономической модернизации / С. Ю. Солодовников, Л. П. Васюченко, Ю. В. Мелешко, А. Н. Тур; под ред. С. Ю. Солодовникова. – Минск: БНТУ, 2016. – 324 с. – С. 10.

ленного характера, в качестве направлений совершенствования этого механизма в Республике Беларусь следует выделить следующие.

Во-первых, совершенствование организационно-экономического механизма оказания услуг промышленного характера должно стать частью структурной политики Республики Беларусь. «В последние десятилетия в мире произошли радикальные технологические изменения, по своему влиянию на эволюцию человечества сопоставимые только с неолитической революцией и с эпохой Великих географических открытий»⁹⁹³. Складывающиеся современные хозяйственные отношения принципиально отличаются от классических рыночных или социально-ориентированных рыночных, также, как и от плановой экономики. В этой связи, как отмечалось выше, разработка обоснованной и последовательной структурной политики приобретает особое значение в условиях технологической неопределенности в современном мире. Одним из отличительных признаков организационно-экономического механизма оказания услуг промышленного характера является технико-технологическая детерминированность – зависимость от материально-технической производственной базы, производственных технологий и специфики промышленной продукции. Совершенствование организационно-экономического механизма оказания услуг промышленного характера находится в тесной взаимозависимости с модернизацией промышленности. По мере реализации концепции новой индустриализации терциализация белорусского промышленного комплекса будет усиливаться. К ключевым направлениям развития промышленности, способствующим совершенствованию организационно-экономического механизма оказания услуг промышленного характера, следует отнести цифровизацию производства и бизнес-моделей, сервитизацию и кастомизацию производства.

Цифровизация промышленного производства предполагает расширение использования информационных технологий, в первую очередь – промышленного интернета вещей. Внедрение промышленного интернета вещей позволит объединить стадии цепочки создания добавленной стоимости в единую систему интеллектуального промышленного производства, отличающуюся гибкостью, информативностью и способностью самостоятельно адаптироваться к изменяющейся внешней среде. За счет интегрированных автоматизированных звеньев производственного процесса (включая процесс изготовления, снабжение и сбыт, сервисное обслуживание) увеличивается предсказуемость промышленных систем, повышается производительность труда, сокращаются эксплуатационные затраты, сни-

⁹⁹³ Солодовников, С. Ю. Классы и классовая борьба в постиндустриальном обществе: методологические основы политэкономического исследования/ С. Ю. Солодовников. – Минск: БНТУ, 2014. – 378 с. – С. 6.

жается количество брака, минимизируются риски аварий и получения травм на производстве, появляется возможность перейти к кастомизированной модели производства. Внедрение киберфизических систем, позволяющих связать все производственные процессы в одну сеть в режиме реального времени, способных самонастраиваться и самообучаться, нацелено на повышение предсказуемости промышленных систем, рост производительности труда, сокращение эксплуатационных затрат, уменьшение ошибок. Соединение всей цепочки создания стоимости датчиками, оборудованием и информационными системами позволяет существенно повысить уровень адаптивности промышленной продукции и производства к быстро меняющимся потребностям рынка.

Развитие информационных технологий кардинально трансформирует бизнес-модели, создавая новую архитектуру производства, управления и реализации промышленной продукции. Речь идет не только об уже ставших традиционными Интернет-технологиях. Сегодня Интернет используется как непосредственный инструмент торговли продукцией и оказания услуг промышленного характера. На основе данной технологии выстраивается близкое и долгосрочное сотрудничество между производителем и конечным потребителем благодаря возможности постоянного обмена информацией. Можно констатировать, что автоматизация логистических процессов и развитие электронной торговли изменила формы реализации промышленной продукции, что стало результатом третьей промышленной революции.

Использование же технологий четвертой промышленной революции (базирующихся на Интернете) позволяют по-новому выстроить взаимодействие производителей и клиентов. Благодаря промышленному у интернету вещей создается гибкое производство, способное быстро реагировать на запрос клиента практически на любой стадии производственного цикла. Кроме того, за счет недорогих датчиков, цифровизации производства и торговли, а также больших данных производители решают проблему получения информации о клиенте и об эксплуатации своей продукции.

Новые бизнес-модели меняют традиционное представление о формировании цены производимой продукции. Все большее распространение получают схемы оплаты по мере использования продукции или по мере готовности к эксплуатации (а не по факту перехода собственности), а также модели стоимости, которая меняется в зависимости от повышения или понижения спроса и т. д. Иными словами, технологии четвертой промышленной революции способствуют переходу от транзакционной выручки к модели выручки по подписке.

Изменение бизнес-моделей касается и самого предмета бизнеса, то есть того, что создает основную добавленную стоимость. Постепенно происходит перенос «центра тяжести» промышленных предприятий со

стадии изготовления продукции на услуги промышленного характера: на стадию разработки и проектирования или на стадию реализации и послепродажного обслуживания. Все большее значение приобретают «системные решения», предлагающие продукцию вместе с услугами – от инжиниринга до сервисного обслуживания на протяжении всего срока службы продукции. Также в создании добавленной стоимости предприятий промышленности растет доля сервисного обслуживания. Сегодня простое производство продукции, даже хорошего качества, недостаточно для обеспечения конкурентоспособности промышленного предприятия. Особенно эффективно используются услуги, сопровождающие промышленную продукцию, на рынках с высокой ценовой конкуренцией и низким уровнем дифференцированности продукции. Также эти услуги помогают устанавливать более тесную взаимосвязь с клиентами.

Цифровизация производства и торговли приводит к возникновению новых рынков – рынков информации. Интернет вещей, наряду с социальными медиа, является основным источником формирования больших данных. Данные пересекаются и тем самым создают новые знания и возможности. Огромные массивы структурированных и неструктурированных многообразных данных, объемы которых постоянно возрастают, требуют иных технических подходов не только к их передаче, но и к высокоскоростной обработке и получению результатов. Ожидается, что с расширением использования интернета вещей и увеличением объема генерируемых данных, будут и дальше развиваться технологии анализа больших данных.

Распространение промышленного интернета вещей во многом зависит от готовности промышленных предприятий к максимальной прозрачности бизнеса. «Есть компании, такие как Mercedes, с высоким уровнем прозрачности отношений с поставщиками, – отмечают специалисты. – Интеграция и прозрачность настолько велика, что в Штутгарте могут знать кличку и tracking-номер коровы в ЮАР, из кожи которой будет сделана обивка конкретного автомобиля, который сойдет с конвейера через три месяца»⁹⁹⁴. В связи с этим, одним из условий совершенствования организационно-экономического механизма оказания услуг промышленного характера является изменение культуры ведения бизнеса в сторону увеличения открытости и прозрачности.

Одним из наиболее важных направлений развития белорусской промышленности видится встраивание предприятий в международные цепочки создания стоимости. «Стержневыми тенденциями развития совре-

⁹⁹⁴ «Интернет вещей будет спасать людей». Velcom – о SOS-кнопках и «умном» Минске [Электронный ресурс] // Дев Бай Медиа. – Режим доступа: <https://dev.by/lenta/main/internet-veschey-budet-spasat-lyudey-velcom-o-sos-knopkah-blokhcheyne-i-umnom-gorode>. – Дата доступа: 06.01.2018.

менной мировой экономики являются как глобализация рынков, так и глобализация производств». Ключевыми игроками в этих условиях являются транснациональные корпорации, которым «принадлежит около 50% мирового промышленного производства, а также около 80% патентов и лицензий на изобретения, новые технологии и ноу-хау»⁹⁹⁵. «С одной стороны, глобализация создала предпосылки на рынке производителей оборудования узкоспециализированных предприятий, – пишут С. И. Ашмарина, Е. А. Кандрашина, И. А. Шведова. – <...> С другой стороны, характерной чертой развития мирового рынка термообработки является массовое формирование корпоративных, т. е. компаний, обладающих совокупностью территориально-распределенных бизнес-процессов»⁹⁹⁶. Последствием глобализации становится выравнивание уровня качества, внедрение глобальных стандартов, процедур и процессов, которые задают, как правило, лидеры рынка. В этих условиях единственным способом встраивания в глобальные цепочки создания стоимости являются использование киберфизических систем. Благодаря информационным технологиям (например, на базе единой Интернет-платформы) становится возможным «состыковать» производственные систем различных предприятий. Это, в свою очередь, позволяет начинающим и малым компаниям разрабатывать и предлагать свои, как правило, узкоспециализированные услуги нижнего уровня, тем самым занять место в международной цепочке создания добавленной стоимости.

Основным драйвером развития технологий четвертой промышленной революции является госсектор – жилищно-коммунальное и муниципальное хозяйство, государственное управление, общественный транспорт. Ввиду высоких рисков и затратности (например, НИОКР или информационно-коммуникационные услуги) государство выступает основным заказчиком этих услуг, развивая новые технологии и делая их более доступными для дальнейшего использования в бизнес-секторе. Проблема трансфера технологий интернета вещей, больших данных, облачных сервисов из потребительской сферы в промышленный сектор может быть решена за счет государственно-частного партнерства. Примером такого партнерства может служить Интернет-Платформа «Индустрия 4.0», являющаяся интегратором для представителей политики, бизнеса, науки, профсоюзов, ассоциаций в сфере внедрения технологий Индустрии 4.0 в Германии.

⁹⁹⁵ Ашмарина, С. И. Современные мировые тенденции развития производственного бизнеса / С. И. Ашмарина, Е. А. Кандрашина, И. А. Шведова // Вестник самарского государственного экономического университета. – 2016. – №1. – С. 43–48. – С. 43.

⁹⁹⁶ Ашмарина, С. И. Современные мировые тенденции развития производственного бизнеса / С. И. Ашмарина, Е. А. Кандрашина, И. А. Шведова // Вестник самарского государственного экономического университета. – 2016. – №1. – С. 43–48. – С. 43.

Особое значение как для становления сверхиндустриальной экономики в целом, так и для опережающего развития услуг промышленного характера в частности, имеет формирование новой системы образования. В связи с внутренним изменением характера производства возникает объективная необходимость адаптации системы образования к развивающемуся высокими темпами рынку оказания услуг промышленного характера. Изменения характера труда обуславливают повышение требований не только к компетенциям, но и к личностным качествам работников. Однако перестройка системы образования, требующая кардинального пересмотра принципов взаимодействия производства, образования и науки, не может быть осуществлена сиюминутно. Кроме того, подготовка новых кадров также требует времени. «Развитие нового постиндустриального работника и внедрение новейших технологий – это две стороны одной медали. Понимая это, а также то, что для того, чтобы внедрить новую технологию (после того, как она разработана) иногда достаточно года, а для подготовки высококвалифицированных работников, которые могут эффективно ее использовать необходимо от 5 до 10 лет, следует пересмотреть некоторые подходы к системе высшего и среднего образования»⁹⁹⁷. Справедливым видится замечание А. Калинина: «руководители предприятий не могут оставаться только пассивными потребителями готового человеческого капитала. Чтобы обеспечить устойчивый рост, компаниям следует принимать участие в развитии специалистов и сделать это приоритетом своих бизнес-стратегий»⁹⁹⁸. Таким образом, еще одним условием становления новой индустрии в долгосрочной перспективе является опережающее развитие системы подготовки высококвалифицированных кадров, основанной на образовании в течение всей жизни, а также включении в образовательный процесс предприятий промышленности.

⁹⁹⁷ Солодовников, С. Ю. Тенденции и перспективы развития занятости и создания социально-научного сообщества в условиях модернизации транзитивной экономики: на примере Республики Беларусь / С. Ю. Солодовников // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д. Экон. и юрид. науки. – 2015. – № 6. – С. 2–9. – С. 5.

⁹⁹⁸ Калинина, А. Россия 4.0: как подготовить страну к четвертой промышленной революции [Электронный ресурс] / А. Калинина // РБК. – Режим доступа: www.rbc.ru/opinions/economics/13/01/2017/5878d2389a79470077130332. – Дата доступа: 29.11.2018.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В исследовании последовательно раскрыты характеристики нынешней стадии развития экономической системы общества, что позволило авторам представить новый политико-экономический концепт, характеризующий современный этап развития общества и экономики, – экономику рисков. По результатам исследования установлено, что экономика рисков представляет собой экономику высокотехнических и наукоемких производств, характеризующуюся высочайшей степенью политико-экономических, технологических, финансовых и экологических неопределенностей и рисков. Эти риски принимают всеобъемлющий характер, многие из них в принципе не предсказуемы и их возможные негативные последствия могут привести Человечество к глобальной катастрофе. Понимание природы экономики рисков критически важно для выработки действенных политико-экономических механизмов противостояния этим рискам и их учета при проведении модернизации экономики.

Нами было установлено, что сегодня объективное исследование отечественной экономики и направлений ее модернизации затрудняется не только традиционными гносеологическими особенностями рассмотрения всякой сложной социальной системы, но и присутствием в научном сообществе теоретических построений, направленных, прежде всего, на защиту эгональных (монопольных) интересов определенных национальных и межнациональных групп. Сегодня работы в данном направлении получают значительную финансовую (в том числе через мозговые центры Запада) поддержку, активно пропагандируются в «независимых» СМИ и т. д., а значит через механизмы нейролингвистического программирования входят в сознание людей (в том числе и ученых-экономистов). Все это также затрудняет объективное рассмотрение белорусской экономики; разработку направлений ее модернизации и практических рекомендаций.

Сквозь призму категории «социальный капитал» в монографии рассмотрены перспективы становления экономики доверия в белорусском обществе. Экономика доверия формирует условия для повышения эффективности взаимодействия социально-экономических субъектов на основе снижения транзакционных издержек, неизбежно возникающих при любой форме взаимодействия. В рамках существующей обществоведческой традиции, воспринятой современной экономической теорией и восходящей к работам Дж. Коулмана, Р. Патнема, К. Маркса, П. Бурдьё, а также некоторых других мыслителей, под социальным капиталом понимаются суммы выгод, получаемых субъектами от взаимных определенных информационных действий (как совокупности межличностных отношений, снижающих транзакционные издержки) с целью взаимовыгодного сотрудни-

чества, достигаемого путем информационного обмена, позволяющих получить осязаемую социально-экономическую выгоду.

На базе развития трудовых отношений в процессе становления и эволюции общества разделенного труда сформировались (и продолжают развиваться) такие важнейшие составляющие социального капитала, как: обязательства, ожидания и надежность социальной и институциональной структуры; возможность получения информации с наименьшими издержками; существование норм поведения (включающих в себя альтруистическое поведение в интересах социальной общности) и эффективных санкций за их нарушения; относительная замкнутость и апроприативность (способность социальной группы, первоначально созданной для одних целей или сформировавшейся для оптимизации своих социально-экономических интересов в определенных условиях, по мере выполнения этих целей и/или изменения условий, трансформироваться в группу, преследующую другие цели). В связи с этим методологически правильным представляется рассмотрение формирования и функционирования социального потенциала Республики Беларусь в неразрывной связи с динамикой трудовых отношений и персонализирующей их социально-профессиональной структурой общества.

По условиям, необходимым для успешного формирования социального капитала на уровне общества, в Республике Беларусь имеется ряд преимуществ по сравнению практически со всеми постсоветскими странами. Для того, чтобы накопленный социальный капитал способствовал модернизации белорусской экономики, а не использовался в целях максимизации частно-классового потребления, необходимо: законодательное закрепление за экономическими субъектами таких функций в обществе, которые соответствуют движению к социально-ориентированной экономической системе; институциональное содействие формированию на уровне хозяйственных субъектов социального капитала («корпоративной культуры») в тех формах и объемах, пока он используется преимущественно в продукционных целях; обеспечение ведущей роли государства в согласовании социально-экономических интересов социальных субъектов; проведение целенаправленной политики, делающей невозможным присвоение социального капитала, накопленного на уровне общества, частными экономическими субъектами; создания условий для становления социально-научного сообщества, продуцирующего и разделяющего экономическую идеологию государства; формирование новой экономической идеологии.

В результате исследования уточнены понятия субординационного и ординационного управления. Показано, что содержанием субординационного управления в экономических системах является следование уста-

новленным правилам отношений между субъектами, принадлежащим к различным социальным классам и/или находящимся на различных ступенях социально-экономической иерархии. Содержанием ординационного управления в экономических системах является следование установленным правилам отношений между субъектами, принадлежащим к одному социальному классу и/или находящимся на одной ступени социально-экономической иерархии. Раскрыты феноменологические особенности субординационного и ординационного управления в экономических системах на субстанционально-гносеологическом и реально-онтологическом уровнях. Выявлено, что важнейшей феноменологической особенностью ординационного управления в экономических системах является то, что оно возможно только на основе высокого уровня социального капитала. Установлено, что: во-первых, по мере усложнения социально-экономических отношений, вызванных объективным процессом перехода от традиционного рыночного хозяйства, основанного на индустриальном технологическом укладе, к более развитым формам хозяйствования значение социального капитала и для субординационного управления в экономических системах возрастает; во-вторых по мере социального и технологического прогресса, неизбежно будет происходить увеличение роли ординационного экономического управления по сравнению с субординационным, а также значительное увеличение разнообразия в формах экономического управления.

Выявление онтологических особенностей современной экономики, превратившейся сегодня в экономику рисков, позволило содержательно рассмотреть относительные преимущества субординационного и ординационного управления в инновационной сфере. На крупных индустриальных предприятиях инновационного типа на основном производстве относительными преимуществами будет обладать ординационное управление, а на вспомогательных относительными преимуществами могут обладать и субординационный и ординационный типы управления. В хозяйственных субъектах, относящихся к сервисной экономике, относительными преимуществами в инновационной сфере будет обладать ординационное управление. При проведении модернизации и использовании зарубежного опыта следует учитывать, что в современных экономиках западного типа наряду с действительно применяемыми ординационными способами управления широкое распространение получили симуляции этого управления, направленные на поддержание иллюзии демократического общественного устройства. Это позволило определить сетевые механизмы экономического управления как принципиально новые формы общественно-функциональных технологий, отличающихся значительным ускорением процессов управления, получения и обмена информацией за счет исполь-

звания новейших интернет-технологий, что приводит к изменениям логики поведения субъектов сетевой экономики, усилению экономической, политэкономической и идеологической конкуренции. Выявлено, что сетевые механизмы экономического управления значительно упростили процедуры обмена информацией в режиме реального времени и породили лавинообразный рост социальных контактов, что привело к возникновению принципиально новых механизмов экономической и политэкономической конкуренции, породило новые риски и угрозы, а также вызвало необходимость находить инструменты им противодействовать.

Раскрыта сущность понятия сетевые механизмы инновационного развития, под которыми следует понимать сетевые формы организации социально-экономической деятельности в экономической, социальной и политической сферах с высоким уровнем информатизации, основанной в активном использовании политико-экономическими и хозяйственными субъектами информационных технологий и глобальной сети Интернет в процессах общественного воспроизводства с целью инновационного развития. Установлено, что эти механизмы могут использоваться как в производственных, для повышения эффективности общественного производства, так и в эгональных целях, для обеспечения преимущественной реализации частно-групповых интересов.

Выделены и охарактеризованы факторы, обуславливающие необходимость перехода к сетевым механизмам инновационного развития в Республике Беларусь, среди которых: ускорение научно-технического прогресса и порождаемые этим процессом новые вызовы и угрозы; глобальная технологическая неопределенность и порождаемая этим высокая неопределенность технико-технологических прогнозов; возрастание роли идеологического фактора, в том числе идеологии модернизации экономики и общественной жизни; возрастание роли общественно-технологических инноваций. Раскрыты условия, влияющие на онтологические формы и интенсивность проявления этих факторов.

Исследованы этапы становления Индустрии 4.0 в Федеративной Республике Германии. Выявлена проблема узости использования термина «Индустрия 4.0» и преобладания технократического подхода в исследованиях, посвященных этой тематике. Показано, что Индустрию 4.0 следует рассматривать как новый хозяйственный уклад, сложившийся в результате распространения цифровых технологий в современной – социально-ориентированной преимущественно рыночной – экономике. Интернет вещей и большие данные, облачные технологии объединяют производственный процесс в рамках единой цифровой инфраструктуры. Эти технологии повышают скорость управления самим производственным процессом, позволяют автоматизировать множество функций и повысить эффектив-

ность производства. Кроме того, они обеспечивают тесную двустороннюю связь между производителем и потребителем, что критически важно для конкурентоспособности промышленного предприятия в Индустрии 4.0. Установлено, что переход промышленности на цифровые технологии требует большого количества времени, значительных ресурсов и фундаментального реформирования корпоративной культуры. Кроме того, внедрение новых технологий должно осуществляться на постоянной основе.

В результате исследования установлено, что цифровая трансформация промышленного предприятия выходит за рамки автоматизации отдельных бизнес-процессов и предполагает внедрение информационно-коммуникационных технологий в повседневную деятельность компании путем создания современной цифровой инфраструктуры предприятия в виде единой платформы или экосистемы компании. В условиях технологической неопределенности жизненно важным для промышленного предприятия становится разработка эффективной стратегии цифровизации, которая позволяет структурировать усилия, определить «опорные точки», сформировать сбалансированный портфель цифровых проектов на краткосрочную и долгосрочную перспективу, выстроить систему его мониторинга и обновления.

Успешная технико-технологическая модернизация промышленного комплекса Республики Беларусь не может быть осуществлена без цифровизации. Необходимо выработать принципы цифровизации, в соответствии с которыми предприятия белорусского промышленного комплекса смогут выстроить стратегию информационного развития и перейти к становлению сверхиндустриальной экономики. При этом внедрение цифровых технологий не должно выступать как самоцель для промышленных предприятий. Необходим взвешенный подход к выбору цифровых проектов, тщательный анализ последствий внедрения новых технологий и оценка их эффективности.

Установлено, что экономический эффект от внедрения технологий четвертой промышленной революции заключается в создании новых бизнес-моделей, меняющих традиционное представление о взаимодействии с клиентами и формировании цены производимой продукции. Благодаря информационно-коммуникационным технологиям (в первую очередь, Интернету вещей) появляются новые инструменты, обеспечивающие возможность перехода от транзакционной выручки, формирующейся одновременно при продаже товаров/услуг, к модели выручки по подписке, предполагающей оплату за использование продукта ежемесячно. Оценка рисков изменения существующей бизнес-модели за счет внедрения новых цифровых технологий позволит выработать приоритеты инвестирования в цифровые проекты, определить, какие технологии создадут наибольшую стоимость с учетом особенностей выстраивания бизнес-моделей.

Результатом исследования стало развитие теоретических основ знакового потребления как системы манипулирования вещами как знаками, характерной для современного пострыночного общества. Знаковое потребление определено как тип потребления благ, основной целью которого является социальная демонстрация с использованием механизмов социальной дифференциации и принадлежности на основе сложившихся в конкретной культурной среде технологий знаковой коммуникации. Установлено, что интенсификация потребления в современном обществе во многом обусловлена логикой демонстративного потребления, важнейшей функцией которого становится отражение социального статуса индивида и мобильности этого статуса. Под влиянием распространения моделей поведения, характеризующегося преобладанием знакового потребления, происходит искажение экономической мотивации индивидов в интересах производителей материальных благ. Формы потребления трансформируются на не соответствующие доходу и социальному статусу, но позволяющие скопировать некоторые признаки потребления более высших классов. При такой модели поведения неизбежно возникает противоречие между функциональными свойствами потребляемых предметов – закреплением социального статуса и обозначением социальной мобильности. Интенсивное потребление товаров, обладающих знаковой меновой стоимостью, используется индивидами в качестве инструмента социальной динамики, но фактически является симуляцией статусных трансформаций.

Усложнение структуры современного общества и теоретическое отражение происходящих процессов в концепте трансэкономики потребовали категориального уточнения феномена моды. На основании критического рассмотрения подходов к интерпретации экономической природы моды под последней как экономической категорией предложено понимать хозяйственное благо, преобразуемое в процессе творческой деятельности в целях создания товаров и услуг, массовое интенсивное потребление которых обусловлено стремлением индивидов в современном обществе к постоянным изменениям и определенному социальному статусу на основе обновления предметного окружения и принципов поведения.

Установлено, что мода сегодня активно используется производителями как общественно-функциональная инновация, позволяющая конструировать потребительское поведение индивидов. В современном обществе структуры потребления попадают под влияние разрушительной логики моды как инструмента реализации функции обозначения социальной динамики. Компетенции в области применения современных форм общественно-функциональных инноваций начинают играть определяющую роль в эффективности продвижения товаров, что предопределяет

необходимость их опережающего развития как инструмента повышения конкурентоспособности отечественной промышленности.

При проведении модернизации отечественной экономики должны учитываться экологические экстерналии экономического роста. Установлено, что высокая дифференциация стран по критерию институционального оформления подходов к содержанию экологической ренты, отвечающей требованиям сегодняшнего социо-эколого-экономического развития, влияет на структуру и размещение мировых производительных сил. Отмечено, что усиление экологических угроз вследствие мирового роста индустрии моды не означает необходимость отказа отечественного производителя от претензий на место в этой системе, поскольку такой отказ не повлиял бы на объемы потребления, а лишь предоставил бы еще большие конкурентные возможности для иностранных производителей товаров и услуг в индустрии моды. Наличие на белорусском рынке большого объема импортных товаров, обладающих высокой знаковой меновой стоимостью, открывает возможности для реализации собственного потенциала исследуемой индустрии на новых технологических основах, с учетом оценки уровня экологических издержек и распределения ответственности, а также разработки механизмов их снижения.

Установлено, что цели экономической политики напрямую зависят от господствующего хозяйственного уклада. Для Республики Беларусь целью экономической политики становится технологическая модернизация национального промышленного комплекса, подчинение финансовой политики промышленной политике, опережающее развитие услуг промышленного характера. В качестве главных (агрегированных) инструментов экономической политики предлагается рассматривать такие политики как: промышленную, финансовую, социальную, структурную, демографическую, социальную, экологическую и др. политики. Если перед обществом стоит задача провести новую индустриализацию для создания сверхиндустриальной экономики, то приоритетным инструментом становится промышленная политика, именно ей должны подчиняться все остальные политики. В социально-ориентированной экономике социальная политика может и должна вносить заметные коррективы в экономическую политику.

Выявлена взаимосвязь структурной политики государства и модернизации реального сектора экономики, что позволило сделать вывод о необходимости парадигмальной замены модели выживания отечественных предприятий реального сектора экономики на модель новой индустриализации, подразумевающей формирование новой структуры народного хозяйства, основой которой должен стать сверхиндустриальный промышленный уклад. Установлено, что для создания оптимальных условий но-

вой индустриализации в Республике Беларусь необходимо системно реализовать следующие мероприятия: продолжать формирование рыночной институциональной среды, способствующей развитию предпринимательской инициативы; развивать институты общественно-государственно-частного партнерства, в том числе при планировании развития реального сектора экономики; разработать систему мер по обеспечению промышленных предприятий дешевыми длинными деньгами; совершенствовать концепцию развития промышленности в стране; разработать концептуальные предложения по механизмам повышения мотивации руководителей и трудовых коллективов государственных предприятий; при планировании структурной динамики и технологической модернизации народного хозяйства учитывать демографические реалии Республики Беларусь; окончательное решение о строительстве новых и модернизации существующих предприятий должно приниматься только после проведения комплексной социально-эколого-экономической экспертизы с учетом динамики истинных инвестиций; усилить роль социально-научного сообщества в совершенствовании принципов, механизмов и инструментов планирования социально-экономического развития страны, формировании структурной политики и технологической модернизации народного хозяйства.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что все финансовые инструменты не принесут ожидаемого экономического эффекта, если не будут дополнены созданием в нашей стране социально-научного сообщества. Переход экономики к сверхиндустриальному этапу развития не может не сопровождаться становлением новой формы социальной организации общества – посткапиталистического социально-научного общества. Названное определение подчеркивает, с одной стороны, возрастание нравственных и экологических (посткапиталистических) принципов оценки экономической эффективности общественного воспроизводства, а с другой стороны, показывает увеличение роли научно-технической революции и новых институциональных форм использования ее достижений в экономической системе общества (формирование социально-научного сообщества).

Доказано, что сверхиндустриальный промышленный уклад как формирующаяся основа промышленности Республики Беларусь не предполагает отказ от традиционных производств, а включает в себя определение направлений и условий проведения их технико-технологической и организационно-управленческой модернизации с целью возрождения промышленности на новых технологических основах с соблюдением социальных и экологических императивов. На примере легкой промышленности раскрыты проблемы и перспективы модернизации традиционных отраслей промышленности нашей страны. Выявлены основные тенденции в развитии мировой легкой промышленности и индустрии моды. Рассмотр-

рены риски, возникающие при организационно-управленческой и технико-технологической модернизации отечественной легкой промышленности.

В результате анализа развития легкой промышленности в Республике Беларусь установлено, что данному виду экономической деятельности не удалось сохранить конкурентоспособность на внутреннем рынке. Несмотря на постоянное снижение среднесписочной численности работников и проводимую модернизацию производства, ожидаемого повышения производительности труда в легкой промышленности не произошло. Низкая заработная плата в отрасли является ограничителем в привлечении высококвалифицированных управленческих кадров, что, в свою очередь, препятствует осуществлению технологического скачка (эффективной модернизации) отечественных предприятий легкой промышленности.

Отечественному производителю следует учитывать существующие глобальные тенденции и возникающие угрозы при определении своей роли и места в структуре мирового производства, складывающейся в результате международного разделения труда. На основании проведенного анализа предложены меры по распространению общественно-функциональных технологий, развитию услуг промышленного характера, отказу от жесткой привязки роста заработной платы к росту производительности труда, кооперированию субъектов хозяйствования различных форм собственности и масштабов, направленные на повышение конкурентоспособности отечественных предприятий.

Конкурентоспособность предприятия заключается в возможности создания и эффективного использования конкурентных преимуществ во всех сферах его деятельности. Последнее невозможно без проявления субъектной активности, которая повышается при применении мер экономического стимулирования на различных уровнях. Конкурентоспособность предприятия определена как адаптационные, инновационные, кадровые, организационно-управленческие, технико-технологические и воспроизводственные характеристики предприятия, обеспечивающие на основе комбинации имеющихся хозяйственных ресурсов приобретение и сохранение сравнительных преимуществ, определяемых по результатам взаимодействия с иными субъектами. В качестве стимулирующих мер развития легкой промышленности в Республике Беларусь как факторов повышения конкурентоспособности предприятий предложены: импортозамещение, в качестве фактора развития которого выступает наращивание экспорта; цифровизация, позволяющая перейти к инновационным гибким и адаптивным бизнес-моделям, а также значительно снижать транзакционные издержки взаимодействия внутри и вне предприятий; создание условий для совершенствования организации взаимодействия хозяйству-

ющих субъектов и использования инновационных форм такого взаимодействия, основанных на проектных и сетевых структурах; накопление социального капитала как фактора повышения эффективности межсубъектного взаимодействия в легкой промышленности и индустрии моды.

Определено, что эффективная модернизация отечественной экономики невозможна без опережающего развития услуг промышленного характера. Экономическая сущность последних состоит в обеспечении создания, развития и функционирования технологий, связанных с разработкой, производством, реализацией и сервисным обслуживанием промышленной продукции. Такой подход вкупе с выявлением особенностей организационно-экономического механизма их оказания (маневренность, высокие темпы развития, неподверженность сезонным колебаниям, зависимость от более инертной материально-технической и технологической базы производства, специфические форма, методы и инструменты хозяйствования, круг субъектов и организационно-управленческие отношения) позволили вывести принцип взаимообусловленности опережающего развития услуг промышленного характера и ускоренной модернизации национального промышленного комплекса.

С помощью экономических форм, методов и инструментов хозяйствования субъекты реализуют свои разнообразные экономические интересы в определенных исторических формах. Традиционными формами оказания услуг промышленного характера являются внутренние услуги, аутсорсинг и инсорсинг, при этом наибольшее распространение получили такие инструменты, как трудовой договор, договор подряда и т. д. По мере развития (качественного и количественного) услуг промышленного характера изменяется и экономический механизм их оказания: все больше услуг перестают быть внутренними и в соответствии с глобальной тенденцией к расширению все чаще становятся внешними. Таким образом, услуги промышленного характера выделяются из производственного комплекса и передаются отдельным специализированным предприятиям, чья деятельность связана с промышленным производством или промышленной продукцией и относится, как правило, к сфере услуг.

Оказание услуг промышленного характера основывается преимущественно на интеллектуальном труде, в связи с чем предъявляются более высокие требования к компетенциям работников. При этом важным является не только высокая квалификация работника (особенно междисциплинарная), но и его персональные характеристики, как креативность, способность самостоятельно принимать решения, быстро реагировать на изменяющуюся конъюнктуру, умение и желание постоянно обучаться. Среди прочего, это требует модернизации системы образования в части адаптации ее к потребностям сверхиндустриального уклада экономики.

Список использованных источников

1. «Беллепром» будет производить больше стильной одежды для деловых женщин – Лугина [Электронный ресурс] / БЕЛТА. – Оpubл. 16.05.2019. – Режим доступа: www.belta.by/economics/view/belleprom-budet-proizvodit-bolshe-stilnoj-odezhdy-dlja-delovyh-zhenschin-lugina-347589-2019/?utm_source=belta&utm_medium=news&utm_campaign=acce – Дата доступа: 25.07.2019.
2. «Вязаные» кроссовки? Пока их можно увидеть только в экспериментальном цехе Лидской обувной фабрики [Электронный ресурс] / Лідская газета. – Оpubл. 26.06.2018. – Режим доступа: <http://lida.news.by/news/r1/ek1/10682-vjazanye-krossovki>. – Дата доступа: 24.07.2018.
3. «Интернет вещей будет спасать людей». Velcom – о SOS-кнопках и «умном» Минске [Электронный ресурс] // Дев Бай Медиа. – Режим доступа: <https://dev.by/lenta/main/internet-veschey-budet-spatat-lyudey-velcom-o-sos-knorkah-blokcheyne-i-umnom-gorode>. – Дата доступа: 06.01.2018.
4. «Не могут носки стоить 20 копеек». Сколько контрафактного товара легпрома попадает в Беларусь [Электронный ресурс] / TUT.BY // 04.06.2018. – Режим доступа: www.finance.tut.by/news595373.html?crnd=30760. – Дата доступа: 12.01.2019.
5. 4-я промышленная революция в Давосе [Электронный ресурс] // Эксперт ONLINE. – Режим доступа: <http://expert.ru/2016/01/21/chetvertaya-promyshlennaya-revolyuitsiya/>. – Дата доступа: 16.08.2019.
6. 5G с европейским акцентом [Электронный ресурс] // TVNews.by: новости телевидения, радио, прессы, кино и телекоммуникаций. – Режим доступа: <https://tvnews.by/analitics/13349-5g-s-evropejskim-akcentom.html> – Дата доступа: 15.08.2019.
7. Абанбегян, А. От рецессии и стагнации через финансовый форсаж к экономическому росту / А. Абанбегян // Деньги и кредит. – 2016. – № 12. – С. 46–52.
8. Агафонова, М. Ю. Большой экономический словарь: 19000 терминов / М. Ю. Агафонова [и др.]; под ред. А. Н. Азрилияна. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Институт новой экономики, 1997. – 864 с. – С. 492.
9. Алехин, А. Б. Экономическая теория жизнедеятельности человека: основные понятия и гипотезы / А. Б. Алехин. – Одесса: ИПРЭИ АН Украины, 1993. – 47 с.
10. Альтернативные топливно-энергетические ресурсы: экономико-управленческие аспекты использования в условиях инновационного развития общества / В. В. Богатырева [и др.]. – Новополоцк: ПГУ, 2017. – 323 с.

11. Андреева, А. Ю. История костюма : Эпоха. Стиль. Moda : От Древ. Египта до модерна / А. Ю. Андреева, Г. И. Богомолов. – СПб. : Паритет, 2001. – 118 с.
12. Андреева, Е. Н. Дизайнерские бренды в фэшн-бизнесе / Е. Н. Андреева. – Изд. 2-е. – Санкт-Петербург : Высшая школа менеджмента : Издат. дом С-Петербур. гос. ун-та, 2008. – 256 с.
13. Андриянова, Ю. А. Проблемы предоставления качественных услуг в промышленной сфере / Ю. А. Андриянова // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2013. – №4–2. – С. 8–12.
14. Ансар, П. Современная социология / П. Ансар // Социологические исследования. – 1996. – № 1. – С. 134–150.
15. Ансофф, И. Новая корпоративная стратегия / И. Ансофф. – СПб : Питер Ком, 1999. – 416 с.
16. Арский, Ю. М. От редакционной коллегии / Ю. М. Арский // Индустрия наносистем и наноматериалов. – 2007. – № 1. – С. 2.
17. Архипова, Л. В. Moda и ее влияние на спрос населения : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Л. В. Архипова. – М., 1977. – 25 с.
18. Архипова, Л. В. Moda и ее влияние на спрос населения : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Л. В. Архипова. – М., 1977. – 214 л.
19. Асеев, А. Л. Без науки у России нет будущего / А. Л. Асеев // ЭКО. – 2010. – № 1. – С. 15–33..
20. Афанасьева, М. В. Особенности государственной промышленной политики в условиях модернизации технологической среды : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / М. В. Афанасьева. – Москва. – 2011.
21. Ашмарина, С. И. Современные мировые тенденции развития производственного бизнеса / С. И. Ашмарина, Е. А. Кандрашина, И. А. Шведова // Вестник самарского государственного экономического университета. – 2016. – №1. – С.43–48.
22. Байнев, В. Ф. Идеология как экономическая категория / В. Ф. Байнев // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2016. – Вып. 4. – С. 21–33.
23. Барышева, А. В. Модернизация России с позиций новой парадигмы научного познания / А. В. Барышева. – М. : ООО «ИПЦ «Маска»», 2012. – 340 с.
24. Беккер, Г. Выбор партнера на брачных рынках / Г. Беккер // THESIS. – 1994. – Вып. 6. – С. 12–36.
25. Беккер, Г. Человеческий капитал (главы из книги) / Г. Беккер // США: экономика, политика, идеология. – 1993. – № 11. – С. 107–119; № 12. – С. 86–104.
26. Бектурганов, К. Социальные аспекты управления агропромышленным комплексом в свете решений XXVI съезда партии и майского Пленума ЦК КПСС / К. Бектурганов // Научный коммунизм. – 1982. – № 6.

27. Беларусь в цифрах, 2019 : статистический справочник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск : Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2019. – 72 с.
28. Беларусь и Россия, 2018 : статистический сборник / Федеральная служба государственной статистики, Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – М : Федеральная служба государственной статистики, 2018. – 212 с.
29. Белкин, В. Н. Мотивы и стимулы труда / В. Н. Белкин, Н. А. Белкина // Экономическая наука современной России. – 2003. – № 3. – С. 52–61.
30. Белл, Д. Эпоха разобщенности: Размышления о мире XXI века / Д. Белл, В. Л. Иноземцев. – М. : Центр исследований постиндустриального общества, 2007. – 304 с.
31. Белова, Л. Г. Индустрия 4.0: возможности и вызовы для мировой экономики / Л. Г. Белова, О. М. Вихорева, С. Б. Карловская // Вестник московского университета. Серия 6. Экономика. – 2018. – №3. – С. 167–183.
32. Белоусов, Н. Предисловие // Интернет вещей. Будущее уже здесь / С. Грингард. – М.: Альпина Паблишер, 2016. – 185 с. – С. 7–9.
33. Белых, А. К. Социальная организация социалистического общества как объект управления / А. К. Белых // Вестник ЛГУ. Серия Экономика. Философия. Право. – 1967. – № 11. – Вып. 2.
34. Белых, А. К. Социальная система социализма как объект политики / А. К. Белых: В. М. Алексеев // Пути формирования бесклассовой структуры социалистического общества. – Л., 1987.
35. Бирюков, В. Культурологическая парадигма видения экономической реальности / В. Бирюков // Общество и экономика. – 2018. – № 9. – С. 91–101.
36. Блейман, Н. Экономика двойников: как роботы приходят в менеджмент [Электронный ресурс] / Н. Блейман // РБК. – Режим доступа: www.rbcplus.ru/news/5b5e4f2f7a8aa92e8c50df14. – Дата доступа: 26.08.2019.
37. Богатырёва, В. В. Финансовое управление воспроизводством человеческого капитала в инновационной экономике : теория, методология, моделирование / В. В. Богатырёва. – Новополоцк : ПГУ, 2013. – 400 с.
38. Богатырёва, В. В. Необходимость оценки человеческого капитала машиностроительной отрасли Республики Беларусь / В. В. Богатырёва // Инновационные технологии в машиностроении : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 35-летию машиностроительному факультету ПГУ, Новополоцк, 19-20 окт. 2011 г. – Новополоцк, 2011. – С. 18–21.

39. Богатырёва, В. В. Теоретико-методологические основы взаимосвязи финансовых ресурсов и человеческого капитала организации / В. В. Богатырёва // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д. Экон. и юрид. науки. – 2011. – № 6. – С. 48–52.
40. Богатырёва, В. В. Управление конкурентоспособностью строительных организаций: сущность, направления совершенствования, зарубежный опыт / В. В. Богатырёва, С. Н. Костюкова // Российский экономический интернет-журнал. – 2016. – № 4. – 8 с.
41. Богатырёва, В. В. Факторы, влияющие на интеграционные процессы экономик Республики Беларусь и Российской Федерации / В. В. Богатырёва, Ю. Ш. Салахова // Право. Экономика. Психология. – 2018. – № 3. – С. 19–30.
42. Бодрийяр, Ж. К критике политической экономии знака / Ж. Бодрийяр / пер. с фр. Д. Кралечкин. – М.: Академический Проект, 2007. – 335 с.
43. Бодрийяр, Ж. Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр ; Пер. с фр. Л. Любарской, Е. Марковской. – 5-е изд. – М.: «Добросвет», «Издательство "КДУ"», 2014. – 260 с.
44. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – М.: "Добросвет" 2000. – 387 с. – С. 97.
45. Бодрунов, С. Д. Конвергенция технологий – новая интеграции производства, науки и образования / С. Д. Бодрунов // Экономическая наука современной России. – 2018. – № 1 (80). – С. 8–19.
46. Бозина, Т. А. Подготовка кадров для индустрии моды: проблемы и перспективы / Т. А. Бозина, В. В. Хохлова // Швейная промышленность. – 2014. – № 3. – С. 16–19.
47. Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия / главн. науч. ред. и сост. С. Ю. Солодовников. – Минск: МФЦП, 2002. – 1007 с.
48. Борисов, Б. Голодомор по-американски / Б. Борисов [Электронный ресурс] // Око планеты. Новости, аналитика, информация. – Режим доступа: <http://oko-planet.su/first/4702-boris-borisov-golodomor-po-amerikanski.html>. – Дата доступа 14.09.2018.
49. Бузгалин, А. Закономерности переходной экономики: теория и методология / А. Бузгалин // Вопросы экономики. – 1995. – № 2. – С. 32–44.
50. Бурдые, П. Социология политики / П. Бурдые ; сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. – М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с.
51. Бурменко, Т. Г. Сфера услуг в современном обществе: экономика, менеджмент, маркетинг : учеб. пособие / Т. Г. Бурменко, Н. Н. Даниленко, Т. А. Туренко. – Иркутск: БГУЭП, 2004. – 281 с.
52. Бьюкенен, Дж. М. Сочинения / Дж. М. Бьюкенен. – Т. 1. – М.: Таурус-Альфа, 1997. – 556 с.

53. Бяккерев, Ф. Ф. Проблема самодвижения в материалистической диалектике / Ф. Ф. Бяккерев. – Л. : Молодая гвардия, 1972.

54. В Беларуси запустят первую сеть для «интернета вещей» [Электронный ресурс] // Новости Беларуси. Белорусское телеграфное агентство. – Режим доступа: <http://www.belta.by/tech/view/v-belarusi-zapu-stjat-pervuju-set-dlja-interneta-veschej-271664-2017/>. – Дата доступа: 06.01.2018.

55. В Беларуси появился «индустриальный интернет вещей» от velcom [Электронный ресурс] // Дев Бай Медиа. – Режим доступа: <https://dev.by/lenta/main/v-belarusi-poyavilsya-industrialnyy-internet-veschej-ot-velcom>. – Дата доступа: 03.03.2018.

56. Василенко, Н. Этапы автоматизации услуг в контексте развития экономики / Н. Василенко // Экономист. – 2018. – № 10. – С. 12–19.

57. Василькова, В. В. Порядок и хаос в развитии социальных систем (Синергетика и теория социальной самоорганизации) / В. В. Василькова. – Спб. : Лань, 1999. – 480 с.

58. Васюченко, Л. П. Методологические проблемы модернизации в Республике Беларусь (к 50-летию научной школы в области исследования модернизации экономики) / Л. П. Васюченко // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2018. – Вып. 8. – С. 5–15.

59. Васюченко, Л. П. Некоторые вопросы теории развития сетевых структур / Л. П. Васюченко // Менеджмент предпринимательской деятельности : материалы XVI международной научно-практической конференции преподавателей, докторантов, аспирантов и студентов, Симферополь, 12–13 апр. 2018 г. / отв. ред. Н. Д. Стахно, О. Е. Почупайло. – Симферополь, 2018. – С. 92–96.

60. Васюченко, Л. П. Предпосылки ренессанса социально-экономического феномена кооперации / Л. П. Васюченко, Т. В. Кузьмицкая // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Серия: Теория и практика управления. – 2017. – № 18 (23). – С. 198–206.

61. Вебер, М. Основные понятия стратификации / М. Вебер // Социологические исследования. – 1994. – № 5. – С. 147–156. – С. 147.

62. Вебер, М. Основные социологические понятия / М. Вебер // Избранные произведения ; Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайденко. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.

63. Веблен, Т. Теория праздного класса / Т. Веблен. – Москва : Либроком, 2015. – 365 с.

64. Вередюк, О. В. Детерминанты занятости в концепции постиндустриального общества / О. В. Вередюк // Вестник СПбГУ. Сер 5. – 2010. – Вып. 4. – С. 35–41.

65. Виды экономической деятельности: Общегосударственный классификатор Республики Беларусь [Электронный ресурс]// Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by/klassifikatory/obschegosudarstvennyye-klassifikatory-respubliki-belarus-ispolzuemye-dlya-zapolneniya-gosudarstvennoi-statisticheskoi-otchetnosti/obschegosudarstvennyi-klassifikator-okrb-005-2011-vidy-ek-onomicheskoi-deyatelnosti/>. – Дата доступа: 17.07.2019.

66. Винер, Н. Человек управляющий / Н. Винер. – СПб. : Питер, 2001. – 288 с. – С. 12–13.

67. Виниченко, И. В. Прогнозирование спроса в модной индустрии / И. В. Виниченко // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2017. – № 11–1. – С. 140–142.

68. Вишнеvский, И. Л. Энтропия в природе и обществе / И. Л. Вишнеvский, А. Н. Лашер, И. В. Салли. – М. : ВИНИТИ, 1994.

69. Внешнеторговая Энциклопедия / Отв. ред. С. И. Долгов. – М.: Экономика, 2011.

70. Внешняя торговля услугами // Статистический ежегодник Республики Беларусь 2016 г. – Мн: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2016. – 518 с..

71. Волков, Ю. Е. Методологическое значение материалов XXVI съезда КПСС для понимания природы социальных процессов / Ю. Е. Волков // Научный коммунизм. – 1981. – № 4.

72. Выявление объема, структуры, доли «серого» сегмента на российском рынке обуви [Электронный ресурс] / РБК. Исследования рынков. – Москва. – 2017. – 53 с. – Режим доступа: www.marketing.rbc.ru. – Дата доступа: 15.05.2019.

73. Гейл, К. Мода и текстиль / К. Гейл, Я. Каур. – Минск : Гревцов Паблицер, 2009. – 227 с.

74. Герасимов, Н. В. Отчет отдела закономерностей развития производственных отношений социализма Института экономики АН БССР за 1988 год : рукопись / Н. В. Герасимов. – Мн., 1988.

75. Герасимов, Н. В. Экономическая система: генезис, структура, развитие / Н. В. Герасимов ; редкол.: Э. А. Лутохина [и др.]. – Минск : Навука і тэхніка, 1991. – 349 с.

76. Глазьев, С. Ю. Новый технологический уклад в современной мировой экономике / С. Ю. Глазьев // Международная экономика. – 2010. – № 5. – С. 5–27.

77. Глазьев, С. Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса / С. Ю. Глазьев. – М.: Экономика, 2010. – 254 с.

78. Горизонтальная культура социальных взаимодействий – потенциал развития экономики и общества в XXI веке / С. Ю. Солодовников [и др.]. – Минск : БНТУ, 2018. – 325 с.

79. Государственная программа развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 годы [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Республики Беларусь, 23 март. 2016 г., № 235 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

80. Гофман, А. Б. Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения / А. Б. Гофман. – Изд. 5-е. – М. : КДУ, 2013. – 228 с.

81. Грингард, С. Интернет вещей. Будущее уже здесь / С. Грингард. – М.: Альпина Паблишер, 2016. – 185 с.

82. Губанов, С. Об экономической модели и долгосрочной стратегии новой индустриализации России / С. Губанов // Экономист. – 2016. – № 2. – С. 3–10.

83. Гурова, О. Ю. Критический подход к потреблению / О. Ю. Гурова, А. Н. Толкачева // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2014. – № 2. – С. 4–8.

84. Гурский, В. Л. Национальная промышленная политика в условиях глобализации современных международных экономических отношений / В. Л. Гурский // Беларусь в современном мире материалы XVII Международной научной конференции, посвященной 97-летию образования Белорусского государственного университета: сб. науч. ст. / БГУ; ред. кол. В. Г. Шадурский. – Минск, 2018. – С. 164–165.

85. Гурский, В. Л. Риски несогласованности промышленных политик ЕАЭС и методика определения непротиворечивых форм промышленной интеграции / В. Л. Гурский // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2018. – Вып. 7. – С. 196–211.

86. Гурский, В. Л. Сетевая концепция развития механизма согласования промышленных политик государств-членов ЕАЭС в условиях новой технологической революции. / В.Л. Гурский // Беларусь в современном мире : материалы XVI Международной научной конференции, посвященной 97-летию образования Белорусского государственного университета: сб. науч. ст. / БГУ; ред. кол. В.Г. Шадурский. – Минск, 2017. – С. 164–165.

87. Гурский, В. Л. Эндогенные факторы, обуславливающие развитие промышленной политики Беларуси в современных условиях / В. Л. Гурский // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2015. – Вып. 3. – С. 35–42.

88. Данилин, И. В. Промышленно-технологическая политика США при Б. Обаме: вызовы, итоги, возможности [Электронный ресурс] / И. В. Данилин // Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова. – Режим доступа: <http://www.imemo.ru/files/File/ru/sc/2016/18052016/18052016-TE-Z-01.pdf>. – Дата доступа: 30.06.2016.

89. Де Сото, Э. Загадка капитала / Эрнандо де Сото. – М. : Олимп-Бизнес, 2004. – 263 с.

90. Деиндустриализация [Электронный ресурс] // Словарь бизнес-терминов. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/business/3272>. – Дата доступа: 05.05.2018.

91. Дементьев, В. Е. Собственность в системе производственных отношений социализма / В. Е. Дементьев, Ю. В. Сухотин // Коммунист. – 1987. – № 18. – С. 69.

92. Дискин, И. Е. Предисловие к статье Дж. Коулмана «Капитал социальный и человеческий» / И. Е. Дискин // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – С. 121.

93. Дискин, И. Е. Хозяйственная система России: проблемы институционального генезиса / И. Е. Дискин // Общественные науки и современность. – 1998. – № 4.

94. Добрынин, Н. А. Инновационные формы межфирменной кооперации в цепи «автопроизводитель-поставщик» / Н. А. Добрынин // Автомобиле- и тракторостроение в России: приоритеты развития и подготовка кадров : материалы междунар. науч.-техн. конф. ААИ, посвященной 145-летию МГТУ «МАМИ», Москва, 17 нояб. 2017 г. / МГТУ «МАМИ»; под общ. ред. С. В. Бахмутова, С. А. Зайцева. – Москва, 2010. – С. 85–94.

95. Дресс-код: маркировка на рынке одежды. Последствия [Электронный ресурс] / РБК. Деловой день. – Эфир 12 июля 2019 г. – Режим доступа: www.rbc.ru. – Дата доступа: 12.07.2019.

96. Дудель, С. П. Закон единства и борьбы противоположностей / С. П. Дудель, Г. М. Штракс. – М. : Высшая школа, 1967. – 247 с.

97. Дьяченко, О. В. Мировые тренды реиндустриализации: первоначальный опыт и современные противоречия / О. В. Дьяченко, Е. С. Зарубежнов // Экономическое возрождение России. – 2015. – № 3. – С. 62–75.

98. Егоров, В. Г. Место и роль кооперации в рыночной экономике : теоретический анализ : автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.01 / В. Г. Егоров ; Ярослав. гос. ун-т им. П.Г. Демидова. – Ярославль, 2015. – 51 с.

99. Егоров, И. А. Свобода, детерминизм и индетерминизм в свете идей И. Пригожина / И. А. Егоров // Мировая экономика и международные отношения. – 1999. – № 2. – С. 104–115.

100. Елфимов, Г. М. Возникновение нового / Г. М. Елфимов. – М. : Мысль, 1983. – 188 с.

101. Ещенко, П. С. Стагнация украинской экономики: незавершенность реформ или продуманная политика / А. С. Ещенко // Научный журнал «Экономика Украины». – 2017. – № 8 (661). – С. 29–46.

102. Жаркова, Н. Н. Инвестиционная политика в области научно-технической инновационной деятельности предприятий текстильного и швейного производства / Н. Н. Жаркова. – М. : Инфра-М, 2014. – 94 с.

103. Зиммель, Г. Мода / Г. Зиммель // Избранное. Созерцание жизни : пер. М. И. Левиной / Г. Зиммель ; редкол.: С. Я. Левит [и др.]. – М. : Юристъ, 1996. – Т. 2. – 608 с.

104. Золотухин, В. Е. Парадоксальная сущность труда / В.Е. Золотухин // Социологические исследования. – 2010. – № 10. – С. 150–151.

105. Зомбарт, В. Народное хозяйство и мода / В. Зомбарт. – СПб. : тип. акц. общ. Брокгауз-Ефрон, 1904. – 28 с.

106. Зорин, М. В. Развитие инжиниринга в строительстве на основе логистической поддержки / М. В. Зорин // Российское предпринимательство. – 2012. – № 22 (220). – С. 105–110.

107. Иваницкий, В. П. Промышленное производство швейных товаров интенсивного обновления: сущность, границы и структура / В. П. Иваницкий, М. С. Щеглов // Известия Уральского государственного экономического университета. – 2012. – № 6 (44). – С. 73–78.

108. Иваницкий, В. П. Репутационный капитал как элемент стратегического планирования предприятий индустрии моды / В. П. Иваницкий, М. С. Щеглов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. – 2012. – № 22 (281). – С. 11–17.

109. Иванов, А. Н. Глобализация homo oeconomicus: феномен "добавленной стоимости" ("виртуализация производства") / А. Н. Иванов // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2005. – № 7. – С. 105–109.

110. Ивашкова, Н. И. Маркетинговый подход к развитию промышленных сервисных услуг/ Н. И. Ивашкова, Е. И. Карякин // Инициативы XXI века. – 2013. – № 4. – С. 73–76.

111. Игнатова, О. Необъяснимо, но контрафакт. В России «оседает» неучтенной продукции легпрома более чем на шесть миллиардов долларов ежегодно [Электронный ресурс] / О. Игнатова // Российская газета. – Оpubл. 22.04.2018. – Режим доступа: <https://rg.ru/2018/04/22/minpromtorg-v-rossii-kontrafakt-realizuetsia-cherez-legalnye-magaziny.html>. – Дата доступа: 17.08.2019.

112. Идрисов, Г. В поисках новой модели роста / Г. Идрисов, В. Мау, А. Божечкова // Вопросы экономики. – 2017. – № 12. – С. 5–23.

113. Из доклада Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко на пятом всебелорусском народном собрании // Белорусская думка. – 2016. – №7. – С. 4–21.

114. Ильин, А. Н. Культура потребления и экология: проблемы взаимодействия / А. Н. Ильин // Человек в мире культуры. Региональные культурологические исследования. – 2017. – № 2/3 (21). – С. 164–174.

115. Ильин, А. Н. Тенденция перманентного обновления вещей в условиях потребительского общества / А. Н. Ильин // Философия и общество. – 2016. – № 4. – С. 34–52.

116. Ильин, В. В. Социология как фундаментальная наука / В. В. Ильин // Социологические исследования. – 1994. – № 3. – С. 29–35.

117. Иноземцев, В. Л. За пределами экономического общества / В. Л. Иноземцев. – М.: Academia. – Наука, 1998. – 640 с.

118. Иноземцев, В. Л. Постиндустриальное хозяйство и «постиндустриальное» общество / В. Л. Иноземцев // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – С. 140–152.

119. Иноземцев, В. Л. Постиндустриальный мир Д. Белла / В. Л. Иноземцев // Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М.: Academia, 2004. – 788 с.

120. Информационно-коммуникационные технологии. Индустриальный интернет вещей: революционные изменения в промышленности [Электронный ресурс] // Трендлеттер. – 2016. – № 10. – С. 1–4. – Режим доступа: <http://issek.hse.ru/trendletter>. – Дата доступа: 06.01.2018.

121. Иншаков, О. В. Индустрия как форма утверждения, распространения и господства хозяйственного уклада в экономике / О. В. Иншаков, А. В. Фесюн // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 3: Экономика, экология. – 2014. – № 2. – С. 44–53.

122. Иншаков, О. В. Коллаборация как глобальная форма организации экономики знаний / О. В. Иншаков // Экономика региона. – 2013. – № 3. – С. 38–45.

123. Ипполитов, Л. Зарождение институционалистской экономической теории в России (об одной методологической дискуссии 1920-х годов / Л. Ипполитов // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2008. – № 4. – С. 43–57.

124. Исследование теоретических основ нового качества экономического роста в контексте перехода к инновационному развитию Республики Беларусь и Российской Федерации / В. Л. Гурский, В. А. Клименко, В. В. Фаузер, Т. В. Сергиевич // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. – 2017. – № 2. – С. 53–59.

125. К разворачиванию промышленной политики в России: еще раз о роли целевой кредитной эмиссии / М. В. Ершов, В. К. Поспелов, А. С. Танасова, В. Ю. Татузов // Российский экономический журнал. – 2017. – № 3. – С. 28–36.

126. Кавамура, Ю. Теория и практика создания моды / Ю. Кавамура. – Минск : Гревцов Паблишер, 2009. – 177 с.

127. Каган, М. С. Развитие системы и системность развития. – Материалистическая диалектика и системный подход / М. С. Каган // Проблемы диалектики. – Л., 1982. – Вып. X.

128. Как будет работать единая система для борьбы с нелегальным товарооборотом [Электронный ресурс] / CNews. – Оpubл. 03.12.2018. – Режим доступа: http://www.cnews.ru/articles/2018-11-27_kak_budet_rabotat_edinaya_sistema_dlya_borby_s_nelegalnym_tovarooborotom. – Дата доступа: 26.08.2019.

129. Калинина, А. Россия 4.0: как подготовить страну к четвертой промышленной революции [Электронный ресурс] / А. Калинина // РБК. – Режим доступа: www.rbc.ru/opinions/economics/13/01/2017/5878d2389a79470077130332. – Дата доступа: 29.11.2018.

130. Калугина, З. И. Парадоксы аграрной реформы в России: социологический анализ трансформационных процессов / З. И. Калугина. – 2-е издание. – Новосибирск: ИЭ и ОПП СО РАН, 2001.

131. Каманкин, В. П. Экономические интересы развитого социалистического общества / В. П. Каманкин. – М. : Мысль, 1978. – 296 с.

132. Каменский, Е. Г. Новая стратификация "технообщества" / Е. Г. Каменский // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2017. – Т. 7. – № 4 (25). – С. 264–270.

133. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М.: ГУ ВШЭ. – 2000. – 608 с.

134. Катаев, А. В. Информационные системы и модели оптимизации распределения заказов в партнерской сети виртуального предприятия [Электронный ресурс] / А. В. Катаев // Прикладная информатика. – 2007 // CyberLeninka. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnye-sistemy-i-modeli-optimizatsii-raspredeleniya-zakazov-v-partnerskoj-seti-virtualnogo-predpriyatiya>. – Дата доступа: 15.08.2019.

135. Кейнс, Дж. Общая теория занятости, процента и денег [Электронный ресурс] / Дж. Кейнс // Учебники, монографии по социологии. – Режим доступа: <http://socioline.ru/files/5/316/keyns.pdf>. – Дата доступа: 23.08.2018.

136. Китай переходит на 5G с опережением срока [Электронный ресурс] // Издательский дом Connect.wit. – Режим доступа: <http://www.connect-wit.ru/kitaj-perehodit-na-5g-s-operezheniem-sroka.html>. – Дата доступа: 15.08.2019.

137. Клименко, В. А. Теоретические основы трансферта технологий / В. А. Клименко, В. Л. Гурский, О. М. Мазуренко // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2017. – Вып. 5. – С. 309–317.

138. Ключевые проблемы развития легкой промышленности в России и способы их преодоления : аналит. отчет / отв. ред. сер. В. В. Радаев ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики» ; Лаб. экон.-социол. исслед. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. – 343 с.

139. Козлова, Н. Н. Кризис классических методологий и современная познавательная ситуация / Н. Н. Козлова, Н. М. Смирнова // Социс. – 1995. – № 11.

140. Комкова, Е. Г. Перспективы НАФТА / Е. Г. Комкова // США. Канада. – Экономика – политика – культура. – 2018. – № 2 (578) Февраль. – С. 5–19.

141. Косолапов, Р. И. Проблемы анализа социальной структуры советского общества / Р. И. Косолапов // Проблемы мира и социализма. – 1973. – № 5.

142. Костырев, А. Контрафакт – упрямая вещь. Рынок поддельного люкса превысил по обороту легальный / А. Костырев, Н. Щуренков // Коммерсантъ. – 2019. – № 117. – 08 июля. – С. 1.

143. Коулман, Дж. Капитал социальный и человеческий / Дж. Коулман // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – С. 122–139.

144. Кохно, Н. П. Экономика технологического развития / Н. П. Кохно. – Мн. : ООО «Мисанта», 1998. – 162 с.

145. Кошовец, О. Б. Глобальная цифровая трансформация и ее цели: декларации, реальность и новый механизм роста / О. Б. Кошовец, Н. А. Ганичев // Экономическая наука современной России. – 2018. – № 4 (83). – С. 126–143.

146. Крымский, И. А. Проблемы и перспективы развития электронной экономики в России / И. А. Крымский, К. В. Павлов. – Мурманск : Изд-во Кольского НЦ РАН, 2007. – 200 с.

147. Крюкова, Н. А. Анализ тенденций развития российской индустрии моды / Н. А. Крюкова, Е. А. Лисова // Вестник Поволжского государственного университета сервиса. Серия: Экономика. – 2015. – № 1 (39). – С. 171–178.

148. Кудашов, В. И. Брендинг как инструмент успешного бизнеса / В. И. Кудашов // Экономика и управление. – 2009. – № 3. – С. 72–81.

149. Кузьмицкая, Т. В. Динамика трудовых отношений в Республике Беларусь в условиях модернизации / Т. В. Кузьмицкая // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2016. – Вып. 4. – С. 230–238.

150. Кузьмицкая, Т. В. Международная трудовая миграция: проблемы оценки и влияние на социально-экономическое и демографическое развитие Республики Беларусь / Т. В. Кузьмицкая, Л. П. Шахотько // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2014. – Вып. 2. – С. 113–132.

151. Кузьмицкая, Т. В. Эволюция организации труда и управления промышленным производством / Т. В. Кузьмицкая // Экономикаическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2019. – Вып. 9. – С. 50–62.
152. Курдюмова, Р. Б. Эволюция концепций моды как социокультурного явления: историко-критический анализ: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.01 / Р. Б. Курдюмова. – Москва, 2005. – 185 л.
153. Курегян, С. В. Экономика и искусства и культуры / С. В. Курегян. – Минск : Право и экономика, 2019. – 132 с.
154. Лавлок, К. Маркетинг услуг: персонал, технологии, стратегия / К. Лавлок. – 4-е изд.: пер. с англ. – М.: Издательский дом «Вильямс», 2005. – 1008 с.
155. Лебедева, В. К. Экономико-теоретические аспекты перемены деятельности / В. К. Лебедева // Экономика Украины. – 2015. – № 2 (631). – С. 24–35.
156. Лебезин, Н. Ю. Формирование экономики знаний как ключевое направление общественно-экономического развития / Н. Ю. Лебезин // Известия Санкт-Петербургского экономического университета. – 2017. – № 5. – С. 16–20.
157. Лемещенко, П. С. От стоимости к институциональной ценности / П. С. Лемещенко // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2013. – Вып. 1. – С. 46–68.
158. Лемещенко, П. С. Экономическая наука Беларуси: путь к самоидентификации / П. С. Лемещенко, И. А. Лаврухина // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Экономика». – 2013. – Вып. 1 (19). – С. 31–40.
159. Леонтьев, А. Н. Потребности, мотивы и эмоции / А. Н. Леонтьев. – М.: МГУ, 1971. – 40 с.
160. Липовецкий, Ж. Империя эфемерного. Мода и ее судьба в современном обществе / Ж. Липовецкий. – Москва : Новое литературное обозрение, 2012. – 335 с.
161. Лифанов, И. Д. Основные тенденции формирования и развития рынка инжиниринговых услуг в России / И. Д. Лифанов, А. И. Шинкевич // Вестник Казанского технологического университета. – 2014. – Т. 17. – № 5. – С. 333–338.
162. Логинова, Е. В. Сетевая экономика как инновационный фактор модернизации современного российского общества : автореф. дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.01 / Е. В. Логинова ; Волгоградский государственный университет. – Волгоград, 2012.
163. Лойфман, И. Я. Круговорот как форма саморазвития материи / И. Я. Лойфман // Философские науки. – 1969. – № 5.

164. Лопата, П. П. Сущность и основные особенности социальной политики КПСС в условиях социализма / П. П. Лопата // Проблемы научного коммунизма. – М., 1979. – Вып. 13.

165. Лукашенко, А. Г. Послание белорусскому народу и Национальному собранию 19 апреля 2019 года [Электронный ресурс] / А. Г. Лукашенко // Президент Республики Беларусь : официальный интернет-портал Президента Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://president.gov.by/ru/newsru/view/poslanie-belorusskomu-narodu-i-natsionalnomu-sobraniju-20903/>. – Дата доступа: 21.04.2019.

166. Лутохина, Э. А. Мотивационно-стимулирующее регулирование инновационного развития: сила и власть мотивов / Э. А. Лутохина. – Минск : Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2013. – 206 с.

167. Мазуренко О.М. Повышение адаптивности хозяйственного механизма в контексте понимания взаимодействия экономики и устойчивого развития / О. М. Мазуренко // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2016. – Вып. 4. – С. 239–244.

168. Майминас, Е. З. К методологии обоснования долгосрочных перспектив экономического и социального развития СССР / Е. З. Майминас, В. Л. Тамбовцев, А. Г. Фонов // Экономика и математические методы. – 1986. – Т. XXII. – Вып. 2. – С. 207–219.

169. Малышиц, В. Спиртное, косметика, автозапчасти: эксперты – о том, как защитить наш рынок от контрафактной и фальсифицированной продукции [Электронный ресурс] / В. Малышиц // Газета «Рэспубліка». – Опубл. 30.05.2019. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/slomali-stolko-kopiy.html>. – Дата доступа: 14.08.2019.

170. Мамишев, А. И. Информационно-аналитическое обеспечение процесса оказания промышленной услуги / А. И. Мамишев // Журнал правовых и экономических исследований. – 2013. – № 4. – С. 145–148.

171. Мамишев, А. И. Перспективы развития сферы промышленных услуг / А. И. Мамишев // Известия Санкт-петербургского государственного экономического университета. – 2013. – № 5. – С. 136–138.

172. Маркс К. Капитал. Том 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т.23.

173. Маркс, К. Нищета философии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1955. – Т. 4.

174. Марш, П. Новая промышленная революция. Потребители, глобализация и конец массового производства / П. Марш. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. – 420 с.

175. Медведев, Е. К. Категории теории собственности (очерки методологии) / Е. К. Медведев. – Мн. : Право и экономика, 2000. – 230 с.

176. Мелешко, Ю. В. Актуальные тенденции развития услуг промышленного характера в Республике Беларусь в контексте терциализации промышленности / Ю. В. Мелешко // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. Минск, 2018. – Вып. 8. – С. 166–179. – С. 167.

177. Мелешко, Ю. В. Значение услуг промышленного характера в повышении конкурентоспособности промышленных предприятий (в контексте четвертой промышленной революции) / Ю. В. Мелешко // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2017. – Вып. 6. – С. 64–78.

178. Мелешко, Ю. В. Индустрия 4.0 – новая промышленная политика Германии: теоретическая основа и практические результаты / Ю. В. Мелешко // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2018. – Вып. 8. – С. 166–179.

179. Мелешко, Ю. В. Интернет вещей как фактор трансформации бизнес-моделей / Ю. В. Мелешко // Социально-экономическое развитие организаций и регионов Беларуси: эффективность и инновации: сборник научных статей. – Витебск: УО «ВГТУ», 2018. – С.120–122.

180. Мелешко, Ю. В. Инфраструктурное обеспечение промышленного интернета вещей / Ю. В. Мелешко // Экономический базис развития науки и технологий в России: материалы международной научной конференции, 19-20 октября 2018 г. / под ред. Н. А. Симченко. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2018. – С. 279–282.

181. Мелешко, Ю. В. Методика оценки стратегического значения услуг промышленного характера в контексте выбора организационной формы оказания эти услуг / Ю. В. Мелешко // Сборник статей победителей Международного конкурса студентов и молодых ученых, г. Минск, 2016. – Минск: БНТУ, 2016. – С. 58–71.

182. Мелешко, Ю. В. Методическое обеспечение совершенствования экономического механизма оказания услуг промышленного характера / Ю. В. Мелешко // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д. Экон. и юрид. науки. – 2016. – № 14. – С. 51–60.

183. Мелешко, Ю. В. Направления и механизмы развития услуг промышленного характера в условиях модернизации экономики: на примере Республики Беларусь/ Ю. В. Мелешко // Вестник факультета управления СПбГЭУ. – 2017. – № 1–2. – С. 201–205.

184. Мелешко, Ю. В. Основные формы сотрудничества предприятий реального сектора экономики Республики Беларусь и Российской Федерации в сфере производства космической техники / Ю. В. Мелешко // Право. Экономика. Психология. – 2018. – № 1 (9). – С. 37–42.

185. Мелешко, Ю. В. Оценка эффективности развития услуг промышленного характера в контексте модернизации национального промышлен-

ного комплекса / Ю. В. Мелешко // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Серия: Теория и практика управления. – 2017. – № 18 (23). – С. 39–47.

186. Мелешко, Ю. В. Перспективы развития облачных технологий как услуг промышленного характера / Ю. В. Мелешко // Менеджмент предпринимательской деятельности: Материалы XVI международной научно-практической конференции преподавателей, докторантов, аспирантов и студентов, Симферополь, 12–13 апр. 2018 г. – 2018. – С. 232–236.

187. Мелешко, Ю. В. Перспективы развития рынка интернета вещей в Республике Беларусь / Ю. В. Мелешко // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2018. – Вып. 7. – С. 49–62.

188. Мелешко, Ю. В. Понятие и экономический механизм оказания услуг промышленного характера/ Ю. В. Мелешко // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. Социально-экономические и общественные науки. – 2016. – №5 (98). – С. 118–123.

189. Мелешко, Ю. В. Понятие экономического механизма оказания производственных услуг: теоретико-методологическое обеспечение / Ю. В. Мелешко // Проблемы модернизации экономики сквозь призму экономических, правовых и инженерных подходов: сборник статей победителей Международного конкурса молодых ученых и студентов. 24 марта 2016 г., г. Минск / БНТУ; редкол: С. Ю. Солодовников (пред. редкол.) [и др.]. – Минск: БНТУ, 2016. – С. 56–72.

190. Мелешко, Ю. В. Проблемы и перспективы становления в Республике Беларусь логистического кластера / Ю. В. Мелешко // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2014. – Вып. 2. – С. 331–341.

191. Мелешко, Ю. В. Промышленный интернет вещей как услуга промышленного характера/ Ю. В. Мелешко// Инновации: от теории к практике : сб. науч. ст. VI Междунар. науч.-практ. конф., Брест, 5–7 октября 2017 г. // редкол.: А. М. Омелянюк [и др.]. – Брест: Альтернатива, 2017. – С. 221–223.

192. Мелешко, Ю. В. Сети как новые формы организации производства в неоиндустриальной экономике [Электронный ресурс] / Ю. В. Мелешко // Актуальные проблемы развития современного общества: Сборник научных трудов Межвузовского научного семинара 17 мая 2019 г. Научное электронное издание / Санкт-Петербургский горный университет. СПб, 2019. – С. 201–205.

193. Мелешко, Ю. В. Системообразующие принципы развития услуг промышленного характера / Ю. В. Мелешко // Устойчивое развитие экономики: состояние, проблемы, перспективы : сборник трудов XI международной научно-практической конференции, УО «Полесский государ-

ственный университет», Пинск, 21 апр. 2017 г. / Министерство образования Республики Беларусь [и др.]; редкол.: К. К. Шебеко [и др.]. – Пинск : ПолесГУ, 2017. – С. 84–86.

194. Мелешко, Ю. В. Совершенствование экономического механизма оказания услуг промышленного характера в Республике Беларусь / Ю. В. Мелешко, О. А. Борздыко // Модернизация хозяйственного механизма сквозь призму экономических, правовых, социальных и инженерных подходов: сборник материалов XI Международной научно-практической конференции, 23 ноября 2017 г.: в 2 т. – Минск: БНТУ, 2017. – Т. 1. – 2017. – С. 204–205.

195. Мелешко, Ю. В. Сценарии дальнейшего развития услуг промышленного характера в Республике Беларусь / Ю. В. Мелешко // Вестн. Пол. гос. ун-та. Сер. Д. Экон. и юрид. науки. – 2016. – № 13. – С. 62–68.

196. Мелешко, Ю. В. Трансформация определения понятия «услуг» в контексте концепции постиндустриального общества / Ю. В. Мелешко // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2016. – Вып. 4. – С. 245–256.

197. Мелешко, Ю. В. Услуги промышленного характера и четвертая промышленная революция / Ю. В. Мелешко // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Серия: Теория и практика управления. – 2018. – № 20 (25). – С. 71–77.

198. Мелешко, Ю. В. Формирование структурной политики с учетом особенностей секторальной структуры производства в неоиндустриальной экономике / Ю. В. Мелешко // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2019. – Вып. 9. – С. 23–33.

199. Мелешко, Ю. В. Эволюция услуг промышленного характера в Республике Беларусь в 1995–2015 гг. / Ю. В. Мелешко // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2017. – Вып. 5. – С. 127–144.

200. Министр связи: «Покрытие 4G на территории Беларуси еще далеко от желаемого. Нам есть где поработать» [Электронный ресурс] // TVnews.by. – Режим доступа: <https://tvnews.by/comm/13476-ministr-svjazi-pokrytie-4g-na-territorii-belarusi-esche-daleko-ot-zhelaemogo.html>. – Дата доступа: 15.08.2019.

201. Минсвязи: в Беларуси вскоре начнется коммерческая эксплуатация 5G [Электронный ресурс] // Naviny.by. Белорусские новости. – Режим доступа: <https://naviny.by/new/20181003/1538563885-minsvyazi-v-belarusi-vskore-nachnetsya-kommercheskaya-ekspluataciya5g>. – Дата доступа: 16.08.2019.

202. Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. В 5 т. – Т. III. Эпоха социальных переломов / Отв. ред. А. Г. Худокормов. – М., 2005. – 893 с.

203. Можаяева, Е. А. Основные направления инновационного развития в сфере инжиниринговых услуг / Е. А. Можаяева // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. – 2015. – № 6 (80). – С. 19–23.

204. Можейко, М. А. Синергетика / М. А. Можейко // Всемирная энциклопедия: Философия / Главн. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. – М. : АСТ, Мн.: Харвест, Современный литератор, 2001.

205. Моисеев, Н. Н. Человек. Среда. Общество / Н. Н. Моисеев. – М. : Наука, 1982. – 239 с.

206. Мокроносков, Г. В. Общественное разделение труда и структура общества / Г. В. Мокроносков // Изменение социальной структуры социалистического общества. – Свердловск, 1965.

207. Молевич, Е. Ф. Круговорот и необратимость в мировом движении / Е. Ф. Молевич. – Саратов, 1976.

208. Моллюхин, С. Т. Материя в ее единстве, бесконечности и развитии / С. Т. Моллюхин. – М., 1966.

209. Морова, А. П. Переход к новой модели социальной политики в Республике Беларусь: итоги и перспективы / А. П. Морова // Проблемы управления (Минск). – 2010. – № 4 (37). – С. 35–42. – С. 41.

210. Морова, А. П. Социальная политика в сфере трудовых отношений / А. П. Морова. – Мн.: ИСПИ, 2000. – 176 с.

211. Морова, А. П. Социальная составляющая устойчивого развития / А. П. Морова // Социология. – 2015. – № 4. – С. 13–20. – С. 18.

212. Мясникович, М. В. В новом веке движение вперед возможно только на научной основе [Электронный ресурс] / М. В. Мясникович // Союзное государство. общественно-политический журнал. – 2008. – Январь-февраль. – Режим доступа: www.soyuzgos.ru /2008/22/2207Mjasnikovich.html. – Дата доступа: 15.07.2019.

213. На «ТІВО-2017» velcom запустит узкополосную сеть для «интернета вещей» [Электронный ресурс] // Velcom. – Режим доступа: https://www.velcom.by/ru/about/news/tibo_2017_set.htm. – Дата доступа: 06.01.2018.

214. Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада в экономике» / С. Ю. Глазьев [и др] ; под ред. С. Ю. Глазьева, В. В. Харитоновна. – М.: Тривант, 2009. – 304 с.

215. Наумович, О. А. Смена технологических укладов как социально-экономический феномен / О. А. Наумович // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – 2016. – Вып. 4. – С. 34–38.

216. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.belstat.gov.by. – Дата доступа: 15.03.2019.

217. Нерсесов, Я. Н. Мода / Я. Н. Нерсесов. – М. : Олма-пресс Гранд, 2002. – 239 с.

218. Николов, Л. Структуры человеческой деятельности / Л. Николов ; пер. с болг. – М. : Прогресс, 1984. – 176 с.

219. Новикова, И. В. Глобализация как императив экономических реформ / И. В. Новикова // Белорусский экономический журнал. – № 3. – 1999. – С. 4–12.

220. Новые ресурсы экономической модернизации / С. Ю. Солодовников, Л. П. Васюченко, Ю. В. Мелешко, А. Н. Тур; под ред. С. Ю. Солодовникова. – Минск: БНТУ, 2016. – 324 с.

221. О введении маркировки обувных товаров средствами идентификации [Электронный ресурс] : Решение Совета Евразийской экономической комиссии, 8 авг. 2019 г., № 72. – Режим доступа: <https://docs.eaeunion.org/>. – Дата доступа: 15.07.2019.

222. О проведении на территории Российской Федерации эксперимента по маркировке средствами идентификации отдельных позиций продукции легкой промышленности : постановление Правительства Российской Федерации, 22 июня 2019 г., № 790. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://static.government.ru/media/files/65zjinN_z4xW6uJOvypEPZ9ZlcS6xXdOO.pdf. – Дата доступа: 17.08.2019.

223. О системе [Электронный ресурс] // Система электронного сбора платы за проезд в Республике Беларусь. – Режим доступа: <http://belto-ll.by/index.php/beltoll-system>. – Дата доступа: 06.01.2018.

224. О системе контроля кассового оборудования [Электронный ресурс] // СККО. – Режим доступа: <http://skko.by/about-system>. – Дата доступа: 06.01.2018.

225. О сроках подключения кассового оборудования юридическими лицами, осуществляющими деятельность в городах областного подчинения и г. Минске, к СККО [Электронный ресурс] // Министерство по налогам и сборам Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.nalog.gov.by/ru/sistema-kontrolya-kasovogo-oborudovaniya/vie-w/r-o-sroках-podkljuchenija-kassovogo-oborudovaniya-juridicheskimi-litsami-i-osuschestvlyajuschimi-dejatelnost-v-28200/>. – Дата доступа: 06.01.2018.

226. О товарных знаках и знаках обслуживания [Электронный ресурс] : закон Республики Беларусь, 5 февр. 1993 г., № 2181-ХІІ // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

227. О'Ши, К. Феномен ZARA / К. О'Ши ; [пер. с англ. В. С. Агеева]. – Москва : Издательство «Э», 2016. – 240 с.

228. Об утверждении Номенклатуры промышленной продукции и услуг промышленного характера для составления государственной статистической отчетности и обработки статистических данных (информации)

о производстве промышленной продукции и услуг промышленного характера: Постановление Национального статистического комитета Республики Беларусь от 13 декабря 2012 г. № 221 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

229. Обрушение здания в Саваре [Электронный ресурс] / Википедия – свободная энциклопедия. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Обрушение_здания_в_Саваре. – Дата доступа: 30.07.2019.

230. Орехин, П. Цифровизация идет пунктиром / П. Орехин, Н. Ульянов // Эксперт. – 2019. – № 22. – С. 28–31.

231. Орлов, В. В. Человек, мир, мировоззрение / В. В. Орлов. – М. : Молодая гвардия, 1985. – 220 с.

232. Осипов, В. М. Улучшающие инновации и развитие сектора услуг индустрии моды / В. М. Осипов, В. А. Титов // Инновации. – 2012. – № 10 (168). – С. 48–51.

233. Осипов, Г. В. Ведение. Развитие социологической науки в СССР / Г. В. Осипов // Советская социология: в 2-х т. Отв. ред. Т. В. Рябушкин, Г. В. Осипов. – М., 1982. – Т. 1.

234. Отдельные показатели Табло Инновационного Союза (IUS–2015) // Наука и инновационная деятельность в республике Беларусь : Статистический сборник. – Мн.: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2016. – С. 136–141.

235. Охрана окружающей среды в Республике Беларусь, 2018 : статистический сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск : Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2018. – 227 с.

236. Оценка уровня технологического развития отраслей экономики // Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь: Статистический сборник. – Мн.: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2016. – С. 12–18.

237. Панибратов, В. Н. Категория «закон». Проблемы истории и объективно-диалектического содержания / В. Н. Панибратов. – Л. : Наука, 1980.

238. Пелих, С. Реиндустриализация: анализ, проблемы, решения / С. Пелих // Экономист. – 2017. – № 5. – С. 90–96.

239. Перенос IT-систем государственных органов на Республиканскую облачную платформу: Совместное общество с ограниченной ответственностью «Белорусские облачные технологии» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tr.becloud.by/>. – Дата доступа: 06.01.2018.

240. Перечень отдельных товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации : утв. распоряжением Правительства

Российской Федерации, 28 апр. 2018 г., № 792-р. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2019.

241. Петров, Л. В. Мода как общественное явление / Л. В. Петров. – Л. : О-во «Знание» РСФСР Ленингр. организация, 1974. – 32 с.

242. Петрова, И. В. Эффективный аутсорсинг: Механизм принятия управленческих решений / И. В. Петрова. – Москва : РИОР : Инфра-М, 2017. – 108 с.

243. Петрушенко, Л. А. Самодвижение материи в свете кибернетики : философский очерк взаимосвязи организации и дезорганизации в природе / Л. А. Петрушенко. – М. : Наука, 1971. – 289 с.

244. Пикетти, Т. Капитал в XXI веке / Т. Пикетти. – М. : Ad Marginem Press, 2016. – 592 с.

245. Побываев, С. А. Реиндустриализация в США и ЕС/ С. А. Побываев, С. А. Толкачев/ Мир новой экономики. – 2015. – №2. – С. 29–36.

246. Подгайский, А. Л. Взаимодействие доминирующих и периферийных укладов как составляющая социально-экономической динамики // Гуманітарна-эканамічны веснік, 2008. – № 3 (42). – С. 8–13.

247. Подгайский, А. Л. Взаимодействие политической организации общества и экономической системы : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01 / А. Л. Подгайский. – Мн., 1993.

248. Подгайский, А. Л. Феномен социально-экономической диверсификации в контексте постиндустриального развития экономики / А. Л. Подгайский // Ключевые факторы и актуальные направления постиндустриального развития экономики Беларуси : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 24-25 апреля 2014 г., г. Минск) / Институт экономики НАН Беларуси. – Минск : Право и экономика, 2014. – С 148–150.

249. Покупатели подделок не поддерживают борьбу с контрафактом. Результаты инициативного опроса BrandMonitor [Электронный ресурс] / BrandMonitor. – Опубл. 15.07.2019. – Режим доступа: https://brandmonitor.ru/brandmonitor-research/Counterfeit_Luxury_Research.pdf. – Дата доступа: 15.08.2019.

250. Поманский, А. Б. Структурное разнообразие моделей и проблем управления / А. Б. Поманский, Г. Ю. Трофимов, Сьюй Чженцин. – М.: ЦЭМИ АН СССР, 1990.

251. Попов, В. Технология экономического чуда. Нетрадиционный взгляд на протекционизм, экспортную ориентацию и экономический рост / В. Попов // «Прогнозис». – 2006. – № 2 (6). – С. 191–206. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://carleton.ca/vpopov/wp-content/uploads/China-industrial-policy-Prognosis.pdf>. – Дата доступа : 20.11.2018.

252. Пороховский, А. А. Обработывающая промышленность в сервисной экономике / А. А. Пороховский // США & Канада. Экономика. Политика. Культура. – 2018. – № 6. – С. 23–40.

253. Посыпкина, А. «Лаборатория Касперского» решила с партнером создать «цифрового двойника» [Электронный ресурс] / А. Посыпкина, А. Балашова // РБК. – Режим доступа: www.rbc.ru/technologyandmedia/14/06/2018/5b2275fa9a79475f9a8af3ad. – Дата доступа: 26.08.2019.

254. Пригожин, И. Время, хаос, квант. К решению парадокса времени / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М. : Прогресс, 1994. – 266 с.

255. Программа развития легкой промышленности на 2015–2020 годы с перспективой до 2030 года (редакция от 24.05.2018 г.) : утв. Постановлением Советом концерна «Беллепром» 24 мая 2018 г. – Минск : Белорусский государственный концерн по производству и реализации товаров легкой промышленности, 2018. – 45 с.

256. Продуктовая структура затрат отечественных товаров и услуг (в процентах) // Система таблиц «Затраты–Выпуск» Республики Беларусь за 2015 год. – Мн.: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2017. – 104 с.

257. Продуктовая структура затрат отечественных товаров и услуг (в процентах) // Система таблиц «Затраты–Выпуск» за 2005 г. – Мн.: Министерство статистики и анализа Республики Беларусь, 2007. – 151 с.

258. Продуктовая структура затрат отечественных товаров и услуг (в процентах) // Система таблиц «Затраты–Выпуск» за 2010 г. – Мн.: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2012. – 153 с.

259. Промышленность Республики Беларусь, 2016 : статистический сборник. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2016. – 248 с.

260. Промышленность Республики Беларусь, 2019 : статистический сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск : Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2019. – 193 с.

261. Путин рассказал, что такое экономика доверия [Электронный ресурс] / Мир24. – Опубл. 25.05.2018. – Режим доступа: <https://mir24.tv/news/16306820/putin-rasskazal-chto-takoe-ekonomika-doveriya>. – Дата доступа: 21.04.2019.

262. Радаев, В. В. Закономерности и альтернативы переходной экономики / В. В. Радаев // Российский экономический журнал. – 1995. – № 9. – С. 64–65.

263. Радаев, В. В. К обоснованию модели поведения человека в социологии (основы «экономического империализма») / В. В. Радаев // Социологические чтения. Вып. 2. – М.: Институт «Открытое общество»: Институт социологии РАН, 1997. – С. 177–189.

264. Радаев, В. В. Можно ли спасти российскую легкую промышленность? / В. В. Радаев // Вопросы экономики. – 2014. – № 4. – С. 17–36.

265. Радаев, В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация / В. В. Радаев // Экономическая социология. – 2002. – Т 3. – № 4. – С. 20–32.

266. Радаев, В. В. Рынок как объект социологического исследования / В. В. Радаев // Социологические исследования. – 1999. – № 3. – С. 28–37.

267. Радаев, В. В. Социальная стратификация : учеб. пособие / В. В. Радаев, О. И. Шкаратан. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 318 с. – С. 41.

268. Радаев, В. В. Социология рынков: к формированию нового направления / В. В. Радаев. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 328 с.

269. Развитие сетей 5G в России [Электронный ресурс] // Tadviser. Государство. Бизнес. ИТ. – Режим доступа: http://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%A0%D0%B0%D0%B7%D0%B2%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%B5_%D1%81%D0%B5%D1%82%D0%B5%D0%B9_5G_%D0%B2_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8. – Дата доступа: 15.08.2019.

270. Развитие теоретических основ трансфера технологий в контексте перехода к устойчивому экономическому росту в Республике Беларусь и Российской Федерации / В. А. Клименко, В. Л. Гурский, Т. В. Сергиевич, Т. С. Лыткина // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. – 2017. – № 2. – С. 85–91.

271. Расширение сети 5G: политики и сетевые операторы преследуют разные цели [Электронный ресурс] // Germania.one. – Режим доступа: <https://germania.one/rasshirenie-seti-5g-politiki-i-setevye-operatory-presledujut-raznyye-celi/>. – Дата доступа: 15.08.2019.

272. Республиканская платформа [Электронный ресурс] // Совместное общество с ограниченной ответственностью «Белорусские облачные технологии». – Режим доступа: <http://becloud.by/activities/rp/>. – Дата доступа: 06.01.2018.

273. Розничная и оптовая торговля, общественное питание в Республике Беларусь, 2019 : статистический сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск : Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2019. – 222 с.

274. Розпнова, Н. Цифровая экосистема как новая конфигурация бизнеса в XXI веке / Н. Розпнова // Общество и экономика. – 2019. – № 2. – С. 14–29.

275. Румянцев, А. М. О предмете политической экономии / Высш. Парт. Школа при ЦК КПСС. Кафедра полит. Экономии. – М.: Изд-во ВПШ и АОН, 1960. – 126 с.

276. Руткевич, М. Н. Становление социальной однородности / М. Н. Руткевич. – М. : Политиздат, 1982. – 334 с.

277. Рыбец, Д. В. Этапы развития инжиниринговых (инженерно-консультационных) услуг на мировом рынке / Д. В. Рыбец, Е. И. Босин // Российский внешнеэкономический вестник. – 2016. – С. 101–111.

278. Рязанов, В. Т. Экономическая стратегия России: неоиндустриальный императив / В. Т. Рязанов // Новая индустриализация России: стратегические приоритеты страны и возможности Урала. – Екатеринбург, 2018. – С. 62–81.

279. Сажина, М. А. Природа современных финансов / М. А. Сажина // Экономические науки. – 2014. – № 9. – С. 25–33.

280. Саморазвивающиеся социально-экономические системы: теория, методология, прогнозные оценки : в 2 т. под общ. ред. А. И. Татаркина. – Москва : ЗАО «Издательство «Экономика» ; Екатеринбург : УрО РАН, 2011. – Т. 1 : Теория и методология формирования саморазвивающихся социально-экономических систем / А. И. Татаркин [и др.]. – 2011. – 308 с.

281. Свидерский, В. И. О некоторых особенностях развития / В. И. Свидерский // Вопросы философии. – 1985. – № 7.

282. Седов, Е. А. Информационно-энтропийные свойства социальных систем / Е. А. Седов // Общественные науки и современность. – 1993. – № 5. – С. 92–100.

283. Седов, Е. А. Одна формула и весь мир / Е. А. Седов ; послесл. Д. С. Конторова. – М. : Знание, 1982. – 175 с.

284. Селунская, В. М. Социальная структура советского общества: История и современность / В. М. Селунская. – М.: Политиздат, 1987. – 288 с.

285. Сергиевич, Т. В. Изменение природы меновой стоимости в пострыночном обществе сквозь призму политэкономических воззрений Ж. Бодрийяра / Т. В. Сергиевич // Тенденции экономического развития в XXI веке : мат. Межд. науч. конф., Минск, 28 февраля 2019 г. / Белорусский государственный университет. – Минск : Право и экономика, 2019 – 598 с. – С. 156–159.

286. Сергиевич, Т. В. Изменение форм государственной поддержки как фактор роста производства товаров интенсивного обновления / Т. В. Сергиевич // Стратегия развития экономики Беларуси : вызовы, инструменты реализации и перспективы : материалы Международной научно- практической конференции, г. Минск, 20-21 сентября 2018 года. В 2 т. Т. 1 / Ин-т экономики НАН Беларуси. – Минск : Право и экономика, 2018. – С. 372–374.

287. Сергиевич, Т. В. Изменение экономической мотивации в странах Старой Европы: попытка гносеологического анализа сквозь призму философских и политикоэкономических взглядов Ж. Бодрийяра / Т. В. Сергиевич // Европейский Союз и Республика Беларусь: перспективы сотрудничества = The European Union and the Republic of Belarus: Getting Closer for Better Future : сборник тезисов докладов II Международной конференции,

Минск, 2 июня 2016 г. / редкол. : В. Г. Шадурский [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2017. – С. 170–173.

288. Сергиевич, Т. В. Коллаборация в производстве товаров интенсивного обновления / Т. В. Сергиевич // Наука – образованию, производству, экономике : материалы 16-й Междунар. науч.-техн. конф. (71-й науч.-техн. конф. проф.-преп. состава, научных работников, докторантов и аспирантов БНТУ) в 4 томах. Том. 4, Минск / БНТУ. – Минск, 2018. – С. 105.

289. Сергиевич, Т. В. Методика выбора экономически предпочтительного региона для развития в нем сетевой кооперации предприятий, специализирующихся на производстве товаров интенсивного обновления / Т. В. Сергиевич // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2017. – Вып. 6. – С. 255–267.

290. Сергиевич, Т. В. Методическое обеспечение повышения экономической эффективности воспроизводственного цикла предприятия по производству товаров интенсивного обновления / Т. В. Сергиевич // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2017. – Вып. 6. – С. 91–107.

291. Сергиевич, Т. В. Мода как объект экономического исследования / Т. В. Сергиевич // Бизнес. Инновации. Экономика : сб. научн. ст. / Институт бизнеса и менеджмента технологий БГУ; редкол.: В. В. Апанасович (председатель). – Минск: Печатный Дом «Вишневка», 2017. – Вып. 1. – С. 170–179.

292. Сергиевич, Т. В. Мода как фактор интенсивного обновления товаров / Т. В. Сергиевич // Российская экономика: взгляд в будущее : материалы III Международной научно-практической конференции (заочной): в 2 частях. Часть 1, Тамбов, 17 февр. 2017 г. / М-во обр. и науки РФ; ФГБОУ ВО «Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина»; [отв. ред. Я. Ю. Радиокова]. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. – С. 275–282.

293. Сергиевич, Т. В. Некоторые актуальные аспекты трактовки категории «труд в постиндустриальном обществе» / Т. В. Сергиевич // Развитие экономики, политики, социума: состояние, проблемы, перспективы. – 2015. – № 2. – С. 73–80.

294. Сергиевич, Т. В. О необходимости совершенствования управления интеллектуальной собственностью в легкой промышленности [Электронный ресурс] / Т. В. Сергиевич // Модернизация хозяйственного механизма сквозь призму экономических, правовых, социальных и инженерных подходов. Электронное издание : сборник материалов XIV Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию Конституции Республики Беларусь. 21 марта 2019 г., г. Минск / М-во образования Республики Беларусь, Белорусский национальный технический университет; редкол. : С. Ю. Солодовников [и др.]. – Электрон. текст дан.

(объем 4 Mb). – Минск: БНТУ, 2019. – С. 67–68. – Режим доступа: <https://rep.bntu.by/>. – Дата доступа: 04.06.2019.

295. Сергиевич, Т. В. Особенности экономического стимулирования производства товаров интенсивного обновления: теоретическое и методологическое обобщение / Т. В. Сергиевич // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Серия: Теория и практика управления. – 2017. – № 18 (23). – С. 48–55.

296. Сергиевич, Т. В. Перспективы и направления развития производства товаров интенсивного обновления в Республике Беларусь / Т. В. Сергиевич // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д. Экон. и юрид. науки. – 2017. – № 14. – С. 32–40.

297. Сергиевич, Т. В. Развитие электронной торговли: проблемы и перспективы / Т. В. Сергиевич // Устойчивое развитие экономики: состояние, проблемы, перспективы : сборник трудов XIII междунар. науч.-практ. конф., г. Пинск, 26 апреля 2019 г. / ПолесГУ ; ред.: К.К. Шебеко [и др.]. – Пинск, 2019. – С. 100–102.

298. Сергиевич, Т. В. Совершенствование организационно-экономического механизма производства товаров интенсивного обновления : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Т. В. Сергиевич; БГУ. – Минск, 2018. – 30 с.

299. Сергиевич, Т. В. Специфика производства и продвижения товаров интенсивного обновления / Т. В. Сергиевич // Бизнес. Инновации. Экономика : сб.ст. / И-т бизнеса БГУ; редкол.: Г.А. Хацкевич (пред.) [и др.]. – Минск : Институт бизнеса БГУ, 2018. – Вып. 2. – С. 233–238.

300. Сергиевич, Т. В. Технологизация в современной экономике: на примере производства товаров интенсивного обновления / Т. В. Сергиевич // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ, 2019. – Вып. 9. – С. 192–199.

301. Сергиевич, Т. В. Труд в неоиндустриальном обществе / Т. В. Сергиевич // Научно-образовательный центр «Технологии товароведческой, таможенной и криминалистической экспертизы» : Сборник научных работ № 6. Под редакцией Г. Д. Дроздова. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2015. – С. 50–55.

302. Сергиевич, Т. В. Трудовая мотивация и производство товаров интенсивного обновления / Т. В. Сергиевич // Устойчивое развитие экономики: состояние, проблемы, перспективы: сборник трудов XII международной научно-практической конференции, УО «Полесский государственный университет», Пинск, 27 апр. 2018 г. / Министерство образования Республики Беларусь [и др.]; редкол.: К.К. Шебеко [и др.]. – Пинск : ПолесГУ, 2018. – С. 104–105.

303. Сергиевич, Т. В. Трудовой потенциал и управление трудом в текстильной и швейной промышленности как объекты экономического исследования / Т. В. Сергиевич // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2017. – Вып. 5. – С. 260–275.

304. Сергиевич, Т. В. Экономическая система общества, культура, мода: категориальный субординационно-онтологический анализ / Т. В. Сергиевич // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2019. – Вып. 9. – С. 12–22.

305. Сергиевич, Т. В. Экономическое стимулирование производства товаров интенсивного обновления: теоретико-методологические основы / Т. В. Сергиевич // Право. Экономика. Психология. – 2017. – № 3 (8). – С. 49–55.

306. Скоробогатова, Т. Н. Сервизация экономики как сформировавшаяся парадигма [Электронный ресурс] / Т. Н. Скоробогатова // Культура народов Причерноморья. – 2007. – № 104. – С. 67–71.

307. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. Прохоров А.М. – 4-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1989.

308. Современные глобальные трансформации и проблема исторического самоопределения восточнославянских народов / Ч. С. Кирвель [и др.]; под науч. ред. Ч. С. Кирвели. – 2-е изд., перераб. и доп. – Гродно: ГрГУ, 2009. – 547 с.

309. Современные процессы модернизации экономики зарубежных стран / В. Б. Кондратьев [и др.]; отв. ред. В. Б. Кондратьев. – М.: ИМЭМО РАН, 2012. – 364 с.

310. Соглашение о маркировке товаров средствами идентификации в Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс] : [заключено в г. Алматы 2 февр. 2018 г.]. – Режим доступа: <https://docs.eaeunion.org>. – Дата доступа: 15.07.2019.

311. Солодовников, С. Ю. Взаимообусловленность цивилизации, культуры, институциональной матрицы и экономической системы общества / С. Ю. Солодовников // Инновационные технологии в сервисе: сборник материалов IV международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 18–19 декабря 2014 г. / Под ред. А. Е. Карлика. – 2015. – С. 273–275.

312. Солодовников, С. Ю. Взаимосвязь структурной политики государства и модернизации реального сектора экономики / С. Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2018. – Вып. 7. – С. 84–94.

313. Солодовников, С. Ю. Влияние расширения Таможенного союза на экономическую конкурентоспособность Беларуси и Армении / С. Ю. Солодовников, Т. В. Иванова // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2016. – Вып. 4. – С. 211–217.

314. Солодовников, С. Ю. Герасимов Николай Васильевич / С. Ю. Солодовников // Всемирная энциклопедия: Философия XX век./ Главн. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. – М.: АСТ, Мн.: Харвест, Современный литератор, 2002. – 976 с.

315. Солодовников, С. Ю. Гносеологические трудности при изучении классов в постиндустриальном обществе / С. Ю. Солодовников // Социологический альманах. – 2012. – № 3. – С. 74–91.

316. Солодовников, С. Ю. Институциональные матрицы: сущность, персонификация и ее генезис (политико-экономические очерки) / С. Ю. Солодовников ; Ин-т экономики НАН Беларуси. – Минск: Право и экономика, 2006. – 530 с.

317. Солодовников, С. Ю. Классы и классовая борьба в постиндустриальном обществе: методологические основы политико-экономического исследования / С. Ю. Солодовников. – Минск: БНТУ, 2014. – 378 с.

318. Солодовников, С. Ю. Код Джона Кейнса. О допустимых интерпретациях экономических текстов / С. Ю. Солодовников // Белорусская думка. – 2018. – № 4. – С. 79–85.

319. Солодовников, С. Ю. Культ карго, или Новый объект экономической науки / С. Ю. Солодовников // Белорусская думка. – 2016. – № 1. – С. 56–62.

320. Солодовников, С. Ю. Мировые технологические тенденции и социально-экономический рост Республики Беларусь: итоги, проблемы, перспективы / С. Ю. Солодовников // Вестник КРАГСиУ Серия «Теория и практика управления». – 2007. – № 5 (10). – С. 4–15.

321. Солодовников, С. Ю. Направления создания, исследования и совершенствования в Республике Беларусь механизма хозяйствования, ориентированного на рост истинных накоплений / С. Ю. Солодовников // Актуальные проблемы, направления и механизмы развития производительных сил Севера – 2018 : сборник статей Шестой Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием): в 3 частях. Ч. 2., Сыктывкар, 19–21 сент. 2018 г., – 2018. – С. 179–183.

322. Солодовников, С. Ю. Новая парадигма инновационного развития белорусской экономики и подходы к ее формированию / С. Ю. Солодовников // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д. Экон. и юрид. науки. – 2011. – № 14. – С. 2–8.

323. Солодовников, С. Ю. Новая структурная политика и изменение институциональной динамики nanoиндустрии / С. Ю. Солодовников // Ресурсы Европейского Севера. Технологии и экономика освоения. – 2018. – № 1 (11). – С. 5–10.

324. Солодовников, С. Ю. Онтологическая и феноменологическая природа формирования социального капитала в Республике Беларусь /

С. Ю. Солодовников, Т. В. Сергиевич // Актуальные проблемы развития современного общества : сборник научных трудов Межвузовского научного семинара, г. Санкт-Петербург, 17 мая 2019 г. / Санкт-Петербургский горный университет ; отв. ред. Н. А. Вахнин, М. М. Хайкин. – СПб, 2019. – С. 16–20.

325. Солодовников, С. Ю. Перспективы и механизмы развития и капитализации социального потенциала Республики Беларусь / С. Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2013. – Вып. 1. – С. 5–33.

326. Солодовников, С. Ю. Понятие хаоса и его место в развитии сложных систем / С. Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2018. – Вып. 7. – С. 5–18.

327. Солодовников, С. Ю. Проблемы и перспективы развития социального потенциала в Республике Беларусь / С. Ю. Солодовников // Проблемы управления. – 2012. – № 2 (43). – С. 95–98.

328. Солодовников, С. Ю. Современная структурная политика и кризис наноиндустрии / С. Ю. Солодовников // Право. Экономика. Психология. – 2017. – № 3 (8). – С. 42–48.

329. Солодовников, С. Ю. Социально-классовые структуры Беларуси, России и Украины / С. Ю. Солодовников, А. В. Зенькова. – Гродно : ГрГУ, 2011. – 515 с.

330. Солодовников, С. Ю. Социально-экономические условия перехода Республики Беларусь к постиндустриальному обществу / С. Ю. Солодовников // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2007. – Т. 9. – № 2. – С. 443–448.

331. Солодовников, С. Ю. Социально-экономические факторы, определяющие изменение системы трудовой мотивации в новых социально-экономических и технологических условиях в Беларуси / С. Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2017. – Вып. 5. – С. 296–308.

332. Солодовников, С. Ю. Социальный капитал и аграрный кризис в России и СССР в первой четверти XX века: взаимообусловленность, протекание и формы разрешения / С. Ю. Солодовников // Новая экономика. – 2009. – № 1–2. – С. 15–25.

333. Солодовников, С. Ю. Социальный капитал как экономический ресурс / С. Ю. Солодовников // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д. Экон. и юрид. науки. – 2015. – № 5. – С. 2–9.

334. Солодовников, С. Ю. Тенденции и перспективы развития занятости и создания социально-научного сообщества в условиях модернизации транзитивной экономики: на примере Республики Беларусь / С. Ю. Солодовников // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д. Экон. и юрид. науки. – 2015. – № 6. – С. 2–9.

335. Солодовников, С. Ю. Теоретико-методологические основы исследования взаимосвязи теории трудовой мотивации и динамики трудовых отношений / С. Ю. Солодовников, Т. В. Сергиевич // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д. Экон. и юрид. науки. – 2016. – № 5. – С. 12–16.

336. Солодовников, С. Ю. Теоретико-методологические основы исследования социального капитала как политико-экономического феномена / С. Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2017. – Вып. 5. – С. 6–56.

337. Солодовников, С. Ю. Трансформация социально-классовой структуры белорусского общества: методология, теория, практика / С. Ю. Солодовников. – Мн. : ИООО «Право и экономика», 2003. – 274 с.

338. Солодовников, С. Ю. Феноменологическая природа взаимообусловленности экономической конкурентоспособности и социального капитала Беларуси и Украины / С. Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2015. – Вып. 3. – С. 23–34.

339. Солодовников, С. Ю. Цивилизация, культура, институциональные матрицы и экономическая система общества: феноменологическая природа, взаимообусловленность, социальный генезис / С. Ю. Солодовников // Вопросы сервиса и экономики. – 2012. – № 4. – С. 5–22.

340. Солодовников, С. Ю. Цивилизация, культура, экономическая система общества и институциональные матрицы: категориальная и реально-онтологическая иерархия / С. Ю. Солодовников // Фотинские чтения. – 2017. – № 2 (8). – С. 14–37.

341. Солодовников, С. Ю. Эволюция занятости и создание социально-научного сообщества в условиях модернизации транзитивной экономики: на примере Республики Беларусь / С. Ю. Солодовников, Т. В. Кузьмицкая // Развитие экономики, политики, социума: состояние, проблемы, перспективы. – 2014. – № 1. – С. 69–75.

342. Солодовников, С. Ю. Экономика рисков / С. Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2018. – Вып. 8. – С. 16–55.

343. Солодовников, С. Ю. Экономика рисков как новая политико-экономическая реальность: попытка категориального определения / С. Ю. Солодовников // Устойчивое развитие экономики: сборник трудов XIII международной научно-практической конференции, УО «Полесский государственный университет», г. Пинск, 26 апреля 2019 г. / Министерство образования Республики Беларусь [и др.]. – Пинск: ПолесГУ. – С. 110–111.

344. Солодовников, С. Ю. Экономика рисков: попытка категориального определения / С. Ю. Солодовников // Бизнес. Инновации. Экономика : сб. ст. / И-т бизнеса БГУ; редкол.: Г.А. Хацкевич (пред.) [и др.]. – Минск : Институт бизнеса БГУ, 2018. – Вып. 2. – С. 29–33.

345. Солодовников, С. Ю. Экономический романтизм, или есть ли в Беларуси экономические убийцы / С. Ю. Солодовников // *Беларуская думка*. – 2012. – № 9. – С. 52–63.

346. Солодовников, С. Ю. Экономический рост и истинные инвестиции: сущность и взаимообусловленность / С. Ю. Солодовников // *Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления*. Серия: Теория и практика управления. 2017. – № 18 (23). – С. 56–63.

347. Солодовникова, Т. В. Инструменты подмены оснований в современном экономическом дискурсе / Т. В. Солодовникова // *Право. Экономика. Психология*. – 2018. – № 1 (9). – С. 43–48.

348. Солодовникова, Т. В. Ложная аргументация как инструмент экономического дискурса / Т. В. Солодовникова // *Экономические исследования и разработки: научно-исследовательский журнал*. – Нижний Новгород: НОО «Профессиональная наука». – 2017. – № 2. – С. 125–143.

349. Солодовникова, Т. В. Теоретико-методологические основы изучения межкультурных информационных взаимодействий / Т. В. Солодовникова // *Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам : материалы XII Междунар. науч. конф., посвящ. 97-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 26 окт. 2018. г. / БГУ, ФМО; редкол. : В. Г. Шадурский (пред.) [и др.]*. – Минск : Изд. центр БГУ, 2018. – С. 107–108.

350. Солодовникова, Т. В. Теоретико-методологические основы прагматических и структурно-семантических характеристик дискурса социальной, политической и коммерческой рекламы [Электронный ресурс] / Т. В. Солодовникова // *Филологический аспект: международный научно-практический журнал*. – 2019. – № 1 (45). – Режим доступа: <http://scipress.ru/philology/articles/teoretiko-metodologicheskie-osnovy-pragmaticheskih-i-strukturno-semanticheskikh-kharakteristik-diskursa-sotsialnoj-politicheskoj-i-kommercheskoj-reklamy.html> – Дата доступа: 09.01.2019.

351. Солодовникова, Т. В. Экономический дискурс и информационная революция в Беларуси: общее, особенное и единичное / Т. В. Солодовникова // *Наука – образованию, производству, экономике: материалы XXIII (70) Региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов, Витебск, 15 февраля 2018 г. : в 2 т. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: И.М. Прищепа (гл. ред.) [и др.]*. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2018. – Т. 1. – С. 375–376.

352. Сорокин, П. А. Система социологии / П. А. Сорокин. – Пб., 1920. – Т. 2.

353. Социо-антропологические измерения конвергентных технологий. Модели, прогнозы, риски / В. И. Аршинов [и др.] ; отв. ред. И. А. Асеева, В. Г. Буданов. – Курск: ЗАО «Университетская книга», 2017. – 243 с.

354. Степин, В. С. Культура / В. С. Степин // Всемирная энциклопедия: философия / Главн. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. – Минск: Харвест, Современный литератор, 2001. – 543 с.

355. Стрелец, И. А. Новая экономика и информационные технологии / И. А. Стрелец. – М.: Экзамен, 2003. – 254 с.

356. Струве, П. Б. Научная картина экономического мира и понятие «равновесия» / П. Б. Струве // Экономический Вестник. – 1923. – Кн. 1. – С. 5–26.

357. Струве, П. Б. Первичность и своеобразие обмена и проблема «равновесия». Ответ А. Д. Билимовичу / П. Б. Струве // Экономический Вестник. – 1924. – Кн. 3 (1). – С. 33–50.

358. Струве, П. Б. Экономическая история России / П. Б. Струве. – Москва : Издательство «Э», 2017. – 576 с.

359. Структура использования товаров и услуг в основных ценах (в процентах) // Система таблиц «Затраты-Выпуск» за 2005 г. – Мн.: Министрство статистики и анализа Республики Беларусь, 2007. – 151 с.

360. Структура использования товаров и услуг в основных ценах (в процентах) // Система таблиц «Затраты-Выпуск» за 2010 г. – Мн.: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2012. – 153 с.

361. Структура использования товаров и услуг в основных ценах // Система таблиц «Затраты-Выпуск» Республики Беларусь за 2015 год. – Мн.: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2017. – 104 с.

362. Структурная политика в России: новые условия и возможная повестка / Доклад НИУ ВШЭ // Вопросы экономики. – 2018. – № 6. – С 5–28.

363. Суханов, И. В. Обычаи, традиции и преемственность поколений / И. В. Суханов. – М., Политиздат, 1976. – 216 с.

364. Сухарев, О. С. Индустриальная политика и развитие промышленных систем: Эволюция, институты и управление / О. С. Сухарев, Е. Н. Стрижакова. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 160 с.

365. Сухарев, О. С. Методология и возможности экономической науки / О. С. Сухарев. – Москва : Курс : Инфра-М, 2014. – 359 с.

366. Сухарев, О. С. Структурная модель экономического роста и индустриальная политика в России / О. С. Сухарев // Россия в XXI веке: глобальные вызовы и перспективы развития: Материалы Третьего Международного форума, Москва, 21–22 окт. 2014 г. – Москва, ИПР РАН, 2014. – С. 207–219.

367. Талер, Р. Новая поведенческая экономика: почему люди нарушают правила традиционной экономики и как на этом зарабатывать / Р. Талер. – Москва : Эксмо, 2018. – 384 с.

368. Татаркин, А. Уроки зарубежного опыта импортозамещения // А. Татаркин, И. Макарова, Р. Рудаков // Экономист. – 2016. – № 5. – С. 14–29.

369. Татьяна Лугина о белорусском льне, секонд-хенде, индустрии 4.0 и будущем Беллегрпрома [Электронный ресурс] / «Марков. Ничего личного». Общенациональное телевидение. – Опубл. 15.07.2019. – Режим доступа: <https://ont.by/news/tatyana-lugina-o-belorusskom-lne-sekond-hende-in-dustrii-40-i-budushem-bellegproma>. – Дата доступа: 29.08.2019.

370. Тепман, Л. Н. Инновационная экономика : учеб. пособие / Л. Н. Тепман, В. А. Наперов. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2014. – 279 с.

371. Титаренко, Е. IoT больше нужен государству, чем бизнесу [Электронный ресурс] / Е. Титаренко // Цифровая экономика. ComNews. – Режим доступа: <http://www.comnews.ru/digital-economy/content/109405#ixzz4rmAaYsYx>. – Дата доступа: 06.01.2018.

372. Титов, Л. Ю. Экономические инновационные структуры и институты сетевого типа: теория и методология : автореф. дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.01 / Л. Ю. Титов. – Орел, 2010.

373. Толкачев, С. Еще один шаг, американский, к реальной оценке вклада обрабатывающей индустрии / С. Толкачев // Экономист. – 2016. – № 4. – С. 20–23.

374. Травин, В. В. Менеджмент персонала предприятия : учеб.-практ. пособие / В. В. Травин, В. А. Дятлов. – 5-е изд. – М. : Дело, 2003. – 272 с.

375. Труд и занятость в Республике Беларусь, 2018 : статистический сборник/ Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск : Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2018. – 309 с. – С. 282.

376. Тугаринов, Л. П. Соотношение категорий исторического материализма / Л. П. Тугаринов. – Л., 1958.

377. Тюхтин, С. Т. Материалистическая диалектика и проблема направленности развития / С. Т. Тюхтин // Вопросы философии. – 1981. – № 1.

378. Уличное освещение в Минске переходит на M2M-технологии [Электронный ресурс] // REALT.BY. – Режим доступа: <https://realt.by/news/article/17584/>. – Дата доступа: 06.01.2018.

379. Устав Белорусского государственного концерна по производству и реализации товаров легкой промышленности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://bellegprom.by/docs/ustav_2018.pdf. – Дата доступа: 17.08.2019.

380. Фальцман, В. Подвижки 2000-х гг. в отраслях и технологиях / В. Фальцман // Экономист. – 2017. – № 5. – С. 16–26.

381. Фахрутдинова, Е. В. Проблемы методологии в развитии и модернизации экономики / Е. В. Фатхутдинова, С. Д. Мокичев // Экономические науки. – 2015. – № 1 (122) – С. 11–14.

382. Федченко, П. А. Борьба материализма против идеализма в учении о Вселенной / А. П. Федченко. – Свердловск: Книжное издательство, 1961. – 92 с.

383. Фелингер, А. Ф. Статистические алгоритмы в социологических исследованиях / А. Ф. Фелингер. – Новосибирск : Наука, 1985.

384. Филимонова, Е. Г. Рента природная, экологическая, экономическая – проблемы определения / Е. Г. Филимонова // Записки Горного института. – 2014. – Т. 208. – С. 75–80.

385. Фонов, А. Г. Ресурсный потенциал: планирование, управление / А. Г. Фонов- М.: Экономика, 1985.

386. Фридман, Т. Плоский мир: краткая история XXI века / Т. Фридман. – Москва : Хранитель [и др.], 2007. – 601 с.

387. Фролов, Д. Кризис наноиндустрии и ее будущее / Д. Фролов, И. Польшинцев // Экономист. – 2017. – № 5. – С. 27–37.

388. Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: Пер. с англ. / Ф. Фукуяма. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 730 с.

389. Фурман, А. Е. О соотношении прогресса и регресса в природе / А. Е. Фурман // Проблема развития в современном естествознании. – М., 1968.

390. Хаазен, А. М. Принцип максимума производства энтропии и движущая сила прогрессивной эволюции жизни и разума / А. М. Хаазен. – М.: Русина, 1993.

391. Хайек, Ф. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма / Ф. Хайек ; Пер. с англ. – М.: Изд-во «Новости» при участии изд-ва «Catallaxy», 1992. – 304 с.

392. Хаксевер, К. Управление и организация в сфере услуг / К. Хаксевер [и др.]. – 2-е междунар. изд. – Спб.: Питер: Питер бук, 2002. – 751 с.

393. Характер, структура и факторы формирования экономических отношений / Л. П. Васюченко [и др.] ; под ред. А. П. Моровой. – Минск : Навука і тэхніка, 1992. – 191 с.

394. Хуснуллова, А. Р. Четвертая промышленная революция и ее социально-экономические последствия / А. Р. Хуснуллова, С. Г. Абсальмова // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. – 2016. – № 2. – С. 59–63.

395. Честный знак. Национальная система цифровой маркировки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://chestnom-znake.rf/o-chestnom-znake/#1>. – Дата доступа: 17.08.2019.

396. Чуньков, Ю. И. Взаимодействие объективного и субъективного в социалистической экономике : (Политэкономический аспект исследования) / Ю. И. Чуньков. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1984. – 193 с.

397. Шапиро, С. А. Мотивация и стимулирование персонала / С. А. Шапиро. – М. : ГроссМедиа, 2005. – 224 с. – С. 20.
398. Шваб, К. Четвертая промышленная революция / К. Шваб. – М.: Эксмо, 2016. – 208 с.
399. Шевченко, Д. А. Продвижение брендов в фэшн-индустрии средствами связей с общественностью / Д. А. Шевченко // Практический маркетинг. – 2014. – № 5 (207). – С. 34–40.
400. Шибалкин, О. Ю. Проблемы и методы построения сценариев социально-экономического развития / О. Ю. Шибалкин // РАН, Ин-т народнохозяйственного прогнозирования. – М. : Наука, – 1992.
401. Шкляр, Т. Л. Разработка механизма и метода принятия управленческих решений по выбору организационных форм оказания услуг промышленного характера : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Т. Л. Шкляр. – М., 2013. – 143 с.
402. Штомпка, П. Социология социальных изменений / П. Штомпка // пер. с англ. под ред. В. А. Ядова. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 416 с.
403. Шульц, Т. Ценность детей / Т. Шульц // THESIS. – 1994. – Вып. 6. – С. 37–49.
404. Эко, Ум. Откровения молодого романиста / Ум. Эко. – М. : АСТ ; Corpus. – 2013. – 320 с.
405. Экономика [Электронный ресурс] / Официальный интернет портал Президента Республики Беларусь. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/economy_ru/. – Дата доступа: 15.08.2019.
406. Энштейн, А. Теория опалесценции в однородных жидкостях и жидких смесях вблизи критических состояний / А. Энштейн // Собрание научных трудов. – М. : Наука, 1966. – Т. 3.
407. Эпштейн, Д. Импортзамещение и неоиндустриализация – что необходимо делать / Д. Эпштейн // Экономист. – 2016. – № 2. – С. 23–32.
408. Эрхард, Л. Благосостояние для всех / Л. Эрхард. – М. : Начала-Пресс, 1991. – 336 с.
409. Юнусов, А. М. Теоретические основы формирования и становления сетевой экономики в России : автореф. дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.05 / А. М. Юнусов. – Москва, 2008. – 21 с.
410. Ядов, В. А. Настоящее и будущее теоретической социологии в России / В. А. Ядов // Социс. – 1995. – № 11.
411. Ямпольская, Д. О. Проблемы и перспективы классификации промышленных товаров / Д. О. Ямпольская // Маркетинговое сопровождение промышленных товаров российского происхождения на рынки стран Азии, Африки и Латинской Америки: сборник научных трудов; под ред. А.М. Зобова, Е.А. Дегтяревой, А.М. Чернышовой. – М.: РУДН, 2016. – С. 69–86.

412. Ясин Е. Г. О проблемах согласования компонентов хозяйственного механизма / А. Г. Фомин // Экономика и мат. методы. 1982. – Т. XVIII. – Вып. 3. – С. 389–400.

413. Яшева, Г. А. Конкурентоспособность предприятий легкой промышленности: оценка и направления повышения / Г. А. Яшева, Н. Л. Прокофьева, В. В. Квасникова. – Витебск : УО «ВГТУ», 2003. – 302 с.

414. Amara, R. Business planning for an uncertain; Contemporary social problems / R. Amara, A. Lipinski. – New York: Columbia univ. press. 1976. – P. 54–66.

415. Amed, I. Inditex: Agile Fashion Force [Electronic resource] / I. Amed, K. Abnett // BoF – The Business of Fashion. – Mode of access: <https://www.businessoffashion.com/articles/intelligence/inditex-agile-fashion-force>. – Date of access: 12.12.2017.

416. Banga, N. Fast Fashion – A Growing Phenomena? [Electronic resource] / N. Banga // Allen Austin. – Publ. date 22.07.2016. – Mode of access: <https://allenaustin.com/fast-fashion-a-growing-phenomena/>. – Date of access: 24.07.2018.

417. Baron, S., J. Field, and T. Schuller (eds.). Social Capital: Critical Perspectives. Oxford: Oxford University Press, 2000; Lin, N. Social Capital: A Theory of Social Structure and Action. N.Y.: Cambridge University Press, 2000.

418. Baudrillard, J. The Consumer Society. Myths & Structures / J. Baudrillard. – London : SAGE Publications, 1998. – 208 p.

419. Becker, G. Nobel Lecture: The Economic Way of Looking at Behavior / G. Becker // Journal of Political Economy. – 1993. – Vol. 101, No. 3 – P. 385–409. – Pp. 395–396.

420. Becker, G. The Human Capital. Chicago: University of Chicago Press, 1964; Schultz, T.W. Capital Formation by Education, Journal of Political Economy (December 1960). – Vol. 68. – Pp. 571–583.

421. Belarus IGF 2017: «Интернет вещей» – новый рынок. Все только начинается [Электронный ресурс] // Youtube BY. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=aZAiRDpe314/>. – Дата доступа: 06.01.2018.

422. Bell, D. The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting / D. Bell. – New York: Basic Books, 1973.

423. Bienzeisler, B. Dienen und mehr verdienen? Hybride Wertschöpfung im Maschinen- und Anlagenbau / Bienzeisler, B., Kunkis, M. – Stuttgart, 2008.

424. Blau, P. M. Parameters of Social Structure / P. M. Blau // American Sociological Review. – 1974. – Vol. 39. – № 5. – Pp. 615–635.

425. Block, F. The Role of the State in the Economy / F. Block // The Handbook of Economic Sociology / N. Smelser, R. Swedberg (eds.). – Pp. 23.

426. Bourdieu, P. Forms of Capital / P. Bourdieu // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / Ed. by J.G. Richardson. – N. Y. – 1983.

427. Brzezinski, Z. *Between Two Ages* / Z. Brzezinski. – New York, 1970.
428. Castells, M. *The Information Age: Economy, Society and Culture* / M. Castells // *The Rise of the Network Society*. – London and Oxford: Blackwell Publisher, 1996. – Vol. I. – P. 151–200.
429. Castells, M. *The Rise of the Network Society: 2nd ed.* / M. Castells. – Wiley-Blackwell, 2010. – 597 p.
430. Chung, Sh.-W. Fast fashion is «drowning» the world. We need a Fashion Revolution! [Electronic resource] / Sh.-W Chung // Greenpeace. – Publ. date 21.04.2016. – Mode of access: <https://www.greenpeace.org/international/story/7539/fast-fashion-is-drowning-the-world-we-need-a-fashion-revolution>. – Date of access: 15.01.2019.
431. Cobbing, M. Fashion at the Crossroads: a review of initiatives to slow and close the loop in the fashion industry / M. Cobbing, Y. Vicaire // Hamburg, Greenpeace e.V. Germany 2017. – 107 p.
432. Coleman, J. Social Capital in the Creation of Human Capital, *American Journal of Sociology*. Vol. 94. Supplement. – Pp. 95–120.
433. Conca, J. Making Climate Change Fashionable – The Garment Industry Takes On Global Warming [Electronic resource] / J. Conca // Forbes. – Publ. date 03.12.2015. – Mode of access: <https://www.forbes.com/sites/jamesconca/2015/12/03/making-climate-change-fashionable-the-garment-industry-takes-on-global-warming/#1d57b4e079e4>. – Date of access: 24.01.2019.
434. Dahrendorf, R. *Class and class conflict in industrial society* / R. Dahrendorf. – N.Y., – 1959. – 362 p.
435. Deutschland als Vorreiter in der Industrie 4.0 // Plattform Industrie 4.0. – Zugriffsmodus: <https://www.plattform-i40.de/PI40/Navigation/DE/In-der-Praxis/Anwendungsbeispiele/anwendungsbeispiele.html> – Zugriffsdatum: 17.08.2018.
436. Deutschlands Zukunft als Produktionsstandort sichern. Umsetzungsempfehlungen für das Zukunftsprojekt Industrie 4.0. Abschlussbericht des Arbeitskreises Industrie 4.0 [Elektronische Quelle] / Promotorengruppe Kommunikation der Forschungsunion Wirtschaft – Wissenschaft // Bundesministerium für Bildung und Forschung. – 116 s. – Zugriffsmodus: https://www.bmbf.de/files/Umsetzungsempfehlungen_Industrie4_0.pdf. – Zugriffsdatum: 08.08.2018.
437. Die Geschichte der Plattform Industrie 4.0 [Elektronische Quelle] // Plattform Industrie 4.0. – Zugriffsmodus: <https://www.plattform-i40.de/I40/Navigation/DE/Plattform/Plattform-Industrie-40/plattform-industrie-40.html/>. – Zugriffsdatum: 17.08.2018.
438. Digital transformation monitor. Germany: Industrie 4.0 // Europäische Kommission. – P. 3. – Mode of access: https://ec.europa.eu/growth/tools-databases/dem/monitor/sites/default/files/DTM_Industrie%204.0.pdf. – Date of access: 15.08.2018.

439. Drath, R. Industrie 4.0 – hit or hype? / R. Drath, A. Horch // IEEE Industrial Electronics Magazine. – 2014. – 8 (2). – P. 56–58.
440. Edler, D. Die Industrie – ein wichtiger Treiber der Nachfrage nach Dienstleistungen/ D. Edler, A. Eickelpasch// DIW Wochenbericht. – 2013. – Nr. 34. – S. 16–23.
441. Eickelpasch, A. Forschung und Entwicklung in der Industrie: Unternehmen stehen besser da denn je / A. Eickelpasch // DIW Wochenbericht. – 2013. – Nr. 31. – S. 695–708.
442. Eickelpasch, A. Funktionaler Strukturwandel in der Industrie: Bedeutung produktionsnaher Dienste nimmt zu / A. Eickelpasch // DIW Wochenbericht/ – 2014. – Nr. 33. – S. 759–770.
443. Eickelpasch, A. Industrie und industrienaher Dienstleistungen in der Region Frankfurt-Rhein-Main/ A. Eickelpasch, R. Behrend und D. Krüger-Röth. – Berlin: DIW Berlin, 2017. – 137 S.
444. Escaith, H. Trade patterns and global value chains in East Asia: From trade in goods to trade in tasks / H. Escaith, S. Inomata. – Geneva: World Trade Organization ; IDE-JETRO, 2011. – 128 p.
445. Evans, P. B. Embedded Autonomy / P. B. Evans. – Berkeley: University of California Press, 1995.
446. Fashion 4.0. Wie die Digitalisierung die Mode-Industrie (nicht) verändert. – Zugriffsmodus: <https://www.ism.de/aktuelle-insights-brmi/fashion-4-0>. – Zugriffsdatum: 24.07.2018.
447. Force, M. L'ordre improbable Entropie et processus sociaux / M. Force. – Paris, 1989.
448. Frye, T. The Invisible Hand and the Grabbing Hand / T. Frye, A. Schleifer // American Economic Review. Papers and Proceedings. – 1997. – Vol. 87. – № 2. – P. 354–358.
449. Global fashion industry statistics – International apparel [Electronic resource] / FASHIONUNITED. – Mode of access: <https://fashionunited.com/global-fashion-industry-statistics>. – Date of access: 24.09.2018.
450. Grömling, M.: Die Tertiarisierung der deutschen Wirtschaft – Was treibt den Strukturwandel an, und was bringer? Wirtschaftswissenschaftliche Beiträge des Lehrstuhls für Volkswirtschaftslehre, Wirtschaftsordnung und Sozialpolitik. – 2006. – № 87. – S.9.
451. Handbook of futures research/ Ed. by J. Fowles. – New York: Plenum press, 1978.
452. Hausmann, R. What You Export Matters / R. Hausman, J. Hwang, D. Rodrik // NBER Working Paper. – 2006. – January.

453. Hintergrund zur Plattform Industrie 4.0 [Elektronische Quelle] // Plattform Industrie 4.0. – Zugriffsmodus: [https://www.plattform-i40.de/I40/Navigation/DE/Plattform/ Plattform-Industrie-40/plattform-industrie-40.html](https://www.plattform-i40.de/I40/Navigation/DE/Plattform/Plattform-Industrie-40/plattform-industrie-40.html). - Zugriffsdatum: 17.08.2018.

454. How Nike Makes Money? Understanding Nike Business Model Core Elements. – Mode of access: <https://revenuesandprofits.com/how-nike-makes-money-understanding-nike-business-model>. – Date of access: 10.08.2018.

455. How Virtualization, Decentralization and Network Building Change the Manufacturing Landscape: An Industry 4.0 Perspective / M. Brettel, N. Friederichsen, M. Keller, M. Rosenberg // International Scholarly and Scientific Research & Innovation. – 2014. – № 8(1). – Pp. 37–44.

456. Hullman, A. Who is winning the global nanorace? / A. Hullman // Nature Nanotechnology. – 2006. – № 1. – P. 81–83.

457. In der Praxis [Elektronische Quelle] // Plattform Industrie 4.0. – Zugriffsmodus: <https://www.plattform-i40.de/I40/Navigation/DE/In-der-Praxis/in-der-praxis.html>. – Zugriffsdatum: 17.08.2018.

458. Industrie 4.0 gestalten. Souverän. Interoperabel. Nachhaltig: Fortschrittsbericht 2019 // Bundesministerium für Wirtschaft und Energie. – 52 S. – Zugriffsmodus: <https://www.plattform-i40.de/PI40/Redaktion/DE/Downloads/Publikation/hm-2019-fortschrittsbericht.html>. – Zugriffsdatum: 08.06.2019.

459. Industrienähe Dienstleistungen [Elektronische Ressource] // Wirtschaftslexikon. – Zugriffsmodus: <http://www.wirtschaftslexikon.com/d/industrienae-dienstleistungen/industrienae-dienstleistungen.htm>. – Zugriffsdatum: 25.05.2018.

460. International Trade Statistics 2015: World trade and the WTO: 1995–2014 – World Trade Organization: Centre William Rappard, 2015. – 170 p.

461. Kagermann, H. Deutschlands Zukunft als Produktionsstandort sichern. Umsetzungsempfehlungen für das Zukunftsprojekt Industrie 4.0. Abschlussbericht des Arbeitskreises Industrie 4.0 [Elektronische Quelle] / H. Kagermann, W. Wahlster, J. Helbig // Promotorengruppe Kommunikation der Forschungsunion Wirtschaft – Wissenschaft // Bundesministerium für Bildung und Forschung. April 2013. – 116 s. – Zugriffsmodus: https://www.bmbf.de/files/Umsetzungsempfehlungen_Industrie4_0.pdf. – Zugriffsdatum: 08.05.2019.

462. Kagermann, H. Industrie 4.0: Mit dem Internet der Dinge auf dem Weg zur 4. industriellen Revolution [Elektronische Quelle] / H. Kagermann, W.-D. Lukas, W. Wahlster // VDI Nachrichten. – Zugriffsmodus: <https://www.vdi-nachrichten.com/Technik-Gesellschaft/Industrie-40-Mit-Internet-Dinge-Weg-4-industriellen-Revolution>. – Zugriffsdatum: 25.07.2018.

463. Kahn, H. The year 2000: A framework for speculations on the next 33 years / H. Kahn, A. Wiener. – New York: Morrow & Co, Inc., 1967.

464. Kahn, H. World economic development: 1979 and beyond. – New York: Acad. Press, 1979.

465. Kirdina-Chandler, S. G. Western and non-Western economic institutional models in time and geographical space / S. G. Kirdina-Chandler // Terra Economicus. – 2019. – № 17 (1). – P. 8–23.

466. Kommunikation der Forschungsunion Wirtschaft – Wissenschaft // Bundesministerium für Bildung und Forschung. – 116 s. – Zugriffsmodus: https://www.bmbf.de/files/Umsetzungsempfehlungen_Industrie4_0.pdf. – Zugriffsdatum: 08.08.2018.

467. Konsequente Fokussierung auf Bedarf des Mittelstandes [Elektronische Quelle] // Plattform Industrie 4.0. – Zugriffsmodus: <https://www.plattform-i40.de/I40/Navigation/DE/Plattform/Ergebnisse/ergebnisse.html>. – Zugriffsdatum: 17.08.2018.

468. Kraus, I. Stratification, Class, and Conflict / I. Kraus. – N. Y. : Free Press, 1976. – P. 12.

469. Lake, K. Stitch Fix's CEO on Selling Personal Style to the Mass Market / K. Lake // Harvard Business Review. – 2018. – May–June. – Pp. 35–40.

470. Landkarte Industrie 4.0 [Elektronische Quelle] // Plattform Industrie 4.0. – Zugriffsmodus: <https://www.plattform-i40.de/I40/Navigation/Karte/SiteGlobals/Forms/Formulare/karte-anwendungsbeispiele-formular.html>. – Zugriffsdatum: 17.08.2018.

471. Machlup, F. The Production and Distribution of Knowledge in the United States / F. Machlup. – Princeton University Press, 1962. – 523 p.

472. Mario, H. Design Principles for Industrie 4.0 Scenarios: A Literature Review / H. Mario, T. Pentek, B. Otto. // WorkingPaper. Dortmund: Technische Universität Dortmund and Audi Stiftungslehrstuhl Supply Net Order Management. – 2015.

473. Mark Formelle [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://markformelle.by>. – Дата доступа: 24.07.2018.

474. Mesarovic, M. Mankind at the turning point: The second report to the Club of Rome / M. Mesarovic, E. Pestel. – New York: Acad/ Press, 1974.

475. Mödinger, P. Produktbegleitende Dienstleistungen im Industrie- und Dienstleistungssektor im Jahr 2002 / P. Mödinger, B. Redling // Wirtschaft und Statistik. – 2004. – № 12. – S. 1408 – 1413.

476. Nanomanufacturing: Emergence and Implications for U.S. Competitiveness, the Environment, and Human Health. Report to Congressional Requesters // United States Government Accountability Office. – 2014.

477. Nationale Industriestrategie 2030. Strategische Leitlinien fuer eine deutsche und europaeische Industriepolit [Elektronische Quelle] // Bundesministerium für Wirtschaft und Energie. – 20 S. – S. 10. – Zugriffsmodus:

https://www.bmwi.de/Redaktion/DE/Publikationen/Industrie/nationale-industriestrategie-2030.pdf?__blob=publicationFile&v=24. – Zugriffsdatum: 08.05.2019.

478. Past, present and future of Industry 4.0 – a systematic literature review and research agenda proposal [Electronic resource] / Y. Liao, F. Deschamps, E. de Freitas Rocha Loures & Luiz Felipe Pierin Ramos // *International Journal of Production Research*. – Published online: 28 March 2017. – Mode of access: <http://dx.doi.org/10.1080/00207543.2017.1308576>. – Date of access: 10.05.2019.

479. Personalization and Customization: How ‘Brand You’ Came To Be [Electronic resource] / *The Fashion Law*. An independent source for fashion law, business and culture. – Publ. date 02.01.2018. – Mode of access: <http://www.thefashionlaw.com/home/how-brand-you-came-to-be>. – Date of access: 24.07.2018.

480. Popular Indicators [Electronic resource] // *The World Bank*. – Mode of access: http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?Code=NY.GDP.MKTP.KD.ZG&id=1ff4a498&report_name=Popular-Indicators&populartype=series&ispopular=y. – Date of access: 05.05.2018.

481. Putnam, R. Who Killed Civic America? / R. Putnam // *Prospect*. – 1996. – March. – Pp. 66–72. – P. 66.

482. Roszak, T. *Where the Wasteland Ends: Politics and Transcendence in Postindustrial Society* / T. Roszak. – Garden City; New York: Doubleday & Company, 1972. – 492 p.

483. Schmitz, B. What is "Industrial Service"? A Discussion Paper [Electronic resource] / B. Schmitz, H. Fromm, T. Setzer, Alf J. Isaksson // *Conference: First Karlsruhe Service Summit Workshop – Advances in Service Research, At Karlsruhe, Germany*. – January 2015. – Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/292747715_What_is_Industrial_Service_A_Discussion_Paper. – Date of access: 09.09.2017.

484. Schor, J. B. *True Wealth. How and why millions of Americans are creating a time-rich, ecologically light, small-scale, high-satisfaction economy* / J. B. Schor. – NY : Penguin Books, 2011. – 272 p.

485. Sechs Fragen an Alexander Eickelpasch: «Immer weniger Industriebeschäftigte arbeiten in der Fertigung» // *DIW Wochenbericht*. – 2014. – Nr. 33.

486. Serhiyevich, T. V. Fashion industry development and sustainable development: different directed vectors / T. V. Serhiyevich // *Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ*. – Минск, 2018. – Вып. 8. – С. 79–79.

487. Services, etc., value added (current US\$)(NV.SRV.TETC.CD) [Electronic resource] // *The World Bank*. – Mode of access: <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators>. – Date of access: 05.05.2018.

488. Shleifer, A. *The Grabbing Hand: Government Pathologies and Their Cures* / A. Schleifer, R. Vishny. – Cambridge: Harvard University Press, 1998. – 278 p.

489. Siemens. Annual Report 2016 [Electronic Resource] // 2016 by Siemens AG, Berlin and Munich. – P. 2. – Mode of access: siemens.com. – Date of access: 01.06.2018.

490. Smart clothes and wearable technology / Edited by J. McCann and D. Bryson. –Elsevier, 2009. – 484 p.

491. Stille, F. Produktbegleitende Dienstleistungen gewinnen weiter an Bedeutung / F. Stille // Wochenbericht des DIW. – 2003. – № 70 (21). – P. 336–342.

492. Strähle, O. Service now! Time to wake up the sleeping giant / O. Strähle, M. Füllemann et al. – München. – 2012.

493. Tartaglione, A. M. Value creation process in the fast fashion industry. Towards a networking approach / A. M. Tartaglione, E. Antonucci // Service Dominant Logic, Networks & Systems Theory and Service Science: Integrating Three Perspectives for a New Service Agenda : The 2013 Naples Forum on Service, Naples, 2013 / Gummesson, E., Mele, C., Polese, F. (eds.). – Naples, 2013. – 91 p.

494. The Delphi method: Techniques and applications / Ed. by H. Linstone. – L., 1975.

495. The Essence of Hayek. Stanford, 1984.

496. The Knowledge Society / Ed. by G. Bohme & N. Stehr. D. Reidel Publishing Company, Holland, 1984
The National Nanotechnology Initiative Supplement to the President's 2017 Budget // National Science and Technology Council. 2016. – 104 p.

497. The State of Fashion, 2018 // BoF ; McKinsey&Company. – 2018. – 85 p.

498. Thomson, A. M. Collaboration Processes: Inside the Black Box / A. M. Thomson, J. L. Perry // Public Administration Review. – 2006. – Vol. 66. – P. 20–32. – P. 23.

499. Toffler A., Toffler H. Creating a New Civilization. The Politics of the Third Wave. Turner Publishing, Atlanta, 1993 [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.archipelag.ru/autors/toffler>. – Date of access: 17.10.2018.

500. Veblen, Th. The Theory of the Leisure Class / Th. Veblen. – 1899, фр. пер.: La Theorie de la classe de loisir; Paris, Gallimard, 1969.

501. Walras, L. Eléments d'économie politique pure. – Paris, 1952. – L. 40.

502. Walters, D. Demand chain effectiveness – supply chain efficiencies: A role for enterprise information management / D. Walters // Journal of Enterprise Information Management. – 2006. – № 19 (3). – Pp. 246–261.

503. Weber, M. The theory of social and economic organization / M. Weber // New York: Academic press, 1947. – Pp. 424–499.

504. World trade statistical review 2016 [Electronic resource] / World Trade Organisation. – Mode of access: <https://www.wto.org/english/ress/statise/wts2016e/wts16toce.htm>. – Date of access: 16.07.2018.

505. World trade statistical review 2017 // World Trade Organization. – 2017. – 177 p.

506. Zukunftsprojekte der Bundesregierung [Elektronische Quelle] // Die neue Hightech Strategie Innovationen fuer Deutschland. – Zugriffsmodus: <https://www.hightech-strategie.de/de/Zukunftsprojekte-der-Bundesregierung-972.php>. – Zugriffsdatum: 15.08.2018.

Научное издание

СОЛОДОВНИКОВ Сергей Юрьевич
СЕРГИЕВИЧ Татьяна Владимировна
МЕЛЕШКО Юлия Викторовна

**МОДЕРНИЗАЦИЯ БЕЛОРУССКОЙ
ЭКОНОМИКИ И ЭКОНОМИКА РИСКОВ:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Подписано в печать 05.12.2019. Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Ризография.
Усл. печ. л. 16,97. Уч.-изд. л. 13,27. Тираж 100. Заказ 813.

Издатель и полиграфическое исполнение: Белорусский национальный технический университет.
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя
печатных изданий № 1/173 от 12.02.2014. Пр. Независимости, 65. 220013, г. Минск.